This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Всѣ экземпляры журнала за текущій годъ разошлись по подпискѣ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ VI. ДЕКАБРЬ. 1887 ГОДА.

ПРОВЕРЕНО
Книгохранилище
1925
ПЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ
17-МАЯ-1917
№ 115.184
Отд (22.5.18)

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Послѣ брака. **Н. Северина** 5
II. Два стихотворенія **І. І. Ясинскаго** 56
III. Первые русскіе народники. **А. В. Старчевскаго** 57
V. Пѣсня. Стихотвореніе **О. Чюминой**. 77
V. Славный парень. Повѣсть **Біорнстьерна Біорнсона.** Съ норвежскаго. 78
VI. Рабство „свободнаго труда". **Г. П. Сазонова.** (*Оконч.*). . . 135
VII. Два стихотворенія **Ѳ. Червинскаго** 151
VIII. Три встрѣчи. (Изъ записокъ моего пріятеля). **Мирзы В. Туганъ-Барановскаго.** 152
X. Невѣста Нила. Романъ **Георга Эберса.** (*Окончаніе*). . . 184
X. Поѣздка въ Асхабадъ. (Путевые наброски). **А. В—ва.** 272
XI. Три стихотворенія **Ф. Андреева.** 292
II. Разсказы **Франсуа Коппе** 294
I. Русскіе журналы въ 1887 году. **О. В.** 310
V. Любовь и аскетизмъ. Повѣсть **К. Френцеля.** 340

(см. на оборотѣ)

12 «Наблюдателя» вышелъ 15-го декабря 1887 года.

Современное Обозрѣніе.

XV. Очерки иностранной литературы. **В. З.** . . . . . .

XVI. Парижскія письма. **К. Д—ча.** . . . . . .

XVII. Наши внутреннія дѣла . . . . . .
Нижегородскіе обѣды и „всероссійскія“ притязанія.—Безтактность
хальство.—Лодзинская мануфактура и московская.—Экономическая бор
Германіей и командировка мистера Ло. — Какъ торгуютъ спокон
Самсонъ-Силычи и какими мѣрами можно „укрѣпить“ за ними чужіе рын
Законъ 7 ноября и „самобытный“ протекціонизмъ.—Усиленіе погран
стражи и отличіе министерства финансовъ отъ всѣхъ другихъ.—Новы
выя пошлины на нашъ хлѣбъ и ихъ значеніе для нашего хозяйства.—
дѣлать?—Дополнительный раскладочный сборъ и правдивость гильдей
купечества.

XVIII. Политическая хроника . . . . . .
Берлинское свиданіе.—Болѣзнь крон-принца, преувеличенная съ полити
кой цѣлью.—Обнаруженный и гнѣвающійся канцлеръ.—Обвиненіе въ
дѣлкѣ документовъ.—Экономическая война противъ Россіи.—Бисмаркъ и
ская печать.—Президентскій кризисъ во Франціи.—Версальскій конгр
и кандидатура Ферри.—Избраніе Сади-Карно.—Австрія, не довѣряющая
маніи.—Чешская брошюра.—Разоблаченіе Бисмарковскихъ плановъ.—
что собственно сердится канцлеръ?—Его двуличіе и двоедушіе.—Румынія
политика.—Вражда короля и его министровъ къ Россіи.—Румынскія пре
зіи.—Положеніе Испаніи.—Казнь анархистовъ въ Сѣверной Америкѣ.—
скій журналистъ, награжденный болгарскимъ орденомъ за панегирики на
никамъ.

XIX. Новыя книги: 1) *Штейнъ*. **Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣк
мыслитель.** Опытъ біографіи. Томъ I. 1887. 2) *Артуръ Шоп
гауэръ*. **Афоризмы и максимы.** Переводъ *Ф. В. Черниовца*. И
Суворина. 1887. 3) **Воспоминанія графа Владиміра Александ
вича Сологуба.** Изд. Суворина. 1887. 4) *Н. М. Минскій*. **Ст
хотворенія.** 1887. 5) **Елисей Разбѣгаевъ,** романъ въ стихахъ. *Л. Г
лка*. 1887. 6) *Ан. П. Чеховъ*. **Въ сумеркахъ.** Очерки и разска
Спб. 1887. 7) *А. С. Вирениусъ*. **Заразныя болѣзни въ учебны
заведеніяхъ.** Причины появленія и распространенія заразныхъ бол
ней въ учебныхъ заведеніяхъ и мѣры къ ихъ предотвращенію со с
роны администраціи. Спб. 1887. 8) **По дальнему востоку.** Путев
записки и воспоминанія *М. Г. Гребенщикова*. Спб. 1887. . .

XX. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“). Стихотворенія: **Балалайкин
В. О., Капитона Соболѣзнова** и **Случайнаго Поэта.** . .

XXI. Объявленія: объ изданіи въ 1888-мъ году журналовъ и газетъ:
„Нива“; 2) „Восточное Обозрѣніе“; 3) „Русская Старина“; 4) „Буди
никъ“; 5) „Волжскій Вѣстникъ“; 6) „Русскія Вѣдомости“; 7) „Всем
ная Иллюстрація“; 8) „Осколки“; 9) „Еженедѣльное Обозрѣніе“; 1
„Южный Край“; 11) „Русскій Курьеръ“; 12) Орловскій Вѣстникъ
13) „Вокругъ Свѣта“; 14) „Сверчокъ“; 15) „Сельскій Хозяинъ“; 1
„Новороссійскій Телеграфъ“; 17) „Живописное Обозрѣніе“; 18) „Сы
Отечества“; 19) „Русскій Вѣстникъ“; 20) „Иллюстрированный Міръ“
21) о книгѣ *А. С. Вирениуса*. . . . . .

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ.

Библіотеки и кабинеты для чтенія пользуются (по выбору) *к
онной уступкой* или *разсрочкой годовой платы*, по только въ
случаѣ, если выписываютъ *не менѣе семи годовыхъ экземпляровъ жу*
Книжные магазины, *выписывающіе журналъ для находящихся
чныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія*, подчиняются тому же ус

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 12. ДЕКАБРЬ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

MF '78

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора переведены изъ Поварскаго переулка (№ 5) на уголъ Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1887.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНА.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1888 ГОДУ (ГОДЪ СЕДЬМОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежни и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *Я. В. Абрамовъ, проф. И. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобр зовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевск* (Буква), *П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ, (Г*), д-ръ А. С. В реніусъ, Е. М. Гаршинъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, М. Г. Гребенщ ковъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исае С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскі В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитин Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромер проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Н. Сѣверинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, В. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгам отъ 25-ти до 30 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода.	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к
Съ пер. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **16 р.**, получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена*, 2) **Серапись**, *Г. Эберса*, и 3) **Утѣха жизни**, *Э. Золя*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоютъ **3 руб. 50 коп.**

Уступка книгопродавцамъ 50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

STANFORD UNIVERSITY
STACKS
FEB 20 1974
AP50
N33
V.6:12
1887

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 20 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Гансъ-Филинъ**, *Ф. Шпильгагена*. Одинъ томъ, 1 р. 50 к.
2) **Утѣха жизни**, *Э. Золя*. Одинъ томъ. 1 р.
3) **Сераписъ**, *Георга Эберса*. Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *два* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣдующія книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова*. Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій*. Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

Общественная Библиотека

ПОСЛѢ БРАКА.

I.

День былъ чудесный. Стояла ранняя весна, но воздухъ былъ теплый, какъ лѣтомъ, и ароматы неслись отъ зелени, распускающейся вокругъ церкви. Послѣ вечерни, множество экипажей стало съѣзжаться къ паперти, и блестящая публика, шелестя шолковыми юбками и гремя шпорами, поднималась по каменнымъ ступенямъ, ведущимъ въ храмъ. Зашедшіе помолиться у вечерни прихожане, изъ тѣхъ, что̀ при каждой службѣ можно встрѣтить въ церкви: старики, сдавшіе мірскія дѣла дѣтямъ, и старушки, доживающія вѣкъ у родственниковъ, замѣшкались въ церкви въ ожиданіи дароваго зрѣлища—богатой свадьбы. Послѣднее время, толки объ этой свадьбѣ составляли злобу дня въ околодкѣ, гдѣ хорошо знали невѣсту и родню ея. Внутренность храма такъ радостно горѣла и сверкала разноцвѣтными искрами солнечныхъ лучей, проникавшихъ сюда сквозь высокое стрѣльчатое окно, выходившее на западъ, что, еслибъ даже не сняли чехловъ съ высокихъ подсвѣчниковъ и священникъ съ причтомъ не облачились бы въ парадное одѣяніе, церковь все таки имѣла бы праздничный видъ.

Вечеръ выдался прелестный для готовящагося бракосочетанія. Настоящій праздникъ юности и любви, вполнѣ достойный виновниковъ торжества — обоимъ имъ вмѣстѣ не хватало году до сорока лѣтъ. И такими они казались красивыми и счастливыми, когда ихъ ввели подъ высокіе, прохладные своды, при громкомъ стройномъ пѣніи хора, что на нихъ только и хотѣлось смотрѣть. Скромно отодвинувшись на задній планъ, завсегдатаи храма внимательными, любопытными взглядами провожали входившую публику, обмѣни-

ваясь шопотомъ, коментаріями и предположеніями на счетъ. Вѣнчавшаяся чета принадлежала къ самой важ знати. Между каретами, подвозившими гостей, виднѣлось сколько экипажей съ лакеями и кучерами въ придворн ливреяхъ. На извощичьихъ пролеткахъ подъѣзжало тол нѣсколько офицеровъ, старикъ-учитель съ внучкой, дѣвоч лѣтъ четырнадцати, сіяющей восторгомъ въ своемъ нов розовомъ платьѣ, — подаркѣ невѣсты, — да пожилая, про одѣтая женщина съ сыномъ, студентомъ медико-хирурги ской академіи.

Со стороны жениха, такого сорта гостей вовсе не бы а была одна только отборная знать,—изъ сливокъ слив И стояли они отдѣльно отъ гостей невѣсты, — такъ к принадлежали къ разнымъ обществамъ, напоминая тѣ к зиночки съ отборными ягодами чудовищно крупной земля ки, что красуются на окнахъ гастрономическихъ мага новъ,—всѣ на подборъ, одинъ другаго знатнѣе, извѣст и богаче: князья, графы, важные генералы, два минист нѣсколько членовъ государственнаго совѣта. Шаферами его стороны были титулованный флигель-адъютантъ, да лодой человѣкъ представительной наружности, съ розет иностранныхъ орденовъ въ петличкѣ, сынъ посланни Между свидѣтелями, расписавшимися въ алтарѣ, съ подо страстіемъ указывали на господина съ тупымъ взгляд заплывшихъ глазъ и лѣнивыми, апатичными манерами. П имени этого толстяка, невольно воскресало въ памяти пр ставленіе о богатѣйшихъ золотыхъ пріискахъ въ Сибири, гунно-литейныхъ заводахъ на Уралѣ, чудныхъ дворцахъ Крыму и въ Ниццѣ. Вотъ изъ какихъ тузовъ состояло щество жениха.

Впрочемъ, стоило только взглянуть на его мать, что понять, что иначе не могло и быть. Въ такой только сре и могла она чувствовать себя хорошо и привольно. У так дамы, какъ Елена Владиміровна Балтова, урожденная г финя Пальферино-Краснопольская, другихъ знакомыхъ, к мѣ богатыхъ и знатныхъ, не могло и быть. По изящест красотѣ и уму, у нея мало было соперницъ не только Россіи, но и за границей, гдѣ она жила почти постоян немилосердно кружа самыя умныя и геніальныя головы.

не взирая на то, что ей было около сорока лѣтъ, мужчины до сихъ поръ въ нее влюблялись, а женщины, — даже и тѣ, что были вдвое моложе и несравненно богаче, — завидовали ея свѣтскому такту, остроумію, неувядающей красотѣ, умѣнью одѣваться.

Сегодня въ церкви, во время вѣнчанія ея сына съ дочерью полковника Бранцевича, на нее смотрѣли почти столько же, сколько на невѣсту и ужь, конечно, любовались ею гораздо больше, чѣмъ этой послѣдней:—такою казалась она красивой и величественной въ пунцовомъ бархатѣ, со старинными брилліантами историческаго происхожденія, сверкавшими въ ея черныхъ, какъ смоль, волосахъ и украшавшими ея руки и шею. Приличный обстоятельствамъ, оттѣнокъ торжественной серьезности, выражавшійся въ ея дивныхъ, многими поэтами воспѣтыхъ, глазахъ и въ строгой линіи рта съ узкими губами и слегка выдающимся подбородкомъ, какъ нельзя лучше гармонировалъ съ правильнымъ оваломъ строгаго, надменнаго профиля. Какъ умѣло и непринужденно справлялась она съ дорогими принадлежностями своего элегантнаго туалета, съ вѣеромъ, букетомъ, хрустальнымъ флакончикомъ нюхательнаго спирта, захваченнаго на всякій случай, съ длинной перчаткой, снятой съ правой руки при входѣ въ церковь, а также съ тяжелымъ шлейфомъ, покрытымъ лентами и кружевами! Не то, что̀ маленькая блондиночка съ гирляндой fleur d'oranger на рыжеватой головкѣ, что̀ стояла рядомъ съ ея сыномъ передъ алтаремъ.

Бѣдная блондиночка! Ее такъ смущала и волновала непривычная роль, которую приходилось играть передъ публикой, что у нея голова слегка кружилась и она дѣлала неловкость за неловкостью. Безпрестанно выпадалъ у нея изъ рукъ кружевной платокъ, воскъ со свѣчки немилосердно капалъ на ея платье. Раза два она чуть было не подпалила свою тюлевую вуаль, разсѣянно поднося руку съ этой свѣчей ко лбу, чтобъ перекреститься. Окружавшіе ее дамы и дѣвицы улыбались, глядя, какъ она путалась въ складкахъ своей длинной юбки, когда священникъ, вложивъ ея руку въ руку жениха, повелъ ихъ вокругъ налоя. У нея гремѣло въ ушахъ, сердце замирало отъ волненія и все, что̀ съ нею дѣлалось, казалось ей чуднымъ сномъ. И, чтобъ убѣдиться, что

она не грезитъ, она припоминала подробности недавнихъ событій: его признаніе въ любви, ея отвѣтъ, разговоръ съ отцомъ, первое свиданіе съ его матерью, первый ихъ поцѣлуй при родителяхъ. Очень стыдно было, но какъ хорошо! Папа смѣялся. Ее и сконфузилъ, и немножко обидѣлъ этотъ смѣхъ. И жениху тоже какъ будто стало неловко; они больше при всѣхъ не цѣловались. Но зато, когда оставались на минутку вдвоемъ, только въ поцѣлуяхъ и проводили время. Ей хотѣлось о многомъ съ нимъ переговорить и она начинала разспрашивать его, за что онъ ее полюбилъ, что онъ думаетъ, а также объ его дѣтствѣ и теперешней жизни. Пыталась она также передать ему и свои мысли, надежды и чувства, но ничего изъ этого не выходило; прослушавъ ее разсѣянно минутъ пять-десять, онъ зажималъ ей ротъ поцѣлуями. Впрочемъ, вдвоемъ ихъ оставляли рѣдко и на самое короткое время; каждую минуту пріѣзжали гости или приходили изъ магазиновъ съ вещами, — надо было выбирать, покупать, примѣрять. Свадьбу справили быстро.

Столько было хлопотъ и такая сутолока въ домѣ, что ей даже и съ отцомъ ни разу не удалось побесѣдовать, какъ слѣдуетъ. Милый папа! Онъ совсѣмъ захлопотался послѣднее время. Никогда еще не видѣла она его такимъ озабоченнымъ. При постороннихъ онъ этого не показывалъ, но ее-то онъ обмануть не могъ. Сегодня утромъ, когда она вошла въ его кабинетъ, онъ такъ крѣпко обнялъ ее и голосъ такъ дрожалъ отъ волненія, что она расплакалась. Чтобъ утѣшить ее, онъ сталъ шутить и смѣяться... Вотъ онъ и теперь смѣется, ласково кивая ей каждый разъ, когда глаза ихъ встрѣчаются.

Полковникъ Бранцевичъ былъ красивый мужчина лѣтъ сорока двухъ, здоровый весельчакъ и балагуръ, большой волокита, поклонникъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ. Улыбаясь барышнямъ и барынямъ, тѣснившимся вокругъ него, онъ по временамъ взглядывалъ украдкой на величественную г-жу Балтову, и во взглядѣ его обычное выраженіе беззаботной самонадѣянности смѣнялось смущеніемъ и досадой. Кто бы могъ сказать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что настанетъ день, когда они породнятся! Ужь, конечно, ни у него, ни у нея ничего подобнаго не было на умѣ, когда судьба сталки-

вала ихъ въ свѣтѣ на раутахъ и балахъ. Симпатіи между ними никогда не было. Она относилась къ нему съ предубѣжденіемъ, какъ къ человѣку неизвѣстнаго происхожденія, достигшему виднаго положенія въ обществѣ, благодаря не столько личнымъ или унаслѣдованнымъ отъ предковъ преимуществамъ, сколько благопріятному стеченію обстоятельствъ, а онъ, слегка подсмѣиваясь надъ нею, надъ ея чванствомъ и претензіями, со смѣхомъ сознавался, что немножко побаивается ея. А, можетъ быть, и она его боялась?

Какъ бы тамъ ни было, но вполнѣ равнодушными другъ къ другу они никогда не были и порой ему казалось, что столкновеніе между ними неизбѣжно, а въ тѣ минуты, когда красота ея особенно сильно раздражала его, онъ такъ краснорѣчиво доказывалъ ей это взглядами, что она съ ненавистью отвертывалась отъ него. Но кого именно ненавидѣла она въ эти минуты: его ли за дерзость, или себя за то, что дерзость эта слишкомъ сильно заставляетъ биться ея сердце — неизвѣстно.

Однажды, кружась съ нею въ вальсѣ,—это было лѣтъ десять тому назадъ, когда она еще танцовала,—онъ почувствовалъ, что дама его крѣпче обыкновеннаго опирается на его плечо. Онъ заглянулъ ей въ глаза; въ этихъ глазахъ было что-то такое, чего прежде не бывало. Дальнѣйшимъ его наблюденіямъ помѣшала маленькая случайность: у нея сломался вѣеръ. Онъ попросилъ позволенія отдать его поправить, — разумѣется, чтобъ имѣть предлогъ явиться къ ней съ визитомъ. Она позволила, но, когда онъ пріѣхалъ, его не приняли. Передавъ отворившему дверь лакею починенный вѣеръ и свою визитную карточку съ остроумной и почтительной припиской, полковникъ отретировался и, рѣшивъ про себя, что ухаживать за красивой вдовой не стоитъ,—ужь слишкомъ она манерна и притязательна, — никакихъ больше попытокъ въ этомъ смыслѣ не предпринималъ и продолжалъ любоваться ею издали. Однако, когда,—нѣсколько лѣтъ спустя,— ему сталъ попадаться въ обществѣ молодой Балтовъ, онъ его тотчасъ же замѣтилъ.

Юноша былъ замѣчательно красивъ и изященъ, и полковникъ Бранцевичъ взялъ его подъ свое покровительство. Онъ и не подозрѣвалъ тогда, что единственная его дочь, маленькая

Маша, давно ужь влюблена въ этого юношу. Увидѣлись они въ первый разъ на институтскомъ балу, куда съ другими лицеистами попалъ и Балтовъ, протанцовали вмѣстѣ кадриль польку да еще мазурку, и съ этой ночи дѣвочка стала не бредить во снѣ и наяву. Правда, что хорошъ онъ былъ, „как ангелъ“. Густые каштановые волосы вились крупными кудрями; глаза—большіе, продолговатые, очень свѣтлые, съ длинными рѣсницами; цвѣтъ лица нѣжный, какъ у дѣвушки, восхитительно стройная фигура, — ну, божество, одним словомъ. Во время мазурки онъ разсказалъ ей, что въ этом году выходитъ изъ лицея; до выпуска ему остается еще три года, но учиться такъ скучно! Онъ поступитъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и гораздо скорѣе сдѣлаетъ карьеру веселясь въ большомъ свѣтѣ, чѣмъ слушая скучныя лекціи въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Что учиться скучно — въ этомъ она съ нимъ была вполнѣ согласна, да и противъ его плановъ насчетъ карьеры она спорить не могла, такъ какъ ничего въ этомъ не понимала, а голосъ его, звонкій смѣхъ и прищуриваніе глазъ, когда онъ говорилъ, такъ ей понравились, что когда, по окончаніи танца, онъ раскланялся съ нею и отошелъ къ другой дѣвицѣ, ей захотѣлось плакать и она нѣсколько дней сряду ненавидѣла подругу, съ которой онъ танцовалъ послѣ нея. Цѣлыхъ два года послѣ этого они не видѣлись и ей ужь казалось, что она начинаетъ его забывать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она вернулась домой и стала выѣзжать въ свѣтъ. Какъ за богатой невѣстой, за нею ухаживало множество молодыхъ людей, и статскихъ, и военныхъ, но случилось такъ, что на танцовальномъ вечерѣ она встрѣтилась съ Балтовымъ, и сердце ея такъ забилось подъ шолковымъ корсетомъ, что сомнѣваться въ ея любви къ нему было невозможно.

Онъ мало перемѣнился въ эти два года; вмѣсто застегнутаго на всѣ пуговицы мундира съ шитымъ воротникомъ, безобразно стягивавшимъ его нѣжную шею, на немъ былъ модный фракъ, жилетъ съ широкимъ вырѣзомъ и бѣлый узкій галстукъ, подвязанный такъ низко, что въ первую минуту казалось, будто галстука нѣтъ вовсе. Костюмъ этотъ восхитительно обрисовывалъ его гибкую и стройную фигуру. Лицомъ онъ все еще былъ похожъ на ангела, и, не взирая на закру-

ченные къ верху усики надъ алой и сочной, какъ вишня, верхней губой, что-то дѣвичье проглядывало въ его свѣтлыхъ глазахъ, съ яснымъ, до наглости дерзкимъ взглядомъ! И цвѣтъ лица его былъ все также ослѣпительно свѣжъ, какъ два года тому назадъ, и кожа такъ тонка, что при малѣйшемъ волненіи румянецъ сгущался на его щекахъ, какъ у дѣвушки. Волосы его вились, какъ и прежде, но онъ носилъ ихъ теперь тщательно расчесанными, съ проборомъ посреди á la Capoul. Они стали встрѣчаться въ свѣтѣ. Маша влюблялась въ него все больше и больше и такъ огорчалась, когда кто-нибудь относился къ нему безъ должнаго восхищенія, что всѣ считали своимъ долгомъ превозносить его до небесъ въ ея присутствіи.

Единственную дочь „милѣйшаго и добрѣйшаго“ Алексѣя Андреевича Бранцевича всѣ любили и баловали. Ей даже и въ институтѣ жилось отлично; и тамъ классныя дамы поступались для нея обычною своею строгостью, потому что сердиться на такую милую, добродушную и невинную дѣвочку не было никакой возможности. Сердце у нея было пречувствительное: всѣ гостинцы, присылаемые ей изъ дому, она раздавала подругамъ, такъ что отецъ ея не два раза въ недѣлю, какъ прочіе родители, а почти каждый день долженъ былъ снабжать ее сластями. Богатствомъ своимъ она нисколько не кичилась и врядъ ли даже помнила, что̀ это за штука — сорокъ тысячъ годоваго дохода. А между тѣмъ домъ ея стоялъ на одной изъ самыхъ видныхъ улицъ въ городѣ, и отецъ ея былъ такъ извѣстенъ, что, любуясь блестящими магазинами и дорогими квартирами въ этомъ домѣ, многіе завидовали тому счастливцу, которому удастся заполучить его вмѣстѣ съ рукой и сердцемъ владѣлицы. Счастливцемъ этимъ оказался сынъ г-жи Балтовой. Впрочемъ, и самъ онъ слылъ однимъ изъ лучшихъ жениховъ въ столицѣ. При его молодости, красотѣ, блестящемъ воспитаніи и солидныхъ связяхъ (родной дядя—министръ, мужъ тетки—посланникъ, мать—такая женщина, которой никто и ни въ чемъ отказать не можетъ), онъ не могъ не сдѣлать блестящей карьеры,—„особенно теперь, когда ему удалось подцѣпить богатую невѣсту“, не безъ ехидства прибавляли недоброжелатели.

Дѣло въ томъ, что о состояніи Балтовыхъ вѣрныхъ свѣ-

дѣній ни у кого не было. Оба, и мать и сынъ, жили на
рокую барскую ногу, ни въ чемъ себѣ не отказывая.
кошная обстановка, частыя поѣздки за границу, знако
со знатнѣйшими и богатѣйшими домами въ Петербургѣ,
это было для Балтовыхъ такимъ же обычнымъ дѣломъ,
и для каждаго изъ членовъ того общества, среди кот
они привыкли вращаться всю свою жизнь. Но откуда
лись средства на поддержаніе такого пріятнаго сущест
нія, этого никто не зналъ. Говорили о капиталахъ, п
щенныхъ за границей, объ имѣніяхъ въ Саратовской и А
ханской губерніяхъ, но все это были одни только слухи
кѣмъ не подтверждаемые. Сама г-жа Балтова принадле
къ числу тѣхъ женщинъ, съ которыми можно говорить о
только, о чемъ онѣ сами желаютъ распространяться.
свѣтлоокій херувимъ, ея сынъ, не отличался откровенно
и, пребывая въ отличныхъ отношеніяхъ со всѣми лю
одного съ нимъ положенія въ свѣтѣ, ни съ кѣмъ не с
вился на короткую ногу и никому не сообщалъ подр
стей своей интимной жизни.

Церемонія близилась къ концу. У дверей на пап
полурастворенныхъ отъ духоты, среди толпы горничны
кухарокъ, набѣжавшихъ сюда, чтобы поглазѣть на сва
словоохотливая старушка въ темномъ платкѣ на го
подробно объясняла общественное положеніе вѣнчавш
Ей въ особенности хорошо было извѣстно все, что кас
до невѣсты, Марьи Алексѣевны Бранцевичъ. Она долго
въ домѣ ея отца, сначала въ судомойкахъ, а потомъ ее
ставили къ барышнѣ въ качествѣ подняньки. До сихъ
поддерживаетъ она дружественное отношеніе съ горни
Лизой и съ женой баринова камердинера, Павла Лаврент
черезъ нихъ она и съ прислугой Балтовскихъ господ
знакомилась. Ее слушали съ большимъ интересомъ.

— Сегодня же за границу ѣдутъ. Вернувшись изъ це
выкушаютъ по чашечкѣ шеколаду, примутъ поздравленія
панскимъ, переодѣнутся по дорожному и уѣдутъ. Вс
стоящіе господа теперича такъ поступаютъ. И приданое
рышни туда уже отправили. Мы бѣгали смотрѣть, какъ
дывали. Очинно все прекрасно, особливо серебро. Бол
чѣмъ на десять тысячъ. Хороши также и шубы. Одна

ковая, алымъ бархатомъ крыта, другая чернобурой лисицы; такая красота—глазъ не отведешь! Шубы эти здѣсь оставили, потому къ зимѣ молодые сюда вернутся. Ужь и квартира имъ готова, и мебель заказана. Это ейная, жениховой матери забота. Тоже и имъ въ копѣечку устройство для молодыхъ-то стало; поди, чай, не одну тыщу на все это всадили.

— Подарки-то, чай, важные другъ дружкѣ дарили?—полюбопытствовала одна изъ слушательницъ.

— Что говорить! Разъ при мнѣ во—о—тъ какую отъ него шкатулку привезли!—развела руками на аршинъ разстоянія разскащица: — снаружи-то вся розовымъ бархатомъ обита съ золотыми гвоздиками, а внутри бѣлымъ атласомъ вystегана, и все въ ней бральянты, да жемчугъ, да бирюза...

— Ишь ты!

— Право, ей Богу! И кажинное утро букетъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ,—ужь это безпремѣнно.

— Ну, а она ему, невѣста-то?

— И она тоже. Ужь нашъ Лексѣй Андреичъ въ долгу не останется. Такого другаго барина—всю Россію обойтить—не найдешь. Да вотъ, къ примѣру сказать, какъ жила я у нихъ: къ Рождеству десять рублей, къ Пасхѣ десять, да къ Новому году трёшница всѣмъ намъ полагалась, а разъ какъ-то случилось, они мнѣ и на Новый годъ красненькую пожаловали, забыли значитъ. Я это смотрю, а они смѣются: „бери, говоритъ, коль даютъ, твое, значитъ, счастье“. Ей Богу! Ему это ни почемъ. Добрѣющій баринъ, что и говорить. И не горький! И барыня, покойная Анна Степановна, царство ей небесное! тоже добрѣющая была.

И, понизивъ таинственно голосъ, старушка продолжала:

— Изъ простыхъ она была. И по сейчасъ старый слѣпой дѣдка живъ, что вмѣстѣ съ ейнымъ отцомъ кабакъ держалъ въ Лугѣ. А мать-то, покойница Мавра Семеновна,—бабушка, значитъ, барышнѣ-то Марьѣ Алексѣвнѣ,—на Сѣнной квасомъ торговала. Потомъ они у Пяти угловъ трактиръ сняли и къ съ эфтаго самаго трактира расторговались, что годовъ къ черезъ десять самъ-то старикъ въ откупщики вылѣзъ и кабальщикомъ объявился. И всѣхъ дѣтей, всего отродья, можно сказать, одна только у нихъ была дочка,—Анюта. Понятно, родители не надышатся на нее. И бѣдному дѣти-

ще свое дорого, а богатому—и подавно. Заневѣстилась, женихи навертываться, все больше изъ ихняго звани купечеству. А баринъ-то, Лексѣй Андреичъ, не будь д да и приволокнись за ней. Молоденькимъ офицеркомъ тогда былъ, всего имѣнія—одинъ мундиръ съ эполе Смекаете, таперича, какъ все дѣло-то было? Старики туды—сюды, подождать да повременить, узнать, что з ловѣкъ, не хотѣлось тоже капиталы-то первому встрѣ предоставить: куда тебѣ! Дочка такъ въ Лексѣя Анд влюбилась, что и словъ никакихъ не принимаетъ. „Рук воритъ, на себя наложу, если вы, говоритъ, не отдадит ня за него". Ну, и отдали. А черезъ годъ у нихъ эта барышня родилась и Машенькой ее назвали. А въ ско и самъ старикъ померъ, да передъ смертью все до кро на жену отписалъ. И присовѣтовалъ кто-то ей, старух домъ купить на имя внучки. Вотъ эфтотъ самый домъ рича за барышней Марьей Лексѣвной и пошелъ въ прид

— Да и домъ же: цѣльный городъ! замѣтила одна слушательницъ.

— Что говорить! Ну, а, окромя этого дома, покойниц бушка ужь ничего не оставила. Деньги какія были, и все по монастырямъ раздала. Добродѣтельная была стару царство ей небесное! Безъ памяти внучку любила, осо какъ сироткой она послѣ матери осталась, а все же ных людей изъ-за нея не обижала. Всѣхъ своихъ родс никовъ облагодѣтельствовала: которые по ея милост купцы вышли, которые ремесламъ разнымъ дѣтей обу которые другимъ манеромъ пристроились. Вонъ, стари энтотъ съ внучкой, учитель,—на двоюродной теткѣ н барышни былъ женатъ, а та барыня, что за колонной ст со стюдентомъ,—за роднымъ братомъ ейной тетки был мужемъ; стюдентъ-то, значитъ, барышнѣ Марьѣ Лекс троюроднымъ братомъ приходится...

Но барышни Марьи Алексѣевны Брянцевичъ не больше: вѣнчаніе кончилось, и всѣ спѣшили поздравить лодую госпожу Балтову съ законнымъ бракомъ.

II.

Удалявшійся на всѣхъ парахъ поѣздъ совсѣмъ скр

изъ виду въ бѣлесоватой мглѣ весенняго петербургскаго вечера. Погода испортилась. Поднялся зловѣщій вѣтеръ; онъ нагналъ черныя тучи на небо, и пыль сѣдыми облаками закружилась надъ землей. Воздухъ съ каждой минутой становился тяжелѣе; началъ накрапывать дождь.

Въ вокзалѣ варшавской желѣзной дороги начинался обычный разъѣздъ публики послѣ ухода поѣзда. Люди всякаго званія и состоянія, нарядные и убогіе, спокойно-задумчивые и веселые, плачущіе и съ равнодушными лицами, брели назадъ къ выходу по длиннымъ, звонкимъ коридорамъ, по опустѣвшимъ заламъ, мимо буфетчицъ и продавщицъ газетъ и книгъ, запиравшихъ свои выручки, мимо прислуги, прибиравшей посуду со столовъ, мимо молчаливой стеклянной клѣтки кассира, гдѣ еще такъ недавно тѣснилась оживленная толпа спѣшащихъ путешественниковъ, навьюченная дорожными принадлежностями.

Небольшая кучка бездѣйствующихъ артельщиковъ вела оживленную бесѣду между собой у одного изъ высокихъ оконъ, безцеремонно возвышая голосъ, громко хихикая и не обращая ни малѣйшаго вниманія на проходившихъ мимо господъ, а у подъѣзда, при мерцающемъ свѣтѣ фонарей, шумная ватага извощиковъ, съ грязными жестянками въ закорузлыхъ, мозолистыхъ пальцахъ, настойчиво предлагала свои услуги каждому, кто появлялся въ стеклянныхъ дверяхъ вокзала. Отъ зазываній ихъ стоялъ несмолкаемый гулъ, съ каждой минутой усиливающійся, не взирая на грозные окрики блюстителей общественнаго порядка, тщетно пытавшихся осадить ихъ назадъ, къ чернѣвшей въ отдаленіи массѣ пролетокъ и лошадей.

Въ невозмутимомъ спокойствіи пребывали только величавые кучера, закутанные въ клеенчатые плащи, что возсѣдали на козлахъ господскихъ экипажей. Этимъ рваться некуда было, они всегда во время успѣютъ подъѣхать къ крыльцу по первому требованію швейцара или ливрейнаго лакея. Имъ и жандармы, въ случаѣ надобности, помогутъ попридержать застоявшихся лошадей, пока господа садятся, и даже услужливо захлопнутъ за ними дверцы. Такихъ экипажей, по случаю отъѣзда новобрачныхъ за границу, въ тотъ вечеръ стояло у вокзала особенно много. Друзья г-жи Бал-

товой и полковника Бранцевича не торопились разъѣзжаться. Одѣты они были тепло, отъискивать извощиковъ и торговаться съ ними, чтобъ добраться домой, не было надобности, а походить взадъ и впередъ подъ стеклянными сводами платформы, между незнакомыми лицами, среди шума и суеты бѣгающаго съ озлобленными лицами желѣзнодорожнаго персонала, казалось и забавнымъ, и интереснымъ.

Какъ и въ церкви, гдѣ происходило вѣнчаніе,—общество раздѣлилось на два лагеря: одинъ примыкалъ къ полковнику, другой окружалъ г-жу Балтову. Впрочемъ, и съ той и съ другой стороны, по мѣрѣ того какъ разговоръ изъ общаго сталъ переходить въ частныя бесѣды, общество начало мало по малу разсѣиваться небольшими группами въ разныя стороны. Г-жа Балтова осталась наединѣ со старикомъ въ теплomъ пальто и въ цилиндрѣ, съ которымъ у нея завязалась интимная бесѣда.

Что же касается до полковника, онъ сталъ очень задумчивъ и молчаливъ, послѣ того какъ, обнявъ дочь въ послѣдній разъ, обмѣнялся съ нею вполголоса прощальными словами, и, еслибъ на платформѣ не было такъ темно, многіе замѣтили бы его блѣдность и—какъ онъ вдругъ опустился, осунулся и постарѣлъ. Минутъ пять тому назадъ, когда онъ стоялъ у окна вагона, держа въ своей рукѣ руки дочери, и нѣжно цѣловалъ [illegible]къ, всѣ любовались его молодцоватостью, беззаботной улыбкой и звучнымъ голосомъ; теперь онъ сдѣлался неузнаваемъ и по временамъ сосредоточенная печаль, выражавшаяся на его красивомъ, мужественномъ лицѣ, переходила въ такое страданіе, что черты его искажались точно отъ нестерпимой физической боли. Никто этого не замѣчалъ. Въ толпѣ его пріятелей всеобщее вниманіе сосредоточивалось на разсказахъ недавно вернувшагося изъ заграничной командировки офицера, которому только что отъѣхавшій поѣздъ и вообще желѣзнодорожная сутолока напомнили множество интересныхъ эпизодовъ изъ недавняго путешествія.

Разскащикъ былъ въ ударѣ, рѣчь его сверкала юморомъ, анекдоты, одинъ другаго забавнѣе, сыпались у него въ перемежку съ краснорѣчивыми описаніями и остроумными замѣчаніями. Даже собесѣдникъ г-жи Балтовой, къ величайшей досадѣ, заинтересовался разговоромъ, происходившимъ въ

нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Отчасти этому обстоятельству приписывала она его разсѣянность и уклончивые отвѣты.

Впрочемъ, нельзя было не сознаться также и въ томъ, что мѣсто и время для серьезной бесѣды было выбрано ею несовсѣмъ удачно; но старикъ принадлежалъ къ крупнымъ представителямъ высшей администраціи: время его было разсчитано до послѣдней минуты и каждый часъ предназначенъ на дѣла первостепенной государственной важности, а потому нельзя было упускать случая лишній разъ ему напомнить о томъ, что отъ него зависитъ благосостояніе его хорошихъ знакомыхъ, что они разсчитываютъ на его вліяніе и считаютъ себя вправѣ злоупотреблять имъ. Цѣлыхъ два года атаковала его г-жа Балтова въ этомъ направленіи. При каждой встрѣчѣ, и при какихъ бы обстоятельствахъ ни столкнула ихъ судьба, она всегда умѣла, въ шутку или серьезно, вскользь или настойчиво напоминать ему, что причисленіе ея сына къ посольству въ Лондонѣ составляетъ ея завѣтную мечту и что она до тѣхъ поръ не успокоится и будетъ приставать къ нему и къ тѣмъ, отъ кого это зависитъ, пока мечта ея не осуществится.

Нѣсколько дней тому назадъ, сообщая ему о предстоящей женитьбѣ ея сына на дочери полковника Бранцевича, и заручившись его согласіемъ быть посаженымъ отцомъ жениха, она одновременно вырвала у него давно желанное обѣщаніе позаботиться о дальнѣйшей судьбѣ ея Миши въ служебномъ отношеніи; но потомъ старикъ какъ будто испугался своей уступки (такъ старательно избѣгалъ онъ всякаго разговора на этотъ счетъ), и вотъ только сегодня, на платформѣ желѣзной дороги, въ виду отъѣзжавшаго поѣзда, когда онъ сталъ утѣшать ее послѣ отъѣзда сына, представилась ей возможность свернуть рѣчь на излюбленную тэму. Она говорила съ такимъ жаромъ, съ такою страстною настойчивостью, что со стороны можно было подумать, что рѣчь идетъ о спасеніи ея сына отъ смертной казни или, по крайней мѣрѣ, объ обезпеченіи счастья всей его жизни. Отлынивать отъ нея уклончивыми фразами съ каждой минутой становилось труднѣе, и сановникъ, слушая ее, переживалъ по истинѣ тяжелыя минуты. Увертываясь отъ прямаго отвѣта, и не желая прогнѣвить ее отказомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ боялся выронить такое слово, которому можно было бы придать смыслъ обѣщанія.

— Все это возможно, дорогая моя Елена Владиміровна,— лавировалъ онъ дипломатически между той и другой крайностью,—но, какъ я вамъ уже и раньше говорилъ, это отъ меня одного зависитъ: графъ Ѳедоръ Ивановичъ...

Голосъ у него былъ тихій и слегка разслабленный, но старческій, а какъ у больнаго грудью юноши, и очень пріятный; манеры мягкія, улыбка саркастическая, а взглядъ сърыхъ, небольшихъ глазъ такой пронзительный, что не в могли его выдерживать. Онъ, вѣроятно, это зналъ, пото что рѣдко смотрѣлъ людямъ въ глаза, разговаривая съ ни а только мелькомъ и исподлобья взглядывалъ на нихъ.

— Графъ Ѳедоръ Ивановичъ ничего не можетъ им противъ того, чтобы мой сынъ состоялъ при немъ,—возр зила съ большою живостью г-жа Балтова.—Онъ его зна немножко: нынѣшней зимой Миша не пропускалъ ни одно четверга у графини. Безъ него танцы не устраивались, и са графиня мнѣ говорила, что, какъ дирижеръ, онъ незам нимъ.

Старикъ усмѣхнулся.—Въ такомъ случаѣ, чего же вы б покоитесь? Съ такой поддержкой, какъ графиня... ей сто только сказать слово... проговорилъ онъ, наклоняя голову разводя руками, въ знакъ сочувствія къ ея счастью.

— О, вы отлично знаете, что безъ вашего содѣйст ничего не выдетъ! Въ обществѣ моего Мишу знаютъ, ка отлично воспитаннаго молодаго человѣка, вотъ и все, но ѣ кихъ друзей, какъ вы, которые знаютъ его съ дѣтства и м гли бы поручиться за его правила, способности, характе такихъ у насъ немного,—произнесла она съ чувствомъ.

Старикъ обезпокоился еще больше.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, моя милая Елена Вл диміровна, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ и при пе вой возможности... хотя опять же повторяю, такое мѣсто... вообще дипломатическая карьера... на нее надо вступ только при извѣстныхъ условіяхъ.... Мы недавно еще толк вали съ княземъ... представительность большая нужна... Если вы только знали, сколько молодыхъ людей разорились на этих мѣстахъ! Я вамъ могу назвать...

— У моего сына теперь сорокъ тысячъ годоваго дохода, со сдержаннымъ раздраженіемъ прервала его г-жа Балтов

— Да, да, слышалъ, вы мнѣ говорили... Сорокъ тысячъ— это хорошо, очень хорошо. И вѣрныхъ, разумѣется?—прибавилъ онъ, вскидывая на нее пытливый взглядъ.

— Домъ застрахованъ въ семистахъ тысячахъ.

— Даже? Такъ что въ случаѣ пожара... Et la jeune fille, теперешняя madame Baltoff, очень мила! что-то юное, свѣжее... Прелестная парочка! Я залюбовался ими сегодня въ церкви... А отецъ ея, какъ онъ красивъ до сихъ поръ, чудо!—продолжалъ съ большимъ оживленіемъ сановникъ, обрадовавшись случаю свернуть разговоръ на менѣе опасную тему. И, кивнувъ съ улыбкой въ сторону Бранцевича, онъ прибавилъ: молодецъ! не старѣетъ вовсе: вотъ ужь лѣтъ пятнадцать, какъ я его такимъ знаю. Это и великій князь на послѣднемъ выходѣ во дворцѣ замѣтилъ... A propos, сколько ему можетъ быть лѣтъ, вы не знаете?

— Сорокъ пять, сорокъ шесть, можетъ быть,—нехотя процѣдила сквозь зубы его собесѣдница.

— А на видъ ему кажется еще меньше, — продолжалъ вертиться старикъ, не переставая оглядываться на сосѣднюю группу. — Красавецъ! Не мудрено, что онъ такъ нравится женщинамъ. Удивительно, какъ это онъ не женится во второй разъ, вѣдь онъ ужь давно овдовѣлъ?..

— Давно. Дочери его было три года, когда мать ея умерла. И, помолчавъ немного, она прибавила съ брезгливой гримасой: у него былъ романъ съ какой-то... Особа эта не изъ общества, никто ея не знаетъ. Говорятъ, это до сихъ поръ продолжается.

Сѣрые глазки сановника заискрились любопытствомъ.

— Вотъ какъ!.. и дѣти есть?

— Не знаю, право, все съ тѣмъ же равнодушнымъ пренебреженіемъ вымолвила г-жа Балтова.

— Скажите, пожалуйста! задумчиво и съ видомъ глубокаго соболѣзнованія покачалъ головой сановникъ.—Ничего нѣтъ опаснѣе подобныхъ связей: онѣ засасываютъ человѣка хуже всякихъ интригъ съ дамами полусвѣта.

Собесѣдница его съ усмѣшкой пожала плечами.

— Que voulez vous! Впрочемъ, для насъ это безразлично; у его дочери, слава Богу, свое состояніе... Вы понимаете, если бы было иначе, ни за что не согласилась бы я на эту

свадьбу. Чтобъ мой сынъ, мой Миша, зависѣлъ отъ перва встрѣчнаго parvenu, merçi bien! проговорила она съ гн химъ раздраженіемъ.

— Да, да, это было бы весьма неудобно, согласил старикъ.

— Mon Dieu! Мнѣ, конечно, было бы пріятнѣе, если онъ выбралъ себѣ жену изъ болѣе почтенной семьи, но ч же было дѣлать, судите сами! Она ему понравилась, а т теперешнимъ временамъ. Вѣдь онъ могъ влюбиться въ к кую нибудь учительницу, какъ сынъ Магдалины Егоровн или въ акушерку, какъ племянникъ Софьи Николаевны...

— Не говорите!

— Тутъ, по крайней мѣрѣ, институтское воспитаніе солидныя, обезпеченныя средства къ жизни. Домъ принадл житъ ей. Отецъ только управляетъ ея дѣлами. Довѣренност которую она ему дала, можно каждую минуту уничтожить

Ее не слушали. Собесѣдникъ ея съ возрастающимъ л бопытствомъ поглядывалъ на Францевича, стоявшаго на с момъ краю платформы, спиной къ остальному обществ упираясь пристальнымъ взглядомъ вдаль,—туда, куда тян лись рельсы, по которымъ мчался поѣздъ, уносившій е дочь.

— А красива та особа? спросилъ саноѣникъ, ед замѣтнымъ кивкомъ указывая г-жѣ Балтовой на тестя сына.

Вопросъ этотъ былъ произнесенъ все тѣмъ же тихим почти беззвучнымъ голосомъ, которымъ велась и вся остал ная бесѣда, и, выговаривая его, старикъ пригнулся къ сво собесѣдницѣ, чтобъ быть услышаннымъ одной только ею; Францевичъ и эти слова разслышалъ также явственн какъ и предъидущія, и губы его судорожно сжались по длинными усами. Г-жа Балтова не успѣла отвѣтить на пре ложенный ей вопросъ; кто-то вспомнилъ, что пора разъ жаться, и общество снова столпилось вокругъ родителей м лодыхъ, съ выраженіями сочувствія и дружбы. Отвѣчая н право и налѣво на сыпавшіяся на нее любезности, г- Балтова потеряла изъ виду своего стараго пріятеля; на е мѣстѣ очутился возлѣ нея новый родственникъ. Гл ихъ встрѣтились, но онъ былъ слишкомъ озабоченъ, что

одмѣтить, какъ выраженіе холоднаго недоброжелательства
верхнуло въ ея взглядѣ и какъ при этомъ она надменно
ыпрямилась, выпячивая нижнюю губу,—и машинально, со
войственною ему вѣжливостью, подалъ ей руку, чтобъ по-
вести ее къ выходу. Вокругъ нихъ болтали и смѣялись. Прія-
тели его сговаривались ѣхать доканчивать вечеръ къ при-
глашавшему ихъ толстому генералу.

— И тебя будемъ ждать, Алексѣй Андреевичъ! закри-
чалъ этотъ послѣдній, обгоняя Бранцевича.

И, поклонившись на ходу г-жѣ Балтовой, онъ поспѣшно
зашагалъ дальше, чтобы быть дома раньше созванныхъ гостей.

Елена Владиміровна замедлила шагъ.

— Я попросила бы васъ заѣхать сегодня ко мнѣ, про-
говорила она отрывисто и не глядя на своего спутника: намъ
о многомъ надо переговорить.

Онъ наотрѣзъ отказался отъ этого приглашенія: завтра
онъ къ ея услугамъ и въ какое ей будетъ угодно время, но
сегодня его ждутъ дома. У нея побѣлѣли губы отъ досады,
но она овладѣла собой и, помолчавъ немного, назначила ему
виданіе на другой день.

— Между двумя и тремя часами. Я никого не велю
принимать, и мы на просторѣ переговоримъ о дѣлѣ.

И, подъ впечатлѣніемъ недоконченной бесѣды съ старымъ
пріятелемъ, на нее напалъ вдругъ припадокъ откровенности.

— Андрей Андреевичъ обѣщалъ пристроить Мишу къ по-
ольству въ Лондонъ, потому что у меня тамъ связи. Съ ре-
омендательными письмами отъ меня, наши молодые будутъ
приняты въ лучшемъ обществѣ, а это первый шагъ къ бле-
тящей карьерѣ. Придется, конечно, первое время много
отратить на обстановку, мебель, экипажи, потому что са-
имъ выѣзжать въ свѣтъ, бывать при дворѣ и не принимать
себя—это невозможно...

Какъ всегда, когда она обращалась къ полковнику Бран-
евичу, въ тонѣ ея звучала натянутость, какое-то смущеніе,
лохо прикрытое сухостью и пренебреженіемъ; а онъ, заня-
ый другими мыслями, блуждая разсѣяннымъ взглядомъ по
оронамъ, не давалъ даже себѣ труда вслушиваться въ ея
лова и молча довелъ ее до кареты. Уѣзжая, она еще разъ
овторила ему, что ждетъ его завтра.

III.

Вечеръ этотъ полковникъ Бранцевичъ провелъ очень дѣя тельно. Вернувшись въ свою опустѣвшую квартиру, гдѣ н засталъ никого, кромѣ камердинера—вся прислуга, по случа барышниной свадьбы, разбрелась въ разныя стороны—Але ксѣй Андреевичъ не велѣлъ никого принимать и, запершис въ кабинетѣ, принялся за разборку бумагъ, хранившихся него въ бюро.

Вскорѣ все пространство на полу передъ каминомъ по крылось связками писемъ, свертками рукописей, пачками бу магъ, вытряхнутыхъ изъ портфелей и полокъ. Когда изъ бю ро все было вынуто, онъ принялся растапливать камин Дрова, заготовленныя на всякій случай въ корзинѣ заботли вымъ камердинеромъ, были сухи и быстро запылали. Тогд Алексѣй Андреевичъ началъ бросать въ него весь бумажны хламъ, вынутый изъ шкапа. Пламя, дѣятельно подправляемо щипцами, весело потрескивая, стало жадно поглощать до бычу. Безразлично истребляло оно нѣжныя записки, напи санныя на красивыхъ разноцвѣтныхъ бумажкахъ женскимъ почерками. Были тутъ и документы болѣе серьезнаго свой ства, — цѣлый ворохъ счетовъ, векселей, расписокъ, патен товъ. Все это на мгновеніе вспыхивало яркимъ блескомъ, затѣмъ, корчась и свертываясь, точно въ предсмертныхъ су дорогахъ, превращалось въ легкіе черные клубы, разлетаю щіеся въ разныя стороны. Тѣ, что оставались въ камин прилипая къ горящимъ головнямъ, расползались по ни черными волнообразными змѣйками. И, тщетно пытаяс вторично воспламенить ихъ, огонь пробѣгалъ по ни мигающими, быстро тухнувшими одна за другой искрам Цѣлую жизнь пережилъ Алексѣй Андреевичъ, сжигая эт бумаги; тутъ были письма отъ родителей, писанныя ем тридцать лѣтъ тому назадъ, когда его, девятилѣтнимъ маль чикомъ, привезли въ Петербургъ, а также и его собственны ребяческія посланія, найденныя въ сохранности въ родно гнѣздѣ, куда онъ ужъ офицеромъ пріѣхалъ хоронить мать, отецъ скончался раньше—и вступить въ права наслѣдств Увы! все наслѣдство заключалось въ этой пачкѣ писемъ

ое-какихъ вещахъ, отъ продажи которыхъ образовалась умма, едва хватившая на покрытіе издержекъ, сопряженыхъ со смертью каждаго человѣка.

Старики были не бережливы и въ дѣлахъ несчастливы; се ихъ состояніе ушло на угощеніе сосѣдей да на разныя неудачныя предпріятія. Много денегъ было роздано въ долгъ, безъ расписокъ, неизвѣстно кому и безъ всякой надежды на отдачу.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, мать писала ему, что у нихъ ничего не осталось. До сихъ поръ она присылала ему, сколько могла, лишая себя самаго необходимаго, теперь и лишать себя больше не въ чемъ: все продано съ молотка, новый владѣлецъ роднаго гнѣзда позволилъ ей прожить въ немъ еще годъ потому только, что домъ былъ ветхъ и раньше, какъ будущей весной, къ ремонтировкѣ его онъ не намѣренъ былъ приступать. Въ томъ же самомъ письмѣ, написанномъ на какой-то странной,—какой теперь больше не дѣлаютъ,—желтоватой и шероховатой бумагѣ, онъ перечиталъ ея совѣты: не увлекаться сердцемъ въ дѣлѣ женитьбы, а поступать по разсудку. И, чтобы убѣдительнѣе повліять на сына, несчастная женщина ставила себя въ примѣръ: „полюбила я человѣка, у котораго, кромѣ привычки къ мотовству, ничего не было, связалась съ нимъ на всю жизнь, и вотъ результаты—еле-еле хватило средствъ дать воспитаніе, приличествующее дворянину, единственному сыну!“... А дальше, нацарапанныя искаженнымъ отъ душевнаго волненія почеркомъ, съ трудомъ читались, наполовину смытыя слезами, слова: „если Господь меня въ скорости не уберетъ, боюсь тебѣ быть въ тягость“. Это была не фраза, а искреннее выраженіе того, что она чувствовала, когда писала это письмо,—страхъ стѣснить сына, желаніе сойти въ могилу, чтобы избавить его отъ лишнихъ заботъ и издержекъ: на тѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ удѣлить отъ своего жалованья, чтобъ прокормить ее и дать теплый уголъ, ему можно будетъ съѣздить лишній разъ въ театръ, показать себя на блестящемъ балу, покутить съ товарищами,—вотъ о чемъ она думала, умирая, и мысль эта ее радовала, заставляла забывать ужасъ смерти.

Письмо это онъ дольше всѣхъ прочихъ продержалъ въ холодѣющихъ отъ душевнаго волненія пальцахъ. Хотѣлось

отвѣчать на него,—теперь-то, черезъ двадцать лѣтъ!—хо
лось сказать той, что писала его: „я исполнилъ твой завѣ
все сдѣлалъ такъ, какъ тебѣ хотѣлось, и вотъ что изъ эт
произошло!“ Не упрекать хотѣлъ, о, нѣтъ! а чтобъ она
жалѣла и приласкала его, какъ бывало прежде, когда онъ при
галъ къ ней жаловаться на чью либо обиду, а она сажа
его къ себѣ на колѣни и до тѣхъ поръ гладила его бѣ
курую головку своей нѣжной, бѣлой ручкой, нашептывая е
на ухо нѣжныя слова, пока онъ не успокоивался и не засыпа
на ея груди. Хотѣлось все разсказать ей, всю прошедш
жизнь, со всѣми ея бурями, гадостями, подлостями, разоча
ваніями,—все, все, до послѣдней капли, даже и тѣ, пови
мому, ничтожныя и часто позорныя мелочи, въ которы
стыдно сознаваться передъ самимъ собой. Ей онъ сказа
бы все: она бы все поняла. И на всѣ вопросы нашелся бы
нея отвѣтъ я на каждую печаль—утѣшеніе. Она, только с
одна, и могла бы совершить это чудо, возродить его къ н
вой жизни, потому что въ ней только одной и нашелъ
онъ то, чего ему недоставало всю жизнь,—любовь. Она забы
бы о себѣ, чтобы пожалѣть его, и одна, среди окружавш
его толпы друзей, товарищей, любовницъ, поняла бы, ка
онъ страдаетъ и что ему надо все, все простить. Но ея нѣ
и сколько ни зови, она не придетъ, а другіе не простя
Слезы туманили ему глаза, и губы его складывались
горькую усмѣшку. Онъ былъ одинъ: рисоваться мужество
самообладаніемъ и твердостью духа ему было не передъ кѣ
и онъ не сдерживалъ ни слезъ своихъ, ни стоновъ, вырыв
шихся изъ его наболѣвшей груди.

Долго просидѣлъ онъ съ этимъ письмомъ въ рукахъ,
безсознательномъ оцѣпененіи и, наконецъ, вмѣстѣ съ пр
чими бросилъ и его въ огонь. И, когда жечь ничего боль
не осталось, онъ размѣшалъ клочья чернаго пепла съ зол
и угольями, подложилъ еще дровъ въ каминъ и принял
ходить большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, р
мышляя о томъ, что ему еще остается сдѣлать въ эту но
Онъ началъ съ самаго легкаго: то, что предстояло ему с
вершить, было такъ тяжело, что онъ невольно медлилъ.
время шло, и когда на часахъ пробило десять, онъ затор
пился. Ему представилось, что онъ не успѣетъ все конч

къ назначенному сроку, и мысль эта такъ испугала его, что онъ бросился къ письменному столу, поспѣшно вынулъ бумагу изъ бювара и сталъ писать дочери.

„Милая моя Маша!..“ Мысли затѣснились въ его головѣ такою гурьбою, что онѣ до боли давили ему мозгъ, и перо не успѣвало за ними угнаться, но письмо не клеилось. Одни только первыя слова и уцѣлѣли въ немъ, все остальное немилосердно перечеркивалось, по мѣрѣ того какъ писалось, и когда, наконецъ, весь листъ покрылся зачеркнутыми словами, онъ усталъ и потерялъ охоту придумывать новыя слова и выраженія. Да и къ чему? Развѣ она поймeтъ? Всегда смотрѣлъ онъ на нее, какъ на ребенка, никогда не пытался ознакомиться съ ея внутреннимъ міромъ и зналъ ее только съ внѣшней стороны, какъ милую, добрую, честную дѣвочку, ласковую и привязчивую, вотъ и все. Что жъ онъ ей скажетъ теперь? Жизнь ея только начинается съ этой ночи, она поглощена своимъ счастьемъ, и ей не до того, чтобъ вникать въ чужое горе.

Да и какъ объяснить ей это горе, этотъ мракъ, холодъ, одиночество, горечь раскаянія передъ цѣлой жизнью, прожитой не такъ, какъ слѣдовало, ужасъ отчаянія передъ неисправимымъ?.. Съ чего начать? Гдѣ взять словъ, чтобы все это выразить? Объяснить то, что и самъ-то онъ понялъ только теперь, когда ужь поздно и впереди ждать нечего—да развѣ это возможно? И развѣ ей дадутъ въ это вникнуть? Что такое для нея теперь отецъ, котораго она и раньше вовсе не знала и за то только любила, что онъ возилъ ей конфекты и игрушки въ институтъ, а потомъ ѣздилъ съ нею на балы, въ оперу и давалъ деньги на наряды? У нея теперь мужъ. Она его совсѣмъ иначе любитъ, и на все смотритъ его глазами. А у него, у ея мужа, своихъ мыслей тоже еще нѣтъ: за него долго еще будетъ думать и дѣйствовать мать. Что же касается до того, какъ г-жа Балтова взглянетъ на все это дѣло,—Алексѣю Андреевичу было извѣстно. Также хорошо извѣстно, какъ и то, что она ненавидитъ его. За что? Да хотя бы за то, что онъ никогда не былъ въ нее влюбленъ... Надо же было его дочери полюбить сына именно этой женщины! Судьба вовсе не такъ слѣпа, какъ думаютъ: она подставляетъ жестокія ловушки людямъ.

Онъ разорвалъ въ мелкіе клочки начатое письмо къ до-

чери, вынулъ новый листъ бумаги и, написавъ на немъ нѣсколько строкъ твердымъ, красивымъ почеркомъ, внимательно перечиталъ ихъ, положилъ въ конвертъ и надписалъ адресъ: *„Ея превосходительству, Еленѣ Владиміровнѣ Балтовой. Серіевская, № 00“*.

Письмо это ему не трудно было написать. Заклеивая его, онъ прошепталъ съ усмѣшкой: „сжигаю свои корабли“.

Опять часы прозвонили, и опять онъ подумалъ, что времени у него остается все меньше и меньше. Надо было еще съѣздить къ той женщинѣ, съ которой онъ жилъ послѣднія пять лѣтъ, и приготовить ее къ тому, что случится. Задача не легкая да и безцѣльная, можетъ быть... Однако, онъ все таки рѣшился ѣхать—не для нея, а для себя. Хотѣлось что-то выяснить, и явилась вдругъ непреодолимая потребность къ передвиженіямъ и къ изліяніямъ. Можетъ быть, потомъ легче будетъ; можетъ быть, она что нибудь придумаетъ... Въ душѣ онъ былъ увѣренъ, что ничего не случится такого, что бы спасло его, но мозгъ продолжалъ работать въ другомъ направленіи. Впрочемъ, выйти изъ дому въ эту ночь,—ему во всякомъ случаѣ надо было, хотя бы для того, чтобъ самому опустить письмо въ ящикъ. Онъ дѣятельно снаряжался въ путь; отыскалъ въ ящикахъ письменнаго стола и въ шкатулкѣ, окованной мѣдью, нѣсколько мелкихъ вещицъ—медальонъ съ потретомъ, гладкій золотой браслетъ, кольцо съ крупной бирюзой, завернулъ все это въ тонкую бумагу и положилъ въ карманъ. Надѣвая перчатки, онъ продолжалъ внимательно оглядываться по сторонамъ, соображая, не надо ли еще чего нибудь взять съ собой: возвращаться за забытой вещью поздно будетъ.

Взглядъ его, блуждая по комнатѣ, остановился на небольшомъ рисункѣ акварелью, изображающемъ уголокъ незатѣйливаго садика, съ профилемъ дачнаго дома въ дали. Картинка эта воскресила въ его памяти цѣлый рой воспоминаній... „Взять развѣ этотъ рисунокъ съ собой, чтобъ ей отдать? Она, можетъ быть, до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаетъ объ этомъ уголкѣ?... Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ той стѣнѣ, на которой висѣла акварель, и, не дойдя до нея, съ досадой передернулъ плечами и отвернулся. Передъ тѣмъ необъяснимо великимъ, могучимъ

торжественнымъ чувствомъ, что̀ поднималось со дна его души, все остальное казалось такъ мелко, пошло и фальшиво, что совѣстно было останавливаться на этомъ. И, чтобъ не смущать себя больше „глупостями“, онъ поспѣшно схватилъ фуражку, привычнымъ движеніемъ засунулъ бумажникъ въ боковой карманъ, потушилъ свѣчи на письменномъ столѣ и прошелъ въ прихожую, гдѣ, при свѣтѣ тусклой стѣнной лампы, дремалъ камердинеръ.

— Ложись спать, Лаврентьичъ, я пріѣду домой часу въ четвертомъ утра, объявилъ Алексѣй Андреевичъ, надѣвая пальто. Въ заявленіи этомъ ничего не было такого, что̀ возбудило бы удивленіе или любопытство стараго слуги: баринъ часто не ночевалъ дома, и Лаврентьичъ зналъ, гдѣ его можно найти въ случаѣ экстренной надобности.

— Слушаю-съ, равнодушно произнесъ онъ, видимо, думая о другомъ.

Алексѣй Андреевичъ прошелъ пѣшкомъ до того угла, гдѣ былъ почтовый ящикъ. Опустивъ въ него письмо къ г-жѣ Калтовой, онъ подозвалъ проѣзжавшаго мимо извощика и приказалъ вести себя въ одну изъ улицъ, примыкавшихъ къ Исаакіевскому собору. Дорогой онъ думалъ о томъ, что письмо его будетъ получено часу въ девятомъ утра—непремѣнно, можетъ быть, и раньше. Въ томъ, что оно дойдетъ по назначенію, онъ не сомнѣвался: такія письма никогда не пропадаютъ. И, какъ тогда въ кабинетѣ, онъ загадочно усмѣхнулся и подумалъ, что корабли его сожжены и что возврата нѣтъ. Дождь пересталъ, вѣтеръ разогналъ тучи съ неба, и блѣдная петербургская ночь, съ мигающими рѣдкими звѣздами, навѣвала на его душу торжественное спокойствіе: такое точно настроеніе испытывалъ онъ на войнѣ, послѣ кровавыхъ битвъ, когда смерть была отъ него такъ близка, что онъ привыкалъ смотрѣть на нее безъ ужаса и страха.

IV.

— Дома барыня?

Франтоватая горничная, отворившая ему дверь, не безъ смущенія отвѣчала, что у нихъ гости. Онъ не имѣлъ привыч-

ки являться сюда при посторонних: между нимъ и хозяйкой этой квартиры, Софьей Ивановной Павловой, такъ было условлено съ самаго начала. Афишировать отношенія, завязавшіяся между ними, ни ей, ни ему не было охоты. Никогда не видѣли ихъ вмѣстѣ ни въ театрѣ, ни на улицѣ. Ея родные и знакомые не встрѣчали его у нея, и своимъ друзьямъ онъ ее не показывалъ. Когда у нея собирались гости, она предупреждала его объ этомъ заранѣе, и онъ въ такіе дни воздерживался отъ посѣщеній: вотъ почему горничная такъ удивилась, увидавши его.

Изъ гостинной долеталъ шумный, оживленный говоръ, веселый смѣхъ съ визгливыми вскрикиваніями и музыка. Кто-то кончалъ пѣть подъ акомпанементъ фортепьяно. Обстановка эта дурно подѣйствовала на нервы Алексѣя Андреевича, и первымъ побужденіемъ его было бѣжать назадъ; но онъ позвонилъ такъ сильно и заговорилъ съ горничной такъ громко, что тамъ не могли не догадаться, что пришелъ новый гость. Уйти, не показавшись хозяйкѣ и ея обществу, было бы и глупо, и безтактно, тѣмъ болѣе, что растерявшаяся горничная забыла притворить за собою дверь въ столовую, и двѣ какихъ-то барыни, повидимому, близкія пріятельницы хозяйки,—онѣ разставляли тарелки съ закусками и бутылки на накрытомъ для ужина столѣ,—во всѣ глаза смотрѣли на него откуда.

Его тамъ не ждали. Звонокъ въ неурочный часъ (было около полуночи), а затѣмъ знакомое звяканье шпоръ въ прихожей привели хозяйку въ смущеніе. Всѣ замѣтили, какъ она покраснѣла, заволновалась, какъ тревожно оглядывалась на дверь и какъ ей хотѣлось прервать бесѣду съ увивающимся за нею длинноносымъ юристомъ, чтобъ идти на встрѣчу запоздавшему посѣтителю. Однако, когда онъ вошелъ, она довольно естественно проговорила, радушно протягивая ему руку.

— Алексѣй Андреевичъ! Вотъ милый сюрпризъ! я васъ не ждала сегодня.

Торжественное настроеніе, наполнявшее его душу, нарушалось все больше и больше и, отвѣчая на ея привѣтствіе, онъ съ тоской спрашиваетъ себя: для чего онъ пришелъ сюда? Всѣ кругомъ смотрѣли и ждали, что дальше будетъ. Ихъ въ

первый разъ видѣли вмѣстѣ, но всѣмъ было извѣстно, въ какихъ они отношеніяхъ между собой, и каждый любопытствовалъ посмотрѣть на комедію, которую они станутъ разыгрывать, чтобъ скрыть эти отношенія. Она начала первая и—надо ей отдать справедливость—овладѣла ролью съ перваго разу, безъ колебанія и весьма искусно.

— Ахъ, Боже мой! Да вы здѣсь никого не знаете! Надо васъ познакомить,—заговорила она развязно и съ большимъ оживленіемъ.—Мадамъ Зміева... мадмуазель Травская... мосье Лапкинъ... мосье Модниковъ... Messieurs, mesdames, позвольте вамъ представить моего добраго пріятеля, Алексѣя Андреевича Бранцевича,—говорила она съ любезной улыбкой столпившемуся вокругъ нихъ обществу.

И, вспомнивъ про группу гостей, окружавшихъ дѣвицу у рояля, она прибавила:—А тамъ молодежь, пойдемте, я васъ познакомлю.

— Оставьте меня въ покоѣ,—прошепталъ онъ съ раздраженіемъ.

Она не привыкла къ такому тону и смутилась немножко, но очень скоро оправилась и защебетала еще громче и веселѣе прежняго, чтобъ разсѣять догадки зорко слѣдившихъ за ними сплетницъ.

— Вы не желаете имъ теперь мѣшать? Прекрасно. Я васъ представлю нашей милой Вѣрѣ Павловнѣ послѣ, когда она намъ споетъ еще что нибудь... M-lle Вѣра, пожалуйста, что нибудь изъ Глинки!.. Она насъ сейчасъ въ восторгъ привела аріей Вани, знаете: „Отворите!..“ Чудо, какъ она это исполнила, не хуже Лавровской, право!—обращалась г-жа Павлова то къ Бранцевичу, то къ барышнѣ у рояля.—Какъ жаль, что вы не слышали!.. Но она намъ споетъ еще что нибудь, не правда ли? Изъ Глинки, умоляю васъ! Я обожаю Глинку и къ стыду моему должна сознаться, что одного только его и понимаю изъ русскихъ композиторовъ.

Вызовъ этотъ, брошенный уже всему остальному обществу, чтобъ произвести диверсію въ направленіи мыслей, былъ немедленно подхваченъ и завязалась оживленная перестрѣлка заученныхъ фразъ, условныхъ восторговъ, до пошлости заѣзженныхъ мнѣній. Всѣ кричали за разъ, волновались, закидывали другъ друга безтолковыми вопросами, нелѣ-

пыми возраженіями, не давая никому высказаться, перебивая другъ друга безъ смысла, съ возрастающимъ раздраженіемъ, даже съ ненавистью.

— Русланъ! Что можетъ быть выше Руслана? Найдите что нибудь выше Руслана!..

— Кюи? Вы стоите за Кюи? Да развѣ его можно считать за композитора, помилуйте!

— Однако, даже и въ Европѣ...

— Что ваша Европа! Европѣ у насъ учиться надо...

— А Мусоргскій?.. А Даргомыжскій? А Бородинъ?..

— Чайковскій, господа! Чайковскій!

— Рубинштейнъ...

— Богъ! геній!

Голоса, поднимаясь все выше и выше, сливались въ сплошной гулъ, среди котораго раздавались отдѣльныя, не-вяжущіяся между собою, отрывки фразъ и восклицаній.

.... — Рубинштейнъ... Демонъ... Агарь... Скука... Высидѣть нельзя до конца... Вандализмъ... Невѣжество... Недостатокъ музыкальнаго образованія... Все итальянцы виноваты!..

.... — Помилуйте! понимаю же я Бетховена!..

.... — А Шопенъ? А Мендельсонъ?

.... — Итальянцы! Мелодія... Душа...

.... — Запретить надо... запретить закономъ! Развращаютъ вкусъ... все равно, что Золя...

.... — А вы читали Золя?

.... — Если позволить все описывать, что жъ это будетъ?

.... А вы читали?

.... — Всегда была абонирована, и мать моя, и бабушка; а теперь въ театръ ни ногой...

.... Вандализмъ! Недостатокъ музыкальнаго образованія. —

— Послушайте, господа, — раздался вдругъ голосъ молчавшаго до сихъ поръ господина съ густыми черными бакенами:—по моему, вашу новую русскую музыку можно только съ атрофированными нервами слушать.

Ужь это было слишкомъ, и многіе обидѣлись.

— Что вы сказали? — спросилъ кто-то вызывающимъ тономъ, среди внезапно наступившей тишины.

— Неправда!—собравшись съ духомъ, вскричалъ какой-то юноша, съ тѣмъ мальчишескимъ задоромъ, съ какимъ

гимназисты выпаливаютъ давно задуманную дерзость нелюбимому учителю.

— Да вы, милостивый государь, къ какой націи изволите принадлежать?—наскочилъ въ свою очередь на дерзкаго отрицателя русской музыки жиденькій художникъ, съ рѣденькой козлиной бородкой и разбѣгающимися въ разныя стороны глазами.

— Я не думалъ, что застану у васъ такое огромное общество,—проворчалъ сквозь зубы Брацевичъ, пробираясь въ отдаленный уголъ, къ столу съ лампой, книгами и альбомами.

Хозяйку раздосадовалъ тонъ этого замѣчанія.

— Почему же? Развѣ у меня не можетъ быть знакомыхъ?

— Мнѣ сегодня хотѣлось видѣть васъ одну,—тихо возразилъ онъ.

— Но вѣдь сегодня пятница, по пятницамъ у меня собираются, вы это знаете... оправдывалась она обиженнымъ тономъ.

Онъ мелькомъ взглянулъ на нее, хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ.

— И, какъ видите, у меня нисколько не хуже, чѣмъ у другихъ, очень весело и оживленно, — прибавила она съ гордостью.

— Очень оживленно. Смотрите, чтобъ не подрались,— замѣтилъ онъ, кивая на спорящихъ и поспѣшно удаляясь въ противоположную сторону.

— Это всегда такъ, когда людей занимаетъ то, о чемъ они бесѣдуютъ, — начала было она доказывать, но онъ уходилъ отъ нея такъ торопливо, что продолжать съ нимъ разговоръ не было никакой возможности и она вернулась къ своимъ гостямъ.

Расходившіеся меломаны кричали все громче и громче; дошло бы до серьезныхъ непріятностей, еслибъ хозяйка не усадила поющую дѣвицу за рояль, съ просьбой исполнить арію изъ „Руслана“.

Дѣвица была извѣстна исполненіемъ этой аріи и фальшивила въ ней съ такимъ апломбомъ, что на всѣхъ вечерахъ, гдѣ она бывала, ее просили пѣть. Раздались громкіе, деревянные аккорды. Споры затихли и даже разговоры смолк-

ли. Правильный ходъ петербургскаго званаго вечера, нарушенный чрезвычайнымъ событіемъ, появленіемъ незнакомой личности изъ другаго общества, вошелъ въ обычную колею. Храбрая особа у рояля выводила трель за трелью и отважилась на такіе пронзительные возгласы, что слушателямъ приходилось подчасъ жутко. Тѣ, что особенно дорожили репутаціей знатоковъ, слушали съ сосредоточеннымъ вниманіемъ; другіе, при слишкомъ уже оглушительныхъ звукахъ, вздрагивали и въ недоумѣніи оглядывались по сторонамъ, какъ будто спрашивая: неужели это то же хорошо? Третьи безцеремонно зѣвали, ощущая при этомъ непреодолимую потребность потянуться отъ нервнаго напряженія, а большинство, посидѣвъ минутъ пять въ безмолвіи, не выдерживало и принималось за прерванные разговоры, сначала вполголоса, а потомъ все громче и громче, по мѣрѣ того какъ пѣвица входила въ азартъ и такъ кричала, что голосъ ея покрывалъ всѣ прочіе голоса. Хозяйка воспользовалась суматохой, чтобъ выразить свое неудовольствіе Алексѣю Андреевичу. Ее бѣсила его угрюмость. Нашелъ время и мѣсто проявлять свое дурное расположеніе духа, нечего сказать! Гости видятъ его въ первый разъ, да и вѣроятно въ послѣдній; они непремѣнно подумаютъ, что онъ всегда съ нею такъ невѣжливъ и брюзгливъ. Уткнулся носомъ въ книгу, ни на кого и обращаетъ вниманія, на что это похоже?

Онъ даже не обернулся и тогда, когда она подошла къ нему и стала у него спрашивать, по какой причинѣ вздумалъ онъ къ ней сегодня пожаловать? Она его не ждала, а къ тому же, сегодня свадьба его дочери. Ей было не по себѣ и въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ движеніи чувствовалась натянутость. Безпрестанно оглядывалась она по сторонамъ, въ страхѣ, не подсматриваетъ ли кто за ними? Гости ея были народъ вѣжливый, каждый изъ нихъ считалъ своимъ долгомъ доказать, что ему нѣтъ никакого дѣла до ея отношеній къ этому гвардейцу, но она не могла не видѣть что онъ никому здѣсь не понравился. Мужчины находили его непріятнымъ и чваннымъ, а дамы, отдавая справедливость его красивой наружности и комильфотности, не могли не находить много преувеличеннаго въ разсказахъ о его страстной любви и вниманіи къ ней, которыми она по се-

крету хвасталась каждой изъ нихъ, въ минуты откровенности.

„Чудный сонъ живой любви...“ все громче и звонче голосила дѣвица у рояля, а г-жа Павлова все пыталась втянуть своего друга въ разговоръ.

— Проводили дочку?.. гдѣ-то она теперь! вздохнула она, съ приличнымъ случаю оттѣнкомъ меланхоліи.

— Къ чему она это говоритъ? Какое ей дѣло до моей дочери? думалъ онъ съ тоской.

— Все хорошо обошлось? спросила она, не смущаясь его молчаніемъ. Воображаю, какъ вамъ грустно было разставаться съ нею!.. Бракъ, это такая лотерея!

Она опять вздохнула, а онъ все молчалъ, съ упорно опущеннымъ надъ книгою взглядомъ.

— А все таки ничего не можетъ быть лучше, какъ уѣхать тотчасъ послѣ вѣнчанія,—снова начала она, помолчавъ съ минуту:—скорѣе ознакомишься другъ съ другомъ... Да и вообще, какое счастье оставаться вдвоемъ въ вагонѣ и мчаться далеко, далеко, туда, гдѣ васъ не знаютъ, гдѣ до васъ никому нѣтъ дѣла...

Глухое раздраженіе, овладѣвавшее имъ, вырвалось наконецъ наружу, и онъ прервалъ ее на полусловѣ.

— Долго это будетъ продолжаться? спросилъ онъ брезгливо, указывая на гостей, окружавшихъ рояль.

— Да развѣ вы не любите музыки? Я думала, напротивъ...

— Скоро часъ,—прервалъ онъ ее.

— Не могу же я ихъ выгнать! протянула она плаксиво.

Онъ отвернулся и съ раздраженіемъ передернулъ плечами.

— Господи, какіе эти мужчины эгоисты, подумала Софья Ивановна.

Однако, она вооружилась терпѣніемъ и объявила, что сейчасъ велитъ подавать ужинъ.

— Если вамъ въ нашемъ обществѣ скучно, посидите у меня въ кабинетѣ; послѣ ужина мы останемся вдвоемъ,— прибавила она покорнымъ тономъ женщины, рѣшившейся безропотно переносить всѣ капризы любимаго человѣка.

Онъ молча кивнулъ въ знакъ согласія, не отрывая глазъ отъ альбома, которымъ пристально занялся, чтобъ не глаз-

ли. Правильный ходъ петербургскаго званаго вечера, нарушенный чрезвычайнымъ событіемъ, появленіемъ незнакомой личности изъ другаго общества, вошелъ въ обычную колею. Храбрая особа у рояля выводила трель за трелью и отважилась на такіе пронзительные возгласы, что слушателямъ приходилось подчасъ жутко. Тѣ, что особенно дорожили репутаціей знатоковъ, слушали съ сосредоточеннымъ вниманіемъ; другіе, при слишкомъ уже оглушительныхъ звукахъ, вздрагивали и въ недоумѣніи оглядывались по сторонамъ, какъ будто спрашивая: неужели это то же хорошо? Третьи безцеремонно зѣвали, ощущая при этомъ непреодолимую потребность потянуться отъ нервнаго напряженія, а большинство, посидѣвъ минутъ пять въ безмолвіи, не выдерживало и принималось за прерванные разговоры, сначала вполголоса, а потомъ все громче и громче, по мѣрѣ того какъ пѣвица входила въ азартъ и такъ кричала, что голосъ ея покрывалъ всѣ прочіе голоса. Хозяйка воспользовалась суматохой, чтобъ выразить свое неудовольствіе Алексѣю Андреевичу. Ее бѣсила его угрюмость. Нашелъ время и мѣсто проявлять свое дурное расположеніе духа, нечего сказать! Гости видятъ его въ первый разъ, да и вѣроятно въ послѣдній; они непремѣнно подумаютъ, что онъ всегда съ нею такъ невѣжливъ и брюзгливъ. Уткнулся носомъ въ книгу, ни на кого не обращаетъ вниманія, на что это похоже?

Онъ даже не обернулся и тогда, когда она подошла къ нему и стала у него спрашивать, по какой причинѣ вздумалъ онъ къ ней сегодня пожаловать? Она его не ждала, а, къ тому же, сегодня свадьба его дочери. Ей было не по себѣ и въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ движеніи чувствовалась натянутость. Безпрестанно оглядывалась она по сторонамъ, въ страхѣ, не подсматриваетъ ли кто за ними? Гости ея были народъ вѣжливый, каждый изъ нихъ считалъ своимъ долгомъ доказать, что ему нѣтъ никакого дѣла до ея отношеній къ этому гвардейцу, но она не могла не видѣть, что онъ никому здѣсь не понравился. Мужчины находили его непріятнымъ и чваннымъ, а дамы, отдавая справедливость его красивой наружности и комильфотности, не могли не находить много преувеличеннаго въ разсказахъ о его страстной любви и вниманіи къ ней, которыми она по се-

крету хвасталась каждой изъ нихъ, въ минуты откровенности.

„Чудный сонъ живой любви...“ все громче и звонче голосила дѣвица у рояля, а г-жа Павлова все пыталась втянуть своего друга въ разговоръ.

— Проводили дочку?.. гдѣ-то она теперь! вздохнула она, съ приличнымъ случаю оттѣнкомъ меланхоліи.

— Къ чему она это говоритъ? Какое ей дѣло до моей дочери? думалъ онъ съ тоской.

— Все хорошо обошлось? спросила она, не смущаясь его молчаніемъ. Воображаю, какъ вамъ грустно было разставаться съ нею!.. Бракъ, это такая лотерея!

Она опять вздохнула, а онъ все молчалъ, съ упорно опущеннымъ надъ книгою взглядомъ.

— А все таки ничего не можетъ быть лучше, какъ уѣхать тотчасъ послѣ вѣнчанія,—снова начала она, помолчавъ съ минуту:—скорѣе ознакомишься другъ съ другомъ... Да и вообще, какое счастье оставаться вдвоемъ въ вагонѣ и мчаться далеко, далеко, туда, гдѣ васъ не знаютъ, гдѣ до васъ никому нѣтъ дѣла...

Глухое раздраженіе, овладѣвавшее имъ, вырвалось наконецъ наружу, и онъ прервалъ ее на полусловѣ.

— Долго это будетъ продолжаться? спросилъ онъ брезгливо, указывая на гостей, окружавшихъ рояль.

— Да развѣ вы не любите музыки? Я думала, напротивъ...

— Скоро часъ,—прервалъ онъ ее.

— Не могу же я ихъ выгнать! протянула она плаксиво.

Онъ отвернулся и съ раздраженіемъ передернулъ плечами.

— Господи, какіе эти мужчины эгоисты, подумала Софья Ивановна.

Однако, она вооружилась терпѣніемъ и объявила, что сейчасъ велитъ подавать ужинъ.

— Если вамъ въ нашемъ обществѣ скучно, посидите у меня въ кабинетѣ; послѣ ужина мы останемся вдвоемъ,— прибавила она покорнымъ тономъ женщины, рѣшившейся безропотно переносить всѣ капризы любимаго человѣка.

Онъ молча кивнулъ въ знакъ согласія, не отрывая глазъ отъ альбома, которымъ пристально занялся, чтобъ не ска-

ли. Правильный ходъ петербургскаго званаго вечера, нарушенный чрезвычайнымъ событіемъ, появленіемъ незнакомой личности изъ другаго общества, вошелъ въ обычную колею. Храбрая особа у рояля выводила трель за трелью и отважилась на такіе пронзительные возгласы, что слушателямъ приходилось подчасъ жутко. Тѣ, что особенно дорожили репутаціей знатоковъ, слушали съ сосредоточеннымъ вниманіемъ; другіе, при слишкомъ уже оглушительныхъ звукахъ, вздрагивали и въ недоумѣніи оглядывались по сторонамъ, какъ будто спрашивая: неужели это то же хорошо? Третьи безцеремонно зѣвали, ощущая при этомъ непреодолимую потребность потянуться отъ нервнаго напряженія, а большинство, посидѣвъ минутъ пять въ безмолвіи, не выдерживало и принималось за прерванные разговоры, сначала вполголоса, а потомъ все громче и громче, по мѣрѣ того какъ пѣвица входила въ азартъ и такъ кричала, что голосъ ея покрывалъ всѣ прочіе голоса. Хозяйка воспользовалась суматохой, чтобъ выразить свое неудовольствіе Алексѣю Андреевичу. Ее бѣсила его угрюмость. Нашелъ время и мѣсто проявлять свое дурное расположеніе духа, нечего сказать! Гости видятъ его въ первый разъ, да и вѣроятно въ послѣдній; они непремѣнно подумаютъ, что онъ всегда съ нею такъ невѣжливъ и брюзгливъ. Уткнулся носомъ въ книгу, ни на кого не обращаетъ вниманія, на что это похоже?

Онъ даже не обернулся и тогда, когда она подошла къ нему и стала у него спрашивать, по какой причинѣ вздумалъ онъ къ ней сегодня пожаловать? Она его не ждала, а, къ тому же, сегодня свадьба его дочери. Ей было не по себѣ и въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ движеніи чувствовалась натянутость. Безпрестанно оглядывалась она по сторонамъ, въ страхѣ, не подсматриваетъ ли кто за ними? Гости ея были народъ вѣжливый, каждый изъ нихъ считалъ своимъ долгомъ доказать, что ему нѣтъ никакого дѣла до ея отношеній къ этому гвардейцу, но она не могла не видѣть, что онъ никому здѣсь не понравился. Мужчины находили его непріятнымъ и чваннымъ, а дамы, отдавая справедливость его красивой наружности и комильфотности, не могли не находить много преувеличеннаго въ разсказахъ о его страстной любви и вниманіи къ ней, которыми она по се-

крету хвасталась каждой изъ нихъ, въ минуты откровенности.

„Чудный сонъ живой любви...“ все громче и звонче голосила дѣвица у рояля, а г-жа Павлова все пыталась втянуть своего друга въ разговоръ.

— Проводили дочку?.. гдѣ-то она теперь! вздохнула она, съ приличнымъ случаю оттѣнкомъ меланхоліи.

— Къ чему она это говоритъ? Какое ей дѣло до моей дочери? думалъ онъ съ тоской.

— Все хорошо обошлось? спросила она, не смущаясь его молчаніемъ. Воображаю, какъ вамъ грустно было разставаться съ нею!.. Бракъ, это такая лотерея!

Она опять вздохнула, а онъ все молчалъ, съ упорно опущеннымъ надъ книгою взглядомъ.

— А все таки ничего не можетъ быть лучше, какъ уѣхать тотчасъ послѣ вѣнчанія,—снова начала она, помолчавъ съ минуту:—скорѣе ознакомишься другъ съ другомъ... Да и вообще, какое счастье оставаться вдвоемъ въ вагонѣ и мчаться далеко, далеко, туда, гдѣ васъ не знаютъ, гдѣ до васъ никому нѣтъ дѣла...

Глухое раздраженіе, овладѣвавшее имъ, вырвалось наконецъ наружу, и онъ прервалъ ее на полусловѣ.

— Долго это будетъ продолжаться? спросилъ онъ брезгливо, указывая на гостей, окружавшихъ рояль.

— Да развѣ вы не любите музыки? Я думала, напротивъ...

— Скоро часъ,—прервалъ онъ ее.

— Не могу же я ихъ выгнать! протянула она плаксиво.

Онъ отвернулся и съ раздраженіемъ передернулъ плечами.

— Господи, какіе эти мужчины эгоисты, подумала Софья Ивановна.

Однако, она вооружилась терпѣніемъ и объявила, что сейчасъ велитъ подавать ужинъ.

— Если вамъ въ нашемъ обществѣ скучно, посидите у меня въ кабинетѣ; послѣ ужина мы останемся вдвоемъ,— прибавила она покорнымъ тономъ женщины, рѣшившейся безропотно переносить всѣ капризы любимаго человѣка.

Онъ молча кивнулъ въ знакъ согласія, не отрывая глазъ отъ альбома, которымъ пристально занялся, чтобъ не тха-

дѣть на нее; не когда она удалилась, онъ сталъ смотрѣть ей вслѣдъ, и съ такимъ любопытствомъ, какъ будто видѣлъ ее въ первый разъ. На ней было платье моднаго краснова-таго цвѣта, съ затѣйливой отдѣлкой, и турнюръ огромныхъ размѣровъ. Необыкновенно длинная и тонкая талія, пропасть лентъ, кружевъ и блестящихъ висюлекъ безобразили ее до карикатурности, придавая тотъ дешевый гостинодворскій шикъ, къ которому стремятся всѣ щеголихи средней руки,—тѣ, что не имѣютъ средствъ одѣваться у хорошихъ портнихъ, умѣющихъ придать элегантный отпечатокъ самымъ уродли-вымъ капризамъ моды. Потому ли, что душевное настроеніе располагало Алексѣя Андреевича къ критикѣ, но никогда еще возлюбленная его не казалась ему такою пошлой, какъ въ эту минуту, и онъ со злобой спрашивалъ себя: что могъ онъ находить въ ней хорошаго раньше и для чего путался съ нею цѣлыхъ пять лѣтъ? Пуста, тщеславна, съ мѣщан-скими взглядами на жизнь и на счастье, съ книжными чув-ствами,—какъ могъ онъ переносить такъ долго ея общество, воображая, что любитъ ее? Только и знаетъ эта кукла, что повторять чужія слова да цѣловаться. Въ какомъ душев-номъ настроеніи ни пришелъ бы онъ къ ней, онъ уходилъ всегда съ пустой головой и безотчетной досадой въ сердцѣ, но никогда еще не была она ему такъ противна, какъ сегодня. И она тоже была недовольна имъ. За что онъ сердится на нее? Неужели за то, что нашелъ у нея гостей? Но вѣдь это ужь ни на что не похоже, такое тиранство! Нельзя же ей для него совсѣмъ отказаться отъ общества: и безъ того она много непріятностей терпитъ изъ любви къ нему. Тетенька Брянская,—та самая, у которой знаменитые писатели собираются,—перестала ее приглашать на свои четверги съ тѣхъ поръ, какъ ей насплетничали про ея отношенія къ Бранце-вичу, а дядѣнька Пустовойтовъ запретилъ своимъ дочерямъ съ нею кланяться. Да и мало ли другихъ непріятностей и оскорбле-ній переноситъ она изъ любви къ нему! А онъ все недоволенъ, ему все мало! Господи, какіе всѣ мужчины эгоисты! Ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ любить. Мужъ ея тоже былъ эгоистъ и то-же не умѣлъ ее цѣнить; она поэтому-то и разошлась съ нимъ. Состояніе у нея было свое, въ средствахъ она не нуж-далась, и онъ, безъ затрудненія, возвратилъ ей свободу.

„Не улетайте!.. Не улетайте!..“ неистово молила дѣвица у рояля, навѣвая тоску на слушателей. Г-жѣ Павловой стало еще грустнѣе, и она рѣшила, что сдѣлала большую глупость, полюбивъ Бранцевича и отдавшись ему; не стоитъ для этихъ мужчинъ ничѣмъ жертвовать, а она жертвовала. Не говоря уже о репутаціи безупречной женщины, которую она потеряла,—отъ сколькихъ удовольствій должна была она отказываться, для того чтобъ проводить съ нимъ вечера наединѣ, и не перечтешь! И пусть не думаютъ, что съ нимъ всегда весело, о, нѣтъ!—особенно въ послѣднее время, когда онъ сталъ все чаще и чаще задумываться и раздражаться изъ пустяковъ, вотъ какъ сегодня, напримѣръ... Надо было любить его такъ, какъ она любитъ, чтобъ сносить терпѣливо всѣ его причуды и капризы. И чѣмъ отплачиваетъ онъ за ея самоотверженіе? Да ничѣмъ почти. Другая тащила бы съ него деньги или, по крайней мѣрѣ, подарки, но она женщина порядочная, она позволяетъ любить себя даромъ: заодно это слѣдовало бы поставить ее на пьедесталъ и молиться на нее. Правда, ей есть чѣмъ жить, и не только жить, но также и веселиться, и наряжаться, и журфиксы устраивать, а все таки... Нѣтъ, нѣтъ, онъ эгоистъ и безчувственный человѣкъ, и съ ея стороны была большая ошибка, что она полюбила его.

Ужинъ удался, какъ нельзя лучше: кухарка не испортила заливнаго изъ рыбы и купила несовсѣмъ протухлыхъ рябчиковъ на жаркое, а у гостей разыгрался апетитъ отъ музыки и споровъ. Много ѣли, еще больше болтали и смѣялись. Весело было бы и хозяйкѣ, еслибъ мысль о томъ, что Бранцевичъ ждетъ ее въ кабинетѣ, не портила ей всякое удовольствіе. Изъ общества, сидѣвшаго за столомъ, одна она только и замѣчала, какъ летитъ время; другимъ было не до того. Толки о политикѣ, споры о спиритизмѣ, магнетизмѣ, гипнотизмѣ, о послѣднемъ уголовномъ процессѣ, сплетни, разсужденіе про наряды, про дѣтей, жалобы на прислугу, на трудность найти бонну, проникнутую сознаніемъ своихъ обязанностей, и дачу, гдѣ бы не дуло изъ оконъ и не текло съ потолковъ, не смолкали ни на минуту. Какъ ни была озабочена г-жа Павлова дурнымъ расположеніемъ духа своего друга, но разговорами этими она не могла не

увлекаться; недаромъ же слыла она развитой и образованной. Чтобъ слѣдить за политикой и имѣть возможность, въ случаѣ надобности, вставить и свое слово въ серьёзную бесѣду, она каждое утро читала „Петербургскую Газету“ отъ доски до доски, а силу магнетизма и чудеса спиритизма даже и на себѣ испытала: ее каждый разъ непреодолимо клонило ко сну на сеансахъ знаменитыхъ духовидцевъ, а послѣ этихъ сеансовъ она находилась въ возбужденномъ состояніи: ей хотѣлось кокетничать со всѣми мужчинами, попадавшимися на глаза, вспоминались шансонетки и ощущалась потребность болтать вздоръ. Да ей и въ дамскихъ разговорахъ пріятно было участвовать: посплетничать она любила не меньше другихъ, а дачу ей въ этомъ году посчастливилось нанять такъ выгодно, что было, чѣмъ похвастаться.

Впрочемъ, умѣньемъ вездѣ хорошо и дешево устраиваться ,она была извѣстна. Нѣсколько лѣтъ сряду прожила она въ Павловскѣ, а потомъ, когда ей надоѣло притворяться влюбленной въ Главача, она перемѣнила Павловскъ на Озерки. Одинъ разъ вышло у нея съ дачей несовсѣмъ удачно, да и то не по ея винѣ: въ самомъ началѣ ея знакомства съ Бранцевичемъ, онъ отъискалъ ей дачу въ отдаленной мѣстности, среди сосноваго лѣса, у большаго озера; ей было тамъ очень скучно,—ни музыки, ни общества, комаровъ пропасть, а, къ довершенію всего, и стоило это очень дорого.

Чѣмъ особенно гордилась Софья Ивановна, это умѣньемъ жить, ни въ чемъ себѣ не отказывая, на такія средства, которыхъ другой, менѣе практичной особѣ не хватило бы на самое необходимое. Любила она разспрашивать Алексѣя Андреевича, что стоитъ ему домашняя жизнь, прислуга, столъ, и изумляться громаднымъ, по ея мнѣнію, суммамъ, которыя тратились на все это. Забавляясь ея наивнымъ удивленіемъ, онъ и не подозрѣвалъ, какъ роняетъ себя въ ея глазахъ, откровенно отвѣчая на ея вопросы, и насколько чувство уваженія, которое она къ себѣ питаетъ, растетъ и крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ она убѣждается въ его непрактичности, мотовствѣ и непредусмотрительности. Когда ей приходилось замѣчать, что, не взирая на десятки тысячъ, проживаемые имъ годъ, у него часто нѣтъ ни гроша въ карма-

ѣ на самыя необходимыя издержки,—ей было еще пріят-
ѣе сознавать, что, при сравнительно маленькихъ средствахъ,
нея всегда есть лишнихъ пять—десять рублей на театръ
а концертъ, на вечеръ въ клубѣ и тому подобныя удоволь-
твія. Что́ за бѣда, что кареты у нея нѣтъ: она и на изво-
дикахъ такъ изловчилась ѣздить, что ни одна ленточка не
омнется. Одѣвалась она модно, обстановка квартиры была
нея приличная и на журфиксахъ всегда было людно и
живленно. Дай Богъ каждой женщинѣ въ ея положеніи
акъ устроиться!

Часу въ третьемъ гости разъѣхались, и ей представилась возможность пройти въ комнату, гдѣ долженъ былъ ждать ее Алексѣй Андреевичъ. Ей было немного совѣстно, что она заставила его такъ долго проскучать въ одиночествѣ и она шла къ нему съ намѣреніемъ заставить забыть все это своими ласками. Вѣдь, право же, она его любила! По крайней мѣрѣ, она была въ этомъ убѣждена вполнѣ, и когда въ кабинетѣ его не оказалось, а горничная объявила, что Брянцевичъ „уже съ полчаса какъ изволили уйти", ей стало жаль, что она должна отложить до завтра всѣ милыя слова, которыми хотѣла осчастливить его сегодня.

— Напрасно не вышла я къ нему во время ужина хоть на минутку: онъ, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-то сильно озабоченъ; никогда еще не видѣла я его такимъ,—думала она, снимая передъ зеркаломъ юбки, фальшивыя косы и прочія принадлежности своего туалета.

Мысль эта и въ постели не покидала ея. Она очень утомилась въ этотъ вечеръ и ее давно клонило ко сну; однако, заснуть ей довольно долго не удавалось; какъ ни увѣряла она себя, что успѣетъ завтра переговорить съ Брянцевичемъ и подумать о причинахъ его разстройства, онъ не выходилъ у нея изъ головы. И чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе вставалъ онъ въ ея воображеніи такимъ, какимъ сегодня явился передъ нею, блѣдный, съ растереннымъ взглядомъ и вымученной улыбкой. Теперь она ужъ не сомнѣвалась въ томъ, что съ нимъ случилась бѣда и, какъ женщина практичная, очень скоро съумѣла сообразить, въ чемъ именно состоитъ эта бѣда. Растратилъ, вѣрно, состояніе дочери, запутался въ счетахъ, что нибудь въ этомъ родѣ. При его безпечности, до-

вѣрчивости, привычкѣ за всѣхъ ручаться, всѣмъ давать
ги въ долгъ, это непремѣнно должно было случиться...
это значитъ не умѣть умѣрять себя, жить не по средс
всѣмъ вѣрить, не думать о завтрашнемъ днѣ! Какъ хо
что она не такая! Какъ хорошо, что она взяла себѣ за
вило тратить одни только проценты со своего капит
что никакія искушенія въ мірѣ не въ состояніи застав
измѣнить этому правилу! Что же съ нимъ теперь бу
Полное разореніе... у него все отнимутъ... судить буд
лишатъ всѣхъ правъ... сошлютъ въ Сибирь... о, Господ
кой ужасъ! Несчастный! Да онъ теперь долженъ быт
такомъ отчаяньѣ, что на все готовъ пойти, на в
Бѣдный!

И вдругъ она вся похолодѣла отъ неожиданной м
блеснувшей у нея въ умѣ; дыханіе у нея сперлось отъ у
и холодный потъ выступилъ на лбу. Ужь не вспомни
онъ про ея деньги?!

У нея было тысячъ восемдесятъ, и онъ это зналъ. Но
зналъ также и то, что разстаться съ ними ей труднѣе,
съ жизнью.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не рискнетъ даже и заикнуться
объ этомъ, онъ слишкомъ меня хорошо знаетъ,—рѣ
она, постепенно успокоиваясь.—Онъ потому, вѣроятн
ушелъ, ничего не сказавши. Сначала хотѣлъ сказать,
томъ раздумалъ.

И прекрасно сдѣлалъ, что раздумалъ: все равно он
чего бы ему не дала. Должно быть, много, очень мног
негъ ему надо!... Ей жаль его, она очень его любитъ и
гое готова для него сдѣлать; она ему это тысячу разъ
казывала и нѣжными словами, и страстными ласками
деньги—дѣло другое. Чтобъ выпустить изъ рукъ де
чтобъ отдать ихъ другому человѣку, для этого любви
мало, для этого надо.....

Софья Ивановна такъ и заснула, не додумавшись,
для этого надо.

А Алексѣй Андреевичъ въ эту ночь совсѣмъ не ложи
Когда онъ вышелъ изъ квартиры Софьи Ивановны, зан
лась заря. Начинающійся день обѣщалъ быть прелестн

ло свѣтло, но чѣмъ-то бодрящимъ, живительнымъ вѣяло Невы, и его потянуло на набережную. Среди безмолвія и стоты, царствовавшихъ въ окрестности, рѣка казалась еще ре и величественнѣе. На прозрачной и блѣдной лазури ойныя очертанія мостовъ, лодки и пароходы, скученные пристани, вырѣзывались особенно отчетливо. Кое-гдѣ, ны- я въ пространствѣ, то приближаясь, то отдаляясь, мель- ли лодки загулявшихся до утра горожанъ и рыбаковъ, за- евавшихъ на противоположномъ берегу у сѣтей, заки- тыхъ въ рѣку.

Розовымъ блескомъ, все ярче и ярче, сталъ загораться стокъ, но городъ еще спалъ, улицы были пусты, и по анитнымъ мосткамъ, тянувшимся вдоль набережной, не дно было ни одного живаго существа; зато птицъ было опасть. Они рѣяли въ воздухѣ трепещущими точками такъ соко, что простымъ глазомъ едва можно было ихъ достать, тѣсными стаями порхали надъ водой совсѣмъ низко, сует- во перекликаясь между собою и широко взмахивая ыльями. Алексѣю Андреевичу опять стало привольно ды- ть, и торжественное настроеніе, покинувшее его въ го- инной г-жи Павловой, опять стало овладѣвать имъ. Сохра- ть бы его до конца, это настроеніе! Все глубже и глубже одилъ онъ въ самого себя, и чѣмъ подробнѣе развертыва- сь передъ нимъ пережитая жизнь, со всѣми ея ошибками заблужденіями, тѣмъ глубже и сознательнѣе убѣждался ъ, что жить больше ему не для чего и не для кого. Не рахъ передъ страданіями, ожидавшими его, а сознаніе без- лезности этихъ страданій заставляло его уходить отъ нихъ. либъ жизнь его хоть кому нибудь была нужна, онъ, мо- етъ быть, пошелъ бы тогда на встрѣчу и всевозможнымъ камъ заслуженнаго позора, и испытаніямъ новой, невѣдомой зни, но такого предлога у него не находилось, а жить для бя, какъ онъ привыкъ до сихъ поръ, теперь, послѣ нрав- веннаго перелома, совершившагося въ немъ, казалось ему возможнымъ. Когда онъ вернулся домой, было около четы- хъ часовъ. Улицы все еще были пусты и безмолвны, но ка сверкала подъ лучами восходящаго солнца; птицъ ста- вилось все меньше слышно за шумомъ людскаго говора, охота подъѣзжавшихъ телѣгъ, всплеска воды подъ веслами. берегу начинала закипать вседневная, обычная жизнь.

V.

Въ купэ, пропитанномъ ароматомъ живыхъ цвѣтовъ—новобрачной поднесли множество букетовъ на прощанье—царствовалъ пріятный полумракъ. Фонарь въ потолкѣ былъ задернутъ, и свѣтъ, пробиваясь сквозь блѣдно-голубую тафту, разливался мягкимъ луннымъ блескомъ по бархатнымъ темнымъ диванамъ съ раскиданными въ безпорядкѣ дорожными принадлежностями, освѣщая молодыхъ супруговъ настолько, что имъ можно было любоваться другъ другомъ.

Было около трехъ часовъ утра, но ни ему, ни ей спать не хотѣлось. Возбужденный черезъ мѣру выпитымъ шампанскимъ—онъ и въ вагонѣ успѣлъ выпить бутылку,—а также новизной своего положенія (къ званію женатаго человѣка онъ привыкнуть еще не успѣлъ и относился къ нему скорѣе иронически) Михаилъ Сергѣевичъ Балтовъ былъ очень веселъ и болтливъ. Растянувшись во весь ростъ на софѣ и заложивъ руки за голову, онъ съ большимъ оживленіемъ разсказывалъ женѣ про то, что имъ предстояло видѣть въ тѣхъ странахъ, куда они мчались съ быстротою тридцати верстъ въ часъ.

— Отличная эта штука—путешествовать, вотъ увидишь! Я вездѣ былъ и знаю, какъ свои пять пальцевъ, Парижъ, Вѣну, Баденъ...

— Въ Баденѣ прекрасныя окрестности,—проговорила она разсѣянно, занятая другими мыслями,—у папа много фотографій оттуда, онъ тамъ лѣчился въ прошломъ году....

— Окрестности? Да. Впрочемъ, тамъ вездѣ природа великая. Горы, озера, скалы,—проговорилъ онъ, лѣниво потягиваясь и зѣвая.

И, вдругъ встрепенувшись подъ напливомъ воспоминаній, онъ продолжалъ со смѣхомъ:

— Въ Баденѣ рулетка .. Отгадай, сколько мнѣ было лѣтъ, когда меня въ первый разъ посадили за рулетку?

— Я не знаю... Рулетка, это—такая игра; въ нее, безъ картъ, кажется, играютъ?

— Да, да, это игра. И преинтересная, вотъ ты увидишь. Мнѣ было пять лѣтъ, когда папаня повезла меня въ первый

разъ въ Монако. Только пять лѣтъ, честное слово. Пріѣхали мы туда подъ вечеръ, я, maman и Шарль. Этотъ Шарль былъ у насъ тогда на всѣ руки, онъ служилъ maman вмѣсто горничной, одѣвалъ ее, раздѣвалъ, причесывалъ, и за мной присматривалъ. Когда никого не было, онъ съ нами и обѣдалъ, maman положительно жить безъ него не могла. Она и въ casino, разумѣется, съ нимъ же отправилась, а меня уложили спать. И вдругъ, часовъ такъ въ одиннадцать, меня будятъ.—Что такое?—Вставайте скорѣе, одѣвайтесь, идите выручать maman, она совсѣмъ продулась, на васъ только и надежда... Открываю глаза, передо мной Шарль съ мокрымъ полотенцемъ въ рукахъ и все повторяетъ: скорѣй, скорѣй! Въ одну минуту онъ меня одѣлъ, умылъ и потащилъ. Мнѣ такъ хотѣлось спать, что у меня ноги не двигались и онъ долженъ былъ всю дорогу нести меня на рукахъ, но какъ втолкнулъ онъ меня въ casino, у меня и сонъ прошелъ! Глаза разбѣжались, не знаю, на что прежде и смотрѣть! Свѣтло, весело, шумно! Хорошенькихъ женщинъ масса, туалеты—умопомрачительные. Вѣдь туда со всего свѣта собираются кокотки, нигдѣ имъ нѣтъ такой наживы, какъ тамъ, гдѣ люди послѣдній грошъ ставятъ ребромъ. Никогда не забуду я этой минуты!—продолжалъ онъ съ восторгомъ. На зеленомъ сукнѣ кучи золота сверкаютъ; такъ и навалены, какъ щепки. Крупье сгребаетъ ихъ лопаточкой и подталкиваетъ тому, кто выигралъ. Maman посадила меня къ себѣ на колѣни и тотчасъ же стала выигрывать, что часто бываетъ. Она въ ту ночь не только весь свой проигрышъ отыграла, но еще триста франковъ придачи сцапала. На другой день мнѣ велосипедъ купили. Я такъ хорошо это помню, точно вчера случилось. Съ этихъ поръ она ужь всюду стала брать меня съ собой и вездѣ я ей приносилъ счастье. Я ѣздилъ съ нею въ Монтекарло, въ Баденъ, и вездѣ заставляла она меня ставить за себя или сидѣть возлѣ нея, когда она ставила. А потомъ, когда я выросъ, я сталъ ужь за себя играть, и тоже счастливо. Впрочемъ, одного счастья недостаточно, надо и сноровку имѣть. Безъ сноровки невозможно. Очень просто: если ты не съумѣешь во время воздержаться, когда ничего нейдетъ, или прекратишь игру, когда тебѣ валитъ, всегда останешься въ проигрышѣ; я это тебѣ сейчасъ объясню.

Глаза его горѣли; въ пылу воодушевленія онъ приподнялся и говорилъ уже сидя, а не лежа, сильно жестикулируя, пытаясь объяснить руками то, что̀ не удавалось выразить словами.

— Вотъ видишь... тамъ стоитъ столъ, тутъ крупье, здѣсь играющіе, тамъ ставки, золото...

И, спохватившись, онъ спросилъ, вскидывая на нее изумленный взглядъ своихъ красивыхъ свѣтлыхъ глазъ:

— Да неужто ты никогда не видѣла рулетки?

— Нѣтъ. Гдѣ̀ жъ мнѣ было видѣть? Въ Петербургѣ нѣтъ рулетки; я, по крайней мѣрѣ, не слышала.

Онъ презрительно свиснулъ.

— Захотѣла! Да еслибъ въ Петербургѣ была рулетка, для чего бы тогда и за границу ѣздить!.. замѣтилъ онъ наивно. Ты представить себѣ не можешь, что̀ это за занятная штука! Въ какой нибудь часъ можно тысячу франковъ выиграть, честное слово! И вѣдь ты вотъ что возьми въ соображеніе,—золотомъ! При теперешнемъ-то курсѣ, сосчитай-ка, сколько это составитъ!

— А въ Гейдельбергѣ ты былъ?—спросила она для того больше, чтобъ перемѣнить тяготившій ее разговоръ.

И, припоминая свѣдѣнія изъ недавно пройденнаго курса географіи, она нерѣшительно прибавила:—Бочка тамъ и замокъ, а также университетъ, кажется...

— Да, бочка. Ничего нѣтъ особеннаго, бочка, какъ бочка, чрезвычайно большая, вотъ и все,—отвѣчалъ онъ отрывисто, недовольный тѣмъ, что ему не дали кончить разсказъ о рулеткѣ.

— А когда будемъ мы въ Парижѣ? спросила она.

— Да вотъ надо прежде въ Берлинѣ пофланировать съ недѣльку. Въ Берлинѣ тоже есть, на что посмотрѣть,—замѣтилъ онъ, запуская руку въ большую бомбоньерку, стоявшую возлѣ него и принимаясь грызть вынутыя оттуда конфекты.

— Что жъ тамъ интереснаго?

— Какъ что? Да ужь одинъ Кроль чего стоитъ! Прелюбопытное заведеніе, я тебѣ скажу!..

Чтобъ запить конфекты, онъ раскупорилъ новую бутылку шампанскаго и, наливъ стаканъ, протянулъ ей.—Хочешь

шампанскаго? Нѣтъ? Ну, какъ знаешь, я одинъ выпью... Нѣтъ, ты не говори, въ Берлинѣ есть на что посмотрѣть,— продолжалъ онъ, вытирая себѣ губы и ставя бутылку на прежнее мѣсто, — тамъ кафе-шантановъ развелось почти столько же, сколько въ Парижѣ, да и вообще... А ты напрасно не пьешь шампанскаго, ничего не можетъ быть лучше на сонъ грядущій... Я могу его пить во всякое время, холодное, теплое, все равно, мнѣ даже лучше нравится, когда оно не шипитъ. Вотъ также конфекты... Сколько ты можешь съѣсть за разъ? Я могу фунтъ и даже два, особенно моихъ любимыхъ. Разъ я держалъ пари съ княгиней Долговой; она говоритъ: васъ стошнитъ, если вы больше фунта съѣдите, а я говорю: могу два, хотите пари? Ударили по рукамъ, условились насчетъ платы. Она обѣщала свой портретъ въ томъ костюмѣ, что на ней былъ, когда ее вывели съ бала, помнишь? Быть не можетъ, чтобъ ты не слыхала объ этой исторіи, весь городъ тогда кричалъ! А я долженъ былъ, въ случаѣ проигрыша, пройтись въ солнечный день по Невскому съ ея компаньонкой, мистриссъ Книпсъ, подъ ручку. Рожа ужаснѣйшая эта Книпсъ,—старая, на щекѣ у нея бородавка огромныхъ размѣровъ и усы. Я согласился, мнѣ было все равно, вѣдь я зналъ, что непремѣнно выиграю. И выигралъ, да еще при какой торжественной обстановкѣ! Княгиня всѣхъ своихъ пріятельницъ созвала смотрѣть на мой подвигъ. Я потребовалъ шампанскаго. Этого въ условіи не было, но такъ какъ и противъ ничего не было сказано, всѣ рѣшили, что я имѣю право запивать мои конфекты, чѣмъ мнѣ угодно. Надо было съѣсть цѣлыхъ два фунта за разъ. Это оказалось труднѣе, чѣмъ я предполагалъ, однако, съ помощью шампанскаго, пари было выиграно. Потомъ меня вырвало, но ужь послѣ, когда я вернулся домой, и никто не видѣлъ. Карточку я получилъ, княгиня нарочно для меня снялась, я повѣсилъ ее на самомъ видномъ мѣстѣ. Такія карточки теперь принято вѣшать на самое видное мѣсто. Maman увѣряетъ, что это свинство и что прежде этого не дѣлалось, но теперь мода.... Препотѣшный анекдотъ случился недавно съ Панфиловымъ. Онъ былъ въ связи съ мадамъ Андреяновой, женой извѣстнаго Андреянова, знаешь? Она ему дала свой портретъ въ костюмѣ Евы и во весь ростъ. Ну, онъ, конечно, заказалъ великолѣпную рамку и

повѣсилъ надъ диваномъ, въ кабинетѣ. И вдругъ мужъ къ нему пріѣзжаетъ съ визитомъ, можешь себѣ представить? Хорошо, что Панфилка мальчикъ не промахъ. Онъ усадилъ его высокопревосходительство задомъ къ портрету и все время такъ лавировалъ, что тому ни разу не удалось обернуться... А съ Козловымъ еще лучше штука случилась; это было при мнѣ, мы съ нимъ тогда въ Берлинѣ съѣхались... Нѣтъ, ты напрасно думаешь, что въ Берлинѣ смотрѣть не на что, тамъ превесело можно провести время, надо только знать, il faut connaître les bons endroits... Эти нѣмцы—преловкій народъ, они у себя даже моргъ завели... Знаешь, такое мѣсто, гдѣ мертвецовъ выставляютъ, для родственниковъ. Но и чужіе могутъ смотрѣть, всѣхъ пускаютъ. Это такая штука, я тебѣ скажу, не всякій можетъ выдержать, такъ страшно! При мнѣ съ однимъ господиномъ обморокъ сдѣлался. Когда я бываю въ Парижѣ, я всегда туда захожу. Мнѣ все это нипочемъ. Я очень храбрый. Мнѣ кажется, что я и на войнѣ бы не испугался. Я все видѣлъ, я видѣлъ, какъ человѣка казнили, честное слово! И ничего, даже и не вздрогнулъ, право! Это очень просто, гильотина—знаешь—чикъ, и готово...

Долго распространялся онъ въ томъ же духѣ, перескакивая безъ смысла и безъ связи отъ одного предмета къ другому и безпрепятственно вытряхивая передъ своей женою пустой, безсодержательный хламъ, которымъ была набита его голова. Она слушала его молча и съ возрастающимъ недоумѣніемъ. Что за странныя темы выбираетъ онъ для бесѣды съ нею въ эту ночь, ихъ первую ночь? Неужели ничего другаго не находитъ онъ ей сказать? Душа ея была въ смятеніи, на лицѣ горѣли еще поцѣлуи, и вся она трепетала отъ его недавнихъ объятій; но ей было грустно и жаль себя и стыдно, точно взялъ ее неожиданно и насильно чужой, противный человѣкъ, а не любимый юноша, предметъ ея восторженныхъ желаній. А между тѣмъ, онъ все тотъ же, этотъ юноша, теперь ея мужъ: все то же наивное самодовольство сверкаетъ въ его свѣтлыхъ, прозрачныхъ глазахъ и все та же очаровательная улыбка открываетъ, ослѣпительной бѣлизны зубы между алыми губами; почему же ничего, кромѣ досады и безотчетнаго отвращенія, не возбуждаютъ въ ней теперь эти глаза и эти губы?

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она той минуты, когда ихъ оставятъ вдвоемъ, когда имъ не будутъ мѣшать ознакомиться другъ съ другомъ! Ну, вотъ они теперь одни и могутъ на свободѣ предаваться сердечнымъ изліяніямъ. И нельзя сказать, чтобъ онъ былъ скупъ на слова, о, нѣтъ! Такого неугомоннаго болтуна, какимъ оказался ея мужъ, она еще не встрѣчала. Отъ берлинскихъ кафе-шантановъ и кокотокъ онъ перескочилъ къ обезьянамъ въ парижскомъ Jardin des Plantes. Онѣ, повидимому, произвели на него весьма сильное впечатлѣніе: при одномъ воспоминаніи объ ихъ гримасахъ и прыжкахъ, онъ покатывался со смѣху. Слушательницѣ его съ минуты на минуту становилось все тоскливѣе и тоскливѣе. Ужь лучше бы онъ молчалъ; она могла бы тогда хотя воображать, что онъ думаетъ о чемъ либо болѣе интересномъ, чѣмъ тотъ вздоръ, который онъ мелетъ безъ передышки. Отъ его смѣшныхъ анекдотовъ ей хотѣлось плакать, и вопросъ: неужели всегда такъ будетъ? преслѣдовалъ ее съ раздражительною настойчивостью. Наконецъ, она совсѣмъ перестала его слушать и, откинувъ голову въ тѣнь, на спинку кресла, чтобъ онъ не могъ видѣть ея лица, вся ушла въ свои думы.

Вспоминался ей отецъ: какъ онъ былъ озабоченъ въ послѣднее время! Даже когда смѣялся, шутилъ и острилъ, по своему обыкновенію, — зловѣщая складочка, гнѣздившаяся между его бровями, не разглаживалась, и натянутость чувствовалась въ его тонѣ, точно онъ притворялся только довольнымъ и веселымъ, а на самомъ дѣлѣ ему грустно и досадно на что-то.

— Папа, что съ тобой? спрашивала она у него, ласкаясь и заглядывая ему въ глаза. Ты недоволенъ, что я выхожу замужъ?

— Да вѣдь ты его любишь, голубчикъ, какъ же могу я быть этимъ недоволенъ? отвѣчалъ онъ уклончиво, цѣлуя ее и поспѣшно заговаривая о другомъ, стараясь шуткой разсѣять ея сомнѣнія.

И ему это удавалось, какъ нельзя лучше. Она была въ такомъ чаду, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалась невѣстой! Она не понимала даже и того, что̀ дѣлалось въ ея собственномъ сердцѣ,—гдѣ же ей было читать въ чужой душѣ!

Поѣздъ мчался все дальше, безъ остановки, дальше отъ всего того, къ чему ее теперь такъ тянетъ, и онъ, кажется, полжизни отдалъ бы съ восторгомъ, чтобъ вернуться назадъ.

Ей жаль было всего, что она оставляла за собой: жаль комнатки, обитой розовымъ кретономъ, съ ея дѣвичьей кроватью, подъ большимъ кисейнымъ пологомъ, и горничной Лизы, которая такъ горько плакала, прощаясь съ нею, и такъ умоляла взять ее съ собой; жаль старика камердинера, носившаго ее на рукахъ, когда она была еще крошечной дѣвочкой, а теперь такъ бережно и любовно подсаживавшаго ее въ карету, когда она ѣхала на балъ съ отцомъ или съ компаньонкой. Ей жаль было всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, даже и тѣхъ, что не возбуждали въ ней особенной пріязни въ то время, когда ей можно было видѣться съ ними каждый день. Хотѣлось всѣмъ имъ сказать, что она ихъ любитъ и что ей грустно разставаться съ ними. Но кому ей въ особенности хотѣлось открыть свою душу въ эту минуту—это отцу. Никогда не любила она его такъ нѣжно, какъ въ эту ночь. Никогда не воображала она, что онъ занимаетъ такое огромное мѣсто въ ея сердцѣ, и что для нея будетъ такое лишеніе не видѣть его, не слышать его голоса... Зачѣмъ не сказала она ему этого передъ отъѣздомъ, когда онъ стоялъ у окна вагона и, цѣлуя ея руки, влажнымъ, полнымъ тревоги взглядомъ смотрѣлъ на ея мужа? Какъ дрогнулъ его голосъ, когда послѣ третьяго звонка онъ произнесъ, указывая на нее:—Берегите ее, Михаилъ Сергѣевичъ!

Одинъ только разъ и видѣла она у него такое выраженіе во взглядѣ и въ голосѣ. Это было давно, много лѣтъ тому назадъ, еще до поступленія ея въ институтъ, когда у нея былъ дифтеритъ и надо было сдѣлать операцію. Гувернантка, нервная особа, выбѣжала изъ комнаты, няня тоже никуда не годилась, у нея тряслись руки и слезы катились изъ глазъ. Докторъ сказалъ:—помогите хоть вы мнѣ, Алексѣй Андреевичъ!—Но и ему тоже, какъ видно, не хотѣлось держать дѣвочку на колѣнахъ въ то время, какъ ей будутъ дѣлать что-то страшное въ горлѣ. Однако, когда докторъ повторилъ свое приглашеніе, онъ всталъ и, не подымая глазъ, какъ-то усиленно моргая ими, чтобы сдержать навертывающіяся слезы, началъ бережно и неловко приподнимать

ее съ постели. Нянька кинулась было помогать ему, но онъ сердито проговорилъ:—оставьте, ужь я лучше самъ!— Крѣпко обвиваясь голыми ручонками вокругъ его шеи и царапаясь ими объ его погоны, она прижималась горячей щечкой къ его лицу. Усы его щекотали ей шейку, она чувствовала его прерывистое дыханіе, и всѣмъ своимъ маленькимъ существомъ сознавала, что онъ любитъ ее, жалѣетъ и боится за нее,—такъ боится, какъ никогда, во всю свою жизнь за себя не боялся, а между тѣмъ онъ старается смѣяться и шепчетъ ей какой-то ласковый вздоръ, чтобъ успокоить ее и разсмѣшить... Милый, милый папа!

Изъ всѣхъ подробностей вынесенной болѣзни, мучительной и длинной (она, говорятъ, цѣлыхъ шесть недѣль пролежала въ постели и всѣ доктора были увѣрены, что умретъ) у нея запечатлѣлся въ памяти одинъ только этотъ эпизодъ...

Все также мягко свѣтитъ фонарь сквозь голубую тафту и также сладко благоухаютъ лежащія подлѣ нея розы, левкои, ландыши и резеда. Мужъ ея заснулъ наконецъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ смолкъ, пыхтѣніе и стукъ машины раздаются въ ушахъ еще явственнѣе, а легкіе толчки и покачиванье вагона, постепенно раздражая нервы, дѣлаются все чувствительнѣе. Отъ протяжныхъ, жалобныхъ свистковъ, отчаяннымъ воплемъ раздирающихъ воздухъ, она вздрагиваетъ и пугается. Хоть бы заснуть! Но глаза не смыкаются и кажется ей, что она до тѣхъ поръ не успокоится, пока этотъ „чужой", что лежитъ передъ нею, не уйдетъ прочь. Онъ ей мѣшаетъ спать и думать; онъ ей жить мѣшаетъ! Съ досадой, почти съ ненавистью всматривалась она въ его красивое лицо, съ тонкими, точно выточенными чертами и полуоткрытымъ ртомъ. Этотъ полуоткрытый, неподвижный ротъ казался ей отвратительнымъ. Михаилъ Сергѣевичъ лежалъ на спинѣ, подушка сползла изъ-подъ его головы и храпъ со свистомъ, вылетавшій изъ его груди, покрывалъ по временамъ даже шумъ паровоза. Преглупое выраженіе лица было у него въ эту минуту,—такое глупое, что, еслибъ она раньше увидала его спящимъ, ни за что не влюбилась бы въ него.

Прошло еще съ часъ времени, безконечно длинный и томительно тоскливый. Все та же тупая боль грызла ей сердце,

вѣрчивости, привычкѣ за всѣхъ ручаться, всѣмъ давать
ги въ долгъ, это непремѣнно должно было случиться...
это значитъ не умѣть умѣрять себя, жить не по средст
всѣмъ вѣрить, не думать о завтрашнемъ днѣ! Какъ хо
что она не такая! Какъ хорошо, что она взяла себѣ за
вило тратить одни только проценты со своего капита
что никакія искушенія въ мірѣ не въ состояніи застави
измѣнить этому правилу! Что же съ нимъ теперь бу
Полное разореніе... у него все отнимутъ... судить буд
лишатъ всѣхъ правъ... сошлютъ въ Сибирь... о, Господи
кой ужасъ! Несчастный! Да онъ теперь долженъ быт
такомъ отчаяньѣ, что на все готовъ пойти, на вс
Бѣдный!

И вдругъ она вся похолодѣла отъ неожиданной мы
блеснувшей у нея въ умѣ; дыханіе у нея сперлось отъ у
и холодный потъ выступилъ на лбу. Ужь не вспомнил
онъ про ея деньги?!

У нея было тысячъ восемдесятъ, и онъ это зналъ. Но
зналъ также и то, что разстаться съ ними ей труднѣе,
съ жизнью.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не рискнетъ даже и заикнуться
объ этомъ, онъ слишкомъ меня хорошо знаетъ,—рѣш
она, постепенно успокоиваясь.—Онъ потому, вѣроятн
ушелъ, ничего не сказавши. Сначала хотѣлъ сказать, а
томъ раздумалъ.

И прекрасно сдѣлалъ, что раздумалъ: все равно она
чего бы ему не дала. Должно быть, много, очень много
негъ ему надо!... Ей жаль его, она очень его любитъ и
гое готова для него сдѣлать; она ему это тысячу разъ
казывала и нѣжными словами, и страстными ласками,
деньги—дѣло другое. Чтобъ выпустить изъ рукъ дет
чтобъ отдать ихъ другому человѣку, для этого любви
мало, для этого надо.....

Софья Ивановна такъ и заснула, не додумавшись,
для этого надо.

А Алексѣй Андреевичъ въ эту ночь совсѣмъ не ложи
Когда онъ вышелъ изъ квартиры Софьи Ивановны, зан
лась заря. Начинающійся день обѣщалъ быть прелестн

ло свѣтло, но чѣмъ-то бодрящимъ, живительнымъ вѣяло Невы, и его потянуло на набережную. Среди безмолвія и стоты, царствовавшихъ въ окрестности, рѣка казалась еще ире и величественнѣе. На прозрачной и блѣдной лазури ройныя очертанія мостовъ, лодки и пароходы, скученные пристани, вырѣзывались особенно отчетливо. Кое-гдѣ, ныя въ пространствѣ, то приближаясь, то отдаляясь, мельли лодки загулявшихся до утра горожанъ и рыбаковъ, зачевавшихъ на противоположномъ берегу у сѣтей, закитыхъ въ рѣку.

Розовымъ блескомъ, все ярче и ярче, сталъ загораться стокъ, но городъ еще спалъ, улицы были пусты, и по анитнымъ мосткамъ, тянувшимся вдоль набережной, не дно было ни одного живаго существа; зато птицъ было опасть. Они рѣяли въ воздухѣ трепещущими точками такъ соко, что простымъ глазомъ едва можно было ихъ достать, тѣсными стаями порхали надъ водой совсѣмъ низко, суетво перекликаясь между собою и широко взмахивая ыльями. Алексѣю Андреевичу опять стало привольно дышать, и торжественное настроеніе, покинувшее его въ гошной г-жи Павловой, опять стало овладѣвать имъ. Сохрать бы его до конца, это настроеніе! Все глубже и глубже одилъ онъ въ самого себя, и чѣмъ подробнѣе развертывась передъ нимъ пережитая жизнь, со всѣми ея ошибками заблужденіями, тѣмъ глубже и сознательнѣе убѣждался ъ, что жить больше ему не для чего и не для кого. Не рахъ передъ страданіями, ожидавшими его, а сознаніе безлезности этихъ страданій заставляло его уходить отъ нихъ. либъ жизнь его хоть кому нибудь была нужна, онъ, моетъ быть, пошелъ бы тогда на встрѣчу и всевозможнымъ камъ заслуженнаго позора, и испытаніямъ новой, невѣдомой зни, но такого предлога у него не находилось, а жить для бя, какъ онъ привыкъ до сихъ поръ, теперь, послѣ нравственнаго перелома, совершившагося въ немъ, казалось ему возможнымъ. Когда онъ вернулся домой, было около четыхъ часовъ. Улицы все еще были пусты и безмолвны, но ка сверкала подъ лучами восходящаго солнца; птицъ сталось все меньше слышно за шумомъ людскаго говора, охота подъѣзжавшихъ телѣгъ, всплеска воды подъ веслами. берегу начинала закипать вседневная, обычная жизнь.

V.

Въ купэ, пропитанномъ ароматомъ живыхъ цвѣтовъ—новобрачной поднесли множество букетовъ на прощанье—царствовалъ пріятный полумракъ. Фонарь въ потолкѣ былъ задернутъ, и свѣтъ, пробиваясь сквозь блѣдно-голубую тафту, разливался мягкимъ луннымъ блескомъ по бархатнымъ темнымъ диванамъ съ раскиданными въ безпорядкѣ дорожными принадлежностями, освѣщая молодыхъ супруговъ настолько, что имъ можно было любоваться другъ другомъ.

Было около трехъ часовъ утра, но ни ему, ни ей спать не хотѣлось. Возбужденный черезъ мѣру выпитымъ шампанскимъ—онъ и въ вагонѣ успѣлъ выпить бутылку,—а также новизной своего положенія (къ званію женатаго человѣка онъ привыкнуть еще не успѣлъ и относился къ нему скорѣе иронически) Михаилъ Сергѣевичъ Балтовъ былъ очень веселъ и болтливъ. Растянувшись во весь ростъ на софѣ и заложивъ руки за голову, онъ съ большимъ оживленіемъ разсказывалъ женѣ про то, что имъ предстояло видѣть въ тѣхъ странахъ, куда они мчались съ быстротою тридцати верстъ въ часъ.

— Отличная эта штука—путешествовать, вотъ увидишь! Я вездѣ былъ и знаю, какъ свои пять пальцевъ, Парижъ, Вѣну, Баденъ...

— Въ Баденѣ прекрасныя окрестности,—проговорила она разсѣянно, занятая другими мыслями,—у папа много фотографій оттуда, онъ тамъ лѣчился въ прошломъ году....

— Окрестности? Да. Впрочемъ, тамъ вездѣ природа великолѣпная. Горы, озера, скалы,—проговорилъ онъ, лѣниво потягиваясь и зѣвая.

И, вдругъ встрепенувшись подъ напливомъ воспоминаній, онъ продолжалъ со смѣхомъ:

— Въ Баденѣ рулетка .. Отгадай, сколько мнѣ было лѣтъ, когда меня въ первый разъ посадили за рулетку?

— Я не знаю... Рулетка, это—такая игра; въ нее, безъ картъ, кажется, играютъ?

— Да, да, это игра. И преинтересная, вотъ ты увидишь. Мнѣ было пять лѣтъ, когда папаша повезъ меня въ первый

разъ въ Монако. Только пять лѣтъ, честное слово. Пріѣхали мы туда подъ вечеръ, я, maman и Шарль. Этотъ Шарль былъ у насъ тогда на всѣ руки, онъ служилъ maman вмѣсто горничной, одѣвалъ ее, раздѣвалъ, причесывалъ, и за мной присматривалъ. Когда никого не было, онъ съ нами и обѣдалъ, maman положительно жить безъ него не могла. Она и въ casino, разумѣется, съ нимъ же отправилась, а меня уложили спать. И вдругъ, часовъ такъ въ одиннадцать, меня будятъ.—Что такое?—Вставайте скорѣе, одѣвайтесь, идите выручать maman, она совсѣмъ продулась, на васъ только и надежда... Открываю глаза, передо мной Шарль съ мокрымъ полотенцемъ въ рукахъ и все повторяетъ: скорѣй, скорѣй! Въ одну минуту онъ меня одѣлъ, умылъ и потащилъ. Мнѣ такъ хотѣлось спать, что у меня ноги не двигались и онъ долженъ былъ всю дорогу нести меня на рукахъ, но какъ втолкнулъ онъ меня въ casino, у меня и сонъ прошелъ! Глаза разбѣжались, не знаю, на что прежде и смотрѣть! Свѣтло, весело, шумно! Хорошенькихъ женщинъ масса, туалеты—умопомрачительные. Вѣдь туда со всего свѣта собираются кокотки, нигдѣ имъ нѣтъ такой наживы, какъ тамъ, гдѣ люди послѣдній грошъ ставятъ ребромъ. Никогда не забуду я этой минуты!—продолжалъ онъ съ восторгомъ. На зеленомъ сукнѣ кучи золота сверкаютъ; такъ и навалены, какъ щепки. Крупье сгребаетъ ихъ лопаточкой и подталкиваетъ тому, кто выигралъ. Maman посадила меня къ себѣ на колѣни и тотчасъ же стала выигрывать, что часто бываетъ. Она въ ту ночь не только весь свой проигрышъ отыграла, но еще триста франковъ придачи сцапала. На другой день мнѣ велосипедъ купили. Я такъ хорошо это помню, точно вчера случилось. Съ этихъ поръ она ужь всюду стала брать меня съ собой и вездѣ я ей приносилъ счастье. Я ѣздилъ съ нею въ Монтекарло, въ Баденъ, и вездѣ заставляла она меня ставить за себя или сидѣть возлѣ нея, когда она ставила. А потомъ, когда я выросъ, я сталъ ужь за себя играть, и тоже счастливо. Впрочемъ, одного счастья недостаточно, надо и сноровку имѣть. Безъ сноровки невозможно. Очень просто: если ты не съумѣешь во время воздержаться, когда ничего нейдетъ, или прекратишь игру, когда тебѣ валитъ, всегда останешься въ проигрышѣ; я это тебѣ сейчасъ объясню.

Глаза его горѣли; въ пылу воодушевленія онъ приподнялся и говорилъ уже сидя, а не лежа, сильно жестикулируя, пытаясь объяснить руками то, что̀ не удавалось выразить словами.

— Вотъ видишь... тамъ стоитъ столъ, тутъ крупье, здѣсь играющіе, тамъ ставки, золото...

И, спохватившись, онъ спросилъ, вскидывая на нее изумленный взглядъ своихъ красивыхъ свѣтлыхъ глазъ:

— Да неужто ты никогда не видѣла рулетки?

— Нѣтъ. Гдѣ̀ жъ мнѣ было видѣть? Въ Петербургѣ нѣтъ рулетки; я, по крайней мѣрѣ, не слышала.

Онъ презрительно свиснулъ.

— Захотѣла! Да еслибъ въ Петербургѣ была рулетка, для чего бы тогда и за границу ѣздить!.. замѣтилъ онъ наивно. Ты представить себѣ не можешь, что̀ это за занятная штука! Въ какой нибудь часъ можно тысячу франковъ выиграть, честное слово! И вѣдь ты вотъ что возьми въ соображеніе,—золотомъ! При теперешнемъ-то курсѣ, сосчитай-ка, сколько это составитъ!

— А въ Гейдельбергѣ ты былъ?—спросила она для того больше, чтобъ перемѣнить тяготившій ее разговоръ.

И, припоминая свѣдѣнія изъ недавно пройденнаго курса географіи, она нерѣшительно прибавила:—Бочка тамъ и замокъ, а также университетъ, кажется...

— Да, бочка. Ничего нѣтъ особеннаго, бочка, какъ бочка, чрезвычайно большая, вотъ и все,—отвѣчалъ онъ отрывисто, недовольный тѣмъ, что ему не дали кончить разсказъ о рулеткѣ.

— А когда будемъ мы въ Парижѣ? спросила она.

— Да вотъ надо прежде въ Берлинѣ пофланировать съ недѣльку. Въ Берлинѣ тоже есть, на что посмотрѣть,—замѣтилъ онъ, запуская руку въ большую бомбоньерку, стоявшую возлѣ него и принимаясь грызть вынутыя оттуда конфекты.

— Что жъ тамъ интереснаго?

— Какъ что? Да ужь одинъ Кроль чего стоитъ! Прелюбопытное заведеніе, я тебѣ скажу!..

Чтобъ запить конфекты, онъ раскупорилъ новую бутылку шампанскаго и, наливъ стаканъ, протянулъ ей.—Хочешь

шампанскаго? Нѣтъ? Ну, какъ знаешь, я одинъ выпью... Нѣтъ, ты не говори, въ Берлинѣ есть на что посмотрѣть,— продолжалъ онъ, вытирая себѣ губы и ставя бутылку на прежнее мѣсто, — тамъ кафе-шантановъ развелось почти столько же, сколько въ Парижѣ, да и вообще... А ты напрасно не пьешь шампанскаго, ничего не можетъ быть лучше на сонъ грядущій... Я могу его пить во всякое время, холодное, теплое, все равно, мнѣ даже лучше нравится, когда оно не шипитъ. Вотъ также конфекты... Сколько ты можешь съѣсть за разъ? Я могу фунтъ и даже два, особенно моихъ любимыхъ. Разъ я держалъ пари съ княгиней Долговой; она говоритъ: васъ стошнитъ, если вы больше фунта съѣдите, а я говорю: могу два, хотите пари? Ударили по рукамъ, условились насчетъ платы. Она обѣщала свой портретъ въ томъ костюмѣ, что на ней былъ, когда ее вывели съ бала, помнишь? Быть не можетъ, чтобъ ты не слыхала объ этой исторіи, весь городъ тогда кричалъ! А я долженъ былъ, въ случаѣ проигрыша, пройтись въ солнечный день по Невскому съ ея компаньонкой, мистриссъ Книпсъ, подъ ручку. Рожа ужаснѣйшая эта Книпсъ,—старая, на щекѣ у нея бородавка огромныхъ размѣровъ и усы. Я согласился, мнѣ было все равно, вѣдь я зналъ, что непремѣнно выиграю. И выигралъ, да еще при какой торжественной обстановкѣ! Княгиня всѣхъ своихъ пріятельницъ созвала смотрѣть на мой подвигъ. Я потребовалъ шампанскаго. Этого въ условіи не было, но такъ какъ и противъ ничего не было сказано, всѣ рѣшили, что я имѣю право запивать мои конфекты, чѣмъ мнѣ угодно. Надо было съѣсть цѣлыхъ два фунта за разъ. Это оказалось труднѣе, чѣмъ я предполагалъ, однако, съ помощью шампанскаго, пари было выиграно. Потомъ меня вырвало, но ужь послѣ, когда я вернулся домой, и никто не видѣлъ. Карточку я получилъ, княгиня нарочно для меня снялась, я повѣсилъ ее на самомъ видномъ мѣстѣ. Такія карточки теперь принято вѣшать на самое видное мѣсто. Maman увѣряетъ, что это свинство и что прежде этого не дѣлалось, но теперь мода.... Препотѣшный анекдотъ случился недавно съ Панфиловымъ. Онъ былъ въ связи съ мадамъ Андреяновой, женой извѣстнаго Андреянова, знаешь? Она ему дала свой портретъ въ костюмѣ Евы и во весь ростъ. Ну, онъ, конечно, заказалъ великолѣпную рамку и

повѣсилъ надъ диваномъ, въ кабинетѣ. И вдругъ мужъ къ нему пріѣзжаетъ съ визитомъ, можешь себѣ представить? Хорошо, что Панфилка мальчикъ не промахъ. Онъ усадилъ его высокопревосходительство задомъ къ портрету и все время такъ лавировалъ, что тому ни разу не удалось обернуться... А съ Козловымъ еще лучше штука случилась; это было при мнѣ, мы съ нимъ тогда въ Берлинѣ съѣхались... Нѣтъ, ты напрасно думаешь, что въ Берлинѣ смотрѣть не на что, тамъ превесело можно провести время, надо только знать, il faut connaître les bons endroits... Эти нѣмцы—преловкій народъ, они у себя даже моргъ завели... Знаешь, такое мѣсто, гдѣ мертвецовъ выставляютъ, для родственниковъ. Но и чужіе могутъ смотрѣть, всѣхъ пускаютъ. Это такая штука, я тебѣ скажу, не всякій можетъ выдержать, такъ страшно! При мнѣ съ однимъ господиномъ обморокъ сдѣлался. Когда я бываю въ Парижѣ, я всегда туда захожу. Мнѣ все это нипочемъ. Я очень храбрый. Мнѣ кажется, что я и на войнѣ бы не испугался. Я все видѣлъ, я видѣлъ, какъ человѣка казнили, честное слово! И ничего, даже и не вздрогнулъ, право! Это очень просто, гильотина—знаешь—чикъ, и готово...

Долго распространялся онъ въ томъ же духѣ, перескакивая безъ смысла и безъ связи отъ одного предмета къ другому и безпрепятственно вытряхивая передъ своей женою пустой, безсодержательный хламъ, которымъ была набита его голова. Она слушала его молча и съ возрастающимъ недоумѣніемъ. Что за странныя темы выбираетъ онъ для бесѣды съ нею въ эту ночь, ихъ первую ночь? Неужели ничего другаго не находитъ онъ ей сказать? Душа ея была въ смятеніи, на лицѣ горѣли еще поцѣлуи, и вся она трепетала отъ его недавнихъ объятій; но ей было грустно и жаль себя, и стыдно, точно взялъ ее неожиданно и насильно чужой, противный человѣкъ, а не любимый юноша, предметъ ея восторженныхъ желаній. А между тѣмъ, онъ все тотъ же, этотъ юноша, теперь ея мужъ: все то же наивное самодовольство сверкаетъ въ его свѣтлыхъ, прозрачныхъ глазахъ и все та же очаровательная улыбка открываетъ, ослѣпительной бѣлизны, зубы между алыми губами; почему же ничего, кромѣ досады и безотчетнаго отвращенія, не возбуждаютъ въ ней теперь эти глаза и эти губы?

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она той минуты, когда ихъ оставятъ вдвоемъ, когда имъ не будутъ мѣшать ознакомиться другъ съ другомъ! Ну, вотъ они теперь одни и могутъ на свободѣ предаваться сердечнымъ изліяніямъ. И нельзя сказать, чтобъ онъ былъ скупъ на слова, о, нѣтъ! Такого неугомоннаго болтуна, какимъ оказался ея мужъ, она еще не встрѣчала. Отъ берлинскихъ кафе-шантановъ и кокотокъ онъ перескочилъ къ обезьянамъ въ парижскомъ Jardin des Plantes. Онѣ, повидимому, произвели на него весьма сильное впечатлѣніе: при одномъ воспоминаніи объ ихъ гримасахъ и прыжкахъ, онъ покатывался со смѣху. Слушательницѣ его съ минуты на минуту становилось все тоскливѣе и тоскливѣе. Ужь лучше бы онъ молчалъ; она могла бы тогда хотя воображать, что онъ думаетъ о чемъ либо болѣе интересномъ, чѣмъ тотъ вздоръ, который онъ мелетъ безъ передышки. Отъ его смѣшныхъ анекдотовъ ей хотѣлось плакать, и вопросъ: неужели всегда такъ будетъ? преслѣдовалъ ее съ раздражительною настойчивостью. Наконецъ, она совсѣмъ перестала его слушать и, откинувъ голову въ тѣнь, на спинку кресла, чтобъ онъ не могъ видѣть ея лица, вся ушла въ свои думы.

Вспоминался ей отецъ: какъ онъ былъ озабоченъ въ послѣднее время! Даже когда смѣялся, шутилъ и острилъ, по своему обыкновенію, — зловѣщая складочка, гнѣздившаяся между его бровями, не разглаживалась, и натянутость чувствовалась въ его тонѣ, точно онъ притворялся только довольнымъ и веселымъ, а на самомъ дѣлѣ ему грустно и досадно на что-то.

— Папа, что съ тобой? спрашивала она у него, ласкаясь и заглядывая ему въ глаза. Ты недоволенъ, что я выхожу замужъ?

— Да вѣдь ты его любишь, голубчикъ, какъ же могу я быть этимъ недоволенъ? отвѣчалъ онъ уклончиво, цѣлуя ее и поспѣшно заговаривая о другомъ, стараясь шуткой разсѣять ея сомнѣнія.

И ему это удавалось, какъ нельзя лучше. Она была въ такомъ чаду, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалась невѣстой! Она не понимала даже и того, что дѣлалось въ ея собственномъ сердцѣ,—гдѣ же ей было читать въ чужой душѣ!

Поѣздъ мчался все дальше, безъ остановки, дальше отъ всего того, къ чему ее теперь такъ тянетъ, и онъ, кажется, полжизни отдалъ бы съ восторгомъ, чтобъ вернуться назадъ.

Ей жаль было всего, что она оставляла за собой: жаль комнатки, обитой розовымъ кретономъ, съ ея дѣвичьей кроватью, подъ большимъ кисейнымъ пологомъ, и горничной Лизы, которая такъ горько плакала, прощаясь съ нею, и такъ умоляла взять ее съ собой; жаль старика камердинера, носившаго ее на рукахъ, когда она была еще крошечной дѣвочкой, а теперь такъ бережно и любовно подсаживавшаго ее въ карету, когда она ѣхала на балъ съ отцомъ или съ компаньонкой. Ей жаль было всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, даже и тѣхъ, что не возбуждали въ ней особенной пріязни въ то время, когда ей можно было видѣться съ ними каждый день. Хотѣлось всѣмъ имъ сказать, что она ихъ любитъ и что ей грустно разставаться съ ними. Но кому ей въ особенности хотѣлось открыть свою душу въ эту минуту—это отцу. Никогда не любила она его такъ нѣжно, какъ въ эту ночь. Никогда не воображала она, что онъ занимаетъ такое огромное мѣсто въ ея сердцѣ, и что для нея будетъ такое лишеніе не видѣть его, не слышать его голоса... Зачѣмъ не сказала она ему этого передъ отъѣздомъ, когда онъ стоялъ у окна вагона и, цѣлуя ея руки, влажнымъ, полнымъ тревоги взглядомъ смотрѣлъ на ея мужа? Какъ дрогнулъ его голосъ, когда послѣ третьяго звонка онъ произнесъ, указывая на нее:—Берегите ее, Михаилъ Сергѣевичъ!

Одинъ только разъ и видѣла она у него такое выраженіе во взглядѣ и въ голосѣ. Это было давно, много лѣтъ тому назадъ, еще до поступленія ея въ институтъ, когда у нея былъ дифтеритъ и надо было сдѣлать операцію. Гувернантка, нервная особа, выбѣжала изъ комнаты, няня тоже никуда не годилась, у нея тряслись руки и слезы катились изъ глазъ. Докторъ сказалъ:—помогите хоть вы мнѣ, Алексѣй Андреевичъ!—Но и ему тоже, какъ видно, не хотѣлось держать дѣвочку на колѣнахъ въ то время, какъ ей будутъ дѣлать что-то страшное въ горлѣ. Однако, когда докторъ повторилъ свое приглашеніе, онъ всталъ и, не подымая глазъ, какъ-то усиленно моргая ими, чтобы сдержать навертывающіяся слезы, началъ бережно и неловко приподнимать

ее съ постели. Нянька кинулась было помогать ему, но онъ сердито проговорилъ:—оставьте, ужь я лучше самъ!— Крѣпко обвиваясь голыми ручонками вокругъ его шеи и царапаясь ими объ его погоны, она прижималась горячей щечкой къ его лицу. Усы его щекотали ей шейку, она чувствовала его прерывистое дыханіе, и всѣмъ своимъ маленькимъ существомъ сознавала, что онъ любитъ ее, жалѣетъ и боится за нее,—такъ боится, какъ никогда, во всю свою жизнь за себя не боялся, а между тѣмъ онъ старается смѣяться и шепчетъ ей какой-то ласковый вздоръ, чтобъ успокоить ее и разсмѣшить... Милый, милый папа!

Изъ всѣхъ подробностей вынесенной болѣзни, мучительной и длинной (она, говорятъ, цѣлыхъ шесть недѣль пролежала въ постели и всѣ доктора были увѣрены, что умретъ) у нея запечатлѣлся въ памяти одинъ только этотъ эпизодъ...

Все также мягко свѣтитъ фонарь сквозь голубую тафту и также сладко благоухаютъ лежащія подлѣ нея розы, левкои, ландыши и резеда. Мужъ ея заснулъ наконецъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ смолкъ, пыхтѣніе и стукъ машины раздаются въ ушахъ еще явственнѣе, а легкіе толчки и покачиванье вагона, постепенно раздражая нервы, дѣлаются все чувствительнѣе. Отъ протяжныхъ, жалобныхъ свистковъ, отчаяннымъ воплемъ раздирающихъ воздухъ, она вздрагиваетъ и пугается. Хоть бы заснуть! Но глаза не смыкаются и кажется ей, что она до тѣхъ поръ не успокоится, пока этотъ „чужой“, что лежитъ передъ нею, не уйдетъ прочь. Онъ ей мѣшаетъ спать и думать; онъ ей жить мѣшаетъ! Съ досадой, почти съ ненавистью всматривалась она въ его красивое лицо, съ тонкими, точно выточенными чертами и полуоткрытымъ ртомъ. Этотъ полуоткрытый, неподвижный ротъ казался ей отвратительнымъ. Михаилъ Сергѣевичъ лежалъ на спинѣ, подушка сползла изъ-подъ его головы и храпъ со свистомъ, вылетавшій изъ его груди, покрывалъ по временамъ даже шумъ паровоза. Преглупое выраженіе лица было у него въ эту минуту,—такое глупое, что, еслибъ она раньше увидала его спящимъ, ни за что не влюбилась бы въ него.

Прошло еще съ часъ времени, безконечно длинный и томительно тоскливый. Все та же тупая боль грызла ей сердце,

но мысли становились сбивчивѣе и въ полудремотѣ, постепенно овладѣвавшей ею, видѣнія изъ міра грезъ сливались съ образами, вызванными фантазіей. Среди несмолкаемаго грохота бѣгущаго поѣзда кто-то звалъ ее умоляющимъ воплемъ: „Маша! Маша!“ Она узнавала голосъ отца, вздрагивала, широко раскрывала глаза и спѣшила снова ихъ закрыть, чтобъ не видать растянувшейся передъ нею фигуры мужа.

Поѣздъ пошелъ медленнѣе, свистки становились чаще, длиннѣе и пронзительнѣе. Она тихо и осторожно приподнялась съ мѣста, опустила окно и выглянула изъ него. На нее пахнуло свѣжестью, запахомъ дегтя, дыма и, сквозь бѣловатую мглу занимавшагося утра, она увидѣла станцію, къ которой приближался поѣздъ. Ихъ тамъ ждали съ фонарями. Мигающіе красноватымъ пламенемъ огоньки еще боролись съ блѣднымъ свѣтомъ, сгонявшимъ съ неба и съ земли черныя тѣни, но съ каждой минутой безуспѣшнѣе, и, по мѣрѣ того какъ они меркли и тухли, все гуще и бѣлѣе становился туманъ, въ которомъ утопала даль, перерѣзанная нитями телеграфной проволоки. Она глядѣла на эти проволоки и думала о вѣстяхъ, что несутся по нимъ издалека — Кому горе, кому отчаянье и смерть принесутъ эти вѣсти, а кому и радость. Послать развѣ и ей привѣтъ отцу? Сказать ему, что она любитъ его больше всѣхъ на свѣтѣ, и что ей очень жутко и тоскливо безъ него?

Не успѣла мысль эта сложиться въ ея головѣ, какъ она вынула изъ дорожной сумки записную книжку, оторвала отъ нея листокъ и съ лихорадочною поспѣшностью начертала на немъ карандашемъ нѣсколько строкъ.

— Что ты это пишешь?—раздался надъ ея наклоненной головой голосъ мужа.

Въ шумной суматохѣ остановившагося поѣзда, она не слышала, какъ онъ проснулся и поднялся съ мѣста.

— Ничего, — проговорила она съ испугомъ, сжимая въ рукѣ исписанный листокъ.

Онъ отлично выспался и находился въ игривомъ настроеніи. Протягивая губы къ ея губамъ, онъ и не замѣтилъ, что она нагнулась, чтобъ уклониться отъ его поцѣлуя и звонко чмокнулъ ее въ щеку.

— Что это? Путевыя впечатлѣнія вздумала записывать! — продолжалъ онъ приставать къ ней со смѣхомъ, протягивая руку къ листку.

— Оставьте меня,—промолвила она съ раздраженіемъ.

Онъ не настаивалъ. Кондукторъ, отпирая на ходу дверцу вагона, объявилъ. что поѣздъ стоитъ здѣсь десять минутъ.

Михаилъ Сергѣевичъ засуетился.

— Десять минутъ... Можно и чаю напиться... Хочешь чаю? Пройдемся по платформѣ,—предложилъ онъ женѣ.

Она и отъ чаю, и отъ прогулки отказалась. Ей одно только было нужно, чтобъ онъ ушелъ скорѣе. Когда, оправляя на ходу свой костюмъ, онъ скрылся изъ виду въ толпѣ пассажировъ, хлынувшей къ растворенным дверямъ вокзала, она вздохнула свободнѣе и стала искать глазами, кому бы поручить отправку написанной депеши. Мимо окна, у котораго она стояла, проходили и кондукторы, и другіе люди, но въ волненіи своемъ, въ страхѣ не успѣть, она всѣ опаздывала и протягивала руку съ листкомъ уже тогда, когда пробѣгавшій мимо человѣкъ былъ далеко и не могъ видѣть ни листка, ни ассигнаціи, приложенной къ нему. Въ первый разъ въ жизни приходилось ей самой отправлять депешу, она не знала, какъ это дѣлается и сердце у нея замирало отъ страха при мысли, что ей не удастся довести до благополучнаго конца задуманное предпріятіе. Раздался звонокъ, платформа стала покрываться спѣшащими къ вагонамъ пассажирами. Въ дверяхъ вокзала появился и Михаилъ Сергѣевичъ. Ее забила лихорадка отъ досады и волненія, и ей такъ захотѣлось отправить свою депешу непремѣнно сейчасъ, сію минуту, что на нее напала отчаянная рѣшимость и, высунувшись изъ окна, она стала махать листкомъ.

— Вамъ депешу отправить? Пожалуйте, произнесъ вдругъ чей-то охрипшій голосъ, не съ той стороны, куда она смотрѣла, а гдѣ-то снизу, точно изъ-подъ земли.

Но задумываться и колебаться нельзя было. Звонки быстро слѣдовали одинъ за другимъ и Михаилъ Сергѣевичъ ужь отворилъ дверцу купэ. Онъ прыгнулъ въ него въ то самое мгновеніе, когда грубая, грязная рука вырывала изъ пальцевъ его жены исписанный карандашемъ листокъ съ пятирублевой бумажкой; поѣздъ ужь трогался.

— А ты, вѣрно, боялась, что я опоздаю? спросилъ онъ, усаживаясь на свое мѣсто.

Выходя изъ вокзала, онъ видѣлъ, какъ она машетъ чѣмъ-то бѣлымъ изъ окна и принялъ сигналъ этотъ на свой счетъ. Ей, вѣрно, съ непривычки къ путешествіямъ, показалось, что онъ не успѣетъ добѣжать до вагона? Напрасно. Онъ отлично бѣгаетъ и такъ привыкъ къ желѣзнодорожнымъ порядкамъ, что умѣетъ пользоваться даже и двухминутной остановкой, честное слово! Такого скорохода и гимнаста, какъ онъ, поискать! Онъ и ходить, и прыгать, и лазить мастеръ. А мускулы у него какъ развиты, чудо! говорилъ онъ, подставляя ей руку съ напряженной шишкой мускуловъ, пониже плеча. И, не обращая вниманіе на то, что она продолжаетъ смотрѣть изъ окна, повернувшись къ нему спиной, онъ сталъ упражняться въ другихъ тому подобныхъ штукахъ, съ цѣлью доказать ей свою силу и ловкость. Такихъ штукъ онъ зналъ множество, и, еслибъ только въ вагонѣ было больше мѣста, онъ показалъ бы ей такіе фокусы, какихъ она еще никогда не видывала.

Занятая своими думами, она не вслушивалась въ его болтовню, но голосъ его раздражалъ ее, какъ несносное жужжаніе назойливой мухи и, чтобъ заставить его смолкнуть, она прибѣгла къ уловкѣ, уже разъ удавшейся ей,— объявила, что хочетъ спать. Новыя мысли, возникавшія одна за другой въ ея умѣ, давили ей мозгъ, затемняли разсудокъ, сбивали ее съ толку и пугали до такой степени, что временамъ ей казалось, что она съ ума сходитъ. Что она надѣлала? Зачѣмъ отдала себя этому мальчишкѣ? Почему не замѣтила она раньше его эгоизма, глупости и пустоты? И какъ ей теперь быть? Никогда не привыкнетъ она къ нему,—онъ ей слишкомъ противенъ! Да и онъ тоже ее не любитъ, это ясно, какъ день. Еслибъ онъ хоть немножко, хоть крошечку ее любилъ, онъ замѣтилъ бы, какъ она разстроена и печальна, онъ постарался бы ее утѣшить и успокоить, но онъ только о себѣ думаетъ, о томъ, какъ ему хорошо будетъ жить и веселиться на ея деньги... Онъ только изъ-за денегъ и женился на ней... Да, она успѣла ужъ и до этого додуматься,—вотъ какъ быстро состарила ее эта ночь!

Пока она съ закрытыми глазами и уткнувшись головой въ подушку, предавалась такимъ безотраднымъ соображеніямъ, Михаилъ Сергѣевичъ развлекался совсѣмъ инымъ способомъ. Самыя веселыя и беззаботныя мысли бродили у него въ душѣ. Онъ курилъ, смотрѣлъ въ окно, перелистывалъ прихваченную на дорогу коллекцію юмористическихъ иллюстрированныхъ брошюрокъ и наконецъ, вспомнивъ, что онъ не успѣлъ еще сегодня „сдѣлать свой туалетъ“, вынулъ изъ чехла изящный дорожный несессеръ, подаренный ему тестемъ, отперъ его и сталъ пробовать передъ зеркаломъ, извлеченнымъ изъ этого же несессера, щетки, гребни, пилочки всевозможныхъ формъ и величинъ надъ своими кудрями, усами и ногтями. Въ несессерѣ были и пудра, и одеколонъ, и фиксатуаръ, и разныя другія туалетныя принадлежности; все это Михаилъ Сергѣевичъ пустилъ въ ходъ, а когда физіономія его приняла приличный видъ, онъ занялся своимъ костюмомъ, точно также старательно, какъ и лицомъ, не торопясь, съ серьезнымъ видомъ человѣка, проникнутаго важностью совершаемаго имъ дѣйствія. Занятіе это длилось около часу. Жена его продолжала спать или притворяться спящей; тогда, тихонько посвистывая, онъ снова принялся за свои альбомы съ карикатурами. Но, минутъ черезъ двадцать, ему это надоѣло. Солнце поднималось все выше и выше; спущенная занавѣска передъ открытымъ окномъ вздувалась отъ легкаго душистаго вѣтерка, вносившаго въ вагонъ ароматы полей и лѣсовъ, мимо которыхъ мчался поѣздъ. Михаилъ Сергѣевичъ откинулся на спинку бархатнаго кресла и въ истомѣ, навѣваемой на него утренней прохладой, началъ мечтать о предстоящихъ ему наслажденіяхъ. Наслажденій этихъ, благодаря выгодной женитьбѣ, предвидѣлась ему цѣлая масса. Ужь и раньше весело было шляться по парижскимъ бульварамъ и кутить съ шалопаями одного съ нимъ полета, а теперь, когда и денегъ можно тратить несравненно больше, и полная свобода во всемъ,—будетъ еще пріятнѣе. Такое счастье сознавать себя вполнѣ самостоятельнымъ человѣкомъ, не зависѣть отъ maman и дѣлать все, что придетъ въ голову, никому и ни въ чемъ не давая отчета!

Вообще, все устроилось какъ нельзя лучше. Впрочемъ, онъ былъ всегда увѣренъ, что ему стоитъ только захотѣть, и

тотчасъ же найдется невѣста съ милліономъ приданаго, которая за величайшее счастье почтетъ предоставить и себя, и свое состояніе въ его полное распоряженіе. До сихъ поръ онъ жилъ и веселился на деньги, выдаваемыя ему матерью; теперь онъ будетъ брать деньги у жены. Это вполнѣ естественно, и если взять въ соображеніе, что наслѣдственнаго состоянія у него нѣтъ и что заработать онъ ничего не можетъ, удобнѣе такого положенія даже трудно себѣ и представить. Какіе экипажи заведетъ онъ себѣ въ Лондонѣ, когда его прикомандируютъ къ посольству! Какъ шикарно обставитъ онъ свою квартиру!

Но думать молча о томъ, какого цвѣта ливрея будетъ у его прислуги и какой масти лошадей онъ купитъ, ему наконецъ прискучило. Нрава онъ былъ сообщительнаго и долго молчать было для него пыткою. Ему стало досадно на жену, что она спитъ въ то время, когда ему хочется говорить, и онъ сталъ шумѣть, возиться, громко свистать и напѣвать куплеты изъ модныхъ шансонетокъ, чтобъ разбудить ее. Но она не просыпалась и еще упорнѣе отвертывалась отъ него, еще плотнѣе прижималась лицомъ къ подушкѣ при каждой его попыткѣ разбудить ее. Тогда онъ снова кидался къ окну и разсѣяннымъ взглядомъ слѣдилъ за бѣгущими мимо лугами, рощами, деревеньками. Разница въ температурѣ и растительности между здѣшней мѣстностью и той, что они покинули только наканунѣ вечеромъ, была рѣзкая. Тамъ весна только еще начиналась, а здѣсь она ужь была въ полномъ блескѣ. Луга пестрѣли цвѣтами; въ палисадникахъ, окружавшихъ желѣзнодорожныя строенія, виднѣлись розовые кусты въ цвѣту. Дальше будетъ еще прекраснѣе, и завтра, въ эту пору, на станціяхъ къ нимъ будутъ подходить дѣвушки въ живописныхъ костюмахъ, съ корзинками земляники и крупныхъ, сочныхъ вишенъ.

— Станція!.. Пять минутъ остановки! Пять минутъ! — прокричалъ кондукторъ, пробѣгая мимо оконъ, съ выглядывающими ихъ нихъ пассажирами.

И не успѣлъ поѣздъ остановиться, какъ раздался голосъ того же кондуктора съ платформы. Теперь онъ бѣжалъ по деревяннымъ мосткамъ съ конвертомъ въ рукѣ и, заглядывая въ вагоны 1-го класса, повторялъ: „Балтовъ... Михаилъ Балтовъ... Депеша Михаилу Балтову...“

У купэ, занятаго молодыми, онъ остановился.

— Я Балтовъ, дайте! — объявилъ Михаилъ Сергѣевичъ, ыдаясь къ окну и протягивая руку за депешей.

— Отъ mamаn, вѣрно,—проговорилъ онъ, разрывая об-атку, скрѣплявшую края сложеннаго бланка,—и пари дер-у, что съ какимъ нибудь порученіемъ для ея модистки въ ерлинѣ, а, можетъ быть...

Онъ не договорилъ. Извѣстіе, сообщенное ему по теле-рафу, такъ его озадачило, что онъ въ первую минуту остол-енѣлъ отъ изумленія. Жена его перестала притворяться спя-щей съ той самой минуты, какъ кондукторъ произнесъ имя Балтова и, сорвавшись съ мѣста, съ широко раскрытыми лазами, смотрѣла на него. Ноги ея дрожали, и отъ толчка тронувшагося поѣзда она зашаталась, но не опустилась на прежнее мѣсто, а, ухватившись похолодѣвшими пальцами за спинку кресла, продолжала смотрѣть на листокъ бумаги въ его рукахъ. Предчувствіе чего-то страшнаго охватило ея ду-шу. Онъ нѣсколько мгновеній молчалъ. Брови его приподня-лись, и ротъ слегка раскрылся; видно было, что онъ еще не въ силахъ понять и обсудить случившееся.

— Прочитайте... что это значитъ? Я ничего не понимаю!.. ы должны знать,—проговорилъ онъ наконецъ глухо и без-вязно, протягивая ей депешу:—правда ли, что домъ вашъ за-оженъ?

Слова съ трудомъ вылетали изъ стиснутаго нервною спаз-ой горла, губы побѣлѣли отъ волненія, а на глаза наверт-ывались слезы.

— Что жъ вы молчите! вскричалъ онъ вдругъ визгливо. утъ говорится, что вы разорены... отецъ промоталъ ваше остояніе... что жъ это за свинство!.. Вѣдь это... вѣдь это орту знаетъ что такое!... воровство... мошенничество... за го....

Голосъ его дѣлался все крикливѣе и крикливѣе отъ злос-ти, и, въ промежуткахъ между взвизгиваньями, онъ всхли-ывалъ, а лицо его передергивалось отъ усилій сдержать ры-анія.

— Mamаn говоритъ... вернуться назадъ... за границу хать нельзя... Что жъ это такое? Все такъ чудесно устро-лось, и вдругъ!.. да что же это такое? повторялъ онъ съ

отчаяніемъ:—Maman пишетъ, что домъ вашъ заложенъ, правда это?

А она, напротивъ, успокоивалась по мѣрѣ того, какъ вникала въ смыслъ полученнаго извѣстія. Такъ вотъ отчего отецъ ея былъ такъ разстроенъ послѣднее время! Разорена!.. Значитъ, у нея будетъ меньше денегъ, гораздо меньше. Нельзя будетъ покупать все, что понравится въ магазинахъ, нельзя наряжаться и ѣздить въ гости, нельзя жить за границей... Но зато они вернутся назадъ, и она опять будетъ дома, со своими, съ отцемъ, и все, все ему разскажетъ! О, какое счастье! Ужь онъ придумаетъ что нибудь... онъ спасетъ ее, непремѣнно спасетъ! Онъ пойметъ, что она не можетъ жить съ такимъ мужемъ и опять возьметъ ее къ себѣ... а деньги... ну, что за важность, что у нея не будетъ денегъ, даже лучше: теперь она можетъ доказать отцу, какъ она его любитъ... Бѣдный папа! Какъ онъ мало ее знаетъ! Правда, что и сама-то она узнала себя только въ эту ночь... Слава богу, что ей вздумалось послать ему депешу! Теперь ему извѣстно, что, кромѣ его любви, у нея ничего не остается...

— Что жъ вы ничего не говорите?—вскричалъ Михаилъ Сергѣевичъ, раздраженный ея молчаніемъ и страннымъ, загадочнымъ выраженіемъ лица.

Подъ впечатлѣніемъ новыхъ мыслей, въ безпорядкѣ затѣснившихся у нея въ мозгу, на глаза ея навертывались слезы умиленія и радости, и она улыбалась при этомъ такой блаженной улыбкой, что онъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Что жъ вы молчите? Это глупо наконецъ! У васъ спрашиваютъ!.. вы должны знать... вѣдь домъ принадлежитъ вамъ, онъ не могъ заложить его безъ вашего согласія, безъ вашего позволенія...

— Я ему дала довѣренность, твердо произнесла она.

Что-то вызывающее засверкало въ ея глазахъ, она вспыхнула, выпрямилась и съ презрительной усмѣшкой смотрѣла ему прямо въ глаза. Онъ зашатался еще больше и отчаяннѣе подъ этимъ взглядомъ.

— А деньги гдѣ? Деньги гдѣ? Истратилъ вѣрно? Укралъ? Я его за это въ Сибирь... на каторгу...

— Молчите!—вскричала она вдругъ такъ запальчиво, что онъ въ испугѣ смолкъ на полусловѣ.

И, задыхаясь отъ гнѣва, она прибавила глухимъ шопотомъ:

— Я васъ терпѣть не могу!

О несчастной женитьбѣ молодаго Балтова было много толковъ въ городѣ. Всѣ жалѣли бѣдную Елену Владиміровну, устроившую такъ неудачно судьбу своего единственнаго и обожаемаго сына, и терялись въ догадкахъ относительно причины, побудившей молодыхъ разстаться такъ скоро послѣ свадьбы. Но до истины, въ этомъ случаѣ, трудно было добраться; на всѣ разспросы г-жа Балтова отвѣчала только слезами, вздохами и увѣреніями, что согласится лучше видѣть своего сына мертвымъ, чѣмъ мужемъ *такой особы*, какъ дочь полковника Бранцевича. И въ голосѣ ея, когда она произносила имя невѣсты и ея отца, звучало такое неподдѣльное отвращеніе и ненависть, что всѣ считали своимъ долгомъ перемѣнить разговоръ и отвлечь ея мысли отъ непріятнаго предмета.

И отъ полковника тоже самые близкіе къ нему люди ничего не могли узнать. Онъ взялъ продолжительную командировку въ восточную Сибирь; дочь его поѣхала съ нимъ и тайну свою они увезли съ собой.

Н. Северинъ.

Два стихотворенія.

I.

Поэту.

(Н. М. Минскому).

Свѣтлыхъ мгновеній
Въ жизни печальной
Ищетъ твой геній.
Сонъ идеальный
Онъ облекаетъ
Въ яркія краски,
Онъ увлекаетъ
Прелестью сказки.
Сладокъ, какъ счастье,
Грозенъ, какъ битва,
Весь онъ—участье,
Весь онъ—молитва!

II.

Поэзія.

Хранитъ душа поэта
Источникъ красоты—
Тамъ пышнаго расцвѣта
Ждутъ въ сумракѣ цвѣты.

Внезапно распускаетъ
Свой яркій лепестокъ,
И дышетъ, и сверкаетъ
Таинственный цвѣтокъ.

Но праздною рукою
Лишь кто его сомнетъ,
Онъ блѣдною звѣздою
Мелькнетъ и пропадетъ.

Онъ сотканъ изъ тумана,
Зовется онъ мечтой...
Зіяетъ долго рана
Потомъ въ душѣ больной.

І. Ясинскій.

БИБЛІОТЕКИ

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ НАРОДНИКИ.

I.

Нашимъ образованнымъ читателямъ небезъинтересно будетъ знать, вслѣдствіе какихъ побудительныхъ причинъ, съ какими силіями и громадными затратами послѣдовало наше обращеніе къ народности въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, и кто именно далъ толчокъ этому дѣлу. Какъ очевидецъ кипучей историко-литературной дѣятельности того времени, совершавшейся на моихъ глазахъ, и находясь въ близкихъ сношеніяхъ со многими дѣятелями, обновившими тогда въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ монументальное зданіе русской народности, я считаю долгомъ разсказать здѣсь о трудахъ и результатахъ тогдашнихъ поисковъ за уцѣлѣвшими остатками русской старины, тѣмъ болѣе, что, въ самый разгаръ работы, я тоже вовлеченъ былъ въ этотъ замѣчательный археологическій походъ.

Назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ, наше общество еще не помышляло о ближайшемъ ознакомленіи съ своей народностью, не говоря уже о памятникахъ нашей государственной и исторической жизни. Все же, что̀ мы тогда знали, было намъ извѣстно лишь въ общихъ чертахъ, поверхностно, туманно... И вдругъ появился свѣтъ—яркій, совершенно неожиданный, выяснившій намъ, что̀ мы такое, освѣтившій самый фундаментъ нашей государственной и гражданской жизни, заваленный вѣковымъ щебнемъ.

До начала второй четверти текущаго столѣтія, до 1826 г., мы мало помышляли о своей народности, находясь всецѣло подъ вліяніемъ французской литературы, хотя, впрочемъ, уже въ началѣ XIV столѣтія выдающіеся русскіе люди чувствовали необходимость освѣтить основы русской исторической жизни. Такъ, еще кіевскій митрополитъ Кипріянъ, родомъ сербъ, первый позаботился о собираніи памятниковъ русской народности, а въ XVI вѣкѣ московскій митрополитъ Макарій тоже старался о сохраненіи для потомства народныхъ преданій и повѣствованій, вошедшихъ

въ его „Четіи Минеи“ или „Житія святыхъ“,—не щадя никакихъ издержекъ на собираніе необходимыхъ ему свѣдѣній.

Въ половинѣ XVII столѣтія, патріархъ Никонъ, хотя и происходившій изъ простолюдиновъ, пошелъ еще дальше: онъ такъ высоко цѣнилъ отечественные памятники, что повелѣлъ собирать ихъ во всей своей прежней новгородской епархіи и доставлять въ устроенный имъ Нововоскресенскій монастырь, гдѣ они должны были сохраняться для отдаленнаго потомства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оградить этихъ нѣмыхъ, но дорогихъ свидѣтелей судебъ родины и русской народности отъ хищническихъ рукъ, грозный патріархъ на каждой лѣтописи или другой древней книгѣ собственноручно начерталъ: „Лѣта 7169-го сію книгу по„ложилъ въ домъ святаго живоноснаго Воскресенія Господня и „Спаса нашего Іисуса Христа Новаго Іерусалима смиренный Ни„конъ, Божіею милостью патріархъ, а кто восхощетъ ю устроити, „яко же Ахавъ, сынъ Халміевъ, или утаитъ, яко же Ананія или „Сапфира,—да отыметъ отъ него Господь Богъ святую свою ми„лость и затворитъ двери святыхъ щедротъ своихъ, и да прі„детъ неблагословеніе и клятва, и казнь Божія душевная и тѣ„лесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ, а въ будущемъ вѣчная мука; а кто „сіе писаніе какимъ злымъ умышленіемъ испишетъ отъ книги сея, „да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя“. Этихъ словъ весьма достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ патріархъ Никонъ дорожилъ памятниками старины...

Въ началѣ прошлаго столѣтія, императоръ Петръ, проѣзжая чрезъ Кенигсбергъ, посѣтилъ тамошнюю,—замѣчательную для того времени,—университетскую библіотеку. Нѣмцы, знакомя русскаго царя съ разными рѣдкими учеными изданіями, показали ему, между прочимъ, хранившійся въ библіотекѣ списокъ „Нестеровой лѣтописи“. Царь до того заинтересовался ею, что, возвратившись въ Россію, издалъ указъ о сохраненіи всякаго рода и вида памятниковъ отечественной исторіи,—и, считая ихъ источникомъ народнаго образованія, приказалъ графу Я. В. Брюсу, извѣстному своею ученостью, вступить въ переписку съ знаменитымъ германскимъ ученымъ Лейбницемъ объ изслѣдованіи происхожденія русскаго народа. Смерть Лейбница, въ 1716 году, прекратила эту переписку въ самомъ ея началѣ; однако, новоучрежденная въ Петербургѣ академія наукъ, спустя десять лѣтъ, исполнила желаніе Петра Великаго, и академикъ Байеръ—первый написалъ разсужденіе объ основаніи русскаго государства. Нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдствіе толчка, даннаго Петромъ Великимъ, Татищеву пришла мысль написать русскую исторію. Она долго ле-

жала подъ спудомъ и, наконецъ, увидѣла свѣтъ Божій только по приказанію императрицы Екатерины II, которая много думала и заботилась о русской исторіи и русской народности. Государыня поощряла всякія историческія изслѣдованія; вызывала въ Россію иностранцевъ, для разработки нашихъ историческихъ памятниковъ; наконецъ, сама составляла „Записки касательно Русской исторіи". Ей первой пришла мысль о „Сводѣ" русскихъ законовъ,—или, какъ тогда выражались, „Уложеніи",—но мысль эта не могла осуществиться по разнымъ обстоятельствамъ. Конечно, составленіе Свода законовъ не могло быть выполнено на скорую руку, безъ собранія законовъ, грамотъ, указовъ и другихъ юридическихъ актовъ, хотя бы съ начала семнадцатаго столѣтія. Поэтому, всѣ усилія и благія намѣренія государыни не принесли ожидаемыхъ плодовъ, за неимѣніемъ людей, которые бы умѣли взяться за это громадное дѣло, организовать его и осуществить ея желаніе.

Въ царствованіе Александра I, въ Россіи является первый русскій историкъ въ полномъ значеніи слова,—какъ тогда понимали исторію,—Карамзинъ. Онъ былъ лучшій тогдашній прозаикъ и, по своему образованію, единственный человѣкъ, который могъ взяться—увлекательно и интересно разсказать русскимъ прошлую судьбу ихъ родины. Карамзину приходилось заниматься въ тогдашнихъ затхлыхъ московскихъ архивахъ, добывать себѣ старинныя рукописи и книги изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и онъ добросовѣстно выполнилъ свое призваніе, насколько это было тогда возможно.

Къ счастью Карамзина, въ это время уже явилось нѣсколько личностей, которыя живо интересовались памятниками русской старины и,—при содѣйствіи тогдашняго покровителя всѣхъ занимавшихся отечественной исторіей, государственнаго канцлера Н. П. Румянцева,—старались обнародовать ихъ. Такъ, помощникъ управляющаго московскимъ архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, извѣстный своими историческими трудами Н. Н. Бантышъ-Каменскій, напечаталъ въ 1813—1827 гг. чрезвычайно важный историческій матеріалъ: „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ"; митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) извѣстный любитель отечественной старины, жившій въ историческихъ центрахъ Россіи—Новгородѣ, Псковѣ, Вологдѣ и Кіевѣ, напечаталъ нѣсколько весьма важныхъ историческихъ монографій и свой замѣчательный „Словарь духовныхъ писателей", имѣвшій значеніе для Карамзина. Здѣсь также слѣдуетъ упомянуть о замѣчательномъ и совершенно забытомъ трудѣ профессора мос-

ковскаго университета І. Г. Буле, составившаго не безъ усиленныхъ трудовъ книгу, написанную имъ на нѣмецкомъ языкѣ: „Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte“ [1], представляющую теперь необычайную рѣдкость. Вотъ и все, что было сдѣлано капитальнаго въ царствованіе Александра I, для уясненія нашей народности.

II.

Вторая четверть текущаго столѣтія составляетъ эпоху въ изслѣдованіи и обнародованіи памятниковъ русской народности.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ открыты не одни Кіевскія Золотыя Врата, но открытъ весь фундаментъ русской народности, засыпанный въ теченіе многихъ вѣковъ нашимъ невѣжествомъ. Причины, почему тогда такъ горячо заинтересовались этимъ дѣломъ и не пожалѣли на раскопки русской забытой старины громадныхъ средствъ, принесшихъ неожиданные результаты для успѣшнаго и основательнаго развитія Россіи мнѣ удалось узнать еще въ половинѣ тридцатыхъ годовъ и совершенно случайно [2].

Кому неизвѣстно, что въ Европѣ, съ конца прошлаго столѣтія, появились политическія вѣянія новаго духа, гнѣздо которыхъ находилось во Франціи и откуда они почти періодически распространялись по средней Европѣ, производя большія опустошенія....

По вступленіи на престолъ императора Николая, либеральныя идеи, волновавшія Францію, проникли и въ Россію и не обошлись безъ значительныхъ жертвъ.... Тогда нѣкоторые государственные люди, именно Сперанскій, Уваровъ и др. задались мыслью, какимъ образомъ предохранить на будущее время Россію отъ этихъ

---

[1]) Erster Theil, von Johann Gottlib Buhle, Moskwa, 1810 г., in 8°, XX и 420.

[2]) Будучи студентомъ СПБ. университета въ 1837 г., я поступилъ къ члену совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Алек. Як. Жмакину, для приготовленія сына его въ пажескій корпусъ. Жмакинъ имѣлъ большія связи: онъ находился въ сношеніяхъ со многими важными лицами того времени—Сперанскимъ, Уваровымъ, Блудовымъ, Дашковымъ и другими государственными сановниками, бывавшими у него на обѣдахъ и вечерахъ. Здѣсь часто возникали оживленные толки, и всѣ единодушно восхищались мѣрами, придуманными Сперанскимъ, Уваровымъ и др., какъ отвлечь русскіе пылкіе умы отъ разныхъ „утопій,“ которыя тогда проповѣдывались во Франціи.

умственныхъ вліяній, отъ которыхъ ни таможни, ни особаго рода карантины (цензура и проч.), ни строгость законовъ не представляли достаточной гарантіи. Тогда-то рѣшено было отвлечь вниманіе нашей интеллигенціи отъ идей, проникавшихъ къ намъ съ запада, направивъ ее къ изученію характера своей собственной народной жизни и, такимъ образомъ, не дать ей увлекаться совершенно чужою жизнью. Достигнуть этого, конечно, было не легко, но придуманныя средства оказались удачными.

Чтобы занять русскія „пылкія головы", рѣшено было прежде всего издать полное собраніе законовъ, а затѣмъ и самый „Сводъ законовъ", что должно было произвести сильное впечатлѣніе на русское общество и дать обильный матеріалъ для всевозможныхъ толковъ. Комисія о составленіи законовъ, хотя и существовала уже съ 1810 г., но въ теченіе тридцати лѣтъ она составила крайне неудовлетворительный «Систематическій сводъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи съ основаніями права, изъ оныхъ извлеченными, изданный *Комисіею составленія законовъ* (подъ наблюденіемъ А. И. Тургенева) въ 24-хъ частяхъ 1815—1823 г.)».

Поэтому, немедленно приступили къ изданію „Полнаго собранія законовъ", начиная съ 1649 г., т. е. съ года, въ которомъ вышло „Уложеніе" царя Алексѣя Михаиловича. Затѣмъ, по предложенію министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, положено было снарядить археологическую экспедицію по Россіи, для собранія разныхъ государственныхъ актовъ, грамотъ и лѣтописей.

Въ обществѣ скоро узнали объ этихъ колоссальныхъ предпріятіяхъ, и извѣстіе это, дѣйствительно, произвело въ то время необычайное впечатлѣніе: вся русская интеллигенція встрепенулась и очень заинтересовалась этимъ общенароднымъ дѣломъ. Пошли толки, разсужденія, споры: патріотизмъ, какъ и всегда, сдѣлалъ свое дѣло.....

Начиная съ царствованія Екатерины II, Россія только и мечтала о „Сводѣ законовъ", которые были разсѣяны по всему государству, т. е. по тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, для которыхъ они были впервые изданы. Частныя изданія „Собраній законовъ" *А. Максимовича* (13 част.), *Ѳ. и А. Правиковыхъ* (17 част.), *А. Фіалковскаго* (20 част.), *П. и Т. Хавскихъ*, *И. Пестрова и Е. Петрова* (22 част.) и другихъ были не полны, недостаточны, да и трудно было на нихъ основываться при рѣшеніи дѣлъ.

Императоръ Николай поручилъ Сперанскому преобразовать комисію составленія законовъ во „Второе отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, подъ непосредственнымъ Высочайшимъ

вѣдѣніемъ, съ правомъ личнаго доклада". Въ четыре года свѣтлый умъ Сперанскаго, его быстрое соображеніе и геній порядка въ многосложныхъ занятіяхъ совершили дѣло *неимовѣрное*: въ 1828 г. появилось „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, *Собраніе первое*, съ 1649 по 12-ое декабря 1825 г., сорокъ восемь томовъ" [3]); „*Собраніе второе*—законы съ 12-го декабря 1825 до 43 года, съ 1-го по восемнадцатый томъ включительно" [4]).

Поручивъ это дѣло Сперанскому, устранили отъ него А. И. Тургенева. Сперанскій, хотя и былъ государственный человѣкъ, но не юристъ; поэтому, ставъ во главѣ столь важнаго предпріятія, онъ немало думалъ о томъ, какъ бы преобразовать комисію собранія законовъ и составить „Сводъ законовъ" на *ученыхъ* основаніяхъ; но въ то же время трудно было найти способныхъ для этого людей. Наши тогдашніе университеты не могли дать Сперанскому подобныхъ людей, государственная практика—еще менѣе; приходилось набирать ихъ изъ соплеменниковъ, скромныхъ, трудолюбивыхъ, ученыхъ словаковъ, вызванныхъ въ Россію при образованіи нашихъ университетовъ. То были: М. А. Балугьянскій [5]), В. В. Кукольникъ (отецъ), Дегай, Лоде и др.; къ нимъ примкнули Блудовъ и Дашковъ, бывшіе впослѣдствіи министрами.

Легко себѣ представить говоръ и пересуды, происходившіе въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ по всей Россіи, когда одни со страхомъ (подъячіе), а другіе съ великими надеждами ожидали появленія „Свода законовъ". Разумѣется, „Сводъ" долженъ былъ опираться вполнѣ и исключительно на „Полное собраніе законовъ"; но на практикѣ оказалось, что „Со-

---

[3]) С.-Петербургъ, 1830 г. in 4°. Цѣна въ переплетѣ 692 р.

[4]) С.-Петербургъ, 1831 г.—44 г., 136 р. сер.

[5]) Балугьянскій былъ вызванъ въ Россію въ 1803 г. въ профессоры политическихъ наукъ въ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Еще въ 1810 г. обстоятельства свели его съ М. М. Сперанскимъ, который оцѣнилъ его многостороннюю ученость, прямодушіе и трудолюбіе. Въ 1813 г. императрица Марія Ѳеодоровна сдѣлала его наставникомъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, и до 1817 г. онъ обучалъ ихъ правамъ: естественному, публичному и народному, служа въ комисіи составленія законовъ. Въ 1826 г. императоръ Николай назначилъ своего прежняго наставника начальникомъ Втораго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Труды Балугьянскаго, подъ начальствомъ Сперанскаго, который поручилъ ему тщательный обзоръ и соглашеніе отдѣльныхъ частей „Свода законовъ" на указанныхъ выше основаніяхъ, имѣли слѣдствіемъ ускоренное изданіе „Свода".

браніе законовъ", начиная съ „Уложенія" Алексѣя Михайловича, имѣло болѣе историческое, чѣмъ юридическое значеніе, поэтому рѣшено было для руководства, при составленіи „Свода законовъ", имѣть въ виду законы всѣхъ образованныхъ европейскихъ государствъ и, въ случаѣ пробѣловъ или устарѣвшихъ законовъ русскаго законодательства, заимствовать изъ иностранныхъ законодательствъ тѣ законы, которые болѣе всего подходили къ складу русской жизни и государственному строю Россіи.

Но на этомъ не остановились. За два года до появленія „Полнаго собранія законовъ", въ 1828 г., подняты были всѣ присутственныя мѣста имперіи, начиная съ уѣздныхъ, всѣ монастыри, церкви, архивы и библіотеки, которымъ повелѣно было высочайшимъ указомъ, доставить безотложно въ министерство народнаго просвѣщенія всѣ древніе акты, грамоты и лѣтописи, у нихъ хранящіеся. Мало того, утверждена была спеціальная археологическая экспедиція,—такъ какъ не надѣялись на скорое и точное исполненіе указа.

Комисія должна была объѣхать всѣ великорусскіе и сѣверные монастыри, замѣчательные соборы, и списать хранившіяся въ нихъ грамоты и прочіе документы, имѣвшіе историческое значеніе. Въ экспедицію назначены были два лица, тогда еще неизвѣстныхъ: П. М. Строевъ и Я. Бередниковъ, которые лѣтомъ и осенью—на тряскихъ почтовыхъ телѣжкахъ, а зимой—въ плохихъ „продувныхъ" санкахъ, обязаны были объѣхать всю внутреннюю и сѣверныя части Европейской Россіи, чтобы заглянуть непрошенными гостями во всѣ ризницы церквей, библіотеки и кладовыя при церквяхъ и монастыряхъ: нѣтъ ли тамъ чего нибудь древняго, стараго, какихъ нибудь грамотъ, старыхъ книгъ, записей, синодиковъ и т. п. предметовъ. Несчастные труженики науки купались въ грязи дорогою и, доѣхавъ до мѣста, занимались въ церквяхъ списываніемъ древнихъ памятниковъ, съ трудомъ добывая перо, отвратительныя чернила и съ полу-окостенѣвшими руками [*]). Но именъ ихъ, особенно П. М. Строева, конечно, не забудетъ Россія.

Пока археологическая экспедиція разъѣзжала по Россіи и собирала матеріалы, въ 1832 г. появился ожидаемый съ величайшимъ нетерпѣніемъ „Сводъ законовъ Россійской Имперіи" въ *пятнадцати томахъ*. Русское общество было въ самомъ радост-

*) Все это основано на разсказахъ объ этой экспедиціи Я. И. Бередникова. О трудахъ Строева можно найти интересныя свѣдѣнія въ книгѣ П. П. Барсукова.

номъ настроеніи отъ столь быстро и блистательно выполненныхъ работъ, и графское достоинство явилось наградой безродному семинаристу, пріѣхавшему бѣднякомъ въ Петербургъ, создавшему у насъ министерства, затѣмъ сосланному, потомъ возвращенному и оставившему послѣ себя *два* великихъ памятника, въ которыхъ, можно сказать, фотографически отразилась русская народность. Тогда и за границей громко заговорили о такомъ прогрессѣ Россіи.

Избранные для археологической экспедиціи, П. М. Строевъ и Бередниковъ были преданы порученному имъ дѣлу отъ всей души, потому что вполнѣ сознавали его важность, и совершили чудеса, собравъ четыре тома разныхъ историческихъ актовъ и другихъ памятниковъ.

Едва успѣли возвратиться въ Петербургъ изъ своей поѣздки наши ученые странники, какъ въ 1834 г., по предложенію С. С. Уварова, основана была археографическая комисія, которая въ 1836 г. издала плоды экспедиціи: „Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археологическою экспедиціею—дополнены и изданы Высочайше утвержденною Археографическою Комисіею“. Спустя два года появились, наконецъ, „Акты юридическіе или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства (1838)“.

Когда появились эти изданія, наша интеллигенція съ неописаннымъ восторгомъ встрѣтила такой цѣнный подарокъ министерства народнаго просвѣщенія русскому обществу; наши ученые съ жадностью набросились на эти труды, въ журналахъ появились многіе замѣчательные памятники, о которыхъ прежде никто и не слыхалъ на Руси.

Итакъ, Сперанскій и Уваровъ дали первый толчокъ нашей исторической литературѣ, которая, съ легкой руки нѣсколькихъ профессоровъ московскаго и петербургскаго университетовъ, начала горячо интересовать всѣхъ интеллигентныхъ людей того времени.

III.

Появленіе въ свѣтъ собранныхъ археологическою экспедиціею историческихъ и юридическихъ актовъ немало содѣйствовало пробужденію русскаго народнаго духа вообще, но особенно оно повліяло на нашихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей. Закипѣла историческая работа; выступили такіе дѣятели, какъ *Н. Г. Устряловъ, И. П. Сахаровъ, И. Т. Яковлевъ, А. Терещенко, И.*

М. Снегиревъ, *М. П. Погодинъ* и странствовавшій тогда по Россіи *В. И. Даль*: это были главные дѣятели по собиранію и освѣщенію памятниковъ нашей народности, дѣйствовавшіе въ *тридцатыхъ* и *сороковыхъ* годахъ текущаго столѣтія.

Но, не указывая еще, чѣмъ именно обязана этому движенію русская историческая наука, русское общество вообще и русская интеллигенція въ частности, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ въ этой области науки было сдѣлано до тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Прежде всего обратили на себя вниманіе историческія *пѣсни* русскаго народа, какъ доступнѣйшій и въ то же время важнѣйшій историческій, задушевный элементъ, или *неписанная русская исторія*, незнакомая ни съ хронологіей, ни съ послѣдовательностью событій, но сохранившая всѣ драгоцѣнныя для насъ личности и событія, насколько въ силахъ удержать ихъ народная память. Это—никогда не умирающій народный лѣтописецъ, облетающій постоянно всю великую, обширную Россію, проникающій въ глубь дремучихъ лѣсовъ ея, проносящійся по безконечнымъ степямъ, заглядывающій въ бѣдныя хижины, трущобы и ущелья, раздающійся на неприступныхъ горахъ и не покидающій русскаго человѣка ни въ счастіи, ни въ несчастіи, сопутствующій непремѣнно и колоднику, и каторжнику, и поселенцу отдаленныхъ сибирскихъ мѣстъ,—словомъ, вездѣ, гдѣ есть люди, или хотя бы одинъ человѣкъ..

Историческія пѣсни русскаго народа представляютъ очень замысловатый гіероглифъ для иностранца, но у каждаго русскаго человѣка есть ключъ, съ которымъ онъ можетъ свободно разгадать его и понимать всю силу и глубину: этотъ ключъ—русское сердце... Уже въ прошломъ столѣтіи былъ сдѣланъ опытъ собранія историческихъ пѣсенъ русскаго народа, и собраніе это приписывается нѣкоему казаку, Киршѣ (Кириллу) Данилову. Это—сборъ народныхъ пѣсенъ, составленныхъ въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ; многія изъ нихъ отзываются глубокою древностью, хотя собиратель испортилъ ихъ, желая сдѣлать понятными для современниковъ. Не смотря на это, собраніе пѣсенъ Кирши Данилова очень дорого для русскаго народа—это наша исторія безъ раздѣленія ея на періоды, и при чтеніи ея чувствуешь какую-то особенную душевную теплоту.

Но въ восемнадцатомъ столѣтіи было не до русскихъ пѣсенъ; Россія знакомилась тогда съ нѣмецкими и съ французскими пѣснями... Послѣ отечественной войны, русскій человѣкъ не стыдился уже того, что онъ русскій, и нѣсколько поотсталъ въ обра-

зованіи отъ прочихъ европейскихъ народовъ; русскій народъ, а въ особенности его умъ, остроуміе, юморъ и находчивость, такъ рельефно выразившіеся въ народныхъ пословицахъ, поговоркахъ и присловіяхъ, уже успѣли обратить на себя вниманіе нашихъ ученыхъ и литераторовъ. Такъ, *князь Цертелевъ*, первый въ началѣ этого столѣтія, обратилъ вниманіе на русскія пѣсни вообще, какъ на выраженіе народной поэзіи.

Народныя *пословицы* еще въ 1785 г. явились въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: „Русскія пословицы", въ трехъ частяхъ. Это изданіе вызвало подобное же и въ Москвѣ, гдѣ напечатано собраніе 4,291 древнихъ русскихъ пословицъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, выступилъ въ Москвѣ *И. М. Снегиревъ* съ своимъ „Опытомъ разсужденія о русскихъ пословицахъ" (М. 1822 г.).

Затѣмъ, опять въ Петербургѣ, вышло „Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ", но появленіе этихъ собраній не произвело особеннаго эффекта до выхода въ свѣтъ трудовъ археологической экспедиціи и археографической комисіи.

Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, появилось устряловское изданіе перевода „Записокъ Маржерета о Россіи", а вслѣдъ затѣмъ и „Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ" [7]); но особенно много шуму надѣлали изданныя Устряловымъ: „Сказанія князя Курбскаго". Такой приливъ совершенно новаго и неожиданнаго историческаго матеріала въ русскую литературу не только необыкновенно оживилъ ее, но и глубоко заинтересовалъ русское общество своимъ народнымъ духомъ. Вообще, тридцатые года сильно воодушевили нашихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, а въ концѣ тридцатыхъ годовъ И. М. Снегиревъ напечаталъ свое сочиненіе: „Русскіе въ своихъ пословицахъ", вызвавшее къ дѣятельности *В. И. Даля*, который уже съ начала тридцатыхъ годовъ вполнѣ отдался изученію русской народности и собиранію ея памятниковъ. Въ 1847 г., Даль впервые написалъ статью: „О русскихъ пословицахъ", которую читалъ 7-го мая въ собраніи русскаго географическаго общества. Снегиревъ не остановился на пословицахъ; онъ доставлялъ текстъ для

[7]) Переводы „Записокъ Маржерета" и „Сказаній о Димитріѣ Самозванцѣ" сдѣланы были, исключая нѣмецкихъ подлинниковъ, подполковникомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, Александромъ Полонскимъ, отцомъ извѣстнаго современнаго публициста Л. А. Полонскаго, бывшимъ тогда въ отличныхъ отношеніяхъ съ Н. Г. Устряловымъ, который совершенно не зналъ иностранныхъ языковъ. Объ этомъ никому не было извѣстно въ свое время, а я узналъ это отъ покойнаго Александра Викентьевича Полонскаго, человѣка очень образованнаго и очень скромнаго.

изданія А. А. Мартынова: „Памятники древняго художества въ Россіи“ и „Московскія древности“ (1845 г.). Это одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ для русскаго человѣка, дѣлающая честь Снегиреву. Изданіе это продолжалось три года, причемъ издателю приходилось бороться со множествомъ различныхъ затрудненій; но патріотизмъ его все преодолѣлъ.

Появленіе въ 1838 г. четырехъ томовъ „Русской исторіи“ Устрялова, удостоившагося за нихъ демидовской преміи, тоже сдѣлало свое дѣло. Послѣ изданія „Исторіи русскаго народа“ Н. А. Полеваго, это было первое важное событіе въ русской исторической литературѣ, вызвавшее много толковъ и давшее сильный толчекъ обработкѣ нашей исторіи. Лавры Устрялова не давали покоя лѣкарю *И. П. Сахарову*. Уроженецъ тульской губерніи, учившійся въ тульской семинаріи (какъ сынъ священника), онъ окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ московскомъ университетѣ, откуда былъ выпущенъ лѣкаремъ въ 1835 г. Но призваніе его было совсѣмъ иное: его сильно занимала отечественная старина, и онъ, еще до выхода изъ университета, напечаталъ двѣ историческія монографіи. Въ Москвѣ онъ оставался недолго, потому что уже въ 1837 г. вышли въ Петербургѣ его „Путешествія русскихъ людей въ чужія земли“, имѣвшія въ томъ же году два изданія. Самъ Сахаровъ сдѣлалъ бы немного, за неимѣніемъ средствъ и состоя въ должности полицейскаго врача, не дававшей ему покоя; но, обнаруживъ своими московскими изданіями любовь къ русской старинѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе и сблизился съ петербургскимъ первой гильдіи купцомъ, имѣвшимъ извѣстное въ то время каретное заведеніе, *Ив. Тарас. Яковлевымъ*. Яковлевъ былъ человѣкъ скромный, съ большими средствами, страстный любитель отечественной старины, человѣкъ интеллигентный, составившій себѣ прекрасную русскую историческую библіотеку, въ которой находилось весьма много самыхъ рѣдкихъ русскихъ книгъ. Изъ этой-то библіотеки, гдѣ находилось немало и старинныхъ рукописей, Сахаровъ почерпнулъ много интересныхъ свѣдѣній о древней и новой русской литературѣ и о памятникахъ русской народности.

IV.

Знакомству Сахарова съ И. Т. Яковлевымъ русское общество обязано всѣмъ тѣмъ, что, при содѣйствіи послѣдняго, Сахаровъ сдѣлалъ для выясненія русской народности. Вслѣдствіе общаго рѣшенія, Сахаровъ приступилъ въ томъ же 1837 г. къ изданію

„Сказаній русскаго народа“, которыхъ тогда же вышло три тома. Я хорошо былъ знакомъ, въ 1843 г., съ этими замѣчательными личностями. Яковлевъ былъ мягче и сговорчивѣе; Сахаровъ же грубоватъ, рѣзокъ, настойчивъ и ненавидѣлъ всякаго рода и вида иностранцевъ; но соплеменниковъ жаловалъ и питалъ къ нимъ полное довѣріе. Для всѣхъ трудовъ и изданій Сахарова матеріалы доставлялъ и добывалъ отовсюду Яковлевъ; онъ былъ отлично знакомъ съ русскою библіографіею, старопечатными книгами и рѣдкими рукописями, которыя прежде почему-либо не могли выползти на свѣтъ Божій... Я впервые увидѣлъ у Сахарова разные хронографы, свертки, рукописи, писанныя разными старинными почерками; онъ былъ заваленъ ими кругомъ, въ небольшой холостой квартирѣ, и, среди всякаго книжнаго и письменнаго старья и хлама, казался не то книжникомъ, не то антикваріемъ, или—если угодно—знахаремъ. Но его причудливая историческая мастерская познакомила Россію съ ея богатою народностью и, можно сказать, впервые открыла русскимъ образованнымъ людямъ источники ихъ духовной исторіи.

Не легко было обдумать, какъ подобрать и распланировать многочисленныя сказанія русскаго народа, собранныя И. Т. Яковлевымъ, а затѣмъ надо было ихъ издать, на что̀ требовалось немало денегъ. Тутъ-то и является великая заслуга, оказанная Яковлевымъ русскому обществу и народу. Онъ не только всецѣло посвятилъ себя этому дѣлу,—такъ какъ Сахаровъ, по своей должности полицейскаго врача, былъ вѣчно отрываемъ отъ своего любимаго занятія, — но часто одинъ выносилъ все на своихъ плечахъ. Убѣдившись, что въ типографіи, гдѣ сначала печатались изданія Сахарова, воруютъ, Яковлевъ нарочно завелъ типографію для печатанія этихъ изданій, которая и называлась Сахаровскою, но деньги на нее — и притомъ значительныя—затратилъ Яковлевъ. Избранъ былъ особый шрифтъ, мелкій полууставъ, чтобы сдѣлать это изданіе не только доступнымъ для всего русскаго народа, но и для той его части, которая не хочетъ знать гражданской печати, да и контрофакція изданій, напечатанныхъ этимъ шрифтомъ, была почти невозможна. Корректуры всѣхъ изданій читались то Сахаровымъ, то Яковлевымъ. Дѣло ихъ пошло блистательно. „Сказанія русскаго народа“ составили эпоху въ русской литературѣ сороковыхъ годовъ. Всѣ журналы и газеты, безъ всякаго заискиванія со стороны издателя (Яковлевъ, по скромности, нигдѣ не выставлялъ своего имени, хотя люди книжные, имѣвшіе дѣла съ Сахаровымъ, знали, что главный запѣвало — Иванъ Тарасовичъ, что онъ завелъ всю эту

машину и хлопочетъ объ изданіяхъ, какъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ) превозносили сахаровскія изданія до небесъ, выражая полное сочувствіе и его дѣятельности, и иниціативѣ въ этомъ дѣлѣ. Каждый, — не говорю ученый и литераторъ, — но просто интеллигентный человѣкъ, старался пріобрѣсти и прочесть эти „Сказанія". Спустя два года послѣ появленія первыхъ трехъ частей „Сказаній русскаго народа" [8]), вышли „Путешествія русскихъ людей по святой землѣ" [9]). Это изданіе быстро разошлось въ среднемъ классѣ нашего общества—въ кругу духовенства, купечества и старообрядцевъ. Въ то время, когда это изданіе находилось еще въ типографскихъ станкахъ,—выпускалось въ свѣтъ „Собраніе пѣсенъ русскаго народа" въ 5-ти частяхъ [10]). Конечно, нельзя было требовать, чтобы собиратели тутъ же занимались и оцѣнкой собраннаго ими матеріала: на это требовались люди съ другой подготовкой. Наконецъ, русская натура издателей расходилась во всю свою ширь: не окончивъ еще изданія „Сказаній русскаго народа", наши народолюбцы приступили къ печатанію „Русскихъ народныхъ сказокъ". По этой части уже кое-что было сдѣлано и до нихъ, чѣмъ и рѣшено было воспользоваться. Но, напечатавъ 1-ую часть, издатели увидѣли, что имъ предстояло громадное дѣло, на которое требовались не только большія затраты, но и много рукъ и способныхъ головъ, чтобы русскія народныя сказки явились въ свѣтъ съ необходимыми поясненіями и ученой обработкой, а потому рѣшено было на первой части и покончить.

Мысль о собраніи русскихъ народныхъ сказокъ впервые пришла въ голову *М. Чулкову* еще въ концѣ прошлаго столѣтія; онъ напечаталъ ихъ въ десяти частяхъ, подъ заглавіемъ: „Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся (т. е. сохранившіяся въ памяти народа) приключенія" [11]). Собраніе это выдержало три изданія [12]).

Оставивъ сказки, Сахаровъ съ Яковлевымъ принялись за изданіе „Записокъ русскихъ людей,—заключающихъ въ себѣ событія

---

[8]) 1836 — 1837. Спб. въ типографіи Гуттенберга; 2-е изданіе 1-я часть, въ 1837 г. въ той же типографіи, а третье въ 1841 г. уже въ типографіи Сахарова.

[9]) Въ 1839 г., въ типографіи Сахарова.

[10]) Спб., 1838—39 гг.

[11]) Москва, 1780 г.

[12]) 1-ое въ 1780 г.; 2-ое въ 1783 г.; 3-е въ 1820 г.

временъ Петра Великаго", которыя явились въ томъ же году (1841). Изданіе этихъ „Записокъ", о существованіи которыхъ общество вовсе не знало, произвело свое дѣйствіе. Затѣмъ издатели снова вернулись къ „Сказаніямъ русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ", выдержавшимъ три изданія. Сюда вошло все, уже изданное прежде, но дополненное, исправленное, и все это появилось въ двухъ томахъ большаго формата. Въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ, т. е. съ 1846 по 1849 г., не выходило ничего сахаровскаго. Произошло это отъ того, что до свѣдѣнія издателей дошло, что нѣкто *А. Терещенко*, занимавшійся еще у государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, а впослѣдствіи, по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ, наблюдавшій нѣсколько лѣтъ за разрытіемъ кургановъ на развалинахъ древняго Сарая, составилъ замѣчательную книгу: „Бытъ русскаго народа"; что книга эта уже печатается въ типографіи военно-учебныхъ заведеній и скоро выдетъ въ свѣтъ въ семи частяхъ. Употреблены были всѣ средства достать, во что бы то ни стало, все уже отпечатанное, и издатели воспользовались трудами Терещенко для пополненія своего послѣдняго изданія „Сказаній". „Бытъ русскаго народа", вышелъ въ 1848 г., а въ 1849 г. появилось послѣднее изданіе „Сказаній русскаго народа", уже со ссылками на сочиненіе Терещенки. Трудъ Терещенки вызвалъ противъ себя неблагопріятную критику, тогда какъ онъ обработанъ ничѣмъ не хуже изданій Сахарова и притомъ былъ первымъ трудомъ въ своемъ родѣ.

Терещенко былъ человѣкъ скромный, робкій, невзрачный, чрезвычайно добрый, знающій то, за что брался: онъ ни въ чемъ не уступалъ И. П. Сахарову и усердно трудился для русской исторіи.

V.

Къ этому же времени, т. е. въ концѣ сороковыхъ годовъ, и *Влад. Ив. Даль* составилъ свое замѣчательное собраніе русскихъ пословицъ, числомъ слишкомъ 30,000, которое представилъ въ 1850 г. во II-ое отдѣленіе императорской академіи наукъ, съ просьбой о напечатаніи ихъ на счетъ академическихъ суммъ. II-ое отдѣленіе, хотя и состоявшее изъ людей русскихъ, не пожелало издавать этого *неписаннаго* памятника русской народной литературы и, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ отклонить отъ себя исполненіе просьбы Даля, нашло нужнымъ препроводить его рукопись въ с.-петербургскій цензурный комитетъ, для предварительной цензуры, тогда какъ академіи наукъ предо-

ставлено право самой быть цензоромъ всѣхъ своихъ изданій и среди ея членовъ былъ профессоръ Изм. Ив. Срезневскій, состоявшій въ то же время и цензоромъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета. По полученіи рукописи „Собраніе русскихъ пословицъ“ Даля, цензурный комитетъ могъ бы передать ее на разсмотрѣніе тому же Изм. Ив. Срезневскому, но она была отдана на разсмотрѣніе самому некомпетентному и самому нерадивому цензору Ш., который, открывъ рукопись Даля, нашелъ въ ней сдѣланныя еще въ академіи отмѣтки противъ всѣхъ пословицъ русскаго народа, касавшихся приходскаго духовенства. Всѣхъ отмѣченныхъ академіею пословицъ было до двухсотъ. Въ это время я былъ у Ш. по своему дѣлу. Онъ показалъ мнѣ толстѣйшую рукопись съ отмѣченными пословицами и свою санкцію, по которой всѣ эти пословицы и еще нѣкоторыя другія были замараны красными чернилами. Рука его здѣсь не дрогнула, хотя постоянно тряслась отъ *ѣдкой простуды*... Послѣ этого, рукопись была возвращена въ цензурный комитетъ, а оттуда во II-е отдѣленіе академіи наукъ, которое, зная настойчивый и твердый характеръ Даля, извѣстило его, что „Собраніе пословицъ“ можетъ быть напечатано академіею, но что II-ое отдѣленіе нашло необходимымъ исключить пословицы, относящіяся къ тому-то и тому-то, какъ неудобныя къ обращенію въ простомъ народѣ [13]). Даль, получивъ такое извѣщеніе, отвѣтилъ на него по своему: „изъ пѣсни слова не выкинешь“ и просилъ возвратить ему рукопись. Впослѣдствіи, почти всѣ эти пословицы онъ внесъ въ свой „Толковый словарь великорусскаго живаго языка“, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которыя похерила ему уже московская цензура. Пословицы Даля увидѣли свѣтъ Божій только 20 лѣтъ послѣ того, какъ онѣ были предложены имъ академіи наукъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что съ самаго начала сороковыхъ годовъ,—когда у насъ обнаружилась лихорадочная дѣятельность по изъисканію и обнародованію разнаго рода памятниковъ нашей народной литературы, широко раскрывающихъ намъ народный умъ, бытъ и дѣянія нашихъ предковъ,—по ходатайству извѣстнаго князя А. Н. Голицына, поручено было находившемуся тогда не у дѣлъ, д. с. с. А. И. Тургеневу осмотрѣть всѣ замѣчательнѣйшія европейскія библіотеки, а гдѣ можно и архивы, и извлечь оттуда все, относящееся къ исторіи Россіи. Плодомъ поисковъ Тургенева въ

---

[13]) Мы прибавимъ отъ себя: который отлично ихъ знаетъ и никогда не изъемлетъ изъ обращенія.

чужихъ краяхъ были два тома въ листъ всевозможныхъ историческихъ актовъ и документовъ, служащихъ дополненіемъ къ актамъ, изданнымъ археографическою комисіею и озаглавленнымъ: „Historiae Rossiae monumenta“ (1841—1842). Въ то же время, въ 1841—42 гг., вышло въ Берлинѣ „Собраніе трудовъ двадцати иностранныхъ писателей, писавшихъ о Россіи въ шестнадцатомъ столѣтіи“ [11]), посвященное тогдашнему министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову. Послѣднее изданіе имѣетъ для насъ ту важность, что оно представляетъ массу извѣстій о нашемъ государственномъ строѣ и народномъ бытѣ, идущихъ отъ первыхъ иностранцевъ, видавшихъ Московію или слышавшихъ, что въ ней дѣлается, послѣ того какъ Русь освободилась отъ удѣльной системы и монгольскаго ига и стала устраивать свою новую, уже независимую жизнь.

Итакъ, историческіе труды и „Собранія“ всевозможныхъ памятниковъ русской государственной и народной жизни, появившіеся впервые въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нашего столѣтія, положили твердую основу изученію нашей народности, засвидѣтельствовавъ передъ всѣмъ образованнымъ міромъ, какъ широко жила Россія и какъ вырабатывала она свои жизненные элементы, послужившіе впослѣдствіи твердымъ фундаментомъ при образованіи имперіи, имѣющей громадную будущность.

Въ половинѣ же сороковыхъ годовъ, когда приведеніе въ извѣстность богатѣйшихъ историческихъ матеріаловъ достигло своего апогея, былъ впервые подведенъ итогъ нашей исторической литературы, начиная съ Нестора до Карамзина [15]), такъ что съ этого времени знакомство съ своей народностью сдѣлалось уже вполнѣ доступно для русскаго общества.

Изъ всего, мною сказаннаго, читатель видитъ, что до тридцатыхъ годовъ русское общество имѣло только смутное понятіе какъ объ устояхъ русскаго государства, такъ и о своей народности. Съ этого же времени, у насъ выдвинуто было на первый планъ всестороннее изученіе русской народности и ближайшее съ нею знакомство. Обращеніе къ памятникамъ своей старины и тщательное изученіе ихъ привели нашу интеллигенцію [16]) къ серьезнымъ

---

[14]) Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi, XVI, 2 vol. in 4. A. de Starczewski.

[15]) „Очеркъ русской исторической литературы до Карамзина“. Спб. 1845 г. А. В. Старчевскаго.

[16]) Здѣсь мы разумѣемъ всѣхъ нашихъ знаменитыхъ ученыхъ и литераторовъ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

историческимъ трудамъ и выводамъ, обратившимъ на себя вниманіе всѣхъ русскихъ образованныхъ людей. Въ теченіе цѣлаго *двадцатилѣтія* (съ 1831—1850 г.) русское общество занималось исключительно своею собственною жизнью. Всѣ ясно видѣли, къ какимъ благотворнымъ результатамъ привелъ такъ удачно поднятый вопросъ о возрожденіи русской народности. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ щедро поощрялъ кипучую историческую работу, основывая новыя историческія общества и способствуя изданію всякаго дѣльнаго историческаго труда.

VI.

Въ то время, когда мы только что вошли во вкусъ, знакомясь впервые, подробно и основательно, съ нашей народностью и возгордились тѣмъ, что въ основаніи ея лежитъ такъ много хорошаго, капитальнаго, зиждительнаго; когда „Сказанія русскаго народа“, пословицы, пѣсни, путешествія русскихъ людей въ чужія страны, сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, сказаніе князя Курбскаго и записки Котошихина лежали на столѣ у каждаго русскаго образованнаго человѣка; когда въ нашихъ кабинетахъ и гостинныхъ только и рѣчи было, что̀ о прежней жизни и бытѣ русскихъ людей; когда нашею фантазіею искусственно возстановлялись фигуры русскихъ историческихъ дѣятелей и когда каждый гордился тѣмъ, что въ немъ течетъ чуть ли не лучшая человѣческая кровь,—вдругъ на голову русскаго общества нежданно-негаданно свалились „Мертвыя Души.“ Все тогдашнее зрѣлое русское общество встрепенулось, стало втупикъ и задало себѣ вопросъ: что же это такое?—Оно не знало, какъ ему отнестись къ произведенію Гоголя.

Появленіе такой геніальной, ѣдкой и рѣзкой сатиры, именно въ то время, когда обращеніе къ народности и увлеченіе ею достигли полнаго своего апогея, вдругъ оборвало общее увлеченіе, ясно показавъ, что на нашей прекрасной народности, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, выросли многочисленныя отвратительныя бородавки, которыя намъ слѣдуетъ вытравить во что бы то ни стало... Никто изъ развитыхъ людей того времени, поклонниковъ народности, по прочтеніи „Мертвыхъ Душъ“, не отвергалъ ни даровитости автора, ни его необыкновенной наблюдательности, ни вѣрнаго рисунка и большаго сатирическаго таланта; но въ то же время всѣ сознавали, что появленіе „Мертвыхъ Душъ“ явилось диссонансомъ въ моментъ об-

щаго увлеченія русской народностью. Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ, главный двигатель исторической литературы, до того увлекся этимъ произведеніемъ, что обратилъ на него вниманіе государя и выхлопоталъ у правительства ежегодное пособіе Гоголю въ 2,000 руб. сер. до самой его смерти. Никто и не догадывался, что „Мертвыя Души“ должны были нанести косвенный ударъ той кипучей историческо-литературной дѣятельности, которая была тогда въ полномъ разгарѣ.

Вскорѣ нашлись безчисленные подражатели Гоголю, не имѣвшіе ни его таланта, ни такта, и явилась *псевдо-натуральная школа*, поставившая себѣ за правило заглянуть всюду лишь съ *чернаго крыльца*. Когда впослѣдствіи Гоголь увидѣлъ, къ чему повели его „Мертвыя Души,“ онъ ужаснулся, началъ раскаиваться въ своемъ произведеніи, навсегда бросилъ то перо, которое доставило ему такую громкую славу, и остался вѣренъ этому послѣднему рѣшенію до конца жизни.

VII.

Историческія работы 30 и 40-хъ годовъ, не только открыли широкій фундаментъ русской народности, но онѣ ознакомили насъ съ нею во всей подробности и во всевозможныхъ отношеніяхъ; съ этихъ поръ, болѣе чѣмъ послѣ отечественной войны, не только сами русскіе стали съ гордостью смотрѣть на свою національность, но и иностранцы, узнавшіе о нашихъ историческихъ работахъ и вновь открытыхъ памятникахъ, стали совсѣмъ иначе относиться къ намъ. Ближайшее знакомство съ нашей народностью указало намъ на всѣ характеристическія, отличительныя черты русскаго народа — его благородство, стойкость, смиреніе, терпѣніе, постоянное преуспѣяніе и движеніе впередъ, незамѣтное сначала, но громадное впослѣдствіи.

Историческими работами 30 и 40 годовъ наша наука, искусство и литература не могли еще воспользоваться вполнѣ, такъ какъ у насъ накопилась масса сокровищъ, въ которыхъ разобраться могли только образованныя, ничѣмъ не затуманенныя головы и трудолюбивыя руки; между тѣмъ реформы слѣдующаго царствованія, тоже неожиданно поднявъ насъ на ноги, не дали намъ возможности присѣсть и заняться обработкой собранныхъ уже матеріаловъ.

Только послѣ того, что было собрано въ 30 и 40 годахъ, и возможна у насъ успѣшная обработка отечественной исторіи и

явленіе новой исторической школы, т. е. многосторонне-подготовленныхъ дѣятелей по русской исторической литературѣ, за которыми, впрочемъ, теперь и стало дѣло.

Несмотря на пятилѣтній перерывъ (1850—1855 г.) въ поискахъ за памятниками русской народности и народной *неписанной* литературы, съ самаго вступленія на престолъ императора Александра II, прерванная на время историческая литературная дѣятельность опять возобновилась и совершенно случайно. Молодой человѣкъ, студентъ медико-хирургической академіи, *С. В. Максимовъ*, помѣстивъ въ журналѣ „Библіотека для чтенія“ нѣсколько очерковъ (типовъ) изъ русскаго народнаго быта, обратилъ вниманіе великаго князя Константина Николаевича на характеристическія особенности нашего народнаго быта. Тогда же поручено было нѣсколькимъ молодымъ литераторамъ ознакомить русскую публику съ этнографическими особенностями разныхъ мѣстностей. Но эта прекрасная идея, для осуществленія которой даны были щедрыя средства, не нашла тогда способныхъ исполнителей, и одинъ только С. В. Максимовъ оправдалъ довѣріе къ нему. Труды Максимова хорошо извѣстны русской читающей публикѣ, и мнѣ незачѣмъ приводить ихъ здѣсь. Они замѣчательны еще и тѣмъ, что опять возбудили вопросъ о дальнѣйшемъ изслѣдованіи русскаго народнаго быта и вызвали къ этой работѣ совершенно новыхъ дѣятелей — такъ называемыхъ „народниковъ“. Перечислить ихъ труды нѣтъ никакой возможности. Слѣдя за этимъ дѣломъ внимательно, десять лѣтъ тому назадъ (т. е. въ началѣ 1876 г.) я желалъ узнать, что̀ сдѣлано въ этой области литературы за двадцать лѣтъ (съ 1855 по 1874 г.) и оказалось, что въ этомъ промежуткѣ времени вышла въ свѣтъ цѣлая *тысяча* отдѣльныхъ сочиненій, кромѣ нѣсколькихъ тысячъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ нашихъ журналахъ и газетахъ—о бытѣ, жизни и разныхъ душевныхъ свойствахъ русскаго народа. А между тѣмъ я дошелъ только до смерти А. Ѳ. Гильфердинга (1872 г.).

Справедливость требуетъ сказать, что изъисканія и труды новыхъ изслѣдователей русской старины, т. е. народности, отличаются уже и другой обработкой, и строго ученымъ критическимъ отношеніемъ изъискателей къ своему предмету, чего мы не могли требовать ни отъ Терещенки, ни отъ Сахарова съ Яковлевымъ, которыхъ задача была—прежде всего показать Россіи, въ сохранившихся у насъ памятникахъ русской народности. Надо думать, что столько совровищъ собраны не для того, чтобы они спокойно хранились въ стѣнахъ различныхъ библіо-

зованіи отъ прочихъ европейскихъ народовъ; русскій народъ, а въ особенности его умъ, остроуміе, юморъ и находчивость, такъ рельефно выразившіеся въ народныхъ пословицахъ, поговоркахъ и присловіяхъ, уже успѣли обратить на себя вниманіе нашихъ ученыхъ и литераторовъ. Такъ, *князь Цертелевъ*, первый въ началѣ этого столѣтія, обратилъ вниманіе на русскія пѣсни вообще, какъ на выраженіе народной поэзіи.

Народныя *пословицы* еще въ 1785 г. явились въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: „Русскія пословицы", въ трехъ частяхъ. Это изданіе вызвало подобное же и въ Москвѣ, гдѣ напечатано собраніе 4,291 древнихъ русскихъ пословицъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, выступилъ въ Москвѣ *И. М. Снегиревъ* съ своимъ „Опытомъ разсужденія о русскихъ пословицахъ" (М. 1822 г.).

Затѣмъ, опять въ Петербургѣ, вышло „Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ", но появленіе этихъ собраній не произвело особеннаго эффекта до выхода въ свѣтъ трудовъ археологической экспедиціи и археографической комисіи.

Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, появилось устряловское изданіе перевода „Записокъ Маржерета о Россіи", а вслѣдъ затѣмъ и „Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ" [7]); но особенно много шуму надѣлали изданныя Устряловымъ: „Сказанія князя Курбскаго". Такой приливъ совершенно новаго и неожиданнаго историческаго матеріала въ русскую литературу не только необыкновенно оживилъ ее, но и глубоко заинтересовалъ русское общество своимъ народнымъ духомъ. Вообще, тридцатые года сильно воодушевили нашихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, а въ концѣ тридцатыхъ годовъ И. М. Снегиревъ напечаталъ свое сочиненіе: „Русскіе въ своихъ пословицахъ", вызвавшее къ дѣятельности *В. И. Даля*, который уже съ начала тридцатыхъ годовъ вполнѣ отдался изученію русской народности и собиранію ея памятниковъ. Въ 1847 г., Даль впервые написалъ статью: „О русскихъ пословицахъ", которую читалъ 7-го мая въ собраніи русскаго географическаго общества. Снегиревъ не остановился на пословицахъ; онъ доставлялъ текстъ для

[7]) Переводы „Записокъ Маржерета" и „Сказаній о Димитріѣ Самозванцѣ" сдѣланы были, исключая нѣмецкихъ подлинниковъ, подполковникомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, Александромъ Полонскимъ, отцомъ извѣстнаго современнаго публициста Л. А. Полонскаго, бывшимъ тогда въ отличныхъ отношеніяхъ съ Н. Г. Устряловымъ, который совершенно не зналъ иностранныхъ языковъ. Объ этомъ никому не было извѣстно въ свое время, а я узналъ это отъ покойнаго Александра Викентьевича Полонскаго, человѣка очень образованнаго и очень скромнаго.

изданія А. А. Мартынова: „Памятники древняго художества въ Россіи“ и „Московскія древности“ (1845 г.). Это одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ для русскаго человѣка, дѣлающая честь Снегиреву. Изданіе это продолжалось три года, причемъ издателю приходилось бороться со множествомъ различныхъ затрудненій; но патріотизмъ его все преодолѣлъ.

Появленіе въ 1838 г. четырехъ томовъ „Русской исторіи“ Устрялова, удостоившагося за нихъ демидовской преміи, тоже сдѣлало свое дѣло. Послѣ изданія „Исторіи русскаго народа“ Н. А. Полеваго, это было первое важное событіе въ русской исторической литературѣ, вызвавшее много толковъ и давшее сильный толчекъ обработкѣ нашей исторіи. Лавры Устрялова не давали покоя лѣкарю *И. П. Сахарову*. Уроженецъ тульской губерніи, учившійся въ тульской семинаріи (какъ сынъ священника), онъ окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ московскомъ университетѣ, откуда былъ выпущенъ лѣкаремъ въ 1835 г. Но призваніе его было совсѣмъ иное: его сильно занимала отечественная старина, и онъ, еще до выхода изъ университета, напечаталъ двѣ историческія монографіи. Въ Москвѣ онъ оставался недолго, потому что уже въ 1837 г. вышли въ Петербургѣ его „Путешествія русскихъ людей въ чужія земли“, имѣвшія въ томъ же году два изданія. Самъ Сахаровъ сдѣлалъ бы немного, за неимѣніемъ средствъ и состоя въ должности полицейскаго врача, не дававшей ему покоя; но, обнаруживъ своими московскими изданіями любовь къ русской старинѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе и сблизился съ петербургскимъ первой гильдіи купцомъ, имѣвшимъ извѣстное въ то время каретное заведеніе, *Ив. Тарас. Яковлевымъ*. Яковлевъ былъ человѣкъ скромный, съ большими средствами, страстный любитель отечественной старины, человѣкъ интеллигентный, составившій себѣ прекрасную русскую историческую библіотеку, въ которой находилось весьма много самыхъ рѣдкихъ русскихъ книгъ. Изъ этой-то библіотеки, гдѣ находилось немало и старинныхъ рукописей, Сахаровъ почерпнулъ много интересныхъ свѣдѣній о древней и новой русской литературѣ и о памятникахъ русской народности.

IV.

Знакомству Сахарова съ И. Т. Яковлевымъ русское общество обязано всѣмъ тѣмъ, что̀, при содѣйствіи послѣдняго, Сахаровъ сдѣлалъ для выясненія русской народности. Вслѣдствіе общаго рѣшенія, Сахаровъ приступилъ въ томъ же 1837 г. къ изданію

„Сказаній русскаго народа", которыхъ тогда же вышло три тома. Я хорошо былъ знакомъ, въ 1843 г., съ этими замѣчательными личностями. Яковлевъ былъ мягче и сговорчивѣе; Сахаровъ же грубоватъ, рѣзокъ, настойчивъ и ненавидѣлъ всякаго рода и вида иностранцевъ; но соплеменниковъ жаловалъ и питалъ къ нимъ полное довѣріе. Для всѣхъ трудовъ и изданій Сахарова матеріалы доставлялъ и добывалъ отовсюду Яковлевъ; онъ былъ отлично знакомъ съ русскою библіографіею, старопечатными книгами и рѣдкими рукописями, которыя прежде почему-либо не могли выползти на свѣтъ Божій... Я впервые увидѣлъ у Сахарова разные хронографы, свертки, рукописи, писанныя разными старинными почерками; онъ былъ заваленъ ими кругомъ, въ небольшой холостой квартирѣ, и, среди всякаго книжнаго и письменнаго старья и хлама, казался не то книжникомъ, не то антикваріемъ, или—если угодно—знахаремъ. Но его причудливая историческая мастерская познакомила Россію съ ея богатою народностью и, можно сказать, впервые открыла русскимъ образованнымъ людямъ источники ихъ духовной исторіи.

Не легко было обдумать, какъ подобрать и распланировать многочисленныя сказанія русскаго народа, собранныя И. Т. Яковлевымъ, а затѣмъ надо было ихъ издать, на что̀ требовалось немало денегъ. Тутъ-то и является великая заслуга, оказанная Яковлевымъ русскому обществу и народу. Онъ не только всецѣло посвятилъ себя этому дѣлу,—такъ какъ Сахаровъ, по своей должности полицейскаго врача, былъ вѣчно отрываемъ отъ своего любимаго занятія, — но часто одинъ выносилъ все на своихъ плечахъ. Убѣдившись, что въ типографіи, гдѣ сначала печатались изданія Сахарова, воруютъ, Яковлевъ нарочно завелъ типографію для печатанія этихъ изданій, которая и называлась Сахаровскою, но деньги на нее — и притомъ значительныя—затратилъ Яковлевъ. Избранъ былъ особый шрифтъ, мелкій полууставъ, чтобы сдѣлать это изданіе не только доступнымъ для всего русскаго народа, но и для той его части, которая не хочетъ знать гражданской печати, да и контрофакція изданій, напечатанныхъ этимъ шрифтомъ, была почти невозможна. Корректуры всѣхъ изданій читались то Сахаровымъ, то Яковлевымъ. Дѣло ихъ пошло блистательно. „Сказанія русскаго народа" составили эпоху въ русской литературѣ сороковыхъ годовъ. Всѣ журналы и газеты, безъ всякаго заискиванія со стороны издателя (Яковлевъ, по скромности, нигдѣ не выставлялъ своего имени, хотя люди книжные, имѣвшіе дѣла съ Сахаровымъ, знали, что̀ главный запѣвало — Иванъ Тарасовичъ, что онъ завелъ всю эту

машину и хлопочетъ объ изданіяхъ, какъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ) превозносили сахаровскія изданія до небесъ, выражая полное сочувствіе и его дѣятельности, и иниціативѣ въ этомъ дѣлѣ. Каждый, — не говорю ученый и литераторъ, — но просто интеллигентный человѣкъ, старался пріобрѣсти и прочесть эти „Сказанія". Спустя два года послѣ появленія первыхъ трехъ частей „Сказаній русскаго народа" [8]), вышли „Путешествія русскихъ людей по святой землѣ" [9]). Это изданіе быстро разошлось въ среднемъ классѣ нашего общества—въ кругу духовенства, купечества и старообрядцевъ. Въ то время, когда это изданіе находилось еще въ типографскихъ станкахъ,—выпускалось въ свѣтъ „Собраніе пѣсенъ русскаго народа" въ 5-ти частяхъ [10]). Конечно, нельзя было требовать, чтобы собиратели тутъ же занимались и оцѣнкой собраннаго ими матеріала: на это требовались люди съ другой подготовкой. Наконецъ, русская натура издателей расходилась во всю свою ширь: не окончивъ еще изданія „Сказаній русскаго народа", наши народолюбцы приступили къ печатанію „Русскихъ народныхъ сказокъ". По этой части уже кое-что было сдѣлано и до нихъ, чѣмъ и рѣшено было воспользоваться. Но, напечатавъ 1-ую часть, издатели увидѣли, что имъ предстояло громадное дѣло, на которое требовались не только большія затраты, но и много рукъ и способныхъ головъ, чтобы русскія народныя сказки явились въ свѣтъ съ необходимыми поясненіями и ученой обработкой, а потому рѣшено было на первой части и покончить.

Мысль о собраніи русскихъ народныхъ сказокъ впервые пришла въ голову *М. Чулкову* еще въ концѣ прошлаго столѣтія; онъ напечаталъ ихъ въ десяти частяхъ, подъ заглавіемъ: „Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся (т. е. сохранившіяся въ памяти народа) приключенія" [11]). Собраніе это выдержало три изданія [12]).

Оставивъ сказки, Сахаровъ съ Яковлевымъ принялись за изданіе „Записокъ русскихъ людей,—заключающихъ въ себѣ событія

---

[8]) 1836 — 1837. Спб. въ типографіи Гуттенберга; 2-е изданіе 1-я часть, въ 1837 г. въ той же типографіи, а третье въ 1841 г. уже въ типографіи Сахарова.

[9]) Въ 1839 г., въ типографіи Сахарова.

[10]) Спб., 1838—39 гг.

[11]) Москва, 1780 г.

[12]) 1-ое въ 1780 г.; 2-ое въ 1783 г.; 3-е въ 1820 г.

временъ Петра Великаго", которыя явились въ томъ же году (1841). Изданіе этихъ „Записокъ", о существованіи которыхъ общество вовсе не знало, произвело свое дѣйствіе. Затѣмъ издатели снова вернулись къ „Сказаніямъ русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ", выдержавшимъ три изданія. Сюда вошло все, уже изданное прежде, но дополненное, исправленное, и все это появилось въ двухъ томахъ большаго формата. Въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ, т. е. съ 1846 по 1849 г., не выходило ничего сахаровскаго. Произошло это отъ того, что до свѣдѣнія издателей дошло, что нѣкто *А. Терещенко*, занимавшійся еще у государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, а впослѣдствіи, по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ, наблюдавшій нѣсколько лѣтъ за разрытіемъ кургановъ на развалинахъ древняго Сарая, составилъ замѣчательную книгу: „Бытъ русскаго народа"; что книга эта уже печатается въ типографіи военно-учебныхъ заведеній и скоро выдетъ въ свѣтъ въ семи частяхъ. Употреблены были всѣ средства достать, во что бы то ни стало, все уже отпечатанное, и издатели воспользовались трудами Терещенко для пополненія своего послѣдняго изданія „Сказаній". „Бытъ русскаго народа", вышелъ въ 1848 г., а въ 1849 г. появилось послѣднее изданіе „Сказаній русскаго народа", уже со ссылками на сочиненіе Терещенки. Трудъ Терещенки вызвалъ противъ себя неблагопріятную критику, тогда какъ онъ обработанъ ничѣмъ не хуже изданій Сахарова и притомъ былъ первымъ трудомъ въ своемъ родѣ.

Терещенко былъ человѣкъ скромный, робкій, невзрачный, чрезвычайно добрый, знающій то, за что брался: онъ ни въ чемъ не уступалъ И. П. Сахарову и усердно трудился для русской исторіи.

V.

Къ этому же времени, т. е. въ концѣ сороковыхъ годовъ, *Влад. Ив. Даль* составилъ свое замѣчательное собраніе русскихъ пословицъ, числомъ слишкомъ 30,000, которое представилъ въ 1850 г. во II-ое отдѣленіе императорской академіи наукъ, съ просьбой о напечатаніи ихъ на счетъ академическихъ суммъ. II-ое отдѣленіе, хотя и состоявшее изъ людей русскихъ, не пожелало издавать этого *неписаннаго* памятника русской народной литературы и, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ отклонить отъ себя исполненіе просьбы Даля, нашло нужнымъ препроводить его рукопись въ с.-петербургскій цензурный комитетъ, для предварительной цензуры, тогда какъ академіи наукъ предо-

тавлено право самой быть цензоромъ всѣхъ своихъ изданій и реди ея членовъ былъ профессоръ Изм. Ив. Срезневскій, состо-вшій въ то же время и цензоромъ с.-петербургскаго цензурнаго омитета. По полученіи рукописи „Собраніе русскихъ пословицъ“ Даля, цензурный комитетъ могъ бы передать ее на разсмотрѣніе ому же Изм. Ив. Срезневскому, но она была отдана на разсмо-рѣніе самому некомпетентному и самому нерадивому цензору Ш., оторый, открывъ рукопись Даля, нашелъ въ ней сдѣланныя еще ъ академіи отмѣтки противъ всѣхъ пословицъ русскаго народа, асавшихся приходскаго духовенства. Всѣхъ отмѣченныхъ ака-еміею пословицъ было до двухсотъ. Въ это время я былъ у Ш. о своему дѣлу. Онъ показалъ мнѣ толстѣйшую рукопись съ от-мѣченными пословицами и свою санкцію, по которой всѣ эти ословицы и еще нѣкоторыя другія были замараны красными ернилами. Рука его здѣсь не дрогнула, хотя постоянно тряслась отъ *пчной простуды*... Послѣ этого, рукопись была возвращена въ ензурный комитетъ, а оттуда во II-е отдѣленіе академіи наукъ, оторое, зная настойчивый и твердый характеръ Даля, извѣстило го, что „Собраніе пословицъ“ можетъ быть напечатано ака-еміею, но что II-ое отдѣленіе нашло необходимымъ исключить ословицы, относящіяся къ тому-то и тому-то, какъ неудобныя къ бращенію въ простомъ народѣ [13]). Даль, получивъ такое извѣ-еніе, отвѣтилъ на него по своему: „изъ пѣсни слова не выки-ешь“ и просилъ возвратить ему рукопись. Впослѣдствіи, почти сѣ эти пословицы онъ внесъ въ свой „Толковый словарь велико-усскаго живаго языка“, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, кото-ыя похерила ему уже московская цензура. Пословицы Даля уви-ѣли свѣтъ Божій только 20 лѣтъ послѣ того, какъ онѣ были редложены имъ академіи наукъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что съ самаго начала сороковыхъ одовъ,—когда у насъ обнаружилась лихорадочная дѣятельность по зъисканію и обнародованію разнаго рода памятниковъ нашей ародной литературы, широко раскрывающихъ намъ народный мъ, бытъ и дѣянія нашихъ предковъ,—по ходатайству извѣст-аго князя А. Н. Голицына, поручено было находившемуся тогда е у дѣлъ, д. с. с. А. И. Тургеневу осмотрѣть всѣ замѣчательнѣйшія вропейскія библіотеки, а гдѣ можно и архивы, и извлечь оттуда се, относящееся къ исторіи Россіи. Плодомъ поисковъ Тургенева въ

[13]) Мы прибавимъ отъ себя: который отлично ихъ знаетъ и никогда е изъемлетъ изъ обращенія.

щаго увлеченія русской народностью. Министръ народнаго свѣщенія С. С. Уваровъ, главный двигатель исторической л тературы, до того увлекся этимъ произведеніемъ, что обра на него вниманіе государя и выхлопоталъ у правительства годное пособіе Гоголю въ 2,000 руб. сер. до самой его см Никто и не догадывался, что „Мертвыя Души" должны был нести косвенный ударъ той кипучей историческо-литерату дѣятельности, которая была тогда въ полномъ разгарѣ.

Вскорѣ нашлись безчисленные подражатели Гоголю, не и шіе ни его таланта, ни такта, и явилась *псевдо-натурал школа*, поставившая себѣ за правило заглянуть всюду лиш *чернаго крыльца*. Когда впослѣдствіи Гоголь увидѣлъ, къ повели его „Мертвыя Души," онъ ужаснулся, началъ рас ваться въ своемъ произведеніи, навсегда бросилъ то перо, рое доставило ему такую громкую славу, и остался вѣренъ э послѣднему рѣшенію до конца жизни.

VII.

Историческія работы 30 и 40-хъ годовъ, не только открыли рокій фундаментъ русской народности, но онѣ ознакомили съ нею во всей подробности и во всевозможныхъ отношен съ этихъ поръ, болѣе чѣмъ послѣ отечественной войны, не ко сами русскіе стали съ гордостью смотрѣть на свою націо ность, но и иностранцы, узнавшіе о нашихъ историческихъ ботахъ и вновь открытыхъ памятникахъ, стали совсѣмъ и относиться къ намъ. Ближайшее знакомство съ нашей на ностью указало намъ на всѣ характеристическія, отличител черты русскаго народа — его благородство, стойкость, смир терпѣніе, постоянное преуспѣяніе и движеніе впередъ, неза ное сначала, но громадное впослѣдствіи.

Историческими работами 30 и 40 годовъ наша наука, и ство и литература не могли еще воспользоваться вполнѣ, какъ у насъ накопилась масса сокровищъ, въ которыхъ браться могли только образованныя, ничѣмъ не затумане головы и трудолюбивыя руки; между тѣмъ реформы слѣдую царствованія, тоже неожиданно поднявъ насъ на ноги, не намъ возможности присѣсть и заняться обработкой собран уже матеріаловъ.

Только послѣ того, что̀ было собрано въ 30 и 40 годах возможна у насъ успѣшная обработка отечественной исто

вленіе новой исторической школы, т. е. многосторонне-под-
овленныхъ дѣятелей по русской исторической литературѣ, за
орыми, впрочемъ, теперь и стало дѣло.

Несмотря на пятилѣтній перерывъ (1850—1855 г.) въ поис-
ъ за памятниками русской народности и народной *неписанной*
ературы, съ самаго вступленія на престолъ императора Але-
ндра II, прерванная на время историческая литературная дѣя-
ьность опять возобновилась и совершенно случайно. Молодой
овѣкъ, студентъ медико-хирургической академіи, *С. В. Мак-
овъ*, помѣстивъ въ журналѣ „Библіотека для чтенія“ нѣ-
лько очерковъ (типовъ) изъ русскаго народнаго быта, обра-
ъ вниманіе великаго князя Константина Николаевича на ха-
теристическія особенности нашего народнаго быта. Тогда же
учено было нѣсколькимъ молодымъ литераторамъ ознакомить
скую публику съ этнографическими особенностями разныхъ
тностей. Но эта прекрасная идея, для осуществленія кото-
 даны были щедрыя средства, не нашла тогда способныхъ
олнителей, и одинъ только С. В. Максимовъ оправдалъ довѣ-
 къ нему. Труды Максимова хорошо извѣстны русской читаю-
й публикѣ, и мнѣ незачѣмъ приводить ихъ здѣсь. Они за-
ательны еще и тѣмъ, что опять возбудили вопросъ о даль-
йшемъ изслѣдованіи русскаго народнаго быта и вызвали къ
й работѣ совершенно новыхъ дѣятелей — такъ называемыхъ
родниковъ“. Перечислить ихъ труды нѣтъ никакой воз-
вности. Слѣдя за этимъ дѣломъ внимательно, десять лѣтъ
у назадъ (т. е. въ началѣ 1876 г.) я желалъ узнать, что
лано въ этой области литературы за двадцать лѣтъ (съ 1855
1874 г.) и оказалось, что въ этомъ промежуткѣ времени вы-
а въ свѣтъ цѣлая *тысяча* отдѣльныхъ сочиненій, кромѣ нѣскол-
ъ тысячъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ нашихъ журна-
ъ и газетахъ—о бытѣ, жизни и разныхъ душевныхъ свой-
ахъ русскаго народа. А между тѣмъ я дошелъ только до
рти А. Ѳ. Гильфердинга (1872 г.).

Справедливость требуетъ сказать, что изысканія и труды
ыхъ изслѣдователей русской старины, т. е. народности, отли-
ются уже и другой обработкой, и строго ученымъ критиче-
мъ отношеніемъ изыскателей къ своему предмету, чего мы
могли требовать ни отъ Терещенки, ни отъ Сахарова съ
овлевымъ, которыхъ задача была—прежде всего показать Рос-
, въ сохранившихся у насъ памятникахъ русской народности.
до думать, что столько сокровищъ собраны не для того,
бы они спокойно хранились въ стѣнахъ различныхъ библіо-

текъ, и что уже не далеко то время, когда молодые русскіе ученые и литераторы сбросятъ съ себя навѣянную на нихъ въ послѣднее время сонливость, примутся за разработку того, что̀ одно въ состояніи отрезвить, глубоко заинтересовать насъ и дать богатый матеріалъ для такихъ трудовъ, которые поглотятъ все вниманіе нашего общества, давно уже жаждущаго здоровой пищи...

Теперь свѣточей нашей народности набрались цѣлые десятки, сотни. При такомъ обильномъ и яркомъ свѣтѣ, наше молодое поколѣніе можетъ работать съ большимъ успѣхомъ и плодотворно послужить родинѣ.

А. Старчевскій.

Пѣсня.

Когда отлетаютъ отрадныя грёзы,
Какъ осенью поздней съ деревьевъ листы,
И сквозь набѣжавшія жгучія слезы
Не видишь исхода возможнаго ты;
Когда недостойныхъ кумировъ къ подножью
Ты жертвы святыя нести не привыкъ;
Когда у тебя, возмущеннаго ложью,
Сорваться готовъ негодующій крикъ;
Когда клеветы ядовитое жало
Вонзается въ душу, какъ острая сталь,
И грязью позорно толпа забросала
Святыя стремленья, святую печаль—
Не плачь, не ломай съ безнадежностью руки,
Судьбу и враговъ не кляни,
Но горесть проклятій, сомнѣнія муки
И злобныя чары, и дикіе звуки—
Ты пѣсней своей разгони!

О. Чюмина.

СЛАВНЫЙ ПАРЕНЬ.

(En glad Gutt).

Повѣсть **Біорнстьерна Біорнсона.**

Съ норвежскаго.

I.

Его называли Ойвиндомъ, и онъ плакалъ, когда родилс
какъ только началъ твердо сидѣть на рукахъ матери на
смѣяться; а когда по вечерамъ въ домѣ зажигали огонь —
такъ заливался, что все смѣялось ему въ отвѣтъ, потомъ тя
къ огню и плакалъ, что не могъ схватить его. „Изъ мал
выйдетъ что-то необыкновенное“, рѣшила мать.

Надъ мѣстомъ его рожденія поднималась гора, не очень,
чемъ, высокая. Березы и сосны на ней глядѣли сверху с
вершинами, а черемуха осыпала цвѣтами крышу дома, гд
перь, подъ надзоромъ Ойвинда, пасся козленокъ. Его на
помѣстили тамъ, чтобы онъ никуда не ушелъ, и Ойвиндъ
носилъ ему траву и листья. Но однажды козленокъ спрыгн
убѣжалъ въ горы. Онъ вскарабкался по скаламъ и очутил
мѣстности совершенно ему незнакомой. Когда Ойвиндъ, поза
кавъ, вышелъ погулять, то замѣтилъ, что козленокъ пропа
подумалъ: „не лисица-ли утащила его“?

— Козь-козь! манилъ онъ.

— Бе-е-е! отозвался пріятель сверху, съ утеса, наклони
лову на-бокъ и смотря внизъ; возлѣ него стояла на кол
дѣвочка.

— Твой козленокъ?—спросила она.

Ойвиндъ стоялъ, раскрывъ ротъ, выпуча глаза и заложи
ки въ карманы.

— Кто ты такая?—спросилъ онъ.

— Я—Маритъ, дочь моей матери, внучка Нордистуэна. Ос

черезъ два дня послѣ праздника всѣхъ святыхъ, мнѣ будетъ семь лѣтъ.

— А, такъ вотъ ты кто!

Ойвиндъ свободно вздохнулъ, потому что, пока Màритъ говорила, онъ даже не осмѣливался дышать.

— Это твой козликъ?—снова спросила малютка.

— Мой, отвѣчалъ Ойвиндъ и все смотрѣлъ вверхъ.

— Ахъ, какъ бы я хотѣла его! Не подаришь ли ты мнѣ?

— Нѣтъ, не подарю.

Она смотрѣла внизъ, лежа на землѣ и нетерпѣливо болтая закинутыми къ верху ножками.

— Подари, пожалуйста! Я дамъ тебѣ за это крендель.

Ойвиндъ былъ сынъ небогатыхъ людей. Единственный разъ въ жизни пришлось ему отвѣдать вкусъ кренделя, когда ихъ посѣтилъ дѣдушка—и ничего лучше не ѣдалъ онъ ни до, ни послѣ этого. Ойвиндъ взглянулъ на дѣвочку.

— Позволь мнѣ прежде посмотрѣть на этотъ крендель; большой онъ?

— На, смотри! и она бросила его внизъ.

— Ахъ, какая жалость! Онъ въ дребезги разлетѣлся!—сказалъ мальчикъ, старательно подбирая мельчайшія крошки и одна за другою отправляя ихъ въ ротъ. Онѣ казались ему такими вкусными! Прежде чѣмъ Ойвиндъ опомнился, кренделя какъ не бывало.

— Теперь козленокъ мой,—сказала Màритъ.

Послѣдній кусокъ остановился въ горлѣ мальчика, тогда какъ дѣвочка была очень довольна и радостно смѣялась. Козленокъ стоялъ возлѣ нея, выставивъ бѣлую грудь, окаймленную темно-коричневыми, косматыми волосами.

— Не можешь ли ты немножко подождать?—сказалъ мальчикъ, и сердце у него сильно застучало. Дѣвочка громко разсмѣялась и быстро привстала на колѣни.

— Нѣтъ, козленокъ мой,—сказала она, обвила его шею руками, потомъ разстегнула одну изъ своихъ подвязокъ и повязала ее вкругъ шеи животнаго. Мальчикъ слѣдилъ за ея движеніями: вотъ она встала и тащитъ козленка за собой, а онъ упирается и, поворачиваясь къ Ойвинду, жалобно кричитъ. Она схватила его одной рукой за голову, другой за ленточку и приговаривала, ласкаясь къ нему и цѣлуя:

— Пойдемъ, козленочекъ, пойдемъ, миленькій! Я поведу тебя въ комнаты, тамъ ты будешь ѣсть съ блюдечка моей матери, изъ моего передника....

Мальчикъ остался одинъ. Съ перваго дня рожденія козл
съ самой зимы, Ойвиндъ заботился о немъ и никакъ не мог
бѣ представить, что когда нибудь они разстанутся. И теп
это случилось такъ неожиданно, такъ внезапно....

Напѣвая пѣсенку, возвращалась его мать съ морскаго бе
она несла деревянныя ведра, вымытыя тамъ и вычищенныя
комъ. Увидя, что мальчикъ сидитъ на травѣ, поджавъ н
горько плача, она подошла къ нему:

— О чемъ ты плачешь?—сказала она.

— Козленокъ мой!...

— Ну, гдѣ же твой козленокъ? — спросила мать.

— Онъ больше никогда не вернется!—отвѣчалъ мальчик

— Какъ такъ?! Лисица утащила его, что ли?

— О, еслибы лисица!...

— Въ своемъ ли ты умѣ? Да говори же, что сталось съ
имъ козломъ?

— Ахъ, что я сдѣлалъ! Я продалъ его за крендель!...

И когда, заикаясь, мальчикъ произносилъ эти слова,
только понялъ онъ, что̀ значитъ его поступокъ: раньше е
въ голову это не приходило.

— Ну, скажи же мнѣ сынъ: что подумаетъ о тебѣ
ленокъ, если ты рѣшился продать его за крендель? — ск
мать.

Ойвиндъ подумалъ и пришелъ къ заключенію, что тепер
этомъ свѣтѣ не будетъ больше ему отрады; „даже и на
свѣтѣ не будетъ“,—добавилъ онъ. Имъ овладѣла такая глу
грусть, что онъ тутъ же далъ себѣ зарокъ никогда больш
дѣлать ничего дурнаго: ни перерѣзывать нитку на прялкѣ, ни
пускать изъ хлѣва овецъ, ни уходить безъ спросу на бе
моря.

Въ этихъ думахъ Ойвиндъ заснулъ тамъ, гдѣ сидѣлъ, и
приснилось, что его козленокъ попалъ въ царство небесное.
виндъ видѣлъ тамъ Бога съ большой бородой, какъ на карт
въ катехизисѣ, а козленокъ объѣдалъ листья райскаго де
Ойвиндъ же никакъ не могъ войти въ рай. Вдругъ его
коснулось что-то мокрое, такъ что онъ съ просонья вскочил

— Бе-е-е! раздалось возлѣ мальчика.

Это былъ возвратившійся козленокъ.

Ойвиндъ схватилъ его за переднія лапы, и, дружески об
шись, словно родные братья, они оба вмѣстѣ прыгали отъ р
сти. Онъ дергалъ его за бороду и хотѣлъ уже идти съ ним
матери, чтобы объявить ей о своей радости, какъ вдругъ р

шалъ за собой шаги. Возлѣ него на травѣ сидѣла дѣвочка. Теперь онъ все понялъ и выпустилъ козленка изъ рукъ.

— Это ты его привела?

Дѣвочка въ смущеніи щипала траву и проговорила наконецъ:

— Я не смѣю держать козленочка.... Дѣдушка сидитъ тамъ на верху, онъ ждетъ меня.

Въ то время, какъ Ойвиндъ смотрѣлъ на нее, онъ услышалъ рѣзкій голосъ съ дороги, на горѣ:

— Скоро ты тамъ?

Тогда только сообразила она, что̀ ей нужно дѣлать: встала, подошла къ Ойвинду, подала ему свою пухленькую ручку и сказала, смущенно глядя въ сторону:

— Прости меня!...

Но тутъ твердость покинула ее: она упала передъ козликомъ и заплакала.

— Возьми его себѣ, — сказалъ Ойвиндъ, отворачиваясь въ сторону.

— Ну-ну, живѣй! кричалъ съ горы дѣдушка.

Мàритъ медленно пошла на его зовъ.

— Вотъ твоя подвязка!—закричалъ ей Ойвиндъ вслѣдъ.

Она обернулась, посмотрѣла сперва на подвязку, потомъ на него; наконецъ, собрала все присутствіе духа и сказала сквозь слезы:

— Оставь ее... себѣ...

Онъ догналъ дѣвочку и взялъ ее за руку.

— Спасибо, отъ всего сердца!

— Не стоитъ,—сказала она, вздохнула и пошла дальше.

Мальчикъ усѣлся на травѣ, козленокъ ходилъ возлѣ; но Ойвиндъ уже не такъ любилъ его, какъ прежде.

II.

БИБЛІОТЕКИ

Мать подошла къ сыну и сѣла съ нимъ рядомъ. Онъ просилъ ее разсказать о происшествіяхъ давнихъ дней, такъ какъ козленокъ уже не интересовалъ его.

Мальчикъ услыхалъ отъ матери, что прежде всѣ предметы разговаривали между собою: горы говорили съ ручьемъ, ручей съ рѣками, рѣки съ моремъ, море съ небомъ.

— А небо ни съ кѣмъ не говорило?—спросилъ Ойвиндъ.

— Конечно, небо говорило съ облаками, облака съ деревьями,

деревья съ травою, трава съ мухами, мухи съ звѣрями, звѣри съ дѣтьми, а дѣти со взрослыми.

Ойвиндъ посмотрѣлъ на горы, на деревья, на море и небо. Никогда еще не казались они ему такими, какъ сегодня. Въ это время, изъ дому вышла кошка и улеглась погрѣться на солнышкѣ.

— О чемъ говоритъ кошка?—спросилъ мальчикъ.

Въ отвѣтъ на это, мать запѣла:

„Ловлю я мышку за затылокъ,
Лакаю сливки изъ горшковъ,
Случается стащить и рыбку.
Теперь кругла я и сыта,
Лежу въ лѣнивой, сладкой нѣгѣ".

Прошелъ пѣтухъ со всѣмъ своимъ куринымъ семействомъ.

— О чемъ говоритъ пѣтушокъ?—спросилъ Ойвиндъ.

Въ это время запѣли и двѣ маленькія птички, усѣвшіяся на конькѣ крыши.

— О чемъ птички поютъ?—перебилъ Ойвиндъ и засмѣялся.

Мало по малу мальчикъ узналъ, о чемъ всѣ говорили, даже о чемъ говорилъ муравей, старавшійся перебраться черезъ лужицу и червякъ, точившій древесную кору. Въ то же время мать начала учить Ойвинда, и когда въ его распоряженіе поступили книги, онъ сталъ подумывать о томъ, что хорошо было бы, еслибъ и онѣ также говорили. И вотъ буквы превратились у него въ звѣрей, птицъ и во все то, что̀ летаетъ, ходитъ и ползаетъ; но по мѣрѣ того, какъ подвигалось ученіе, книги не содержали болѣе никакихъ сказокъ, а раскрывали передъ нимъ одну дѣйствительность.

Наконецъ, какъ-то разъ мать сказала ему:

— Завтра начинаются школьныя занятія, и ты пойдешь со мною въ училище.

Ойвиндъ слыхалъ отъ кого-то, что школа—такое мѣсто, гдѣ играютъ мальчики, а противъ игръ онъ ничего не имѣлъ. Онъ взбѣгалъ на горы, нетерпѣливо обгонялъ мать и торопилъ ее идти скорѣе. Они подошли къ училищу съ задняго хода. Жужжаніе, похожее на отдаленный гулъ мельничнаго колеса, донеслось къ нимъ.

— Что это?—спросилъ Ойвиндъ.

— Дѣти читаютъ,—отвѣтила мать.

Онъ очень обрадовался, что и ему придется учиться такимъ же образомъ, вслухъ. Войдя въ школу, Ойвиндъ увидѣлъ вокругъ стола столько дѣтей, что и въ церкви они едва ли бы помѣстились. Одни сидѣли вдоль стѣны на корзинкахъ со съѣстными

припасами, другіе стояли вкругъ черной доски. Учитель, старикъ съ сѣдыми волосами, сидѣлъ у очага и набивалъ трубку. Когда Ойвиндъ, въ сопровожденіи матери, вошелъ въ классъ, всѣ глаза устремились на него—и жужжаніе мельничнаго колеса прекратилось. Всѣ смотрѣли на вошедшихъ. Мать поклонилась учителю, отвѣтившему на поклонъ.

— Я привела къ вамъ мальчика: онъ желаетъ учиться, — сказала она.

— А какъ зовутъ его?—спросилъ учитель.

— Ойвиндъ,—сказала мать:—онъ уже знаетъ буквы и умѣетъ составлять склады.

— Прекрасно!—похвалилъ учитель:—ну, поди-ка ты сюда, бѣлобрысенькій!

Мальчикъ смѣло подошелъ; учитель притянулъ его къ себѣ и снялъ съ него шапку.

— Паинька мальчикъ!—сказалъ онъ, гладя его по головѣ, бѣлой, какъ лёнъ.

Ойвиндъ заглянулъ въ глаза учителю и засмѣялся.

— Ужь не надо мной ли ты смѣешься?—спросилъ старикъ, собравъ складки морщинъ на лбу.

— А надъ кѣмъ же больше?—отвѣтилъ Ойвиндъ, заливаясь по смѣху.

На его смѣхъ засмѣялся учитель, засмѣялась мать, и дѣти захохотали, понявъ, что имъ тоже позволено смѣяться. Смѣялись всѣ вмѣстѣ.

Такъ произошло принятіе Ойвинда въ школу. Когда же ему предоставили право выбора мѣста, каждый изъ школьниковъ желалъ, чтобы онъ сѣлъ съ нимъ рядомъ,—такимъ казался онъ милымъ и забавнымъ. Однако Ойвиндъ долго колебался, обводя глазами весь классъ, а дѣти перешептывались и манили его. Съ шапкой въ рукахъ и книгой подъ мышкой, мальчикъ метался во всѣ стороны.

— Да скоро ли ты рѣшишься?—спросилъ учитель. Въ это время Ойвиндъ примѣтилъ рядомъ съ собой Маритъ, сидѣвшую у очага на разноцвѣтной корзинкѣ со съѣстными припасами. Она прикрыла свое лицо обѣими руками и, сквозь пальцы, украдкой поглядывала на Ойвинда.

— Я сяду вотъ здѣсь,—скороговоркой промолвилъ онъ и, подвинувъ чужую корзинку, подсѣлъ къ дѣвочкѣ. Она прикрылась всей рукой, выглядывая изъ-подъ локтя. Такъ они сидѣли рядомъ и дѣлали другъ другу гримасы, пока оба не разсмѣялись. Дѣти подмѣтили это. Вдругъ раздался громовый голосъ

учителя, который, однако, за каждымъ словомъ становился все нѣжнѣе.

— Замолчите ли вы, сахарные поросята?

Учитель былъ горячъ, вспыльчивъ, но скоро смягчался. Моментально школа успокоилась, мельничное колесо снова зажужжало. Дѣти учились вслухъ, каждый по своей книжкѣ. Самый тоненькій дискантъ пѣлъ, какъ скрипка; болѣе толстый альтъ барабанилъ громче, чтобы перекричать прочихъ; а по временамъ кукарекалъ другой голосъ. Въ жизни своей Ойвиндъ еще не былъ такъ доволенъ.

— Всегда у васъ такъ?—шепнулъ онъ Мàритъ.

— Разумѣется,—отвѣчала она.

Спустя нѣсколько времени, дѣти должны были подходить къ учителю для провѣрки чтенія, а потомъ читали, уже сидя по своимъ мѣстамъ, подъ руководствомъ одного изъ старшихъ мальчиковъ.

— Теперь и у меня есть уже козликъ, — шепнула Мàритъ Ойвинду.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, но твой гораздо красивѣе.

— А почему ты не приходила на гору?

— Дѣдушка боится, что я свалюсь.

— Да вѣдь гора вовсе не высока.

— А дѣдушка все таки не позволяетъ.

— Сколько моя мама пѣсенъ знаетъ!—сообщилъ Ойвиндъ.

— Дѣдушка мой знаетъ столько-же.

— Да, но онъ не знаетъ такихъ, какъ мама.

— Дѣдушка даже и танецъ одинъ поетъ. Хочешь послушать?

— Еще бы, съ удовольствіемъ!

— Ну, такъ подвинься ко мнѣ поближе, чтобы учитель не слыхалъ.

Онъ подвинулся, и она повторяла ему свою пѣсню до тѣхъ поръ, пока онъ не выучилъ ея наизустъ. Это было первое, чему онъ научился въ школѣ.

— Вставайте, дѣти!—сказалъ учитель.—Сегодня, по случаю перваго школьнаго дня, отпускаю васъ раньше обыкновеннаго, только прежде помолимся Богу и пропоемъ молитву.

Слова учителя оживили школьниковъ: они прыгали на полу, скамейки, бѣгали по комнатѣ и говорили всѣ вмѣстѣ.

Тише, вы, сороки этакія, дикіе жеребята,—тише! Становитесь потихоньку, милыя дѣтки! крикнулъ учитель.

И выстроились, учитель всталъ впереди и прочелъ крат-

кую молитву; потомъ они пѣли хоромъ: учитель затянулъ могучимъ басомъ, а дѣти, сложивъ руки, подпѣвали. Ойвиндъ, какъ младшій, стоялъ вмѣстѣ съ Маритъ у дверей. Оба они тоже сложили руки, но пѣть еще не умѣли.

Такъ прошелъ первый день Ойвинда въ школѣ.

III.

Ойвиндъ подросъ, и изъ него вышелъ славный парень. Онъ очень любилъ свою мать и школьнаго учителя, и потому въ классѣ былъ первымъ, а дома—славнымъ помощникомъ во всякой работѣ, всегда кипѣвшей у него въ рукахъ. Съ отцомъ онъ рѣдко видѣлся: тотъ или рыбу ловилъ, или на мельницѣ сидѣлъ и мололъ муку. Разъ, сидя у очага, мать разсказала сыну исторію школьнаго учителя, и она произвела на мальчика сильное впечатлѣніе. Онъ весь проникся ею, и потомъ каждое слово, произнесенное учителемъ въ школѣ, не только внушало ему уваженіе къ личности наставника, но и заставляло его понимать то, чему учили. Исторія эта вотъ о чемъ говорила.

Учителя звали Бэрдъ, а у него былъ братъ Андерсъ.

Они, какъ слѣдуетъ, любили другъ друга; оба поступили въ военную службу, вмѣстѣ жили въ городѣ, вмѣстѣ были произведены въ капралы, служили въ одной ротѣ—и какими бравыми молодцами были они, возвратясь съ похода! Въ это время умеръ ихъ отецъ, оставивъ послѣ себя много всякаго добра, которое трудно было дѣлить. Чтобы не ссориться, братья условились такъ: все продать съ аукціона и пусть каждый покупаетъ себѣ, что̀ хочетъ изъ вещей, а выручку раздѣлить пополамъ. Сказано — сдѣлано. На аукціонѣ были большіе золотые часы, знаменитые въ цѣломъ околодкѣ, потому что они были первыми и единственными золотыми часами, появившимися въ этой области. И когда во время аукціона выкрикнули: „часы“, разумѣется, нашлось много богатыхъ покупателей, которые, однако, вскорѣ отстали, замѣтивъ, что и братья-наслѣдники участвуютъ въ торгѣ. Бэрдъ ждалъ уступки отъ Андерса, Андерсъ—отъ Бэрда. Чтобы испытать другъ друга, они постепенно набавляли, переглядываясь, и когда цѣна поднялась до 20 талеровъ, Бэрдъ подумалъ, что это нехорошо со стороны брата, однако самъ накинулъ еще 10 талеровъ. Но такъ какъ Андерсъ не уступалъ, то Бэрдъ уже началъ обвинять брата въ томъ, что онъ забываетъ о добротѣ и старшинствѣ Бэрда—и еще прибавилъ. Андерсъ тоже. Тутъ Бэрдъ сразу

махнулъ на 40 талеровъ и уже не смотрѣлъ на брата. Въ комнатѣ наступила глубокая тишина, прерываемая спокойными повтореніями производившаго аукціонъ. Андерсъ подумалъ въ это время, что если Бэрдъ въ состояніи заплатить 40 талеровъ, то почему же и ему не заплатить этихъ денегъ, и если братъ не уступаетъ, то почему же онъ долженъ уступить,—и прибавилъ еще. Бэрдъ почувствовалъ себя глубоко-оскорбленнымъ. Упавшимъ до шопота голосомъ онъ предложилъ 50 талеровъ. Но Андерсъ не хотѣлъ уступить и прибавилъ сверхъ 50-ти. Горькая усмѣшка передернула губы Бэрда. «Сто талеровъ и мою братскую любовь на придачу!» сказалъ онъ рѣшительно, повернулся и вышелъ изъ дому. Въ то время какъ Бэрдъ уже сѣдлалъ лошадь, кто-то ему сообщилъ, что часы остались за нимъ: Андерсъ уступилъ. Услыхавъ объ этомъ, Бэрдъ почувствовалъ раскаяніе; онъ подумалъ о братѣ... Подпруги были уже подтянуты. Бэрдъ стоялъ въ нерѣшительности: „уѣхать или нѣтъ?“ Но тутъ народъ вышелъ изъ дому, въ томъ числѣ и Андерсъ. Увидя брата у осѣдланной лошади, Андерсъ крикнулъ: „Спасибо за часы, Бэрдъ! Но я надѣюсь, что никогда больше не унижу ихъ!“—„Точно такъ же, какъ и меня въ твоемъ домѣ!“ отвѣтилъ Бэрдъ, поблѣднѣвъ, и вскочилъ на лошадь. Спустя нѣсколько времени, Андерсъ женился, но Бэрда не пригласилъ на свадьбу. Оскорбленный Бэрдъ не явился и въ церковь. Въ тотъ же самый годъ единственная корова Андерса была найдена мертвою за домомъ, гдѣ паслась. Никто не могъ объяснить настоящей причины ея смерти. Вслѣдъ за этимъ, одно за другимъ преслѣдовали Андерса несчастья. Онъ находился теперь въ очень затруднительномъ положеніи, особенно зимою, когда сгорѣло послѣднее его имущество, заключавшееся въ сѣнѣ. Но опять таки никто не зналъ, откуда занялся огонь. „Это все мой заклятый врагъ!“ сказалъ Андерсъ и горько проплакалъ всю ночь. Онъ окончательно обѣднѣлъ и потерялъ охоту къ труду.

На слѣдующій день послѣ пожара, Бэрдъ пришелъ къ Андерсу. Тотъ лежалъ въ постели,—но при входѣ брата вскочилъ: „Что тебѣ здѣсь надо?“ спросилъ онъ, пронизывая пришедшаго враждебнымъ взглядомъ. Бэрдъ, смущенный такимъ пріемомъ, колебался нѣсколько секундъ, потомъ сказалъ:

— Я пришелъ предложить тебѣ помощь. Я знаю: дѣла твои плохи»...

— Мои дѣла таковы, какими ты желалъ ихъ видѣть... Уходи отсюда!

— Ты ошибаешься, Андерсъ... Я раскаиваюсь...

— Уйди, Бэрдъ! иначе я не ручаюсь за себя!—вскричалъ Андерсъ.

Бэрдъ отступилъ при угрозѣ брата.

— Если тебѣ нужны часы, то возьми ихъ...—сказалъ онъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Поди прочь, говорю тебѣ!—закричалъ Андерсъ въ изступленіи.

Бэрдъ ушелъ. Его гордость была возмущена недостойнымъ поведеніемъ брата. Онъ предлагалъ ему свои услуги, предлагалъ отъ всей души,—и взамѣнъ получилъ тяжкую обиду,.. Но, хорошенько обдумавъ всѣ обстоятельства и принявъ во вниманіе, что горькія слова брата вызваны его несчастьемъ, добрый Бэрдъ смягчился, хотя обида еще не была забыта и оскорбленное самолюбіе говорило въ немъ. По дорогѣ онъ зашелъ въ церковь помолиться и, подъ наплывомъ добраго чувства, рѣшилъ помириться съ братомъ, простить ему все, и опять направился къ дому Андерса; но на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ препятствія: то кто нибудь выходилъ изъ дверей, то присутствіе гостей мѣшало, то самъ Андерсъ стоялъ у дверей и кололъ дрова. Однимъ словомъ, что-нибудь да мѣшало—и онъ не исполнилъ своего намѣренія. Зимой, въ одно изъ воскресеній, Бэрдъ вошелъ въ церковь и увидѣлъ тамъ брата. Онъ сильно измѣнился за послѣднее время: сталъ худъ и блѣденъ; на прежней щегольской одеждѣ виднѣлись заплаты. Во время проповѣди, Андерсъ внимательно смотрѣлъ на пастора. Бэрдъ обратилъ особенное вниманіе на кроткое выраженіе, свѣтившееся въ глазахъ брата. Ему вспомнились ихъ дѣтство и прежняя дружба.

Въ этотъ день Бэрдъ причащался и передъ алтаремъ далъ обѣтъ помириться съ братомъ. Это намѣреніе такъ взволновало его во время причащенія, что, когда онъ поднялся съ колѣнъ, то рѣшился немедленнно подойти къ брату и сѣсть съ нимъ рядомъ, чтобы имѣть возможность заговорить. Но, къ несчастью, подлѣ Андерса кто то сидѣлъ уже. Потомъ къ нему подошла жена, а Бэрдъ съ нею незнакомъ... Онъ разсчиталъ, что лучше пойти на домъ и серьезно переговорить. Вечеромъ такъ онъ и сдѣлалъ. Подойдя къ дверямъ, онъ сталъ прислушиваться и услыхалъ свое имя. Невѣстка говорила про него: „Вѣдь онъ сегодня причащался и, конечно, думалъ о тебѣ.“—„Нѣтъ, онъ не думалъ обо мнѣ; онъ думалъ только о себѣ.... Я его знаю.“ — Послѣдовало продолжительное молчаніе. Бэрда бросило въ жаръ, хотя вечеръ былъ холодный.— Жена возилась у топившагося очага, гдѣ трещали дрова; по временамъ слышался плачъ ребенка, и Андерсъ

убаюкивалъ его.—„А мнѣ кажется, вы постоянно думаете другъ о другѣ, но не хотите въ этомъ сознаться“, снова начала жена.—„Не лучше ли прекратить намъ этотъ разговоръ“? сухо замѣтилъ Андерсъ, всталъ и направился къ двери.

Бэрдъ отскочилъ и спрятался въ дровяномъ сараѣ, куда, какъ нарочно, направился и Андерсъ, чтобы принести вязанку дровъ.

Бэрдъ видѣлъ, какъ братъ набиралъ ихъ.

Теперь онъ былъ не въ праздничномъ нарядѣ, а въ военной формѣ, оставшейся еще съ похода. Мундиръ былъ весь въ заплатахъ, и мощная, рослая фигура Андерса словно торчала изъ грязной связки лохмотьевъ.

Когда Бэрдъ оглядывалъ брата, онъ явственно слышалъ стукъ своихъ часовъ въ карманѣ.

Андерсъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ оставилъ веревку; но вмѣсто того, чтобы увязывать дрова, поглядѣлъ на небо, усѣянное ярко-мерцавшими звѣздочками; изъ груди его вырвался тяжелый вздохъ. Потомъ всю жизнь преслѣдовалъ Бэрда этотъ вздохъ. Онъ рѣшился подойти къ брату, который въ это время закашлялъ.

И этотъ кашель вдругъ явился одной изъ тѣхъ причинъ, какія постоянно становились ему на пути примиренія съ братомъ. Андерсъ взвалилъ на плечи вязанку и прошелъ мимо Бэрда такъ близко, что задѣлъ его дровами по лицу. Бэрдъ хотѣлъ сейчасъ же уйти отсюда, но нервная дрожь во всемъ тѣлѣ лишила его силъ, и прежде чѣмъ сдѣлать шагъ, онъ долженъ былъ простоять еще минутъ десять. Наконецъ онъ вышелъ изъ сарая, сознавшись, что у него не достало духа войти къ брату. Но онъ придумалъ другой планъ: въ томъ самомъ углу, откуда онъ только что вышелъ, стоялъ ящикъ съ золой. Бэрдъ вынулъ изъ него нѣсколько тлѣющихъ углей, досталъ лучинку, заперъ за собою дверь и, вздувши огонь, началъ разыскивать гвоздь, на которомъ Андерсъ обыкновенно вѣшалъ фонарь, когда, раннимъ утромъ, приходилъ сюда работать. На этотъ гвоздь онъ повѣсилъ свои золотые часы. Послѣ этого Бэрдъ почувствовалъ, что съ души его свалилось тяжелое бремя, и теперь ему стало такъ легко, что онъ, какъ мальчикъ, пустился по снѣгу бѣгомъ.

На другой день онъ узналъ, что сарай брата въ эту ночь сгорѣлъ дотла, вѣроятно, отъ лучинки, которою Бэрдъ свѣтилъ себѣ, когда вѣшалъ часы.

Это такъ потрясло его, что онъ весь день пролежалъ больнымъ въ постели, взялъ свой молитвенникъ и пѣлъ псалмы, такъ

домашніе предполагали, не съ ума ли онъ сошелъ.

Вечеромъ онъ одѣлся и вышелъ. Еще свѣтила луна, когда онъ, придя на пожарище, сталъ копаться въ охладѣвшемъ пеплѣ и, наконецъ, нашелъ небольшой слитокъ золота: это были его часы Со слиткомъ въ рукѣ онъ пошелъ къ брату, чтобы разсказать ему обо семъ и помириться. По дорогѣ, Бэрду встрѣтилось нѣсколько парней, потомъ дѣвочка изъ сосѣдняго двора видѣла его на пожарищѣ, , наконецъ, прислуга разсказывала, какъ онъ странно велъ себя въ тотъ день. И такъ какъ всѣ знали, насколько враждебно относились братья другъ къ другу, то противъ Бэрда было направлено судебное слѣдствіе. Никто не могъ доказать его виновности, но подозрѣніе все таки лежало на немъ, и теперь онъ менѣе всего могъ близиться съ братомъ. Когда сарай загорѣлся, Андерсъ сейчасъ же подумалъ о Бэрдѣ, но никому ничего не сказалъ; и потомъ, когда Бэрдъ, взволнованнный и блѣдный, вошелъ къ нему въ домъ, Андерсъ сказалъ самъ себѣ: „теперь онъ раскаивается, но такое тяжкое преступленіе противъ роднаго брата не можетъ быть прощено.“

Не смотря на отсутствіе прямыхъ уликъ, Андерсъ остался твердо убѣжденъ, что поджогъ совершенъ братомъ. Во время допроса они встрѣтились: Бэрдъ въ щегольскомъ платьѣ, а Андерсъ въ старомъ, заплатаннномъ. При входѣ Андерса, Бэрдъ посмотрѣлъ на него такимъ умоляющимъ взглядомъ, что сердце брата невольно дрогнуло. „Онъ проситъ, чтобы я не обвинялъ его“, подумалъ Андерсъ и, когда его спросили: „подозрѣваетъ ли онъ брата въ преступленіи?“ онъ твердо и громко заявилъ: „нѣтъ“!

Но съ этого дня Андерсъ запилъ; его здоровье, уже расшатанное жизнью, полною мученій, надломилось. Что было съ Бэрдомъ — хотя тотъ и не пилъ — трудно передать: въ нѣсколько дней онъ такъ измѣнился, что сталъ неузнаваемъ. Разъ какъ-то вечеромъ къ нему вошла бѣдно одѣтая женщина и просила его исполнить ея просьбу. Бэрдъ узналъ жену брата. Онъ догадался о причинѣ ея посѣщенія, поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и, не говоря ни слова, послѣдовалъ за ней. — Только одно окно въ домѣ Андерса мелькало слабымъ свѣтомъ, по направленію котораго они шли по двору, заметённому снѣгомъ. Они вошли въ домъ. У очага стоялъ ребенокъ и ѣлъ капусту. Лицо его было запачкано и казалось чернымъ; но, улыбнувшись, онъ показалъ бѣлые зубы. На постели, прикрытой разнымъ тряпьемъ, лежалъ исхудалый Андерсъ и ввалившимися глазами смотрѣлъ на брата. У Бэрда подкосились ноги... Онъ присѣлъ къ больному на кровать и тихо заплакалъ.

Андерсъ молча и долго смотрѣлъ на брата, потомъ попросилъ жену выйти; но Бэрдъ кивнулъ ей, чтобы она осталась. Тутъ они оба высказались, припомнивъ все со времени аукціона до теперешней встрѣчи.

Подъ конецъ разговора братья поняли, что въ теченіе этихъ лѣтъ они не видѣли ни одного счастливаго дня. Андерсъ говорилъ мало: онъ былъ слишкомъ слабъ; но Бэрдъ все разсказывалъ какъ онъ мучился это время, и уже не отходилъ больше отъ постели больнаго.

— Теперь, голубчикъ Бэрдъ, я совсѣмъ здоровъ, сказалъ Андерсъ, проснувшись утромъ: теперь мы опять заживемъ по прежнему вмѣстѣ, и никогда не будемъ разлучаться... Слышишь? никогда... Но въ тотъ же день онъ умеръ.

Вдову и ребенка Бэрдъ взялъ къ себѣ, и они мирно зажили. Однако то, что произошло между братьями на смертномъ одрѣ Андерса, словно пройдя сквозь стѣны дома, сдѣлалось извѣстнымъ всему приходу. Бэрдъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Всѣ кланялись ему, какъ дорогому гостю, вернувшемуся послѣ долгаго отсутствія. Это общее почтеніе, разумѣется, радовало Бэрда. Но чѣмъ онъ могъ отблагодарить за него? Онъ сталъ трудиться, работать для всѣхъ, пока достанетъ силъ,—и старый капралъ сталъ школьнымъ учителемъ. Болѣе всего старался онъ внушить дѣтямъ любовь къ ближнимъ. Онъ самъ такъ былъ проникнутъ ею, что дѣти любили его, какъ товарища и добраго отца.

Эта исторія глубоко запала въ сердце Ойвинда. Учитель представлялся ему существомъ, стоящимъ неизмѣримо выше всѣхъ людей, хотя онъ видѣлъ его всегда рѣзкимъ и ворчливымъ.

Не приготовить урока было для Ойвинда дѣломъ невозможнымъ, а если учитель ласково улыбался ему за хорошій отвѣтъ или гладилъ его по головѣ, мальчикъ цѣлый день чувствовалъ себя на верху блаженства.

IV.

Въ періодъ дѣтства Ойвинда, почти до дня конфирмаціи, ничего не случилось. Утромъ онъ ходилъ въ школу, днемъ работалъ, а вечеромъ игралъ съ товарищами, которыхъ привлекалъ веселый характеръ мальчика. Къ тому же, прямо отъ дверей дома, черезъ лужайку, шелъ къ бухтѣ некрутой скатъ, представляя зимой удобное мѣсто для катанья на санкахъ. По воскресеньямъ сюда собиралась вся деревенская молодежь. Ойвиндъ, на правахъ хозяина, распоряжался катаньемъ; онъ смастерилъ себѣ

салазки и катался на нихъ вдвоемъ съ Маритъ. Это доставляло имъ большое удовольствіе. Если, проснувшись поутру, мальчикъ замѣчалъ, что кусты на горѣ одѣты туманомъ или вода каплетъ съ крыши, онъ одѣвался медленно, нехотя, какъ будто въ этотъ день ему нечего дѣлать; но когда пробужденіе Ойвинда встрѣчали лучи солнца—признакъ мороза на дворѣ—онъ торопился, какъ на пожаръ, и едва находилъ время позавтракать.

Послѣ обѣда, катающіеся обыкновенно ожидали сигнала. Одинъ изъ парней всходилъ на вершину горы и, размахивая надъ головой длинной палкой, рѣзкимъ крикомъ возвѣщалъ о началѣ сбора. Ойвиндъ хваталъ свои салазки, и вскорѣ его дѣтскій крикъ раздавался вмѣстѣ съ запѣвалой, откликался въ лѣсу, звенѣлъ по дикимъ ущельямъ фіорда и замиралъ гдѣ-то далеко, на ледяной равнинѣ моря. Ойвиндъ оглядывался во всѣ стороны, отыскивая взглядомъ свою Маритъ. Она здѣсь—и ему больше ничего не надо.

На Рождество Маритъ и Ойвинду исполнится 16 лѣтъ. Въ эту весну они должны конфирмоваться, и потому, въ виду предстоящаго великаго торжества, дѣдушка и бабушка Нордистуэнъ рѣшились устроить праздникъ для внучки, обѣщанный ей три года тому назадъ. Въ числѣ прочихъ получилъ приглашеніе и Ойвиндъ.

Уже вечерѣло, когда онъ вышелъ изъ дому и направился къ Маритъ. Сумерки быстро сгущались, такъ какъ небо заволокло тучами. Было ни тепло, ни холодно; на завтра предвѣщалась оттепель. По временамъ, порывы западнаго вѣтра поднимали съ обледенѣлыхъ вершинъ снѣжные вихри и нагоняли сугробы на скалы и въ оврагъ, поросшій густымъ лѣсомъ. Въ иныхъ мѣстахъ дорога то отливала блескомъ льда, проходя по обнаженному болоту, то чернѣла, среди бѣлой пелены снѣжныхъ заносовъ на горахъ. Отсюда уже виднѣлись постройки хутора, лежавшаго темнымъ пятномъ на бѣломъ фонѣ широкаго луга, все болѣе окутываемаго мракомъ ночи, сквозь который прорѣзывались и ложились по снѣгу, длинными полосами, лучи мерцавшаго изъ окошекъ свѣта.

По дорогѣ, Ойвинда обогнали группы взрослыхъ парней и подростковъ, спѣшившихъ на праздникъ. Подойдя къ хутору, они разбрелись въ разныя стороны и, обогнувъ усадьбу окольными путями, подвывали по лисьи, по волчьи; другіе издали отвѣчали имъ кошачьимъ мяуканьемъ. Вторая партія гостей старалась открыть убѣжища этихъ звѣриныхъ голосовъ и охотилась на нихъ. Въ особенности, противъ старой охрипшей собаки, лаявшей изъ-за хлѣбной

печи, противъ той даже была устроена правильная облава. Вс
затѣмъ, во дворъ гурьбой зашли дѣвушки, которыя, замѣт
присутствіе парней, взвизгнули и пустились бѣжать въ разсыпн
Нѣкоторыя изъ нихъ забивались даже въ садъ и прятались
заметамъ, подъ изгородью. Парнямъ приходилось ловить ихъ
одиночкѣ и насильно тащить въ домъ къ Маритъ. Только по
ея усиленныхъ просьбъ, дѣвушки, краснѣя, соглашались войти
комнаты. Неприглашенныя, но пришедшія посмотрѣть на пр
никъ, не шли дальше порога, и если услужливый парень уг
шивалъ одну изъ нихъ протанцовать съ нимъ, то сначала
отказывалась, но потомъ, по настоянію самой Маритъ, рѣша
пройтись не болѣе одного тура вальса. Тѣ изъ гостей, к
рыхъ Маритъ хотѣла особенно отличить, вводились въ осо
комнату, гдѣ, дымя трубкой, возсѣдалъ самъ дѣдушка. Бабу
хлопотала по хозяйству и появлялась всюду.

Къ удивленію Ойвинда, онъ не попалъ въ число избранны
честь быть представленнымъ дѣдушкѣ не выпала на его до
Въ ожиданіи прибытія перваго скрипача, его мѣсто заним
бѣдный, старый Граукнутъ, игравшій всего двѣ пьесы: два
рингъ-танца, одинъ галлингъ и старый вальсъ, извѣстный п
названіемъ „Наполеоновскаго“. Однако жъ и второстепенный
зыкантъ не ударилъ лицомъ въ грязь: онъ съ честью
шелъ изъ затруднительнаго положенія и доставилъ возможн
молодежи протанцовать экосэръ, посредствомъ перемѣны та
подъ звуки галлинга и даже польку-мазурку, подъ муз
шпрингъ-танца. Онъ заигралъ—и балъ начался.

Не считая себя достаточно взрослымъ, Ойвиндъ сперва
рѣшался танцовать; но когда подростки хватили для храбро
по кружкѣ пива и, стѣснившись въ кучу, начали ободрять др
друга подталкиваньемъ, то и Ойвиндъ пустился въ плясъ.

Въ комнатахъ стало душно. Пиво и веселье кружило гол
молодежи. Маритъ приглашали всѣ наперерывъ, и какъ ни
бивался Ойвиндъ пройтись съ ней въ вальсѣ, это ему не у
лось. Тогда онъ рѣшился пожертвовать однимъ танцемъ и
рочно выбралъ мѣсто неподалеку отъ нея, чтобы поспѣшить
приглашеніемъ въ первый моментъ антракта. Однако, его пр
предилъ какой-то мужчина со смуглымъ лицомъ, густыми
ными волосами, крикнувъ:

— Прочь съ дороги, мальчишка! причемъ поднесъ Ойв
такого тумака, что тотъ пошатнулся и чуть не грохнулс
полъ. До сихъ поръ еще никто не обращался съ нимъ такъ
бо, никто не называлъ его мальчишкой, когда онъ хотѣлъ

новать. Отъ стыда онъ покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, и, чтобы скрыть смущеніе, отошелъ въ уголъ, гдѣ настраивалъ скрипку прибывшій первый музыкантъ.

Говоръ затихъ. Всѣ хотѣли услышать первые звуки знаменитаго виртуоза, который, видимо, не очень спѣшилъ доставить публикѣ удовольствіе—и все настраивалъ свою скрипку. Наконецъ, виртуозъ разрѣшился шпрингъ-танцемъ. Кавалеры вскочили, и пары за парами запрыгали въ кругу.

Наблюдая танцующихъ, Ойвиндъ замѣтилъ, какъ Маритъ пронеслась мимо него. Она перекинула головку черезъ плечо своего кавалера и улыбалась, блестя своими бѣлыми зубками. Ойвиндъ сталъ слѣдить за ней и почувствовалъ какую-то боль въ груди. Что-то укололо, его въ сердце, но онъ продолжалъ свои наблюденія; и въ это время пришло ему въ голову, что Маритъ—уже взрослая дѣвушка. Вотъ она опять пронесется съ этимъ черномазымъ. Онъ окончилъ танецъ и, садясь самъ, хочетъ и Маритъ посадить къ себѣ на колѣни; но она быстро вырвалась, хотя по прежнему осталась рядомъ съ нимъ. Ойвиндъ началъ вглядываться въ этого молодаго человѣка. Онъ былъ въ платьѣ изъ тонкаго синяго сукна, что̀ очень шло къ нему. Его наглый ротъ улыбался, а большіе голубые глаза придавали ему видъ красиваго мужчины. Оглядѣвъ соперника съ головы до ногъ, Ойвиндъ оглядѣлъ и себя. Къ Рождеству онъ получилъ новые сѣрые штаны, которые сперва очень нравились ему, но только теперь онъ замѣтилъ, что они фризовые; жилетъ на немъ—тоже фризовый, старъ и поношенъ; куртка, положимъ, полушерстяной матеріи, но съ двумя блестящими металлическими пуговицами и одной черной костяной. Онъ обвелъ глазами присутствующихъ и между ними нашелъ весьма немногихъ, одѣтыхъ такъ бѣдно, какъ онъ. А Маритъ красовалась въ черной кофточкѣ и юбкѣ изъ тонкой матеріи, съ брошкой на шейномъ платкѣ и со сложеннымъ шелковымъ носовымъ платкомъ въ рукѣ; на затылкѣ у нея маленькій шолковый чепчикъ, подвязанный у подбородка широкими атласными лентами; сама она—кровь съ молокомъ и такъ мило смѣется и болтаетъ въ отвѣтъ на шутки молодаго человѣка.

Скрипка снова загудѣла. Маритъ снова танцовала съ черномазымъ. Одинъ изъ товарищей подошелъ къ Ойвинду и ласково спросилъ:

— Отчего ты не танцуешь?

— Духу не хватаетъ: не дорось еще.

— Не дорось? переспросилъ товарищъ; но Ойвиндъ перебилъ:

— Не знаешь ли, кто этотъ мужчина въ синемъ суконномъ сюртукѣ, что̀ танцуетъ съ Маритъ?

перешла на новое мѣсто. Іонъ поспѣшилъ вслѣдъ за ней, а Ойвиндъ протискался сквозь толпу, вышелъ въ галлерею, сѣлъ на скамью, потомъ всталъ и снова сѣлъ, самъ не зная—зачѣмъ. Не все ли равно ему, гдѣ ни сидѣть? Домой онъ не хотѣлъ идти, а въ комнату не желалъ возвращаться. Погруженный въ задумчивость, онъ сидѣлъ, ровно ни о чемъ не думая: его ничто больше не интересовало.—„Но о чемъ же однако я думаю?“ спросилъ онъ себя вслухъ и удивился, услышавъ свой голосъ.—„Странно! Я еще и говорить могу... А вотъ можешь-ли ты смѣяться?“—задалъ онъ себѣ вопросъ и попробовалъ убѣдиться въ этомъ.—Услыша свой смѣхъ, Ойвиндъ точно также удивился,—и это показалось ему такъ забавно, что онъ сталъ хохотать все громче.

Пріятель Гансъ, подсаживавшійся къ Ойвинду во время танцевъ, замѣтилъ отсутствіе товарища и пошелъ его разыскивать. Войдя въ галлерею, онъ увидѣлъ Ойвинда, заливающагося со смѣху.

— Что это ты?—спросилъ Гансъ, останавливаясь передъ скамейкой.

Ойвиндъ пересталъ хохотать и долго, молча, смотрѣлъ на товарища; потомъ, откинувшись, сказалъ:

— Знаешь, братъ Гансъ, почему я до сихъ поръ былъ веселъ? Потому что не любилъ никого такъ, какъ слѣдуетъ; а когда мы полюбимъ—прощай, веселье!...

И онъ залился слезами.

— Ойвиндъ! донеслось со двора. Это могла быть только та, которую онъ такъ любитъ.

— Я здѣсь! отвѣтилъ онъ внятнымъ шопотомъ, наскоро отеръ слезы и вышелъ къ свѣту. Женская фигура перебѣжала по снѣгу черезъ дворъ и остановилась передъ нимъ...

Это была Маритъ.

— Кто это съ тобой?—спросила она, приглядываясь къ Гансу, который хотѣлъ уйти, но Ойвиндъ остановилъ его за руку.

— Это мой товарищъ.

— Скажи мнѣ, почему ты ушелъ?

Ойвиндъ не зналъ, что̀ отвѣтить. Маритъ сконфузилась еще больше, и всѣ трое молчали. Гансъ незамѣтно убрался. Теперь они стояли вдвоемъ и смотрѣли въ глаза другъ другу. Наконецъ, она сказала;

— Я весь вечеръ ношу въ карманѣ подарокъ, приготовленный для тебя. Я нарочно пришла сюда, чтобы отдать его тебѣ.—Она достала изъ кармана нѣсколько яблокъ, кусокъ пирожнаго, бутылочку съ пивомъ и, сунувъ ему все въ руки, просила, чтобы онъ не отказывался.

Ойвиндъ принялъ подарокъ.

— Спасибо! сказалъ онъ и протянулъ ей руку. Она подала ему свою, горячую, какъ огонь. Ойвиндъ словно обжегся и выпустилъ ее.—Ты сегодня такъ много танцовала...

— Да, но ты почти не танцовалъ.

— Это правда...

— Почему-же?

— Да такъ...

— Почему ты все время сидѣлъ и смотрѣлъ на меня?

— Тебѣ непріятно было, когда я смотрѣлъ?..

— Еще бы, столько народу!...

— Ты все танцовала съ Іономъ Гатленъ...

— Да что жъ изъ этого? Онъ прекрасно танцуетъ...

— Ты думаешь?

— Да... Я не знаю, что со мною дѣлается, но я но могу видѣть, когда ты съ нимъ вмѣстѣ!... Онъ даже отвернулся, такъ ему трудно было произнести эти слова.

— Я не понимаю тебя, Ойвиндъ!

— Я и самъ себя не понимаю. Я просто дуракъ! Прощай, Марить!—Онъ, не оглядываясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Тебѣ такъ показалось, Ойвиндъ!—крикнула она ему вслѣдъ.

Онъ остановился.

— Что мнѣ показалось? То, что ты—взрослая дѣвушка?

Онъ не понялъ ея, и потому она молчала.

Вдругъ передъ ними очутилась дымящаяся трубка. Дѣдушка вышелъ изъ-за угла и остановился на порогѣ.

— Это ты, Марить?

— Да, я.

— Съ кѣмъ ты разговариваешь?

— Съ Ойвиндомъ.

— А, съ сыномъ кетнера?... маршъ домой! Ну, живо!

V.

Вся эта ночь, какъ бы въ противоположность дѣйствительности, была для Ойвинда цѣлымъ рядомъ сладкихъ грёзъ. Онъ видѣлъ Марить: она лежала на горѣ и сыпала оттуда на него листьями, которые, кружась въ воздухѣ, принимали красивые цвѣта и формы, а онъ ловилъ эти листья и бросалъ ихъ обратно. Солнце обливало гору яркимъ свѣтомъ, и въ чудномъ блескѣ его горѣлъ весь скатъ отъ вершины до подошвы.

Пробудившись, Ойвиндъ хотѣлъ опять заснуть, чтобы снова вызвать сновидѣніе, но вспомнилъ о вчерашнемъ, и прежняя боль отозвалась у него въ груди. Онъ чувствовалъ себя усталымъ, разбитымъ, и ему казалось, что теперь онъ никогда не освободится отъ этой боли.

— Довольно тебѣ спать, вставай! Отецъ давно въ лѣсу дрова рубитъ, сказала мать, сидя за прялкой.

Этотъ голосъ ободрилъ его. Ойвиндъ началъ одѣваться, а мать напѣвала мотивы танцевъ, вспоминая при этомъ свою молодость, когда и она любила поплясать. Ойвиндъ позавтракалъ, всталъ изъ-за стола и подошелъ къ окну. На дворѣ погода измѣнилась: вмѣсто оттепели, шелъ снѣгъ крупными хлопьями. Ойвиндъ надѣлъ мѣховую шапку, кожаную куртку, рукавицы, взялъ съ собою лыжи, заткнулъ за плечи топоръ и вышелъ. Его томила грусть,—но онъ вспомнилъ, что работать надо... Дорога была заметена снѣгомъ и потому тяжела. И зимой, и лѣтомъ, идя въ лѣсъ, Ойвиндъ всегда о чемъ-нибудь думалъ. Прежде отрадныя мысли не только сокращали ему путь, но даже дѣлали незамѣтнымъ, а теперь передъ нимъ лежала длинная, безжизненная, трудная дорога. Онъ скользилъ по снѣгу, колѣна его одеревенѣли; имъ овладѣла апатія.

„Теперь ужъ и катанью на салазкахъ навсегда конецъ“,— подумалъ Ойвиндъ. Его тянуло куда-то въ другое мѣсто; но онъ шагалъ по глубокому снѣгу между деревьями. Вспугнутая бѣлая куропатка съ крикомъ и трескомъ взлетѣла у него изъ-подъ ногъ и, снова присѣвъ неподалеку, вопросительно смотрѣла на него, словно ожидая отвѣта.

То, что Ойвинда томило, онъ и самъ не могъ опредѣлить ни въ лѣсу, ни дома.

Иногда томленіе переходило въ желаніе конфирмоваться весною и стать первымъ ученикомъ въ классѣ.—Сердце въ немъ сильно стучало: это оформившееся желаніе ему хотѣлось бы осуществить не медля....

Къ Ойвинду донесся стукъ топора.

Сынъ поздоровался съ отцомъ, который, вообще, былъ молчаливъ и никогда не вступалъ съ Ойвиндомъ въ продолжительные разговоры.

Вооруженный топоромъ, Ойвиндъ принялся колоть срубленное отцомъ дерево.

— Сколько приходится бѣдному человѣку терпѣть непріятностей,—сказалъ онъ, собирая въ кучу наколотыя дрова.

— Не больше, чѣмъ другимъ,—сказалъ отецъ, поплевалъ въ руку и снова началъ рубить.

Когда, послѣ тяжелаго усилія, ему наконецъ удалось расщепить твердую, коренную часть березы и взвалить на себя огромную вязанку дровъ, Ойвиндъ сказалъ:

— А будь у тебя свой хуторъ, ты навѣрно не таскалъ бы на спинѣ такой тяжести.

— Эхъ!—возразилъ отецъ, свалилъ дрова въ кучу и взмахнулъ топоромъ съ такою силою, что щепки далеко полетѣли во всѣ стороны:—тогда меня тяготили бы другія обязанности.

Часа черезъ два, въ лѣсъ пришла и мать: она принесла съ собой обѣдъ. Они усѣлись.

Мать была весела, напѣвала вальсъ и отбивала ногою тактъ. Но вдругъ она спросила:

— Чѣмъ ты думаешь быть, Ойвиндъ, когда выростешь?

— Для человѣка съ нашимъ состояніемъ выборъ не великъ.

— А вотъ учитель говоритъ, что тебя надо отдать въ семинарію.

— Да кто же за меня заплатитъ?

— Школьная касса,—буркнулъ отецъ, едва раскрывъ ротъ, набитый неразжеваннымъ хлѣбомъ.

— А ты хотѣлъ бы поступить? спросила мать.

— Учиться мнѣ хочется, но быть учителемъ не хочу.

Всѣ замолчали. Мать снова затянула мотивъ танца. Ойвиндъ поднялся, отошелъ и сѣлъ въ сторонѣ.

— Намъ вовсе незачѣмъ обращаться къ помощи школьной кассы, — сказала мать настолько тихо, чтобы Ойвиндъ не слыхалъ ея словъ.

— Но у насъ нѣтъ ни гроша, проворчалъ отецъ.

— Я не люблю, Торэ, когда ты прикидываешься нищимъ.

Отецъ и мать украдкой взглянули на сына: не слушаетъ-ли онъ.

— Не говори глупостей! рѣзко замѣтилъ мужъ.

Жена усмѣхнулась, но потомъ возразила серьезнымъ тономъ:

— Это значитъ гнѣвить Бога, если увѣрять, что дѣла наши плохи.

— Можно благодарить его, и не хвастаясь.

— Да. Но пускать мальчика въ такомъ видѣ въ люди, какъ вчера,—тутъ, кажется, не видно никакой благодарности Богу.

— Ойвиндъ не барчонокъ.

— А все таки надо его прилично одѣть,—тѣмъ болѣе, что на это средствъ у насъ всегда хватитъ.

— Ори погромче, чтобъ онъ тебя услышалъ.

— Онъ, положимъ, не слышитъ; но я не побоялась бы и при немъ повторить то же самое,—сказала мать и смѣло посмотрѣла

въ мрачное лицо Торэ, положившаго въ сторону ложку, чтобы замѣнить ее трубкой.

— Этакая земля-то у насъ несчастная, вздохнулъ онъ, желая уклониться отъ разговора, затѣяннаго женой.

— Мнѣ право смѣшно, когда ты толкуешь про землю; почему ты никогда не говоришь о мельницахъ?

— Поди ты со своими мельницами!—Тебѣ, кажется, досадно, что онѣ мелютъ.

— Слава Богу, мелютъ себѣ день и ночь.

— А вотъ онѣ недѣли двѣ какъ стоятъ.

— На святкахъ никто не мелетъ.

— Разсказывай. Кому надо, такъ и на святкахъ привезетъ зерно, — была бы только вода. А, видно, на рѣчкѣ поставили другую мельницу—вотъ наши и безъ дѣла.

— Ну, положимъ, я не слыхала этого отъ учителя.

— Да о своихъ дѣлахъ я не стану говорить такому болтуну, какъ твой учитель.

— Болтуну!.. Что жъ, ему и женѣ твоей слова нельзя сказать про твои доходы?

Торэ ничего не отвѣчалъ, взглянулъ на жену, потомъ на сына и, раскуривая трубку, очень заинтересовался старымъ вороньимъ гнѣздомъ, торчавшимъ на одинокомъ сосновомъ сучкѣ.

Ойвиндъ углубился въ думы о своей будущности, представлявшейся ему зеркальною ледяною поверхностью, черезъ которую онъ долженъ перебѣжать отъ одного берега къ другому.

Онъ чувствовалъ, что бѣдность повсюду ставила ему преграды, и теперь всѣ мысли его направились къ разрушенію этихъ преградъ. И хотя Мàритъ навсегда для него потеряна—вѣдь она невѣста Іона Готлена,—но тѣмъ тверже было его намѣреніе бороться съ соперникомъ. Всѣ умственныя способности Ойвинда сосредоточились на томъ, чтобы съумѣть держать себя далеко ото всѣхъ, чтобы никто ни посмѣлъ и не могъ его толкнуть; и такъ держаться до тѣхъ поръ, пока не почувствуется подъ ногами твердая почва, пока онъ не станетъ важной персоной. Въ успѣхѣ дѣла онъ не сомнѣвался ни на одну минуту. И не смутное предчувствіе говорило ему это, а твердое убѣжденіе, что къ завѣтной цѣли легче всего приведетъ его прилежаніе.

Къ вечеру, на дворѣ стало примораживать. Дѣти собрались на горку покататься; потомъ пришли и взрослые; но Ойвиндъ къ нимъ не вышелъ: онъ сидѣлъ у очага съ книгой въ рукахъ. Товарищи сперва поджидали его, потомъ вбѣжали во дворъ, стучали въ окно и окликали; но онъ не отвѣчалъ, какъ будто его

не было дома. Такъ повторилось и на слѣдующій день, и много разъ. Ойвиндъ занимался съ такимъ прилежаніемъ, что даже отецъ говорилъ ему: „смотри, не переучись". Свѣжее и круглое лицо мальчика похудѣло, черты лица стали опредѣленнѣе, взглядъ серьёзнѣе и строже. Онъ рѣдко пѣлъ и пересталъ играть съ товарищами, словно ему не доставало на это времени. Но когда искушеніе подкрадывалось къ нему и онъ уже готовъ былъ вступить въ свою прежнюю колею, кто-то шепталъ ему: „послѣ, послѣ"...

Сначала дѣти по привычкѣ бѣгали, кричали и звали Ойвинда, но мало по малу начали отставать, выбрали другую горку, а эта вскорѣ опустѣла. Учитель тоже замѣтилъ перемѣну въ мальчикѣ: онъ видѣлъ, что это уже не тотъ школьникъ, который потому только учился, что его отдали въ школу. Учитель замѣтилъ это и хотѣлъ вывѣдать причину перемѣны; но ему не такъ легко было найти доступъ къ сердцу Ойвинда.

Разъ какъ-то зимой, предварительно переговоривъ съ родителями, учитель зашелъ къ нимъ вечеромъ, посидѣлъ немного и собрался уходить домой.

— Пойдемъ, Ойвиндъ: ты меня проводишь; да я, кстати, хотѣлъ бы переговорить съ тобой.

Ойвиндъ одѣлся. Дорогой они говорили о предметахъ, не касающихся главнаго вопроса. Подходя къ хутору, они услышали громкіе крики веселья и музыки.

— Что это?—спросилъ Ойвиндъ.

— Вечеринки. Зайдемъ, если хочешь.

— Нѣтъ.

— Развѣ тебѣ не хотѣлось бы потанцовать?

— Нѣтъ еще.

— Почему ты прибавилъ „еще"?

Ойвиндъ промолчалъ.

— Что ты хотѣлъ сказать этимъ *еще*?

Но Ойвиндъ не отвѣчалъ, и учитель не настаивалъ. Однако, немного погодя, онъ сказалъ:

— Ну, полно объ этомъ толковать, пойдемъ!

— Нѣтъ, я сказалъ, что не пойду—произнесъ Ойвиндъ рѣшительно, хотя въ тонѣ его голоса слышалось волненіе.

— Ты, кажется, желаешь, чтобы учитель упрашивалъ тебя?

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Ты, быть можетъ, боишься встрѣтиться съ кѣмъ нибудь на вечеринкѣ?

— Да вѣдь я не знаю, кто тамъ...

— Но тамъ можетъ оказаться человѣкъ, тотъ, котораго ты не желаешь встрѣтить.

Ойвиндъ опять промолчалъ.

— Ты боишься Мàритъ?

Ойвиндъ потупилъ глаза. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Признайся Ойвиндъ: ты стыдишься, зная себя неконфирмованнымъ мальчишкой?

Ойвиндъ поднялъ было глаза, но потомъ опять началъ смотрѣть въ сторону и ничего не сказалъ.

— Развѣ я не вижу, что ты потерялъ свою прежнюю веселость? А, можетъ, ей полюбился кто-нибудь другой, а не ты?

Ойвиндъ былъ нѣмъ по прежнему. Учитель почувствовалъ себя обиженнымъ и, въ свою очередь, отвернулся. Они пошли назадъ. Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, учитель снова заговорилъ.

— Тебѣ хотѣлось бы поскорѣе конфирмоваться?

— Еще бы!

— А что ты думаешь дѣлать потомъ?

— Мнѣ бы хотѣлось поступить въ семинарію.

— И сдѣлаться учителемъ?

— Боже сохрани!

— Развѣ эта должность кажется тебѣ ничтожной?

Ойвиндъ не отвѣчалъ, и они молча прошли значительное разстояніе.

— А что ты думаешь дѣлать послѣ семинаріи?

— Объ этомъ я еще не подумалъ.

— Еслибы у тебя были деньги, ты захотѣлъ бы, напримѣръ, купить хуторъ?

— Разумѣется; но я и съ мельницами не разстался бы.

— Тогда тебѣ лучше всего поступить въ земледѣльческую школу.

— А тамъ учатъ не меньше, чѣмъ въ семинаріи?

— Положимъ, что поменьше; но зато полученныя познанія можно примѣнить къ жизни.

— И аттестаты тамъ выдаютъ?

— Да зачѣмъ тебѣ аттестатъ?

— Мнѣ бы непремѣнно хотѣлось отличиться.

— Это можно сдѣлать и безъ аттестата.

На этомъ пунктѣ разговоръ оборвался, и они шли молча до самаго дома Ойвинда, изъ оконъ котораго прорѣзывались лучи свѣта; надъ домомъ свѣсилась гора своею темною массою, а внизу лежалъ фіордъ, и въ его ледяномъ зеркалѣ, облитомъ лунымъ свѣтомъ, отражался густой лѣсъ, покрывавшій берегъ бухты.

— Не правдали, какъ хорошо здѣсь?—спросилъ учитель.

Ойвиндъ и самъ уже это замѣтилъ. Въ немъ сохранилась способность наслаждаться красотою природы, какъ и въ то время, когда мать напѣвала ему пѣсни кошечки и птички.

— Да, дѣйствительно хорошо!—отвѣтилъ онъ со вздохомъ.

— Вотъ отецъ твой—сколько лѣтъ уже прожилъ здѣсь; почему бы и тебѣ не остаться?

Прекрасный видъ мѣстности потерялъ свое очарованіе въ глазахъ Ойвинда. Не получивъ никакого отвѣта, учитель покачалъ головой, и они пошли молча.

Бэрдъ зашелъ въ домъ, посидѣлъ еще немного; но, видя, что разговоръ не клеится, сталъ прощаться.—Отецъ и мать вышли проводить учителя.

— Съ тѣхъ поръ какъ дѣти избрали себѣ другую горку, у насъ здѣсь такъ тихо, замѣтила мать, выйдя на лужайку.

— Да вѣдь и у васъ нѣтъ больше дѣтей, сказалъ учитель.

Мать поняла его.

— Въ послѣднее время Ойвиндъ что-то не веселъ.

— Я думаю!... честолюбцу никогда не бываетъ весело.

VI.

Прошло ровно полгода. На дворѣ уже стояла осень. Конфирмующіеся собрались въ комнатѣ пасторскаго дома, чтобы распредѣлить по экзаменнымъ отмѣткамъ, въ какомъ порядкѣ они будутъ причащаться. Въ числѣ ихъ находились Ойвиндъ и Màритъ

Она только что вышла отъ пастора, получивъ отъ него въ награду книгу и, въ придачу, много словесныхъ похвалъ. Она смѣялась и болтала съ подругами, хотя оглядывалась, между прочимъ, и на мальчиковъ. По своей развившейся стройной фигурѣ и по обращенію, Màритъ казалась вполнѣ взрослой дѣвушкой; къ тому же, всѣмъ стало извѣстно, что лучшій женихъ въ приходѣ, Іонъ Гатленъ, сватался за нее. Вообще, у нея было много причинъ казаться веселой.

У дверей стояли невыдержавшіе экзамена мальчики и дѣвочки, плакавшіе въ то время, какъ Màритъ смѣялась съ подругами. Одинъ мальчуганъ, въ отцовскихъ сапогахъ и съ праздничнымъ платкомъ своей матери на шеѣ, рыдалъ на всю комнату. Его отчаяніе потрясло неэкзаменовавшихся: они подумали, что каждый изъ нихъ можетъ очутиться въ такомъ же почти положеніи; имъ стало жаль товарища и страшно за себя.

Одинъ сидѣлъ и соображалъ, на какіе вопросы онъ не

состояніи отвѣтить, хотя нѣсколько часовъ тому назадъ храбро увѣрялъ самого себя, что все отлично знаетъ; но вотъ именно теперь пришелъ къ заключенію, что онъ ровно ничего не знаетъ, ни одного текста. Другой пересчитывалъ всѣ свои грѣхи, съ первыхъ дней жизни до этой роковой минуты и находилъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если милосердый Богъ не допуститъ его къ причастію. Третій гадалъ: если часы, которые должны сейчасъ пробить, начнутъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ сосчитать до двадцати, то онъ срѣжется; если тотъ, кто идетъ по коридору—товарищъ Ларсъ, то онъ выдержитъ; если крупная дождевая капля, плывущая по наружной сторонѣ оконнаго стекла, скатится на раму, то онъ провалится. Послѣднее гаданье рѣшало дѣло. Четвертый налегалъ на „Нагорную проповѣдь“: онъ ее видѣлъ во снѣ и потому былъ вполнѣ убѣжденъ, что его спросятъ именно это, и вышелъ въ коридоръ, чтобы еще разъ прочесть то же самое; но его вызвали и срѣзали на „большихъ и малыхъ пророкахъ“. Пятый разсчитывалъ иначе. Онъ заключилъ съ Богомъ условіе: на одной сторонѣ поставилъ онъ „дебетъ“: пусть Господь поможетъ мнѣ только выдержать экзаменъ, а на другой онъ писалъ свой „кредитъ“; тогда я никогда не буду лгать, не буду говорить глупостей, буду ходить въ церковь, перестану браниться площадными словами и оставлю въ покоѣ дѣвушекъ.

Ойвиндъ сидѣлъ у окна. Онъ уже экзаменовался и отвѣтилъ на всѣ вопросы; но ни пасторъ, ни учитель ничего ему не сказали. Онъ цѣлыхъ полгода только и мечталъ о томъ, какъ станутъ хвалить его за блестящее знаніе—и теперь чувствовалъ себя обиженнымъ. Передъ нимъ, какъ живой укоръ, сидитъ Марита, удостоенная похвалы и награды при значительно меньшемъ знаніи. Вѣдь онъ только для того и старался, чтобы возвыситься въ ея глазахъ, а теперь она шутя получила то, чего добивался онъ упорнымъ трудомъ и цѣлымъ рядомъ самопожертвованій. Ея смѣхъ и рѣзвость терзали его; непринужденность ея движеній казалась ему непріятной. Еще съ того зимняго вечера онъ избѣгалъ говорить съ ней; но она бросила только одинъ взглядъ въ его сторону, и Ойвиндъ готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ смущенія.... Всѣ его гордые планы пошли прахомъ.... Онъ попытался стряхнуть съ себя это тяжелое чувство и, занявшись вопросомъ о первенствѣ, остался до окончанія экзамена, чтобы узнать свои баллы.

Разговоръ между учениками становился оживленнѣе по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число благополучно экзаменовавшихся. Теперь уже отдѣлялись честолюбивые отъ довольныхъ. Послѣд-

ніе уходили, какъ только узнавали о благополучномъ окончаніи, чтобы поскорѣе извѣстить родныхъ о своемъ счастьѣ, или поджидали непроэкзаменовавшихся товарищей. Первые, напротивъ, становились сосредоточеннѣе и съ напряженнымъ вниманіемъ поглядывали на двери. Экзаменъ кончился; послѣдніе спрошенные вошли въ комнату; пасторъ съ учителемъ остались для совѣщанія.

Ойвиндъ посмотрѣвъ на Мàритъ. Она весела, какъ и прежде, и не уходитъ: онъ тоже остался. „Какъ она развилась и похорошѣла! Такого нѣжнаго цвѣта лица я не видалъ ни у одной дѣвушки“,—подумалъ Ойвиндъ, упорно глядя ей въ лицо, на которомъ играла улыбка. И взглядъ ея глазъ, полузакрытыхъ длинными рѣсницами, какъ бы сознавая свою чарующую силу, тоже сопровождался отрадной улыбкой. Ея русые волосы, разсыпаясь по плечамъ роскошными локонами, придавали ей видъ какого то загадачнаго, таинственнаго существа. Вошелъ учитель; всѣ вскочили съ мѣстъ и подбѣжали къ нему:

— Господинъ учитель, я которымъ?... А я?.. Вы меня пропустили!...

— Замолчите ли вы! Развѣ здѣсь можно шумѣть? Уймитесь, и я вамъ сію минуточку все разскажу.

Онъ обвелъ учениковъ бѣглымъ взглядомъ.

— Ты—второй, указалъ онъ на голубоглазаго мальчика, который смотрѣлъ на учителя молящимъ взоромъ, но теперь выскочилъ изъ группы, танцуя въ дикомъ восторгѣ.

— Ты—третій!.. объявилъ учитель, положа руку на плечо рыженькаго ученика, который все время дергалъ его за фалды, чтобы раньше прочихъ обратить на себя вниманіе.

— Ты—пятый; а ты—восьмой. И потомъ, замѣтивъ въ толпѣ Мàритъ, прибавилъ: ты—первая изъ дѣвочекъ.

Мàритъ попыталась улыбнуться, но потомъ вдругъ вспыхнула до самой шеи.

— А ты—двѣнадцатый. Лѣнтяй, братецъ! Всю зиму баклушничалъ. Ты—одиннадцатый. Отъ тебя, впрочемъ, ничего другаго и ожидать нельзя.

— Ты—тринадцатый. Тебѣ надобно поусерднѣе заниматься еще годикъ, а то въ будущемъ опять плохо придется на экзаменѣ.

Ойвиндъ дольше не выдержалъ:

— Господинъ учитель! закричалъ онъ, но учитель его не слыхалъ.

— Господинъ учитель! повторилъ онъ, покрывая общій шумъ: а я которымъ?

— Ты?... учитель мелькомъ взглянулъ на него: ты—девятымъ, или десятымъ,—не помню хорошенько...

— Кто же первымъ въ такомъ случаѣ? выступилъ Гансъ, лучшій другъ Ойвинда.

— Ужь никакъ не ты, сказалъ учитель, хлопнувъ Ганса по рукѣ сверткомъ экзаменчыхъ листовъ.

— Ну, да кто же, скажите намъ! кричали всѣ.

— Э, много будете знать—скоро состаритесь! Ступайте ка по домамъ и порадуйте родителей да благодарите своего стараго учителя, а то наплясались бы тутъ безъ него!

Ученики поблагодарили и разошлись съ радостными криками. Одинъ только Ойвиндъ оставался въ пасторскомъ домѣ и медленно собиралъ свои книги, какъ будто снова хотѣлъ засѣсть за нихъ и снова учиться. Учитель замѣтилъ его:

— Ну, Ойвиндъ,—а ты что же не уходишь? Что ты тамъ копаешься въ книгахъ?

— Хочу справиться... въ чемъ я ошибся на экзаменѣ.

— Ты отвѣчалъ безъ ошибки.

Ойвиндъ смотрѣлъ на учителя помутившимися глазами, откуда одна за другой уже скатывались слезы.

— Неужели ты не доволенъ тѣмъ, что выдержалъ экзаменъ?

Губы Ойвинда дрогнули, но онъ промолчалъ.

— И отецъ, и мать навѣрно порадуются за тебя,—продолжалъ учитель, не сводя глазъ съ мальчика.

Ойвиндъ долго боролся съ неудержимо закипавшей въ душѣ его горькой обидой и, наконецъ, не выдержалъ:

— Не потому ли я девятымъ или десятымъ, что мой отецъ бѣдный мужикъ?

— Разумѣется, и это имѣлось въ виду.

— Значитъ, ни прилежаніе, ни знаніе не ставятся въ заслугу?...

Всѣ мечты разлетѣлись, какъ дымъ... Ойвиндъ поднялъ голову, стукнулъ изо всей силы по столу кулакомъ и горько заплакалъ. Учитель не мѣшалъ ему; но когда плачъ замѣнился тихими всхлипываньями, Бэрдъ подошелъ и ласково привлекъ къ себѣ Ойвинда за голову. Онъ рыдалъ короче и тише, но не смѣлъ посмотрѣть въ глаза своему старому учителю.

— Ты самъ виноватъ, Ойвиндъ: ты учился не изъ любви къ Богу и родителямъ, а изъ тщеславія.

При этихъ словахъ, Ойвиндъ затихъ: онъ почувствовалъ ихъ силу и смирился.

— И какъ бы ты осмѣлился съ такимъ высокомѣріемъ по-

Ойвиндъ принялъ подарокъ.

— Спасибо! сказалъ онъ и протянулъ ей руку. Она подала ему свою, горячую, какъ огонь. Ойвиндъ словно обжегся и выпустилъ ее.—Ты сегодня такъ много танцовала...

— Да, но ты почти не танцовалъ.

— Это правда...

— Почему-же?

— Да такъ...

— Почему ты все время сидѣлъ и смотрѣлъ на меня?

— Тебѣ непріятно было, когда я смотрѣлъ?..

— Еще бы, столько народу!...

— Ты все танцовала съ Іономъ Гатленъ...

— Да что жъ изъ этого? Онъ прекрасно танцуетъ...

— Ты думаешь?

— Да... Я не знаю, что̀ со мною дѣлается, но я но могу видѣть, когда ты съ нимъ вмѣстѣ!... Онъ даже отвернулся, такъ ему трудно было произнести эти слова.

— Я не понимаю тебя, Ойвиндъ!

— Я и самъ себя не понимаю. Я просто дуракъ! Прощай, Мàритъ!—Онъ, не оглядываясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Тебѣ такъ показалось, Ойвиндъ!—крикнула она ему вслѣдъ.

Онъ остановился.

— Что̀ мнѣ показалось? То, что ты—взрослая дѣвушка?

Онъ не понялъ ея, и потому она молчала.

Вдругъ передъ ними очутилась дымящаяся трубка. Дѣдушка вышелъ изъ-за угла и остановился на порогѣ.

— Это ты, Мàритъ?

— Да, я.

— Съ кѣмъ ты разговариваешь?

— Съ Ойвиндомъ.

— А, съ сыномъ кетнера?... маршъ домой! Ну, живо!

V.

Вся эта ночь, какъ бы въ противоположность дѣйствительности, была для Ойвинда цѣлымъ рядомъ сладкихъ грёзъ. Онъ видѣлъ Мàритъ: она лежала на горѣ и сыпала оттуда на него листьями, которые, кружась въ воздухѣ, принимали красивые цвѣта и формы, а онъ ловилъ эти листья и бросалъ ихъ обратно. Солнце обливало гору яркимъ свѣтомъ, и въ чудномъ блескѣ его горѣлъ весь скатъ отъ вершины до подошвы.

Пробудившись, Ойвиндъ хотѣлъ опять заснуть, чтобы снова вызвать сновидѣніе, но вспомнилъ о вчерашнемъ, и прежняя боль отозвалась у него въ груди. Онъ чувствовалъ себя усталымъ, разбитымъ, и ему казалось, что теперь онъ никогда не освободится отъ этой боли.

— Довольно тебѣ спать, вставай! Отецъ давно въ лѣсу дрова рубитъ, сказала мать, сидя за прялкой.

Этотъ голосъ ободрилъ его. Ойвиндъ началъ одѣваться, а мать напѣвала мотивы танцевъ, вспоминая при этомъ свою молодость, когда и она любила поплясать. Ойвиндъ позавтракалъ, всталъ изъ-за стола и подошелъ къ окну. На дворѣ погода измѣнилась: вмѣсто оттепели, шелъ снѣгъ крупными хлопьями. Ойвиндъ надѣлъ мѣховую шапку, кожаную куртку, рукавицы, взялъ съ собою лыжи, заткнулъ за плечи топоръ и вышелъ. Его томила грусть,—но онъ вспомнилъ, что работать надо... Дорога была заметена снѣгомъ и потому тяжела. И зимой, и лѣтомъ, идя въ лѣсъ, Ойвиндъ всегда о чемъ-нибудь думалъ. Прежде отрадныя мысли не только сокращали ему путь, но даже дѣлали незамѣтнымъ, а теперь передъ нимъ лежала длинная, безжизненная, трудная дорога. Онъ скользилъ по снѣгу, колѣна его одеревенѣли; имъ овладѣла апатія.

„Теперь ужъ и катанью на салазкахъ навсегда конецъ“,— подумалъ Ойвиндъ. Его тянуло куда-то въ другое мѣсто; но онъ шагалъ по глубокому снѣгу между деревьями. Вспугнутая бѣлая куропатка съ крикомъ и трескомъ взлетѣла у него изъ-подъ ногъ и, снова присѣвъ неподалеку, вопросительно смотрѣла на него, словно ожидая отвѣта.

То, что Ойвинда томило, онъ и самъ не могъ опредѣлить ни въ лѣсу, ни дома.

Иногда томленіе переходило въ желаніе конфирмоваться весною и стать первымъ ученикомъ въ классѣ.—Сердце въ немъ сильно стучало: это оформившееся желаніе ему хотѣлось бы осуществить не медля....

Къ Ойвинду донесся стукъ топора.

Сынъ поздоровался съ отцомъ, который, вообще, былъ молчаливъ и никогда не вступалъ съ Ойвиндомъ въ продолжительные разговоры.

Вооруженный топоромъ, Ойвиндъ принялся колоть срубленное отцомъ дерево.

— Сколько приходится бѣдному человѣку терпѣть непріятностей,—сказалъ онъ, собирая въ кучу наколотыя дрова.

— Не больше, чѣмъ другимъ,—сказалъ отецъ, поплевалъ въ руку и снова началъ рубить.

Когда, послѣ тяжелаго усилія, ему наконецъ удалось расщепить твердую, коренную часть березы и взвалить на себя огромную вязанку дровъ, Ойвиндъ сказалъ:

— А будь у тебя свой хуторъ, ты навѣрно не таскалъ бы на спинѣ такой тяжести.

— Эхъ!—возразилъ отецъ, свалилъ дрова въ кучу и взмахнулъ топоромъ съ такою силою, что щепки далеко полетѣли во всѣ стороны:—тогда меня тяготили бы другія обязанности.

Часа черезъ два, въ лѣсъ пришла и мать: она принесла съ собой обѣдъ. Они усѣлись.

Мать была весела, напѣвала вальсъ и отбивала ногою тактъ. Но вдругъ она спросила:

— Чѣмъ ты думаешь быть, Ойвиндъ, когда выростешь?

— Для человѣка съ нашимъ состояніемъ выборъ не великъ.

— А вотъ учитель говоритъ, что тебя надо отдать въ семинарію.

— Да кто же за меня заплатитъ?

— Школьная касса,—буркнулъ отецъ, едва раскрывъ ротъ, набитый неразжеваннымъ хлѣбомъ.

— А ты хотѣлъ бы поступить? спросила мать.

— Учиться мнѣ хочется, но быть учителемъ не хочу.

Всѣ замолчали. Мать снова затянула мотивъ танца. Ойвиндъ поднялся, отошелъ и сѣлъ въ сторонѣ.

— Намъ вовсе незачѣмъ обращаться къ помощи школьной кассы, — сказала мать настолько тихо, чтобы Ойвиндъ не слыхалъ ея словъ.

— Но у насъ нѣтъ ни гроша, проворчалъ отецъ.

— Я не люблю, Торэ, когда ты прикидываешься нищимъ.

Отецъ и мать украдкой взглянули на сына: не слушаетъ-ли онъ.

— Не говори глупостей! рѣзко замѣтилъ мужъ.

Жена усмѣхнулась, но потомъ возразила серьезнымъ тономъ:

— Это значитъ гнѣвить Бога, если увѣрять, что дѣла наши плохи.

— Можно благодарить его, и не хвастаясь.

— Да. Но пускать мальчика въ такомъ видѣ въ люди, какъ вчера,—тутъ, кажется, не видно никакой благодарности Богу.

— Ойвиндъ не барчонокъ.

— А все таки надо его прилично одѣть,—тѣмъ болѣе, что на это средствъ у насъ всегда хватитъ.

— Ори погромче, чтобъ онъ тебя услышалъ.

— Онъ, положимъ, не слышитъ; но я не побоялась бы и при немъ повторить то же самое,—сказала мать и смѣло посмотрѣла

въ мрачное лицо Торэ, положившаго въ сторону ложку, чтобы замѣнить ее трубкой.

— Этакая земля-то у насъ несчастная, вздохнулъ онъ, желая уклониться отъ разговора, затѣяннаго женой.

— Мнѣ право смѣшно, когда ты толкуешь про землю; почему ты никогда не говоришь о мельницахъ?

— Поди ты со своими мельницами!—Тебѣ, кажется, досадно, что онѣ мелютъ.

— Слава Богу, мелютъ себѣ день и ночь.

— А вотъ онѣ недѣли двѣ какъ стоятъ.

— На святкахъ никто не мелетъ.

— Разсказывай. Кому надо, такъ и на святкахъ привезетъ зерно, — была бы только вода. А, видно, на рѣчкѣ поставили другую мельницу—вотъ наши и безъ дѣла.

— Ну, положимъ, я не слыхала этого отъ учителя.

— Да о своихъ дѣлахъ я не стану говорить такому болтуну, какъ твой учитель.

— Болтуну!.. Что жъ, ему и женѣ твоей слова нельзя сказать про твои доходы?

Торэ ничего не отвѣчалъ, взглянулъ на жену, потомъ на сына и, раскуривая трубку, очень заинтересовался старымъ вороньимъ гнѣздомъ, торчавшимъ на одинокомъ сосновомъ сучкѣ.

Ойвиндъ углубился въ думы о своей будущности, представлявшейся ему зеркальною ледяною поверхностью, черезъ которую онъ долженъ перебѣжать отъ одного берега къ другому.

Онъ чувствовалъ, что бѣдность повсюду ставила ему преграды, и теперь всѣ мысли его направились къ разрушенію этихъ преградъ. И хотя Маритъ навсегда для него потеряна—вѣдь она невѣста Іона Готлена,—но тѣмъ тверже было его намѣреніе бороться съ соперникомъ. Всѣ умственныя способности Ойвинда сосредоточились на томъ, чтобы съумѣть держать себя далеко ото всѣхъ, чтобы никто ни посмѣлъ и не могъ его толкнуть; и такъ держаться до тѣхъ поръ, пока не почувствуется подъ ногами твердая почва, пока онъ не станетъ важной персоной. Въ успѣхѣ дѣла онъ не сомнѣвался ни на одну минуту. И не смутное предчувствіе говорило ему это, а твердое убѣжденіе, что къ завѣтной цѣли легче всего приведетъ его прилежаніе.

Къ вечеру, на дворѣ стало примораживать. Дѣти собрались на горку покататься; потомъ пришли и взрослые; но Ойвиндъ къ нимъ не вышелъ: онъ сидѣлъ у очага съ книгой въ рукахъ. Товарищи сперва поджидали его, потомъ вбѣжали во дворъ, стучали въ окно и окликали; но онъ не отвѣчалъ, какъ будто его

не было дома. Такъ повторилось и на слѣдующій день, и много разъ. Ойвиндъ занимался съ такимъ прилежаніемъ, что даже отецъ говорилъ ему: „смотри, не переучись“. Свѣжее и круглое лицо мальчика похудѣло, черты лица стали опредѣленнѣе, взглядъ серьёзнѣе и строже. Онъ рѣдко пѣлъ и пересталъ играть съ товарищами, словно ему не доставало на это времени. Но когда искушеніе подкрадывалось къ нему и онъ уже готовъ былъ вступить въ свою прежнюю колею, кто-то шепталъ ему: „послѣ, послѣ“...

Сначала дѣти по привычкѣ бѣгали, кричали и звали Ойвинда, но мало по малу начали отставать, выбрали другую горку, а эта вскорѣ опустѣла. Учитель тоже замѣтилъ перемѣну въ мальчикѣ: онъ видѣлъ, что это уже не тотъ школьникъ, который потому только учился, что его отдали въ школу. Учитель замѣтилъ это и хотѣлъ вывѣдать причину перемѣны; но ему не такъ легко было найти доступъ къ сердцу Ойвинда.

Разъ какъ-то зимой, предварительно переговоривъ съ родителями, учитель зашелъ къ нимъ вечеромъ, посидѣлъ немного и собрался уходить домой.

— Пойдемъ, Ойвиндъ: ты меня проводишь; да я, кстати, хотѣлъ бы переговорить съ тобой.

Ойвиндъ одѣлся. Дорогой они говорили о предметахъ, не касающихся главнаго вопроса. Подходя къ хутору, они услышали громкіе крики веселья и музыки.

— Что это?—спросилъ Ойвиндъ.

— Вечеринки. Зайдемъ, если хочешь.

— Нѣтъ.

— Развѣ тебѣ не хотѣлось бы потанцовать?

— Нѣтъ еще.

— Почему ты прибавилъ „еще“?

Ойвиндъ промолчалъ.

— Что ты хотѣлъ сказать этимъ *еще*?

Но Ойвиндъ не отвѣчалъ, и учитель не настаивалъ. Однако, немного погодя, онъ сказалъ:

— Ну, полно объ этомъ толковать, пойдемъ!

— Нѣтъ, я сказалъ, что не пойду—произнесъ Ойвиндъ рѣшительно, хотя въ тонѣ его голоса слышалось волненіе.

— Ты, кажется, желаешь, чтобы учитель упрашивалъ тебя?

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Ты, быть можетъ, боишься встрѣтиться съ кѣмъ нибудь на вечеринкѣ?

— Да вѣдь я не знаю, кто тамъ...

— Но тамъ можетъ оказаться человѣкъ, тотъ, котораго ты не желаешь встрѣтить.

Ойвиндъ опять промолчалъ.

— Ты боишься Мàритъ?

Ойвиндъ потупилъ глаза. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Признайся Ойвиндъ: ты стыдишься, зная себя неконфирмованнымъ мальчишкой?

Ойвиндъ поднялъ было глаза, но потомъ опять началъ смотрѣть въ сторону и ничего не сказалъ.

— Развѣ я не вижу, что ты потерялъ свою прежнюю веселость? А, можетъ, ей полюбился кто-нибудь другой, а не ты?

Ойвиндъ былъ нѣмъ по прежнему. Учитель почувствовалъ себя обиженнымъ и, въ свою очередь, отвернулся. Они пошли назадъ. Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, учитель снова заговорилъ.

— Тебѣ хотѣлось бы поскорѣе конфирмоваться?

— Еще бы!

— А что ты думаешь дѣлать потомъ?

— Мнѣ бы хотѣлось поступить въ семинарію.

— И сдѣлаться учителемъ?

— Боже сохрани!

— Развѣ эта должность кажется тебѣ ничтожной?

Ойвиндъ не отвѣчалъ, и они молча прошли значительное разстояніе.

— А что ты думаешь дѣлать послѣ семинаріи?

— Объ этомъ я еще не подумалъ.

— Еслибы у тебя были деньги, ты захотѣлъ бы, напримѣръ, купить хуторъ?

— Разумѣется; но я и съ мельницами не разстался бы.

— Тогда тебѣ лучше всего поступить въ земледѣльческую школу.

— А тамъ учатъ не меньше, чѣмъ въ семинаріи?

— Положимъ, что поменьше; но зато полученныя познанія можно примѣнить къ жизни.

— И аттестаты тамъ выдаютъ?

— Да зачѣмъ тебѣ аттестатъ?

— Мнѣ бы непремѣнно хотѣлось отличиться.

— Это можно сдѣлать и безъ аттестата.

На этомъ пунктѣ разговоръ оборвался, и они шли молча до самаго дома Ойвинда, изъ оконъ котораго прорѣзывались лучи свѣта; надъ домомъ свѣсилась гора своею темною массою, а внизу лежалъ фіордъ, и въ его ледяномъ зеркалѣ, облитомъ лунымъ свѣтомъ, отражался густой лѣсъ, покрывавшій берегъ бухты.

— Не правдали, какъ хорошо здѣсь?—спросилъ учитель.

Ойвиндъ и самъ уже это замѣтилъ. Въ немъ сохранилась способность наслаждаться красотою природы, какъ и въ то время, когда мать напѣвала ему пѣсни кошечки и птички.

— Да, дѣйствительно хорошо!—отвѣтилъ онъ со вздохомъ.

— Вотъ отецъ твой—сколько лѣтъ уже прожилъ здѣсь; почему бы и тебѣ не остаться?

Прекрасный видъ мѣстности потерялъ свое очарованіе въ глазахъ Ойвинда. Не получивъ никакого отвѣта, учитель покачалъ головой, и они пошли молча.

Бэрдъ зашелъ въ домъ, посидѣлъ еще немного; но, видя, что разговоръ не клеится, сталъ прощаться.—Отецъ и мать вышли проводить учителя.

— Съ тѣхъ поръ какъ дѣти избрали себѣ другую горку, у насъ здѣсь такъ тихо, замѣтила мать, выйдя на лужайку.

— Да вѣдь и у васъ нѣтъ больше дѣтей, сказалъ учитель.

Мать поняла его.

— Въ послѣднее время Ойвиндъ что-то не веселъ.

— Я думаю!... честолюбцу никогда не бываетъ весело.

VI.

Прошло ровно полгода. На дворѣ уже стояла осень. Конфирмующіеся собрались въ комнатѣ пасторскаго дома, чтобы распредѣлить по экзаменнымъ отмѣткамъ, въ какомъ порядкѣ они будутъ причащаться. Въ числѣ ихъ находились Ойвиндъ и Мàритъ.

Она только что вышла отъ пастора, получивъ отъ него въ награду книгу и, въ придачу, много словесныхъ похвалъ. Она смѣялась и болтала съ подругами, хотя оглядывалась, между прочимъ, и на мальчиковъ. По своей развившейся стройной фигурѣ и по обращенію, Мàритъ казалась вполнѣ взрослой дѣвушкой; къ тому же, всѣмъ стало извѣстно, что лучшій женихъ въ приходѣ, Іонъ Гатленъ, сватался за нее. Вообще, у нея было много причинъ казаться веселой.

У дверей стояли невыдержавшіе экзамена мальчики и дѣвочки, плакавшіе въ то время, какъ Мàритъ смѣялась съ подругами. Одинъ мальчуганъ, въ отцовскихъ сапогахъ и съ праздничнымъ платкомъ своей матери на шеѣ, рыдалъ на всю комнату. Его отчаяніе потрясло неэкзаменовавшихся: они подумали, что каждый изъ нихъ можетъ очутиться въ такомъ же почти положеніи; имъ стало жаль товарища и страшно за себя.

Одинъ сидѣлъ и соображалъ, на какіе вопросы онъ не въ-

состояніи отвѣтить, хотя нѣсколько часовъ тому назадъ храбро увѣрялъ самого себя, что все отлично знаетъ; но вотъ именно теперь пришелъ къ заключенію, что онъ ровно ничего не знаетъ, ни одного текста. Другой пересчитывалъ всѣ свои грѣхи, съ первыхъ дней жизни до этой роковой минуты и находилъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если милосердый Богъ не допуститъ его къ причастію. Третій гадалъ: если часы, которые должны сейчасъ пробить, начнутъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ сосчитать до двадцати, то онъ срѣжется; если тотъ, кто идетъ по коридору—товарищъ Ларсъ, то онъ выдержитъ; если крупная дождевая капля, плывущая по наружной сторонѣ оконнаго стекла, скатится на раму, то онъ провалится. Послѣднее гаданье рѣшало дѣло. Четвертый налегалъ на „Нагорную проповѣдь“: онъ ее видѣлъ во снѣ и потому былъ вполнѣ убѣжденъ, что его спросятъ именно это, и вышелъ въ коридоръ, чтобы еще разъ прочесть то же самое; но его вызвали и срѣзали на „большихъ и малыхъ пророкахъ“. Пятый разсчитывалъ иначе. Онъ заключилъ съ Богомъ условіе: на одной сторонѣ поставилъ онъ „дебетъ“: пусть Господь поможетъ мнѣ только выдержать экзаменъ, а на другой онъ писалъ свой „кредитъ“; тогда я никогда не буду лгать, не буду говорить глупостей, буду ходить въ церковь, перестану браниться площадными словами и оставлю въ покоѣ дѣвушекъ.

Ойвиндъ сидѣлъ у окна. Онъ уже экзаменовался и отвѣтилъ на всѣ вопросы; но ни пасторъ, ни учитель ничего ему не сказали. Онъ цѣлыхъ полгода только и мечталъ о томъ, какъ станутъ хвалить его за блестящее знаніе—и теперь чувствовалъ себя обиженнымъ. Передъ нимъ, какъ живой укоръ, сидитъ Марита, удостоенная похвалы и награды при значительно меньшемъ знаніи. Вѣдь онъ только для того и старался, чтобы возвыситься въ ея глазахъ, а теперь она шутя получила то, чего добивался онъ упорнымъ трудомъ и цѣлымъ рядомъ самопожертвованій. Ея смѣхъ и рѣзвость терзали его; непринужденность ея движеній казалась ему непріятной. Еще съ того зимняго вечера онъ избѣгалъ говорить съ ней; но она бросила только одинъ взглядъ въ его сторону, и Ойвиндъ готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ смущенія.... Всѣ его гордые планы пошли прахомъ.... Онъ попытался стряхнуть съ себя это тяжелое чувство и, занявшись вопросомъ о первенствѣ, остался до окончанія экзамена, чтобы узнать свои баллы.

Разговоръ между учениками становился оживленнѣе по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число благополучно экзаменовавшихся. Теперь уже отдѣлялись честолюбивые отъ довольныхъ. Послѣд-

ніе уходили, какъ только узнавали о благополучномъ окончаніи, чтобы поскорѣе извѣстить родныхъ о своемъ счастьѣ, или поджидали непроэкзаменовавшихся товарищей. Первые, напротивъ, становились сосредоточеннѣе и съ напряженнымъ вниманіемъ поглядывали на двери. Экзаменъ кончился; послѣдніе спрошенные вошли въ комнату; пасторъ съ учителемъ остались для совѣщанія.

Ойвиндъ посмотрѣвъ на Мàритъ. Она весела, какъ и прежде, и не уходитъ: онъ тоже остался. „Какъ она развилась и похорошѣла! Такого нѣжнаго цвѣта лица я не видалъ ни у одной дѣвушки“,—подумалъ Ойвиндъ, упорно глядя ей въ лицо, на которомъ играла улыбка. И взглядъ ея глазъ, полузакрытыхъ длинными рѣсницами, какъ бы сознавая свою чарующую силу, тоже сопровождался отрадной улыбкой. Ея русые волосы, разсыпаясь по плечамъ роскошными локонами, придавали ей видъ какого то загадачнаго, таинственнаго существа. Вошелъ учитель; всѣ вскочили съ мѣстъ и подбѣжали къ нему:

— Господинъ учитель, я которымъ?... А я?.. Вы меня пропустили!...

— Замолчите ли вы! Развѣ здѣсь можно шумѣть? Уймитесь, и я вамъ сію минуточку все разскажу.

Онъ обвелъ учениковъ бѣглымъ взглядомъ.

— Ты—второй, указалъ онъ на голубоглазаго мальчика, который смотрѣлъ на учителя молящимъ взоромъ, но теперь выскочилъ изъ группы, танцуя въ дикомъ восторгѣ.

— Ты—третій!.. объявилъ учитель, положа руку на плечо рыженькаго ученика, который все время дергалъ его за фалды, чтобы раньше прочихъ обратить на себя вниманіе.

— Ты—пятый; а ты—восьмой. И потомъ, замѣтивъ въ толпѣ Мàритъ, прибавилъ: ты—первая изъ дѣвочекъ.

Мàритъ попыталась улыбнуться, но потомъ вдругъ вспыхнула до самой шеи.

— А ты—двѣнадцатый. Лѣнтяй, братецъ! Всю зиму баклушничалъ. Ты—одиннадцатый. Отъ тебя, впрочемъ, ничего другаго и ожидать нельзя.

— Ты—тринадцатый. Тебѣ надобно поусерднѣе заниматься еще годикъ, а то въ будущемъ опять плохо придется на экзаменѣ.

Ойвиндъ дольше не выдержалъ:

— Господинъ учитель! закричалъ онъ, но учитель его не слыхалъ.

— Господинъ учитель! повторилъ онъ, покрывая общій шумъ: которымъ?

— Ты?... учитель мелькомъ взглянулъ на него: ты—девятымъ, ли десятымъ,—не помню хорошенько...

— Кто же первымъ въ такомъ случаѣ? выступилъ Гансъ, лучшій другъ Ойвинда.

— Ужь никакъ не ты, сказалъ учитель, хлопнувъ Ганса по рукѣ сверткомъ экзаменныхъ листовъ.

— Ну, да кто же, скажите намъ! кричали всѣ.

— Э, много будете знать—скоро состаритесь! Ступайте ка по домамъ и порадуйте родителей да благодарите своего стараго учителя, а то наплясались бы тутъ безъ него!

Ученики поблагодарили и разошлись съ радостными криками. Одинъ только Ойвиндъ оставался въ пасторскомъ домѣ и медленно собиралъ свои книги, какъ будто снова хотѣлъ засѣсть за тихъ и снова учиться. Учитель замѣтилъ его:

— Ну, Ойвиндъ,—а ты что же не уходишь? Что ты тамъ копаешься въ книгахъ?

— Хочу справиться... въ чемъ я ошибся на экзаменѣ.

— Ты отвѣчалъ безъ ошибки.

Ойвиндъ смотрѣлъ на учителя помутившимися глазами, откуда одна за другой уже скатывались слезы.

— Неужели ты не доволенъ тѣмъ, что выдержалъ экзаменъ?

Губы Ойвинда дрогнули, но онъ промолчалъ.

— И отецъ, и мать навѣрно порадуются за тебя,—продолжалъ учитель, не сводя глазъ съ мальчика.

Ойвиндъ долго боролся съ неудержимо закипавшей въ душѣ его горькой обидой и, наконецъ, не выдержалъ:

— Не потому ли я девятымъ или десятымъ, что мой отецъ бѣдный мужикъ?

— Разумѣется, и это имѣлось въ виду.

— Значитъ, ни прилежаніе, ни знаніе не ставятся въ заслугу?...

Всѣ мечты разлетѣлись, какъ дымъ... Ойвиндъ поднялъ голову, стукнулъ изо всей силы по столу кулакомъ и горько заплакалъ. Учитель не мѣшалъ ему; но когда плачъ замѣнился тихими всхлипываньями, Бэрдъ подошелъ и ласково привлекъ къ себѣ Ойвинда за голову. Онъ рыдалъ короче и тише, но не смѣлъ посмотрѣть въ глаза своему старому учителю.

— Ты самъ виноватъ, Ойвиндъ: ты учился не изъ любви къ богу и родителямъ, а изъ тщеславія.

При этихъ словахъ, Ойвиндъ затихъ: онъ почувствовалъ ихъ силу и смирился.

— И какъ бы ты осмѣлился съ такимъ высокомѣріемъ по-

дойти къ алтарю и принести Господу клятву въ вѣрности? Неужели ты думаешь, что не согрѣшилъ бы, явясь передъ лицомъ божіимъ съ суетной радостью въ сердцѣ, что ты лучше всѣхъ своихъ товарищей?

Мальчикъ беззвучно прошепталъ что-то въ отвѣтъ.

— Но ты все еще любишь меня, Ойвиндъ?

— Да, твердо произнесъ онъ и въ первый разъ поднялъ глаза.

— Ну, тогда я тебѣ признаюсь: это я постарался поставить тебя въ числѣ послѣднихъ и сдѣлалъ это потому, что люблю тебя всею душою!

Ойвиндъ смахнулъ слезинки, дрожавшія у него на рѣсницахъ.

— Но ты не сердишься на меня за это?

— Нѣтъ, сказалъ онъ глухимъ голосомъ, придавленнымъ закипавшими слезами; но взглядъ его былъ ясенъ и кротокъ.

— Славный парень! Я никогда не покину тебя за твою доброту.

Наконецъ, Ойвиндъ собралъ свои книги и вышелъ вмѣстѣ съ учителемъ. По дорогѣ къ дому, онъ обдумывалъ слова наставника и рѣшился принести въ жертву свое честолюбіе. Сердце его почти очистилось отъ суетныхъ томленій, и онъ самъ теперь высказалъ, что доволенъ своимъ положеніемъ и что все это къ лучшему.

— Вотъ, когда ты больше не гоняешься за блуждающими огоньками и первыми мѣстами, надо намъ подумать о будущемъ. Что ты скажешь, напримѣръ, про семинарію?

— Я бы охотно туда поступилъ.

— Но тебѣ больше хотѣлось бы въ земледѣльческую школу?

— Да, конечно.

— Оно, положимъ, дѣло подходящее, да и карьера заманчивѣе школьнаго учителя.

— Но какъ же мнѣ туда попасть? Такъ я и останусь при одномъ желаніи.

— Только старайся, а средства мы найдемъ.

Ойвиндъ былъ побѣжденъ участіемъ учителя. На душѣ у него стало такъ легко: въ немъ вспыхнуло то высокое чувство любви ко всему міру, которое особенно сильно проявляется, когда неожиданно убѣдишься въ добротѣ людей.

Когда Ойвиндъ съ учителемъ вошли въ домъ, то застали отца и мать въ ожиданіи возвращенія сына, хотя у обоихъ много было спѣшной работы по хозяйству.

— Ну? спросилъ отецъ, откладывая въ сторону молитвенникъ,

раскрытый на молитвѣ конфирмующагося. Мать подошла къ очагу, чтобы скрыть волненіе, овладѣвшее ею въ ожиданіи извѣстія о сынѣ,—но руки ея такъ дрожали, что она едва могла удержать ложку.

— Я пришелъ объявить вамъ радостное извѣстіе: Ойвиндъ такъ отвѣчалъ, что привелъ пастора въ восторъ и удивленіе.

— Какъ я рада!—сказала мать, волнуясь теперь чувствомъ гордости за сына.

— Знатно! сказалъ отецъ, глядя въ сторону.

— А которымъ онъ? потихоньку спросила учителя мать.

— Восьмой или девятый, не помню хорошенько...

Мать посмотрѣла на отца, отецъ на Ойвинда и прибавилъ:

— Нашему брату ничего большаго нельзя добиться.

Ойвиндъ почувствовалъ, какъ что-то вдругъ сжало ему горло; его горе всплывало вновь и щемило сердце; но онъ совладалъ съ нимъ, подавивъ его радостными думами о чистой совѣсти, съ какою онъ подойдетъ къ алтарю, и о своей свѣтлой будущности, которую открываетъ ему добрый наставникъ.

— Однако пора домой,—сказалъ учитель, кивнулъ головой и направился къ дверямъ.

Старики, по обыкновенію, проводили его до воротъ, и тутъ учитель сказалъ имъ:

— Конечно, Ойвиндъ будетъ первымъ; но онъ не долженъ объ этомъ знать до дня конфирмаціи.

— Да, да, сказалъ отецъ, кивнувъ головой.

Мать схватила учителя за руку, прибавивъ:

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, за все, что ты для насъ сдѣлалъ!

— Да, да, великое спасибо!—повторилъ отецъ.

VII.

До дня конфирмаціи оставалось ровно три недѣли... Въ это время учитель часто посѣщалъ Ойвинда, зная, что мальчикъ можетъ впасть въ сомнѣніе.—И дѣйствительно, часто во время занятій энергія вдругъ покидала Ойвинда. „Изъ-за чего я бьюсь?“—задавалъ онъ себѣ вопросъ; но вспоминалъ снова учителя и опять горячо принимался за работу. Пока Ойзиндъ приготовлялся къ конфирмаціи, домашніе готовились къ отправленію его на другой день въ земледѣльческое училище. Портной и сапожникъ мастерили въ комнатѣ, мать хлопотала на кухнѣ, отецъ возился надъ

сундукомъ. — По вечерамъ мать говорила о томъ, какъ тяжело ему будетъ встрѣтить святки внѣ дома, какъ о нёмъ будутъ грустить и какъ трудно ему будетъ переносить продолжительную разлуку. Отецъ жаловался на громадные расходы, причиненные семейству ученьемъ сына и назидательно добавлялъ, что сынъ долженъ это чувствовать и вѣчно благодарить своихъ родителей. Это приниженное состояніе вызвало въ нёмъ старательность, и мальчикъ не задолго до конфирмаціи казался твёрдо убѣжденнымъ, что онъ приготовленъ къ великому таинству; но за день до причащенія передъ глазами его, словно изъ тумана, предсталъ, какъ искушеніе, образъ Màритъ.—Ойвиндъ попытался отстранить его; но это ему не удалось. Онъ старался не думать о ней, старался забыть её; но черты ея лица и вся стройная фигура стояли передъ нимъ съ поразительною ясностью.—Не чувствуя въ самомъ себѣ достаточно крѣпости и силы для борьбы съ искушеніемъ, Ойвиндъ обратился къ молитвѣ. Но чѣмъ больше боролся онъ со своимъ чувствомъ, тѣмъ глубже отзывалась въ нёмъ та боль въ груди, которая всегда лугала его.—Въ сознаніи своего безсилія, Ойвиндъ, падая на колѣни передъ распятіемъ, умолялъ Бога не быть къ нему слишкомъ строгимъ за его любовь къ Màритъ, которую онъ не можетъ вырвать изъ своего слабаго человѣческаго сердца.

Вечеромъ, наканунѣ торжественнаго дня конфирмаціи, въ домъ Торэ зашелъ учитель прочесть молитвы и даромъ пропѣть псалмы. По окончаніи богослуженія, мать была очень растрогана, вспомнивъ при этомъ, что черезъ день она должна разстаться съ сыномъ. Отецъ упорно молчалъ. Но потомъ они всѣ оживились и просидѣли до глубокой ночи. Когда Ойвиндъ лёгъ въ постель, на сердцѣ у него было такое свѣтлое, отрадное чувство, что онъ почелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, и главное счастіе заключалось въ томъ, что весь онъ отдался на волю божію. Ойвиндъ даже вызвалъ образъ Màритъ и смѣло глядѣлъ ей въ глаза. Когда же какой-то тайный голосъ вопросительно шепнулъ ему: „Ты вѣдь невполнѣ счастливъ“, онъ шутливо и задорно отвѣтилъ: „нѣтъ, счастливъ...“ и вскорѣ съ этимъ Ойвиндъ заснулъ.

Проснувшись рано утромъ, онъ вспомнилъ о важности наступившаго дня, и почувствовалъ себя вполнѣ окрѣпшимъ.—Онъ началъ одѣваться въ новый костюмъ: такой изящной и дорогой одежды Ойвиндъ ещё никогда не носилъ. Въ особенности, понравилась ему куртка съ закругленными полами. Но прежде чѣмъ освоиться съ ней, онъ долго ощупывалъ и обдергивалъ себя, доставъ зеркальце, и когда оттуда взглянуло довольное, улыбаю-

щееся лицо, онъ сейчасъ же подумалъ, что это тщеславіе, суета... „Да, но люди должны же быть чисто одѣтыми въ виду важности предстоящаго таинства“, — нашёлъ онъ оправданіе. „Конечно, должны; но и приходить отъ этого въ восторгъ — тоже не слѣдуетъ“.—„Совершенно вѣрно; однако, если хорошенько сообразить, то вѣдь и Богу должно быть пріятно, когда радуешься тому, что имѣешь приличный видъ“.—„Очень возможно, что и такъ; но ему было бы гораздо пріятнѣе, еслибы ты, оставаясь приличнымъ, не обращалъ на это особеннаго вниманія“.—„Совершенно вѣрно; но вѣдь костюмъ новый!..“—„Однако, вскорѣ придется тебѣ снять его, ты недолго въ немъ пощеголяешь“. Онъ поймалъ себя на этомъ заключеніи, похвалилъ за назидательныя разсужденія и весело сдѣлалъ визитъ родителямъ.

Они сидѣли совсѣмъ одѣтые и поджидали его за завтракомъ. Ойвиндъ поблагодарилъ за новый костюмъ.

— Носи на здоровье! сказала мать.

Они сѣли за столъ. Потомъ мать прибрала посуду, отецъ надѣлъ куртку, взялъ молитвенникъ, и всѣ вмѣстѣ пошли въ церковь,—встрѣчая по дорогѣ идущихъ и ѣдущихъ прихожанъ, въ томъ числѣ сѣдыхъ дѣдушекъ и бабушекъ, желавшихъ посмотрѣть торжество своихъ внучатъ.

Былъ осенній хмурый день. — Тяжелыя облака безпорядочно клубились, а легкія нижнія тучки разстилались по всѣмъ направленіямъ, словно разносили по небу приказъ, чтобъ быть дурной погодѣ. Въ воздухѣ сыро и душно. Листья, какъ мертвые, висѣли на деревьяхъ и даже не вздрагивали. — Возлѣ церкви собралась большая толпа. Конфирмующимся приказано войти внутрь и выстроиться тамъ до начала службы. Пришёлъ учитель въ синемъ фракѣ, жилетѣ и брюкахъ того же цвѣта, въ высокихъ сапогахъ и въ туго накрахмаленномъ галстухѣ. Изъ задняго кармана фрака торчалъ чубукъ. Учитель шелъ по проходу, раскланивался и улыбался на всѣ стороны, хлопалъ одного по плечу, другому совѣтовалъ отвѣчать громко и внятно, и такъ прошелъ къ Ойвинду, который въ это время разговаривалъ съ пріятелемъ Гансомъ о предстоящей поѣздкѣ въ училище.

— Здравствуй, Ойвиндъ! Какой ты сегодня нарядный! Послушай ка, пріятель: я только что говорилъ съ пасторомъ и просилъ его, чтобы онъ позволилъ тебѣ занять свое прежнее мѣсто: поди стань первымъ, да смотри, отвѣчай хорошенько.

Ойвиндъ удивленно взглянулъ на учителя, сдѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ, остановился, оглянулся назадъ, опять подвинулся впередъ и опять оглянулся; потомъ подумалъ: „видно,

Бэрдъ замолвилъ за меня словечко у пастора"—и занялъ первое мѣсто.

— Развѣ ты первымъ?—прошепталъ ему одинъ изъ товарищей.

— Да, свободно отвѣчалъ Ойвиндъ, хотя ему все какъ-то не вѣрилось, что онъ дѣйствительно первый.

Когда всѣ выстроились и вошёлъ пасторъ, то раздался звонъ колокола. и толпа вошла въ церковь. Въ это время Ойвиндъ замѣтилъ возлѣ себя Мàритъ, которая, казалось, была очень удивлена, видя его на почетномъ мѣстѣ. Они взглянули другъ на друга, но, изъ уваженія къ святости таинства, не поздоровались. Ойвиндъ все таки замѣтилъ, что волосы ея заплетены въ косу, и вся она ослѣпительно хороша. И вотъ онъ, полгода лелѣявшій себя мечтами о славѣ и счастьѣ добиться мѣста рядомъ съ ней, въ моментъ осуществленія, забылъ объ этомъ. По окончаніи службы, къ Ойвинду подошли съ поздравленіями сначала родственники, потомъ друзья и товарищи, чтобы попрощаться; наконецъ, ребятишки, съ которыми Ойвиндъ катался на лодкѣ. Прощаніе не обошлось безъ слезъ. Послѣднимъ подошелъ учитель. Онъ намѣревался провести у нихъ послѣдній вечеръ. Дорогой всѣ молчали. Учитель старался вызвать веселое настроеніе духа; но это ему не удавалось; и чѣмъ ближе день клонился къ вечеру, тѣмъ тягостнѣе становилось у каждаго на душѣ при мысли о двухлѣтней разлукѣ. До сихъ поръ они не разставались съ сыномъ ни на одинъ день. Ойвинду стало такъ грустно, что слезы невольно подступали и дрожали въ его глазахъ. Чтобы не разстраивать мать, которую онъ уже нѣсколько разъ заставалъ у стола плачущей, Ойвиндъ вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Къ нему доносился неопредѣленный говоръ соннаго моря, и сквозь его отдаленный гулъ прорѣзывался тихій, но явственный шопотъ, произносившій его имя. Это не иллюзія: шопотъ повторился два раза.

Онъ взглянулъ вверхъ, и на горѣ между деревьями примѣтилъ неясное очертаніе женской фигуры.

— Кто тамъ? спросилъ Ойвиндъ.

— Я слышала, что ты завтра уѣзжаешь, тихо говорила она.—Ты не хотѣлъ прійти ко мнѣ, такъ я сама пришла попрощаться съ тобой

— Это ты, Мàритъ?—Я сейчасъ къ тебѣ прибѣгу!

— Нѣтъ-нѣтъ; останься тамъ... Я и такъ уже давно тебя жду... Я ушла не спросясь, и мнѣ надо торопиться домой.

— Какъ ты хорошо сдѣлала, что пришла.

— Мнѣ такъ жалко, Ойвиндъ, что ты уѣзжаешь! Мы вѣдь друзья съ тобой, съ первыхъ лѣтъ нашего дѣтства...

— Да, это правда.

— А теперь мы полгода не говорили другъ съ другомъ!..

— Къ сожалѣнію, Маритъ!..

— Мы тогда разстались такъ странно!..

— Да... Нѣтъ, я приду лучше къ тебѣ.

— Пожалуйста, не ходи, прошу тебя! Скажи только: ты не сердишься на меня?

— Милая Маритъ! Можешь ли ты такъ думать?

— Прощай же, Ойвиндъ! Спасибо тебѣ за все, что ты сдѣлалъ для меня!.. прощай!..

— Погоди, Маритъ! Погоди еще минуточку!

— Нѣтъ, я должна поспѣшить, иначе дома замѣтятъ...

— Маритъ, Маритъ!

— Я не могу дольше оставаться, Ойвиндъ. Прощай!

— Прощай, дорогая Маритъ!..

Какъ во снѣ, пошелъ Ойвиндъ домой и на вопросы родителей давалъ такіе дикіе отвѣты, что поражалъ ихъ. Это приписали его скорому отъѣзду. Ойвиндъ такъ былъ растерянъ, что когда при прощаньѣ учитель что-то сунулъ ему въ руки, онъ потомъ только разглядѣлъ, что это былъ пятиталерный билетъ. Лежа въ постели, Ойвиндъ, думалъ все о ней, но не объ отъѣздѣ, и во снѣ ему слышался голосъ со скалы... „Сойди сюда!“ — кричалъ Ойвиндъ.

VIII.

„Милые родители!

Мнѣ пришлось работать очень много, но я уже догналъ почти всѣхъ товарищей и теперь иногда располагаю свободнымъ временемъ. Когда пріѣду домой, то первымъ долгомъ постараюсь измѣнить систему хозяйства: въ ней много ошибокъ, и удивительно, что хозяйство все таки держится хоть кое-какъ. Я уже кой-чему научился въ школѣ и знаю, что вся наука, которую мы проходимъ, главнымъ образомъ состоитъ изъ двухъ словъ: теоріи и практики. Теоріей называется пріобрѣтеніе познаній, а практикой—примѣненіе ихъ къ дѣлу. Теорія безъ практики никуда не годится; но съ практикой безъ теоріи еще жить можно, хотя, конечно, иногда будешь ошибаться. Вотъ недавно мы работали на болотѣ. Осушаютъ его простые крестьяне и превосходно знаютъ свое дѣло; но директоръ сказалъ, что они только и могутъ

справиться съ этимъ болотомъ, а дай имъ другое—они его только испортятъ, потому что болота бываютъ разнаго свойства. И я вѣрю директору: онъ очень умный человѣкъ. Недавно у насъ въ городѣ былъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ. Всѣ подали на съѣздѣ только по одному мнѣнію, но изъ нихъ не каждое было принято, а нашъ директоръ подалъ два, и оба были приняты единогласно. Потому-то наше училище и считается самымъ лучшимъ. Къ намъ даже и землемѣра присылали самаго лучшаго: въ прошломъ году онъ окончилъ училище первымъ. Онъ учитъ насъ мѣрить землю. Учитель спрашиваетъ, хожу ли я въ церковь! Конечно, хожу. У насъ пасторъ очень строгій; но это отчасти даже полезно. Онъ говоритъ такія проповѣди, что, слушая его, морозъ по кожѣ подираетъ. Пасторъ держится новой вѣры, появившейся въ Христіаніи. Мы теперь проходимъ исторію. Очень интересная наука! По крайней мѣрѣ, знаешь, гдѣ что было на свѣтѣ, въ особенности у насъ, потому что мы всегда побѣждали, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда насъ разбивали; но тогда наше государство было значительно слабѣе. Въ нашей сторонѣ большая свобода, такой нигдѣ нѣтъ, развѣ только въ Америкѣ, но люди тамъ несчастливы; и мы должны любить нашу свободу больше всего.

Однако пора мнѣ кончить: письмо и безъ того вышло очень длинное. Если учитель прочтетъ его и будетъ отвѣчать за васъ, то пусть онъ сообщитъ мнѣ новости про нашихъ знакомыхъ, чего онъ не сдѣлалъ прошлый разъ.

Почтительно кланяется вашъ покорный Ойвиндъ Торэзенъ".

„Дорогіе родители!

Съ радостью извѣщаю васъ, что у насъ были экзамены; по многимъ предметамъ я получилъ отмѣтку „отлично", по чистописанію и геометріи „очень хорошо", а по родному языку только „довольно хорошо". Директоръ говоритъ, что это происходитъ оттого, что я мало читалъ, и онъ подарилъ мнѣ нѣсколько книгъ Оле Вига. Онѣ необыкновенно хороши, и, главное, я все понимаю въ нихъ. Директоръ очень ласковъ съ нами: все разсказываетъ намъ всякую всячину. Онъ говоритъ, что у насъ вообще науки плохо идутъ, а за границей гораздо лучше: отъ швейцарцевъ, напримѣръ, мы учимся земледѣлію, отъ голландцевъ—садоводству. Многіе нарочно ѣздятъ въ эти страны, чтобы научиться кой-чему, и директоръ ѣздилъ туда. Вотъ уже годъ, какъ я въ школѣ, и прежде мнѣ казалось, что я порядочно подучился, но какъ посмотришь на программу выпускнаго экзамена, да поду-

аешь о томъ, что даже окончившіе училище далеко не могутъ равниться съ иностранцами, то грустно становится! Къ тому же земля наша не такъ плодородна, какъ въ другихъ странахъ и е вознаграждаетъ за тотъ трудъ, который въ нее вкладываютъ; а ародъ не хочетъ подражать иностранцамъ; да хоть бы и хотѣлъ, акъ вѣдь у насъ нѣтъ денегъ, чтобы обрабатывать землю, какъ лѣдуетъ. Я теперь въ старшемъ классѣ, и до выпуска мнѣ остается ровно годъ. Большая часть товарищей разъѣхались по домамъ; еня тоже тянетъ домой, мнѣ все теперь кажется, что я одинъ, отя насъ довольно много: такъ странно на душѣ, когда долго е видишься со своими. Я думалъ, что въ школѣ скоро поумнѣю, но теперь вижу, что мнѣ многаго еще недостаетъ. Что бы мнѣ предпринять по окончаніи курса?—Я разсчитываю выхлопотать ебѣ мѣсто неподалеку отъ дома. Прощайте, милые родители! Скажите всѣмъ, кто спроситъ, что мнѣ здѣсь хорошо, но все таки очется поскорѣе домой"!

„Дорогой учитель!

Не можешь-ли ты передать по адресу прилагаемое при семъ письмо? Но чтобы никто не зналъ объ этомъ. Если не можешь, сожги его. *Ойвиндъ Торэзенъ.*"

„Добродѣтельной дѣвицѣ Маритъ Нордистуэнъ.

Ты, вѣроятно, очень удивишься, получивъ мое письмо, но не удивляйся напрасно: я только хочу спросить тебя, какъ ты поживаешь? Объ этомъ ты должна, какъ можно скорѣе и подробнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстить меня. О самомъ же себѣ могу сказать только то, что черезъ годъ я буду свободенъ.

Съ почтеніемъ остаюсь *Ойвиндъ Торэзенъ.*"

„Г-ну Ойвинду Торэзенъ въ земледѣльческой школѣ.

Твое письмо я получила отъ учителя и по просьбѣ твоей отвѣчаю. Но мнѣ страшно переписываться съ тобой: ты теперь такъ ученъ! Положимъ, у меня есть письмовникъ, но въ немъ всѣ письма какія-то неподходящія. Однако я попытаюсь справиться своими средствами; прошу только не обращать вниманія на то, какъ написано,—смотри лучше, что написано. Кромѣ того, ты никому не долженъ показывать моего письма, иначе я не буду считать тебя такимъ, какъ теперь считаю; но и беречь его ты тоже не долженъ; а обязанъ сжечь, и это ты долженъ мнѣ обѣщать. Мнѣ бы и самой хотѣлось писать къ тебѣ, да я не смѣю.

Жатва у насъ довольно хорошая; на картофель цѣны тоже хорошія и у насъ на него большой спросъ. Медвѣди въ это лѣто задрали много скотины. У Оле, что̀ живетъ подъ горой, они зарѣзали двухъ быковъ; а у одного изъ нашихъ фермеровъ такъ ободрали корову, что пришлось ее добивать. Я тку по узору шотландской матеріи. Трудная работа! Еще разскажу тебѣ, что я до сихъ поръ дома, но что многимъ хотѣлось бы, чтобъ это было иначе. Больше нечего писать на этотъ разъ, а потому—прощай!

Маритъ Нордистуэнъ".

P. S. Письмо сжечь немедленно по прочтеніи.

„Ученику земледѣльческой школы, Ойвинду Торэзенъ.

Я всегда говорилъ тебѣ, Ойвиндъ, что кто подъ Богомъ ходитъ, того доля счастливѣе. Послушайся же моего совѣта: ты не долженъ ни прилѣпляться къ свѣту, ни бѣжать его;—но довѣрься Богу и не позволяй сердцу своему изнывать въ тоскѣ, иначе у тебя будетъ два бога. Потомъ я долженъ сообщить тебѣ, что родители твои совершенно здоровы; а у меня болитъ поясница — (послѣдствіе войны со всѣмъ тѣмъ, что̀ пришлось вытерпѣть). И духъ и тѣло мое болятъ; я еле удерживаюсь отъ стоновъ; но старость не должна жаловаться, ибо проповѣдуетъ терпѣніе, чтобы человѣку хватало силъ для послѣдняго путешествія...

Сегодня взялся я за перо по многимъ причинамъ;—но, главнымъ образомъ, по поводу Мàритъ. Хотя она и богобоязненная дѣвушка, но все-таки легкомысленна, непостоянна, перемѣнчива. Однако же, мнѣ часто приходилось видѣть, какъ самъ Господь ограждаетъ такія сердца, чтобы они не разбились. А Мàритъ слаба и хрупка. Письмо твое я передалъ ей, и она скрыла его ото всѣхъ, кромѣ своего собственнаго сердца. Если ваша любовь не станетъ негодной Господу, то я ничего противъ этого не имѣю. Мàритъ, какъ вижу, очаровываетъ молодыхъ людей, потому что владѣетъ всѣми земными благами, да и въ небесныхъ ей не будетъ отказано, не смотря на ея непостоянство. Я потому говорю: „непостоянство", что страхъ божій въ ея сердцѣ—что̀ вода въ мелкомъ прудѣ: при дождѣ она есть, а при свѣтѣ солнца—исчезаетъ. Но мои глаза ослабѣваютъ, когда я долго пишу, и слезятся. Въ даль еще вижу хорошо, но вблизи—больно смотрѣть.

Еще одно хочу сказать тебѣ, Ойвиндъ!—пусть оно запечатлѣется въ твоемъ сердцѣ: къ чему бы ты ни стремился, за что бы ни брался,—не начинай безъ Бога, ибо написано: „лучше не-

поть со спокойствіемъ, чѣмъ полныя пригоршни—съ горемъ". (Экклез. 4, 6). Твой старый учитель Бэрдъ Ондаль."

„Добродѣтельной дѣвицѣ
Màритъ Нордистуэнъ.

Благодарю тебя за письмо, которое я по прочтеніи сжегъ, какъ ты требовала. Ты пишешь мнѣ о многомъ, но не о томъ, о чемъ главнымъ образомъ хотѣлось-бы мнѣ знать; — а я тоже не осмѣливаюсь писать объ этомъ, пока не узнаю, каково твое положеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Письмо учителя не говоритъ ничего опредѣленнаго: сначала онъ хвалитъ тебя, а потомъ порицаетъ за непостоянство. И я соглашаюсь съ нимъ: прежде ты, дѣйствительно, была непостоянна;—но теперь я ничего не знаю, и потому ты должна мнѣ написать, иначе я не успокоюсь. Чаще всего я вспоминаю о томъ вечерѣ, когда пришла ты на гору, и о тѣхъ словахъ, что̀ сказала тогда. Больше я не хочу сегодня говорить—и потому будь здорова! Съ почтеніемъ *Ойвиндъ Торэзенъ*."

„Господину Ойвинду Торэзенъ.

Учитель только что передалъ мнѣ твое новое письмо и я прочла его. Право, я такая неученая, что многаго изъ него рѣшительно не поняла. Ты хочешь знать, каково мое положеніе во всѣхъ отношеніяхъ? Такъ слушай же: я здорова, свѣжа, къ моимъ услугамъ все, что нужно: ѣмъ очень много, въ особенности молочнаго, отлично сплю ночью, а иногда и днемъ. Эту зиму я много танцовала, потому что было много вечеровъ и на нихъ отличное угощеніе. Хожу я и въ церковь, когда не очень много снѣгу, что̀ часто бываетъ въ эту зиму.

Теперь ты узналъ отъ меня многія подробности; но если и онѣ покажутся недостаточными, то я не могу тебѣ дать другаго лучшаго совѣта, какъ написать мнѣ еще разъ. *Маритъ Нордистуэнъ*."

„Добродѣтельной дѣвицѣ
Màритъ Нордистуэнъ.

Твое письмо получилъ. Однако мнѣ показалось, что ты просто не хочешь говорить о томъ, о чемъ именно *я* тебя просилъ. Быть можетъ, въ твоемъ письмѣ и скрывается отвѣтъ,—но я не нашелъ его. Первымъ же написать тебѣ о „томъ" не смѣю; а ты меня также не знаешь. Пожалуйста, не воображай, что я все

тотъ же мягкій творогъ, изъ котораго ты выжимала сыворотку, когда я сидѣлъ и, выпуча глаза, смотрѣлъ, какъ ты танцуешь. Съ тѣхъ поръ немало воды утекло и я достаточно подсохъ, не распускаю нюни и передъ людьми хвоста не поджимаю, какъ собачонка. Ото всего этого я отвыкъ. Твое письмо довольно остроумно,—хотя все таки не слѣдовало бы острить: ты отлично поняла меня и могла бы сообразить, что, если я рѣшился заговорить объ этомъ, то именно потому, что въ послѣднее время предметы моихъ вопросовъ не давали мнѣ покою. Съ томленіемъ и страхомъ ожидалъ я твоего отвѣта, и вмѣсто него получилъ шутку и пустой смѣхъ...

Будь же здорова, Màритъ Нордистуэнъ! Я не стану больше таращить на тебя глаза, какъ на той вечеринкѣ. Дай Богъ, чтобы ты по прежнему съ апетитомъ ѣла молочное, сладко спала и поскорѣе кончила свой новый коверъ; но прежде всего совѣтую тебѣ собраться съ силами и разгрести тотъ снѣгъ, который мѣшаетъ тебѣ ходить въ церковь. Съ почтеніемъ *Ойвиндъ Торэзенъ.*

„Ученику земледѣльческой школы, Ойвинду Торэзенъ.

Не смотря на мои преклонныя лѣта, слабость глазъ и боль въ поясницѣ, я долженъ уступить просьбамъ молодости, когда она надѣлала глупостей. Она ласкается и плачетъ, пока дѣло не наладится, а тамъ опять не захочетъ ни знать, ни слышать про насъ.—Я говорю относительно Màритъ. Она вьётся вокругъ меня съ такими нѣжными словами, что я принужденъ помочь ей написать: она не довѣряетъ однимъ своимъ силамъ.

Твоё письмо я прочёлъ. Màритъ вообразила, что имѣетъ дѣло съ какимъ нибудь Іономъ Гатленомъ или подобнымъ ему дуракомъ, а не съ человѣкомъ, котораго воспиталъ Бэрдъ Опдаль. Но теперь её задѣло за живое. Однако, съ другой стороны, ты былъ къ ней слишкомъ строгъ, потому что есть женщины, которыя смѣются, чтобы не плакать; но мнѣ понравилось въ тебѣ серьёзное отношеніе къ серьёзному.—То, что̀ вы любите другъ друга, ясно изъ многаго. Въ ея склонности къ тебѣ я сомнѣвался прежде, ибо она—вѣтеръ въ полѣ; но теперь мнѣ, напримѣръ, извѣстно, что она отказала Іону Гатлену и это привело дѣдушку въ страшный гнѣвъ. Твое же ухаживанье доставляло ей удовольствіе, и если она пошутила, то не съ дурнымъ намѣреніемъ, а отъ радости. Она многое безропотно переноситъ, чтобы ждать того, кому отдала свою любовь; а ты въ это время отталкиваешь её, какъ дѣвчонку, не умѣющую себя держать.

Вотъ все, что я хотѣлъ тебѣ сказать. Ещё добавлю одинъ совѣтъ: ты долженъ съ ней помириться: у васъ и безъ того довольно найдется причинъ къ спору.—Я похожъ на старика, пережившаго три поколѣнія: достаточно видѣлъ глупостей и знаю ходъ ихъ развитія.

Родители кланяются тебѣ и съ нетерпѣніемъ ждутъ твоего пріѣзда. Раньше я потому не писалъ тебѣ объ этомъ, что не хотѣлъ причинять напрасныхъ страданій твоему доброму сердцу. Ты еще не знаешь своего отца. Онъ похожъ на дерево, которое до тѣхъ поръ не заскрипитъ, пока его не подрубятъ подъ корень. Если съ тобой случится горе, тогда ты поймешь отца и удивишься ему. Прежде онъ былъ поглощенъ одними мірскими заботами, но, благодаря стараніямъ матери, теперь и въ него проникъ лучъ свѣта божія. Однако въ глазахъ у меня темнѣетъ и рука отказывается служить.—Прощай, мой другъ!—Поручаю тебя Тому, чье око непрестанно бодрствуетъ и чья десница никогда не устаетъ. *Бэрдъ Ондаль.*“

„Ойвинду Торэзенъ.

Ты, кажется, не на шутку разсердился на меня? Очень грустно! Я вовсе не хотѣла тебя обидѣть и даже не предвидѣла, что изъ этого можетъ выйти такая непріятность. Вполнѣ сознаюсь, что относилась къ тебѣ не такъ, какъ бы слѣдовало,—потому-то я и пишу тебѣ; но ты никому не показывай моего письма. Единственный разъ я поступила по своему желанію—и вышло глупо: теперь никто со мною даже и знаться не хочетъ... Плохи мои дѣла! Іонъ Гатленъ сочинилъ про меня пѣсню; парни повсюду ее распѣваютъ, а мнѣ проходу нѣтъ на улицѣ. Старики узнали объ этомъ и бранятся. Но я сижу одна и пишу, а ты никому не долженъ этого показывать. Ты многому научился и могъ-бы помочь мнѣ добрымъ совѣтомъ, еслибы мы жили поближе другъ къ другу. Я часто навѣщаю твоихъ родителей, съ матерью мы говоримъ о тебѣ и очень подружились; но я не рѣшилась обо всемъ сказать ей, потому что ты такъ странно пишешь... Учитель посмѣивается надо мной, но ничего не знаетъ про пѣсню: парни не осмѣливаются пѣть ее въ его присутствіи.—Теперь я одна и мнѣ не съ кѣмъ отвести душу.—Часто вспоминаю я наше дѣтство, когда ты—всегда добрый ко мнѣ—катался со мной на санкахъ.—Я хотѣла бы снова возвратиться къ дѣтству.

Я не рѣшаюсь... не смѣю просить тебя отвѣчать, но если ты напишешь еще хоть одно письмо, то я всегда буду помнить это, Ойвиндъ. *Маритъ Нордистуэнъ.*“

„Милая Марить!

„Я не знаю какъ и благодарить тебя за письмо! Ты написала его въ добрый часъ. Теперь я признаюсь тебѣ: я такъ люблю тебя, что у меня едва хватаетъ силъ удержаться отъ соблазна повидаться съ тобой. Если и ты меня также любишь, то наплевать намъ на всѣ сплетни и пѣсни дурака Іона... Съ тѣхъ поръ какъ я получилъ твое письмо, я сталъ другимъ человѣкомъ! чувствую въ себѣ двойную силу и не боюсь никого на свѣтѣ.—Когда я отослалъ предъидущее письмо, то потомъ такъ раскаивался, что едва не заболѣлъ. Вотъ какія послѣдствія!

Директоръ отвелъ меня въ сторону и спросилъ: „что съ тобой?“ —Онъ думалъ, что это у меня отъ усиленныхъ занятій. Тутъ онъ предложилъ мнѣ остаться при немъ по окончаніи курса еще на одинъ годъ и безплатно, только съ условіемъ, чтобы я помогалъ ему кой въ чёмъ.—Я разсудилъ, что единственное моё спасеніе—трудъ, согласился на предложеніе и теперь не сожалѣю объ этомъ, потому что чѣмъ дольше я пробуду здѣсь, тѣмъ съ большей надеждой на успѣхъ могу впослѣдствіи добиваться твоей руки.

Какъ я радъ!—Я работаю за троихъ;—у меня на все хватитъ силъ!—Я непремѣнно пришлю тебѣ книгу, которую самъ недавно прочелъ. Въ ней много разсказовъ про любовь. Вечеромъ, когда всѣ уже спятъ, я перечитываю то книгу, то письмо твое.—Представляла ли ты себѣ хоть разъ минуту нашего свиданія?—А я часто думаю объ этомъ. Попробуй, тогда сама убѣдишься, какъ сладка и отрадна эта мысль.

Вотъ посмотри: когда я могу обо всемъ съ тобой говорить, то какъ свободно и легко пишется.

Я дамъ тебѣ много книгъ для чтенія. Изъ нихъ ты узнаешь, сколько препятствій приходилось преодолѣвать людямъ взаимно и горячо любящимъ:—они скорѣе предпочитали умереть, чѣмъ отказаться другъ отъ друга. Вотъ такъ и мы сдѣлаемъ. Я готовъ даже съ большою радостью.

До нашего свиданія осталось почти два года, а до свадьбы и того больше, но мы можемъ утѣшаться мыслью, что съ каждымъ днемъ срокъ разлуки становится короче,—а мы въ это время будемъ работать другъ для друга. Въ слѣдующемъ письмѣ мы побольше поговоримъ съ тобой, а то у меня нѣтъ бумаги, а товарищи всѣ спятъ. Я лягу и все буду думать и думать о тебѣ, пока не засну...

Твой другъ

Ойвиндъ Торэзэнъ“.

IX.

Лѣтомъ, въ одну изъ субботъ, къ полдню ждали возвращенія Ойвинда изъ училища.—Тòрэ съ утра переправился на лодкѣ черезъ фіордъ, чтобы встрѣтить сына на станціи; а мать, еще за недѣлю до этого, наняла поденщицу, которая прибирала и вычищала по всему дому.—Полъ въ комнатѣ Ойвинда мать сама посыпала свѣжими листьями, сама постлала на постель свѣжее бѣлье и теперь часто поглядывала на фіордъ: не покажется-ли вдали лодка?—Внизу все уже было приготовлено къ парадному обѣду; однако мать находила нѣкоторыя неисправности: то столъ не такъ поставленъ, то мухи налетѣли со двора, то въ комнатѣ Ойвинда откуда-то набралось пыли. А лодка все не показывалась.—Наконецъ мать угомонилась и въ ожиданіи присѣла у открытаго окна. Заслышавъ чьи-то шаги, она обернулась. Передъ ней стоялъ учитель. Онъ дружески кивнулъ головой и спросилъ:

— Не пріѣхали?

— Да нѣтъ; вотъ жду съ минуты на минуту.

— Эхъ, погода славная для уборки сѣна.

— Но намъ, старикамъ, слишкомъ жарко!

— А развѣ здѣсь есть и молодые?—улыбнулся учитель.

— Была одна особа, да опять ушла.

— Не бѣда: подъ вечерокъ гдѣ нибудь встрѣтятся.

— Навѣрно... хоть Торэ находитъ, что, до согласія ея родныхъ, она не должна бы была посѣщать насъ.

— И онъ совершенно правъ.

— Смотри, это они ѣдутъ! вскрикнула мать.

— Да, они,—подтвердилъ учитель, вглядываясь въ даль.—Оба пошли на встрѣчу подъѣзжавшимъ.

Сбросивъ куртки, отецъ съ сыномъ усердно гребли; лодка быстро подплывала; гребцы налегли на весла и вскорѣ причалили къ берегу. Обернувшись, Ойвиндъ замѣтилъ мать и учителя, и весело крикнулъ имъ:

— Здравствуй, мама! здравствуй, учитель!

— Какъ онъ возмужалъ! сказала мать, сіяя счастіемъ... но все такой-же бѣлобрысый,—съ сожалѣніемъ добавила она.

Ойвиндъ опрометью выскочилъ изъ лодки и бросился на шею матери, потомъ учителю, засыпая ихъ разсказами и про путешествіе, и про аттестатъ, полученный отъ директора, и про выгодныя предложенія, сдѣланныя ему богатыми землевладѣльцами; въ то же время онъ освѣдомлялся объ урожаѣ, о всѣхъ своихъ

знакомыхъ—впрочемъ, кромѣ одной. Отецъ принялся было за выгрузку багажа, но потомъ, интересуясь разсказами сына, рѣшилъ, что и здѣсь никто не тронетъ ихъ добра, и пошелъ вмѣстѣ со всѣми. — Ойвиндъ то говорилъ, то смѣялся безъ умолку. Мать тоже смѣялась, учитель шелъ рядомъ и поглядывалъ на обоихъ, а отецъ почтительно шагалъ за сыномъ, который радовался увеличенію мельницъ, новой окраскѣ дома и свѣтлымъ оконнымъ стекламъ, оправленнымъ не въ свинцовыя, а въ деревянныя рамы. Когда онъ вошелъ въ домъ, комнаты показались ему такими маленькими, тѣсными, но уютными и радушными: часы крякали, какъ ожирѣвшая курица; рѣзные стулья точно хотѣли раздѣлить общее веселье; каждая чашка на столѣ кланялась Ойвинду, какъ старому знакомому; а свѣже-выбѣленный очагъ какъ будто улыбался ему и дружески здоровался съ нимъ; вдоль стѣнъ стояли вѣтви свѣжей, душистой зелени, полъ былъ посыпанъ иглами можжевельника и придавалъ всей обстановкѣ праздничный, нарядный видъ.

Наконецъ, усѣлись за столъ. Ѣли мало, но говорили безъ конца. Отецъ, молчавшій до сихъ поръ, воспользовался небольшой передышкой сына и замѣтилъ:

— Изъ твоихъ разсказовъ я не понялъ почти ни одного слова: ты трещишь, какъ мельница.

Всѣ разразились хохотомъ; но громче всѣхъ хохоталъ надъ собой самъ же Ойвиндъ, сознаваясь, что отецъ вполнѣ правъ. Кромѣ того, всѣ подмѣтили, что, второпяхъ, онъ проглатывалъ по нѣскольку словъ; это имѣло видъ, будто бы онъ спотыкается, и выходило очень забавно.

Видя ученика своего такимъ веселымъ, учитель старался подмѣтить, не потерялъ ли Ойвиндъ своей прежней осмотрительности; но онъ,—повидимому, безпечный, какъ ребенокъ,—думалъ обо всемъ, вспомнилъ о лодкѣ, что она еще не разгружена; распаковавъ багажъ, показалъ книги, часы, разныя невиданныя вещи—и мать похвалила его за хорошій выборъ. Въ своей маленькой комнаткѣ Ойвиндъ чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ.—Прежде всего онъ заявилъ, что останется дома помогать въ уборкѣ сѣна и въ то же время будетъ заниматься. Плана дальнѣйшихъ дѣйствій онъ пока не составилъ, да это и не важно. — Ойвиндъ обладалъ быстротой и силой мысли, а живость выраженія его чувствъ передавалась всѣмъ окружающимъ и всѣхъ освѣжала. Даже учитель помолодѣлъ лѣтъ на десять.

— Вотъ мы до чего дожили! весело сказалъ онъ, собираясь домой.

Проводивъ учителя, мать позвала сына въ кухню и сказала му потихоньку:

— Тебя ожидаютъ къ девяти часамъ.

— Гдѣ?

— На горѣ.

Ойвиндъ посмотрѣлъ на часы.—Было половина девятаго. Онъ ышелъ изъ дому, взобрался на гору и сталъ ждать.

Прямо подъ горой, у ногъ его, чернѣла крыша дома; кустъ еремухи разросся надъ ней и широко раскинулся; молодыя де-евца вокругъ тоже подросли... А вотъ и знакомая дорога: все акже сѣро и угрюмо тянется она въ старый лѣсъ, пестрѣющій от-тѣнками всѣхъ цвѣтовъ зелени; деревья по скалистымъ берегамъ іорда поднимаются стройно, высоко; на зеркальной глади синихъ водъ стоитъ корабль, и распущенные паруса его повисли, какъ сонные; онъ нагруженъ досками и ждетъ вѣтра. Далекій гори-зонтъ упирается въ море, которое отнесло Ойвинда изъ роднаго уголка и опять принесло сюда же. Оно дремало въ сладкой нѣгѣ и торжественномъ покоѣ, и даже запоздалыя чайки безъ крику и шуму проносились надъ нимъ. — Вотъ отецъ вышелъ изъ мель-ницы, и направился къ пристани, чтобы, до наступленія ночи, вы-тащить лодку на берегъ; а вотъ и мать прошла по двору, на-пѣвая пѣсню.

Ойвиндъ сѣлъ на камнѣ. Кустарникъ былъ частъ, и сквозь его листву ничего нельзя было видѣть; но онъ прислушивался, ловилъ каждый шорохъ—то вспархивавшей птицы, то бѣлки, пры-гавшей съ дерева на дерево. И вотъ что-то зашумѣло, потомъ шорохъ замеръ и снова послышался все ближе. Ойвиндъ вскочилъ. Сердце въ немъ застучало, кровь ударила въ голову... Кустар-никъ съ трескомъ раздвинулся, и огромная, лохматая собака вы-сунулась оттуда, въ недоумѣніи остановилась, поднявъ переднюю лапу, и не двигалась; вслѣдъ за ней показалась и Маритъ съ непокрытой головой, какъ обыкновенно ходятъ дѣвушки въ ра-бочіе дни, въ полосатой, грубой безрукавкѣ съ отложнымъ полот-няянымъ воротникомъ вокругъ открытой бѣлой шеи. Неожиданно Маритъ зацѣпилась юбкой за сучокъ хворосту и, воспользовавшись этимъ, остановилась, чтобы овладѣть собой. Смущенно обдергивая на себѣ юбку и въ то же время улыбаясь, она взглянула на Ой-винда... Какъ ослѣпительно сверкали ея бѣлые зубы, какъ ласково свѣтились эти, полуприкрытые рѣсницами, милые глаза. Она рѣ-шилась и смѣло пошла къ нему, но краска стыда все ярче вспы-хивала на ея щекахъ.—Ойвиндъ подбѣжалъ на встрѣчу. Взглядъ ея потухъ: она смотрѣла въ землю...

— Спасибо тебѣ за письма, началъ онъ.

По лицу ея скользнула чуть замѣтная усмѣшка.

— Какъ ты выросъ... сказала Мàритъ, хотя вовсе не съ этого думала начать. Однако послѣ первыхъ словъ она почувствовала себя свободнѣе и весело улыбнулась. Ойвиндъ тоже улыбнулся. Наконецъ, они оба расхохотались.

Собака, видя, что дѣло затянулось надолго, улеглась надъ обрывомъ, свѣсила голову внизъ и занялась осмотромъ окрестностей.

Въ это время Торэ вытаскивалъ лодку на берегъ; случайно взглянулъ онъ вверхъ и, примѣтивъ на горѣ собачью морду, началъ ломать себѣ голову: что̀ бы это такое могло быть?

А между влюбленными мало по малу завязался оживленный разговоръ, и когда Ойвиндъ, увлекшись, опять сталъ глотать слова и спотыкаться, Мàритъ отъ души смѣялась надъ нимъ.

— Да,—видишь ты, — когда я веселъ, то я всегда таковъ: а когда мы помирились, то у меня словно гора съ плечъ свалилась

Она засмѣялась и сказала:

— Всѣ твои письма я знаю наизустъ.

— А я твои... Но только скажи мнѣ: почему онѣ такія коротенькія?

— Потому что ты хотѣлъ, чтобы они были подлиннѣе.

— Просто на просто потому, что ты увертывалась.

— А если ты, щука, востра, то лови меня съ хвоста, — сказалъ ершъ.

— Ну, а скажи, пожалуйста, какъ ты отдѣлалась отъ Іона Гатлэна?

— А я все смѣялась.

— Какъ такъ?

— Да очень просто: развѣ не знаешь, какъ люди смѣются?

— Смѣяться-то, конечно, всякій умѣетъ.

— А ну ка, засмѣйся!

— Ишь что выдумала!

Онъ взялъ ее за руки и хлопнулъ ими. Она лукаво посмотрѣла на него. Ойвиндъ почувствовалъ себя опутаннымъ тонкими сѣтями лѣсной чародѣйки, хотя и она также находилась теперь въ его власти... Вдругъ Мàритъ испуганно отскочила въ сторону. Собака зарычала и съ бѣшеннымъ лаемъ заметалась по краямъ обрыва. Ойвиндъ подошелъ къ ней узнать, въ чемъ дѣло.

Внизу, запустивъ обѣ руки въ карманы и съ трубкой въ зубахъ, стоялъ Торэ и смотрѣлъ вверхъ.

— А-а, и ты тамъ! Что это за песъ? закричалъ онъ сыну.

— Это... старика Нордистуэна...

— За какимъ же дьяволомъ онъ сюда попалъ?

Ойвиндъ окончательно растерялся; но въ это время къ нему выручку подоспѣла мать, крикнувъ въ окно.

— Да эта собака шляется здѣсь каждый день, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— Однако, кобель презлющій! глубокомысленно замѣтилъ Торэ вошелъ въ домъ.

Màритъ была спасена.

— Ну, на этотъ разъ сошло благополучно, — сказала она, свободно вздохнувъ.

— А ты боишься, что въ другой разъ хуже будетъ?

— Да, ужь за нами присматривать-то станутъ.

— Кто? твой дѣдъ?

— Ну, да. Однако, онъ ничего со мной не подѣлаетъ.

— Ты дашь мнѣ въ этомъ слово?

— Поклянусь!

— Màритъ, голубушка! Какая ты милая и хорошенькая вмѣстѣ тѣмъ!...

— Сказала лисица воронѣ и получила сыръ.

— Я тоже хочу сыру.

— Но ты его не получишь.

— Тогда я самъ его возьму!..

Но она быстро отклонила голову, и онъ ничего не получилъ.

— Какой ты сталъ требовательный, сказала она, украдкой слѣдя за всѣми его движеніями.

— Такъ ты мнѣ сыру не дашь? настаивалъ Ойвиндъ, расхрабрившись.

— Нѣтъ, не дамъ.

— Надо-же когда нибудь рѣшиться,—подумалъ онъ и обхватилъ за талію; но она опять увернулась, выскользнула у него изъ рукъ безъ оглядки пустилась по лѣсу до самой опушки, гдѣ Ойвиндъ догналъ ее.—Но лицо Màритъ приняло серьезное, даже строгое выраженіе, и рѣшимость Ойвинда поцѣловать ее—прошла.

— За опушку ты не выходи, а то дѣдушка можетъ замѣтить... Когда же мы опять встрѣтимся? сказала она, прощаясь.

— Завтра, завтра, милая Màритъ!

— Ну, значитъ, до завтра, прощай! и она побѣжала.

— Màритъ!—крикнулъ Ойвиндъ въ догонку.

Она остановилась.

— Послушай, развѣ это не удивительно, что наша первая встрѣча опять на горѣ?

— Да, это удивительно! и она снова побѣжала.

X.

Лѣтній день клонился къ вечеру; была сѣнокосная пора; женщины сгребали сѣно на лужайкѣ передъ домомъ, а мужчины укладывали его на сѣновалъ.

Вдругъ какой-то босоногій мальчишка карьеромъ подскочилъ къ Ойвинду и вручилъ ему записку.

— А ты, братъ, молодцемъ бѣгаешь, похвалилъ Ойвиндъ мальчика.

— Мнѣ заплатили, такъ надо постараться, отвѣтилъ мальчуганъ и, не дожидаясь отвѣта, скрылся.

Ойвиндъ прочелъ записку:

„Онъ теперь на дорогѣ. Бѣги въ лѣсъ и скройся.

Другъ.“

Ойвиндъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на дорогу. Черезъ нѣсколько времени на вершинѣ горы показалась фигура человѣка.— Торэ и жена его тоже обратили вниманіе на приближавшагося старика. Вскорѣ отецъ началъ улыбаться, а мать поблѣднѣла.

— Узнаёшь? спросила она.

— Конечно... трудно ошибиться.

Всѣ снова принялись за работу.

Точно тяжелый западный вѣтеръ, медленно подвигался къ нимъ плотный мужчина довольно высокаго роста; ноги его съ трудомъ передвигались; на головѣ старика, когда онъ снялъ свой картузъ, не оказалось ни одного волоска; лицо круглое, морщинистое, брови кустарникомъ, но во рту всѣ зубы цѣлы; его голосъ былъ рѣзокъ, крикливъ и дребезжалъ, съ особеннымъ удовольствіемъ растягивая букву „р“, если она попадалась.

Торэ и Ойвиндъ успѣли нѣсколько разъ прійти за сѣномъ отъ сѣновала, прежде чѣмъ старикъ подошелъ къ нимъ. Оба поняли, что Оле пришелъ не съ добрыми вѣстями, и имъ показалось ужасно смѣшнымъ, что онъ, сколько ни идетъ, никакъ не можетъ добраться до цѣли путешествія. Бываютъ такія смѣшливыя минуты, когда достаточно самаго ничтожнаго повода, чтобы вызвать ничѣмъ неудержимый смѣхъ, — даже если онъ сопряженъ съ опасностью. Такъ было и теперь. Въ началѣ отецъ и сынъ приготовились къ встрѣчѣ и состроили серьезныя физіономіи. Оле откашливался.

— Ишь, трубу себѣ прочищаетъ, сказалъ Торэ. Этого Ой-

инду было совершенно достаточно, чтобы расхохотаться. Онъ ткнулъ голову въ сѣно.

— Пойдемъ-ка лучше на сѣновалъ, шепнулъ Торэ, взялъ хапку сѣна и поскорѣе ушелъ, чтобы самому не разсмѣяться. Ойвиндъ тоже схватилъ комокъ сѣна и въ припадкѣ смѣха прижалъ къ отцу.

— Я не пойду къ нему, сказалъ Торэ: что я тамъ стану дѣлать?

— Тогда и я не пойду, объявилъ Ойвиндъ.

— Ступай, подталкивалъ Ойвинда отецъ.

— Нѣтъ, ступай ты впередъ.

Наконецъ, отряхнувъ платье, они оба вышли на встрѣчу гостю, который стоялъ у дверей дома, какъ будто что-то соображая. Въ одной рукѣ у него была палка и шапка, другою онъ отиралъ мокрый лобъ. Видя, что старикъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, Торэ рѣшился заговорить:

— Какъ это такіе старые люди пускаются въ дорогу? началъ онъ.

Оле обернулся, надѣлъ фуражку на голову и отвѣтилъ:

— Да, бываетъ иногда...

— Ты, вѣроятно, усталъ? Не хочешь ли войти въ домъ отдохнуть?

— Я могу и здѣсь отдохнуть, гдѣ стою: мое дѣло не займетъ много времени.—Человѣкъ позади тебя,—твой сынъ? началъ Оле своимъ скрипучимъ голосомъ.

— Говорятъ.

— Его зовутъ Ойвиндомъ?

— Зовутъ.

— Не былъ ли онъ на югѣ, въ земледѣльческой школѣ?

— Былъ.

— Дѣвушка—дочь моей дочери, Маритъ, недавно сошла съ ума.

— Очень жаль!

— Она не хочетъ выходить замужъ.

— Быть не можетъ!

— Да, не хочетъ ни за кого изъ тѣхъ, кто на ней сватается.

— Скажи пожалуйста!

— И во всемъ этомъ виноватъ твой сынъ.

— Вишь ты!

— Онъ вскружилъ ей голову... Да-да, вотъ этотъ самый, твой сынъ Ойвиндъ.

— Онъ у меня молодецъ!

— Я терпѣть не могу, если берутъ моихъ лошадей, когда онѣ пасутся въ горахъ; терпѣть не могу, если берутъ мою внучку во время танцевъ на вечеринкахъ, а если привязываются къ ней, тоже терпѣть этого не могу и ни за что не прощу, ни за что!

— Понятное дѣло...

— Не могу же я постоянно бѣгать за ней и слѣдить: я слишкомъ старъ...

— Охотно вѣрю.

— Видишь ты, все должно идти своимъ порядкомъ: здѣсь лежитъ молотокъ, тамъ—топоръ, тутъ—ножикъ, тамъ—чтобъ ноги вытирали, тутъ—плевали, да не здѣсь, передъ самой дверью, а тамъ, въ углу, и чтобъ нигдѣ больше не смѣли. Слѣдовательно, если я говорю ей: бери этого, а не того, и долженъ быть этотъ, а не тотъ. Вотъ что!

— Разумѣется.

— А у насъ, видишь ли, не такъ: три года она мнѣ противорѣчитъ; три года живемъ мы съ ней, какъ кошка съ собакой. А это нехорошо. И, такъ какъ онъ всему виною, то я ему и скажу въ присутствіи отца, что это нехорошо и что исторію эту надобно покончить.

— Непремѣнно.

Оле недовѣрчиво посмотрѣлъ на Торэ.

— Ты что-то коротко отвѣчаешь.

— Чего жъ размазывать? Какъ ни тяни, ничего не вытянешь.

Тутъ Ойвиндъ не выдержалъ и громко хихикнулъ, хотя на душѣ у него далеко не весело было. Засмѣявшись, онъ даже испугался своего смѣха.

— Ты надъ кѣмъ это смѣешься? рѣзко спросилъ Олэ.

— Ты меня спрашиваешь? сказалъ Ойвиндъ, чтобы въ промежутокъ времени придумать что нибудь въ свое оправданіе.

— Ты надо мной смѣешься?—повторилъ старикъ.

— Нѣтъ, избави Богъ...

Но его собственный отвѣтъ только возбудилъ въ немъ смѣшливость. Оле замѣтилъ это и пришелъ въ бѣшенство. Торэ и Ойвиндъ старались загладить свою вину радушными просьбами пойти въ домъ, но трехлѣтняя злоба старика противъ Ойвинда искала выхода. Оле больше не сдерживалъ накипѣвшаго въ немъ гнѣва.

— Ты, братъ, не думай надо мной смѣяться, потому что я правъ. Я забочусь о счастіи своей внучки такъ, какъ я его понимаю,—и смѣхъ такого, какъ ты, молокососа не удержитъ меня! Не для того мы воспитывали ее, чтобы она бросилась на шею

первому встрѣчному, и не для того работалъ я надъ хозяйствомъ сорокъ лѣтъ, чтобы отдать его первому болвану, который вскружитъ дѣвчонкѣ голову.—Моя дочь тоже.... вертѣлась, вертѣлась, пока не вышла замужъ за бродягу-музыканта, и оба умерли въ нищетѣ отъ пьянства; а я долженъ былъ уплатить ихъ долги да еще на придачу взять къ себѣ дѣвочку.—Но чортъ меня побери, если то же самое случится съ моей внучкой! Теперь ты понимаешь?—Скорѣе пасторъ повѣнчаетъ вѣдьму съ лѣшимъ, чѣмъ Маритъ съ тобою, — это также вѣрно, какъ то, что я—Оле Нордистуэнъ.—Или ты думаешь распугивать жениховъ?—Попробуй ка! Сунь ка свой носъ ко мнѣ!—слетишь съ горы, такъ что только пятки засверкаютъ.—Притворщикъ ты, обманщикъ! Ты думалъ, я ничего не знаю про васъ обоихъ? Вы вообразили себѣ, что старый Нордистуэнъ такъ сейчасъ и ляжетъ носомъ къ верху, а вы и повѣнчаетесь?—Какъ-бы не такъ!—Нѣтъ, голубчики, я уже прожилъ на своемъ вѣку 76 лѣтъ, да еще докажу тебѣ, что ты десять разъ успѣешь прокиснуть, прежде чѣмъ я помру. Вотъ оно какъ! Не видать тебѣ больше даже и кончика носа ея: я вышлю Маритъ изъ прихода туда, гдѣ она будетъ въ безопасности отъ твоихъ ухаживаній, а ты летай себѣ кругомъ, какъ ворона, да и вѣнчайся тогда съ дождемъ и вѣтромъ.—Вотъ тебѣ и весь мой сказъ!—Теперь твой отецъ знаетъ мои намѣренія и если онъ любитъ тебя, то пусть постарается дать тебѣ добрый совѣтъ; а въ моихъ владѣніяхъ нѣтъ мѣста для тебя,—такъ и знай напередъ.

Послѣ этого онъ удалился маленькими, скорыми шагами, причемъ на ходу поднималъ правую ногу выше лѣвой.

Недавніе шутки и смѣхъ замѣнились тяжелой, непріятной серьезностью. Мать, слышавшая всю сцену изъ полузатворенной кухонной двери, готова была заплакать отъ огорченія, но удерживалась, чтобы не разстроить сына.—Всѣ они молча вошли въ домъ.—Торэ сталъ у окна и наблюдалъ за удалявшимся Оле. Ойвиндъ слѣдилъ за выраженіемъ взгляда отца, такъ какъ его слово рѣшало судьбу сына и Маритъ. Ойвиндъ не сводилъ глазъ съ отца, притворившагося, что не замѣчаетъ его присутствія возлѣ себя. Ойвиндъ не рѣшался заговорить первымъ. Наконецъ, онъ разогналъ пугавшія его мысли и овладѣлъ собой именно въ то время, когда лобъ отца наморщился отъ мыслей. Рѣшительный моментъ наступилъ... Торэ поднялъ глаза и встрѣтился со взглядомъ сына.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты отказался отъ нея, проговорилъ отецъ:—клянчить намъ не приходится, а грозить мы и

станемъ. Но если ты не въ силахъ, то... скажи откровенно; быть можетъ, я помогу тебѣ.

Съ этими словами отецъ пошелъ на работу; Ойвиндъ послѣдовалъ за нимъ, обдумывая планъ будущихъ дѣйствій, который къ вечеру, повидимому, былъ готовъ: при помощи стараго учителя и директора земледѣльческаго училища, Ойвиндъ выхлопочетъ себѣ мѣсто окружнаго агронома.

— Лишь бы Мàритъ выдержала, а ужь я заработаю ее трудомъ!..

XI.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Былъ конецъ августа. Учитель вошелъ въ домъ на хуторѣ Нордистуэнъ, прошелъ цѣлый рядъ комнатъ и, наконецъ, во внутреннихъ комнатахъ засталъ самого Оле, занятаго разглядываньемъ своихъ рукъ. Учитель поздоровался съ хозяиномъ, пододвинулъ табуретъ и усѣлся противъ.

— Ты вѣдь просилъ меня къ себѣ?

— Просилъ.

Учитель заложилъ ногу за ногу, оглядѣлъ комнату, взялъ книгу съ полки и началъ ее перелистывать, въ ожиданіи изложенія просьбы къ нему.

— Что жъ тебѣ, собственно говоря, нужно?—потерялъ онъ наконецъ, терпѣніе.

— Вотъ объ этомъ-то я и думаю.

Учитель не мѣшалъ ему думать, вытащилъ изъ футляра очки, протеръ ихъ платкомъ и надѣлъ на носъ.

— Старѣть ты начинаешь, Оле, какъ бы всколзь замѣтилъ Бэрдъ.

— Да... вотъ именно объ этомъ я и хотѣлъ переговорить съ тобой. Что будешь дѣлать: время-то подъ гору бѣжитъ! Видно, скоро совсѣмъ закрою глаза...

— Ну, вотъ и надо устроиться, чтобы умереть спокойно.

Учитель закрылъ книгу и смотрѣлъ въ окно.

— Хорошая книга, вотъ что въ рукахъ у тебя? замѣтилъ Оле.

— Ничего себѣ. А ты далеко ушелъ отъ заглавія?

— Да... въ послѣднее время...

— Дѣла-то твои, кажись, не ладны?

— И ужь давно не ладны.

— Случилось и со мной то же самое. Поссорился я съ однимъ добрымъ человѣкомъ и все ожидалъ, что онъ первымъ придетъ

омириться, и я былъ очень несчастливъ; но потомъ мнѣ при-
ла въ голову мысль самому пойти къ нему, и съ тѣхъ поръ
се пошло у меня, какъ по маслу.

Оле только посмотрѣлъ на собесѣдника, но не сказалъ ни
лова.

— Ну, а съ хуторомъ дѣла твои каковы?

— Также плохи, какъ и я самъ.

— А къ кому онъ перейдетъ, когда тебя не станетъ?

— Вотъ объ этомъ-то я и думаю, это меня и безпокоитъ!

— А у твоихъ сосѣдей хозяйство идетъ превосходно...

— Нѣтъ ничего удивительнаго: у нихъ агрономъ.

— Ну, и тебѣ пусть агрономъ поможетъ, сказалъ учитель,
авнодушно глядя въ окно.

— У меня никого нѣтъ, кто бы сталъ мнѣ помогать.

— Да развѣ ты просилъ?

Оле промолчалъ на вопросъ, но потомъ сказалъ:

— У меня есть внучка. Она знаетъ, что могла бы порадо-
вать меня...

— Но, быть можетъ, ее бы это ничуть не порадовало?
улыбнулся учитель.

Они опять помолчали.

— Вообще, ты дѣйствительно озабоченъ; однако, насколько
я замѣтилъ, твоя озабоченность, главнымъ образомъ, сосредото-
чена на хуторѣ.

— Еще бы! Сколько вѣковъ наша фамилія владѣетъ этой
емлей! тихо вздохнулъ Оле:—и почва здѣсь хорошая; она об-
лита потомъ моихъ предковъ... а въ нынѣшнемъ году урожай
изъ рукъ вонъ плохъ! Потомъ же опять я не знаю, кто сюда
въѣдетъ, когда я выѣду, но изъ нашего рода хуторъ не дол-
женъ переходить ни въ чьи руки.

— Твоя внучка продлитъ родъ.

— Да... но какъ будетъ хозяйничать тотъ, кого возьметъ
она въ мужья? Вотъ объ этомъ-то я и думаю и хотѣлъ бы знать,
прежде чѣмъ положатъ меня въ могилу: это дѣло спѣшное.

Опять наступило молчаніе.

— Пойдемъ прогуляемся, сказалъ учитель, заодно и ху-
торъ осмотримъ.

— Ладно! мнѣ кстати надо взглянуть на работниковъ. Ну,
какъ и народъ, я тебѣ доложу! Только не стой надъ ними съ
палкой въ рукахъ, такъ и за дѣло не примутся... Неохотно
люди работаютъ у меня,—добавилъ онъ, прихрамывая по ком-
натамъ въ поискахъ за шапкой и палкой:—быть можетъ, оттого,

что въ хозяйствѣ я ни бельмеса не понимаю. Вотъ посмотри, въ какомъ все безпорядкѣ, жаловался старикъ, когда они завернули за уголъ дома:—дрова разбросаны, топоръ на землѣ валяется...—Эхъ! Онъ наклонился, поднялъ его и врубилъ въ колоду.—А тамъ вонъ ведро свалилось... ну, что бы, кажется, повѣсить на мѣсто?—онъ поднялъ его и повѣсилъ. Здѣсь у меня кладовая. Вишь, лѣстницу какъ поставили, такъ она и стоитъ. Онъ понесъ и лѣстницу.—И вотъ всегда такъ!

Поле, по которому они проходили, было крайне плохо обработано. Учитель замѣтилъ это.

— У меня силъ не хватаетъ самому слѣдить за всѣмъ. Вотъ что значитъ наемный трудъ безъ надзора: мнѣ даже больно смотрѣть на такую пашню!

Они поднялись на гору. Отсюда открывался видъ на весь хуторъ.

— И я, и всѣ мои родные сколько убили здѣсь труда, изъ-за чего, спрашивается? продолжалъ Оле, растроганный до слезъ:—чтобы не оставить по себѣ даже слѣда!..

Онъ присѣлъ подъ деревомъ и въ отчаяніи закрылъ лицо руками.

— Нѣтъ, намъ надобно обстоятельно переговорить обо всемъ, сказалъ учитель, садясь рядомъ.

Въ это время Ойвиндъ только что возвратился съ объѣзда округа, по обязанности правительственнаго агронома. Почтовая телѣжка еще стояли у воротъ, и лошади отдыхали. Онъ переодѣлся и собирался вмѣстѣ съ отцомъ прогуляться, какъ вдругъ, запыхавшись, въ комнаты вбѣжала мать со словами:

— Посмотрите, кто къ намъ въ гости идетъ!

Мужчины подбѣжали къ окну и вскрикнули отъ изумленія:

— Это учитель! и .. неужели?.. Нѣтъ, быть не можетъ! Да, это онъ!

— Да, это старый Оле Нордистуэнъ,—подтвердилъ Тора, отходя отъ окна, чтобы не быть замѣченнымъ, такъ какъ гости были уже совсѣмъ близко.

Они взошли на крыльцо и остановились въ коридорѣ. Мать забилась въ уголъ, гдѣ стояли горшки съ молокомъ. Ойвиндъ прислонился къ столу, а отецъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ.

Наконецъ, въ комнату вошелъ учитель, а за нимъ Оле, обернувшись, чтобы затворить за собою дверь. Всѣ его движенія были чрезвычайно медленны: очевидно, онъ былъ смущенъ.

Хозяинъ поднялся гостямъ на встрѣчу и пригласилъ ихъ сѣсть. Они помѣстились у окна.

Учитель началъ разговоръ:

— Какая прелестная погода!

— Да, въ послѣднее время погода стала лучше, подтвердилъ Торэ,—и если вѣтеръ не перемѣнится, то вёдро долго простоитъ. А что вы тамъ на горахъ еще не покончили съ уборкою хлѣба?

— Нѣтъ... вотъ Оле Нордистуэнъ,—котораго ты знаешь, Ойвиндъ,—хотѣлъ бы просить твоей помощи, если тебѣ ничто не мѣшаетъ.

— Отчего же, съ удовольствіемъ, насколько могу!..

— Впрочемъ, онъ не нуждается въ единовременномъ пособіи; онъ, вообще, говоритъ, что на хуторѣ дѣла его плохи: ему нужны постоянный надзоръ и дѣятельность свѣжаго человѣка.

— Къ сожалѣнію, у меня такъ мало свободнаго времени, что я не могу этого обѣщать.

Учитель выразительно посмотрѣлъ на Оле, который понялъ, что теперь и ему пора идти въ огонь. Онъ прочистилъ горло и началъ коротко, отрывисто:

— Я думалъ... да!.. что вмѣстѣ съ тѣмъ должны установиться... болѣе твердыя отношенія между нами. Ты долженъ быть у насъ... какъ дома... гм!.. быть всегда, когда ты не въ отъѣздѣ.

— Благодарю; но мнѣ не хотѣлось бы мѣнять мѣсто жительства.

Оле подмигнулъ учителю и тотъ снова началъ:

— Кажется, старикъ неясно выражается. Дѣло вотъ въ чемъ: воспоминаніе о прошломъ—ну, тогда, помнишь? стѣсняетъ...

— Это вѣрно,—вставилъ Оле:—я тогда былъ просто... какъ сумашедшій: моя внучка такъ вытянула мнѣ жилы, что я не помнилъ себя... Но теперь забудьте... все старое... Не снѣгъ кроетъ хлѣбъ, а вѣтеръ; не дождь подмываетъ камень; не громъ пугаетъ людей въ грозу...—Учитель пояснилъ одной фразой всѣ эти метафоры:

— Оле хочетъ сказать, что вы не должны больше вспоминать о старомъ.

Оле посмотрѣлъ на нихъ и не зналъ, продолжать ли ему дальше; но Торэ поспѣшилъ замѣтить:

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Ободренный этими словами, старикъ началъ оправдываться:

— Вѣдь я тогда не зналъ твоего сына. Теперь я и самъ вижу, что тамъ только и трава ростетъ, гдѣ онъ пройдетъ; у него золотыя руки, и я хотѣлъ бы назвать его своимъ...

Всѣ взглянули на Ойвинда.

Учитель опять заговорилъ:

— Хуторъ у Оле большой.

— Да, у меня хуторъ большой, но плохо обработанъ; а я старъ, и ноги не выполняютъ распоряженій головы. Но маю, что если бы приложить молодыя силы, то труды возн дились-бы.

— Да, это самый большой хуторъ въ приходѣ, зам учитель.

— Самый большой, да... Но какъ разъ въ этомъ-то и стье: не по ногамъ сапоги навѣрно потеряешь въ грязи.— томъ, обратясь къ Ойвинду, онъ прибавилъ:—Ну, такъ чт могъ бы ты взяться за это дѣло?

— Значитъ, я долженъ управлять твоимъ имѣніемъ?

— Нѣтъ, оно должно быть твоимъ.

— Какъ же это?

— Именно... а потомъ ты ужь управляй имъ. Развѣ ты н чешь?

— Конечно, хочу!

— Ну, значитъ, по рукамъ?

— Но только...

Оле съ удивленіемъ посмотрѣлъ на учителя.

— Ойвиндъ хочетъ спросить, получитъ ли онъ также ритъ.

— Понятно, Маритъ идетъ въ придачу къ хутору, з чалъ Оле.

Лицо Ойвинда сіяло счастьемъ; онъ въ восторгѣ прыга комнатѣ и, при общемъ хохотѣ, повторялъ:

— Маритъ идетъ въ придачу къ хутору!

Торэ смѣялся на весь домъ, а мать даже плакала от дости.

Нахохотавшись вволю, Оле спросилъ Ойвинда:

— А что ты скажешь про хуторъ?

— Земля—первый сортъ и пастбища чудныя.

— А! значитъ не все еще пропало? Изъ хутора можно что сдѣлать?..

— Не только кое-что, а нашъ хуторъ будетъ лучшимъ в ломъ округѣ.

— Лучшимъ?.. Право?.. Ты не шутишь?

— Не сойти мнѣ съ этого мѣста!

— А развѣ не я всегда это говорилъ?

Потомъ они оба кричали, перебивали другъ друга, см лись, спорили.

— Да, но деньги—главное, понимаешь ты? кричалъ Оле,—а меня-то ихъ и нѣтъ!

— Ну, что жъ дѣлать? Положимъ, безъ денегъ работа затянется, но все таки пойдетъ.

— А пойдетъ таки?

— Конечно.

— Но ты вѣдь и самъ говоришь, что съ деньгами скорѣе?

— Гораздо скорѣе.

— Ишь ты... въ томъ-то и сила! Эхъ, еслибы у насъ и деньги были! Ну, да что дѣлать: не у всѣхъ во рту зубы цѣлы, а жуютъ же; иной разъ и на волахъ поѣдешь, коли понадобится.

Мать подмигнула Торэ, который изподтишка поглядывалъ на нее, ёрзая на мѣстѣ и потирая руками колѣни. Онъ пытался заговорить, но Оле съ Ойвиндомъ подняли такой шумъ по поводу обработки хутора, что хоть изъ дому вонъ бѣги.

— Да погодите же хоть на минуту! перекричалъ ихъ учитель: Торэ хочетъ сообщить намъ что-то.

Говорившіе замолчали наконецъ, а Торэ началъ почти шопотомъ:

— Къ нашему клочку земли всегда принадлежала одна мельница. Потомъ ихъ стало двѣ. Онѣ принесли маленькій доходецъ, и денегъ мы не тратили понапрасну. Учитель распоряжался капиталомъ и процентами съ него платилъ за воспитаніе Ойвинда. Ну, вотъ и берите эти деньги и положите ихъ въ Нордистуэнъ,— закончилъ Торэ, сохраняя свой всегдашній сосредоточенно-холодный видъ. Оле сидѣлъ, разинувъ ротъ. Ойвиндъ подошелъ къ отцу и, хлопнувъ его по плечу, сказалъ:

— Такъ у тебя есть деньги, дружище!

— А какъ ты думаешь, много ль у него можетъ быть денегъ? шепнулъ Оле на ухо учителю.

— Думаю, порядочно найдется...

— Нѣсколько сотъ талеровъ?

— Ну, нѣтъ, хватай повыше!

— Что ты!.. повыше... слышишь, Ойвиндъ? Хватай повыше! Помилуй Богъ, какой у насъ хуторъ будетъ! Онъ вскочилъ и хохоталъ, прихрамывая по комнатѣ.

— Сейчасъ же ѣдемъ всѣ къ Маритъ! Живо! кричалъ Ойвиндъ, стараясь угомонить расходившагося старика, который весело подсмѣивался надъ нетерпѣніемъ жениха:

— Смотри ка: „живо“! Вишь какой прыткій! Точь въ точь, какъ я лѣтъ 50 тому назадъ.

— Вотъ твой картузъ и палка, только, пожалуйста, скорѣе... Видишь, теперь я тебя выгоняю.

— Ты меня выгоняешь? Но зато и ты со мною вмѣстѣ выгоняешься,—не правда ли? оба вмѣстѣ!.. А вы тоже приходите сейчасъ,—обратился онъ къ остающимся: посидимъ вечерокъ, покалякаемъ. Смотрите же!..

Оле долго бы еще толковалъ, но Ойвиндъ посадилъ его въ телѣжку и бѣшено полетѣлъ въ Нордистуэнъ. Когда они подъѣхали къ хутору, то не только большая лохматая собака и до смерти перепуганный цыпленокъ, чуть не попавшій подъ колесо, съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ, но и другіе домочадцы таращили глаза.

Пока Ойвиндъ выгружалъ Оле изъ телѣжки, Мàритъ, заслышавъ лай собакъ, выбѣжала на крыльцо. Замѣтивъ Ойвинда вмѣстѣ съ дѣдушкой, она покраснѣла и скрылась въ комнатахъ. Но старикъ, войдя въ домъ, окликнулъ ее такимъ громовымъ голосомъ, что она немедленно явилась на зовъ.

— Ступай и пріодѣнься, съ торжественною важностью проговорилъ онъ:—вотъ человѣкъ, который получаетъ хуторъ.

— Неужели! радостно вскрикнула она.

— Да правда же, говорятъ тебѣ! закричалъ Ойвиндъ.

При этихъ словахъ, Мàритъ швырнула на полъ что-то, бывшее у ней въ рукахъ, и опрометью пустилась бѣжать, а Ойвиндъ вслѣдъ за ней.

Вскорѣ пришли учитель и Торэ съ женой.

Старикъ зажегъ всѣ имѣвшіяся въ домѣ лампы, приказалъ накрыть столъ, принести вина и пива—и все пошло своимъ порядкомъ.

Конецъ.

РАБСТВО „СВОБОДНАГО ТРУДА".

II.

Мобилизація земли. Обезземеленіе крестьянъ.

Производство льна, высокія арендныя цѣны, тѣснота въ нѣкоторыхъ волостяхъ, вырабатывающійся взглядъ на землю, какъ на товаръ, которымъ можно торговать; множество земель «отрѣзныхъ», т. е. такихъ, которыми крестьяне владѣли до освобожденія, и отошедшихъ, по уставнымъ грамотамъ, во владѣніе помѣщика; необходимые покосы, выгоны и пр., подходящіе подъ самыя усадьбы: все это создаетъ въ опочецкомъ уѣздѣ довольно значительную земельную мобилизацію, могущую повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Конечно, если покупаютъ землю крестьяне, можно только благословлять это явленіе; но, къ сожалѣнію, купцы и ростовщики врываются въ эту сферу съ своими хищническими инстинктами, о чемъ будетъ сказано ниже.

По свѣдѣніямъ, добытымъ мною изъ псковской казенной палаты, за 5 лѣтъ съ 1880 по 1885 г., 259 крестьянъ купили 8,033 десятины. Этими цифрами, конечно, далеко не исчерпывается мобилизація, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ только о крестьянахъ. Но даже въ такомъ видѣ свѣдѣнія эти кажутся неполными. Въ нашемъ распоряженіи имѣется совершенно полный матеріалъ о покупкахъ земель членами товарищества за послѣднія 10 лѣтъ; къ сожалѣнію, нѣтъ возможности разбить покупки по годамъ, а потому приведемъ общія цифры. Было 164 покупки, въ нихъ приняло участіе 716 семей, имѣвшихъ 6,500 д. надѣльной земли; купили они 11,710 д., едва не вдвое болѣе надѣльной; долгъ товариществу, въ данное время, на этой землѣ—около 108 т. р. Такъ какъ эти данныя совершенно точны, ибо у насъ имѣются поименные списки всѣхъ покупателей съ подробными инвентарными свѣдѣніями о каждомъ, то нужно думать, что цифры казенной палаты неполны. За 5 близкихъ къ намъ лѣтъ, когда мобилизація усилилась, по свѣдѣніямъ палаты, куплено 259 крестьянами около 8 т. десятинъ, тогда какъ по моимъ даннымъ за 10 лѣтъ (причемъ 4 года, до 1880 г., покупки были слабѣе) одни члены товарищества (716 семьей) купили около 12 т. д. Нельзя же допустить,

что всѣ покупки совершались при помощи товарищества: этого не могло быть, что̀ подтверждается слѣдующимъ: по палатскимъ свѣдѣніямъ, средняя величина купленнаго участка—30 д., по моимъ же—почти въ половину менѣе,—16 д. Это доказываетъ, что въ уѣздѣ были крупныя земельныя покупки крестьянами, *свыдьній* о которыхъ, разумѣется, нѣтъ въ товариществѣ, не могущемъ давать большихъ ссудъ крупнымъ кулакамъ, не состоящимъ и членами. Всматриваясь детально въ цифры казенной палаты, мы, дѣйствительно, видимъ такія покупки: по красногородской волости 4 покупателя купили 438 д. (по 109½ д. на каждаго), по ежинской—7 купили 1129 д. (т е. по 160 д.), по покровской—4 купили 831 д. (по 208 д.), а по старицкой—4 купили 1544 д. (т. е. по 386 д.). Покупки же членовъ товарищества болѣе мелкія: изъ 164 покупокъ только въ двухъ случаяхъ средній размѣръ превзошелъ 100 д. Такъ, въ деревнѣ Александрово, покровской волости, 2 купили 209 д. (по 104½ д.) и въ д. Вашково 5 крестьянъ купили 599 д., хотя и этотъ размѣръ слишкомъ высокъ для средняго хозяина.

Отрицательная сторона земельныхъ покупокъ—покупки не всѣмъ обществомъ, не общиной; обыкновенно покупаютъ 5-10 человѣкъ; эта земля, конечно, становится уже пустошной, и мужикъ привыкаетъ смотрѣть на нее, какъ на часть своей собственности, а съ этимъ вмѣстѣ земля, дѣйствительно, становится товаромъ: ее закладываютъ, перепродаютъ; она идетъ на аукціоны, становится ходячей монетою. Задолжалъ крестьянинъ по векселю, не уплатилъ въ срокъ, является исполнительный листъ—и прежде всего, конечно, описывается пустошь.

Пріятно наблюдать крестьянъ, рѣшившихъ купить землю; подобныя группы производятъ съ перваго взгляда особенное впечатлѣніе. Они держатся непремѣнно вмѣстѣ и какъ-то торжественно и сосредоточенно, словно собираются совершить что-то важное, необыкновенное, словомъ, никогда мужикъ такъ не священнодѣйствуетъ, какъ при покупкѣ земли. Въ то же время радость и желаніе подѣлиться съ каждымъ своимъ счастьемъ такъ сильны въ нихъ, что они, словно дѣти, должны употребить значительныя усилія, дабы не говорить всѣмъ вмѣстѣ, причемъ одинъ другаго останавливаетъ, поправляетъ, наконецъ, рѣшаютъ: «говори, Степанъ, ты, а всѣмъ молчать», но и этотъ уговоръ постоянно нарушается. Каждому кажется, что тотъ невѣрно передалъ такую-то подробность, которую онъ знаетъ лучше, и непремѣнно старается разсказать по своему, но и тутъ отыщется другой и третій, которымъ также извѣстны подробности и которые передаютъ ихъ нѣсколько иначе: одинъ говоритъ, что безъименный ручеекъ дѣлаетъ колѣно у 3 березъ, а другой доподлинно знаетъ, что это колѣно у елей.—и пошелъ споръ, а ихъ уже никто не слушаетъ, и говоръ идетъ дальше.

Дорого, ребята, даете, говоримъ мы.

— А что жь дѣлать, коли намъ безъ нея матъ: подъ самые огороды подошла... курица выскочитъ, такъ и то плати штрафъ.

— Да и земля, говорятъ, не добрая...

— Ничего! къ своему надѣлу и выгонъ, и хворостинка своя. А эту самую землю, если упустимъ, заколупнетъ купецъ—житья не будетъ: онъ этими штрафами изведетъ насъ.

— Отчего не покупаете всей деревней?

— Не заставишь. Иному не нужно,—своей много, другому платить нечѣмъ, самъ не хочетъ.

— При покупкѣ плохо будете платить поруки, глядите! говоритъ Н. А. Пленъ.

— Не будетъ платить, съ земли спихнемъ, отвѣчаютъ болѣе степенные.

— Если продадите или заложите хоть одну десятину, разореніе: влѣзетъ чужой, и пропали вы,—догматически поучаетъ П. А.

— Не влѣзетъ, будь покоенъ.... мы не такіе! говорятъ всѣ разомъ.

Сговорившись купить землю, крестьяне непремѣнно приходятъ къ П. А. Плену посовѣтоваться и спросить, могутъ ли они разсчитывать на извѣстную ссуду, причемъ торгуются, упрашиваютъ; не-члены просятся въ члены, и ихъ принимаютъ немедленно, понимая, какъ важно для мужика купить нужную землю и какъ опасно упустить ее.

Вообще, нельзя не признать: товарищество оказало серьезную услугу населенію, придя во время на помощь въ покупкѣ земель,—большею частью, отрѣзовъ, на которые столь падки деревенскіе хищники. Заслугу эту нельзя цѣнить количествомъ десятинъ, хотя 12 т д. цифра довольно значительная. Важнѣе вотъ что: землю можно покупать тогда, когда она продается, а относительно смежныхъ земель, если не купишь, когда продается,—затѣмъ не пріобрѣтешь ни за какую сумму, а выбора не можетъ быть. «Это не корова» говорятъ крестьяне. Поэтому, еслибы земля не была удержана за крестьянами, она попала бы въ руки ростовщиковъ, у которыхъ изъять ее уже невозможно, ибо покупаютъ они смежную, черезполосную и отрѣзную землю въ видахъ закабаленія народа. Однако эта услуга, совершенно необходимая для крестьянъ, слишкомъ дорога: платить съ накладными расходами до 14% съ земли, въ большинствѣ не приносящей непосредственнаго дохода, чрезвычайно тяжело. Товарищество въ этомъ не виновато, само добывая деньги за 10%; тѣмъ не менѣе крестьянамъ отъ этого не легче, и, сколько я могъ замѣтить, покупщики земли—самые неисправные плательщики, вслѣдствіе чего и платятъ, вмѣсто 12,—14 и даже 15%, доказывая тѣмъ тягость роста. Спасти ихъ отъ этой петли можетъ государство въ лицѣ крестьянскаго банка, открытаго въ псковской губерніи. Товарищество исполнило свою задачу, а докончить ее должно государство, взявъ въ залогъ эти земли и переведя долги товариществу въ крестьянскій банкъ, или посредствомъ

какой иной операціи. Только этимъ и можно спасти 716 семей, т. е. нѣсколько тысячъ человѣкъ, отъ конечнаго разоренія и сдѣлать изъ нихъ солидарную платежную силу, облегчивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и товарищество отъ наиболѣе неисправныхъ плательщиковъ. Можно не сомнѣваться, что крестьянскій банкъ придетъ на помощь въ столь серьезномъ дѣлѣ.

Ростовщики проявляютъ склонность покупать земли, особенно отрѣзы крестьянскихъ земель. Настоящаго хозяйства они, впрочемъ, никогда не ведутъ, и если производятъ посѣвы и косятъ луга, то все даровымъ трудомъ должниковъ. Главная цѣль при этомъ одна — закабаленіе народа. Не можетъ быть сомнѣнія, что не помоги своевременно товариществу крестьянамъ въ покупкѣ отрѣзовъ, всѣ они очутились бы въ рукахъ кулаковъ, за что ручаются слѣдующіе краснорѣчивые факты: самые свирѣпыя хищники, Утретскій и Подюшинскій успѣли скупить—первый до 50 пустошей, второй болѣе 30.

Въ послѣдніе годы купцы, узнавъ, что можно покупать крестьянскія выкупленныя земли, горячо устремились въ эту сторону и всѣ силы употребляютъ, чтобы уговорить, подбить крестьянъ на продажу земли: это вопросъ, заслуживающій высокаго вниманія, ибо въ опочецкомъ уѣздѣ экономическій «прогрессъ» идетъ быстрѣе, нежели въ остальной Россіи, и нельзя сомнѣваться, что обезземеленіе крестьянъ совершится здѣсь въ недалекомъ будущемъ.

Обыкновенно, намѣтивъ объектъ своей алчности, ростовщикъ щедро раздаетъ крестьянамъ деньги; иногда, говорятъ, чуть не силой пихаетъ въ карманы, разумѣется, подъ векселя. Забравъ, такимъ образомъ, своихъ жертвъ въ руки, онъ требуетъ,—подобно тому, какъ мы видѣли въ примѣрѣ Николая Сергѣева, — закладную на землю, увѣряя, что это такъ нужно по закону, что землю никто у нихъ не отниметъ, и, при первой оплошности крестьянъ, не понимающихъ и не знающихъ юридическихъ формальностей, земля продается съ аукціона. Разумѣется, надѣльную землю купецъ убѣждаетъ сначала выкупить. Въ иныхъ же случаяхъ, ростовщикъ прямо уговариваетъ крестьянъ продать по хорошей цѣнѣ земли и переселиться въ другой уѣздъ на дешевыя земли. Возьмемъ примѣры.

Въ деревнѣ Грязново четыре довольно зажиточныя семьи выкупили свои земли, около 80 д. Кулаки уже стерегли ихъ и совали деньги:— бери, сколько хочешь. Опутавъ деревню, потребовали закладную, и въ ноябрѣ 1885 г. земля продана съ аукціона. Говорятъ, были представлены ко взысканію и оплаченные векселя. Деревня обезземелена, разорена, зажиточныя семьи кое-какъ перебиваются, судятся; въ близкомъ будущемъ одни члены семей станутъ батраками, другіе будутъ питаться Христовымъ именемъ.

Небольшая деревенька Глазаново, имѣя 71 десятину хорошей выкупленной земли, съ порядочнымъ лѣскомъ въ мѣстности, гдѣ дрова стоятъ

8 р. сажень, жила припѣваючи. У каждаго полное хозяйство, по 2 избы, много построекъ, скота. Это ли не жизнь! Но силенъ искуситель, явившійся къ нимъ въ лицѣ крупнаго хищника Б—лова.—«Что вамъ тѣсниться здѣсь? Я дамъ за землю столько денегъ, что въ сосѣднемъ уѣздѣ купите втрое больше.» Онъ предложилъ 4,600 р., цѣну дѣйствительно хорошую, и соблазнилъ «малыхъ сихъ». Пошли искать счастья, продавъ земли прошлой зимой. По бывшимъ уже примѣрамъ, можно предвидѣть ихъ участь: часть денегъ, — быть можетъ, бо̀льшая,—уйдетъ незамѣтно при поискахъ счастья; землю, если и купятъ, то, не имѣя инвентаря и при разныхъ случайностяхъ, задолжаютъ, и она будетъ продана въ недалекомъ будущемъ. Счастливыя семьи станутъ батраками новыхъ помѣщиковъ. Хуже всего то, что потерпятъ отъ подобной продажи не одни легкомысленные искатели счастья. Б—ловъ зналъ, что̀ дѣлалъ. Онъ «заперъ» общіе съ другими деревнями выгоны и запретилъ выгонять скотъ. И не успѣла пройти первая весна послѣ покупки, какъ 5 сосѣднихъ деревень уже сильно жалуются на притѣсненія, штрафы и пр. Года два помучаются, а затѣмъ станутъ крѣпостными Б—лова.

Лѣтомъ 1886 г. два хищника сильно искушали деревню Александрова Слобода, велейской волости. Десять домохозяевъ владѣютъ 234 д. хорошей земли, на прекрасномъ мѣстѣ, недалеко отъ большаго села Велья. Хозяйство исправное, живутъ хорошо. Б—ловъ и К—вскій на перебой сбиваютъ крестьянъ и набавляютъ цѣну.

Надавали 25 т.—весьма хорошая цѣна. Крестьяне сбиты: они уже рѣшили продать, расходятся пока въ цѣнѣ, просятъ 30 т. «Голова кружится отъ пропасти денегъ», говорятъ крестьяне, и, слышно, одна сторона набавляетъ, другая уступаетъ. Не смотря на противодѣйствіе товарищества, въ настоящее время земля, вѣроятно, уже продана, и крестьяне также станутъ искать счастья. Меня, между прочимъ, заинтересовало, почему такъ настойчиво добиваются этой земли хищники и даютъ такую высокую цѣну. Но стоило только взглянуть на планъ, чтобы открыть ларчикъ. Земля состоитъ изъ 3 кусковъ, причемъ главный представляетъ изъ себя чрезвычайно неправильную фигуру: узкую, длинную, искривленную, острыми клиньями врывающуюся со всѣхъ сторонъ въ сосѣднія земли. Для кулака, это—кладъ. Крѣпко онъ засядетъ здѣсь, заплететъ такую паутину, что ни одна жертва не ускользнетъ, и чрезъ два-три года всѣ деревни, не менѣе 10, за удовольствіе жить съ такимъ сосѣдомъ, очутятся крѣпостными «чумазаго помѣщика» Б—лова или К—вскаго. Такая же операція не безуспѣшно ведется и въ другихъ деревняхъ, по какимъ либо причинамъ привлекающихъ ростовщичій глазъ.

Деревни Мокрово, Васили и др. поставили приговоръ продать свои земли. Семь десятинъ уже Мокрово продало Б—лову въ 1886 году.

Но особенно поучительна и зловѣща слѣдующая исторія. Въ выписи

изъ актовой книги псковскаго старшаго нотаріуса читаемъ: «1870 г. іюня 20.... совершена эта данная крестьянамъ Псковской губерніи Опочецкаго уѣзда Красногородской волости, селеній: Манчихино, Котки тожъ, въ числѣ 10, Савино—13, Верхнихъ Куртинъ—19, Бильдяево—8, Перепечино—13 и Нижнихъ Куртинъ—21 ревизскихъ мужскаго пола душъ, на пріобрѣтенныя ими, посредствомъ безусловнаго дара, отъ бывшей ихъ владѣлицы, графини Анны Михайловны Олсуфьевой, въ свою общественную собственность отведенныя имъ, по уставнымъ грамотамъ, усадебныя земли и полевыя угодія, а именно: *) с. Манчихино: усадебной около 1 д., пашни около 41 д., сѣнокоса около 8 д., дровянаго лѣса менѣе 1 д., а всего около 51 д.; Савино: усадебной земли болѣе 1 д., пашни болѣе 47 д., сѣнокоса съ кустарникомъ $16^1/_2$ и неудобной около 2 д., а всего $66^1/_2$ д.; Бильдяево: усадебной $^2/_3$ д., пашни 32 д., сѣнокоса съ кустарникомъ $7^1/_3$ д. и неудобной $1^1/_2$ д., а всего 41 д.; Перепечино—усадебной 2 д., пашни $39^1/_2$ д., сѣнокоса $10^1/_2$ д., сосноваго лѣса $11^1/_3$ д., дровянаго лѣса 2 д. и неудобной 3 д., а всего 68 д.; Верхнія Куртины—усадебной 2 д., пашни 54 д., сѣнокоса $^1/_4$ д., сосноваго лѣса 39 д. и неудобной 6 д., а всего $101^1/_2$ д. и Нижнія Куртины—усадебной 2 д., пашни 47 д., сѣнокоса $7^1/_2$ д., сосноваго лѣса 35 д., дровянаго лиственнаго лѣса 30 д. и неудобной 2 д., а всего около 108 д. со всѣми, на сей землѣ находящимися, строеніями и всѣми ея принадлежностями при обозначеніи оныхъ на планахъ».

1880 г., мая 22, деревни были введены во владѣніе. Казалось бы, въ виду великодушія гр. А. М. Олсуфьевой, крестьяне должны зажить припѣваючи, возсылая мольбы за виновницу своего счастья. Не тутъ-то было. Злая сила рѣшила затмить свѣтлое, истинно-христіанское дѣло и омрачить радостное ликованіе. Только что д. Бильдяево была введена во владѣніе, едва ли не въ тотъ же день, къ крестьянамъ подъѣхалъ сльстивыми, хитрыми рѣчами Подмошинскій. Собравъ всѣхъ домохозяевъ, эта сладкогласная сирена запѣла, уснащая свою рѣчь священнымъ писаніемъ и обильнымъ угощеніемъ водкой.

— Вотъ, братія, графиня дала вамъ безусловную дарственную на землю; благочестивая она барыня, и вы должны вѣчно возсылать молитвы за свою благодѣтельницу. Закажите икону во имя преподобной Анны въ храмъ Божій и зажгите неугасимую лампаду... (Мы послѣ поговоримъ объ этомъ: Подмошинскій замѣчательно религіозный человѣкъ).

Умиленные слушатели крестились, вздыхали; у нѣкоторыхъ, по словамъ самихъ креттьянъ, потекли радостныя слезы благодарности.

— А знаете ли, братія, что̀ значитъ безусловный даръ? продолжалъ

*) Беру круглыя цифры.

Подмошинскій: чтобы воспользоваться благодѣяніемъ, вы должны понимать это ясно. Земля принадлежитъ вамъ въ собственность, все равно какъ господамъ: выкупныя вы не платите и хоть сейчасъ, коли пожелаете, такъ можете распорядиться ею и продать имѣете право. Послѣднее и озадачило, и оттолкнуло крестьянъ; нѣкоторые энергично заговорили.

— Вишь, что сказалъ, продать! Слава Богу, дождались этакой милости отъ барыни, да и продать! Нешто мы бараны! Нѣтъ, братъ, шалишь!... Землю продать, какъ это можно!

— Постойте, други, выслушайте меня, можетъ, увидите, что я дѣло говорю и не худа вамъ желаю. Господь велѣлъ людямъ добро дѣлать: «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя», сказалъ онъ. Гласъ Божій послалъ меня къ вамъ исполнить его велѣніе,—смиренно продолжалъ, крестясь и возводя глаза къ небу, Подмошинскій: графиня доброе христіанское дѣло сдѣлала, но это не все, это полъ-дѣла. Я вамъ хочу помочь до конца сдѣлать. Подумайте теперь, пока вамъ можно жить, а подростутъ дѣтишки, простору не будетъ, тѣсненько станетъ, куда имъ дѣться!

— Что же намъ дѣлать?

— А вотъ смекните сами: вамъ дадутъ за землю теперь по 100 р. и болѣе, а въ великолуцкомъ или невельскомъ уѣздахъ пока на просторѣ еще можно купить за 20—25 р. десятину; значитъ, на одну десятину можно купить 4, а то и всѣ 5.

— Отойди ты, окаянный искуситель! не вытерпѣлъ Дмитрій Ефимовъ: ишь, морочитъ! Продай землю, размотай деньги, да иди къ нему въ батраки!—съ сердцемъ сказалъ онъ, сплюнулъ и вышелъ, крестясь и повторяя: избави насъ отъ лукаваго...

Это справедливое негодованіе заставило крестьянъ на минуту задуматься, но искуситель не потерялся.

— Что же? это ваше дѣло. Я васъ не заставляю и не имѣю права заставлять, да и земля мнѣ не нужна: слава Богу, своей довольно, а только, по добротѣ, христіанское дѣло хочу сдѣлать, Богу, значитъ, угодить,—перекрестился, какъ бы въ доказательство правоты своей, обидѣвшійся Дмитрій Ивановичъ. А вы, какъ знаете, такъ и поступайте: господъ надъ вами теперь, слава Богу, нѣтъ—сами господа. Дмитрій Ефимовъ вѣрно сказалъ, что деньги можно спустить. Только зачѣмъ же? Вы не дѣти, дѣлайте осторожно, какъ слѣдуетъ. Вы землю не продавайте, а прежде высмотрите себѣ подходящую, хорошую, чтобы и лужокъ, и лѣсокъ, и водица была, сторгуйте, дайте задатокъ, тогда уже призовите Господа на помощь и продайте свою,—вотъ оно какъ.

— Вотъ это вѣрно, ребята, согласились нѣкоторые: правду вѣдь говоритъ Дмитрій Иванычъ. Этакимъ-то манеромъ ничего,—чтобы, значитъ, деньги не пропустить.

— Да и то сказать, добавилъ умиленный близкимъ счастьемъ Осипъ

Абрамовъ:—утѣснительно становится, дѣтишекъ пихнуть будетъ некуда, вотъ оно что, хлыста скоро не останется на надѣлѣ.

— Опять же земь тамъ добрая, невышаханная, какъ здѣсь, силою въ ней много, добавилъ Сергѣй Яковлевъ, предвкушая прелесть широкаго простора: хлѣбъ родитъ богатѣйшій, сюда кажинный годъ везутъ его сколько, деньги загребаютъ—страсть!.. И увлеченный, онъ даже привсталъ, и изобразилъ, какъ загребаютъ деньги обѣими руками, изогнувшись, точно поднимаетъ тяжесть не по силамъ.

Поддакивали и другіе. Подмошинскій торжествовалъ, дѣлая «доброе дѣло». Явилась водочка. Языки развязались, разгоряченная мысль залетѣла далеко впередъ. Бѣднягамъ видѣлась просторная, счастливая жизнь: дѣтишкамъ не тѣсно, хлѣбъ родится отлично, деньги загребаютъ лопатами,— и радость, и счастье сіяютъ на ихъ лицахъ.

— Только вотъ деньжонокъ раздобыть, замѣтилъ Михайло Тимоновъ, переходя къ дѣйствительности.

— А ужь объ этомъ не безпокойтесь, поспѣшилъ Подмошинскій:—берите, сколько пожелаете. На доброе дѣло нѣтъ вамъ отказу... Сказалъ: велѣніе Господне было помочь вамъ.

— Кормилецъ, благодѣтель, отецъ! заворочались хмѣльные языки, и умиленные крестьяне полѣзли обнимать Дмитрія Ивановича, а онъ благодарилъ Бога за помощь въ «добромъ дѣлѣ» и приглашалъ крестьянъ помолиться Господу. Картина вышла, по истинѣ, трогательная.

Возмущенный П. А. Пленъ, предвидя, чѣмъ это кончится, вызывалъ бильдяевцевъ, уговаривая ихъ не бросать землю, не бѣжать отъ хорошей жизни; но напрасно предсказывалъ онъ имъ горькіе плоды легкомыслія.

— Какъ можно? Развѣ мы ребята? Развѣ мы не понимаемъ? Лиходѣи мы себѣ, что ли? Вишь сказалъ, распустимъ деньги... не маленькіе! возражали обиженные. Только Дмитрій Ефимовъ, подкрѣпленный, стоялъ на своемъ.

Подмошинскій далъ бильдяевцамъ денегъ, бильдяевцы выдали ему векселя и пошли искать счастья.

— Что жъ? правду надо сказать, разсказываетъ одинъ изъ нихъ:— идешь это, въ карманѣ деньги, устанемъ страсть какъ, и спать хочется, а тутъ какъ разъ треклятый кабакъ будто зазываетъ, такъ ласково смотритъ. «Зайти бы, вздохнуть маленько», говоритъ одинъ.—«Выпить бы по махонькой», добавляетъ другой: «горло промочить»; да и не замѣтишь, какъ рубль выскочилъ. Проходили, потратили время, израсходовали деньги, а ничего путнаго не сдѣлали. Пришли домой зимою, поля не засѣяны, дѣтишки ѣсть просятъ. Что дѣлать? опять къ Подмошинскому.

— Будь благодѣтель, Дмитрій Иванычъ, дай деньжонокъ.

— На доброе дѣло берите, братья, отказу нѣтъ. Только вотъ закладную на землю, потому законъ такъ требуетъ... (у Дмитрія Ива-

ныча все по закону.)—Земля ваша и останется, пока не продадите, не сомнѣвайтесь, ни копѣйки не спрошу.

Ничего не оставалось, какъ согласиться. Кстати онъ потребовалъ внести въ закладную и долги по векселямъ, да и написать закладную на высшую сумму, ибо крестьянамъ могутъ потребоваться еще деньги: такъ чтобы не писать векселей потомъ, не расходоваться! Это обычное явленіе, и крестьяне согласились. Старшій нотаріусъ потребовалъ общественнаго приговора. Подмошинскій приказалъ старшинѣ и писарю не мѣшаться, созвалъ сходъ своихъ должниковъ изъ разныхъ деревень и заготовилъ на глазахъ у схода 2 или 3 ведра водки.

— Вотъ, братья, обратился онъ къ сходу: бильдяевцы хотятъ продать свои земли, а себѣ купить за каждую десятину 4 д. въ великолуцкомъ уѣздѣ, такъ нужно ваше согласіе: и имъ будетъ легче, и вамъ просторнѣе... тѣсненько вѣдь становится. Дайте имъ приговоръ, что̀ ихъ стѣснять? а я васъ водочкой попотчую. Глядите, други, если откажете въ такомъ благомъ дѣлѣ, бѣда вамъ будетъ: потребую съ васъ всѣ долги; шкуры сдеру,—уже грозно закончилъ онъ. Эта убѣдительная аргументація сдѣлала свое дѣло, а водка завершила, и приговоръ былъ данъ.

Закладная совершена на 1 годъ, въ 2,500 р. Подмошинскій успокоивалъ крестьянъ, что это *только такъ*, для формы, что онъ имъ добра желаетъ, чтобы они не заботились; что онъ подождетъ, если и просрочатъ. Но какъ только наступилъ срокъ, онъ предъявилъ искъ не только по закладной, но, кстати, и по зачтеннымъ векселямъ. Тутъ только несчастные спохватились, тутъ только поняли, въ какія сѣти завлекъ ихъ Подмошинскій. Метались, жаловались, горько плакали, доказывали, что съ нихъ взыскивается сумма въ 5 разъ больше взятой,—напрасно: судъ возраженій не принялъ, и земля по закладной продана...

Такова скорбная исторія разоренія деревни зажиточной, поставленной, по волѣ графини Олсуфьевой, въ исключительно счастливое положеніе. Только Дмитрій Ефимовъ избавился «отъ лукаваго» и хозяйствуетъ по прежнему. Изъ книгъ товарищества видимъ заключительную страницу этого злодѣянія: Сергѣй Яковлевъ сталъ работникомъ у Подмошинскаго, семья начинаетъ перебиваться Христовымъ именемъ; Осипъ Абрамовъ (семья 10 душъ) старшихъ сыновей ставитъ въ работники; мать и младшіе побираются. Михайло Тимановъ состоитъ батракомъ у Подмошинскаго, жена съ дѣтьми живетъ пока у свояка, въ д. Сейполово, ради Христа, и т. д. Уцѣлѣлъ одинъ надѣлъ бобыльскій, которымъ и пользуются разоренные.

III.

Ростовщики. Заключеніе.

Посмотримъ, каковы плоды такого преступнаго порядка вещей, къ

чему привелъ этотъ дневной грабежъ зарвавшагося хищника, и прежде всего взглянемъ на него самого, а затѣмъ бросимъ взглядъ и на положеніе народа. Опочецкій уѣздъ можетъ похвалиться ростомъ экономическаго упадка, по истинѣ галопирующаго здѣсь. Мрачная тѣнь «чумазаго», такъ поразившая впечатлительнаго сатирика и вырвавшая изъ груди его вопль ужаса: «чумазый грядетъ, придетъ и слопаетъ»,—эта зловѣщая тѣнь приняла здѣсь плоть и кровь, явилась во весь ростъ, мощной фигурой, и начала уже «лопать» съ удивительнымъ прожорствомъ, безостановочно, безжалостно. Чумазые, дѣйствительно, пришли—и полчища ихъ съ каждымъ днемъ растутъ, «какъ грибы послѣ дождя», по выраженію крестьянъ.

Но кто же они, эти завоеватели, эти баскаки XIX столѣтія, и откуда они пришли? Они русскіе, «крещеные», среди нихъ нѣтъ ни одного жида, армянина, нѣмца; они плоть отъ плоти, кость отъ кости, они родные братья народа и вышли изъ нѣдръ его, вызванные къ жизни, взлелѣянные нѣкоторыми вредными для государства экономическими мѣрами прошлаго царствованія, такъ стремившагося насадить россійскую буржуазію. Заботы не пропали даромъ: сѣмя дало сильные, могучіе ростки, развившіеся съ поразительною быстротою. Это показываетъ, что почва несомнѣнно благодарная и условія — благопріятныя. Эта почва — бѣдность, невѣжество, довѣрчивость и полная беззащитность народа передъ сорвавшимся съ цѣпи кулакомъ, свободно грабящимъ «на законномъ основаніи». И какой богатырскій ростъ, буквально не по днямъ, а по часамъ!.. Это—новый русскій богатырь, закованный не въ желѣзо, а въ золото, все преклоняющій передъ собой, все порабощающій, властный и въ городскомъ, и въ земскомъ самоуправленіи, въ судѣ, и особенно въ экономической жизни, гдѣ онъ царитъ абсолютно. Какъ и древній богатырь, онъ безъ роду, хотя съ *значительнымъ* племенемъ. Не спрашивайте его объ отцахъ, дѣдахъ: родъ его теряется во мракѣ неизвѣстности; не спрашивайте и о недавнемъ прошломъ: оно не блестяще. Семендяевы, Подмошинскіе, Кудрявцевы, Кудрявцевы-Волки, Телепневы, Жигали, Утретскіе, Болталовы, Ѳедотовы, Лешенковы, Крестовскіе, Мышинскіе и т. д.—такова славная стая. Только одна фамилія имѣетъ прошлое (отцы и дѣти были купцами)—это Порозовы, но она вымираетъ, не играя никакой роли. Изъ всѣхъ же остальныхъ только 1—2 фамиліи могутъ похвастать даже какимъ нибудь прошлымъ, лѣтъ въ 20—25, прочіе—самоновѣйшей формаціи и буквально народились вчера.

Самъ Алексѣй Адріановичъ С—въ,—городской голова, почетный мировой судья, и пр., и пр., комерсантъ, ведущій дѣла «съ заграницею», съ состояніемъ въ полмилліона, но съ трудомъ подписывающій свою фамилію,—иногда, говорятъ, въ минуты откровенности, съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ прошлое, когда онъ былъ простымъ мясникомъ, безъ копѣйки въ карманѣ, и охотно разсказываетъ, какое

ысокое чувство удовольствія испытывалъ когда ему приходилось сводить
ослѣдніе счеты съ огромнымъ, сильнымъ быкомъ. Право, нужно пожалѣть
еловѣка, имѣвшаго несчастье замѣнить сильно трагическое занятіе столь
розаическимъ обираніемъ тощаго мужика, изъ котораго, пожалуй, и
ровь не пойдетъ, если хватишь его, какъ быка. Какіе нибудь К—вы
орошо еще помнятъ то недавнее время, когда они занимались извозомъ.
Другіе также были извощиками, простыми чернорабочими, пастухами.

У—скій, лѣтъ 5 назадъ умершій, былъ простымъ извощикомъ. Ско-
пилъ ли онъ малую толику, или «случай» подвернулся, только въ послѣд-
нія 15 лѣтъ онъ сильно пошелъ впередъ. Жилъ У—скій въ Синей Николѣ,
въ 15 верстахъ отъ своего шурина Подмошинскаго. Онъ еще много лѣтъ
прожилъ бы на горе населенію, еслибы нѣкоторыя обстоятельства не
вели его въ могилу и особенно банкротство оптоваго рѣжецкаго купца
Конопки, на которомъ У—скій потерялъ 15,000 руб. Это былъ умный,
но жестокій человѣкъ, страшно разорявшій населеніе. Онъ первый по-
нялъ всю прелесть скупки отрѣзовъ земель и скупилъ массы таковыхъ:
говорятъ, у него было до *50 пустошей*. Этими отрѣзами да векселями
онъ ужасно запуталъ населеніе. «Бывало,—говорятъ крестьяне,—народъ
съѣдется со льномъ кругомъ двора и улицу запрудятъ, проѣхать нельзя,
—все должники. День зимній короткій, надо бы спѣшить вѣшать, а онъ,
хозяинъ-то, все бѣгаетъ, суетится, и чайникъ въ рукахъ съ водкой—каж-
наго угощаетъ. А какъ вечеръ придетъ, темно станетъ, начнетъ вѣшать
ленъ, самъ-то пьянъ да и мужиковъ споитъ; ну, и вѣшаетъ, какъ Богъ
на душу положитъ, а то прямо безъ вѣса свалитъ въ амбаръ и ска-
жетъ: столько-то пудовъ, а, тамъ можетъ быть, вдвое». Сыновья, совсѣмъ
молодые люди, раздѣлились, что́ приходится объяснить разностью натуръ.
Старшій побывалъ въ университетѣ и, по общимъ отзывамъ, человѣкъ
порядочный, неспособный продолжать роль родителя, зато младшій, кото-
рому, говорятъ, всего 21 годъ, проявляетъ всѣ качества отца и уже вы-
зываетъ противъ себя рѣзкіе отзывы.

Весьма рельефный типъ представляютъ два брата Ж—вы. Недавно
умершій отецъ ихъ родился въ центрѣ Өедосѣевщины—Граинщинѣ, въ
селѣ Лосевкѣ. Онъ давно уже раздавалъ деньги, сначала небольшія, но
средства его быстро росли, и операціи увеличивались. Любопытно, что
Ж—въ, кажется, былъ единственнымъ ростовщикомъ, который давалъ деньги
безъ %, вѣроятно, поддаваясь вліянію Өедосѣевщины. Но дѣлая уступ-
ку религіозно-нравственнымъ требованіямъ поморской общины, онъ воз-
награждалъ себя такимъ пріемомъ: обязывая, какъ и всѣ, возить себѣ
ленъ, онъ не объявлялъ цѣнъ, а разсчитывался весною, когда конча-
лась операція по сбыту льна и, конечно, львиную часть отбиралъ себѣ,
такъ какъ никто не могъ и знать, по какой цѣнѣ онъ продалъ. Вѣрная
операція безъ всякаго риску! Но и этимъ онъ не удовлетворился: «хлопотъ

много». Переѣхавъ въ городъ, онъ сбросилъ мясу безпощадно и сталъ ростовщикомъ pur sang, безъ всякой примѣси. Прекративъ торговлю, онъ принялся широко раздавать деньги, беря 20—25% и, какъ общее правило, и восходя въ частныхъ случаяхъ до 50% и выше. При этомъ не забудемъ, что у купцовъ проценты считаются за годъ: все равно, берешь ли на годъ, или на мѣсяцъ. Правда, это очень упрощаетъ счеты для безграмотныхъ ростовщиковъ, но посмотрите, къ чему это ведетъ. Мужикъ сводитъ всѣ счеты по хозяйству осенью: тогда у него есть продукты, есть деньги, поэтому всѣ разсчеты съ мужикомъ, какъ у купцовъ, такъ у товарищества и, вообще, у всѣхъ кредиторовъ, пріурочиваются къ осени; нужды же у крестьянъ никогда не бываютъ осенью, даже зимою мало: она приходитъ весною и разражается во всей силѣ въ началѣ лѣта. Поэтому періодъ крестьянскаго кредита—*краткосрочный*: онъ почти никогда не бываетъ годовой, рѣдко полугодовой и, въ большинствѣ, ограничивается 3—4 мѣсяцами. И за эти-то мѣсяцы берутъ 20—25%! Нечего и говорить, какъ быстро и сильно Ж—въ разбогатѣлъ. Недавно старикъ умеръ. Дѣти сейчасъ же рѣшили дѣлиться, и пошла братская война. Родные братья грызлись хуже собакъ изъ-за брошенной кости. Дѣлились буквально такъ, что, если оставался одинъ ящикъ, рубили пополамъ; одинъ горшокъ—били его, чтобы не достался одному. Клеветничали, даже доносили другъ на друга: одинъ, напримѣръ, заявилъ слѣдователю, что братъ укралъ 100 т. Дѣло едва могли потушить. Характерна сама по себѣ цифра эта: она даетъ понятіе объ ихъ средствахъ. Младшій, считавшійся «грамотнымъ»,—ибо умѣетъ нацарапать свою фамилію,—говорятъ, дѣйствительно, «прикрылъ» часть капиталовъ. Дѣло дошло до того, что братья смотрѣли другъ на друга, какъ на разбойниковъ, обоюдно обвиняли другъ друга въ намѣреніи отравить, убить, и не выходили изъ дому иначе, какъ съ револьверами, а по вечерамъ и совсѣмъ не выходили, опасаясь смерти—одинъ братъ отъ руки другаго. Каково мужику быть въ рукахъ у этихъ мрачныхъ, ненавѣрно жестокихъ людей?!

— Разбоемъ наживали богатства, говорятъ о нихъ, разбоемъ и дѣлили.

Возмущенные, оскандаленные ведосѣевцы энергично возстали противъ такого позора, созвали соборъ, судили, рядили и, ничего не добившись, исключили ихъ изъ общины.

Но особенно поразителенъ художественный типъ — знакомый намъ Д. И. П--ский. Это, по истинѣ, перлъ созданія, кристаллизовавшійся въ замѣчательно прелестную форму. Этотъ чудный цвѣтокъ, пышно распустившійся на почвѣ хищничества и ростовщичества, такъ всецѣло совмѣстилъ въ себѣ самыя характерныя черты своего типа, что заслуживалъ бы серьезнѣйшаго вниманія художника. И въ самомъ дѣлѣ, если сравнительно безвредный и наивный Плюшкинъ нашелъ великаго мастера, то

П—нскій ждетъ еще его. Онъ вышелъ изъ узкихъ, старыхъ рамокъ кулака и далеко переросъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ съ ихъ нехитрыми пріемами. Тѣ смѣшны и наивны со своими ограниченными цѣлями; они подростки, пигмеи, а онъ—Антей, богатырь, законченный, развившійся. Было бы неделикатно, зная немного этого современнаго героя, обойти его молчаніемъ.

Д. И. П—нскій, по всѣмъ отзывамъ, человѣкъ замѣчательно религіозный, въ своемъ родѣ. Домъ его полонъ образами, составляющими чуть не иконостасы; передъ ними часто возжигаются свѣчи, горятъ неугасаемыя лампады. Самъ онъ все призываетъ Бога, шепча безпрестанно молитвы; говоритъ тихо, нѣжно; въ разговоры любитъ вставлять слова и примѣры изъ священнаго писанія. Онъ состоитъ церковнымъ старостой и энергично заботится о «благолѣпіи храма». Онъ «пожертвовалъ» большой колоколъ, но ухитрился за него содрать съ прихода 2 т. р. Иконами онъ просто заваливаетъ храмъ, такъ что ставить ихъ нѣтъ мѣста. Рвеніе его настолько велико, что одинъ храмъ уже не удовлетворяетъ его, и онъ хотѣлъ быть старостой и въ другомъ, но, къ сожалѣнію, не разрѣшили. Д. И. устраиваетъ крестные ходы, молебны, добился разрѣшенія «подымать» икону Божіей Матери изъ историческаго Печорскаго монастыря подъ Псковомъ, чуть не за 200 верстъ; народъ, понятно, на всемъ пути гуляетъ, не работаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пьетъ. Наконецъ, 26 іюня нынѣшняго года, какіе-то «черные худые монахи» принесли «изъ-за 3 морей», — вѣроятно, съ Аѳона, — еще иконы Божіей Матери и св. Пантелея. Пошли крестные ходы, молебны, а время — горячее, рабочее... П—нскій творитъ и нѣкоторыя «добрыя дѣла». Такъ, онъ устроилъ въ Красномъ богадѣльню, о которой я долго старался получить свѣдѣнія, пока, наконецъ, встрѣтилъ человѣка, знакомаго съ нею. Богадѣльня оказалась просто деревенской избенкой на курьихъ ножкахъ, быть можетъ, доставшейся ему за долги, и въ ней 5—7 стариковъ и старухъ. «Благодѣтель» понукаетъ ихъ зарабатывать хлѣбъ, а если не хватаетъ, то немного добавляетъ отъ себя. Слышалъ я также, что онъ раздаетъ бѣднымъ полушубки, рукавицы, рубахи и пр., но злые люди прибавляютъ, что какая-то родственница, зная его «дѣла», завѣщала ему деньги для раздачи бѣднымъ, на которыя онъ и покупаетъ всякую рухлядь. Добрые люди умиляются, называютъ его милостивымъ, а Д. И. посмѣивается...

П—нскій родился въ сосѣднемъ островскомъ уѣздѣ, гдѣ отецъ его занимался благородной библейской профессіей—онъ былъ «пастыремъ стадъ некопорочныхъ». Эта профессія, очевидно, была не по душѣ широкой натурѣ П—нскаго: ему «корабли снились». Но зная, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, онъ, скопивъ ничтожныя средства, переселился въ опочецкій уѣздъ, лѣтъ 20 назадъ. Скоро ему представился прекрасный случай: очень выгодно, за нѣсколько тысячъ, продавалось прекрасное

имѣніе—Станкѣева мыза, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ пригорода Краснаго, въ населенной и плодородной красногородской волости. Не имѣя достаточно средствъ, Д. И. принужденъ былъ купить ее вмѣстѣ съ шуриномъ, извѣстнымъ намъ У—скимъ, и первымъ дѣяніемъ его была блестящая коммерческая операція: онъ провелъ даже такого выжигу, какъ шуринъ, сдѣлавъ купчую на свое имя. Впрочемъ, онъ не замошенничалъ денегъ, не отказывался возвратить ихъ, но по сіе время не успѣлъ этого сдѣлать. Ставъ полновластнымъ хозяиномъ Станкѣевой мызы, Д. И. открылъ лавку и началъ раздавать крестьянамъ подъ векселя деньги. Операціи принесли блестящіе результаты, и въ настоящее время П—нскій имѣетъ огромные капиталы, массы земель и 2 т. крѣпостныхъ дворовъ въ лучшихъ волостяхъ: красногородской, велейской, покровской, сине-никольской. Трудно вѣрить возможности столь грандіозной эксплуатаціи, но, получивъ отъ волостныхъ правленій свѣдѣнія о задолженности населенія, я убѣдился, что цифра эта не преувеличена.

Какъ получились столь завидные результаты? Думаю, что не легко. Сильный умъ, дьявольская хитрость жестокой натуры, притворство, ханжество и самая наглая изобрѣтательность въ хищеніяхъ, — все было пущено въ ходъ. Разъ только нужда бросала въ его лапы крестьянина, онъ становился рабомъ П—нскаго навсегда: сейчасъ пишется вексель на значительно бо̀льшую противъ долга сумму, и всегда вексель безсрочный, представляющій Дамокловъ мечъ, который каждую минуту можетъ опуститься, по мановенію руки П—нскаго, и раздавить жертву. Привезеннаго льна уже не хватаетъ на покрытіе долга; художникъ-кулакъ всѣ силы употребляетъ, дабы не выпустить должника: онъ назначаетъ на ленъ невысокую цѣну, относитъ бо̀льшую часть его къ низшему сорту, обвѣшиваетъ, опаиваетъ мужика, суетъ ему деньги, и вексель остается у П—нскаго. Весной крестьянинъ забираетъ еще продуктами, конечно, дурнаго качества, по высокой цѣнѣ; П—нскій обвѣшиваетъ его, опять насчитываетъ; пишется другой вексель, и жертва опутана совсѣмъ, съ головы до ногъ. Замѣчательно, что П—нскій всегда ѣздитъ самъ описывать и продавать имущества, какъ бы боясь, что другой не все опишетъ. И дѣйствительно, онъ ужь выцарапаетъ все, что̀ только возможно. При этомъ происходятъ невыносимо тяжелыя сцены: разоряемые всегда протестуютъ, что съ нихъ вторично взыскиваютъ по векселямъ, бабы и дѣтишки ревутъ, защищая послѣднія крохи свои, умоляютъ и проклинаютъ П—нскаго. Но онъ дѣлаетъ свое; иногда на крѣпкую брань и даже сильный толчокъ смиренно отвѣчаетъ: «прости имъ, Господи, не вѣдаютъ, что̀ творятъ». Сцены бываютъ до такой степени мучительныя, что, напримѣръ, В. П. Муфель, пробывъ нѣсколько лѣтъ судебнымъ приставомъ, бросилъ службу, хотя очень нуждался, утверждая, что «нѣтъ возможности въ послѣдніе годы терпѣть это грабительство: вѣдь несомнѣнно бываешь убѣжденъ, что

взыскиваешь вторично, а ничего подѣлать не можешь». И любопытно,—какъ по его словамъ, такъ по словамъ уполномоченнаго товарищества, присутствующаго при аукціонахъ,—крестьяне не жалуются и не плачутся, когда имущество продается за долги товариществу, ибо взыскиваются дѣйствительные долги, и всѣ знаютъ, что къ такому крайнему средству товарищество прибѣгаетъ при совершенномъ неплатежѣ, да еслибы кто рѣшился спорить и отрицать, его уличили бы сосѣди. Не то происходитъ при продажахъ, совершаемыхъ купцами.

Кстати, замѣтимъ слѣдующее явленіе: однодеревенцы почти никогда не покупаютъ на аукціонахъ въ своемъ селѣ, потому что смотрятъ на это, какъ на дѣло недостойное и непріятное.—«Дорого платить, говорятъ, нѣтъ нужды, а дешево и купилъ бы, да стыдно, грѣшно, не оберешься попрековъ, слезъ; каждая корова, которую не можетъ забыть хозяйка, будетъ мозолить глаза».—Если же и купитъ кто, то хозяева упрашиваютъ отдать назадъ, присоединяются сердобольные сосѣди, и купившій долженъ отдать, если не хочетъ нажить враговъ. Жди потомъ, когда расплатятся!

Но и такую роль разрушителя крестьянскихъ хозяйствъ П—нскій, вѣроятно, нашелъ скромною. Онъ, если не одновременно, то вслѣдъ за У—скимъ, понялъ прелесть скупки отрѣзовъ отъ крестьянскихъ надѣловъ и широко повелъ это дѣло для вящей эксплуатаціи. Теперь у него болѣе 20 пустошей и надѣловъ. И ужь какъ влѣзъ онъ въ крестьянскую землю, никакими силами не выживешь его оттуда; не было примѣра, чтобы онъ продалъ хоть какой либо уголокъ земли.

Всмотритесь внимательнѣе въ этихъ ростовщиковъ безъ образованія, безъ элементарныхъ нравственныхъ устоевъ, возросшихъ въ школѣ хищничества. Живутъ они исключительно для наживы, и вся нажива формулируется такъ: «разбогатѣть возможно больше въ возможно короткое время». Эта высокая цѣль жизни оправдываетъ всѣ средства для ея достиженія. Вырабатывается какъ бы особая мораль: то нравственно, что̀ служитъ этой цѣли бытія, что̀ поспѣшествуютъ скорѣйшему достиженію личнаго счастья, т. е. разжиться. Въ этой сферѣ ростовщикъ замѣчательно послѣдователенъ, и нѣтъ безнравственныхъ средствъ, нѣтъ такихъ пріемовъ, передъ которыми отступилъ бы онъ, если они ведутъ къ цѣли. Какъ всегда, и здѣсь исключительное развитіе одной стороны организма атрофируетъ всѣ другія. Человѣкъ становится какъ бы не человѣкомъ, а словно особымъ созданіемъ—*ростовщикомъ*, и все человѣческое ему чуждо, даже вредно, ибо идетъ въ разрѣзъ съ цѣлью жизни. Никакіе общественные инстинкты, никакіе нравственные принципы, никакое благородство, порядочность—даже религія не умѣряетъ ихъ. Они постольку религіозны, поскольку это можетъ пригодиться въ ихъ мерзкихъ дѣлахъ. Нажива—вотъ ихъ настоящій Богъ; законъ же для нихъ—прокустово ложе: они на законномъ основаніи творятъ злодѣянія, а власть

только призвана служить имъ. Вся жизнь ихъ направлена къ одному, и у нихъ нѣтъ болѣе никакихъ интересовъ. Сила ума, по истинѣ замѣчательная, несокрушимая энергія, вся дьявольская изобрѣтательность, изумительная творческая дѣятельность,—все ведетъ къ одному: къ наживѣ съ одной стороны, къ разоренію народа—съ другой.

У этихъ людей окаменѣло сердце, притуплены душевные порывы; кажется, что имъ никогда не доступно было чувство сожалѣнія, состраданіе; потрясающія сцены людскаго горя, страданій, тяжкія картины полнаго разоренія народа словно забавляютъ ихъ, доставляютъ удовольствіе ихъ кровожаднымъ взглядамъ. Я не слышалъ примѣра, чтобы ростовщикъ умилосердился, пощадилъ свою жертву, разъ рѣшивъ ее слопать!

Платежныя силы населенія окончательно подрываются въ корнѣ, продовольственный долгъ—громадный, земскіе сборы поступаютъ такъ плохо, что всѣ служащіе не получаютъ жалованья 5—6 мѣсяцевъ; это, наконецъ, побудило земское собраніе ходатайствовать передъ правительствомъ о значительныхъ займахъ, ибо функціи земствъ могутъ совсѣмъ пріостановиться тамъ, гдѣ разгулялось хищничество. Казенныя подати, благодаря крутой энергіи полиціи, пока кое-какъ поступаютъ, но несомнѣнно, что въ близкомъ будущемъ никакія энергическія мѣры не помогутъ.

Изъ любопытной книги женщины-врача А. Шульцъ *), оканчивающейся, къ сожалѣнію, 1881 г. (именно 80-ые годы особенно тяжелы для народа) оказывается, что за 1881 г. въ 9 приходахъ *рождаемость ниже смертности*: родилось 1053, умерло 1358 человѣкъ!

Какое зловѣщее роковое будущее ожидаетъ нашу родину!—Есть отчего искреннему патріоту прійти въ ужасъ...

Несомнѣнно, ростовщики—самая гнойная язва нашего времени, быстро растущая и все болѣе охватывающая организмъ, и не сегодня—завтра государству, если не въ видахъ человѣколюбія и великодушія, то въ интересахъ фиска и собственнаго достоинства, придется вступить въ самую рѣшительную, безпощадную борьбу съ ростовщичествомъ и грабежемъ, подтачивающимъ основы государственности. И будетъ эта борьба упорна и тяжела, но зато на страницы исторіи впишется новое славное «19-ое февраля»...

Г. Сазоновъ.

*) „Очеркъ статистики народонаселенія опочецкаго уѣзда". 1884.

Два стихотворенія.

I.

Ты свѣтишь мнѣ еще, о, юность золотая!
И я твоихъ даровъ безъ битвы не отдамъ!
Еще горитъ въ душѣ,—горитъ, не угасая,
Любовь къ поэзіи и къ солнцу, и къ цвѣтамъ,
И къ шири рѣкъ родныхъ, сіяющихъ и сонныхъ,
И къ зелени луговъ, росой посеребренныхъ,
И къ безграничнымъ блѣднымъ небесамъ...
Еще трепещетъ грудь надеждой золотою,
Что свѣтлый день придетъ; блѣднѣя, дрогнетъ мгла,
И туча черная отчаянья и зла
Разсѣется, какъ ночь предъ мощною зарею.
Еще я жажду бурь, волненій и тревогъ,
И пламенной любви, и знойныхъ наслажденій,
Чтобы въ годину мукъ и сумрачныхъ сомнѣній
Воспоминаньемъ жить я могъ...

II.

Когда смолкаетъ шумъ томительнаго дня
Съ его докучной суетою,
И грезы свѣтлыя порхаютъ вкругъ меня
И блещутъ юной красотою—
Я часто, отдохнувъ воскресшею душой
Отъ мелочныхъ тревогъ, бесѣдую съ тобой.

И больно слушать мнѣ, какъ, торжествуя, ты
Мои безумныя и страстныя мечты
Зовешь ребяческой ошибкой,
Встрѣчая мой восторгъ предъ властью красоты
Полупрезрительной улыбкой.

Мнѣ больно потому, что дни твои, какъ дымъ,
Плывутъ туманные, безъ глупыхъ заблужденій,
Безъ грезъ ребяческихъ, безъ пламенныхъ волненій
Предъ всѣмъ, что̀ душу жжетъ восторгомъ молодымъ;
Что ты счастливымъ быть не можешь хоть ошибкой,
Что съ этой юной свѣжестью лица
Ты мантію надѣлъ сѣдаго мудреца,
Вооружась его скептической улыбкой...

Ѳ. Червинскій.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

(Изъ записокъ моего пріятеля).

II.

Прошло четыре года... Кончивъ курсъ въ академіи, я вскорѣ уѣхалъ въ провинцію, получивъ мѣсто земскаго врача, гдѣ и прожилъ безвыѣздно все время. По четвертому году моего прозябанія въ N—скомъ уѣздѣ, неожиданно сложившіяся семейныя обстоятельства потребовали моего присутствія въ Петербургѣ, куда я и не замедлилъ выѣхать, взявъ двадцативосьмидневный отпускъ.

Никогда не забуду, съ какой радостью подъѣхалъ я къ родному мнѣ Петербургу; какимъ нетерпѣніемъ сгоралъ я, желая поскорѣе повидаться съ близкими людьми, друзьями и товарищами. Мнѣ показалось, что поѣздъ ползетъ черепашьимъ шагомъ. Я ежеминутно взглядывалъ на часы. Отрывочныя мысли роились въ головѣ, быстро смѣняя одна другую. Вспоминалось мнѣ, какъ я рвался изъ Петербурга... Мнѣ казалось, что нѣтъ города хуже его. „Все тутъ искусственно, все фальшиво“,—разсуждалъ я тогда. „Городъ космополитовъ, ничего русскаго! Провинція—вотъ гдѣ настоящая жизнь“... Но вотъ я и въ провинціи... Какъ быстро наступило разочарованіе. Какъ горько было оно! Полная апатія ко всему, за исключеніемъ непосредственныхъ карманныхъ интересовъ... Бѣшено охватившая всѣхъ страсть къ картежной игрѣ... Самыя низкія дрязги и сплетни, подчасъ даже гнусные доносы... А съ другой стороны—пьянство простаго народа, ничѣмъ не сдерживаемое, ничѣмъ не умѣряемое. Какъ разнилась дѣйствительная провинція отъ той, какую создало мнѣ юношеское воображеніе.

Поѣздъ, между тѣмъ, сталъ подходить къ дебаркадеру, стукнули буферы, передавъ толчокъ вагону, звякнули цѣпи, послышался дребезжащій свистокъ оберъ-кондуктора. Черезъ полчаса я былъ уже въ кругу родныхъ.

Нѣсколько дней спустя, я отправился вечеромъ въ Лѣтній садъ. Въ то время еще процвѣталъ въ немъ ресторанъ Ба-

ашева, превращавшій по вечерамъ часть этого прекраснаго ада въ увеселительное заведеніе громадныхъ размѣровъ. Оркестръ военной музыки, электрическое освѣщеніе, предтавлявшееся тогда новинкою,—прекрасно иллюминованные лавное зданіе ресторана и прилегавшіе къ нему легкіе павильоны; порядочная, хотя и дорогая кухня, при этомъ безплатный входъ—привлекали туда ежедневно по нѣскольу тысячъ человѣкъ. Среди всей этой массы, послѣ десяти асовъ вечера, начиналъ господствовать страшный разгулъ, е поддающійся никакому описанію. Не смотря на полоину сентября, погода была великолѣпная; вечеръ замѣчательно теплый. Серебристая луна, изрѣдка затуманиваемая легкими, быстро мчавшимися тучками, ярко освѣщала главную аллею, споря съ электричествомъ силою свѣта. Словно предчувствуя, что вечеръ этотъ является послѣднимъ откликомъ лѣта, публика собралась въ огромномъ количествѣ. Всѣ столики вокругъ и около ресторана, всѣ скамейки, все было занято. По аллеямъ медленно двигались сплошныя массы народа.

Попавъ въ живую струю, я, дѣлая шагъ за шагомъ, а по временамъ и совсѣмъ останавливаясь, двинулся, куда повлекло меня теченіе. Отвыкнувъ въ провинціи отъ шумной толпы, я долго не различалъ отдѣльныхъ лицъ. Въ глазахъ мелькало множество физіономій, шляпъ, цилиндровъ, котелковъ, усовъ, бородъ, глазъ, но все это смѣшивалось, сливалось—и получалось лишь одно общее впечатлѣніе кипящей массы. Погулявъ часа два, я сталъ собираться домой. Проходя въ послѣдній разъ вдоль боковаго павильона, я замѣтилъ сильно подгулявшую компанію, состоявшую изъ трехъ мужчинъ и двухъ женщинъ, сидѣвшихъ за отдѣльнымъ столомъ. Двое изъ кавалеровъ громко подсвистывали оркестру, третій, съ цилиндромъ на затылкѣ, выбивалъ палкою тактъ; одна изъ дамъ фальшиво подпѣвала, другая, въ огромной синей шляпѣ „à la Rembrandt“, молча пила вино. На пѣніе и свистъ никто кругомъ не обращалъ вниманія. Отвернувшись отъ этой сцены, я пошелъ дальше. Не успѣлъ я отойти и десяти шаговъ, какъ вдругъ сзади кто-то окликнулъ меня:

— Василій Александровичъ!..

Я быстро оглянулся. Ко мнѣ подошла женщина въ огромной синей шляпѣ, сидѣвшая съ пьяной компаніей и пившая вино. Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее.

— Василій Александровичъ, заговорила она, — неужели вы не узнаете меня?

— Вы ошибаетесь и принимаете меня за кого нибудь другаго—я васъ не знаю.

Сказавъ это, я хотѣлъ пойти дальше, но она рѣшительно схватила меня за рукавъ и быстро проговорила:

— Постойте, вы меня не узнали. Помните поѣздку въ Шлиссельбургъ... Я—Марья Николаевна...

Я не вѣрилъ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ. Предо мною стояла женщина лѣтъ двадцати пяти на видъ, худая, съ сильно потертымъ лицомъ; толстый слой румянъ и бѣлилъ, подведенные глаза, разрисованныя брови, неестественнаго цвѣта ярко-пунцовый ротъ—не только не красили ея лица, но скорѣе безобразили его. Въ костюмѣ ея рѣзко бросалась въ глаза та ужасная роскошь порока, сквозь которую такъ ясно для всякаго проглядываетъ нищета. Вглядѣвшись пристальнѣе въ ея лицо, я дѣйствительно нашелъ отдаленное сходство съ тою дѣвушкой, съ которой познакомился въ Шлиссельбургѣ.

— Да неужели жъ это вы, Марья Николаевна... Какъ вы дошли до такого состоянія?!.

Послѣдній вопросъ невольно вырвался у меня изъ глубины души.

— Къ несчастію, это я... Все жъ... я счастлива, что встрѣтила васъ, заговорила она взволнованно. — Пойдемте скорѣй въ боковую аллею, подальше отъ этой толпы. Умоляю васъ, выслушайте меня... Вы одинъ не бросите въ меня камнемъ...

Она быстро двинулась впередъ, я молча послѣдовалъ за нею. Я былъ потрясенъ. Никогда я не ждалъ подобной встрѣчи съ Марьей Николаевной! Молча проталкивались мы черезъ сплошную массу гуляющихъ. Но вотъ вышли наконецъ на главную аллею сада, пересѣкли ее, дошли до слѣдующей поперечной аллеи и, свернувъ въ нее, сѣли на скамейку.

Въ этой части сада царило полное спокойствіе: Звуки музыки и говоръ толпы глухо долетали сюда. Сквозь порѣдѣвшую уже листву вѣковыхъ кленовъ проникалъ яркій лунный свѣтъ.

— Да... заговорила съ горечью въ голосѣ Марья Николаевна,—вы спросили: какъ дошла я до такого состоянія?.. Васъ поразило, конечно, что та чистая дѣвушка, которую вы когда-то знали полную силъ, энергіи и вѣры въ будущее, вдругъ... превратилась въ подлую женщину, въ низкую, презрѣнную тварь... Слушайте, дайте мнѣ высказать вамъ все, что выстрадала и перенесла я за эти годы... какъ жизнь безпощадно исковеркала, изломала меня. Исторія моя не сложна и проста, но въ этой-то простотѣ и заключается весь ужасъ ея, леденящій душу... Разскажу вамъ все, что произошло со мной съ того дня, какъ мы разстались. Цѣлое лѣто я усердно занималась съ дѣтьми лавочника, о которомъ вамъ говорила, и также у одного чиновника, у кото-

о я получила уроки, благодаря рекомендаціи надзира-
ьницы гимназіи. Правда, чиновникъ жилъ очень далеко
насъ и мнѣ изъ Коломны, гдѣ я жила съ родителями,
ходилось ежедневно шагать на Петербургскую сторону и
атно, но зато я получала у него полтинникъ за два часа.
ѣмъ, все свободное время, я помогала матери шить.
ѣдствіе этого, доходы нашей семьи увеличились рублей
двадцать пять въ мѣсяцъ и я настояла, чтобъ мать поза-
илась немного о своемъ здоровьѣ. Бѣдные старики мои
могли нарадоваться на меня, я же въ свою очередь испы-
ала глубокое, истинное счастіе. Сознаніе исполненнаго
га придавало мнѣ новыя силы и энергію; я трудилась
ь устали и въ этомъ трудѣ находила высшее на-
жденіе.

— Наступила осень. Однажды, въ праздничный день, я вы-
изъ дому навѣстить одну изъ подругъ по гимназіи. Ед-
я завернула за уголъ, какъ меня нагналъ сынъ нашего
охозяина, юнкеръ, съ которымъ я нѣсколько разъ встрѣ-
ась, хотя, конечно, не была съ нимъ знакома. Онъ подо-
ъ ко мнѣ и съ массою извиненій заявилъ, что давно ис-
ъ случая познакомиться со мной, что онъ слыхалъ отъ
его швейцара, какая я примѣрная дочь, какъ помогаю
ителямъ и т. п. Онъ проводилъ меня до дома, гдѣ жила
подруга, не промолвивъ ни одного комплимента. Рос-
, статный брюнетъ съ выразительными черными глазами,
едва пробивающимися усиками, въ блестящей военной
мѣ, не могъ, конечно, не произвести впечатлѣнія не сем-
цатилѣтнюю дѣвушку. Въ теченіе послѣдующихъ празд-
овъ, онъ подкарауливалъ меня, и мы видѣлись нѣсколько
ъ. Его обращеніе со мной было настолько деликатно и
сканно вѣжливо, что понемногу онъ внушилъ къ себѣ
ное довѣріе. Мы стали назначать другъ другу свиданія,
ьшею частью на набережной Невы или Конногвардей-
мъ бульварѣ... До сихъ поръ не могу дать себѣ отчета,
могу даже приблизительно опредѣлить времени, когда я
полюбила. Какъ мнѣ тогда казалось, онъ любилъ меня
безумія... Я вѣрила его клятвамъ, что какъ только онъ
етъ произведенъ въ офицеры, такъ тотчасъ же женится
мнѣ. Да и какъ было не повѣрить, видя его безпредѣль-
уваженіе ко мнѣ. Лишь изрѣдка, украдкою, позволялъ
себѣ поцѣловать мою руку... Такъ прошло... нѣтъ, не
шло, а пролетѣло время до весны. Однажды,—это было въ
выхъ числахъ мая,—мы встрѣтились, около одинадцати
овъ утра, въ Лѣтнемъ саду... Погода стояла безподобная.
однако жъ была опечалена, узнавъ еще наканунѣ изъ его
иски, что онъ въ скоромъ времени долженъ ѣхать въ ла-

герь и что намъ въ теченіе лѣта придется рѣже видѣться. Сперва онъ утѣшалъ меня, что недолго терпѣть намъ обоимъ, а затѣмъ вдругъ добавилъ: „вотъ, изъ-за того, что теперь мы рѣдко будемъ видѣть другъ друга, намъ сегодня слѣдовало бы продлить это свиданіе какъ можно дольше. Марья Николаевна, молю васъ, не откажите мнѣ въ маленькой просьбѣ, но только дайте слово впередъ, что исполните ее.“ Я дала уклончивый отвѣтъ и настояла, чтобъ онъ сказалъ сперва сущность своей просьбы. „Ну, такъ слушайте; но только не перебивайте. Дѣло вотъ въ чемъ: я сейчасъ возьму карету и мы отправимся вмѣстѣ прокатиться по островамъ. Теперь они еще пустынны, никто не помѣшаетъ намъ гулять на свободѣ, наслаждаться чуднымъ видомъ взморья, дышать чистымъ весеннимъ воздухомъ. Потомъ, заѣдемъ куда нибудь позавтракать или напиться шеколаду, гдѣ мы также не встрѣтимъ ни одной живой души... А къ четыремъ часамъ вернемся домой.“ Поѣздка казалась мнѣ безконечно заманчивой. Тѣмъ не менѣе, я долго отказывалась, опасаясь какъ бы кто нибудь не узналъ объ этомъ. Однако, доводы мои были разбиты... Я не могла не довѣрять моему милому Колѣ (такъ звали его) и наконецъ согласилась ѣхать. Полчаса спустя, мы уже мчались въ каретѣ съ опущенными шторами по Каменноостровскому проспекту... Какъ только свернули на Каменный островъ, Коля поспѣшилъ приподнять шторы и опустить окна. Струя свѣжаго, чистаго воздуха ворвалась въ карету. Выдя изъ экипажа близъ Елагинской стрѣлки, мы отправились пѣшкомъ. Въ первый разъ я пошла съ нимъ подъ руку. Дойдя до мыска, мы сѣли на скамейку. Это были счастливѣйшія минуты моей жизни. Онъ съ особымъ оживленіемъ сталъ говорить о своей любви ко мнѣ, о томъ счастливомъ времени, когда мы соединимся навѣки. Долго длилась наша бесѣда. Обратно мы поѣхали другой дорогой, черезъ Новую Деревню, и вскорѣ карета быстро вкатилась въ какой-то дворъ. Куда это мы заѣхали? испуганно спросила я. „Не бойтесь, ангелъ мой, тутъ насъ никто не увидитъ. Мы наскоро закусимъ и слегка пообогрѣемся; вѣдь на дворѣ все таки свѣжо. Я успокоилась. Минуту спустя, мы очутились въ отдѣльномъ кабинетѣ. Пока лакеи накрывали столъ, Коля уговорилъ меня выпить немного ликеру, чтобъ согрѣться и предупредить простуду. Убѣждаемая имъ, я, глотокъ за глоткомъ, выпила двѣ рюмки. Подали завтракъ. Коля пилъ много, заставляя меня отпивать хоть по капелькѣ отъ каждой рюмки. Мы оба были крайне веселы, болтали безъ умолка, я хохотала до слезъ. Лакей поставилъ на столъ только что приготовленный имъ крюшонъ со свѣжей земляникой. Это что такое? — спросила я съ любопытствомъ, указы-

ая на кувшинъ, въ которомъ въ желтой жидкости замани-
ливо плавали со льдомъ крупныя ягоды.—„А это, ангелъ
мой,—отвѣтилъ онъ спокойнымъ тономъ, наполняя шампан-
скимъ стаканы, вмѣсто бокаловъ: особый прохладительный
напитокъ и превкусный, вдобавокъ. Вотъ попробуйте“.—Отъ
этого напитаго ликера я страшно разгорячилась, жажда мучила
меня.—„Выпьемъ за наше счастье и любовь“! произнесъ онъ.
Я чокнулась съ нимъ и почти залпомъ выпила свой ста-
канъ. Пять минутъ спустя, Коля сѣлъ рядомъ со мною на
диванъ, схватилъ меня за руки и, покрывая ихъ поцѣлуями,
былко заговорилъ о своей любви. Я слушала его. Голова
страшно кружилась, мысли путались. Вдругъ онъ обнялъ ме-
ня за талію и, крѣпко прижавъ къ своей груди, поцѣловалъ
долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ. — Смутно помнится мнѣ,
какъ обжегъ меня этотъ поцѣлуй любимаго человѣка... Сло-
но растопленная лава прошла у меня по жиламъ и обожг-
ла все тѣло... Я горѣла, какъ въ огнѣ. Слабо оттолкнувъ
его, я безъ чувствъ опустилась на диванъ... Не стану опи-
сывать вамъ происшедшей между нами сцены, когда я оч-
нулась. Скажу вамъ лишь одно:—негодяй воспользовался мо-
имъ обморокомъ. Цѣлый рядъ всевозможныхъ оправданій и
клятвенныхъ увѣреній въ любви, послѣдовавшихъ затѣмъ, да-
же слезы, нѣсколько смягчили меня и понемногу возстано-
вили между нами хорошія отношенія. Я снова стала являть-
ся на свиданіе съ нимъ въ рѣдкіе пріѣзды его изъ лагеря,
гдѣ мѣстомъ для нихъ всегда назначался какой нибудь сквэръ
или садъ. Любовь моя снова запылала яркимъ огнемъ. Горь-
кое разочарованіе, между тѣмъ, быстро и незамѣтно при-
ближалось, готовя мнѣ страшный ударъ. Съ половины іюля,
подъ предлогомъ, что начались смотры и маневры, Коля ни
разу не назначалъ мнѣ свиданія и вдобавокъ пересталъ пи-
сать (письма ко мнѣ онъ адресовалъ обыкновенно на имя
своего швейцара, чрезъ котораго проходила вся наша кор-
респонденція). Я стала задумываться, горевать, хотя сама же
оправдывала его, увѣряя себя, что онъ очень занятъ, а по-
тому и молчитъ. Но вотъ наступило 13 августа. Какъ я
узнала отъ швейцара, въ этотъ день всѣ выпускные юнкера
должны быть произведены въ офицеры. Съ нетерпѣніемъ ста-
ла я поджидать Колю, вышла далеко на встрѣчу, желая хоть
издали, но поскорѣе увидѣть его. Теперь, думалось мнѣ, при-
ближается время нашего счастія... Долго ходила я взадъ и впе-
редъ; сотни извощиковъ проѣхали мимо меня, но Коли все
не было. Наконецъ, я замѣтила быстро мчавшагося лихача.
Минуту спустя, я узнала въ блестящемъ уланскомъ офице-
рѣ моего дорогаго Колю. Я вскрикнула отъ восторга, но
звукъ тутъ же замеръ:—лихачъ пронесся мимо стрѣлою, а

Коля меня не примѣтилъ. Я поспѣшила домой и отдала швейцару записку, прося передать ее молодому барину. Черезъ полчаса швейцаръ передалъ мнѣ отвѣтъ на словахъ, что „баринъ, молъ, извиняются, они очень заняты, а какъ будутъ посвободнѣе, то напишутъ письмо". Молча вернулась я домой; къ счастію мать ушла въ рынокъ за работой, отца тоже не было, и я могла хоть отчасти облегчить слезами свое горе. Въ томительномъ ожиданіи письма прошло три дня. Я твердо рѣшила молчать и не писать еще, покуда не получу ожидаемаго письма. Все это время я избѣгала встрѣчи со швейцаромъ. Но сердце не выдержало этой нравственной пытки. Къ концу третьяго дня, я пришла къ убѣжденію, что необходимо потребовать отъ него объясненія. Цѣлый вечеръ писала я ему письмо, вылила всю душу свою, всѣ муки и сомнѣнія, терзавшія меня за послѣднее время. Я была глубоко убѣждена, что, прочтя его, Коля не замедлитъ раскаяться, тотчасъ же объяснитъ причины своего упорнаго молчанія и назначитъ мнѣ свиданіе. Почти всю ночь не сомкнула я глазъ, съ нетерпѣніемъ ожидая разсвѣта. Подъ утро я заснула крѣпкимъ сномъ. Въ девять часовъ я была уже на ногахъ. Наскоро одѣвшись, побѣжала внизъ и, выдя на улицу, направилась къ подъѣзду. Съ замираніемъ сердца открыла я массивную дверь. Швейцаръ лѣниво направился ко мнѣ.—Слушай, голубчикъ, милый,— обратилась я къ нему.—Бога ради передай сейчасъ же это письмо твоему барину и скажи ему, что я не уйду отъ подъѣзда, пока онъ не вышлетъ мнѣ отвѣта. Швейцаръ удивленно взглянулъ на меня. — „Да позвольте, барышня, — заговорилъ онъ, — нешто вы не знаете, что баринъ нашъ надысь вечеромъ уѣхали".—Какъ? что ты говоришь,—почти закричала я,—уѣхалъ вчера? Неправда, неправда, ты лжешь, этого быть не можетъ!...—Сердце мое готово было разорваться на части...—„Ну, да, уѣхали-съ. Вчера съ курьерскимъ поѣздомъ миколаевской дороги изволили отправиться къ родителямъ въ деревню". — И не оставилъ мнѣ никакого письма или записки?—машинально спросила я.—„Никакъ нѣтъ-съ." — Но, можетъ быть, онъ уѣхалъ на нѣсколько дней и снова вернется?—„Нѣтъ, барышня, жаль мнѣ васъ, а долженъ сказать вамъ всю правду. Баринъ нашъ разсчитывалъ допрежъ выйти въ калигварды, анъ вышелъ-то въ армейскіе уланы. Полкъ-то ихній гдѣ-то далеко отсюда стоитъ, въ Малороссіи, что-ли, такъ вотъ они теперича поѣхали на мѣсяцъ въ отпускъ къ родителямъ своимъ, проживающимъ каждый годъ по октябрь въ деревнѣ, въ Тверской губерніи, а оттуда ужь изволятъ проѣхать прямо въ полкъ. Вчера, прощаясь съ ними, говорю: скоро ли, баринъ, пожаловать къ

намъ изволите? А они мнѣ въ отвѣтъ; нѣтъ, братъ Семенъ, не скоро, а, можетъ, и никогда, — весною вотъ войны ждутъ. Такъ и сказали". Я жадно вслушивалась въ каждое слово.— „Эхъ, барышня,—добавилъ старикъ послѣ небольшой паузы, — хотѣлось бы еще вамъ кое-что сказать, да неохота и говорить-то". — Онъ говорилъ что нибудь обо мнѣ? Да, Семенъ?...—оживляясь, повторяла я.—Скажи, голубчикъ, говори, что онъ сказалъ. — „Точно, что о васъ"...—Семенъ, не бойся, скажи мнѣ всю правду, не скрывай ничего. — „Ну, ладно, барышня, извольте, такъ и быть разскажу все. Когда баринъ спустились въ швейцарскую, я ихъ украдкой и спросилъ: „баринъ, какъ же насчетъ барышни, Марьи Миколаевны; письмеца не будетъ ли отъ васъ, аль такъ, на словахъ, не прикажете ли ей что передать? А они это усмѣхнулись, да отвѣтили мнѣ: „нѣтъ, братъ, письма не будетъ, а коли придетъ спрашивать обо мнѣ, то скажи, что, молъ, баринъ приказали кланяться вамъ, и передать: что было, то прошло, да и быльемъ травою поросло".—Какъ? закричала я внѣ себя,—онъ это велѣлъ передать мнѣ?....

„— Да неужто, барышня, я бы посмѣлъ въ эдакомъ случаѣ да врать вамъ."—Сердце мое сжалось, я почувствовала жгучую боль въ груди... Мерзавецъ!.. негодяй!.. дико вскрикнула я и, какъ снопъ, повалилась на каменный полъ швейцарской. Когда я очнулась, старикъ Семенъ стоялъ надо мною со стаканомъ воды въ рукахъ.—Испейте, барышня, водицы,—участливо обратился онъ ко мнѣ,—полегчаетъ,

— Въ одно мгновеніе, сознаніе вполнѣ вернулось ко мнѣ, я чувствовала, что жизнь моя разбита. Я поняла, что любовь Коли была лишь гнусная комедія, всѣ клятвы его— низкая и подлая ложь... Положеніе мое было тѣмъ болѣе ужасно, что я должна была ото всѣхъ скрывать свое горе, ни съ кѣмъ не могла подѣлиться имъ, не могла даже утопить его въ слезахъ... Съ удвоенной энергіей принялась я за работу, и въ ней стала находить утѣшеніе.

— А судьба, между тѣмъ, готовила мнѣ новый ударъ. Въ началѣ сентября я съ ужасомъ узнала, что готовлюсь быть матерью. По неопытности, я не обращала вниманія на разные симптомы болѣзни и только когда ребенокъ далъ себя почувствовать, поняла свое положеніе. Холодный потъ обдалъ меня... руки безсильно опустились... „Боже праведный,— думала я,—за что же такое испытаніе? Чѣмъ заслужила я подобную кару, чѣмъ прогнѣвила Тебя?" Съ этой минуты помыслы мои направились лишь къ тому, какъ бы скрыть свое положеніе отъ родителей. О томъ, что наступитъ моментъ, когда это сдѣлается невозможнымъ, я и не думала. Я сознавала, что рано или поздно все раскроется, но, тѣмъ не

менѣе, во что бы то ни стало, хотѣла отдалить эту страшную минуту. Наступила половина ноября. На дворѣ стояла зима, установившаяся еще съ конца октября. Въ этотъ день съ утра бушевала вьюга; порывистый вѣтеръ, свистя и завывая, подымалъ массы снѣжной пыли и, крутя ее въ воздухѣ, переносилъ съ мѣста на мѣсто. Отцу слегка нездоровилось и онъ сидѣлъ въ халатѣ на креслѣ около печки. Мать и я шили у стола.—„Маня,—обратился ко мнѣ старикъ,—набей-ка, милая, трубку и подай сюда".—Исполнивъ его приказанія, я подошла къ нему. Не беря отъ меня трубки, онъ пристально сталъ оглядывать меня.—„А ну-ка, повернись ко мнѣ бокомъ, — неожиданно проговорилъ онъ. Стой прямо, подыми голову, опусти свободно руки",—командовалъ далѣе отецъ. Я страшно смѣшалась.—„Мать!.. вдругъ грозно закричалъ онъ, вскакивая,—ступай сію минуту за акушеркой... А вы, сударыня,—обратился онъ ко мнѣ, — хватая меня за руку,—извольте отправиться въ спальню, да ждать тамъ рѣшенія вашей участи". Онъ грубо втолкнулъ меня въ сосѣднюю комнату. Мать что-то забормотала, но громовое „молчать" заставило ее повиноваться. Я поняла, что наступилъ моментъ гибели всей семьи. Я была убѣждена, что гордый старикъ, мечтавшій видѣть меня замужемъ за чиновникомъ съ хорошимъ положеніемъ, не переживетъ этого удара. Упавъ на кровать, я истерически зарыдала... Черезъ полчаса, двери спальни растворились и въ комнату вошла мать въ сопровожденіи пожилой акушерки. По предложенію матери, акушерка освидѣтельствовала меня и констатировала шестимѣсячную беременность. Мать горько заплакала... — „Маня, Маня, зачѣмъ ты себя погубила!"—только и повторяла она. Нервное потрясеніе моего организма было настолько велико, что на меня напалъ какой-то столбнякъ. Я молчала, какъ истуканъ, относясь ко всему вполнѣ безучастно. Акушерка удалилась. Вслѣдъ за нею вышла мать. Нѣсколько минутъ спустя, дверь въ спальню снова открылась и на этотъ разъ въ ней показался отецъ. — „Потрудитесь пожаловать сюда, сударыня",—стиснувъ зубы, промолвилъ онъ. Я машинально направилась въ гостиную и, взойдя туда, молча стала у дверей.—„Такъ вотъ вы какую радость уготовили родителямъ на старость, вотъ чѣмъ отблагодарили за всѣ попеченія о васъ,— почти задыхаясь отъ гнѣва, заговорилъ отецъ. — Боже мой, какой позоръ!.. Говори!—вдругъ подступивъ ко мнѣ и впившись въ меня глазами, закричалъ онъ:—съ кѣмъ? Назови его, негодница, чтобы я могъ этого подлеца задушить собственными руками. Съ кѣмъ, спрашиваю я?..." Я молчала. Отецъ, что есть силъ, ударилъ меня по щекѣ. Я пошатнулась, [illegible] посыпались изъ глазъ... —Хоть убейте,—тихо отвѣтила

—не скажу.— „Нѣтъ, мерзавка, врешь, скажешь!.. Я заставлю
бя говорить!“... Прокричавъ это, онъ схватилъ стоявшій въ
лу черешневый чубукъ и бѣшено сталъ наносить мнѣ
ары. Стиснувъ отъ боли зубы, я только инстинктивно за-
щала голову, не испуская ни единаго звука. Мать тщетно
талась защитить меня. Ударъ чубукомъ, нанесенный ей
головѣ, свалилъ старуху на полъ. Долго билъ меня отецъ...
дя, наконецъ, что и чубукъ не дѣйствуетъ, онъ внезапно
ырнулъ его въ сторону и прерывающимся голосомъ про-
ичалъ: „Змѣя подколодная!... Ты позоришь родителей и не
ешь мнѣ возможности отомстить за нашу поруганную честь,
къ знай же, съ этой минуты—ты мнѣ не дочь. Вонъ изъ
его дома и будь ты проклята!“ Онъ схватилъ меня за
ечо и, дотащивъ до передней, вытолкнулъ на лѣстницу.
ерь громко захлопнулась. Я все не могла опомниться и
одолжала стоять на площадкѣ лѣстницы, не давая себѣ
чета во всемъ происшедшемъ. Вдругъ наша дверь снова
ворилась. Смутно помню я, какъ мать сунула мнѣ въ руки
кую суконную кофточку и вязаный шерстяной платокъ,
скороговоркой прошептала:—„Голубушка, уходи скорѣй
сюда. Пойди куда нибудь къ знакомымъ, переночуй тамъ,
завтра возвращайся домой. Авось отецъ смилуется. Уходи
“... Мать перекрестила меня, поцѣловала и простилась
мною...

„Надѣвъ кофту и платокъ, я спустилась внизъ, вышла на
ицу и пошла куда глаза глядятъ. Я быстро подвигалась
ередъ. Холодный вѣтеръ рѣзалъ мнѣ лицо, острыя снѣ-
инки иглами впивались въ него, но я ничего не замѣчала,
шла и шла... Куда, зачѣмъ? я не знала. Что-то тол-
ло меня впередъ, дальше отъ родительскаго крова. Я ни-
го не ощущала въ это время, ни нравственныхъ страда-
, ни физической боли... Все какъ будто бы замерло во
ѣ. Лишь послѣднія грозныя слова отца: „будь проклята“,
овѣще звучали въ ушахъ. Долго я бродила по улицамъ...
омню теперь, какъ во снѣ: къ концу дня, когда ужь на-
ло темнѣть, очутилась я, непонятнымъ для меня образомъ,
Елагинской стрѣлкѣ. Мятель все не унималась. Рѣзкій
верный вѣтеръ, гулявшій здѣсь на свободѣ, обдалъ меня
оимъ ледянымъ дыханіемъ.... Страшная дрожь пробѣжала по
ему тѣлу, и я словно очнулась отъ летаргическаго сна. Съ
доумѣніемъ стала я озираться вокругъ. Наконецъ, взоръ
й упалъ на еле примѣтный силуэтъ брандвахты и я уз-
ла то мѣсто, куда много разъ ходила въ теченіе лѣта,
объ посидѣть на завѣтной скамеечкѣ, гдѣ Коля такими
рашными клятвами клялся мнѣ въ вѣчной любви. Я при-
изилась къ этой скамейкѣ и опустилась на нее. „Какъ все

измѣнилось съ того дня, когда мы вдвоемъ тутъ сидѣли, — думалось мнѣ,—и какая ужасная перемѣна"... Я взглянула на чудный видъ взморья, которымъ съ такимъ восторгомъ любовалась всегда. Но онъ исчезъ, — мятель скрывала его снѣжной пеленой. Все кругомъ было мертво, сковано льдомъ. Послѣдній отблескъ вечерней зари освѣщалъ окружавшія меня деревья, казавшіяся гигантскими скелетами. Долго любовалась я безотчетно картиною смерти. Незамѣтно стемнѣло... Я больше ничего не вижу... Нервная дрожь охватила меня... Но вотъ я замѣтила свѣтлую полосу... и стала различать въ ней людей... Что это такое? подумала я. Предо мною вдругъ стали проноситься картины пережитаго мною за послѣднее время. Широко раскрывъ глаза, жадно впивалась я въ проходившіе мимо меня образы. Одна картина быстро смѣняла другую. Наконецъ вдали, сперва какъ бы въ туманѣ, а потомъ все ближе, все явственнѣе, вижу я отца, стоящаго предо мной съ поднятой рукой, съ исказившимся отъ гнѣва лицомъ. Въ воздухѣ внезапно замелькали тысячи какихъ-то чудовищъ; они пролетали вблизи, задѣвали меня своими длинными крыльями... Деревья ожили, я увидала ясно, что это скелеты протянули ко мнѣ длинныя костлявыя руки... Ужасъ объялъ меня. Вдругъ вся эта вереница остановилась, впилась въ меня своими ужасными, ярко горѣвшими во тьмѣ, глазами и разомъ на тысячи голосовъ трижды прокричала: „будь проклята!" Затѣмъ раздался оглушительный хохотъ, вой, визгъ,—и все бросилось къ мнѣ...

— Придя въ себя,—продолжала Марья Николаевна свою грустную повѣсть,—я увидѣла, что лежу въ какой-то огромной, странной по виду комнатѣ, на жосткой постели, отъ которой вправо и влѣво тянулся длинный рядъ кроватей. Такой же рядъ ихъ проходилъ вдоль оконъ. Откуда-то доносились страдальческіе стоны... Я сдѣлала попытку приподняться, но напрасно,—у меня не было силъ. Молча стала я озираться вокругъ. Свѣтлозеленыя крашеныя стѣны, огромныя окна съ поднятыми темными шторами; въ углу, высоко, небольшой образъ... „Какъ я сюда попала?... и что тутъ такое?... размышляла я далѣе,—должно быть, я въ больницѣ. Но вѣдь я не хворала, была здорова все время... Зачѣмъ же меня сюда положили?" Въ это время, къ постели подошла сидѣлка и, нагнувшись надо мной, пытливо заглянула мнѣ въ глаза.—Скажите, гдѣ я?—слабымъ голосомъ спросила я. — „А, милая, очнулась наконецъ!... Шутка сказать—двѣ недѣли въ бреду была, и вѣдь хоть бы на минутку пришла въ себя,—добавила она, качая головой. — А гдѣ вы? спрашиваете, извѣстно гдѣ, въ родовспомогательномъ заведеніи".

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, я узнала отъ сидѣлки,

что была доставлена въ больницу прямо изъ участка, съ отмороженными руками и ногами, что (какъ она узнала отъ акушерки) въ бумагѣ отъ пристава сказано было, что я была найдена казачьимъ разъѣздомъ на концѣ Елагина острова, что, привезенная въ участокъ, преждевременно разрѣшилась отъ бремени мертвымъ младенцемъ мужскаго пола и что, наконецъ, по доставленіи сюда, докторà признали у меня родильную горячку и воспаленіе мозга. Я жадно схватывала на лету каждое слово. Все прошедшее вдругъ воскресло въ памяти... вся безотрадность моего положенія ясно раскрылась предо мною. Слезы градомъ полились изъ глазъ; тихія всхлипыванія понемногу перешли въ громкія истерическія рыданія, кончившіяся новымъ обморокомъ. Горячка снова усилилась. Болѣе недѣли пролежала я въ бреду, между жизнью и смертью... Къ несчастію, смерть не захотѣла избавить меня отъ тѣхъ мукъ и страданій, которыя судьба, такъ безжалостно надругавшаяся надо мною, готовила мнѣ еще въ будущемъ. Шесть недѣль пробыла я къ больницѣ... Въ самый сочельникъ Рождества, обходя утромъ палаты, старшій докторъ, приблизившись къ моей кровати, мелькомъ окинулъ меня ничего невыражавшимъ взглядомъ и, повернувшись къ сопровождавшему его ординатору, процѣдилъ сквозь зубы: „выписать ее“. Только четверть часа спустя, когда ко мнѣ подошла сидѣлка, принеся съ собой узелъ съ моимъ платьемъ, я поняла значеніе этой фразы.—„Ну, милая моя, одѣвайтесь. Васъ велѣно выписать изъ больницы. Раненько, кажись, да что дѣлать,—мѣста-то намъ дороги“. — Молча надѣла я свое измятое платье, легкую кофточку, повязала на голову шерстяной платокъ и, вмѣстѣ съ сидѣлкой, направилась по палатамъ къ выходу. — „Какъ это вы такъ легко одѣты, да выдете на этакій холодище. Вѣдь нынче самый что ни на есть рождественскій морозъ—девятнадцать градусовъ“. Я молчала. Да и что могла я ей отвѣтить? Простившись съ доброю сидѣлкой, я вышла на улицу. Нѣсколько минутъ простояла я въ раздумьѣ, куда идти. — Пойду,—рѣшила я наконецъ,—домой. Брошусь отцу въ ноги, во всемъ покаюсь, все разскажу ему, ничего не тая... Авось смилуется и проститъ меня грѣшную... и снова наша жизнь потечетъ по старому. Да и день-то сегодня вѣдь какой — сочельникъ Рождества Христова... Радостная надежда на примиреніе съ родителями охватила все существо мое, придала мнѣ силъ и бодрости. Я быстро пошла по направленію къ Коломнѣ. Вотъ я у гостиннаго двора—вижу цѣлый лѣсъ разукрашенныхъ ёлокъ. Вспомнила я съ грустью минувшее дѣтство—какъ старикъ отецъ самъ клеилъ кольца и круги изъ разноцвѣтной бумаги, украшая тайкомъ отъ меня ёлку; самъ за-

лотилъ орѣхи, склеивалъ изъ миндалю всевозможныя фигуры, дѣлалъ разноцвѣтные фонарики. Какимъ счастьемъ исполнялось мое дѣтское сердечко, при видѣ блестяще-разукрашенной ёлки. А зажигали ее всегда въ самый сочельникъ.

— По Большой Садовой я еле-еле протолкалась чрезъ сплошную массу народа. Длинные ряды возовъ съ живностью, тянувшіеся по обѣимъ сторонамъ улицы, почти отъ Банка вплоть до Сѣнной, были окружены покупателями, спѣшившими запастись къ празднику провизіей. Наконецъ, вдали показался нашъ домъ. Сердце трепетно забилось отъ волненія. Незамѣтно прошла я подъ ворота и прямо поднялась на верхъ. У дверей я перекрестилась и позвонила. Минуту спустя, дверь отворилась и въ ней показалась незнакомая мнѣ пожилая женщина.—Вамъ кого? спросила она. Я назвала имя отца.—Такого здѣсь нѣтъ. Дверь захлопнулась у меня подъ носомъ.—Должно быть, старики переѣхали,—успокоивала я себя.—Пойду къ швейцару, отъ него все разузнаю.—Когда я вошла въ швейцарскую, Семенъ сидѣлъ на скамейкѣ и читалъ газету. Увидавъ меня, онъ вскочилъ, вытаращилъ глаза и, видимо, сильно растерялся. „Барышня, да неужто это вы? забормоталъ онъ: какими судьбами, откудова Господь Богъ васъ принесъ?“ — Семенъ, я была сейчасъ на верху, перебила я его: въ квартирѣ нашей живутъ чужіе. Скажи мнѣ, ты навѣрно знаешь, куда переѣхали родители? — „Нѣтъ, барышня, взволнованнымъ голосомъ вдругъ заговорилъ онъ:—увольте. Подите, спрашивайте дворниковъ, а я вамъ не отвѣтчикъ. Довольно напугали меня въ тотъ разъ, будетъ съ меня!“... Я смутно почуяла новый ударъ... —Умоляю тебя, говори скорѣй, что случилось!.. Вѣрно, несчастье какое нибудь... да?..—Долго упрашивала я старика разсказать мнѣ все толкомъ; наконецъ, уломала его, причемъ онъ настоялъ однако, чтобъ я изъ швейцарской перешла къ нему въ каморку. Мы направились туда.—„Садитесь, барышня, вотъ сюда“,—онъ заботливо придвинулъ табуретку, а самъ сѣлъ на скамейку. Я рѣшила хранить упорное молчаніе, опасаясь, что старикъ передумаетъ и откажется говорить. Ужасный разсказъ Семена запечатлѣлся въ моей памяти; каждое слово его глубоко врѣзалось въ ней, и я постараюсь буквально передать все услышанное мною въ этотъ роковой день.—„Такъ вотъ, барышня, ужь такъ и быть, началъ онъ:—разскажу вамъ по порядку обо всемъ, что случилось у насъ за это время. Слушайте же... съ того дня, какъ вы ушли изъ дому, батюшка вашъ запилъ, какъ говорится, горькую. Видно, любилъ онъ васъ и, надо быть, скучалъ безъ васъ... Денегъ-то, должно, у него не хватило на пропой, такъ онъ понемногу сталъ продавать мебель да

закладывать разныя вещи. Недѣли черезъ двѣ, младшій дворникъ, носившій къ вамъ дрова, сказывалъ мнѣ, что во всей квартирѣ только и осталось, что кровать, старый кухонный столъ да продавленный стулъ. Шибко сталъ поколачивать отецъ вашъ,—прости ему Господи,—вашу матушку. Бывало, вернется во хмѣлю, изобьетъ ее и выгонитъ на дворъ. Сосѣди изъ жалости пускали ее на ночь къ себѣ, а то иногда въ дворницкой, аль у меня заночуетъ. На утро проспится и ничего, впуститъ ее, напьется чаю и снова уйдетъ до вечера. Случалось, что и дома не ночевалъ. Жалко было смотрѣть на него: все платье заложилъ, али продалъ, остались лишь порванное лѣтнее пальто, обтрепанныя брюки, да старая фуражка:—такъ и ходилъ въ морозъ-то... А съ лица ужь какъ измѣнился, страсть,—просто не узнать... Наступилъ декабрь, дворникъ сталъ ходить за деньгами, а онъ все говорилъ: „вотъ скоро получу большія деньги и тогда расплачусь со всѣми“. Хозяинъ-то нашъ, барышня, строгъ насчетъ жильцовъ, взялъ да и подалъ къ мировому насчетъ выселенія изъ квартиры. Дня черезъ два послѣ того, часовъ въ десять утра, только что разсыльный принесъ отъ мироваго повѣстку, является ко мнѣ, вся въ слезахъ, ваша матушка да и говоритъ, что мужъ-то ейный получилъ повѣстку, подошелъ къ образу, сорвалъ съ него серебряную ризу да какъ швырнетъ образъ-то въ уголъ, такъ тотъ на-двое расщепился!.. Матушка ваша стала вырывать у него ризу, а онъ избилъ ее и вытолкалъ изъ квартиры. Вышелъ тутъ же, самъ заперъ дверь снаружи висячимъ замкомъ и ушелъ изъ дому, а матушку-ту вашу оставилъ на холодной лѣстницѣ. — Что-жъ, говорю, барыня, Господь, видно, за грѣхъ посылаетъ испытаніе... Пробудьте у меня въ каморкѣ, а тамъ мужъ вашъ вернется и пуститъ васъ въ квартиру... Не на дворѣ же вамъ ждать его цѣлый день!“ Долго плакала ваша матушка, а ужь и жалостно было слушать, какъ она причитала. „Извергъ, говоритъ, дочь загубилъ... Вѣрно, бѣдненькая, руки на себя наложила, царствіе ей небесное. Домъ весь разорилъ, все пропилъ, ничего не пожалѣлъ... Обручальныя кольца — и тѣ заложилъ... А теперь вотъ съ родительскаго благословленія ризу содралъ и пропьетъ ее безпремѣнно“. — Такъ матушка ваша и пробыла у меня весь день. Вечеромъ три раза ходила узнать, не вернулся ли мужъ, а его все не было до поздней ночи. На другой день, рано поутру, пошла она опять на верхъ, а квартира все была заперта. Тогда я позвалъ старшаго дворника, и мы порѣшили вдвоемъ сломать замокъ и впустить вашу матушку въ квартиру. Только что мы сдѣлали это и спустились внизъ, видимъ,—младшій дворникъ бѣжитъ намъ на встрѣчу да и говоритъ старшему-то:

„у насъ несчастье!.. ступай скорѣй къ воротамъ, — трупъ привезли!..“ Мы бѣгомъ туда. Смотримъ, стоятъ розвальни, а на нихъ лежитъ что-то прикрытое рогожею; возлѣ—околодочный и городовой. Околодочный-то смѣется и говоритъ намъ: „а ну-ка, ребята, получайте вашего жильца“. Подошли это мы, приподняли рогожку да такъ и ахнули: на розвальняхъ лежалъ вашъ батюшка... Лицо все посинѣвши, глаза полуоткрыты, а тѣло окоченѣло, твердое такое стало, словно камень. Околодочный приказалъ дворникамъ тотчасъ же нести покойника въ квартиру, а намъ объяснилъ, что родитель-то вашъ былъ найденъ замерзшимъ сегодня поутру на Фонтанкѣ, близъ Аларчина моста. Должно быть, онъ, сильно выпивши, возвращался домой и хотѣлъ перейти черезъ рѣку, да сбился съ дороги и замерзъ. Въ участкѣ его признали и привезли сюда. Въ квартирѣ было страсть какъ холодно. Я попросилъ младшаго дворника принести охапку дровъ, затопилъ печку, сбѣгалъ за кипяткомъ, захватилъ у себя чаю да сахару и, вернувшись наверхъ, напоилъ матушку вашу чаемъ. Тутъ она понемногу пришла въ себя и начала плакать. Я ушелъ на подъѣздъ, зашелъ по пути къ дворничихѣ и упросилъ ее обмыть покойника. Выхожу изъ воротъ, смотрю: у подъѣзда стоитъ извощикъ, а на панели нашъ баринъ, — увидали меня и стали ругаться!... —Ты что это, говоритъ: скотина, не на своемъ мѣстѣ? Самому мнѣ, что ли, бѣгать мѣнять деньги? На, размѣняй рубль и дай извощику другривенный. Да, кстати, добавили они:—передай старшему дворнику, чтобъ завтра никуда не отлучался изъ дому: утромъ явится съ полиціей судебный приставъ—выселить эту сволочь изъ двадцать шестаго номера.— Я хотѣлъ было объяснить имъ про несчастье, а они не дали и слова сказать и ушли на верхъ. И, дѣйствительно, на другой день явился приставъ съ околодочными и понятыми. Дворникъ разсказывалъ мнѣ, что, какъ вошелъ это приставъ въ пустую квартиру да увидалъ покойника, такъ только перекрестился и сказалъ: „Мнѣ ужь тутъ нечего дѣлать, мы выселяемъ живыхъ, а не мертвыхъ. А хозяину вашему передайте, что, коли хочетъ выселить этого жильца, такъ пусть схоронитъ его на свой счетъ; если же денегъ жаль, то можетъ подать заявленіе въ полицію, и несчастнаго похоронятъ на казенный счетъ“. Дворникъ такъ и передалъ хозяину. Тотъ сейчасъ же послалъ его въ участокъ. Къ вечеру привезли сосновый гробъ. Хозяинъ уѣхалъ въ театръ, и я былъ свободенъ. Досталъ я изъ сундука новую ситцевую рубаху и пошелъ къ вамъ на верхъ. Одѣли мы покойника, причесали, дворничиха кое-какъ зашила дырья на колѣняхъ брюкъ и уложили его въ гробъ. Утромъ на другой день

прислали изъ участка однокопныя дроги, поставили на нихъ гробъ и увезли. Мнѣ никакъ невозможно было отлучиться, и ваша матушка одна пошла за гробомъ. Подъ вечеръ вернулась она, слабенькая такая, изнурившись совсѣмъ. Говорила, что гробъ повезли на какой-то вокзалъ, а оттуда ужь его отправятъ по желѣзной дорогѣ на загородное кладбище: такъ не удалось ей и землицы-то посыпать на гробъ мужа. Ужь какъ горевала она, не приведи Господи!.. Межъ тѣмъ хозяинъ строжайше приказали, чтобъ къ утру квартира была очищена, и сказали дворнику, что сами придутъ посмотрѣть, какой ремонтъ нужно въ ней произвести. Дѣлать нечего, матушкѣ вашей по неволѣ пришлось выѣзжать... А деньжонокъ-то какъ есть ничего. И вотъ продала она сосѣдямъ послѣднее свое имущество: кровать съ матрацемъ и двумя подушками, кое-какую посуду, кухонный столъ и продавленный стулъ, да съ этими деньгами и съ маленькимъ узелочкомъ бѣлья вышла на улицу... Съ тѣхъ поръ я ее не видалъ и ничего даже не слыхалъ объ ней. Вотъ барышня, закончилъ Семенъ свой длинный разсказъ:—все, что я знаю о вашихъ родителяхъ"...

Что творилось у меня въ душѣ во время повѣствованія старика, трудно передать словами. Я жадно вслушивалась въ каждое слово: каждый звукъ его голоса, словно растопленный свинецъ, обжигалъ меня; каждое слово наносило мнѣ острый ударъ по сердцу, и безъ того уже перенесшему столько тяжелыхъ ранъ. Удивляюсь, какъ это сердце не разорвалось при вѣсти о трагической кончинѣ несчастнаго отца. Слезы давили мнѣ грудь, подступали къ горлу, душили меня, но ни одна не вылилась наружу... Я была совершенно подавлена громадностью горя... Но вотъ старикъ кончилъ свой разсказъ; я встала.

— Спасибо тебѣ, Семенъ, обратилась я къ нему: дай мнѣ пожать твою руку. Благодарю тебя отъ всей души за отца, за мать и за себя. Богъ вознаградитъ тебя за твое великодушное сердце...

Я крѣпко пожала ему руку.

— Помилуйте, барышня, дорогая моя, благодарить-то меня не за что. Ужь какъ мнѣ жалко было огорчать васъ дурными вѣстями, да что жъ дѣлать?.. вѣдь надо же было вамъ узнать правду!.. Не уходите, барышня. Посидите немного, а я вамъ мигомъ чайку изготовлю. На дворѣ вѣдь страсть какъ холодно!..

Но во мнѣ еще не угасъ послѣдній лучъ надежды. Я рѣшилась попытаться разыскать, во что бы то ни стало, мою мать и стать опорою ея печальной старости.

— Нѣтъ, Семенъ, спасибо тебѣ, мнѣ некогда, я тороплюсь... прощай же.

Я быстро направилась къ адресному столу, надѣясь узнать тамъ, гдѣ находится матушка. Войдя туда, я обратилась къ чиновнику, выдававшему справки черезъ продѣланное въ стѣнѣ отверстіе.

„— Потрудитесь купить бланкъ и написать на немъ званіе, имя, отчество и фамилію того лица, адресъ котораго желаете узнать.

— Тутъ только вспомнила я съ ужасомъ, что у меня въ карманѣ не было ни копѣйки. Что дѣлать?.. Я въ изнеможеніи опустилась на скамейку: просить у незнакомыхъ, чужихъ людей, думала я, языкъ не повернется, рука не поднимется. Вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль обратиться за помощью къ Семену. Вскочивъ со скамейки, я быстро пошла обратно. Съ крайнимъ удивленіемъ выслушалъ добрый старикъ мою просьбу. Войдя къ себѣ въ каморку, онъ вынесъ три рубля и взволнованно заговорилъ:

„— Барышня, голубушка, не побрезгайте!.. Вижу я—нужны вамъ теперь деньги. Возьмите, вотъ все, что у меня есть пока... не обидьте меня... да мнѣ теперь и деньги-то не нужны. Завтра вѣдь Рождество, такъ отъ господъ наберу достаточно... Возьмите же“.

— Нѣтъ, не надо.... почти прокричала я въ отвѣтъ: умоляю тебя, дай мнѣ двѣ копѣйки... мнѣ только и нужно... но, Бога ради, скорѣй...

— Пожавъ плечами, досталъ Семенъ изъ кармана нѣсколько мѣдныхъ монетъ и подалъ мнѣ одну изъ нихъ.—„Напрасно, барышня, съ грустью проворчалъ онъ—обижать изволите“...—Двѣ копѣйки были, наконецъ, у меня въ рукахъ. Сжавъ ихъ судорожно въ кулакъ, я скоро побѣжала въ адресный столъ. Черезъ полчаса я получила справку, но на ней значился нашъ старый адресъ. Въ отчаяніи я вышла на улицу. Пройдя въ раздумьѣ нѣсколько шаговъ, я вдругъ вспомнила, что, помимо адреснаго стола, кто нибудь изъ нашихъ бывшихъ знакомыхъ, изъ тѣхъ, у кого бывала матушка, можетъ легко указать мнѣ ея мѣстожительство. Я тутъ же рѣшила обойти ихъ всѣхъ, не теряя ни одной минуты. Перебравъ въ памяти всѣхъ знакомыхъ, я остановилась на четырехъ семействахъ, съ которыми мы были болѣе близки. И вотъ, прежде всего, направилась я къ отставному чиновнику, жившему у Калинкина моста. Жена его встрѣтила меня очень сухо, спросила, не подавая руки, что мнѣ нужно, и грубо заявила на мой отвѣтъ, что у нея взрослыя дочери, и потому она, какъ порядочная мать, тотчасъ же прекратила знакомство съ моими родителями, какъ узнала о моемъ дурномъ поведеніи. Молча снесла я жгучее оскорбленіе и, пошатываясь, вышла на улицу. Отсюда я пошла на Васильев-

скій островъ, къ таможенному чиновнику, давнишнему пріятелю отца. Я застала старика дома, но, къ несчастью, онъ не могъ сообщить мнѣ о матушкѣ никакихъ данныхъ. „Я самъ узналъ о постигшемъ васъ несчастьѣ отъ вашего же дворника и не далѣе, какъ на прошедшей недѣлѣ, собравшись какъ-то навѣстить отца вашего, царствіе ему небесное. Жаль мнѣ васъ отъ души, но помочь вашему горю не могу". Съ Васильевскаго прошла я, черезъ Тучковъ мостъ, на Петербургскую сторону. Тутъ жили остальныя два семейства. Первое изъ нихъ, нанимавшее небольшую квартиру въ концѣ Большой Зелениной улицы, къ несчастью, переѣхало неизвѣстно куда; во второмъ же семействѣ, проживавшемъ вблизи Зоологическаго сада, меня приняли въ передней и коротко заявили, что не знаютъ ничего о матери... Итакъ, всѣ мечты о встрѣчѣ праздника съ матушкой разбились въ дребезги! Понуря голову, вышла я изъ дома, въ которомъ угасла послѣдняя искра надежды. Отъ всего пережитаго въ этотъ день нервы мои какъ-то одеревенѣли, и я машинально двигалась впередъ, куда глаза глядятъ. На Троицкомъ мосту я впервые почувствовала морозъ. Огромнымъ снѣжнымъ полемъ разстилалась въ обѣ стороны Нева, и гулявшій по ней вѣтеръ сталъ насквозь пронизывать меня. Руки и ноги начали коченѣть; холодъ причинялъ мнѣ невыразимую физическую боль. Меня поглощала въ это время лишь одна мысль: какъ бы укрыться отъ мороза, какъ бы согрѣться гдѣ-нибудь... Я прибавила шагу, иногда останавливалась и терла себѣ руки и лицо снѣгомъ, но ничто не помогало. Не помню ужъ, какъ я прошла Царицынъ лугъ и Большую Садовую... Наступившая темнота усиливала дѣйствіе сковывавшаго меня холода. Лишь дойдя до Невскаго проспекта и увидавъ предъ собою Гостиный дворъ, вспомнила я о Пассажѣ и стремглавъ направилась къ нему...—Боже, какое блаженство! наконецъ то, я дышу теплымъ воздухомъ... О, теперь я не замерзну,—мелькнула въ моей головѣ мысль, подсказанная чувствомъ самосохраненія. Понемногу я стала отогрѣватхся. Масса народа переполняла Пассажъ; во всѣхъ магазинахъ, черезъ громадныя зеркальныя стекла оконъ, виднѣлось множество покупателей. Всѣ они, видимо, торопились завершить свои покупки къ радостному празднику... Сознаніе полнаго одиночества вдругъ охватило все мое существо. Я съ ужасомъ поняла сразу, какъ чужды мнѣ стали всѣ люди, какъ чуждъ весь міръ. Слезы глубокаго отчаянія ручьемъ полились изъ глазъ. Я поспѣшила укрыться въ боковой ходъ на верхъ и безсильно опустилась на каменныя ступени. Тяжелыя мысли тѣснились въ головѣ... Боже праведный! за что послалъ ты мнѣ такое испытаніе?.. Меня, безконечно обожавшую отца, ты сдѣлалъ причиною его несчастной гибели...

Лучше бы ты покаралъ меня одну, если я чѣмъ нибудь прогнѣвила тебя!.. Бѣдный отецъ!.. всю жизнь ты высоко держалъ свою честную голову, и что жъ? Твое же любимое и единственное дѣтище покрыло твои сѣдины несмываемымъ позоромъ... впервые ты долженъ былъ преклонить голову, не смѣя никому взглянуть прямо въ глаза. Но ты не вынесъ такого безчестья... Въ винѣ ты думалъ утопить его, въ немъ искалъ забвенія... А матушка... гдѣ ты?.. Умерла, должно быть... Да и гдѣ же было тебѣ, слабой, болѣзненной, вынести столько горя?.. Несчастная мученица, сколько выстрадала ты безвинно изъ-за меня!.. Нѣтъ, теперь я сама вижу—проклята я, проклята!.. Долго проплакала я на лѣстницѣ. Проходившіе мимо меня мелькомъ взглядывали и, безучастно отвернувшись, шли дальше. Истомленная физически и нравственно, я незамѣтно для себя уснула крѣпкимъ сномъ. Сколько времени я спала—не знаю. Вдругъ я почувствовала сильный ударъ въ лѣвый бокъ и испуганно проснулась. Широко раскрывъ глаза, я растерянно стала озираться вокругъ: надо мною стоялъ человѣкъ, лица котораго я не могла разглядѣть, благодаря царившему кругомъ мраку. „Эй ты, бродяга, грубо прокричалъ онъ:—ты что это разлеглась тутъ? Ишь, нашла гдѣ мѣсто для спанья! Ну же, поворачивайся, чертовка.“—Онъ вторично лягнулъ меня. Я моментально вскочила.—„Ну, живо, маршъ отсюда,—командовалъ сторожъ: всѣ магазины давно закрыты, огни погашены, да и двери, почитай, ужь заперты, а тутъ, вишь, ночлежница выискалась... Рвань эдакая, носятъ васъ лѣшіе!“—Я молча направилась къ выходу. Слѣдомъ за мною шелъ сторожъ, громко ругаясь. Когда я шла изъ галлереи на большую площадку парадной лѣстницы, сбоку внезапно открылась стеклянная дверь ресторана, и оттуда кто-то вышелъ. Дверь снова заперли, а меня всю обдало необычайно пріятнымъ и вкуснымъ запахомъ жареной говядины. Голодъ вдругъ заговорилъ во мнѣ съ страшною силою, да и не удивительно: болѣе сутокъ я ничего не ѣла. Я стала ощущать непреодолимую потребность въ какой бы то ни было пищѣ; чувствовала, какъ спазмы стали сводить мнѣ желудокъ. При мысли объ ѣдѣ, мои скулы судорожно сжимались... Вы, конечно, никогда этого не испытывали, а потому и не можете представить себѣ, что такое муки голода! Едва я прошла шаговъ пятьдесятъ по опустѣвшему проспекту, какъ морозъ, усилившійся къ ночи, началъ пронимать меня. Я вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и быстро подвигалась впередъ...

— Куда, зачѣмъ?—я не отдавала себѣ отчета... а голодъ все болѣе и болѣе усиливался... Разъ пробудившись, онъ ужь не хотѣлъ уснуть снова и мучительно терзалъ меня.

цетно думала я унять его, пробуя ѣсть снѣгъ: это лишь илило ощущеніе голода. Страшное отчаяніе переполнило болѣвшую душу. Мысль о самоубійствѣ внезапно встала едо мною, и я рѣшилась тутъ же покончить съ собою. Все равно, утѣшала я себя: гибель неизбѣжна, такъ ужь чше разомъ отдѣлаться отъ всѣхъ мукъ и страданій. Луч- Нирвана,—какъ видите, я читала Шопенгауэра,—чѣмъ эта возможная, нечеловѣческая жизнь". Я вошла въ ворота кого-то дома, дико озираясь вокругъ, прокралась во вто- й дворъ... тамъ не было ни живой души. Вдругъ я увидала сокую лѣстницу, приставленную къ стѣнѣ. Недолго думая, орвала я отъ своей юбки широкій воланъ, скрутила его въ ве- вку и, сдѣлавъ на одномъ концѣ глухую петлю, надѣла ее шею, другой же конецъ коротко подвязала къ одной изъ рекладинъ лѣстницы. Все это продѣлала я съ полнымъ окойствіемъ. „Господи! прости мои прегрѣшенія и пріими ю душу", прошептала я, закрывъ глаза, перекрестилась тихо опустилась на землю. Петля страшно сдавила мнѣ ло... дыханіе остановилось... глаза стали раскрываться ире, въ головѣ застучало, завертѣлось... Я начала те- ть сознаніе... Въ эту минуту, во мнѣ неожиданно проснулась вконечная жажда жизни... Собравъ послѣднія силы, я съ удомъ сорвала съ себя петлю, инстинктивно отскочила отъ ковой лѣстницы и, облокотившись о стѣну, полною грудью ала вдыхать въ себя морозный воздухъ... Нѣсколько опра- вшись, я безотчетно повернула голову и взглянула на лѣст- цу. Невыразимый ужасъ оледенилъ въ жилахъ моихъ всю овь, сердце замерло... я увидала себя же, безсильно-вися- ю въ петлѣ. Я видѣла ясно во тьмѣ свое обезображенное ертью лицо, съ широко открытымъ, искривленнымъ ртомъ глазами, вышедшими изъ орбитъ... Обезумѣвъ отъ страха, нулась я въ первый дворъ и стремглавъ выбѣжала на ицу.

— Нѣтъ, неправда, шептала я:—это не я... я не умер- .. я жива и жить хочу!.. О, какъ страшна смерть!.. Долго одила я безцѣльно по улицамъ Петербурга. Муки голода немногу затушили всѣ прочія страданія и сдѣлались совер- нно невыносимыми. Была минута, когда я, проходя мимо бу- ной, хотѣла разбить стекло и схватить хоть одну булку; мысль, что меня сочтутъ воровкой, удержала мою руку. помню, въ которомъ часу, но, должно быть, уже поздно, очу- лась я снова на Невскомъ, близъ Николаевскаго вокзала. Я ствовала, какъ силы мои постепенно слабѣютъ, и съ трудомъ редвигала я ноги. „Вотъ, думала я:—доберусь до какого нибудь стыннаго мѣста, прилягу на землю и засну... а во снѣ за- зну безъ страданій".—„Эй, мамзель, раздался въ это вре-

мя возлѣ меня чей-то голосъ: постой, милая"... Предо мною стоялъ довольно высокаго роста человѣкъ съ бородою, съ виду похожій на купца средней руки, закутанный въ огромную шубу. „Слушай, поѣдемъ ка со мной... сюда, недалече..." Я съ недоумѣніемъ взглянула на него.—Извините, сударь, я васъ не знаю. — „Эка важность!.. познакомимся. Да и чего бояться-то? вижу—вся промерзла насквозь, вотъ и пообогрѣешься, а тамъ ужиномъ накормлю". При словѣ „накормлю"— я внезапно вся оживилась. Словно электрическая искра прошла по всему моему тѣлу. Я схватила его за руку.—Какъ вы сказали?.. накормлю?.. значитъ, дадите мнѣ ѣсть, да?—Я съ надеждой и страхомъ заглянула ему въ глаза.—„Ну, разумѣется, коли сказалъ, стало быть, и накормлю. Мы не какіе нибудь... слава Богу,—въ купцахъ второй гильдіи состоимъ..." Новый приступъ голода рѣшилъ безповоротно всѣ мои сомнѣнія.—Извольте, я согласна. Везите, куда хотите.— „Вотъ что еще, милая... А ну-ка, подойди къ фонарю, вотъ сюда, поближе."—Говоря это, онъ безцеремонно подвелъ меня къ столбу и повернулъ лицомъ къ свѣту. Я ничего не понимала.—„Да, недурна, пробормоталъ онъ,—а то корявыхъ да гадкихъ страсть какъ не люблю! Ну, ѣдемъ!.. Эй, подавай!" крикнулъ онъ, проѣзжавшему извощику... Четверть часа спустя, мы остановились у воротъ какого-то дома и, войдя во дворъ, поднялись по черной лѣстницѣ во второй этажъ. Купецъ сильно позвонилъ два раза. Черезъ нѣсколько минутъ, заспанный половой впустилъ насъ. Мы очутились въ полуосвѣщенномъ длинномъ коридорѣ. Введя насъ въ одну изъ комнатъ, выходившихъ въ коридоръ, половой тотчасъ же отправился за холодною закускою. Я сгорала отъ нетерпѣнія, какъ бы поскорѣе дорваться до ѣды. Наконецъ, дверь открылась, и въ ней появился половой съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ. Съ жадностью голоднаго волка набросилась я на поданныя закуски... Купецъ все подливалъ мнѣ водки, и я пила ее, желая поскорѣе забыться. Когда я проснулась, въ комнатѣ никого, кромѣ меня, не было. Одѣваясь, я нашла въ карманѣ кофточки рублевую бумажку: это былъ первый заработокъ позора... Я поняла, что паденіе мое безвозвратно, что я погибла на всю жизнь... Горько зарыдавъ, упала я на кровать... Не стану описывать вамъ моей дальнѣйшей жизни по нынѣшній день. Казалось бы, прошло вѣдь столько времени,— я должна бы привыкнуть къ своей гнусной профессіи, но повѣрите ли, это выше силъ моихъ, внѣ моей воли... Впрочемъ, я нашла способъ обойти отвращеніе, внушаемое мнѣ моею жизнью: какъ мой несчастный отецъ, въ винѣ топлю я страданія своей надломленной души, въ немъ ищу и нахожу забвеніе... Правда, вино быстро подрываетъ мое здоровье,

да вѣдь полнаго разрушенія, то есть смерти, я только и ищу, только и желаю. У меня не хватаетъ характера наложить на себя руки. Но зато, какъ я жажду смерти... она разомъ избавитъ меня отъ нравственныхъ мукъ... Докторъ, умоляю васъ, быть можетъ, есть такой ядъ, который убиваетъ въ одно мгновеніе, безъ страданій!.. Дайте мнѣ его, спасите меня отъ этой проклятой, каторжной жизни!..

III.

Истерически рыдая, Марья Николаевна простирала ко мнѣ руки. Вопль ея вызвалъ у меня искреннія слезы участія. Я поднялъ ее, усадилъ и всѣми силами старался успокоить. Я былъ совершенно потрясенъ ужасной исторіей ея паденія: все какъ бы сговорилось противъ нея, чтобъ погубить это несчастное созданіе. Конечно, я и не думалъ бросать въ нее камнемъ... Въ своемъ паденіи она и теперь была неизмѣримо выше и нравственнѣе многихъ женщинъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, а втайнѣ безъ совѣсти и стыда торгующихъ своимъ тѣломъ, продающихъ его не ради куска хлѣба, а ради увеличенія и безъ того окружающей ихъ роскоши.

Я рѣшился во что бы то ни стало вырвать Марью Николаевну изъ той обстановки, въ которую такъ безжалостно бросилъ ее злой рокъ, и тутъ же сталъ доказывать ей, что для нея еще не все потеряно, что она и теперь можетъ и должна бросить эту жизнь и смѣло вернуться въ общество порядочныхъ и честныхъ людей, въ которомъ она не замедлитъ заявить себя съ лучшей стороны. Развивая далѣе планъ ея избавленія, я говорилъ, что увезу ее далеко, на другой конецъ Россіи, гдѣ никто не знаетъ ея прошлаго, гдѣ она смѣло, безъ страха можетъ взглянуть каждому въ глаза; что тамъ пріищу ей мѣсто гувернантки въ какой нибудь зажиточной помѣщичьей семьѣ, гдѣ всѣ будутъ несомнѣнно любить и уважать ее, гдѣ она оживетъ и тѣломъ, и душой, и найдетъ тотъ покой, въ которомъ нуждается ея надорванный организмъ... Но на всѣ мои доводы Марья Николаевна, заливаясь слезами, упорно твердила одно и то же: „поздно, поздно!.. возврата ужь нѣтъ... проклята я, проклята!..“

Сердце мое обливалось кровью при видѣ несчастной. Много ли нашлось бы на свѣтѣ дѣвушекъ, которыя въ тѣхъ же условіяхъ, какъ она, не пали бы, и можно ли поставить имъ въ вину ихъ паденіе? Полузамерзшая, мучимая страшнымъ голодомъ, убитая нравственно, въ горячечномъ бреду, она пала, и это паденіе такъ подѣйствовало на нее, что въ головѣ ея въ ту же минуту возникла мысль, что она навѣки погибла, что никакая сила не въ состояніи спасти ее.

Въ это время послышался звонокъ, извѣщавшій о закрытіи сада. Мы поднялись со скамейки. Надѣясь все же, что Марья Николаевна, когда нервы ея успокоятся, сдѣлается нѣсколько разсудительнѣе и что авось мнѣ удастся уговорить ее, я обратился къ ней съ просьбою дать мнѣ свой адресъ:

— Нѣтъ, Василій Александровичъ, простите, не могу этого исполнить! Помните, я не хотѣла вамъ тогда еще, при прощаніи, сказать своей фамиліи, а теперь и подавно вы не должны знать ея... Адреса моего вамъ не нужно, а если захотите повидать меня, приходите сюда или въ какой нибудь другой изъ увеселительныхъ кабаковъ: гдѣ нибудь ужь непремѣнно найдете меня... На то вѣдь я и падшая, чтобы изо дня въ день дежурить въ нихъ. Ну, прощайте же, дорогой другъ мой, увидимся—хорошо, не увидимся—не поминайте лихомъ несчастную. Вашимъ мнѣніемъ лишь и дорожу я... Пусть весь міръ презираетъ и осуждаетъ меня, это мнѣ безразлично: онъ чуждъ и ненавистенъ мнѣ,—я и сама презираю его.

Все это проговорила она сквозь слезы. Я всѣми силами успокоивалъ ее, опасаясь новаго истерическаго припадка, такъ какъ нервы ея достигли крайняго напряженія. У выхода мы простились. Я ей сказалъ, что на другой день вечеромъ снова приду въ садъ. Не торгуясь, она сѣла на перваго извощика и приказала ему ѣхать по Инженерной аллеѣ.

Съ ночи подулъ западный вѣтеръ, нагнавшій тучи съ моря, и къ утру установилась отвратительнѣйшая осенняя погода. Частый, мелкій дождь моросилъ цѣлый день, безъ перерыва. Не смотря на это, я все таки отправился въ Лѣтній садъ, который, однако, оказался совершенно пустымъ и безлюднымъ. Оркестръ былъ отпущенъ домой. Всюду царила темнота; лишь изъ самаго ресторана, сквозь стеклянныя двери, вырывался наружу яркій свѣтъ. Я зашелъ туда, но и тамъ все было пусто; только трое какихъ-то гулякъ тянули пиво за отдѣльнымъ столикомъ. Дѣлать нечего, я долженъ былъ ни съ чѣмъ вернуться домой. Ненастная погода простояла вплоть до моего отъѣзда. Черезъ три дня послѣ моей встрѣчи съ несчастной дѣвушкой, Лѣтній садъ закрылъ свои гостепріимныя двери. Я нарочно сталъ разъѣзжать по разнымъ увеселительнымъ вертепамъ, въ родѣ Зимняго сада, Пале-де-Кристаль и т. п., посѣщалъ и родственные имъ клубы, но нигдѣ не удавалось мнѣ повстрѣчаться съ ней. Напрасно разспрашивалъ я знакомыхъ изъ молодежи и товарищей, попадавшихся мнѣ иногда въ этихъ веселыхъ учрежденіяхъ, напрасно

писывая имъ подробно наружность Марьи Николаевны: ни-
то не зналъ ея и не могъ дать мнѣ о ней никакихъ свѣдѣній.

Съ тоскливымъ чувствомъ сидѣлъ я въ вагонѣ, уносив-
шемъ меня изъ Петербурга: призракъ Марьи Николаевны не
отходилъ отъ меня.

Я не могъ простить себѣ, какимъ образомъ, встрѣтивъ ее
въ такомъ отчаянномъ положеніи и узнавъ обстоятельства,
толкнувшія ее въ этотъ омутъ,—не приложилъ всѣхъ старá-
ній для спасенія ея и, главное, упустилъ изъ виду, пона-
дѣявшись на новую встрѣчу... и гдѣ же? въ городѣ съ мил-
іоннымъ населеніемъ! Какъ я не выслѣдилъ ея тогда же на
другомъ извощикѣ, издали?.. Теперь я бѣсился на себя, а
между тѣмъ въ тотъ вечеръ я былъ совершенно увѣренъ,
что мы на другой же день свидимся въ Лѣтнемъ саду, тѣмъ
болѣе, что я предупредилъ ее, что буду тамъ. Какъ бы то
ни было, я уѣзжалъ съ глубокою грустью на сердцѣ, искрен-
но сожалѣя, что мнѣ, не смотря на все желаніе, не удалось
вырвать несчастную изъ когтей злой недоли.

IV.

Когда я въ послѣдній разъ уѣзжалъ изъ Петербурга,
друзья и родственники обѣщали всѣми силами хлопотать о
пріисканіи для меня въ столицѣ какого нибудь мѣстечка.
Возвращаясь въ провинцію, я воображалъ себѣ, что черезъ
нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ ужь навѣрняка удастся перебраться
въ излюбленную мною сѣверную Пальмиру. Между тѣмъ, вре-
мя шло да шло, а изъ Питера все получались крайне не-
утѣшительныя извѣстія. Наконецъ, черезъ два года, я до-
стигъ давно желанной цѣли, хотя полученное мѣсто далеко
не могло удовлетворить меня.

Благодаря протекціи одного моего дяди, я былъ назна-
ченъ участковымъ думскимъ врачемъ въ одной изъ много-
людн ѣйшихъ частей города, населенной по преимуществу не-
богатымъ торговымъ и бѣднымъ ремесленнымъ людомъ. Я
принималъ больныхъ ежедневно утромъ—съ девяти до двѣ-
надцати часовъ, вечеромъ—съ шести до восьми; въ эти часы
вся пріемная и передняя всегда были запружены больными.
Между ними зачастую попадались такіе пацієнты, которые
еле-еле ноги передвигали и которымъ безусловно слѣдовало-
бы оставаться въ постели. Замѣтишь, бывало, такому, за-
чѣмъ самъ пришелъ, зачѣмъ не прислалъ кого нибудь за
мной, а тотъ только и отвѣтитъ:

— Помилуйте, господинъ дохтуръ, какъ же я посмѣю безпокоить-то васъ, коли вотъ свои ноги держатъ?.. Да и куда намъ за вами присылать-то, мы вѣдь люди маленькіе!..

Напрасно я твердилъ всѣмъ и каждому, что обязанъ даромъ лѣчить больныхъ не только у себя, но и у нихъ на дому, и что за это мнѣ платятъ,—никакія убѣжденія не помогали. Подмѣтивъ эту черту, я поставилъ себѣ за правило: являться немедленно по первому зову, когда бы меня ни призывали, днемъ или ночью,—лишь только узнавалъ, что зовутъ меня къ бѣдняку; я былъ увѣренъ, что помощи моей ждетъ дѣйствительно серьезно больной.

Какъ это ни странно, но за первое же полугодіе моей новой практики я убѣдился, что простой людъ понялъ назначеніе думскихъ врачей непзмѣримо вѣрнѣе, чѣмъ нѣкоторыя изъ лицъ интеллигентнаго класса. Чуть не каждый день меня призывали по пустякамъ въ значительныя семейства, занимавшія тысячныя квартиры, и не только не считали нужнымъ вознаграждать за трудъ,—отмѣчаю это лишь для лучшей характеристяки такихъ господъ,—но еще вдобавокъ относились ко мнѣ свысока. Господамъ этимъ, видимо, и въ голову не приходило, что, устанавливая постоянную врачебную помощь въ городѣ и расходуя на это значительныя средства, дума имѣла въ виду исключительно бѣдное населеніе столицы, а отнюдь не зажиточные классы.

Изъ цѣлой массы подобныхъ случаевъ особенно рѣзко выдѣлились два, изъ которыхъ каждый могъ бы всякаго на моемъ мѣстѣ вывести изъ терпѣнія. Однажды вечеромъ получаю я лаконическую записку: „Прошу прибыть немедленно“, за подписью—статскій совѣтникъ такой-то. Краткость и сухость тона навели меня на мысль, что, вѣроятно, въ семьѣ этого господина кто нибудь опасно боленъ. Бросивъ вслѣдствіе этого начатый стаканъ чая, я поспѣшилъ отправиться по адресу. Вхожу въ переднюю... изъ гостинной несутся звуки какого-то избитаго вальса.

— Потрудитесь, говорю, провести меня къ больному.

Горничная удивленно посмотрѣла на меня и увѣренно отвѣтила:

— Вы, баринъ, ошибаетесь: у насъ, слава Богу, всѣ здоровы.

Въ это время, въ дверяхъ появилась здоровенная, хотя и нѣсколько обрюзглая, фигура въ сѣромъ байковомъ халатѣ.

— Ты что, дура, вздоръ мелешь!.. прикрикнулъ онъ на горничную: пожалуйте сюда, докторъ, въ кабинетъ.

Я послѣдовалъ за нимъ.

Вотъ, видите ли, началъ безъ обиняковъ достопочтенный совѣтникъ:—я ужъ семнадцать лѣтъ страдаю гемо-

роемъ и долго лѣчился. Иногда оно будто помогало, а то и нѣтъ!.. Теперь вотъ онъ что-то сильно сталъ безпокоить меня, такъ я и рѣшился основательно полѣчиться.

Задавъ нѣсколько вопросовъ, относившихся до исторіи болѣзни, я освидѣтельствовалъ его и, прописавъ лѣкарство, всталъ. Едва я вышелъ на лѣстницу, разумѣется, не получивъ ни копѣйки гонорара,—да на это я ужь привыкъ не обращать вниманія,—какъ за мной раздался голосъ статскаго совѣтника:

— Докторъ, докторъ, постойте, вернитесь!

Фамильярная кличка „докторъ“ и начальническій тонъ, звучавшій въ словахъ: „постойте“ и „вернитесь“, начали бѣсить меня.

— Что вамъ угодно еще? сухо спросилъ я его.

— А вотъ что: такъ какъ геморой безпокоитъ меня то больше, то меньше, такъ ужь я попрошу васъ,—онъ сильно подчеркнулъ слово *попрошу*,—пріѣзжать ко мнѣ черезъ день, приблизительно въ это время.

— Этого я не могу выполнить, отвѣтилъ я,—а если вамъ угодно, чтобъ я слѣдилъ за вашей болѣзнью, то потрудитесь сами являться ко мнѣ, хотя бы каждый день, но только въ пріемные часы.

— Какъ вы смѣете мнѣ говорить подобныя вещи? накинулся онъ на меня: вы обязаны ѣздить ко всѣмъ, куда васъ зовутъ!.. вы забываете, что вы нашъ слуга, и вамъ за это платятъ!

— Прежде всего прошу васъ не возвышать голоса, а затѣмъ, позвольте вамъ заявить:—во-первыхъ, что безплатная думская врачебная помощь организована не для статскихъ совѣтниковъ, а исключительно для бѣдняковъ, не имѣющихъ денегъ на докторовъ и лѣкарства; а, во-вторыхъ, думскіе врачи обязаны ѣздить на домъ къ тѣмъ больнымъ, которые сами не въ состояніи являться къ нимъ за совѣтомъ... Мое почтеніе...

Рѣзко повернувшись, я сталъ спускаться съ лѣстницы. Статскій совѣтникъ долго грозилъ мнѣ въ слѣдъ жалобой городскому головѣ, лишеніемъ мѣста и даже, смѣшно сказать, высылкою изъ столицы! Впослѣдствіи, разсказывая объ этомъ случаѣ въ одномъ обществѣ, я совершенно случайно узналъ, что грозный статскій совѣтникъ, вслѣдъ за окончаніемъ послѣдней турецкой войны, былъ привлеченъ,—вѣроятно, за оказанныя имъ отличія въ дѣлахъ съ непріятелемъ,—къ слѣдствію, но какимъ-то чудомъ улизнулъ отъ суда и отдѣлался отъ всѣхъ бѣдъ полученіемъ отставки безъ прошенія.

Второй случай нѣсколько забавнѣе: получаю раздушенную записку, въ которой какая-то дама проситъ меня, если

возможно, пріѣхать навѣстить больную. Пріѣзжаю. Ливрейный лакей открылъ мнѣ двери и провелъ въ гостинную. Минутъ черезъ двадцать, въ одной изъ дверей шелохнулась портьера, и въ комнату вошла барыня среднихъ лѣтъ, сильно напудренная, съ разрисованными глазами, одѣтая въ роскошный голубой кашемировый пеньюаръ, весь расшитый спереди шелками и стеклярусомъ. Пріостановившись на мгновеніе, она вскинула лорнетку и высокомѣрнымъ взглядомъ осмотрѣла меня съ головы до ногъ.

— Вы думскій врачъ, если не ошибаюсь? спросила она, важно разсаживаясь въ кресло и не предлагая мнѣ сѣсть.

— Да, сударыня, думскій врачъ,—отвѣтилъ я, нѣсколько сконфузившись.

— Вѣдь вы лѣчите только мужиковъ, ну, и всякій нищій сбродъ?.. продолжала она допытывать меня: не правда ли?

— Мы лѣчимъ всѣхъ, нуждающихся въ нашей помощи, хотя, конечно, преимущественно бѣдныхъ и простыхъ людей.

— И, какъ я слышала, вы обязаны лѣчить всѣхъ даромъ?

— Да, сударыня.

— Даже и прислугу?

— Даже и прислугу, повторилъ я.

— Еще одинъ вопросъ: вы называетесь думскимъ врачемъ... А скажите мнѣ, пожалуйста, вы настоящій докторъ, или тамъ у васъ, можетъ быть, набираютъ для лѣченія простыхъ фельдшеровъ?

Допросъ этотъ, наконецъ, надоѣлъ мнѣ.

— Извините, сударыня, мнѣ время дорого... Потрудитесь указать больнаго, къ которому вы изволили пригласить меня.

— Ахъ, извините, съ усмѣшкой процѣдила барыня сквозь зубы:—я не знала, что вы *американецъ* и такъ дорожите своимъ временемъ.

Она сильно позвонила: въ ту же минуту, въ дверяхъ появился ливрейный лакей.

— Петръ, позови сюда Каролину.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

Вслѣдъ затѣмъ, въ залу вошла молоденькая горничная, въ черномъ платьѣ съ бѣлымъ кокетливымъ передникомъ.

Съ недоумѣніемъ взглянулъ я на ея цвѣтущую здоровьемъ фигуру.

— Вотъ тебѣ докторъ, обратилась она къ горничной, указывая на меня лорнеткой: проведи его въ свою комнату и покажи тамъ свой палецъ.

Я рѣшилъ вынести эту комедію до конца и послѣдовалъ за Каролиной. Оказалось, что отскочившая головка духовой спички обожгла ей слегка безъименный палецъ лѣвой руки, который, однако, тщательно былъ завернутъ въ вату и вы-

мазанъ чернилами. Я громко расхохотался и сказалъ, что обжогъ такъ ничтоженъ, что и лѣчить его не нужно... Горничная сильно сконфузилась и сказала, что это барыня нашла необходимымъ звать доктора.

Меня снова привели къ генеральшѣ.

— Ну, вотъ вы осмотрѣли обжогъ Каролины и, вѣроятно, прописали лѣкарство. Прошу васъ непремѣнно заѣхать къ ней завтра и вообще ѣздить, пока палецъ ея совсѣмъ не заживетъ.

— Да, сударыня, отвѣтилъ я: обжогъ я видѣлъ, но онъ представляетъ такой пустякъ, что и лѣчить его не нужно. Засимъ ни завтра, ни послѣ завтра, я къ вашей Каролинѣ не пріѣду. Если же вамъ угодно, то можете прислать ее ко мнѣ.

— Вотъ еще! вдругъ разсвирѣпѣла генеральша:—вы обязаны лѣчить всѣхъ! Я не могу разсылать горничную по докторамъ, ей некогда... она мнѣ дома постоянно нужна. Наконецъ, я не прошу у васъ одолженія, а требую, чтобъ вы исполняли ваши обязанности... за это вамъ платятъ.

— Простите, сударыня, но я самъ знаю свои обязанности и нисколько не нуждаюсь въ чьихъ бы то ни было замѣчаніяхъ. Если же вы недовольны моими дѣйствіями, то можете жаловаться на меня... Затѣмъ честь имѣю кланяться.

Одѣваясь въ передней, я невольно слышалъ, какъ она кому-то говорила:

— Нѣтъ, ma chère, ты не можешь себѣ представить, какой это грубіянъ! О, я ему этого не прощу... я скажу лишь слово Nicolas, такъ онъ его проучитъ по военному!

Я поспѣшно вышелъ на лѣстницу, опасаясь, какъ бы генеральшѣ не вздумалось потребовать отъ меня, подъ угрозою „проучки“, полѣчить разстроенные нервы какой нибудь изнѣженной собачонки.

На дворѣ стоялъ конецъ февраля. Подувшій наканунѣ западный вѣтеръ принесъ съ собою оттепель, впервые тронувшую снѣжный покровъ зимы. Цѣлый день шелъ не то дождь, не то снѣгъ; грязь стояла непролазная, вода съ крышъ шла ручьями. Отряды дворниковъ, раскраснѣвшихся отъ усталости, съ ранняго утра сгребали по улицамъ въ огромныя кучи бураго цвѣта грязь, именуемую снѣгомъ. Кое-гдѣ ихъ подгоняли и поощряли къ труду околодочные и городовые. Между тѣмъ, какъ разъ на этотъ день, я назначилъ у себя товарищескую пирушку. Я началъ опасаться, что, пожалуй, въ виду погоды, никто не заглянетъ ко мнѣ, и по неволѣ придется одному провести вечеръ; но опасенія мои оказались напрасными.

Лучше бы ты покаралъ меня одну, если я чѣмъ нибудь прогнѣвила тебя!.. Бѣдный отецъ!.. всю жизнь ты высоко держалъ свою честную голову, и что жъ? Твое же любимое и единственное дѣтище покрыло твои сѣдины несмываемымъ позоромъ... впервые ты долженъ былъ преклонить голову, не смѣя никому взглянуть прямо въ глаза. Но ты не вынесъ такого безчестья... Въ винѣ ты думалъ утопить его, въ немъ искалъ забвенія... А матушка... гдѣ ты?.. Умерла, должно быть... Да и гдѣ же было тебѣ, слабой, болѣзненной, вынести столько горя?.. Несчастная мученица, сколько выстрадала ты безвинно изъ-за меня!.. Нѣтъ, теперь я сама вижу—проклята я, проклята!.. Долго проплакала я на лѣстницѣ. Проходившіе мимо меня мелькомъ взглядывали и, безучастно отвернувшись, шли дальше. Истомленная физически и нравственно, я незамѣтно для себя уснула крѣпкимъ сномъ. Сколько времени я спала—не знаю. Вдругъ я почувствовала сильный ударъ въ лѣвый бокъ и испуганно проснулась. Широко раскрывъ глаза, я растерянно стала озираться вокругъ: надо мною стоялъ человѣкъ, лица котораго я не могла разглядѣть, благодаря царившему кругомъ мраку. „Эй ты, бродяга, грубо прокричалъ онъ:—ты что это разлеглась тутъ? Ишь, нашла гдѣ мѣсто для спанья! Ну же, поворачивайся, чертовка.“—Онъ вторично лягнулъ меня. Я моментально вскочила.—„Ну, живо, маршъ отсюда,—командовалъ сторожъ: всѣ магазины давно закрыты, огни погашены, да и двери, почитай, ужь заперты, а тутъ, вишь, ночлежница выискалась... Рвань эдакая, носятъ васъ лѣшіе!“—Я молча направилась къ выходу. Слѣдомъ за мною шелъ сторожъ, громко ругаясь. Когда я шла изъ галлереи на большую площадку парадной лѣстницы, сбоку внезапно открылась стеклянная дверь ресторана, и оттуда кто-то вышелъ. Дверь снова заперли, а меня всю обдало необычайно пріятнымъ и вкуснымъ запахомъ жареной говядины. Голодъ вдругъ заговорилъ во мнѣ съ страшною силою, да и не удивительно: болѣе сутокъ я ничего не ѣла. Я стала ощущать непреодолимую потребность въ какой бы то ни было пищѣ; чувствовала, какъ спазмы стали сводить мнѣ желудокъ. При мысли объ ѣдѣ, мои скулы судорожно сжимались... Вы, конечно, никогда этого не испытывали, а потому и не можете представить себѣ, что такое муки голода! Едва я прошла шаговъ пятьдесятъ по опустѣвшему проспекту, какъ морозъ, усилившійся къ ночи, началъ пронимать меня. Я вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и быстро подвигалась впередъ...

— Куда, зачѣмъ?—я не отдавала себѣ отчета... а голодъ все болѣе и болѣе усиливался... Разъ пробудившись, онъ ужь не хотѣлъ уснуть снова и мучительно терзалъ меня.

цетно думала я унять его, пробуя ѣсть снѣгъ: это лишь илило ощущеніе голода. Страшное отчаяніе переполнило болѣвшую душу. Мысль о самоубійствѣ внезапно встала едо мною, и я рѣшилась тутъ же покончить съ собою. Все равно, утѣшала я себя: гибель неизбѣжна, такъ ужь чше разомъ отдѣлаться отъ всѣхъ мукъ и страданій. Луч- Нирвана,—какъ видите, я читала Шопенгауэра,—чѣмъ эта возможная, нечеловѣческая жизнь". Я вошла въ ворота кого-то дома, дико озираясь вокругъ, прокралась во вто- й дворъ... тамъ не было ни живой души. Вдругъ я увидала сокую лѣстницу, приставленную къ стѣнѣ. Недолго думая, орвала я отъ своей юбки широкій воланъ, скрутила его въ ве- вку и, сдѣлавъ на одномъ концѣ глухую петлю, надѣла ее шею, другой же конецъ коротко подвязала къ одной изъ рекладинъ лѣстницы. Все это продѣлала я съ полнымъ окойствіемъ. „Господи! прости мои прегрѣшенія и пріими ю душу", прошептала я, закрывъ глаза, перекрестилась тихо опустилась на землю. Петля страшно сдавила мнѣ рло... дыханіе остановилось... глаза стали раскрываться е шире, въ головѣ застучало, завертѣлось... Я начала те- ть сознаніе... Въ эту минуту, во мнѣ неожиданно проснулась зконечная жажда жизни... Собравъ послѣднія силы, я съ удомъ сорвала съ себя петлю, инстинктивно отскочила отъ ковой лѣстницы и, облокотившись о стѣну, полною грудью ала вдыхать въ себя морозный воздухъ... Нѣсколько опра- вшись, я безотчетно повернула голову и взглянула на лѣст- цу. Невыразимый ужасъ оледенилъ въ жилахъ моихъ всю овь, сердце замерло... я увидала себя же, безсильно-вися- ю въ петлѣ. Я видѣла ясно во тьмѣ свое обезображенное ертью лицо, съ широко открытымъ, искривленнымъ ртомъ глазами, вышедшими изъ орбитъ... Обезумѣвъ отъ страха, нулась я въ первый дворъ и стремглавъ выбѣжала на ицу.

— Нѣтъ, неправда, шептала я:—это не я... я не умер- ... я жива и жить хочу!.. О, какъ страшна смерть!.. Долго одила я безцѣльно по улицамъ Петербурга. Муки голода немногу затушили всѣ прочія страданія и сдѣлались совер- нно невыносимыми. Была минута, когда я, проходя мимо бу- ной, хотѣла разбить стекло и схватить хоть одну булку; мысль, что меня сочтутъ воровкой, удержала мою руку. помню, въ которомъ часу, но, должно быть, уже поздно, очу- лась я снова на Невскомъ, близъ Николаевскаго вокзала. Я ствовала, какъ силы мои постепенно слабѣютъ, и съ трудомъ редвигала я ноги. „Вотъ, думала я:—доберусь до какого нибудь стыннаго мѣста, прилягу на землю и засну... а во снѣ за- рзну безъ страданій".—„Эй, мамзель, раздался въ это вре-

мя возлѣ меня чей-то голосъ: постой, милая"... Предо мною стоялъ довольно высокаго роста человѣкъ съ бородою, съ виду похожій на купца средней руки, закутанный въ огромную шубу. „Слушай, поѣдемъ ка со мной... сюда, недалече..." Я съ недоумѣніемъ взглянула на него.—Извините, сударь, я васъ не знаю. — „Эка важность!.. познакомимся. Да и чего бояться-то? вижу—вся промерзла насквозь, вотъ и пообогрѣешься, а тамъ ужиномъ накормлю". При словѣ „накормлю"— я внезапно вся оживилась. Словно электрическая искра прошла по всему моему тѣлу. Я схватила его за руку.—Какъ вы сказали?.. накормлю?.. значитъ, дадите мнѣ ѣсть, да?—Я съ надеждой и страхомъ заглянула ему въ глаза.—„Ну, разумѣется, коли сказалъ, стало быть, и накормлю. Мы не какіе нибудь... слава Богу,—въ купцахъ второй гильдіи состоимъ..." Новый приступъ голода рѣшилъ безповоротно всѣ мои сомнѣнія.—Извольте, я согласна. Везите, куда хотите.— „Вотъ что еще, милая... А ну-ка, подойди къ фонарю, вотъ сюда, поближе."—Говоря это, онъ безцеремонно подвелъ меня къ столбу и повернулъ лицомъ къ свѣту. Я ничего не понимала.—„Да, недурна, пробормоталъ онъ,—а то корявыхъ да гадкихъ страсть какъ не люблю! Ну, ѣдемъ!.. Эй, подавай!" крикнулъ онъ, проѣзжавшему извощику... Четверть часа спустя, мы остановились у воротъ какого-то дома и, войдя во дворъ, поднялись по черной лѣстницѣ во второй этажъ. Купецъ сильно позвонилъ два раза. Черезъ нѣсколько минутъ, заспанный половой впустилъ насъ. Мы очутились въ полуосвѣщенномъ длинномъ коридорѣ. Введя насъ въ одну изъ комнатъ, выходившихъ въ коридоръ, половой тотчасъ же отправился за холодною закускою. Я сгорала отъ нетерпѣнія, какъ бы поскорѣе дорваться до ѣды. Наконецъ, дверь открылась, и въ ней появился половой съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ. Съ жадностью голоднаго волка набросилась я на поданныя закуски... Купецъ все подливалъ мнѣ водки, и я пила ее, желая поскорѣе забыться. Когда я проснулась, въ комнатѣ никого, кромѣ меня, не было. Одѣваясь, я нашла въ карманѣ кофточки рублевую бумажку: это былъ первый заработокъ позора... Я поняла, что паденіе мое безвозвратно, что я погибла на всю жизнь... Горько зарыдавъ, упала я на кровать... Не стану описывать вамъ моей дальнѣйшей жизни по нынѣшній день. Казалось бы, прошло вѣдь столько времени,— я должна бы привыкнуть къ своей гнусной профессіи, но повѣрите ли, это выше силъ моихъ, внѣ моей воли... Впрочемъ, я нашла способъ обойти отвращеніе, внушаемое мнѣ моею жизнью: какъ мой несчастный отецъ, въ винѣ топлю я страданія своей надломленной души, въ немъ ищу и нахожу забвеніе... Правда, вино быстро подрываетъ мое здоровье,

да вѣдь полнаго разрушенія, то есть смерти, я только и ищу, только и желаю. У меня не хватаетъ характера наложить на себя руки. Но зато, какъ я жажду смерти... она разомъ избавитъ меня отъ нравственныхъ мукъ... Докторъ, умоляю васъ, быть можетъ, есть такой ядъ, который убиваетъ въ одно мгновеніе, безъ страданій!.. Дайте мнѣ его, спасите меня отъ этой проклятой, каторжной жизни!..

III.

Истерически рыдая, Марья Николаевна простирала ко мнѣ руки. Вопль ея вызвалъ у меня искреннія слезы участія. Я поднялъ ее, усадилъ и всѣми силами старался успокоить. Я былъ совершенно потрясенъ ужасной исторіей ея паденія: все какъ бы сговорилось противъ нея, чтобъ погубить это несчастное созданіе. Конечно, я и не думалъ бросать въ нее камнемъ... Въ своемъ паденіи она и теперь была неизмѣримо выше и нравственнѣе многихъ женщинъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, а втайнѣ безъ совѣсти и стыда торгующихъ своимъ тѣломъ, продающихъ его не ради куска хлѣба, а ради увеличенія и безъ того окружающей ихъ роскоши.

Я рѣшился во что бы то ни стало вырвать Марью Николаевну изъ той обстановки, въ которую такъ безжалостно бросилъ ее злой рокъ, и тутъ же сталъ доказывать ей, что для нея еще не все потеряно, что она и теперь можетъ и должна бросить эту жизнь и смѣло вернуться въ общество порядочныхъ и честныхъ людей, въ которомъ она не замедлитъ заявить себя съ лучшей стороны. Развивая далѣе планъ ея избавленія, я говорилъ, что увезу ее далеко, на другой конецъ Россіи, гдѣ никто не знаетъ ея прошлаго, гдѣ она смѣло, безъ страха можетъ взглянуть каждому въ глаза; что тамъ пріищу ей мѣсто гувернантки въ какой нибудь зажиточной помѣщичьей семьѣ, гдѣ всѣ будутъ несомнѣнно любить и уважать ее, гдѣ она оживетъ и тѣломъ, и душой, и найдетъ тотъ покой, въ которомъ нуждается ея надорванный организмъ... Но на всѣ мои доводы Марья Николаевна, заливаясь слезами, упорно твердила одно и то же: „поздно, поздно!.. возврата ужь нѣтъ... проклята я, проклята!..“

Сердце мое обливалось кровью при видѣ несчастной. Много ли нашлось бы на свѣтѣ дѣвушекъ, которыя въ тѣхъ же условіяхъ, какъ она, не пали бы, и можно ли поставить имъ въ вину ихъ паденіе? Полузамерзшая, мучимая страшнымъ голодомъ, убитая нравственно, въ горячечномъ бреду, она пала, и это паденіе такъ подѣйствовало на нее, что въ головѣ ея въ ту же минуту возникла мысль, что она навѣки погибла, что никакая сила не въ состояніи спасти ее.

Въ это время послышался звонокъ, извѣщавшій о закрытіи сада. Мы поднялись со скамейки. Надѣясь все же, что Марья Николаевна, когда нервы ея успокоятся, сдѣлается нѣсколько разсудительнѣе и что авось мнѣ удастся уговорить ее, я обратился къ ней съ просьбою дать мнѣ свой адресъ:

— Нѣтъ, Василій Александровичъ, простите, не могу этого исполнить! Помните, я не хотѣла вамъ тогда еще, при прощаніи, сказать своей фамиліи, а теперь и подавно вы не должны знать ея... Адреса моего вамъ не нужно, а если захотите повидать меня, приходите сюда или въ какой нибудь другой изъ увеселительныхъ кабаковъ: гдѣ нибудь ужь непремѣнно найдете меня... На то вѣдь я и падшая, чтобы изо дня въ день дежурить въ нихъ. Ну, прощайте же, дорогой другъ мой, увидимся—хорошо, не увидимся—не поминайте лихомъ несчастную. Вашимъ мнѣніемъ лишь и дорожу я... Пусть весь міръ презираетъ и осуждаетъ меня, это мнѣ безразлично: онъ чуждъ и ненавистенъ мнѣ,—я и сама презираю его.

Все это проговорила она сквозь слезы. Я всѣми силами успокоивалъ ее, опасаясь новаго истерическаго припадка, такъ какъ нервы ея достигли крайняго напряженія. У выхода мы простились. Я ей сказалъ, что на другой день вечеромъ снова приду въ садъ. Не торгуясь, она сѣла на перваго извощика и приказала ему ѣхать по Инженерной аллеѣ.

Съ ночи подулъ западный вѣтеръ, нагнавшій тучи съ моря, и къ утру установилась отвратительнѣйшая осенняя погода. Частый, мелкій дождь моросилъ цѣлый день, безъ перерыва. Не смотря на это, я все таки отправился въ Лѣтній садъ, который, однако, оказался совершенно пустымъ и безлюднымъ. Оркестръ былъ отпущенъ домой. Всюду царила темнота; лишь изъ самаго ресторана, сквозь стеклянныя двери, вырывался наружу яркій свѣтъ. Я зашелъ туда, но и тамъ все было пусто; только трое какихъ-то гулякъ тянули пиво за отдѣльнымъ столикомъ. Дѣлать нечего, я долженъ былъ ни съ чѣмъ вернуться домой. Ненастная погода простояла вплоть до моего отъѣзда. Черезъ три дня послѣ моей встрѣчи съ несчастной дѣвушкой, Лѣтній садъ закрылъ свои гостепріимныя двери. Я нарочно сталъ разъѣзжать по разнымъ увеселительнымъ вертепамъ, въ родѣ Зимняго сада, Пале-де-Кристаль и т. п., посѣщалъ и родственные имъ клубы, но нигдѣ не удавалось мнѣ повстрѣчаться съ ней. Напрасно разспрашивалъ я знакомыхъ изъ молодежи и товарищей, попадавшихся мнѣ иногда въ этихъ веселыхъ учрежденіяхъ, напрасно

описывая имъ подробно наружность Марьи Николаевны: никто не зналъ ея и не могъ дать мнѣ о ней никакихъ свѣдѣній.

Съ тоскливымъ чувствомъ сидѣлъ я въ вагонѣ, уносившемъ меня изъ Петербурга: призракъ Марьи Николаевны не отходилъ отъ меня.

Я не могъ простить себѣ, какимъ образомъ, встрѣтивъ ее въ такомъ отчаянномъ положеніи и узнавъ обстоятельства, втолкнувшія ее въ этотъ омутъ,—не приложилъ всѣхъ стараній для спасенія ея и, главное, упустилъ изъ виду, понадѣявшись на новую встрѣчу... и гдѣ же? въ городѣ съ милліоннымъ населеніемъ! Какъ я не выслѣдилъ ея тогда же на другомъ извощикѣ, издали?.. Теперь я бѣсился на себя, а между тѣмъ въ тотъ вечеръ я былъ совершенно увѣренъ, что мы на другой же день свидимся въ Лѣтнемъ саду, тѣмъ болѣе, что я предупредилъ ее, что буду тамъ. Какъ бы то ни было, я уѣзжалъ съ глубокою грустью на сердцѣ, искренно сожалѣя, что мнѣ, не смотря на все желаніе, не удалось вырвать несчастную изъ когтей злой недоли.

IV.

Когда я въ послѣдній разъ уѣзжалъ изъ Петербурга, друзья и родственники обѣщали всѣми силами хлопотать о пріисканіи для меня въ столицѣ какого нибудь мѣстечка. Возвращаясь въ провинцію, я воображалъ себѣ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ ужь навѣрняка удастся перебраться въ излюбленную мною сѣверную Пальмиру. Между тѣмъ, время шло да шло, а изъ Питера все получались крайне неутѣшительныя извѣстія. Наконецъ, черезъ два года, я достигъ давно желанной цѣли, хотя полученное мѣсто далеко не могло удовлетворить меня.

Благодаря протекціи одного моего дяди, я былъ назначенъ участковымъ думскимъ врачемъ въ одной изъ многолюднѣйшихъ частей города, населенной по преимуществу небогатымъ торговымъ и бѣднымъ ремесленнымъ людомъ. Я принималъ больныхъ ежедневно утромъ—съ девяти до двѣнадцати часовъ, вечеромъ—съ шести до восьми; въ эти часы вся пріемная и передняя всегда были запружены больными. Между ними зачастую попадались такіе пацієнты, которые еле-еле ноги передвигали и которымъ безусловно слѣдовало-бы оставаться въ постели. Замѣтишь, бывало, такому, зачѣмъ самъ пришелъ, зачѣмъ не прислалъ кого нибудь за мной, а тотъ только и отвѣтитъ:

— Помилуйте, господинъ дохтуръ, какъ же я посмѣю безпокоить-то васъ, коли вотъ свои ноги держатъ?.. Да и куда намъ за вами присылать-то, мы вѣдь люди маленькіе!..

Напрасно я твердилъ всѣмъ и каждому, что обязанъ даромъ лѣчить больныхъ не только у себя, но и у нихъ на дому, и что за это мнѣ платятъ,—никакія убѣжденія не помогали. Подмѣтивъ эту черту, я поставилъ себѣ за правило: являться немедленно по первому зову, когда бы меня ни призывали, днемъ или ночью,—лишь только узнавалъ, что зовутъ меня къ бѣдняку; я былъ увѣренъ, что помощи моей ждетъ дѣйствительно серьезно больной.

Какъ это ни странно, но за первое же полугодіе моей новой практики я убѣдился, что простой людъ понялъ назначеніе думскихъ врачей неизмѣримо вѣрнѣе, чѣмъ нѣкоторыя изъ лицъ интеллигентнаго класса. Чуть не каждый день меня призывали по пустякамъ въ значительныя семейства, занимавшія тысячныя квартиры, и не только не считали нужнымъ вознаграждать за трудъ,—отмѣчаю это лишь для лучшей характеристяки такихъ господъ,—но еще вдобавокъ относились ко мнѣ свысока. Господамъ этимъ, видимо, и въ голову не приходило, что, устанавливая постоянную врачебную помощь въ городѣ и расходуя на это значительныя средства, дума имѣла въ виду исключительно бѣдное населеніе столицы, а отнюдь не зажиточные классы.

Изъ цѣлой массы подобныхъ случаевъ особенно рѣзко выдѣлились два, изъ которыхъ каждый могъ бы всякаго на моемъ мѣстѣ вывести изъ терпѣнія. Однажды вечеромъ получаю я лаконическую записку: „Прошу прибыть немедленно“, за подписью—статскій совѣтникъ такой-то. Краткость и сухость тона навели меня на мысль, что, вѣроятно, въ семьѣ этого господина кто нибудь опасно боленъ. Бросивъ вслѣдствіе этого начатый стаканъ чая, я поспѣшилъ отправиться по адресу. Вхожу въ переднюю... изъ гостинной несутся звуки какого-то избитаго вальса.

— Потрудитесь, говорю, провести меня къ больному.

Горничная удивленно посмотрѣла на меня и увѣренно отвѣтила:

— Вы, баринъ, ошибаетесь: у насъ, слава Богу, всѣ здоровы.

Въ это время, въ дверяхъ появилась здоровенная, хотя и нѣсколько обрюзглая, фигура въ сѣромъ байковомъ халатѣ.

— Ты что, дура, вздоръ мелешь!.. прикрикнулъ онъ на горничную: пожалуйте сюда, докторъ, въ кабинетъ.

Я послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ, видите ли, началъ безъ обиняковъ достопочтенный статскій совѣтникъ:—я ужъ семнадцать лѣтъ страдаю гемо-

роемъ и долго лѣчился. Иногда оно будто помогало, а то и нѣтъ!.. Теперь вотъ онъ что-то сильно сталъ безпокоить меня, такъ я и рѣшился основательно полѣчиться.

Задавъ нѣсколько вопросовъ, относившихся до исторіи болѣзни, я освидѣтельствовалъ его и, прописавъ лѣкарство, всталъ. Едва я вышелъ на лѣстницу, разумѣется, не получивъ ни копѣйки гонорара,—да на это я ужь привыкъ не обращать вниманія,—какъ за мной раздался голосъ статскаго совѣтника:

— Докторъ, докторъ, постойте, вернитесь!

Фамильярная кличка „докторъ“ и начальническій тонъ, звучавшій въ словахъ: „постойте“ и „вернитесь“, начали бѣсить меня.

— Что вамъ угодно еще? сухо спросилъ я его.

— А вотъ что: такъ какъ геморой безпокоитъ меня то больше, то меньше, такъ ужь я попрошу васъ,—онъ сильно подчеркнулъ слово *попрошу*,—пріѣзжать ко мнѣ черезъ день, приблизительно въ это время.

— Этого я не могу выполнить, отвѣтилъ я,—а если вамъ угодно, чтобъ я слѣдилъ за вашей болѣзнью, то потрудитесь сами являться ко мнѣ, хотя бы каждый день, но только въ пріемные часы.

— Какъ вы смѣете мнѣ говорить подобныя вещи? накинулся онъ на меня: вы обязаны ѣздить ко всѣмъ, куда васъ зовутъ!.. вы забываете, что вы нашъ слуга, и вамъ за это платятъ!

— Прежде всего прошу васъ не возвышать голоса, а затѣмъ, позвольте вамъ заявить:—во-первыхъ, что безплатная думская врачебная помощь организована не для статскихъ совѣтниковъ, а исключительно для бѣдняковъ, не имѣющихъ денегъ на докторовъ и лѣкарства; а, во-вторыхъ, думскіе врачи обязаны ѣздить на домъ къ тѣмъ больнымъ, которые сами не въ состояніи являться къ нимъ за совѣтомъ... Мое почтеніе...

Рѣзко повернувшись, я сталъ спускаться съ лѣстницы. Статскій совѣтникъ долго грозилъ мнѣ въ слѣдъ жалобой городскому головѣ, лишеніемъ мѣста и даже, смѣшно сказать, высылкою изъ столицы! Впослѣдствіи, разсказывая объ этомъ случаѣ въ одномъ обществѣ, я совершенно случайно узналъ, что грозный статскій совѣтникъ, вслѣдъ за окончаніемъ послѣдней турецкой войны, былъ привлеченъ,—вѣроятно, за оказанныя имъ отличія въ дѣлахъ съ непріятелемъ,—къ слѣдствію, но какимъ-то чудомъ улизнулъ отъ суда и отдѣлался отъ всѣхъ бѣдъ полученіемъ отставки безъ прошенія.

Второй случай нѣсколько забавнѣе: получаю раздушенную записку, въ которой какая-то дама проситъ меня, если

возможно, пріѣхать навѣстить больную. Пріѣзжаю. Ливрейный лакей открылъ мнѣ двери и провелъ въ гостинную. Минутъ черезъ двадцать, въ одной изъ дверей шелохнулась портьера, и въ комнату вошла барыня среднихъ лѣтъ, сильно напудренная, съ разрисованными глазами, одѣтая въ роскошный голубой кашемировый пеньюаръ, весь расшитый спереди шелками и стеклярусомъ. Пріостановившись на мгновеніе, она вскинула лорнетку и высокомѣрнымъ взглядомъ осмотрѣла меня съ головы до ногъ.

— Вы думскій врачъ, если не ошибаюсь? спросила она, важно разсаживаясь въ кресло и не предлагая мнѣ сѣсть.

— Да, сударыня, думскій врачъ,—отвѣтилъ я, нѣсколько сконфузившись.

— Вѣдь вы лѣчите только мужиковъ, ну, и всякій нищій сбродъ?.. продолжала она допытывать меня: не правда ли?

— Мы лѣчимъ всѣхъ, нуждающихся въ нашей помощи, хотя, конечно, преимущественно бѣдныхъ и простыхъ людей.

— И, какъ я слышала, вы обязаны лѣчить всѣхъ даромъ?

— Да, сударыня.

— Даже и прислугу?

— Даже и прислугу, повторилъ я.

— Еще одинъ вопросъ: вы называетесь думскимъ врачемъ... А скажите мнѣ, пожалуйста, вы настоящій докторъ, или тамъ у васъ, можетъ быть, набираютъ для лѣченія простыхъ фельдшеровъ?

Допросъ этотъ, наконецъ, надоѣлъ мнѣ.

— Извините, сударыня, мнѣ время дорого... Потрудитесь указать больнаго, къ которому вы изволили пригласить меня.

— Ахъ, извините, съ усмѣшкой процѣдила барыня сквозь зубы:—я не знала, что вы *американецъ* и такъ дорожите своимъ временемъ.

Она сильно позвонила: въ ту же минуту, въ дверяхъ появился ливрейный лакей.

— Петръ, позови сюда Каролину.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

Вслѣдъ затѣмъ, въ залу вошла молоденькая горничная, въ черномъ платьѣ съ бѣлымъ кокетливымъ передникомъ.

Съ недоумѣніемъ взглянулъ я на ея цвѣтущую здоровьемъ фигуру.

— Вотъ тебѣ докторъ, обратилась она къ горничной, указывая на меня лорнеткой: проведи его въ свою комнату и покажи тамъ свой палецъ.

Я рѣшилъ вынести эту комедію до конца и послѣдовалъ за Каролиной. Оказалось, что отскочившая головка духовой спички обожгла ей слегка безъименный палецъ лѣвой руки, который, однако, тщательно былъ завернутъ въ вату и вы-

мазанъ чернилами. Я громко расхохотался и сказалъ, что бжогъ такъ ничтоженъ, что и лѣчить его не нужно... Горничная сильно сконфузилась и сказала, что это барыня нашла необходимымъ звать доктора.

Меня снова привели къ генеральшѣ.

— Ну, вотъ вы осмотрѣли обжогъ Каролины и, вѣроятно, прописали лѣкарство. Прошу васъ непремѣнно заѣхать къ ней завтра и вообще ѣздить, пока палецъ ея совсѣмъ не заживетъ.

— Да, сударыня, отвѣтилъ я: обжогъ я видѣлъ, но онъ представляетъ такой пустякъ, что и лѣчить его не нужно. Засимъ ни завтра, ни послѣ завтра, я къ вашей Каролинѣ не пріѣду. Если же вамъ угодно, то можете прислать ее ко мнѣ.

— Вотъ еще! вдругъ разсвирѣпѣла генеральша:—вы обязаны лѣчить всѣхъ! Я не могу разсылать горничную по докторамъ, ей некогда... она мнѣ дома постоянно нужна. Наконецъ, я не прошу у васъ одолженія, а требую, чтобъ вы исполняли ваши обязанности... за это вамъ платятъ.

— Простите, сударыня, но я самъ знаю свои обязанности и нисколько не нуждаюсь въ чьихъ бы то ни было замѣчаніяхъ. Если же вы недовольны моими дѣйствіями, то можете жаловаться на меня... Затѣмъ честь имѣю кланяться.

Одѣваясь въ передней, я невольно слышалъ, какъ она кому-то говорила:

— Нѣтъ, ma chère, ты не можешь себѣ представить, какой это грубіянъ! О, я ему этого не прощу... я скажу лишь слово Nicolas, такъ онъ его проучитъ по военному!

Я поспѣшно вышелъ на лѣстницу, опасаясь, какъ бы генеральшѣ не вздумалось потребовать отъ меня, подъ угрозою „проучки“, полѣчить разстроенные нервы какой нибудь изнѣженной собачонки.

На дворѣ стоялъ конецъ февраля. Подувшій наканунѣ западный вѣтеръ принесъ съ собою оттепель, впервые тронувшую снѣжный покровъ зимы. Цѣлый день шелъ не то дождь, не то снѣгъ; грязь стояла непролазная, вода съ крышъ шла ручьями. Отряды дворниковъ, раскраснѣвшихся отъ усталости, съ ранняго утра сгребали по улицамъ въ огромныя кучи бураго цвѣта грязь, именуемую снѣгомъ. Кое-гдѣ ихъ подгоняли и поощряли къ труду околодочные и городовые. Между тѣмъ, какъ разъ на этотъ день, я назначилъ у себя товарищескую пирушку. Я началъ опасаться, что, пожалуй, въ виду погоды, никто не заглянетъ ко мнѣ, и по немолѣ придется одному провести вечеръ; но опасенія мои оказались напрасными.

Приглашенные, какъ и подобаетъ настоящимъ кровнымъ петербуржцамъ, не обратили на погоду ни малѣйшаго вниманія, и всѣ явились до единаго.

Въ веселой пріятельской бесѣдѣ провели мы первую половину вечера. Я былъ въ особенно хорошемъ настроеніи духа и почти безъ перерыва разсказывалъ случаи и анекдоты изъ провинціальной жизни. Товарищи, въ свою очередь, не отставали, и оживленный разговоръ не умолкалъ ни на минуту.

Послѣ чая, мы сѣли играть въ винтъ. Такъ какъ насъ было семеро, а съ болваномъ никому не хотѣлось играть, то пришлось вынимать жребій, кому винтить вчетверомъ и кому—втроемъ. Я попалъ въ первую группу. Мнѣ замѣчательно везло въ этотъ вечеръ; кто ни игралъ со мной—всѣ ставили себѣ плюсы. Въ одну изъ сдачъ мнѣ, выражаясь технически, привалила превосходнѣйшая карта, и я, недолго думая, объявилъ большой шлемъ. Партнеръ мой, все время упорно молчавшій, съ ужасомъ взглянулъ на меня. Но счастье вдругъ измѣнило: мы остались безъ одной и поставили громаднѣйшій штрафъ.

Въ эту минуту тихо подошла ко мнѣ служанка и шепнула, что съ чернаго хода пришла какая-то женщина и настоятельно проситъ, чтобъ меня вызвали къ ней. Выйдя на кухню, я увидѣлъ пожилую, бѣдно одѣтую женщину, боязливо прижавшуюся у дверей.

— Что тебѣ, милая? спросилъ я ее.

— Батюшка, господинъ дохтуръ, заговорила она, низко кланяясь:—смилуйтесь надо мною!.. Углятница [1]) у меня страсть какъ захворала, неровенъ часъ—помретъ. Не откажите посмотрѣть ее, будьте отцомъ и благодѣтелемъ!

Я взглянулъ на часы—было уже около полуночи. Въ часъ предположено было подать закуску, и я разсчиталъ, что успѣю вернуться къ ней. Извинившись передъ пріятелями, я тотчасъ же вышелъ изъ дому, въ сопровожденіи пришедшей за мной женщины.

На улицѣ оттепель смѣнилась гололедицей; дулъ холодный, порывистый вѣтеръ. Едва мы тронулись въ путь, какъ словоохотливая старуха, желая, очевидно, занять меня разговоромъ, стала разсказывать мнѣ о себѣ и своихъ „углятникахъ“.

— Этакая бѣда! заныла она: — видно, прогнѣвила я Господа Бога, такъ онъ за грѣхи и шлетъ мнѣ, окаянной, наказаніе. Снимаю я,—вотъ ужь лѣто-сь будетъ четыре года,—подвалъ въ двѣ комнаты съ кухней. Сама съ сестрой живу на кухнѣ, въ комнаты пущаю углятниковъ. И вотъ, корма-

[1]) Занимающая „уголъ“ въ квартирѣ.

цъ ты мой, до нынѣшней зимы все шло какъ нельзя
чше: и углы-то всѣ были заняты, и углятники держали
бя въ акуратѣ, не забиждали меня старую, а тутъ вдругъ
овно заколодило: то, глядишь, два угла полъ-мѣсяца гу-
ютъ, а топить-то нужно, все едино; не будешь топить, и
угіе углятники сбѣгутъ; то какая шантрапà попадется,
живетъ, поживетъ, да такъ ничего и не заплатитъ, еще съ
орникомъ выгонять ее, подлую, приходится; а то вотъ
яница попался, кажинный день ворочàлся домой пьянѣй
на, придетъ да и начнетъ задирать всѣхъ углятниковъ,
ичитъ, ругается... Ужь и намучилась же я съ нимъ, тре-
ятымъ... Вотъ и теперича опять: сняла у меня, двѣ недѣли
задъ, уголъ вотъ эта самая, больная-то. Приходитъ да и
осится, жалостливо этакъ... оборванная вся, тряпьё одно на
й, исхудалая такая. И тутъ же прямо говоритъ, что у нея
негъ нѣту, а что какъ заработаетъ, такъ безпремѣнно за-
атитъ. На бѣду случись у меня въ эту пору два пустыхъ
ла, я и подумала: „а что, коли я ее пущу?.. какъ нибудь
эсчитается со мной... вѣдь грѣшно въ этакій морозъ да не
іютить человѣка... авось, Господь за это смилуется надо
ою и пошлетъ за доброе дѣло“. Взяла, батюшка, да и
устила; за два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ... А потомъ и сама
ла не рада! Какъ утро, такъ она со двора, и цѣльный день
е шныряетъ по кабакамъ да по портернымъ — одно слово:
мая, что ни на есть, послѣдняя женщина. Ужь чего она
мъ ни выдѣлываетъ,—углятникъ одинъ сказывалъ мнѣ, —
къ и повторять-то стыдно. Ну, ей за это, въ награду-то,
дки подсунутъ, а она все лакаетъ... Вечòръ придетъ пья-
я, распьяная; то пѣсни поетъ и смѣется, то вдругъ зары-
етъ, да такъ громко, что всѣ углятники вскакиваютъ съ
репугу. А ужь какъ пьетъ-то, страсть!.. мужика любаго
репить можетъ! Наконецъ, вотъ вчера-сь, — вернулась въ
ѣнадцатомъ часу ночи пьянехонька. Какъ вошла въ кори-
ръ, такъ и свалилась. Насилу мы ее съ сестрой дотащили до
наго угла. Тутъ она начала кашлять, да сильно этакъ...
другъ изъ горла у нея какъ ударитъ фонтаномъ алая кровь,
къ я съ перепугу й сама чуть не повалилась. Стала это
держать ее за голову, а кровь такъ и бѣжитъ... Сестра
ѣгала, принесла ковшъ холодной воды, она испила да
къ замертво и упала на постель. Ночью я нарочно встала
ла и подходила къ ней: боялась, не кончилась ли,—нѣтъ,
шетъ, только тихо этакъ, совсѣмъ тихо... День-то весь я не
ла дома, ходила бѣлье стирать поденно, такъ вернулась
десятомъ часу. Спрашиваю сестру: что больная? а та го-
ритъ: „весь день была какъ безъ памяти. Два раза пить
осила, а таперича, говоритъ, надо быть,—спитъ“. Я и

успокоилась. Поставила сестра самоваръ, и мы напились чайку. Откушавши, я и говорю себѣ: „пойду взгляну на больную. дамъ ей чаю, напьется—можетъ, ей и полегчаетъ". Подхожу къ ней, а она, бѣдненькая, лежитъ, глаза этакъ широко раскрыты, и что-то бормочетъ. Я спрашиваю ее про чай, а она показала мнѣ рукой на стѣну и что-то проговорила,—я только не разслышала. Ну, думаю, плохо. Я этокъ дворнику, а онъ мнѣ и далъ адресъ вашего благородія...

Старуха замолчала. Мы прошли еще сажень пятьдесятъ и свернули за уголъ, въ узенькій, мрачный переулокъ. Пройдя нѣсколько домовъ, хозяйка углятниковъ остановилась у воротъ шестиэтажнаго каменнаго ящика.

— Ну, вотъ, баринъ, мы и пришли.

Долго пришлось звонить, прежде чѣмъ появился откуда-то заспанный дворникъ, открывшій намъ съ ворчаньемъ небольшую калитку массивныхъ желѣзныхъ воротъ. Старуха пошла впередъ. Молча слѣдовалъ я за нею, скользя по обледенѣлому двору и подвергаясь ежеминутному риску упасть. Пройдя во второй дворъ, она направилась въ лѣвый уголъ и привела меня къ узкой лѣстницѣ, спускавшейся въ подвалъ. Изъ трехъ крошечныхъ оконъ его чуть замѣтно пробивался наружу слабый свѣтъ.

— Вотъ и фатера моя... при этомъ старуха показала на освѣщенныя оконца.

Она смѣло сошла внизъ; я же, рѣшительно ничего не видя впотьмахъ, сталъ осторожно спускаться, зажигая спичку за спичкой. Старуха нѣсколько разъ постучала кулакомъ въ дверь. Наконецъ щелкнулъ замокъ, и мы очутились въ узкомъ, темномъ коридорѣ. Предъ нами стояла совсѣмъ сѣдая старуха, съ сальнымъ огаркомъ въ рукѣ.

— Ты оглохла, что ли? накинулась на нее хозяйка: десять разъ стучу, а она, поди, и не думаетъ отворять.

— Да ты, сестра, не кричи. Какъ тутъ слышать все, когда голова кругомъ пошла? Углятница-то, слышь, кончилась—вотъ что!

— Батюшки-свѣты, заголосила старуха, пораженная страшною для нея вѣстью:—что я, несчастная, буду дѣлать?.. Вѣдь таперича полиція скажетъ: „твоя углятница, ты и хорони ее". А гдѣ же мнѣ взять денегъ? Вотъ пріютила, пригрѣла человѣка, столько непріятностевъ получила чрезъ него, а тутъ какой еще грѣхъ случился... Въ конецъ разориться надо, да и только!..

Я успокоилъ ее, сказавъ, что снесусь съ приставомъ о похоронахъ углятницы на казенный счетъ. Старуха сразу повеселѣла. Слезы ея мгновенно высохли.

— Однако, проводите меня къ покойницѣ, замѣтилъ я.

Пройдя шага три по коридорчику, мы вошли въ среднюю комнату, гдѣ лежала скончавшаяся. Въ первый моментъ, я почти ничего не могъ разглядѣть въ низенькомъ сводчатомъ подвалѣ, въ который меня ввели старухи. Гдѣ-то тускло мерцалъ ночникъ. Все остальное скрывала отъ глазъ какая-то вонючая, промзглая тьма, наполнявшая все помѣщеніе. Понемногу я сталъ различать убогую обстановку подвала, состоявшую изъ нѣсколькихъ постелей и небольшихъ сундучковъ, разсованныхъ по угламъ. Въ виду исключительности событія, всѣ углятники были на ногахъ. Въ этомъ подвальчикѣ, кромѣ покойной, жили еще три женщины и двое мужчинъ. По угламъ, да и во всемъ подвалѣ вообще, стояла невозможная сырость; весь потолокъ былъ покрытъ жирными каплями влаги, стекавшими со стѣнъ или тяжело падавшими на совершенно прогнившій деревянный полъ.

Я подошелъ къ умершей. При слабомъ освѣщеніи огарка, я увидѣлъ трупъ, прикрытый грязнымъ тряпьёмъ. Лица углятницы я не могъ разсмотрѣть: два мѣдныхъ пятака страшно обезображивали его, прикрывая оба глаза. Нагнувшись, я взялъ покойницу за руку; она уже окоченѣла, и пульсъ, конечно, не бился; сердце также замолкло навѣки... смерть была слишкомъ очевидна.

Обратившись къ хозяйкѣ, я велѣлъ ей завтра утромъ зайти ко мнѣ за письмомъ къ приставу, съ которымъ я былъ лично знакомъ, а также за свидѣтельствомъ о смерти жилички. Въ это время, къ намъ подошла сестра хозяйки и стала передавать о послѣднихъ минутахъ жизни неизвѣстной мнѣ углятницы.

— Цѣлый вечеръ лежала это она смирнехонько, тихохонько. А вотъ, только что Авдотья Ивановна, — сестра, стало быть, моя,—пошла за вами, какъ она, сердечная, и заметалась. Я и присѣла возлѣ нея. Долго это она, какъ быдто бы, разговаривала съ кѣмъ-то. Потомъ стала, жалостливо такъ, плакать и все причитала: „Коля, Коля, зачѣмъ ты погубилъ меня?“ Потомъ еще что-то говорила, кого-то просила, да вдругъ какъ закричитъ источнымъ голосомъ: „проклята я, проклята!..“ да замертво и повалилась.

Словно ножемъ ударило меня въ сердце. Боже, неужели это она?... При одной мысли объ этомъ, холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Вырвавъ у старухи огарокъ, я подбѣжалъ къ нарѣ усопшей. Въ одно мгновеніе отвратительные пятаки были сброшены съ глазъ... Приставивъ огонь почти къ самому лицу трупа, я впился глазами въ изможденныя черты его. Вдругъ я съ ужасомъ отскочилъ отъ страшнаго видѣнія... Свѣча выпала изъ рукъ. Сомнѣнія не было: предо мною лежала Марья Николаевна.

Мирза В. Туганъ-Барановскій.

НЕВѢСТА НИЛА.

Романъ **Георга Эберса.**

XL.

Намѣстническій дворецъ, краса и гордость Мемфиса, роскошное, знаменитое жилище самаго древняго и славнаго рода въ странѣ, обратился въ груду пепла и развалинъ. Вмѣстѣ съ нимъ погибъ послѣдній оплотъ самостоятельной жизни Египта. Какъ исполинское дерево въ лѣсу, поверженное бурей, ломаетъ при своемъ паденіи мелкіе кустарники, такъ и пожаръ громаднаго зданія истребилъ около сотни бѣдныхъ хижинъ.

Разоренный Мемфисъ напоминалъ собою обветшалый корабль. Въ эту ночь онъ лишился руля, мачты и многихъ досокъ изъ обшивки своего корпуса. Если роковая буря несовсѣмъ погубила его, то этимъ мемфиты были обязаны послѣ Господа Бога самому виновнику несчастья, черному векилу, и его подчиненнымъ. Обада осуществилъ свой преступный замыселъ съ большою осторожностью. Во время обыска обширнаго дома онъ намѣтилъ удобныя мѣста, соотвѣтствовавшія его цѣли, и, два часа спустя послѣ солнечнаго заката, тайно ото всѣхъ поджегъ жилище мукаукаса съ обоихъ концовъ. Въ Фостатѣ у него стояла наготовѣ часть гарнизона, которую онъ намѣревался вытребовать, какъ только вспыхнетъ пожаръ. И дѣйствительно, едва въ казначействѣ и еще въ трехъ другихъ пунктахъ вспыхнуло пламя, векилъ тотчасъ послалъ за своими воинами и принялся тушить огонь, спасая имущество гражданъ съ изумительнымъ самоотверженіемъ.

Всѣ особенно цѣнныя вещи и даже бо́льшая часть дорогихъ, породистыхъ коней были заблаговременно удалены изъ жилища мукаукаса, а вмѣстѣ съ ними акты на владѣніе земельными участками и рабами, арендныя условія и другіе важные документы. Но все таки огонь истребилъ множество неоцѣненныхъ сокровищъ, которыя погибли безвозвратно. Оригинальныя произведенія искусства, рукописи, книги, не имѣвшія копій, многолѣтнія великолѣпныя растенія всѣхъ странъ, различная утварь и ткани, восхищавшія знатоковъ художественнымъ исполненіемъ, сгорѣли цѣлыми массами. Но виновникъ пожара не жалѣлъ объ нихъ; домъ Георгія былъ уничтоженъ до основанія, и теперь никто не могъ доказать, насколько Обада поживился богатымъ имуще-

ствомъ Оріона. Помощникъ Амру рисковалъ только потерей мѣста за превышеніе власти. Изъ всѣхъ городовъ, гдѣ ему пришлось побывать во время походовъ, векилу особенно понравился Дамаскъ, и онъ былъ не прочь провести тамъ остатокъ жизни, утопая въ роскоши, вполнѣ обезпеченный награбленными деньгами.

Обада имѣлъ въ виду, ради собственной выгоды, по возможности ограничить дѣйствіе пожара, истребившаго намѣстническій домъ; въ противномъ случаѣ враги поставили бы ему въ вину гибель знаменитаго древняго Мемфиса. Онъ, по своей натурѣ, былъ даже радъ вступить въ отчаянную борьбу съ разъяренной стихіей.

Арабамъ, дѣйствительно, удалось отстоять всѣ прочіе дома, выходившіе на набережную Нила; зато легкій южный вѣтерокъ относилъ искры къ сѣверо-западу, и отъ нихъ загорѣлись жилища бѣдняковъ на окраинѣ города, гдѣ начиналась пустыня. Сюда-то были направлены главныя силы команды, и здѣсь Обада, какъ и при защитѣ намѣстническаго дома, твердо держался правила—жертвовать тѣмъ, что̀ не могло быть спасено. Такимъ образомъ, выгорѣлъ цѣлый кварталъ. Сотни нуждающихся семействъ лишились крова и послѣдняго имущества, но это не помѣшало городскому населенію превозносить и прославлять виновника страшнаго бѣдствія. Обада обнаружилъ изумительную энергію. Онъ показывался то у рѣки, то на краю пустыни, поспѣвая всюду, гдѣ опасность была грознѣе и гдѣ его присутствіе могло принести больше пользы. Въ одномъ мѣстѣ векилъ бросался въ огонь, въ другомъ—собственноручно работалъ топоромъ; тутъ объѣзжалъ верхомъ линію, гдѣ слѣдовало окопать рвомъ сухую траву и полить ее водою; тамъ дѣйствовалъ пожарнымъ насосомъ или бросалъ въ огонь горящее бревно, упавшее близко къ зданію, которое надѣялись отстоять. Геркулесовская сила негра невольно поражала присутствующихъ; его громкій голосъ заглушалъ всѣ крики: исполинская фигура выдѣлялась въ толпѣ. Всѣ взгляды были устремлены на черное лицо векила съ огненными глазами; его примѣръ увлекалъ арабовъ. Онъ командовалъ на пожарѣ, какъ на полѣ битвы, безстрашный и неутомимый. Мусульмане совершали чудеса храбрости подъ его предводительствомъ, поторяя имена Аллаха и его великаго пророка Магомета.

Египтяне также трудились изо всѣхъ силъ, но не могли не признать превосходства арабовъ надъ собою и почти не стыдились своего подчиненія противникамъ. Зарево пожара разливалось далеко по небу. Его замѣтилъ наконецъ и тотъ, чье богатое наслѣдство погибало въ пламени. Оріону, возвращавшемуся обратно въ Мемфисъ, бросился въ глаза красноватый отблескъ на западной сторонѣ горизонта; однако онъ не угадывалъ ужасной истины.

Наконецъ караванъ путниковъ остановился, полчаса спустя, противъ станціи на императорской дорогѣ между Кольцумомъ *) и Вавилономъ **). Большой отрядъ воиновъ сошелъ съ коней,

*) Суэцъ.

**) Греческая крѣпость, къ которой примыкали основанный полководцемъ Амру Фостатъ и, возникшій позднѣе, Каиръ.

эти люди не служили защитой Оріону: то былъ конвой, сопровождавшій его, какъ плѣнника, въ Фостатъ. Молодаго человѣка заставили выйти изъ экипажа, въ которомъ онъ ѣхалъ, и посадили на дромадера. Двое всадниковъ, обвѣшанныхъ оружіемъ съ ногъ до головы, неотступно слѣдовали за нимъ. Передъ станціоннымъ домомъ сенаторъ Юстинъ вышелъ изъ карруки и предложилъ ѣхавшему съ нимъ блѣдному юношѣ послѣдовать его примѣру. Но тотъ отрицательно покачалъ головой съ видомъ утомленія.

— У тебя болитъ что нибудь, Нарзесъ? ласково спросилъ старикъ.

— Все тѣло, отвѣчалъ юноша хриплымъ голосомъ, откидываясь на подушки экипажа.

Онъ отказался даже отъ прохладительнаго питья, принесеннаго ему слугой сенатора и переводчикомъ. Имъ, повидимому, овладѣла глубокая апатія, и больной требовалъ только одного покоя.

То былъ племянникъ Юстина.

Дядя выкупилъ его изъ рабства при содѣйствіи полководца Амру, который, по просьбѣ Оріона, снабдилъ путешественниковъ рекомендательными письмами и приказомъ о безпрепятственномъ пропускѣ черезъ арабскія владѣнія. Несчастный Нарзесъ трудился сначала на новомъ каналѣ, который строился по распоряженію калифа Омара параллельно старому фараонову каналу, для удобства перевозки зерноваго хлѣба изъ Египта въ Аравію. Оттуда молодаго византійца перевели на работы въ скалистую гавань Айлы.

Плѣнника заставляли таскать на спинѣ тяжелые камни подъ жгучими лучами солнца на берегу Краснаго моря. Сенатору стоило большаго труда разыскать его. И въ какомъ видѣ былъ наконецъ найденъ Нарзесъ! Еще за недѣлю до пріѣзда дяди этотъ юноша, бывшій кавалерійскій офицеръ императорскаго войска, сильно занемогъ и лежалъ въ грязномъ сараѣ вмѣстѣ съ другими больными работниками. На его спинѣ не зажили еще кровавые рубцы отъ ударовъ плети, которыми надсмотрщикъ хотѣлъ принудить Нарзеса къ работѣ, когда ему измѣняли силы. Бравый молодой воинъ обратился въ изнуреннаго разбитаго, физически и нравственно, калѣку.

Юстинъ мечталъ привезти его къ женѣ счастливымъ и веселымъ, а вмѣсто того увидѣлъ передъ собою безнадежно больнаго человѣка. Однако, сенаторъ все таки радовался его избавленію. Видъ страдальца щемилъ ему сердце, но чѣмъ безучастнѣе относился ко всему племянникъ, тѣмъ пріятнѣе было доброму старику замѣтить въ немъ хотя малѣйшій признакъ оживленія.

Во время этого странствованія сухимъ путемъ и по водѣ, когда спутникамъ приходилось дѣлить между собою всѣ труды, опасности и, наконецъ, уходъ за больнымъ, Юстинъ близко сошелся съ Оріономъ. Тутъ сынъ Георгія сообщилъ ему настоящую причину своего отъѣзда изъ Мемфиса, хотя рисковалъ вооружить противъ себя почтеннаго сановника откровеннымъ признаніемъ. Юноша постоянно чувствовалъ, что все хорошее въ немъ исхо-

дило отъ Паулы, что ея любовь возвышала его, дѣлала стойкимъ; отказаться отъ этой дѣвушки значило бы погубить себя. Увлеченіе Эліодорой могло только помѣшать ему достичь высокихъ цѣлей, которыя онъ себѣ намѣтилъ. Оріонъ страстно желалъ поскорѣе вступить на избранный путь, и прежде всего заняться порученіемъ полководца Амру. Сознаніе своего громаднаго богатства скорѣе тяготило, чѣмъ радовало его; онъ желалъ заслужить почетъ и уваженіе честныхъ людей своими личными качествами и не быть обязаннымъ ничѣмъ привилегированному положенію богача. Сенаторъ отнесся къ его задушевной исповѣди, какъ и слѣдовало ожидать отъ такого справедливаго человѣка. Если влюбленный юноша не преувеличивалъ достоинствъ Паулы, то, конечно, бѣдной Эліодорѣ лучше всего отказаться отъ своихъ надеждъ. Такимъ образомъ, Юстину съ женой предстояло увезти обратно въ Византію своихъ любимцевъ и поддерживать ихъ въ несчастіи, вмѣсто того, чтобы найти въ молодыхъ людяхъ нравственную опору для самихъ себя. Но, не смотря на это, старикъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе привязывался къ Оріону, открывая въ немъ новыя достоинства и новыя благородныя черты.

На обширномъ дворѣ станціоннаго дома горѣли факелы, въ центрѣ его находился навѣсъ, покрытый пальмовыми вѣтвями, гдѣ стояли скамьи для посѣтителей. Здѣсь сенаторъ могъ свободно говорить съ Оріономъ, хотя стража помѣстились вблизи плѣнника и не теряла его изъ виду, подкрѣпляя свои силы вяленой бараниной, лукомъ и финиками. Слуга сенатора также принесъ провизію изъ экипажа.

Когда Юстинъ заговорилъ съ своимъ молодымъ другомъ, къ нимъ приблизилась высокая мужская фигура; то былъ врачъ Филиппъ, остановившійся здѣсь на отдыхъ по дорогѣ въ Джидду. Онъ узналъ, кто былъ плѣнникъ, отъ знакомыхъ арабовъ; конвойные позволили ему повидаться съ арестованнымъ, но сдѣлались бдительнѣе; кромѣ того, ихъ начальникъ говорилъ по гречески. Филиппъ, конечно, не могъ питать дружескихъ чувствъ къ сыну мукаукаса, однако считалъ своимъ долгомъ предупредить юношу о томъ, что его ожидало. Врачу приходилось также передать своему сопернику печальную вѣсть о смерти Нефорисъ и о гибели Руфинуса. Оріонъ былъ возмущенъ, узнавъ о конфискаціи своего имущества, но успокоилъ себя мыслью, что искренно расположенный къ нему полководецъ Амру отмѣнитъ несправедливое рѣшеніе. Когда же Филиппъ сообщилъ ему о смерти матери, онъ былъ до того потрясенъ, что зарыдалъ, какъ ребенокъ; даже арабы обнаружили сочувствіе сыновнему горю и почтительно удалились въ сторону; любовь къ родителямъ была въ ихъ глазахъ священна; съ этой минуты они стали выказывать плѣннику меньше суровости. Александріецъ тотчасъ воспользовался удаленіемъ мусульманъ, чтобы наскоро сообщить молодому человѣку о гибели Руфинуса и благополучномъ спасеніи монахинь. Послѣднія событія: пожаръ намѣстническаго дома и арестъ Паулы, были ему самому неизвѣстны, но онъ могъ передать сенатору, гдѣ находятся теперь его жена и племянница.

Когда арабы стали торопить отъѣздомъ, Оріонъ зналъ обо всемъ. Понуривъ голову и погрузившись въ мрачныя думы, поѣхалъ онъ дальше. Мысль о разореніи не страшила его, но смерть матери лежала тяжелымъ камнемъ на сердцѣ; юноша вспоминалъ ея горячую привязанность къ нему, и печаль о ней заставляла его позабыть всякій страхъ передъ грозящими опасностями. Низкое покушеніе на его права, потеря свободы, все это отступило на задній планъ; даже образъ Паулы стушевался передъ нимъ, и Оріонъ не могъ думать ни о комъ, кромѣ дорогой умершей. Можетъ быть, ему не позволятъ даже присутствовать на ея похоронахъ!

Дорога шла по сухой кремнистой почвѣ пустыни; чѣмъ ближе подвигался караванъ къ городу пирамидъ, тѣмъ ярче становилось зарево, пока не наступилъ разсвѣтъ и багряная утренняя заря, позади путниковъ, не заставила померкнуть на западѣ кровавый отблескъ пожара. Снова наступилъ день съ его палящимъ зноемъ. Утесы бросали еще отъ себя длинныя тѣни на дорогу, какъ на встрѣчу каравану попалось нѣсколько всадниковъ изъ Фостата; они стали перекликаться съ конвойными и сообщили имъ, повидимому, важную новость, но Оріонъ не понималъ арабскаго языка. Тутъ къ нему подъѣхалъ переводчикъ съ извѣстіемъ, что намѣстническій домъ сгорѣлъ дотла и половина Мемфиса объята пламенемъ. По мѣрѣ приближенія къ городу, пустынная дорога оживлялась; на встрѣчу путникамъ попадались люди на лошадяхъ и дромадерахъ; ѣхали возы; медленно двигались вереницы верблюдовъ, нагруженныхъ зерновымъ хлѣбомъ и другими товарами. Каждый встрѣчный спѣшилъ сообщить объ ужасныхъ событіяхъ послѣдней ночи, что̀ заставляло всякій разъ обливаться кровью сердце Оріона. Его родимое гнѣздо обратилось въ груду развалинъ! „Что̀ удалось спасти оттуда, и сколько сокровищъ погибло подъ пепломъ?“ спрашивалъ онъ себя. Во время пути, въ часы одинокихъ размышленій, юноша втайнѣ желалъ отдѣлаться отъ своего подавляющаго богатства, но въ настоящую минуту онъ не видѣлъ впереди ничего утѣшительнаго и жалѣлъ отеческій домъ, съ которымъ было связано столько дорогихъ воспоминаній. Теперь онъ былъ круглымъ сиротою и даже не имѣлъ пріюта, гдѣ могъ бы приклонить голову! Не смотря на привычку къ самостоятельности, это сознаніе угнетало его. Сегодня передъ нимъ раскроются двери тюрьмы, и ему предстоитъ развязка великой трагедіи, въ которой онъ являлся главнымъ героемъ. Его участь напоминала судьбу Тантала; жилище Оріона сдѣлалось жертвою пламени; двое братьевъ, отецъ и мать лежали въ могилѣ; старикъ Руфинусъ сложилъ свою голову на чужбинѣ; но кто былъ виноватъ во всемъ этомъ? Конечно, не предки Оріона; только онъ самъ могъ навлечь на себя страшное бѣдствіе. Но неужели его карала неумолимая судьба, по вѣрованію древнихъ? Вѣдь онъ раскаялся, страдалъ, примирился со своимъ Искупителемъ и былъ готовъ на всякую жертву. Можетъ быть, ему суждено сдѣлаться трагическимъ героемъ, однако Оріонъ не хотѣлъ безропотно покоряться обстоятельствамъ. Нѣтъ, онъ будетъ защищать себя, не

смотря ни на что, и пойдетъ по избранному пути. При этой мысли юноша ободрился, подкрѣпляя себя воспоминаніями объ отцѣ, которому хотѣлъ подражать въ его неуклонной справедливости, хотя бы для этого пришлось пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. Любовь Паулы поможетъ ему нести иго жизни и выйти побѣдителемъ изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній.

По мѣрѣ приближенія къ Фостату, его сердце билось сильнѣе и сильнѣе; юноша надѣялся, что ему позволятъ передъ смертью увидѣть возлюбленную и заключить ее въ свои объятія. Послѣдніе мучительные часы какъ будто устранили всѣ препятствія между ними. Въ настоящую минуту Оріонъ чувствовалъ себя закаленнымъ противъ всякихъ искушеній; теперь, при встрѣчѣ съ Эліодорой, онъ не выказалъ бы ей ничего, кромѣ спокойной, братской привязанности.

Арабы привели плѣнника въ домъ кади, но того не было дома; онъ присутствовалъ на собраніи совѣта, созваннаго векиломъ. Обада отдохнулъ всего нѣсколько часовъ послѣ тревожной ночи и явился на засѣданіе. Однако, здѣсь ему пришлось убѣдиться, что всѣ члены совѣта относились къ нему враждебно. Самымъ отъявленнымъ противникомъ векила былъ предсѣдатель суда, кади Отманъ, и завѣдующій податными сборами въ странѣ, Халидъ. Оба твердо отстаивали свои мнѣнія, и посторонній слушатель не могъ бы повѣрить, что большинство присутствующихъ на совѣтѣ были простые люди. Одинъ изъ нихъ въ молодости пасъ овецъ на горахъ; другой водилъ караваны по пустынѣ или занимался мелкой торговлей. Во время войны между враждующими племенами, они привыкали владѣть оружіемъ, закаляя свое мужество, но кто училъ ихъ такъ тонко выражаться, сопровождая свою рѣчь граціозными жестами, которымъ могъ бы позавидовать любой греческій ораторъ? Только въ пылу увлеченія арабы теряли хладнокровіе, но какая мощь сказывалась тогда въ ихъ голосѣ, въ блестящемъ взглядѣ и движеніи руки! Однако и самый сильный порывъ чувства не могъ заставить араба погрѣшить противъ чистоты языка. А между тѣмъ немногіе изъ этихъ людей умѣли читать и писать, что не мѣшало имъ приводить цитаты изъ арабскихъ поэтовъ, благодаря способности быстро запоминать стихотворную рѣчь. Сегодня они обсуждали внутреннія дѣла образованной страны, которая нѣсколько лѣтъ назадъ была совершенно незнакома воинственнымъ сынамъ пустыни. Надо было видѣть, какъ хорошо понимали свою задачу чиновники, наблюдавшіе за различными отраслями общественной жизни въ Египтѣ. Ихъ воспріимчивые, юношески-свѣжіе умы схватывали все съ удивительной быстротою и давали дальнѣйшее развитіе чужеземнымъ учрежденіямъ. Слѣдующее поколѣніе арабовъ съумѣло воскресить и привести въ цвѣтущее состояніе завоеванныя ихъ отцами великія государства, пришедшія въ упадокъ. Мусульмане вызвали къ новой жизни науку и искусства, хотя ихъ предки не отличались ученостью. Такъ, и на собраніи совѣта покорители Египта поражали своимъ умомъ, живостью, юношескимъ пыломъ, и бывшему невольнику Обадѣ было трудно удержать свое первенствую-

щее мѣсто въ средѣ этихъ богато-одаренныхъ потомковъ свободныхъ племенъ.

Кади Отманъ открыто и смѣло высказался противъ его поступковъ и заявилъ отъ имени прочихъ членовъ дивана, что отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность за случившееся. Векилъ ничего не возражалъ противъ этого. Онъ перешелъ къ другому вопросу и предложилъ дать пріютъ въ Фостатѣ всѣмъ мемфитамъ, пострадавшимъ отъ пожара. Его слова произвели благопріятное впечатлѣніе; кромѣ того, Обада отличился своею храбростью въ предшествующую ночь. Присутствующіе на совѣтѣ рѣшили оставить его на этотъ разъ въ покоѣ и выждать отвѣта изъ Медины, куда они послали жалобу на своеволіе векила. Между арабами господствовала строгая дисциплина: безстрашные на войнѣ, они боялись открытаго сопротивленія могущественному временщику, извѣстному своею необузданностью.

Обада остался побѣдителемъ, но побѣда стоила не дешево. Хотя никто не могъ прямо обличить его въ лихоимствѣ, однако ему пришлось таки выслушать не мало обидныхъ словъ; надменные арабскіе сановники не хотѣли оказывать сыну рабыни почета, приличнаго высокому званію векила. Раздосадованный до крайности, онъ вышелъ послѣднимъ изъ залы засѣданія. Никто, даже его помощникъ, не остался при немъ, чтобъ похвалить его увлекательное краснорѣчіе, между тѣмъ какъ Амру былъ постоянно окруженъ на совѣтѣ своими почитателями. Эти проклятые льстецы всегда жужжали, какъ пчелы, вокругъ него послѣ рѣчей въ собраніи, и провожали полководца до самаго дома, точно собаки, виляющія хвостами. Обада приписывалъ холодность сотоварищей не своей винѣ, а своему низкому происхожденію. „Но все это перемѣнится, только бы удался переворотъ въ Мединѣ, тогда я покажу себя, и враги векила узнаютъ...“

Размышленія негра были прерваны приходомъ гонца, покрытаго пылью съ ногъ до головы; онъ принесъ хорошую вѣсть: Оріонъ былъ пойманъ и приведенъ въ домъ кади.

— Почему не ко мнѣ? загремѣлъ Обада. Кто здѣсь замѣняетъ намѣстника? Отманъ или я? Сейчасъ привести арестованнаго въ мой домъ!

Векилъ немедленно отправился въ свое жилище, но вмѣсто Оріона его встрѣтилъ тамъ чиновникъ судьи; Отманъ хотѣлъ напомнить Обадѣ, что онъ назначенъ главой судебнаго вѣдомства въ Египтѣ самимъ калифомъ, и потому всякое судебное разбирательство касается его лично. Если векилъ хочетъ видѣть узника, то можетъ явиться въ домъ кади или, позднѣе, въ городскую тюрьму, куда будетъ отведенъ сынъ мукаукаса. Взбѣшенный векилъ отправился къ своему врагу, жившему по близости, но тотъ встрѣтилъ яростныя нападки негра съ хладнокровіемъ благоразумнаго и справедливаго человѣка.

Отману было около тридцати-пяти лѣтъ, но въ его шелковистой бородѣ пробивалась уже сѣдина; благородное, смуглое лицо носило отпечатокъ возвышеннаго характера; въ глазахъ виднѣлся проницательный, но спокойный умъ. Что-то кроткое, ясное проглядывало въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ почтен-

наго араба, который съ достоинствомъ переносилъ тяжелые уда-
ры судьбы и поставилъ себѣ задачей облегчать участь другихъ.
Кади зналъ о жалобахъ патріарха и былъ готовъ строго взыс-
кать за гибель своихъ единовѣрцевъ, но справедливая кара дол-
жна была постигнуть только виновныхъ. Отманъ оправдывалъ
въ душѣ Оріона; онъ глубоко уважалъ его отца, какъ справед-
ливаго судью и хорошаго человѣка. При жизни мукаукаса, кади
нерѣдко прибѣгалъ за совѣтомъ къ опытному египтянину; споръ
между нимъ и запальчивымъ векиломъ произвелъ тяжелое впе-
чатлѣніе даже на чиновниковъ. Оріонъ слышалъ изъ сосѣдней
комнаты, какъ бѣсновался Обада, и понялъ, что ему нечего
ждать пощады отъ свирѣпаго врага. Но какъ море утихаетъ
послѣ самой сильной бури, такъ и ссора векила съ Отманомъ
имѣла спокойный исходъ. Кади замѣтилъ негру, что конфиска-
ція имущества знатнѣйшаго рода въ Египтѣ подорветъ довѣріе
къ справедливости мусульманъ, если она основана только на од-
номъ подозрѣніи; не слѣдовало забывать, что покойный му-
каукасъ явно благоволилъ къ завоевателямъ. Но, по словамъ Оба-
ды, имущество Оріона было только опечатано и сохранялось въ
надежномъ мѣстѣ. Что было угодно Аллаху истребить огнемъ,
за то не можетъ отвѣчать ни одинъ человѣкъ. Кромѣ того, подо-
зрѣніе противъ юноши подтвердилось на дѣлѣ. Векилъ успѣлъ
заручиться письменнымъ документомъ, который уличаетъ возлюб-
ленную Оріона въ томъ, что она была зачинщицею преступленія,
стоившаго жизни двѣнадцати послѣдователямъ ислама. Эта дѣ-
вушка вчера взята подъ стражу, и онъ, помощникъ Амру, распо-
рядится съ ней по своему, не смотря ни на какихъ судей. Если
Отману христіанскія собаки дороже своихъ единовѣрцевъ, то онъ,
Обада, не можетъ потворствовать такому самоуправству; въ про-
тивномъ случаѣ тысячи египетскихъ рабочихъ, роющихъ новый
каналъ, завтра же убьютъ троихъ мусульманъ, приставленныхъ
къ нимъ для надзора.

Кади отвѣчалъ, что онъ не менѣе векила готовъ наказать ви-
новныхъ; однако, нужно прежде разслѣдовать дѣло, а это требу-
етъ осмотрительности. Судья не долженъ руководствоваться лич-
ною ненавистью, но обязанъ поступать по законамъ. Съ его сто-
роны также преступно оправдать виновныхъ, какъ и покарать
людей, непричастныхъ преступленію. Такимъ образомъ, слѣдствіе
пойдетъ своимъ чередомъ; если Обада желаетъ допросить возлюб-
ленную Оріона, то кади охотно дозволитъ это, но будетъ лично
руководить судебными засѣданіями. Самъ калифъ не можетъ от-
мѣнить его распоряженій, пока не отставитъ Отмана отъ зани-
маемой имъ должности.

Векилу пришлось по неволѣ замолчать. По его желанію, Орі-
онъ былъ введенъ въ комнату. Черный исполинъ смѣрилъ гла-
зами юношу съ ногъ до головы, точно невольника, котораго со-
бирался купить. Едва кади отошелъ въ сторону, Обада бросилъ
на узника многозначительный взглядъ и провелъ пальцемъ по
своей смуглой шеѣ, какъ будто хотѣлъ отдѣлить голову отъ ту-
ловища. Вслѣдъ затѣмъ, онъ презрительно отвернулся отъ Оріона.

XLI.

Послѣ полудня, помощникъ Амру поѣхалъ въ Мемфисъ, въ городскую тюрьму. Онъ ожидалъ встрѣтить тамъ епископа, но вмѣсто того услышалъ о кончинѣ Плотина. Судьба опять съиграла злую шутку съ векиломъ: теперь онъ не могъ узнать, кто сообщилъ прелату планъ бѣгства монахинь. Однако, нѣтъ! Патріарху должны быть извѣстны всѣ подробности. Но что въ томъ толку? Обадѣ нельзя было терять даромъ времени, а Веніаминъ едва ли возвратится сюда раньше трехъ недѣль.

Черный векилъ встрѣтился въ битвѣ подъ Дамаскомъ съ отцомъ Паулы, и ему нерѣдко становилось досадно слышать похвалы этому герою даже отъ мусульманъ, что Обада приписывалъ не доблестямъ префекта Ѳомы, а ловкимъ проискамъ. Затаенная злоба противъ отца перешла у него и на дочь, хотя онъ никогда не видалъ ея. Векилъ рѣшился непремѣнно погубить Оріона, но передъ смертью сынъ мукаукаса долженъ сдѣлаться свидѣтелемъ казни своей возлюбленной, сознается ли она въ своей винѣ, или будетъ отрицать ее.

Съ этой цѣлью Обада немедленно потребовалъ дѣвушку къ допросу, надѣясь выпытать у нея всю истину. Онъ обѣщалъ заключенной величайшее снисхожденіе, если она будетъ откровенна, угрожая въ противномъ случаѣ мучительной казнью. Но дамаскинка отрицала свою виновность съ такимъ гордымъ спокойствіемъ, что бывшій рабъ пришелъ въ невольное смущеніе. Сначала онъ поддерживалъ переводчика, вставляя въ его рѣчь отрывочныя греческія слова, и старался запугать Паулу яростными взглядами, передъ которыми обыкновенно трепетали его подчиненные; однако запугиванья не имѣли успѣха. Тутъ Обада велѣлъ передать дочери Ѳомы, что у него въ рукахъ есть несомнѣнная письменная улика противъ нея, но обвиняемая не потеряла своего хладнокровія, требуя только, чтобъ ей показали обличительный документъ. Векилъ надменно замѣтилъ, что она увидитъ его со временемъ и подтвердилъ свое замѣчаніе угрожающими жестами. Ему случалось встрѣчать въ своемъ народѣ умныхъ, вліятельныхъ женщинъ. Отважныя аравитянки выходили даже на полѣ битвы, обнаруживая поразительное безстрашіе и превосходя мужчинъ своей кровожадностью въ войнѣ за вѣру; однако, то были жены и матери, забывавшія все на свѣтѣ ради мужей или дѣтей, ради фанатической преданности исламу и чести своего племени. Но молодыя дѣвушки никогда не переступали предѣловъ тѣснаго семейнаго круга, и вообще арабскія женщины были сдержанны, строго соблюдая обычай безпрекословнаго повиновенія мужчинѣ. Между тѣмъ, молодая дамаскинка хранила передъ своимъ обвинителемъ непоколебимое спокойствіе, точно полководецъ или глава цѣлаго племени.

Ея увѣренная осанка внушала Обадѣ странную робость и въ то же время пылкое желаніе дать ей почувствовать свое могущество, сломить ея упорство. Какъ онъ превосходилъ своимъ ростомъ

всѣхъ предводителей мусульманскаго войска, такъ и дочь Ѳомы была выше всѣхъ женщинъ, видѣнныхъ имъ до сихъ поръ. Векилу неожиданно вздумалось помѣряться съ нею. Онъ подошелъ къ дѣвушкѣ и провелъ рукой по воздуху линію отъ своей смуглой шеи къ ея темени. Дамаскинка отшатнулась отъ него съ нескрываемымъ отвращеніемъ. Взбѣшенный векилъ велѣлъ передать ей, чтобы она не разсчитывала больше ни на какое снисхожденіе, и тутъ же мысленно обрекъ ее на жестокую смерть.

Блѣдная, готовая ко всему самому худшему, вернулась Паула въ жалкую каморку; здѣсь старая Бетта съ тревогой поджидала свою питомицу.

Ея первое вступленіе въ тюрьму было ужасно. Сторожъ хотѣлъ вести арестованную въ одну изъ общихъ комнатъ, биткомъ набитыхъ преступниками обоего пола. Оттуда доносился звонъ цѣпей и громкій говоръ грубыхъ голосовъ. Однако, начальникъ охранительной стражи вмѣстѣ съ переводчикомъ заступились за дѣвушку, благодаря щедрости Мартины, которая пообѣщала имъ хорошій подарокъ, если завтра они извѣстятъ ее, что Паула получила въ тюрьмѣ сносную комнату.

Теща тюремнаго смотрителя также приняла ее подъ свою защиту. Она оказалась хозяйкой гостинницы и узнала въ заключенной красавицу изъ Дамаска, которая останавливалась съ Оріономъ въ ея пальмовой рощѣ на берегу Нила, во время катанья на лодкѣ. Добрая женщина тогда же сочла Паулу невѣстой сына мукаукаса. Когда дѣвушку привезли въ темницу, она была въ гостяхъ у своей дочери, жены тюремщика; несчастье иностранки тронуло ее, и она уговорила дочь оказать ей покровительство. Такимъ образомъ, Паула съ кормилицей были помѣщены отдѣльно, а смотритель получилъ въ свою пользу нѣсколько червонцевъ.

Съ тѣхъ поръ онъ старался облегчить участь дамаскинки. На слѣдующее утро, къ ней допустили Пульхерію, которая принесла подругѣ изъ своего сада нѣсколько розъ, не успѣвшихъ еще погибнуть отъ засухи.

Вдова Сусанна прислала ей кушанья и фруктовъ, но Паула отдала ихъ сторожу и велѣла передать посланному, что она не имѣетъ здѣсь недостатка въ пищѣ. Сознавая себя невиновной, дѣвушка спокойно ожидала рѣшенія своей судьбы и твердо надѣялась на прославленную справедливость арабскихъ судей. Однако, послѣ допроса, она поняла, что ея участь находится не въ ихъ рукахъ. Здѣсь, очевидно, все зависѣло отъ Обады, чудовища въ образѣ человѣка, заклятаго врага Оріона. Ничто не могло защитить ее отъ грубаго произвола этого негодяя. Дочь Ѳомы невольно упала духомъ, не слушая утѣшеній кормилицы.

Она не боялась смерти, но ей было тяжело умереть, не повидавшись съ отцемъ и не выказавъ Оріону всей силы своей любви. Пока эта несчастная, близкая къ отчаянію, ломала руки, виновникъ горя и разоренья столькихъ людей мчался по улицамъ Мемфиса на прекрасной лошади изъ конюшенъ Оріона. Достигнувъ рыночной площади въ кварталѣ Таанхъ, Обада былъ

принужденъ поѣхать шагомъ. Противъ Куріи, какъ называлось зданіе городскаго совѣта, шумѣла несмѣтная толпа. Векилъ, не стѣсняясь, пролагалъ себѣ дорогу черезъ эту массу народа; онъ зналъ, что̀ нужно мемфитамъ, но оставался равнодушнымъ къ ихъ требованіямъ. Неимущій классъ народа, вотъ уже нѣсколько дней, собирался возлѣ сената, требуя отъ булевтовъ помощи противъ страшнаго бѣдствія. Вчера жители города въ послѣдній разъ устроили торжественное богослуженіе въ церкви и крестный ходъ, однако небо не сжалилось надъ ними и сегодня они осаждали Курію. Но развѣ сенаторы могли заставить разлиться Нилъ, прекратить заразу или помѣшать финикамъ падать съ деревьевъ? Кто можетъ бороться противъ бѣдствія, ниспосланнаго свыше?

Таковъ былъ отвѣтъ главы сената, когда маститый старикъ появился на балконѣ Куріи, стараясь успокоить расходившуюся чернь. „Нѣтъ, нѣтъ, вы должны намъ помочь!“ кричала толпа— вы берете съ насъ подати и поставлены здѣсь для того, чтобы заботиться о городскомъ населеніи“.

Еще вчера неразумный народъ принимался буйствовать, бросая камнями въ ратушу, но сегодня, послѣ страшнаго пожара и смерти епископа, мемфиты пришли въ ярость и отчаяніе. Булевты дрожали, сидя на своихъ старыхъ пожелтѣвшихъ стульяхъ изъ слоновой кости—остатокъ прежняго блеска, введенный въ подражаніе римскому сенату.

Представители города переглядывались между собой, пожимая плечами, и не знали, на что̀ рѣшиться. Секретарь прочиталъ имъ только что принесенную бумагу—приказъ кади Отмана, гдѣ булевтамъ вмѣнялось въ обязанность сообщить мемфитамъ черезъ глашатаевъ и письменныя объявленія на улицахъ, что каждый гражданинъ, пострадавшій отъ пожара въ предшествующую ночь, можетъ безплатно получить въ Фостатѣ участокъ земли и строительные матеріалы для новаго дома, если онъ согласенъ поселиться по ту сторону рѣки и перейти въ исламъ. Несчастные булевты были поставлены въ необходимость обнародовать это унизительное предложеніе, утвержденное совѣтомъ дивана по мысли Обады.

Но что̀ могли сдѣлать съ своей стороны сенаторы для городской черни, требовавшей помощи?

Зараза ежедневно похищала сотни жертвъ; овощи, составлявшіе главный предметъ питанія въ это время года, погибли отъ засухи; рѣчная вода была испорчена; финики не годились въ пищу, посѣвы были выжжены солнцемъ; на небѣ сіяла страшная комета, и всеобщее отчаяніе не знало предѣловъ. Епископъ умеръ, вѣра въ провидѣніе ослабѣла, какъ будто самъ Богъ отступился отъ этой страны, порабощенной мусульманами. Бѣднымъ сенаторамъ приходилось сознавать свое безсиліе, и они съ затаеннымъ страхомъ посматривали на опустѣвшіе стулья, гдѣ еще недавно сидѣли ихъ сотоварищи, сраженные заразой.

Вчера каждый изъ нихъ былъ увѣренъ, что народное бѣдствіе не можетъ идти дальше, но въ прошлую ночь оно еще удвоилось. Они совершенно упали духомъ, питая слабую надежду только на Горуса Аполлона; этотъ мудрецъ, пожалуй, найдетъ средство

ободрить народъ и укажетъ выходъ изъ ужаснаго положенія. Тутъ сквозь открытый потолокъ снова посыпался градъ камней; булевты вскочили съ своихъ мѣстъ, стараясь спрятаться за мраморными колоннами и арками. Дикіе крики доносились до нихъ съ рыночной площади; тяжелая дверь трещала подъ ударами кулаковъ и палокъ; къ счастью, она была обита бронзой и задвинута желѣзными засовами; но если нападающимъ удастся выломать ее, они, какъ разъяренные звѣри, ворвутся въ залу совѣта.

Однако, что̀ это значитъ? Ревъ толпы разомъ притихъ. Вмѣсто проклятій, угрозъ и брани, минуту спустя, раздались восторженные крики; между ними можно было разобрать отдѣльные возгласы:—Да здравствуетъ мудрецъ! Помоги намъ, спаси! Посовѣтуй, что̀ дѣлать? Ты умѣешь ворожить, отецъ; тебѣ открыто все тайное. Тебѣ извѣстна мудрость древнихъ, заступись за насъ! Покажи этимъ грабителямъ и обманщикамъ въ Куріи, какъ нужно помочь народу!

Тутъ предсѣдатель сената рискнулъ оставить свое убѣжище позади статуи императора Траяна, единственнаго памятника старины, который пощадило духовенство. Желая узнать, въ чемъ дѣло, старикъ взялъ передвижную лѣстницу, служившую для зажиганія висячихъ лампъ, и поднялся по ней къ высокому окну, чтобы выглянуть на улицу. Онъ увидѣлъ Горуса Аполлона въ чистой полотняной одеждѣ, верхомъ на прекрасномъ бѣломъ ослѣ; народъ почтительно разступался передъ нимъ; ему предшествовали городскіе ликторы со своими жезлами, къ которымъ, въ знакъ мирныхъ намѣреній, были привязаны пальмовыя вѣтви. Позади жреца, кромѣ погонщика осла, шелъ еще невольникъ со свитками въ рукахъ, пожелтѣвшими отъ времени. У сенатора отлегло отъ сердца; онъ спустился съ лѣстницы, ободряя своихъ товарищей, и пошелъ къ дверямъ. Застучалъ желѣзный засовъ; присутствующіе вздохнули свободно: въ курію не вошелъ никто, кромѣ Горуса Аполлона. При его появленіи, булевты съ важностью сидѣли на своихъ стульяхъ изъ слоновой кости, какъ будто ихъ совѣщаніе не было прервано уличнымъ безпорядкомъ.

По знаку предсѣдателя, они встали и поклонились маститому ученому. Онъ спокойно принялъ ихъ привѣтствіе, какъ подобающую честь, и безъ отговорокъ занялъ предложенное ему возвышенное предсѣдательское мѣсто; старшій сенаторъ сѣлъ подлѣ него на обыкновенный стулъ. Немедленно было приступлено къ совѣщанію, хотя толпа по прежнему гудѣла на площади, какъ прибой морскихъ волнъ или громадный пчелиной рой. Старикъ скромно замѣтилъ, что онъ сомнѣвается въ своемъ умѣньѣ отвратить бѣду, которой не могли помочь такіе мудрые мужи; ему только знакома наука древнихъ и обычаи предковъ; булевты могутъ, если хотятъ, воспользоваться ихъ опытностью. Тихая, плавная рѣчь жреца вызвала ропотъ и одобренія; когда же старшій сенаторъ указалъ на мелководье Нила, какъ на главную причину бѣдствія, Горусъ Аполлонъ прервалъ его совѣтомъ обратить прежде вниманіе на то, что̀ можетъ быть устранено собственными усиліями горожанъ. Въ городѣ свирѣпствуетъ зараза. Проѣзжая

мимо квартала, пострадавшаго отъ вчерашняго пожара, ученый видѣлъ около пятидесяти больныхъ, скученныхъ въ одномъ мѣстѣ и оставленныхъ на произволъ судьбы; совѣтникамъ и руководителямъ города слѣдовало воспользоваться этимъ случаемъ и доказать населенію свою заботу о немъ. Тутъ одинъ изъ сенаторовъ предложилъ перенести больныхъ въ монастырь св. Цециліи или въ пустой, разрушенный Одеонъ; но Горусъ Аполлонъ объяснилъ, что такой очагъ заразы посреди города угрожаетъ страшной опасностью здоровымъ жителямъ. Этого мнѣнія придерживался и его другъ Филиппъ, одобрявшій мудрые обычаи древнихъ касательно заразныхъ больныхъ. Гдѣ помѣщались прежде не только благотворительныя учрежденія, но также храмы и гробницы, требовавшіе простора вокругъ себя? Ихъ строили непремѣнно въ пустынѣ за чертою города. На исполинскомъ сфинксѣ возлѣ пирамидъ, великій Арріанъ собственноручно начерталъ стихи:

„Нѣкогда боги воздвигли колоссовъ на память потомству,
Мудро щадя плодородную почву полей".

Новѣйшія поколѣнія забыли прекрасное правило беречь обработанную землю, которая приноситъ жатву; они разучились пользоваться просторомъ пустыни; между тѣмъ древніе не допускали, чтобы мертвые и зачумленные вредили здоровымъ, и съ этой цѣлью переносили больныхъ за городъ, по близости некрополя.

— Но вѣдь несчастныхъ нельзя оставить подъ жгучими лучами солнца! воскликнулъ старшій сенаторъ.

— А еще менѣе выстроить для нихъ въ одну минуту новый домъ, прибавилъ другой.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Горусъ Аполлонъ.—Но въ Мемфисѣ найдется, сколько угодно, деревянныхъ шестовъ и полотна. Велите тотчасъ разбить большія палатки въ некрополѣ, гдѣ можно лѣчить на счетъ города и подъ присмотромъ сената всѣхъ больныхъ заразой. Поручите это дѣло троимъ или четверымъ изъ вашей среды; тогда, нѣсколько часовъ спустя, у бездомныхъ страдальцевъ будетъ пріютъ. Сколько матросовъ и корабельныхъ плотниковъ бродятъ по берегу, не находя занятій! Возьмите ихъ, и у васъ тотчасъ закипитъ работа.

Предложеніе старика было единогласно одобрено присутствующими.

— Я могу взять на себя поставку нужнаго матеріала! воскликнулъ одинъ владѣлецъ полотняной фабрики изъ числа булевтовъ: но другой, который велъ обширную торговлю знаменитымъ египетскимъ полотномъ, прервалъ его, требуя подряда своей фирмѣ и обѣщая сбавить цѣну.

Этотъ споръ угрожалъ затянуться надолго, еслибъ Горусъ Аполлонъ не догадался помирить соперниковъ, предложивъ имъ взять поставку полотна пополамъ.

Узнавъ о томъ, что сенатъ хочетъ строить палатки въ пустынѣ для зараженныхъ эпидеміей, народъ громко выражалъ свое одобреніе. Выборные депутаты тотчасъ принялись за дѣло, и въ ту же ночь безпріютные больные были перевезены въ новое помѣщеніе. Такимъ образомъ, Горусъ Аполлонъ рѣшилъ на прак-

тикѣ еще нѣсколько важныхъ вопросовъ, постоянно опираясь на обычай древнихъ. Наконецъ онъ ловко и осторожно заговорилъ о самомъ главномъ предметѣ. Событія послѣдняго времени, по его словамъ, доказывали, что небо разгнѣвалось на злополучный Египетъ; въ знакъ этого оно послало комету, которая съ каждымъ днемъ увеличивалась въ объемѣ и грозно сіяла надъ землей.

Люди не могутъ своими собственными силами вызвать разлитіе Нила, но въ такомъ случаѣ древніе прибѣгали къ таинственнымъ духамъ земли; они знали ихъ ближе, чѣмъ теперешніе люди, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія. Булевты слушали, не смѣя дышать.

— Въ то время, продолжалъ ученый,—каждый служитель Всевышняго былъ вмѣстѣ съ тѣмъ естествоиспытатель, и когда Египетъ постигало бѣдствіе, жрецъ приносилъ жертву, заглушая въ себѣ голосъ человѣколюбія; но зато желаніе народа всегда исполнялось. Въ этихъ свиткахъ вы найдете подтвержденіе моимъ словамъ, заключилъ старикъ.

Булевты взволновались.

— Какая жертва? воскликнулъ одинъ изъ нихъ.

— Что избирали наши предки для жертвоприношеній?

— Нельзя ли намъ послѣдовать ихъ примѣру?

— Оставимъ этотъ вопросъ до другаго раза, отвѣчалъ старикъ.— Теперь я ничего не могу сказать; сначала нужно найти то, что угодно богамъ.

— Что же это такое? — Говори, господинъ! — приставали булевты со всѣхъ сторонъ. Но ученый оставался неумолимымъ, обѣщая, что онъ самъ созоветъ совѣтъ, какъ только наступитъ благопріятная минута. По его желанію, старшій сенаторъ вышелъ къ народу, объявляя, что Горусъ Аполлонъ знаетъ жертву, которая вызоветъ наконецъ запоздалое разлитіе Нила. Когда ее найдутъ, то спросятъ согласія мемфитовъ; въ прежнія времена это средство всегда приносило пользу, и потому жители города могутъ спокойно возвратиться домой, подкрѣпляя себя надеждой на скорый конецъ ихъ бѣдствія.

Эта рѣчь, пересыпанная похвалами мудрости Горуса Аполлона, произвела магическое дѣйствіе. Собравшійся народъ воодушевился. Восторженные клики оглашали площадь. Мемфиты превозносили не одного только ученаго жреца, но также и булевтовъ, заботливыхъ отцовъ города, у которыхъ въ эту минуту свалился съ души тяжелый гнетъ.

Предложеніе старика, разумѣется, было несовсѣмъ согласно съ христіанскимъ благочестіемъ, но развѣ церковь пришла на помощь погибающему народу? Послѣ того онъ имѣлъ право прибѣгнуть къ средствамъ, запрещеннымъ религіей. Египетъ служилъ настоящей колыбелью колдовства и магіи, а тамъ, гдѣ не помогала вѣра, люди естественно обращались къ суевѣрію. Городскія власти напали на Кудрявую Медею и заключили ее въ тюрьму не иначе, какъ съ цѣлью воспользоваться искусствомъ ворожеи для прекращенія народнаго бѣдствія. При такой крайности, позволительны всѣ средства, и если мудрый Горусъ Аполлонъ самъ

ужасался предстоящей жертвы, которая должна умилостивить подземныхъ духовъ, то онъ могъ быть заранѣе увѣренъ, что мемфиты согласятся на все. Если бѣда минуетъ, можно умилостивить Бога подвигами покаянія; онъ милосердъ и всегда готовъ простить грѣшниковъ.

Епископъ города постоянно присутствовалъ на важныхъ совѣщаніяхъ сената, гдѣ ему было предоставлено право голоса, но кроткій Плотинъ сдѣлался жертвой эпидеміи, и глава церкви не успѣлъ назначить ему преемника. Такимъ образомъ, среди булевтовъ не было въ данное время ни одного представителя духовенства, который могъ бы отговорить ихъ отъ нечестивой затѣи.

Едва Горусъ Аполлонъ показался на рыночной площади, какъ его встрѣтилъ такой взрывъ благодарности со стороны собравшейся народной массы, точно ему уже удалось спасти страну и ея населеніе.

Удастся или не удастся задуманное имъ дѣло, онъ во всякомъ случаѣ будетъ принужденъ покинуть Мемфисъ. Но это не пугало его. Жрецъ былъ твердо намѣренъ провести остатокъ жизни съ семьей Руфинуса, а вдовѣ и дочери его покойнаго друга не мѣшало уѣхать изъ города, гдѣ онѣ столько выстрадали въ послѣднее время. Филиппу также слѣдовало переселиться въ другое мѣсто.

Іоганна и Пульхерія сообщили Горусу Аполлону объ ужасной участи, постигшей Паулу.

Теперь она не мѣшала ему, но ее, пожалуй, выпустятъ изъ тюрьмы, и тогда дамаскинка можетъ снова разрушить всѣ планы жреца. Слѣдовательно, эту дѣвушку необходимо своевременно сжить со свѣту. Служитель Изиды питалъ къ ней непримиримую ненависть и, кромѣ того, ему было пріятно одурачить египетскихъ христіанъ, заставивъ ихъ исполнить жестокій языческій обрядъ.

Если арабы приговорятъ Паулу къ смертной казни, тѣмъ лучше для задуманнаго плана. Жрецу предстояло сговориться съ чернымъ векиломъ, отъ котораго зависѣла участь заключенной. Іоганна и Пульхерія нашли въ этотъ день Горуса Аполлона необыкновенно привѣтливымъ и добрымъ. Его предложеніе поселиться у нихъ съ Филиппомъ было встрѣчено всеобщею радостью. Маленькая Марія ликовала. Хозяйки тотчасъ повели гостя по всему дому, оказывая ему на каждомъ шагу ласковую предупредительность. Маститый ученый любовался рѣшительно всѣмъ въ ихъ скромномъ жилищѣ. Такая чистота и аккуратность могли существовать только при женскомъ надзорѣ. Іоганна уступала новому жильцу комнаты нижняго этажа, принадлежавшія покойному Руфинусу, а находившіяся по другую сторону дома—Филиппу. Столовой, обширной прихожей и виридаріумомъ могли пользоваться всѣ сообща. Для женщинъ и гостей оставался верхній этажъ.

Переселеніе должно было совершиться въ скоромъ времени, когда Горусъ Аполлонъ устроитъ одно дѣло. Онъ не объяснилъ, въ чемъ оно состояло, но, повидимому, радовался заранѣе предстоящей перемѣнѣ, потому что во время переговоровъ его впалыя губы подергивались отъ удовольствія, а блестящіе глаза какъ будто говорили Пульхеріи: „И тебя, милое дитя, я постараюсь сдѣлать счастливой“.

LXII.

Паула провела мучительную ночь въ тѣсной и душной каморкѣ, куда ее помѣстили вдвоемъ съ кормилицей. Она не могла заснуть, потому что ихъ постоянно будили то крики и звонъ цѣпей, доносившіеся изъ комнатъ, то тяжелые шаги товарища по заключенію, который не переставалъ тревожно прохаживаться по своей одиночной кельѣ прямо надъ головой дамаскинки.

Несчастный узникъ!

Страдалъ ли онъ отъ упрековъ совѣсти или попалъ въ тюрьму безвинно, какъ Паула, и теперь его томили тоска по близкимъ сердцу, страхъ передъ неизвѣстностью или нѣжное чувство къ любимой женщинѣ?

Этотъ заключенный, очевидно, не былъ обыкновеннымъ преступникомъ, потому что такихъ помѣщали въ другое отдѣленіе тюрьмы; кромѣ того, въ полночь, когда въ большихъ камерахъ разомъ все смолкло, изъ его комнаты послышалась тихая музыка. Чья-то опытная рука артистически играла на лютнѣ.

Молодая дѣвушка невольно заслушалась, и ея мысли приняли иное, болѣе успокоительное направленіе. Воспользовавшись предлогомъ оставить свою неудобную жаркую постель, она вскочила на ноги и подошла къ единственному окну своей кельи, задѣланному желѣзной рѣшеткой. Теперь музыка прекратилась; между заключеннымъ и тюремщикомъ завязался разговоръ.

Чей это голосъ? Неужели слухъ обманываетъ ее? Сердце Паулы замерло въ груди, пока она чутко прислушивалась. Вскорѣ всѣ сомнѣнія исчезли: узникъ въ комнатѣ на верху былъ никто иной, какъ Оріонъ.

Сторожъ также назвалъ его по имени и заговорилъ о покойномъ мукаукасѣ, послѣ чего они оба понизили голосъ; Паула слышала шопотъ, но не могла разобрать ни одного слова. Наконецъ тюремщикъ простился съ молодымъ узникомъ, заперъ дверь на замокъ, и шаги юноши направились къ окну. Дамаскинка прижалась лицомъ къ оконной рѣшеткѣ, прислушалась и, убѣдившись, что все вокругъ молчитъ, крикнула сначала тихо, потомъ громче: „Оріонъ! Оріонъ!“ На верху также произнесли ея имя; тогда Паула привѣтствовала своего возлюбленнаго и стала спрашивать его: почему и когда онъ попалъ въ темницу. Но тотъ сейчасъ же замѣтилъ ей рѣшительнымъ тономъ: „молчи,“ и потомъ прибавилъ торопливо: „подожди немного“.

Паула не двигалась съ мѣста; черезъ полчаса томительнаго ожиданія сверху раздалось: „бери“, и передъ глазами дѣвушки замелькалъ какой-то предметъ: то былъ кусокъ дерева, привязанный къ струнѣ отъ лютни, тутъ же висѣлъ маленькій свитокъ папируса. Въ комнатѣ Паулы не было огня, такъ что она не могла прочитать письма Оріона и потому крикнула ему: „темно!“

Затѣмъ, по примѣру юноши, прибавила: „бери“.

Оріонъ потянулъ къ верху струну; на ней были двѣ пышныхъ

розы, принесенныя Пульхеріей. Юноша выразилъ свою благодарность нѣсколькими тихими аккордами, полными страсти и томленія. Затѣмъ все смолкло: тюремщикъ запретилъ Оріону играть и пѣть въ ночное время, и заключенный не хотѣлъ ослушаться этого человѣка, который всячески старался облегчить его участь. Паула легла въ постель съ письмомъ Оріона въ рукѣ; чувствуя, что ея вѣки слипаются, она положила маленькій свитокъ подъ подушку и вскорѣ заснула. Оба они видѣли другъ друга во снѣ, и когда проснулись при восходѣ солнца, то радостно привѣтствовали наступающій день. Вчера Оріонъ былъ въ отчаяніи, когда за нимъ заперли дверь тюрьмы, ему хотѣлось выломать желѣзную рѣшетку и сорвать тяжелый засовъ. Трудно представить себѣ то чувство униженія, какое испытываетъ человѣкъ, когда его запрутъ, какъ бѣшеное животное, въ четырехъ стѣнахъ, разлучивъ съ живымъ міромъ, гдѣ онъ свободно дѣйствовалъ до сихъ поръ. Въ первый моментъ, тюрьма показалась Паулѣ и Оріону преддверіемъ ада; они заранѣе считали себя погибшими, но сегодня ихъ посѣтило совершенно иное настроеніе. Одинъ ударъ судьбы за другимъ обрушился на сына мужаукаса; дамаскинка съ тревогой ожидала возвращенія жениха; а теперь ихъ сердца были спокойны, не смотря на опасности, грозившія со всѣхъ сторонъ.

Легенда разсказываетъ о св. Цециліи, что ее повели на пытку прямо съ брачнаго торжества, и когда она страдала въ рукахъ мучителей, то ея слухъ нѣжила небесная музыка и дивные звуки органа. Святая дѣвственница разсталась съ жизнью въ этомъ блаженномъ экстазѣ. Какъ часто повторяется то же самое и съ обыкновенными смертными! Иногда они испытываютъ величайшее счастье въ самыя ужасныя минуты. Паула и Оріонъ почувствовали себя безгранично счастливыми только въ тюрьмѣ: дамаскинка перечитывала письмо любимаго человѣка, которое было начато имъ еще въ домѣ кади и дышало глубокимъ чувствомъ, Оріонъ любовался розами; онѣ вдохновили его. Взявъ папирусъ, онъ начерталъ на немъ слѣдующее стихотвореніе, которое было передано Паулѣ услужливымъ тюремщикомъ:

Только что тягостный мракъ узника обнялъ въ темницѣ,
Солнце померкло предъ нимъ, вѣчной одѣвшися мглой,
Но поднесли ему въ даръ свѣжую, алую розу —.
Внутреннимъ свѣтомъ горѣлъ пурпурный вѣнчикъ ея, —
И засіяла любовь изъ лепестковъ ароматныхъ,
Такъ, изъ пучины морской Фебъ лучезарный встаетъ.
Всесогрѣвающій лучъ кроется въ сердцѣ влюбленныхъ;
Точно свѣтлякъ, что заползъ въ чашечку розы—цвѣтка.
Помнишь, когда мы съ тобой солнцемъ могли любоваться,
То не цѣнили любви свѣтлыхъ, отрадныхъ лучей?
Нынче жъ, во мракѣ тюрьмы, стало, мой другъ, намъ понятно,
Сколько приноситъ любовь благословенья съ собой.
Какъ проростаетъ зерно въ нѣдрахъ земли сокровенныхъ,
Какъ изъ могилы душа въ горній стремится эдемъ,
Такъ предо мною въ тюрьмѣ, въ мракѣ ея безотрадномъ,
Краше, чѣмъ въ пышномъ саду, розы любви расцвѣли.

Получивъ привѣтъ возлюбленнаго, Паула чувствовала себя на верху блаженства. Старая Бетта плакала отъ радости; но ее

риводили въ восторгъ не стихи Оріона, а удивительная пере-
ѣна, которую они произвели въ ея любимицѣ. Дѣвушка сіяла
частьемъ, какъ въ давно минувшіе дни, когда она беззаботно
ѣзвилась въ роскошной долинѣ роднаго Ливана. При появленіи
Паулы въ судейскую залу, присутствующіе были не мало поражены;
икогда еще подсудимая, которой угрожалъ смертный приговоръ,
е входила сюда съ такимъ торжествующимъ видомъ и радостно
лестѣвшими глазами. Справедливый и кроткій кади Отманъ,
акже имѣвшій молоденькихъ дочерей, взглянулъ съ глубокимъ
ожалѣніемъ на прекрасную дѣвушку. Ее, очевидно, поддержи-
ала ложная увѣренность, что она будетъ оправдана. Между тѣмъ
бстоятельства говорили не въ пользу дамаскинки. Въ составъ
уда вошли не одни арабы, но также и египтяне. Паула обви-
илась, какъ соучастница преступленія, стоившаго жизни нѣ-
скольким мусульманамъ, и подлежала суду мѣстныхъ властей,
къ качествѣ жительницы Мемфиса и христіанки. Кади руково-
дилъ засѣданіемъ, но зналъ по опыту, что якобитскіе судьи были
неумолимы, когда обвиняемый принадлежалъ къ мелхитскому
вѣроисповѣданію.

Отманъ не догадывался, почему красавица дамаскинка вну-
шала имъ особенную непріязнь, но было нетрудно догадаться,
что они относились къ ней враждебно. Если судьи изъ египтянъ
признаютъ Паулу виновной и къ нимъ присоединятся еще двое
арабовъ, тогда она погибнетъ безвозвратно. И съ какою цѣлью
явился сюда маститый ученый Горусъ Аполлонъ? Онъ сидѣлъ на
скамьѣ свидѣтелей въ своей бѣлой одеждѣ, бросая на дѣвушку
странные взгляды, не обѣщавшіе ничего хорошаго. Въ залѣ было
невыносимо жарко; присутствующіе изнемогали отъ духоты, и
судебныя пренія, не смотря на всю ихъ важность, порою умол-
кали, чтобы продолжаться снова съ непозволительной поспѣш-
ностью.

Обвиняемая, напротивъ, оставалась бодрой. Ей было нетрудно
отрицать свою виновность на допросѣ грубаго Обады; когда же
къ ней обращался кади Отманъ, благосклонный тонъ его рѣчи
невольно смущалъ дамаскинку. Но дѣвушка не могла колебаться.
Наконецъ ей удалось доказать, что она находилась въ Мемфисѣ, въ
домѣ Руфинуса, когда спутники монахинь перебили арабскихъ
воиновъ между Атрибомъ и Даміэттой. Кади старался обратить
это обстоятельство въ пользу Паулы, и векилъ Обада не преры-
валъ его, перешептываясь съ Горусомъ Аполлономъ; но едва
главный судья замолкъ, негръ представилъ ему письмо, найден-
ное въ комнатѣ Оріона.

Оно несомнѣнно было написано рукой сына мукаукаса и
предназначалось Паулѣ. „Не осуждай меня за отказъ; твое вели-
кодушное и вполнѣ основательное желаніе помочь своимъ едино-
вѣрцамъ послужило достаточной причиной....“ Этотъ отрывокъ
письма произвелъ сильное впечатлѣніе на судей. Паула откро-
венно отвѣчала на вопросъ кади, что она ничего не знаетъ объ
этомъ документѣ, но не можетъ отрицать своего расположенія
къ мелхитскимъ монахинямъ, которыя подвергались несправедли-

вому преслѣдованію со стороны патріарха. Но вѣдь покойный мукаукасъ и городской совѣтъ якобитовъ также отстаивали права благочестивыхъ сестеръ милосердія, и сами арабы не тревожили ихъ. Простота отвѣта обвиняемой подѣйствовала благопріятнымъ образомъ, особенно на мусульманскихъ судей. Надежда спасти дамаскинку воскресла въ сердцѣ кади; онъ тотчасъ послалъ за Оріономъ, который могъ лучше разъяснить значеніе написаннаго имъ, но не отосланнаго письма.

Въ залу засѣданія вошелъ другой подсудимый; хотя Оріонъ и Паула употребляли всѣ усилія, чтобы не выдать своихъ чувствъ, но неожиданное свиданіе невольно взволновало обоихъ. Горусъ Аполлонъ пристально смотрѣлъ на Оріона, котораго видѣлъ въ первый разъ; черты жреца дѣлались все сумрачнѣе. Юноша не отказывался отъ своего письма, но сказалъ также, какъ и Паула, что въ немъ говорилось только объ опасности, угрожавшей монахинямъ, которую онъ надѣялся предотвратить при содѣйствіи полководца Амру. Намѣстникъ Калифа относился благосклонно къ сестрамъ киновіи и не хотѣлъ нарушать ихъ правъ.

Тогда старикъ на скамьѣ свидѣтелей проворчалъ настолько громко, что его могли слышать судьи: „очень ловкое объясненіе!" Векилъ разразился смѣхомъ и воскликнулъ:

— Однако, эти люди отлично отстаиваютъ свои головы! Не вѣрьте имъ, господа судьи; обвиняемые дѣйствуютъ заодно; я имѣю доказательства ихъ близости. Этотъ молодецъ распоряжался состояніемъ дѣвушки, какъ своимъ собственнымъ; кромѣ того....

Въ эту минуту Паула прервала дерзкаго обвинителя, предвидя, что онъ готовъ сказать нѣчто оскорбительное для ея чести. Оріонъ стоялъ передъ ней, и дамаскинка чувствовала на себѣ восторженный взглядъ юноши.

— Остановись! вскричала она, обращаясь къ векилу. Не теряй понапрасну своихъ словъ. Я сама скажу правду во всеуслышаніе: сынъ мукаукаса Георгія—мой обрученный женихъ.

Ея глаза встрѣтились со взглядомъ Оріона, и въ эту роковую минуту они оба почувствовали себя безгранично счастливыми; на рѣсницахъ Паулы навернулись слезы, когда Оріонъ сказалъ, обращаясь къ судьямъ:

— Вы слышали отъ нея самой то, въ чемъ заключается величайшее счастье моей жизни. Благородная дочь Ѳомы—моя невѣста.

Въ рядахъ якобитскихъ судей послышался ропотъ; до сихъ поръ нѣкоторые изъ нихъ, измученные усталостью, дремали, опустивъ голову на грудь, но тутъ всѣ встрепенулись, какъ будто ихъ обдали струею холодной воды.

— Однако, ты скоро забылъ своего отца, молодой человѣкъ, воскликнулъ одинъ изъ якобитовъ.—Что сказалъ бы Георгій о твоемъ союзѣ съ мелхиткой, съ соотечественницей тѣхъ, которые убили твоихъ братьевъ. О, еслибы покойный...

— Онъ благословилъ нашъ бракъ на одрѣ смерти, прервалъ Оріонъ.

— Неужели? язвительно замѣтилъ другой якобитъ.—Ну, въ акомъ случаѣ патріархъ былъ правъ, что не позволилъ духо-енству провожать на кладбище его тѣло. Не думалъ я дожить о такого кощунства на старости лѣтъ!

Эти желчныя рѣчи не оскорбляли однако обвиняемыхъ; они ыли такъ полны сознаніемъ своего счастья, что забыли весь міръ. Между тѣмъ, признаніе Паулы сдѣлалось, въ сущности, ея смерт-ымъ приговоромъ; взбѣшенные якобиты старались ускорить раз-язку процесса. Обвинитель со стороны арабовъ принялся крас-норѣчиво говорить о гибели мусульманскихъ воиновъ, убитыхъ ради спасенія монахинь, и еще разъ прочиталъ вслухъ письмо Ріона. Его христіанскій собратъ старался доказать, что здѣсь оворится ни о чемъ иномъ, какъ о бѣгствѣ мелхитскихъ сестеръ, задуманномъ съ такою хитростью. Кади хотѣлъ возражать, но Горусъ Аполлонъ сталъ просить слова.

Паула, встревоженная послѣдними рѣчами, снова ободрилась. Другъ и названный отецъ Филиппа готовился защищать ее.

Но каково было удивленіе дѣвушки, когда она почувствовала на себѣ злобный взглядъ жреца. Старикъ смѣрилъ глазами стат-ную фигуру подсудимой и медленно произнесъ:

— На другое утро послѣ бѣгства монахинь, обвиняемая была въ монастырѣ св. Цециліи и звонила въ колокола. Опровергни это, если можешь, гордая дочь префекта; но знай заранѣе, что я, въ такомъ случаѣ, перейду къ новымъ обвиненіямъ.

Ужасъ охватилъ Паулу. Ей представилась вдова Руфинуса и Пуль на скамьѣ подсудимыхъ. Если она будетъ отрицать свою вину, то погубитъ друзей. Сообразивъ все это, дамаскинка под-твердила дрожащими губами слова жреца.

— Зачѣмъ же ты звонила на колокольнѣ? спросилъ кади.

— Ради спасенія благочестивыхъ сестеръ, которыя исповѣ-дуютъ одинаковую со мною вѣру и которыхъ я люблю, отвѣчала дѣвушка.

— Ты хотѣла обмануть насъ, повелителей этой страны; ты дѣйствовала, какъ защитница предательскаго замысла, приведшаго къ кровопролитію! воскликнулъ Обада.

Но кади заставилъ его замолчать, желая выслушать защитни-ка подсудимой изъ якобитовъ. Защитникъ переговорилъ съ Па-улой въ то утро и заготовилъ, по египетскому обычаю, рѣчь въ пользу обвиняемой, но его защита оказалась слишкомъ слабой и не подѣйствовала на судей. Всѣ старанія Отмана оправдать Па-улу оказались тщетными. Ее признали виновной.

Но можно ли было наказать смертью проступокъ дамаскинки? Хотя она принимала несомнѣнное участіе въ спасеніи мона-хинь, но, тѣмъ не менѣе, оставалась безвыѣздно въ Мемфисѣ и не присутствовала при катастрофѣ, разъигравшейся на нильскомъ рукавѣ. Кромѣ того, Паулѣ, какъ женщинѣ набожной, было про-стительно вступиться за монахинь, своихъ любимыхъ соотечест-венницъ, которыя подвергались несправедливому преслѣдованію.

Отманъ краснорѣчиво высказалъ все это и строго прервалъ Обаду, какъ только тотъ заикнулся о смертной казни со своего

мѣста на скамьѣ свидѣтелей. Слова кроткаго, снисходительнаго судьи подѣйствовали на большинство присутствовавшихъ мусульманъ. Личность Паулы подкупала ихъ въ свою пользу; они не могли забыть, что ея отецъ былъ самымъ доблестнымъ изъ ихъ противниковъ.

Судебное засѣданіе закончилось очень странно; единовѣрцы обвиняемой, якобиты, всѣ единогласно требовали ея смерти, тогда какъ изъ среды арабовъ только одинъ, сидѣвшій на судейскомъ мѣстѣ, соглашался съ ними.

Но приговоръ все таки былъ утвержденъ. Блѣднаго Оріона, который не помнилъ себя отъ бѣшенства и горя, готовились увести обратно въ одиночную келью. Торжествующій Обада, проходя мимо узника, насмѣшливо крикнулъ ему ломанымъ греческимъ языкомъ.

— Завтра придетъ и твоя очередь, сынъ мукаукаса.

„А потомъ и твоя, сынъ рабыни!“ мысленно отвѣтилъ юноша и чуть не сказалъ этого вслухъ.

Но передъ нимъ стояла Паула, и онъ опасался еще больше раздражить ея врага. Изъ боязни ухудшить участь любимой дѣвушки, Оріонъ молча пропустилъ мимо себя чернаго векила и Горуса Аполлона.

Едва за ними затворилась дверь, какъ взволнованный кади благосклонно кивнулъ головою бѣдному юношѣ и сказалъ:

— Ты поступилъ благоразумно, мой другъ! Орелъ долженъ помнить, что онъ не можетъ дѣйствовать своими крыльями въ тѣсной клѣткѣ также свободно, какъ на просторѣ пустыни подъ открытымъ небомъ.

Отманъ сдѣлалъ знакъ тюремщикамъ, чтобы они отвели заключеннаго, и отошелъ въ сторону, пока Оріонъ и Паула прощались другъ съ другомъ издали. Потомъ онъ приблизился къ Паулѣ. Дамаскинка поразила его своимъ геройскимъ мужествомъ: гордое спокойствіе не оставило ея даже въ ту минуту, когда судъ произнесъ надъ ней смертный приговоръ.

— Ты была осуждена, благородная дѣвушка, сказалъ кади,—но калифъ, нашъ повелитель, и милосердый Богъ могутъ помиловать тебя. Обратись съ молитвой къ Творцу вселенной, а я, при содѣйствіи нѣкоторыхъ друзей, буду ходатайствовать за тебя предъ моимъ государемъ.

Тутъ Отманъ скромно отклонилъ благодарность Паулы и, когда ее увели, замѣтилъ на цвѣтистомъ, образномъ языкѣ своего народа поджидавшимъ его товарищамъ:

— Сердце у меня болитъ отъ горя. Тяжело согласиться съ несправедливымъ приговоромъ, но признавать Обаду своимъ единовѣрцемъ и покоряться ему—все равно, что взвалить себѣ на плечи земной шаръ!

XLIII.

Выйдя изъ залы суда, старый жрецъ немедленно попросилъ аудіенціи у векила. Обада безъ церемоніи выгналъ тюремнаго сто-

рожа съ женой и грудным ребенкомъ изъ ихъ комнаты, чтобы остаться наединѣ съ Горусомъ Аполлономъ и узнать, какой родъ смерти придумалъ онъ для осужденной.

Его предложеніе понравилось негру, но, въ то же время, показалось черезчуръ рискованнымъ. Однако упрямый старикъ съумѣлъ настоять на своемъ.

Для Обады было очень важно доказать прямое участіе Оріона въ бѣгствѣ монахинь. Между тѣмъ, жрецу случайно попался въ руки документъ, служившій неопровержимой уликой противъ обвиняемаго юноши.

Въ тотъ день, рано по утру, пока еще не наступила жара, началось переселеніе Горуса Аполлона въ его новое жилище. При немъ были перенесены только наиболѣе цѣнныя и важныя рукописи. Размѣщая ихъ собственноручно въ небольшомъ письменномъ столѣ, которымъ пользовалась передъ тѣмъ дочь Ѳомы, онъ нашелъ въ одномъ изъ ящиковъ письмо, брошенное туда второпяхъ Оріономъ, когда тому не удалось повидаться съ любимой дѣвушкой, потому что его ждалъ въ тотъ вечеръ полководецъ Амру.

Эта восковая дощечка съ полустершимися строками могла вполнѣ убѣдить судей въ виновности молодаго человѣка, и жрецъ обѣщалъ вручить векилу это вещественное доказательство лишь на томъ условіи, что ему предоставятъ распорядиться участью дамаскинки.

Когда они оба выходили изъ комнаты сторожа, Обада вторично обратился къ Горусу. Кивнувъ головой на красивую молоденькую жену сторожа съ ребенкомъ на рукахъ, негръ злобно замѣтилъ, что они всѣ трое подвергнутся казни, если сынъ мукаукаса хотя на одну минуту будетъ выпущенъ изъ своей комнаты. Затѣмъ помощникъ Амру прыгнулъ на лошадь, чтобы отправиться домой, тогда какъ старикъ поѣхалъ на своемъ ослѣ сначала въ Курію. Здѣсь онъ уговорилъ старшаго сенатора созвать въ тотъ же вечеръ чрезвычайное собраніе и вскорѣ вернулся на свою новую квартиру.

Комната жреца была тщательно убрана, защищена отъ солнца и настолько прохладна, насколько можно было требовать при такомъ палящемъ зноѣ. Заботливыя хозяйки велѣли опрыснуть водою каменный полъ, разставили повсюду цвѣты, разложили свитки рукописей и прочія вещи по ящикамъ и столамъ. Образцовая чистота и нѣжный ароматъ, наполнявшій кабинетъ ученаго, пріятно подѣйствовали на него. Какая отрадная перемѣна жизни! Горусъ Аполлонъ опустился въ свое старое, любимое кресло и потиралъ отъ удовольствія морщинистыя руки. Когда маленькая Марія пришла звать его къ обѣду, онъ улыбнулся, принимаясь шутить съ бойкимъ ребенкомъ. Пульхерія дожидалась старика въ виридаріумѣ, чтобы идти съ нимъ въ столовую. Обѣдъ понравился жрецу, и онъ благосклонно посматривалъ на присутствующихъ женщинъ; онѣ всѣ были на лицо, исключая гречанки Эвдоксіи, не выходившей изъ своей комнаты по поводу легкаго нездоровья.

Горусъ Аполлонъ сказалъ каждой какое нибудь ласковое слово, и его старческое лицо приняло пріятное выраженіе, когда онъ сравнивалъ свою прежнюю обстановку съ теперешней, подтрунивая надъ неудобствами холостаго житья. Бросивъ на Пульхерію лукавый взглядъ, ученый замѣтилъ, что съ пріѣздомъ Филиппа ихъ семейный кружокъ обратится въ настоящую звѣзду, потому что египтяне постоянно изображаютъ звѣзды съ пятью лучами. Такъ рисовали и вырѣзывали ихъ на камнѣ древніе, у которыхъ даже число пять означалось прямо звѣздою.

— Но когда пріѣдетъ Филиппъ, насъ будетъ шестеро! воскликнула Марія.—Къ тому времени Паулу навѣрно освободятъ изъ тюрьмы.

— Дай Богъ! произнесла со вздохомъ Іоганна.

— Что съ тобой? спросила жрица внимательная Пуль, замѣтивъ рѣзкую перемѣну въ его чертахъ.

Вся веселость Горуса Аполлона мгновенно исчезла; онъ нахмурилъ брови, крѣпко сжалъ вваливіяся губы и нехотя отвѣчалъ:

— Такъ, ничего... Но я прошу, разъ навсегда, не говорить объ этой дѣвушкѣ въ моемъ присутствіи!

— О Паулѣ! съ удивленіемъ сказала Марія. О, еслибъ ты зналъ...

— Я знаю достаточно! прервалъ старикъ. Я люблю васъ всѣхъ; вы всѣ мнѣ дороги; мое старческое сердце радуется среди васъ, я отдыхаю въ вашемъ домѣ и безконечно вамъ благодаренъ, но когда вы произносите ненавистное имя и стараетесь расположить меня въ пользу этой женщины, я готовъ бросить все и немедленно вернуться туда, откуда пришелъ!

— Горусъ, Горусъ, что это значитъ?! воскликнула огорченная Іоганна.

— Это значитъ, что въ вашей Паулѣ воплотились всѣ пороки, которые дѣлаютъ ненавистнымъ для меня такъ называемое „низшее“ сословіе. У нея въ груди холодное, предательское сердце, она отравила мнѣ много дней и ночей; короче: я скорѣе согласенъ жить подъ одною кровлей съ ящерицами и змѣями, чѣмъ...

— Чѣмъ съ ней, чѣмъ съ Паулой?.. прервала Марія.

Пылкая дѣвочка вскочила съ мѣста. Ея глаза блестѣли, голосъ дрожалъ отъ волненія, когда она прибавила:

— Неужели ты не шутишь, а говоришь серьезно? Возможно ли это?

— Не только возможно, но даже несомнѣнно, милое дитя, отвѣчалъ старикъ, протягивая къ ней руку.

Внучка Георгія отступила назадъ и запальчиво воскликнула:

— Я не хочу слышать отъ тебя ласковыхъ названій, если ты отзываешься такъ дурно о Паулѣ! Почтенному старику слѣдуетъ быть справедливымъ! Ты совсѣмъ не знаешь ея, и то, что ты сказалъ о сердцѣ этой дѣвушки...

— Перестань, Марія! унимала ее вдова Руфинуса, между тѣмъ какъ старый жрецъ отвѣчалъ малюткѣ загадочнымъ и серьезнымъ тономъ:

— Глупенькая вострушка, Паула можетъ принести мнѣ съ вами

ольшую пользу, если мы не будемъ тревожить себя излишней ечалью о ней. Ее сегодня судили, и скоро сердце дамаскинки ерестанетъ биться.

— Она осуждена? Праведное небо! вскрикнула Пульхерія, скакивая съ мѣста.

— Объяснись, ради Бога, почтенный Горусъ! съ тревогой роизнесла хозяйка дома.—Грѣшно шутить подобными вещами. Правда ли это, возможно ли? Эти негодяи, эти... Я догадываюсь о твоему виду, что Паула приговорена къ смертной казни?

— Да, хладнокровно отвѣчалъ старикъ:—она будетъ казнена.

— И ты до сихъ поръ умалчивалъ объ этомъ? укоризненно амѣтила Пуль, заливаясь слезами.

— Ты могъ шутить и смѣяться, ты... О какъ это гадко съ воей стороны! вскричала внѣ себя Марія.—Еслибъ ты не былъ акимъ слабымъ, дряхлымъ старикомъ...

Іоганна снова заставила дѣвочку замолчать и спросила, рыдая:

— Ее хотятъ казнить, обезглавить? Неужели она, дочь Ѳомы, не будетъ помилована? Вѣдь Паула не принимала участія въ тычкѣ съ арабами!

— Подождите немного! отвѣчалъ ученый.—Можетъ быть, небо збрало ее для великаго подвига. Пожалуй, ей предназначено пасти отъ гибели всю страну съ ея населеніемъ, добровольно пожертвовавъ своею жизнью. Очень возможно, что...

— Выскажись яснѣе; меня пугаютъ твои намеки, перебила дова Руфинуса.

Жрецъ пожалъ плечами и небрежно сказалъ:

— Человѣкъ можетъ только догадываться и предчувствовать, но отъ него скрыты многія тайны. Здѣсь должно рѣшить само небо. Всѣмъ намъ будетъ хорошо: мнѣ и Маріи, тебѣ съ Пульеріей и даже отсутствующему Филиппу, если божество, дѣйствительно, избрало Паулу орудіемъ своей воли. Но кто способенъ идѣть во тьмѣ? Впрочемъ, я могу сказать тебѣ въ утѣшеніе, оганна, что добросердечный кади и его сотоварищи, арабы, изъ дной ненависти къ векилу, который гораздо умнѣе и энергичнѣе ихъ, употребятъ всѣ усилія...

— Чтобы спасти ее, перебила вдова Руфинуса.

— Завтра они будутъ держать совѣтъ: слѣдуетъ ли посылать онца въ Медину съ просьбой о помилованіи, продолжалъ Горусъ поллонъ, непріятно улыбаясь.—Послѣ завтра, въ диванѣ возникетъ споръ о томъ, кого нужно послать гонцомъ, и, прежде чѣмъ нъ достигнетъ Аравіи, осужденная будетъ казнена. Векилъ бада дѣйствуетъ быстрѣе своихъ противниковъ и пользуется еограниченной властью въ странѣ, пока здѣсь нѣтъ полководца мру. Ходятъ слухи, что намѣстникъ Калифа души не чаетъ ъ сынѣ мукаукаса, и, пожалуй, узнавъ, что дамаскинка его евѣста...

— Его невѣста?!

— Она сказала это передъ судьями во всеуслышаніе.

— Паула и Оріонъ! воскликнула Пульхерія, плача и смѣясь тъ радости.

— Да, да, отвѣчалъ старикъ, ты имѣешь полное основаніе радоваться этому, милая дѣвочка. Ахъ, вы, добрыя души! Послушайте лучше опытнаго старика и благословите судьбу, если гонецъ кади не достигнетъ своей цѣли. Но вѣдь вы не хотите слышать ни о чемъ, что̀ напоминаетъ оракула, и намъ лучше перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ! молила Іоганна.—Развѣ мы можемъ думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ Паулы и ея ужасной участи. О, Горусъ! я просто не узнаю тебя. Что̀ сдѣлала тебѣ эта бѣдная, гонимая судьбою дѣвушка, это прекрасное, любящее существо? Кромѣ того, судьи, приговорившіе Паулу къ смерти, пожалуй, станутъ доискиваться, куда дѣвался мой мужъ, Руфинусъ, и въ какой степени мы сами...

— И въ какой степени вы сами принимали участіе въ спасеніи монахинь, перебилъ старикъ.—Помѣшать этому ужь мое дѣло; пока моя старая голова не отказалась работать и языкъ—говорить, враги не посмѣютъ сдѣлать вамъ ни малѣйшаго вреда.

— Благодарю тебя, отвѣчала Іоганна,—но если ты обладаешь такою властью, то постарайся спасти Паулу. Ты знаешь, какъ всѣ мы любимъ ее, и какъ высоко цѣнитъ дочь Ѳомы твой другъ Филиппъ.

— Ну, нѣтъ, я не могу и не хочу спасать ее, строго возразилъ старикъ.

— Горусъ, Горусъ! Дѣти, просите его! Онъ обѣщалъ намъ замѣнить отца. Докажи, что это не были одни пустыя слова.

Взбѣшенный старикъ поднялся съ мѣста; на его впалыхъ щекахъ горѣли два яркихъ пятна.

— Молчите! воскликнулъ онъ хриплымъ голосомъ.—Не старайтесь разжалобить меня. Довольно, тысячу разъ довольно толковать обо всемъ этомъ! Вы уже слышали, и я повторяю еще: дамаскинка или я. Выбирайте между нами. Если вы не можете—что̀ бы ни случилось съ нею въ будущемъ—никогда не произносить ея имени въ моемъ присутствіи, тогда, тогда... Я не хочу произносить клятвы, но если даю слово, то никогда не нарушаю его—тогда я вернусь въ прежнее убогое логовище, доживать свой вѣкъ или умереть, если милосердая Изида пошлетъ мнѣ смерть.

Съ этими словами, Горусъ Аполлонъ вышелъ изъ комнаты. Маленькая Марія погрозила ему вслѣдъ кулакомъ и воскликнула:

— О, пускай это злое чудовище убирается прочь! Зачѣмъ я не родилась мужчиной!

Тутъ дѣвочка громко заплакала, не слушая увѣщаній вдовы, и продолжала, внѣ себя отъ гнѣва:

— Нѣтъ человѣка хуже его, мать Іоганна! Онъ жаждетъ смерти Паулы, я чувствую это. Слышала ты, Пуль: Горусъ Аполлонъ желалъ, чтобы гонецъ, посланный въ Медину, никогда не добрался туда. А между тѣмъ бѣдная Паула только что сдѣлалась невѣстой моего дяди Оріона—я такъ давно мечтала объ этой свадьбѣ—но и ее ожидаетъ та же участь, хотя этого не должно быть, если существуетъ справедливый Богъ на небѣ. О еслибъ я... еслибы мнѣ...

Тутъ ея голосъ прервался отъ рыданій. Успокоившись немного, Марія стала увѣрять Пульхерію съ матерью, чтобъ онѣ взяли ее съ собою къ Паулѣ. Встревоженныя женщины дѣйствительно собрались навѣстить дамаскинку и, прежде чѣмъ стемнѣло, отправились въ тюрьму.

Чѣмъ ближе онѣ подходили къ рыночной площади, тѣмъ больше попадалось имъ народу на улицахъ.

Толпа спѣшила по одному съ ними направленію; съ площади доносился невообразимый гамъ; Іоганна была испугана этимъ шумнымъ сборищемъ и охотно пошла бы окольной дорогой, но толпа противъ воли увлекала ихъ за собой.

На площади женщинамъ по неволѣ пришлось остановиться. Безпокойство вдовы возрастало. Пульхерія съ робостью прижималась къ матери, но Марія была заинтересована неожиданнымъ приключеніемъ; Іоганна взяла ее за руку.

— Смотрите, вонъ стоитъ нашъ Рустемъ, сказала рѣзвушка. —Онъ головой выше другихъ.

— Ахъ, еслибы намъ къ нему пробраться! со вздохомъ замѣтила Іоганна.

Тогда дѣвочка вырвалась у нея изъ рукъ, съ проворствомъ бѣлки проложила себѣ дорогу въ толпѣ и скоро добралась до пасадакита. Тотъ не успѣлъ еще уѣхать изъ Мемфиса, потому что первый караванъ, къ которому онъ хотѣлъ присоединиться съ женой, долженъ былъ выступить изъ города только нѣсколько дней спустя. Храбрый персъ и Марія были друзьми. Узнавъ, что добрая госпожа Іоганна боится за свою безопасность, онъ пошелъ къ ней съ ребенкомъ, и бѣдная женщина вздохнула свободно подъ его охраной.

Между тѣмъ, шумъ и крики все возрастали; предметомъ общаго вниманія была Курія. Тамъ, очевидно, происходили важные переговоры.

— Что̀ это значитъ? спросила Марія перса, дергая его за рукавъ.

Великанъ молча наклонился къ ней и поднялъ дѣвочку на воздухъ своими сильными руками. Она спокойно усѣлась ему на плечо, откуда ей было видно все, происходившее вокругъ, точно съ высокой башни. Іоганна со страхомъ придерживала ноги малютки.

— Матушка! Пуль! воскликнула она.—Представьте себѣ: противъ Куріи стоитъ бѣлый оселъ нашего старика и его шею украшаютъ вѣнкомъ изъ вѣтвей оливы.

Въ эту минуту, въ душномъ воздухѣ раздались звуки сигнальной трубы; толпа стала постепенно затихать, и если кто нибудь открывалъ ротъ, чтобы крикнуть или заговорить, сосѣдъ толкалъ его въ бокъ, приглашая къ молчанію.

— Что̀ тамъ происходитъ? спросила вдова, вытирая вспотѣвшій лобъ и по прежнему придерживая Марію за щиколодки.

Малютка торопливо отвѣчала, не отрывая глазъ отъ происходившей передъ ней сцены:

— Взгляни на балконъ ратуши, тамъ стоитъ старшій сена-

торъ, торговецъ пурпуромъ, Александръ; онъ часто приходилъ къ дѣду, и бабушка терпѣть не могла его жены. А рядомъ съ нимъ —развѣ ты не видишь?—стоитъ Горусъ Аполлонъ. Вотъ онъ снимаетъ лавровый вѣнокъ со своего парика. Александръ хочетъ говорить...

Новый сигналъ трубача прервалъ эти слова.

Съ балкона Куріи раздался громкій голосъ мужчины.

Толпа притихла, и рѣчь старшаго сенатора ясно звучала по всей площади.

— Сограждане, мемфиты, товарищи по несчастью! медленно и внятно произнесъ онъ.—Вы знаете, сколько намъ пришлось выстрадать? Одно бѣдствіе за другимъ обрушились на насъ и впереди нужно ожидать еще худшаго.

Страшный крикъ черни былъ ему отвѣтомъ, но сигнальная труба опять возстановила тишину и ораторъ продолжалъ:

— Мы, сенатъ, булевты этого города, избранные вами, чтобы заботиться объ общемъ благѣ...

Дикій вой заглушилъ его рѣчь; послышались отдѣльныя восклицанія:

— Ну, и заботьтесь, исполняйте свою обязанность!

— Безпечные богачи!—Держите свое слово!—Спасайте насъ отъ гибели!

Звуки трубы уняли безпокойныхъ, и старшій сенаторъ продолжалъ рѣчь, на этотъ разъ съ глубокимъ волненіемъ:

— Слушайте меня и не прерывайте! Страшное бѣдствіе не щадитъ ни богачей, ни бѣдняковъ. Сегодня ночью я лишился жены и сына, умершихъ отъ заразы..

Собравшійся народъ отвѣчалъ только легкимъ ропотомъ, который вскорѣ улегся, когда статный, сѣдобородый старикъ, стоявшій на балконѣ, началъ вытирать слезы, катившіяся изъ его глазъ. Онъ заговорилъ опять:

— Если кто нибудь можетъ обвинить насъ въ нерадѣніи,— будь то женщина, мужчина, или ребенокъ—пусть взываетъ къ суду Бога и требуетъ справедливости отъ нашего новаго государя, калифа, и отъ васъ самихъ, почтенные граждане Мемфиса. Но только не теперь, товарищи бѣдствія! Нѣтъ, не теперь! Вы должны успокоиться и прекратить всякій безпорядокъ. Выслушайте меня: я предлагаю вамъ послѣднее крайнее средство спасенія. Посмотримъ, что вы скажете на это.

— Слушать его! Молчать!—Долой крикуновъ! раздалось со всѣхъ сторонъ. Ораторъ продолжалъ:

— Сначала мы просили помощи у нашего небеснаго отца, у божественнаго Искупителя и его святой церкви, какъ подобаетъ добрымъ христіанамъ. Развѣ мало устраивали мы торжественныхъ богослуженій, крестныхъ ходовъ и процессій, мало жертвовали на храмъ? Нѣтъ, нѣтъ, дорогіе сограждане и согражданки! Вы сами знаете, что нами было сдѣлано все возможное. Между тѣмъ, небо осталось глухимъ къ нашимъ мольбамъ, оно не только не помогло намъ въ бѣдѣ, но, напротивъ, готово послать еще болѣе тяжкія испытанія. Все, что могла одѣлать человѣческая преду-

смотрительность и мудрость, не было оставлено нами безъ вниманія. Мы прибѣгали къ старинному искусству колдуновъ, магиковъ и алхимиковъ, которымъ не разъ удавалось прежде разрушать силу злыхъ духовъ, однако все было напрасно. Тогда мы обратились мыслью къ нашимъ великимъ, славнымъ предкамъ, и вспомнили, что среди насъ живетъ человѣкъ, знающій многое, позабытое современной наукой. Въ теченіе своей долгой жизни, онъ посвящалъ цѣлые дни и ночи на изученіе мудрости древнихъ; у него есть ключъ къ ихъ письменамъ и тайнамъ. Отъ него мы узнали то спасительное средство, къ которому обращались наши отцы, когда ихъ постигало такое же бѣдствіе, какъ и насъ, въ эти ужасные дни. Маститый ученый, котораго вы видите возлѣ меня, мудрый и честный Горусъ Аполлонъ, научилъ мемфисскій сенатъ, какимъ образомъ можно избавить жителей города отъ страшнаго бѣдствія. Взгляните на древніе свитки въ его рукѣ! Въ нихъ описаны чудеса, происходившія въ прежнее время, когда люди прибѣгали къ извѣстному намъ магическому средству.

Тутъ въ толпѣ раздался возгласъ: „хвала Горусу Аполлону, спасителю народа!“ Тысячи голосовъ подхватили этотъ крикъ, громко выражая свою благодарность старику. Жрецъ скромно поклонился, указывая рукой на свою слабую грудь и ввалившіяся губы, а потомъ на старшаго сенатора, какъ на посредника между нимъ и собравшимися мемфитами.

Александръ продолжалъ далѣе:

— Вспомните однако, сограждане и друзья, что великая милость пріобрѣтается только великими дарами. Древніе знали это, и когда рѣка, отъ разлитія которой зависитъ благосостояніе страны, медлила наполняться водою, они приносили ей въ жертву то, что считали самымъ благороднымъ на землѣ, именно непорочную и прекрасную собою дѣвственницу. Однако, наши опасенія сбываются: вы страшитесь предложеннаго мною. Я слышу вашъ ропотъ; вижу, какъ ваши черты исказились ужасомъ. И, дѣйствительно, душа христіанина содрогается передъ подобной жертвой. Но развѣ жертвоприношенія совершенно вывелись изъ нашихъ обычаевъ? Каждый египтянинъ обращается съ молитвой къ святому Оріону, дома или въ церкви, при содѣйствіи духовенства, когда онъ ожидаетъ какого нибудь дара отъ нашего великолѣпнаго Нила. И въ этомъ году, „въ ночь орошенія“, мы бросили съ молитвой въ волны рѣки ящичекъ, гдѣ лежалъ человѣческій палецъ *). Такая маленькая жертва замѣняла собою болѣе драгоцѣнную и великую жертву древнихъ; ее приносили постоянно, и необходимость этого обычая никогда не подвергалась сомнѣнію. Наиболѣе строгіе отцы христіанской церкви, извѣстные своей святостью, какъ Антоній, Аѳанасій, Ѳеофилъ и Кириллъ, не возставали про-

*) Еще въ четырнадцатомъ столѣтіи по Р. Х. египетскіе христіане бросали въ Нилъ ящичекъ съ человѣческимъ пальцемъ, чтобы заставить рѣку разлиться. Этотъ фактъ подтверждается писателемъ, заслуживающимъ довѣрія, именно Макризи.

тивъ него. Установленная жертва совершалась изъ году въ годъ. Но подумайте, сограждане, о томъ, какую жалкую замѣну самаго прекраснаго и непорочнаго, что только есть между людьми, представляетъ человѣческій палецъ, положенный въ ящичекъ! Нечего удивляться, что святой Оріонъ наконецъ оскорбился такимъ ничтожнымъ даромъ и отвергъ его, требуя для Нила прежняго жертвоприношенія. Но, спросите вы, какая мать, какой отецъ, въ наше себялюбивое время, позволятъ утопить свою молоденькую дочь, изъ любви къ отечеству, къ своему селенію или городу, Какая юная дѣвственница изъ нашего народа согласится добровольно отдать свою жизнь ради общаго блага? Но вы можете быть спокойны: не бойтесь за своихъ подростающихъ дочерей на женской половинѣ дома, которыя составляютъ отраду вашего сердца. Не трепещите за своихъ внучекъ, сестеръ, подругъ и невѣстъ! Еще въ древности законъ строго запрещалъ приносить въ жертву природныхъ египтянъ, замѣняя ихъ чужестранцами, служившими инымъ богамъ. То же самое, сограждане и единовѣрцы, предстоитъ сдѣлать и теперь. Слушайте внимательно мои слова: судьба какъ будто хотѣла помочь намъ и сама подготовила нашему благословенному Нилу ту жертву, которой онъ былъ лишенъ многіе десятки и сотни лѣтъ. Родимая рѣка требуетъ своего дара, и онъ, какимъ-то чудомъ, оказывается у насъ наготовѣ. Сегодня судьи приговорили къ смерти прекрасную, непорочную дѣвственницу за преступленіе, не задѣвающее ея цѣломудрія, и эта дѣвушка, въ добавокъ, не египтянка, а гречанка и еретическая мелхитка. Я вижу, вы растроганы, вы рады!... Итакъ, готовься къ брачному торжеству, благословенный Нилъ, благодѣтель нашей страны и нашего народа! Невѣста, которой ты жаждалъ, готова для тебя; мы украсимъ ее и приведемъ въ твои объятія!—Мемфиты, сограждане и товарищи по несчастію, продолжалъ сенаторъ, наклоняясь къ толпѣ черезъ перила балкона:—что отвѣтите вы мнѣ теперь, когда я спрошу, согласны ли вы прибѣгнуть къ спасительному средству, когда я, отъ имени цѣлаго сената и этого маститаго старца, предложу вамъ...

Толпа на площади прервала эту рѣчь оглушительными криками восторга. Тысячи голосовъ восклицали:

— Бросимъ дѣвственницу въ рѣку!

— Мелхитка сочетается бракомъ съ нашимъ благороднымъ Ниломъ! Вѣнковъ для невѣсты, цвѣтовъ на ея свадьбу!

— Нужно исполнять отеческія преданія!

— Слава совѣтчику! Слава мудрому Горусу Аполлону! Слава нашему сенатору, отцу народа!

Такъ ликовалъ народъ, охваченный одушевленіемъ; только съ сѣверной стороны площади, гдѣ стояли столы мѣнялъ, давно убравшихъ въ безопасное мѣсто свое серебро и золото, поднялся неодобрительный и грозный ропотъ. Маленькая Марія на рукахъ у перса была страшно взволнована. „Кого это избрали для проклятой языческой жертвы злые старики на балконѣ Куріи?“ думала она про себя и наклонилась къ Іоаннѣ, желая убѣдиться, раздѣляетъ ли та ея мрачныя опасенія. Вдова Руфинуса и Пуль-

херія стояли въ слезахъ. Дѣвочка поняла все, но не стала ихъ разспрашивать.

На площади разыгрывалась новая сцена, привлекшая ея вниманіе: возлѣ столовъ мѣнялъ поднялась надъ толпой рука, державшая распятіе; толпа разступилась передъ изображеніемъ Христа, какъ нѣкогда разступились волны Чермнаго моря передъ бѣгущимъ народомъ божіимъ. Ропотъ на сѣверной сторонѣ рыночной площади усилился; восторженные крики стали, напротивъ, ослабѣвать; каждый голосъ невольно понизился, между тѣмъ какъ маленькая, жалкая, но гордо выпрямившаяся фигура въ епископскомъ облаченіи поднималась со ступеньки на ступеньку по лѣстницѣ Куріи и наконецъ исчезла въ дверяхъ.

Радостные крики смѣнились невольнымъ, вопросительнымъ ропотомъ, наконецъ и онъ затихъ, когда низенькій человѣкъ, казавшійся высокимъ, потому что держалъ распятіе надъ своей головой, появился на балконѣ. Онъ подошелъ къ периламъ, вытянувъ впередъ правую руку, и обратился къ толпѣ.

Глаза Горуса Аполлона засверкали гнѣвомъ; старикъ настаивалъ, чтобы сенаторъ запретилъ священнику говорить къ народу, но торговецъ пурпуромъ не зналъ, на что рѣшиться, и, встрѣтивъ грозный взглядъ маленькаго человѣка, покорно склонилъ голову. Ни одинъ изъ булевтовъ не смѣлъ противорѣчить ему; каждый хорошо зналъ энергичнаго, ученаго пресвитера, который со вчерашняго дня заступилъ мѣсто покойнаго Плотина. Такимъ образомъ, новый пастырь безпрепятственно обратился къ своему стаду, по возможности напрягая слабый голосъ.

— Взгляните на Распятаго и слушайте, что вамъ скажетъ его служитель. Вы жаждете получить благословеніе отъ Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ допускаете языческую мерзость. Торжествующіе крики, которые я сейчасъ слышалъ на площади, обратятся въ жалобные стоны, если вы отвратите свой слухъ отъ проповѣди спасенія. Можете роптать сколько угодно! Вы не въ силахъ заставить меня молчать, потому что моими устами говоритъ вѣчная правда. Всякому, кто еще не знаетъ этого, да будетъ извѣстно: пастырскій жезлъ покойнаго Плотина перешелъ ко мнѣ. Я хотѣлъ бы управлять вами съ кротостью и добротою, но, если понадобится, этотъ жезлъ будетъ поражать васъ, какъ бичъ и какъ острое орудіе, покрывая непокорныхъ кровавыми ранами и рубцами. Взгляните на образъ Искупителя въ моей правой рукѣ! Я поставлю его стѣною между вами и тѣмъ ужаснымъ преступленіемъ, которому вы сейчасъ рукоплескали. Ослѣпленные отступники! покайтесь и поднимите глаза на Того, кто умеръ на крестѣ, чтобы спасти васъ. Вѣрующій въ него, дѣйствительно, не погибнетъ. А вы! гдѣ ваша вѣра? Такъ какъ теперь для васъ наступила ночь, вы кричите: „свѣтъ погасъ“! Вы поражены недугомъ и думаете: „врачъ не можетъ помочь намъ“. Какія богохульства произносились здѣсь! По вашимъ словамъ, Господь и его святая церковь безсильны противъ бѣдствія, и только магія, колдовство и безбожные языческіе обряды могутъ спасти страну. Но именно за то, что вы не хотите прибѣгнуть къ истинному Спасителю, васъ

постигнетъ одна кара за другою, пока вы окончательно не погрязнете въ грѣхѣ, и въ отчаяніи будете искать единственной руки, которая можетъ избавить васъ отъ гибели. То, что ослѣпленные люди предлагаютъ, какъ средство для вашего спасенія, послужитъ новымъ источникомъ горя; и я не могу допустить такого страшнаго нечестія. Вы хотите сдѣлаться служителями, Молоха, а я надѣюсь обратить васъ снова къ христіанской вѣрѣ. Вы, въ своей безумной ярости, намѣрены утопить въ нильскихъ волнахъ неповинную дѣвушку, но церковь беретъ ее подъ свою защиту, потому что смерть этой жертвы будетъ смертью вашихъ душъ. Святой Оріонъ съ отвращеніемъ отвернется отъ васъ. Не оскверняйте святыни нечистыми руками, опомнитесь отъ заблужденія!...

— Да, лучше сложите руки или ломайте ихъ до крови съ отчаянія и молитесь своему богу, пока зараза и голодъ не погубятъ васъ всѣхъ до одного человѣка! прервалъ эту рѣчь тонкій и визгливый голосъ жреца, раздавшійся однако по всей площади.

Толпа встрепенулась, привѣтствуя Горуса Аполлона новыми криками одобренія. Старшій сенаторъ, слушавшій до сихъ поръ слова епископа, понуривъ голову, съ раскаяніемъ въ душѣ, снова ободрился и воскликнулъ запальчивымъ тономъ:

— Народъ умираетъ! Городъ и вся страна гибнутъ. Волны Нила распространяютъ заразу! Солнечный зной сушитъ поля и сады! Покажи намъ иной путь къ спасенію или дай прибѣгнуть къ крайнему средству, которое помогало нашимъ предкамъ!

Маленькій человѣкъ выпрямился еще самоувѣреннѣе прежняго и, показывая на распятіе, воскликнулъ:

— Вѣрьте, надѣйтесь и молитесь!

— Развѣ мы не дѣлали этого? отвѣчалъ Александръ. Конечно, ты не видѣлъ агоніи своей жены и роднаго сына...

Толпа дико заревѣла, забывъ всякія границы; каждый, кто похоронилъ близкаго человѣка, у кого выжгло солнцемъ садъ и поле, у кого съ деревьевъ осыпались финики, возвысилъ голосъ и принялся кричать:

— Жертву! жертву!—Бросить въ волны дѣвственницу!

— Слава спасителямъ!—Слава мудрому Горусу Аполлону!

Но другіе перебивали:

— Не отступимъ отъ вѣры Христовой!—Слава епископу Іоанну!—Наши души!..

Между тѣмъ, прелатъ снова старался овладѣть вниманіемъ народа, и когда это ему не удалось, обратился къ главному сенатору, булевтамъ, наконецъ къ трубачу. Однако сигналы трубы не дѣйствовали болѣе на возбужденную чернь; народъ на площади раздѣлился на группы, между которыми возникли ожесточенные споры. Вскорѣ дѣло дошло до толчковъ и кулачныхъ ударовъ, угрожая кончиться всеобщей свалкой. Вдовѣ Руфинуса удалось уйти оттуда съ Пульхеріей и Маріей подъ прикрытіемъ масда кита, прежде чѣмъ арабскіе воины верхомъ на коняхъ —стали разгонять бунтующихъ. Въ то же время епископъ Іоаннъ грозилъ булевтамъ, въ залѣ совѣта, сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы помѣшать жертвоприношенію, хотя избранная въ жертву дѣ-

вушка—мелхитка и приговорена къ смертной казни. Онъ хотѣлъ сегодня же отправить почтоваго голубя къ патріарху въ Верхній Египетъ съ извѣстіемъ о случившемся. Горусъ Аполлонъ возразилъ ему на это, что намѣстникъ калифа разрѣшилъ жертвоприношеніе, и что народному бѣдствію будетъ положенъ конецъ помимо духовенства.

Епископъ вышелъ изъ себя, угрожая зачинщикамъ соблазна проклятіемъ церкви.

Тутъ ученый старикъ принялся возражать ему съ пламеннымъ краснорѣчіемъ; потерявшіе голову булевты присоединились къ жрецу, и глубоко возмущенный прелатъ оставилъ курію.

XLIV.

Для тихой, сдержанной Іоганны было невыносимо находиться среди возбужденной черни; разнузданныя страсти, толкотня и грубость простаго народа оскорбляли ея деликатную натуру. Во время рѣчи старика, вдова Руфинуса только и думала о томъ, какъ бы поскорѣе убраться съ рыночной площади; но когда она убѣдилась, что жестокій Горусъ Аполлонъ собирается погубить Паулу, отдавъ ее на жертву народному суевѣрію, добрая женщина подавила свою робость и оставалась на площади до послѣдней минуты. Потомъ они всѣ четверо отправились въ тюрьму. Рустемъ защищалъ женщинъ отъ толчковъ и насилія, которому онѣ могли подвергнуться среди такого стеченія народа.

Знала ли Паула о своей ужасной участи, или нѣтъ? Іоганна стремилась всей душою поддержать и утѣшить дамаскинку въ эти роковыя минуты. Вчера тюремный сторожъ охотно проводилъ ее въ келью заключенной, потому что кади Отманъ приказалъ ему обращаться какъ можно лучше съ молодой дамаскинкой и сыномъ мукаукаса. Но сегодня угрозы векила подѣйствовали на тюремщика; онъ не хотѣлъ пропустить Іоганну съ ея спутницами. Между тѣмъ, во время ихъ переговоровъ, маленькій сынокъ этого человѣка, обласканный наканунѣ Пульхеріей, протянулъ ей свои ручки. Она подняла его съ полу и поцѣловала. Тутъ мать малютки приняла сторону посѣтительницъ.

Хорошенькая Эмау, живя въ гостинницѣ у своихъ родителей, услуживала веселому Оріону охотнѣе, чѣмъ другимъ гостямъ. Ея мужъ, какъ настоящій египтянинъ, добровольно повиновавшійся своей дрожайшей половинѣ, до сихъ поръ немного ревновалъ жену ко всеобщему кумиру мемфитовъ, но, услыхавъ, что Паула—его невѣста, тюремщикъ не зналъ, чѣмъ угодить сыну своего благодѣтеля. Въ общихъ арестантскихъ камерахъ было еще шумнѣе прежняго; приговоръ одного изъ преступниковъ къ смертной казни вызывалъ особенное оживленіе между узниками; они испускали радостные крики и ревѣли, какъ звѣри. Женщины невольно содрогались отъ ужаса; звонъ цѣпей сопровождалъ этотъ адскій шумъ; у порога кельи, гдѣ томилась Паула, волненіе посѣтительницъ еще болѣе усилилось. Заключенная стояла у окна, прижав-

шись лбомъ къ желѣзной рѣшеткѣ; Оріонъ услаждалъ ея слухъ игрой на лютнѣ, и эти звуки, среди тюремнаго содома, напоминали тихій звонъ колоколовъ въ грозу и въ бурю.

На скамейкѣ у постели дремала Перпетуя, уронивъ въ колѣни веретено; тусклая лампа освѣщала комнату. Марія хотѣла броситься къ дамаскинкѣ, но Іоганна удержала ее, назвавъ тихонько Паулу по имени; однако дѣвушка не слыхала знакомаго зова, отчаяніе передъ казнью, вѣроятно, довело ее до оцѣпененія.

Вдова повысила голосъ; тогда несчастная обернулась съ легкимъ радостнымъ крикомъ и поспѣшила къ друзьямъ, которые не покинули ея даже въ тюрьмѣ.

Дамаскинка съ восторгомъ прижала къ груди сначала Іоганну, потомъ Пульхерію, затѣмъ Марію. Вдова Руфинуса заглянула ей въ лицо, думая увидѣть печальную перемѣну въ этихъ прекрасныхъ чертахъ, но чуть не вскрикнула отъ изумленія. Молодая дѣвушка казалась спокойной и счастливой; ея большіе глаза смотрѣли ясно и съ благодарностью остановились на пришедшей.

Неужели она не знала своей участи?

Но нѣтъ, заключенная прямо спросила, слышала ли Іоганна о томъ, что ее приговорили къ смерти. Потомъ дамаскинка подробно передала, какъ надъ ней производили судъ и какъ названный отецъ Филиппа неожиданно обратился въ ея жесточайшаго обвинителя. Тутъ остальныя женщины не могли сдержать своихъ слезъ; Паула принялась утѣшать и успокоивать ихъ. Добрый кади Отманъ выказалъ ей отеческую заботливость, и она твердо надѣялась, что онъ выхлопочетъ помилованіе у калифа.

Іоганна едва владѣла собою во время этого разговора. Геройство дѣвушки поражало ее.

Между тѣмъ, судьба легко могла обмануть надежды дамаскинки! Даже маленькая Марія была такъ встревожена всѣмъ происходившимъ на площади, что съ плачемъ бросилась на шею подруги.

Та отвѣчала ей нѣжными ласками и въ то же время уговаривала Пульхерію не сердиться на стараго жреца. На вопросъ Іоганны, какъ она можетъ съ такою твердостью переносить свое ужасное положеніе, Паула отвѣчала съ улыбкой, что научилась у нея самой безропотной покорности судьбѣ. Въ эти роковые дни, для нея наступило настоящее счастье.

Только тутъ Іоганна и обѣ молодыя дѣвушки вспомнили, что дочь Ѳомы—невѣста. Онѣ снова принялись обнимать ее, повторяя слова любви и утѣшенія.

Въ эту минуту сторожъ постучался въ дверь. Паула выпрямилась и тихонько сказала:

— Мнѣ нужно передать одну вещь Оріону; я не могу довѣрить ее постороннему. Хорошо, что ты здѣсь, милая Марія; исполни мое порученіе.

Молодая дѣвушка вынула изъ ящика смарагдъ и отдала его малюткѣ для передачи дядѣ, когда она останется съ нимъ наединѣ. Драгоцѣнный камень былъ завернутъ въ записку, въ которой Паула просила жениха смотрѣть на эту завѣтную вещицу,

какъ на свою собственность, и пожертвовать ее церкви, по требованію патріарха. Сторожъ безъ труда согласился отвести ребенка къ Оріону. Оба не помнили себя отъ восторга при свиданіи; юноша съ благодарностью поднесъ къ губамъ подарокъ невѣсты, но когда племянница замѣтила ему, что ея предсказанія сбываются и онъ скоро назоветъ Паулу своей женою, бѣдный узникъ грустно покачалъ головой.

— Эта радость, пожалуй, недолговременна, мрачно возразилъ онъ.—Я нашелъ свое счастье только для того, чтобы потерять его навѣкъ.

— Но кади Отманъ—вашъ другъ: онъ добьется помилованія у калифа! съ живостью вокликнула дѣвочка.

— Зато у насъ явился новый противникъ — Горусъ Аполлонъ!

— Да, нашъ старикъ! сказала Марія. Еслибъ ты зналъ про всѣ его штуки, Оріонъ! подумай, каково жить съ нимъ подъ одною кровлей!

— Какимъ это образомъ? съ недоумѣніемъ спросилъ юноша.

— Онъ поселился съ нами: съ матерью Іоганной и Пуль!

Тутъ дѣвочка передала всѣ событія послѣднихъ дней, и Оріонъ догадался изъ ея недомолвокъ, что она скрываетъ отъ него что-то важное. Онъ сталъ разспрашивать ребенка, и Марія разсказала обо всемъ, происходившемъ на рыночной площади.

Тутъ самообладаніе оставило Оріона. Внѣ себя отъ горя, онъ звалъ невѣсту по имени и жаловался на отсутствіе Амру, единственнаго человѣка, который могъ спасти осужденную. Только на него оставалась вся надежда. Онъ относился къ юношѣ, какъ второй отецъ, и далъ ему трудное, но прекрасное порученіе.

— И ты съ жаромъ принялся за эту задачу! воскликнула дѣвочка.

— Она обдумана мною еще во время путешествія, отвѣчалъ Оріонъ. Вчера я пробовалъ письменно изложить свою мысль, но мнѣ недоставало самаго главнаго: топографическихъ картъ и списковъ! Нилусъ приготовилъ ихъ для меня, потому что я хотѣлъ взять эти принадлежности съ собою, когда собирался провожать монахинь въ Даміэтту. По моему приказу, свитки были перевезены въ домъ Руфинуса...

— Такъ они у насъ? перебила малютка съ радостно блестѣвшими глазами. Теперь я вспомнила: рукописи и карты попались мнѣ на глаза, когда опрастывали ящики для Горуса Аполлона. Въ такомъ случаѣ, будь покоенъ: завтра поутру онѣ будутъ здѣсь.

Обрадованный Оріонъ торопливо поцѣловалъ племянницу въ лобъ; потомъ ударилъ кулакомъ въ стѣну своей комнаты; въ сосѣдней камерѣ тотчасъ послышалось движеніе; тамъ отодвинули въ сторону какой-то предметъ.

— Хорошія вѣсти, Нилусъ! воскликнулъ заключенный. Планы и списки завтра же будутъ въ моихъ рукахъ!

— Отлично! послышался изъ-за стѣны глухой голосъ казначея. Намъ нужно чѣмъ нибудь поддерживать свое мужество. Сейчасъ ко мнѣ привели новаго товарища. Его арестовали на ры-

— Да, да, отвѣчалъ старикъ, ты имѣешь полное основаніе радоваться этому, милая дѣвочка. Ахъ, вы, добрыя души! Послушайте лучше опытнаго старика и благословите судьбу, если гонецъ кади не достигнетъ своей цѣли. Но вѣдь вы не хотите слышать ни о чемъ, что напоминаетъ оракула, и намъ лучше перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ! молила Іоганна.—Развѣ мы можемъ думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ Паулы и ея ужасной участи. О, Горусъ! я просто не узнаю тебя. Что сдѣлала тебѣ эта бѣдная, гонимая судьбою дѣвушка, это прекрасное, любящее существо? Кромѣ того, судьи, приговорившіе Паулу къ смерти, пожалуй, станутъ доискиваться, куда дѣвался мой мужъ, Руфинусъ, и въ какой степени мы сами...

— И въ какой степени вы сами принимали участіе въ спасеніи монахинь, перебилъ старикъ.—Помѣшать этому ужь мое дѣло; пока моя старая голова не отказалась работать и языкъ—говорить, враги не посмѣютъ сдѣлать вамъ ни малѣйшаго вреда.

— Благодарю тебя, отвѣчала Іоганна,—но если ты обладаешь такою властью, то постарайся спасти Паулу. Ты знаешь, какъ всѣ мы любимъ ее, и какъ высоко цѣнитъ дочь Ѳомы твой другъ Филиппъ.

— Ну, нѣтъ, я не могу и не хочу спасать ее, строго возразилъ старикъ.

— Горусъ, Горусъ! Дѣти, просите его! Онъ обѣщалъ намъ замѣнить отца. Докажи, что это не были одни пустыя слова.

Взбѣшенный старикъ поднялся съ мѣста; на его впалыхъ щекахъ горѣли два яркихъ пятна.

— Молчите! воскликнулъ онъ хриплымъ голосомъ.—Не старайтесь разжалобить меня. Довольно, тысячу разъ довольно толковать обо всемъ этомъ! Вы уже слышали, и я повторяю еще: дамаскинка или я. Выбирайте между нами. Если вы не можете—что бы ни случилось съ нею въ будущемъ—никогда не произносить ея имени въ моемъ присутствіи, тогда, тогда... Я не хочу произносить клятвы, но если даю слово, то никогда не нарушаю его—тогда я вернусь въ прежнее убогое логовище, доживать свой вѣкъ или умереть, если милосердая Изида пошлетъ мнѣ смерть.

Съ этими словами, Горусъ Аполлонъ вышелъ изъ комнаты. Маленькая Марія погрозила ему вслѣдъ кулакомъ и воскликнула:

— О, пускай это злое чудовище убирается прочь! Зачѣмъ я не родилась мужчиной!

Тутъ дѣвочка громко заплакала, не слушая увѣщаній вдовы, и продолжала, внѣ себя отъ гнѣва:

— Нѣтъ человѣка хуже его, мать Іоганна! Онъ жаждетъ смерти Паулы, я чувствую это. Слышала ты, Пуль: Горусъ Аполлонъ желалъ, чтобы гонецъ, посланный въ Медину, никогда не добрался туда. А между тѣмъ бѣдная Паула только что сдѣлалась невѣстой моего дяди Оріона—я такъ давно мечтала объ этой свадьбѣ—но и ее ожидаетъ та же участь, хотя этого не должно быть, если существуетъ справедливый Богъ на небѣ. О еслибъ я... еслибы мнѣ...

Тутъ ея голосъ прервался отъ рыданій. Успокоившись нѣсколько, Марія стала увѣрять Пульхерію съ матерью, чтобъ онѣ взяли ее съ собою къ Паулѣ. Встревоженныя женщины дѣйствительно собрались навѣстить дамаскинку и, прежде чѣмъ стемнѣло, отправились въ тюрьму.

Чѣмъ ближе онѣ подходили къ рыночной площади, тѣмъ больше попадалось имъ народу на улицахъ.

Толпа спѣшила по одному съ ними направленію; съ площади доносился невообразимый гамъ; Іоганна была испугана этимъ шумнымъ сборищемъ и охотно пошла бы окольной дорогой, но толпа противъ воли увлекала ихъ за собой.

На площади женщинамъ по неволѣ пришлось остановиться. Безпокойство вдовы возрастало. Пульхерія съ робостью прижималась къ матери, но Марія была заинтересована неожиданнымъ приключеніемъ; Іоганна взяла ее за руку.

— Смотрите, вонъ стоитъ нашъ Рустемъ, сказала рѣзвушка. —Онъ головой выше другихъ.

— Ахъ, еслибы намъ къ нему пробраться! со вздохомъ замѣтила Іоганна.

Тогда дѣвочка вырвалась у нея изъ рукъ, съ проворствомъ ѣлки проложила себѣ дорогу въ толпѣ и скоро добралась до пасдакита. Тотъ не успѣлъ еще уѣхать изъ Мемфиса, потому что первый караванъ, къ которому онъ хотѣлъ присоединиться съ женой, долженъ былъ выступить изъ города только нѣсколько дней спустя. Храбрый персъ и Марія были друзьми. Узнавъ, что добрая госпожа Іоганна боится за свою безопасность, онъ пошелъ къ ней съ ребенкомъ, и бѣдная женщина вздохнула свободно подъ его охраной.

Между тѣмъ, шумъ и крики все возрастали; предметомъ общаго вниманія была Курія. Тамъ, очевидно, происходили важные переговоры.

— Что это значитъ? спросила Марія перса, дергая его за рукавъ.

Великанъ молча наклонился къ ней и поднялъ дѣвочку на воздухъ своими сильными руками. Она спокойно усѣлась ему на плечо, откуда ей было видно все, происходившее вокругъ, точно съ высокой башни. Іоганна со страхомъ придерживала ноги малютки.

— Матушка! Пуль! воскликнула она.—Представьте себѣ: противъ Куріи стоитъ бѣлый оселъ нашего старика и его шею украшаютъ вѣнкомъ изъ вѣтвей оливы.

Въ эту минуту, въ душномъ воздухѣ раздались звуки сигнальной трубы; толпа стала постепенно затихать, и если кто нибудь открывалъ ротъ, чтобы крикнуть или заговорить, сосѣдъ толкалъ его въ бокъ, приглашая къ молчанію.

— Что тамъ происходитъ? спросила вдова, вытирая вспотѣвшій лобъ и по прежнему придерживая Марію за щиколодки.

Малютка торопливо отвѣчала, не отрывая глазъ отъ происходившей передъ ней сцены:

— Взгляни на балконъ ратуши, тамъ стоитъ старшій сена-

торъ, торговецъ пурпуромъ, Александръ; онъ часто приходилъ къ дѣду, и бабушка терпѣть не могла его жены. А рядомъ съ нимъ —развѣ ты не видишь?—стоитъ Горусъ Аполлонъ. Вотъ онъ снимаетъ лавровый вѣнокъ со своего парика. Александръ хочетъ говорить...

Новый сигналъ трубача прервалъ эти слова.

Съ балкона Куріи раздался громкій голосъ мужчины.

Толпа притихла, и рѣчь старшаго сенатора ясно звучала по всей площади.

— Сограждане, мемфиты, товарищи по несчастью! медленно и внятно произнесъ онъ.—Вы знаете, сколько намъ пришлось выстрадать? Одно бѣдствіе за другимъ обрушились на насъ и впереди нужно ожидать еще худшаго.

Страшный крикъ черни былъ ему отвѣтомъ, но сигнальная труба опять возстановила тишину и ораторъ продолжалъ:

— Мы, сенатъ, булевты этого города, избранные вами, чтобы заботиться объ общемъ благѣ...

Дикій вой заглушилъ его рѣчь; послышались отдѣльныя восклицанія:

— Ну, и заботьтесь, исполняйте свою обязанность!

— Безпечные богачи!—Держите свое слово!—Спасайте насъ отъ гибели!

Звуки трубы уняли безпокойныхъ, и старшій сенаторъ продолжалъ рѣчь, на этотъ разъ съ глубокимъ волненіемъ:

— Слушайте меня и не прерывайте! Страшное бѣдствіе не щадитъ ни богачей, ни бѣдняковъ. Сегодня ночью я лишился жены и сына, умершихъ отъ заразы..

Собравшійся народъ отвѣчалъ только легкимъ ропотомъ, который вскорѣ улегся, когда статный, сѣдобородый старикъ, стоявшій на балконѣ, началъ вытирать слезы, катившіяся изъ его глазъ. Онъ заговорилъ опять:

— Если кто нибудь можетъ обвинить насъ въ нерадѣніи,— будь то женщина, мужчина, или ребенокъ—пусть взываетъ къ суду Бога и требуетъ справедливости отъ нашего новаго государя, калифа, и отъ васъ самихъ, почтенные граждане Мемфиса. Но только не теперь, товарищи бѣдствія! Нѣтъ, не теперь! Вы должны успокоиться и прекратить всякій безпорядокъ. Выслушайте меня: я предлагаю вамъ послѣднее крайнее средство спасенія. Посмотримъ, что вы скажете на это.

— Слушать его! Молчать!—Долой крикуновъ! раздалось со всѣхъ сторонъ. Ораторъ продолжалъ:

— Сначала мы просили помощи у нашего небеснаго отца, у божественнаго Искупителя и его святой церкви, какъ подобаетъ добрымъ христіанамъ. Развѣ мало устраивали мы торжественныхъ богослуженій, крестныхъ ходовъ и процессій, мало жертвовали на храмъ? Нѣтъ, нѣтъ, дорогіе сограждане и согражданки! Вы сами знаете, что нами было сдѣлано все возможное. Между тѣмъ, небо осталось глухимъ къ нашимъ мольбамъ, оно не только не помогло намъ въ бѣдѣ, но, напротивъ, готово послать еще болѣе тяжкія испытанія. Все, что могла одѣлать человѣческая преду-

смотрительность и мудрость, не было оставлено нами безъ вниманія. Мы прибѣгали къ старинному искусству колдуновъ, магиковъ и алхимиковъ, которымъ не разъ удавалось прежде разрушать силу злыхъ духовъ, однако все было напрасно. Тогда мы обратились мыслью къ нашимъ великимъ, славнымъ предкамъ, и вспомнили, что среди насъ живетъ человѣкъ, знающій многое, позабытое современной наукой. Въ теченіе своей долгой жизни, онъ посвящалъ цѣлые дни и ночи на изученіе мудрости древнихъ; у него есть ключъ къ ихъ письменамъ и тайнамъ. Отъ него мы узнали то спасительное средство, къ которому обращались наши отцы, когда ихъ постигало такое же бѣдствіе, какъ и насъ, въ эти ужасные дни. Маститый ученый, котораго вы видите возлѣ меня, мудрый и честный Горусъ Аполлонъ, научилъ мемфисскій сенатъ, какимъ образомъ можно избавить жителей города отъ страшнаго бѣдствія. Взгляните на древніе свитки въ его рукѣ! Въ нихъ описаны чудеса, происходившія въ прежнее время, когда люди прибѣгали къ извѣстному намъ магическому средству.

Тутъ въ толпѣ раздался возгласъ: „хвала Горусу Аполлону, спасителю народа!“ Тысячи голосовъ подхватили этотъ крикъ, громко выражая свою благодарность старику. Жрецъ скромно поклонился, указывая рукой на свою слабую грудь и ввалившіяся губы, а потомъ на старшаго сенатора, какъ на посредника между нимъ и собравшимися мемфитами.

Александръ продолжалъ далѣе:

— Вспомните однако, сограждане и друзья, что великая милость пріобрѣтается только великими дарами. Древніе знали это, и когда рѣка, отъ разлитія которой зависитъ благосостояніе страны, медлила наполняться водою, они приносили ей въ жертву то, что̀ считали самымъ благороднымъ на землѣ, именно непорочную и прекрасную собою дѣвственницу. Однако, наши опасенія сбываются: вы страшитесь предложеннаго мною. Я слышу вашъ ропотъ; вижу, какъ ваши черты исказились ужасомъ. И, дѣйствительно, душа христіанина содрогается передъ подобной жертвой. Но развѣ жертвоприношенія совершенно вывелись изъ нашихъ обычаевъ? Каждый египтянинъ обращается съ молитвой къ святому Оріону, дома или въ церкви, при содѣйствіи духовенства, когда онъ ожидаетъ какого нибудь дара отъ нашего великолѣпнаго Нила. И въ этомъ году, „въ ночь орошенія“, мы бросили съ молитвой въ волны рѣки ящичекъ, гдѣ лежалъ человѣческій палецъ *). Такая маленькая жертва замѣняла собою болѣе драгоцѣнную и великую жертву древнихъ; ее приносили постоянно, и необходимость этого обычая никогда не подвергалась сомнѣнію. Наиболѣе строгіе отцы христіанской церкви, извѣстные своей святостью, какъ Антоній, Аѳанасій, Ѳеофилъ и Кириллъ, не возставали про-

*) Еще въ четырнадцатомъ столѣтіи по Р. Х. египетскіе христіане бросали въ Нилъ ящичекъ съ человѣческимъ пальцемъ, чтобы заставить рѣку разлиться. Этотъ фактъ подтверждается писателемъ, заслуживающимъ довѣрія, именно Макризи.

тивъ него. Установленная жертва совершалась изъ году въ годъ. Но подумайте, сограждане, о томъ, какую жалкую замѣну самаго прекраснаго и непорочнаго, что только есть между людьми, представляетъ человѣческій палецъ, положенный въ ящичекъ! Нечего удивляться, что святой Оріонъ наконецъ оскорбился такимъ ничтожнымъ даромъ и отвергъ его, требуя для Нила прежняго жертвоприношенія. Но, спросите вы, какая мать, какой отецъ, въ наше себялюбивое время, позволятъ утопить свою молоденькую дочь, изъ любви къ отечеству, къ своему селенію или городу, Какая юная дѣвственница изъ нашего народа согласится добровольно отдать свою жизнь ради общаго блага? Но вы можете быть спокойны: не бойтесь за своихъ подростающихъ дочерей на женской половинѣ дома, которыя составляютъ отраду вашего сердца. Не трепещите за своихъ внучекъ, сестеръ, подругъ и невѣстъ! Еще въ древности законъ строго запрещалъ приносить въ жертву природныхъ египтянъ, замѣняя ихъ чужестранцами, служившими инымъ богамъ. То же самое, сограждане и единовѣрцы, предстоитъ сдѣлать и теперь. Слушайте внимательно мои слова: судьба какъ будто хотѣла помочь намъ и сама подготовила нашему благословенному Нилу ту жертву, которой онъ былъ лишенъ многіе десятки и сотни лѣтъ. Родимая рѣка требуетъ своего дара, и онъ, какимъ-то чудомъ, оказывается у насъ наготовѣ. Сегодня судьи приговорили къ смерти прекрасную, непорочную дѣвственницу за преступленіе, не задѣвающее ея цѣломудрія, и эта дѣвушка, въ добавокъ, не египтянка, а гречанка и еретическая мелхитка. Я вижу, вы растроганы, вы рады!... Итакъ, готовься къ брачному торжеству, благословенный Нилъ, благодѣтель нашей страны и нашего народа! Невѣста, которой ты жаждалъ, готова для тебя; мы украсимъ ее и приведемъ въ твои объятія!—Мемфиты, сограждане и товарищи по несчастію, продолжалъ сенаторъ, наклоняясь къ толпѣ черезъ перила балкона:—что отвѣтите вы мнѣ теперь, когда я спрошу, согласны ли вы прибѣгнуть къ спасительному средству, когда я, отъ имени цѣлаго сената и этого маститаго старца, предложу вамъ...

Толпа на площади прервала эту рѣчь оглушительными криками восторга. Тысячи голосовъ восклицали:

— Бросимъ дѣвственницу въ рѣку!

— Мелхитка сочетается бракомъ съ нашимъ благороднымъ Ниломъ! Вѣнковъ для невѣсты, цвѣтовъ на ея свадьбу!

— Нужно исполнять отеческія преданія!

— Слава совѣтчику! Слава мудрому Горусу Аполлону! Слава нашему сенатору, отцу народа!

Такъ ликовалъ народъ, охваченный одушевленіемъ; только съ сѣверной стороны площади, гдѣ стояли столы мѣнялъ, давно убравшихъ въ безопасное мѣсто свое серебро и золото, поднялся неодобрительный и грозный ропотъ. Маленькая Марія на рукахъ у перса была страшно взволнована. „Кого это избрали для проклятой языческой жертвы злые старики на балконѣ Куріи?“ думала она про себя и наклонилась къ Іоганнѣ, желая убѣдиться, раздѣляетъ ли та ея мрачныя опасенія. Вдова Руфинуса и Пуль-

херія стояли въ слезахъ. Дѣвочка поняла все, но не стала ихъ разспрашивать.

На площади разыгрывалась новая сцена, привлекшая ея вниманіе: возлѣ столовъ мѣнялъ поднялась надъ толпой рука, державшая распятіе; толпа разступилась передъ изображеніемъ Христа, какъ нѣкогда разступились волны Чермнаго моря передъ бѣгущимъ народомъ божіимъ. Ропотъ на сѣверной сторонѣ рыночной площади усилился; восторженные крики стали, напротивъ, ослабѣвать; каждый голосъ невольно понизился, между тѣмъ какъ маленькая, жалкая, но гордо выпрямившаяся фигура въ епископскомъ облаченіи поднималась со ступеньки на ступеньку по лѣстницѣ Куріи и наконецъ исчезла въ дверяхъ.

Радостные крики смѣнились невольнымъ, вопросительнымъ ропотомъ, наконецъ и онъ затихъ, когда низенькій человѣкъ, казавшійся высокимъ, потому что держалъ распятіе надъ своей головой, появился на балконѣ. Онъ подошелъ къ периламъ, вытянувъ впередъ правую руку, и обратился къ толпѣ.

Глаза Горуса Аполлона засверкали гнѣвомъ; старикъ настаивалъ, чтобы сенаторъ запретилъ священнику говорить къ народу, но торговецъ пурпуромъ не зналъ, на что рѣшиться, и, встрѣтивъ грозный взглядъ маленькаго человѣка, покорно склонилъ голову. Ни одинъ изъ булевтовъ не смѣлъ противорѣчить ему; каждый хорошо зналъ энергичнаго, ученаго пресвитера, который со вчерашняго дня заступилъ мѣсто покойнаго Плотина. Такимъ образомъ, новый пастырь безпрепятственно обратился къ своему стаду, по возможности напрягая слабый голосъ.

— Взгляните на Распятаго и слушайте, что вамъ скажетъ его служитель. Вы жаждете получить благословеніе отъ Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ допускаете языческую мерзость. Торжествующіе крики, которые я сейчасъ слышалъ на площади, обратятся въ жалобные стоны, если вы отвратите свой слухъ отъ проповѣди спасенія. Можете роптать сколько угодно! Вы не въ силахъ заставить меня молчать, потому что моими устами говоритъ вѣчная правда. Всякому, кто еще не знаетъ этого, да будетъ извѣстно: пастырскій жезлъ покойнаго Плотина перешелъ ко мнѣ. Я хотѣлъ бы управлять вами съ кротостью и добротою, но, если понадобится, этотъ жезлъ будетъ поражать васъ, какъ бичъ и какъ острое орудіе, покрывая непокорныхъ кровавыми ранами и рубцами. Взгляните на образъ Искупителя въ моей правой рукѣ! Я поставлю его стѣною между вами и тѣмъ ужаснымъ преступленіемъ, которому вы сейчасъ рукоплескали. Ослѣпленные отступники! покайтесь и поднимите глаза на Того, кто умеръ на крестѣ, чтобы спасти васъ. Вѣрующій въ него, дѣйствительно, не погибнетъ. А вы! гдѣ ваша вѣра? Такъ какъ теперь для васъ наступила ночь, вы кричите: „свѣтъ погасъ“! Вы поражены недугомъ и думаете: „врачъ не можетъ помочь намъ“. Какія богохульства произносились здѣсь! По вашимъ словамъ, Господь и его святая церковь безсильны противъ бѣдствія, и только магія, колдовство и безбожные языческіе обряды могутъ спасти страну. Но именно за то, что вы не хотите прибѣгнуть къ истинному Спасителю, васъ

постигнетъ одна кара за другою, пока вы окончательно не погрязнете въ грѣхѣ, и въ отчаяніи будете искать единственной руки, которая можетъ избавить васъ отъ гибели. То, что ослѣпленные люди предлагаютъ, какъ средство для вашего спасенія, послужитъ новымъ источникомъ горя; и я не могу допустить такого страшнаго нечестія. Вы хотите сдѣлаться служителями, Молоха, а я надѣюсь обратить васъ снова къ христіанской вѣрѣ. Вы, въ своей безумной ярости, намѣрены утопить въ нильскихъ волнахъ неповинную дѣвушку, но церковь беретъ ее подъ свою защиту, потому что смерть этой жертвы будетъ смертью вашихъ душъ. Святой Оріонъ съ отвращеніемъ отвернется отъ васъ. Не оскверняйте святыни нечистыми руками, опомнитесь отъ заблужденія!...

— Да, лучше сложите руки или ломайте ихъ до крови съ отчаянія и молитесь своему богу, пока зараза и голодъ не погубятъ васъ всѣхъ до одного человѣка! прервалъ эту рѣчь тонкій и визгливый голосъ жреца, раздавшійся однако по всей площади.

Толпа встрепенулась, привѣтствуя Горуса Аполлона новыми криками одобренія. Старшій сенаторъ, слушавшій до сихъ поръ слова епископа, понуривъ голову, съ раскаяніемъ въ душѣ, снова ободрился и воскликнулъ запальчивымъ тономъ:

— Народъ умираетъ! Городъ и вся страна гибнутъ. Волны Нила распространяютъ заразу! Солнечный зной сушитъ поля и сады! Покажи намъ иной путь къ спасенію или дай прибѣгнуть къ крайнему средству, которое помогало нашимъ предкамъ!

Маленькій человѣкъ выпрямился еще самоувѣреннѣе прежняго и, показывая на распятіе, воскликнулъ:

— Вѣрьте, надѣйтесь и молитесь!

— Развѣ мы не дѣлали этого? отвѣчалъ Александръ. Конечно, ты не видѣлъ агоніи своей жены и роднаго сына...

Толпа дико заревѣла, забывъ всякія границы; каждый, кто похоронилъ близкаго человѣка, у кого выжгло солнцемъ садъ и поле, у кого съ деревьевъ осыпались финики, возвысилъ голосъ и принялся кричать:

— Жертву! жертву!—Бросить въ волны дѣвственницу!

— Слава спасителямъ!—Слава мудрому Горусу Аполлону!

Но другіе перебивали:

— Не отступимъ отъ вѣры Христовой!—Слава епископу Іоанну!—Наши души!..

Между тѣмъ, прелатъ снова старался овладѣть вниманіемъ народа, и когда это ему не удалось, обратился къ главному сенатору, булевтамъ, наконецъ къ трубачу. Однако сигналы трубы не дѣйствовали болѣе на возбужденную чернь; народъ на площади раздѣлился на группы, между которыми возникли ожесточенные споры. Вскорѣ дѣло дошло до толчковъ и кулачныхъ ударовъ, угрожая кончиться всеобщей свалкой. Вдовѣ Руфинуса удалось уйти оттуда съ Пульхеріей и Маріей подъ прикрытіемъ масда кита, прежде чѣмъ арабскіе воины верхомъ на коняхъ —стали разгонять бунтующихъ. Въ то же время епископъ Іоаннъ грозилъ булевтамъ, въ залѣ совѣта, сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы помѣшать жертвоприношенію, хотя избранная въ жертву дѣ-

вушка—мелхитка и приговорена къ смертной казни. Онъ хотѣлъ сегодня же отправить почтоваго голубя къ патріарху въ Верхній Египетъ съ извѣстіемъ о случившемся. Горусъ Аполлонъ возразилъ ему на это, что намѣстникъ калифа разрѣшилъ жертвоприношеніе, и что народному бѣдствію будетъ положенъ конецъ помимо духовенства.

Епископъ вышелъ изъ себя, угрожая зачинщикамъ соблазна проклятіемъ церкви.

Тутъ ученый старикъ принялся возражать ему съ пламеннымъ краснорѣчіемъ; потерявшіе голову булевты присоединились къ жрецу, и глубоко возмущенный прелатъ оставилъ курію.

XLIV.

Для тихой, сдержанной Іоганны было невыносимо находиться среди возбужденной черни; разнузданныя страсти, толкотня и грубость простаго народа оскорбляли ея деликатную натуру. Во время рѣчи старика, вдова Руфинуса только и думала о томъ, какъ бы поскорѣе убраться съ рыночной площади; но когда она убѣдилась, что жестокій Горусъ Аполлонъ собирается погубить Паулу, отдавъ ее на жертву народному суевѣрію, добрая женщина подавила свою робость и оставалась на площади до послѣдней минуты. Потомъ они всѣ четверо отправились въ тюрьму. Рустемъ защищалъ женщинъ отъ толчковъ и насилія, которому онѣ могли подвергнуться среди такого стеченія народа.

Знала ли Паула о своей ужасной участи, или нѣтъ? Іоганна стремилась всей душою поддержать и утѣшить дамаскинку въ эти роковыя минуты. Вчера тюремный сторожъ охотно проводилъ ее въ келью заключенной, потому что кади Отманъ приказалъ ему обращаться какъ можно лучше съ молодой дамаскинкой и сыномъ мукаукаса. Но сегодня угрозы векила подѣйствовали на тюремщика; онъ не хотѣлъ пропустить Іоганну съ ея спутницами. Между тѣмъ, во время ихъ переговоровъ, маленькій сынокъ этого человѣка, обласканный наканунѣ Пульхеріей, протянулъ ей свои ручки. Она подняла его съ полу и поцѣловала. Тутъ мать малютки приняла сторону посѣтительницъ.

Хорошенькая Эмау, живя въ гостинницѣ у своихъ родителей, услуживала веселому Оріону охотнѣе, чѣмъ другимъ гостямъ. Ея мужъ, какъ настоящій египтянинъ, добровольно повиновавшійся своей дрожайшей половинѣ, до сихъ поръ немного ревновалъ жену ко всеобщему кумиру мемфитовъ, но, услыхавъ, что Паула—его невѣста, тюремщикъ не зналъ, чѣмъ угодить сыну своего благодѣтеля. Въ общихъ арестантскихъ камерахъ было еще шумнѣе прежняго; приговоръ одного изъ преступниковъ къ смертной казни вызывалъ особенное оживленіе между узниками; они испускали радостные крики и ревѣли, какъ звѣри. Женщины невольно содрогались отъ ужаса; звонъ цѣпей сопровождалъ этотъ адскій шумъ; у порога кельи, гдѣ томилась Паула, волненіе посѣтительницъ еще болѣе усилилось. Заключенная стояла у окна, прижав-

шись лбомъ къ желѣзной рѣшеткѣ; Оріонъ услаждалъ ея слухъ игрой на лютнѣ, и эти звуки, среди тюремнаго содома, напоминали тихій звонъ колоколовъ въ грозу и въ бурю.

На скамейкѣ у постели дремала Перпетуя, уронивъ въ колѣни веретено; тусклая лампа освѣщала комнату. Марія хотѣла броситься къ дамаскинкѣ, но Іоганна удержала ее, назвавъ тихонько Паулу по имени; однако дѣвушка не слыхала знакомаго зова, отчаяніе передъ казнью, вѣроятно, довело ее до оцѣпененія.

Вдова повысила голосъ; тогда несчастная обернулась съ легкимъ радостнымъ крикомъ и поспѣшила къ друзьямъ, которые не покинули ея даже въ тюрьмѣ.

Дамаскинка съ восторгомъ прижала къ груди сначала Іоганну, потомъ Пульхерію, затѣмъ Марію. Вдова Руфинуса заглянула ей въ лицо, думая увидѣть печальную перемѣну въ этихъ прекрасныхъ чертахъ, но чуть не вскрикнула отъ изумленія. Молодая дѣвушка казалась спокойной и счастливой; ея большіе глаза смотрѣли ясно и съ благодарностью остановились на пришедшей.

Неужели она не знала своей участи?

Но нѣтъ, заключенная прямо спросила, слышала ли Іоганна о томъ, что ее приговорили къ смерти. Потомъ дамаскинка подробно передала, какъ надъ ней производили судъ и какъ названный отецъ Филиппа неожиданно обратился въ ея жесточайшаго обвинителя. Тутъ остальныя женщины не могли сдержать своихъ слезъ; Паула принялась утѣшать и успокоивать ихъ. Добрый кади Отманъ выказалъ ей отеческую заботливость, и она твердо надѣялась, что онъ выхлопочетъ помилованіе у калифа.

Іоганна едва владѣла собою во время этого разговора. Геройство дѣвушки поражало ее.

Между тѣмъ, судьба легко могла обмануть надежды дамаскинки! Даже маленькая Марія была такъ встревожена всѣмъ происходившимъ на площади, что съ плачемъ бросилась на шею подруги.

Та отвѣчала ей нѣжными ласками и въ то же время уговаривала Пульхерію не сердиться на стараго жреца. На вопросъ Іоганны, какъ она можетъ съ такою твердостью переносить свое ужасное положеніе, Паула отвѣчала съ улыбкой, что научилась у нея самой безропотной покорности судьбѣ. Въ эти роковые дни, для нея наступило настоящее счастье.

Только тутъ Іоганна и обѣ молодыя дѣвушки вспомнили, что дочь Ѳомы—невѣста. Онѣ снова принялись обнимать ее, повторяя слова любви и утѣшенія.

Въ эту минуту сторожъ постучался въ дверь. Паула выпрямилась и тихонько сказала:

— Мнѣ нужно передать одну вещь Оріону; я не могу довѣрить ее постороннему. Хорошо, что ты здѣсь, милая Марія; исполни мое порученіе.

Молодая дѣвушка вынула изъ ящика смарагдъ и отдала его малюткѣ для передачи дядѣ, когда она останется съ нимъ наединѣ. Драгоцѣнный камень былъ завернутъ въ записку, въ которой Паула просила жениха смотрѣть на эту завѣтную вещицу,

какъ на свою собственность, и пожертвовать ее церкви, по требованію патріарха. Сторожъ безъ труда согласился отвести ребенка къ Оріону. Оба не помнили себя отъ восторга при свиданіи; юноша съ благодарностью поднесъ къ губамъ подарокъ невѣсты, но когда племянница замѣтила ему, что ея предсказанія сбываются и онъ скоро назоветъ Паулу своей женою, бѣдный узникъ грустно покачалъ головой.

— Эта радость, пожалуй, недолговременна, мрачно возразилъ онъ.—Я нашелъ свое счастье только для того, чтобы потерять его навѣкъ.

— Но кади Отманъ—вашъ другъ: онъ добьется помилованія у калифа! съ живостью вокликнула дѣвочка.

— Зато у насъ явился новый противникъ — Горусъ Аполлонъ!

— Да, нашъ старикъ! сказала Марія. Еслибъ ты зналъ про всѣ его штуки, Оріонъ! подумай, каково жить съ нимъ подъ одною кровлей!

— Какимъ это образомъ? съ недоумѣніемъ спросилъ юноша.

— Онъ поселился съ нами: съ матерью Іоганной и Пуль!

Тутъ дѣвочка передала всѣ событія послѣднихъ дней, и Оріонъ догадался изъ ея недомолвокъ, что она скрываетъ отъ него что-то важное. Онъ сталъ разспрашивать ребенка, и Марія разсказала обо всемъ, происходившемъ на рыночной площади.

Тутъ самообладаніе оставило Оріона. Внѣ себя отъ горя, онъ звалъ невѣсту по имени и жаловался на отсутствіе Амру, единственнаго человѣка, который могъ спасти осужденную. Только на него оставалась вся надежда. Онъ относился къ юношѣ, какъ второй отецъ, и далъ ему трудное, но прекрасное порученіе.

— И ты съ жаромъ принялся за эту задачу! воскликнула дѣвочка.

— Она обдумана мною еще во время путешествія, отвѣчалъ Оріонъ. Вчера я пробовалъ письменно изложить свою мысль, но мнѣ недоставало самаго главнаго: топографическихъ картъ и списковъ! Нилусъ приготовилъ ихъ для меня, потому что я хотѣлъ взять эти принадлежности съ собою, когда собирался провожать монахинь въ Даміэтту. По моему приказу, свитки были перевезены въ домъ Руфинуса...

— Такъ они у насъ? перебила малютка съ радостно блестѣвшими глазами. Теперь я вспомнила: рукописи и карты попались мнѣ на глаза, когда опрастывали ящики для Горуса Аполлона. Въ такомъ случаѣ, будь покоенъ: завтра поутру онѣ будутъ здѣсь.

Обрадованный Оріонъ торопливо поцѣловалъ племянницу въ лобъ; потомъ ударилъ кулакомъ въ стѣну своей комнаты; въ сосѣдней камерѣ тотчасъ послышалось движеніе; тамъ отодвинули въ сторону какой-то предметъ.

— Хорошія вѣсти, Нилусъ! воскликнулъ заключенный. Планы и списки завтра же будутъ въ моихъ рукахъ!

— Отлично! послышался изъ-за стѣны глухой голосъ казначея. Намъ нужно чѣмъ нибудь поддерживать свое мужество. Сейчасъ ко мнѣ привели новаго товарища. Его арестовали на ры-

ночной площади за нападеніе на арабскаго воина. Народъ, какъ слышно, бунтуетъ, и въ Куріи происходятъ ужасныя вещи.

— Это касается моей невѣсты?

— Къ несчастію, да, господинъ!

— Мнѣ уже все извѣстно, замѣтилъ юноша.

Когда они обмѣнялись еще нѣсколькими словами насчетъ безбожнаго предложенія стараго жреца, Нилусъ продолжалъ:

— Мой товарищъ слышалъ также на военномъ посту арабовъ, что сюда явился посланный отъ полководца. Амру успѣлъ прибыть въ Медину, но не намѣренъ тамъ долго оставаться. Значитъ, можно разсчитывать на его скорое возвращеніе.

— Тогда посланные кади не застанутъ его въ Мединѣ, и ходатайство о помилованіи не удастся. Между тѣмъ никто, кромѣ Амру, не въ силахъ защитить насъ. Вотъ еслибъ мы могли предупредить его о случившемся, пока онъ еще въ дорогѣ...

— Въ такомъ случаѣ, онъ, конечно, не остановится въ Верхнемъ Египтѣ или пошлетъ отъ себя уполномоченнаго,—раздалось за стѣной.—Жаль, что у насъ нѣтъ надежнаго человѣка, чтобы послать къ нему на встрѣчу. Всѣ наши прежніе слуги разбѣжались, а разыскивать ихъ нѣтъ времени...

— Я найду гонца! звонко крикнула казначею маленькая Марія.

— Ты? Полно говорить вздоръ! перебилъ ее Оріонъ.

Но дѣвочка не слушала и съ жаромъ продолжала:

— Полководецъ узнаетъ все, до единаго слова. Но можно ли ему говорить о вашемъ участіи въ бѣгствѣ монахинь?

— Нѣтъ, ни за что! одновременно воскликнули оба узника.

Марія поняла, что ея предложеніе принято. Она захлопала въ ладоши и прибавила, не помня себя отъ восторга:

— Положитесь на меня вполнѣ: гонецъ отправится въ путь не позже завтрашняго дня. Я все устрою, какъ большая, только укажи мнѣ дорогу, Оріонъ. Для вѣрности лучше написать названія станцій на моей дощечкѣ... Постой, дай сначала мнѣ сгладить воскъ.

— А что у тебя тутъ нарисовано? спросилъ дядя. Боже мой! Большое сердце съ прямоугольными клѣточками внутри. Что это значитъ?

— Ахъ, пустяки! отвѣчала нѣсколько сконфуженная дѣвочка. Мнѣ вздумалось показать, какъ раздѣлено мое сердце между тѣми, кого я люблю. Паулѣ принадлежитъ ровно половина; вотъ этотъ квадратикъ твой, а тутъ—дѣвочка ткнула карандашемъ въ тонкій слой воска—тутъ я отвела мѣстечко нашему старику, Горусу Аполлону, но теперь объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!

Ловкіе пальчики Маріи выравняли воскъ и на мѣстѣ стертаго сердца—невинной ребяческой забавы, Оріонъ написалъ важныя вещи, отъ которыхъ зависѣла жизнь и смерть двоихъ людей. Онъ сдѣлалъ это, увѣренный въ акуратности и благоразуміи своей маленькой союзницы. Завтра, раннимъ утромъ, гонецъ долженъ былъ получить отъ него еще письмо къ намѣстнику калифа.

— Но вѣдь быстрая ѣзда обойдется дорого, замѣтилъ казна-

ей, а между тѣмъ не надо забывать, что Амру ѣздитъ всегда ерезъ горы и Веренику. Если мы соберемъ даже свои послѣдніе ервонцы, ихъ не хватитъ на всѣ расходы.

— Берегите свое золото для себя; оно вамъ нужно здѣсь, пе-ебила Марія. У меня есть жемчугъ и дорогой уборъ моей ма-ери... однако...

— Съ такими вещами не разстаются, моя добрая дѣвочка, озразилъ Оріонъ.

— Почему же и нѣтъ? Что я стану съ ними дѣлать? Только рагоцѣнности матери хранятся у госпожи Іоганны...

— И ты не смѣешь потребовать ихъ? спросилъ юноша.

Онъ обратился къ казначею и когда тотъ высчиталъ стоимость оѣздки въ Медину, сынъ мукаукаса снялъ съ руки перстень, укра-іенный великолѣпнымъ сапфиромъ, и отдалъ Маріи, съ тѣмъ что-ы вдова Руфинуса заложила его еврею Гамаліилу. Обрадованная малютка тщательно спрятала дорогую вещь, но когда за ней при-шелъ тюремщикъ, она опечалилась и стала прощаться съ дядей, акъ будто имъ угрожала вѣчная разлука. Въ корридорѣ, куда ыходила комната Паулы, сторожъ остановился. По лѣстницѣ под-нимались люди. Что, если къ заключеннымъ пришелъ для допроса ерный векилъ? Эта мысль испугала дѣвочку, но ея страхъ ока-зался напраснымъ. Двое человѣкъ съ лампами въ рукахъ освѣ-щали дорогу посѣтителю, въ которомъ мужъ Эмау тотчасъ узналъ ресвитера Іоанна, новаго епископа Мемфиса, нерѣдко приходив-шаго въ тюрьму утѣшать узниковъ. Сегодня онъ пришелъ сюда въ такой поздній часъ съ цѣлью увидѣть мелхитку, осужденную на смерть. Осанка и одежда маленькой Маріи обличали въ ней ребенка изъ высшаго слоя общества. Узнавъ, кто она такая, пре-латъ замѣтилъ вполголоса провожавшему его старику дьякону: „какая неожиданная встрѣча“! Освѣдомившись, съ кѣмъ пришла дѣвочка въ такой поздній часъ, Іоаннъ снова сказалъ потихоньку своему сотоварищу: „внучка мукаукаса находится на попеченіи вдовы и дочери Руфинуса! Я давно слѣжу за этой греческой семьей. Они бываютъ въ церкви всего разъ или два въ цѣлый годъ. Тайные мелхиты—заодно съ дамаскинкой; и въ такой сре-дѣ выростаетъ внучка намѣстника Георгія! Это плохое дѣло! Веніаминъ и тутъ обнаружилъ изумительную проницательность!“

Затѣмъ епископъ спросилъ, еще болѣе понизивъ голосъ:

— Не взять ли намъ ее съ собою немедленно?

Дьяконъ посовѣтовалъ ему не спѣшить, и тогда Іоаннъ торопливо прибавилъ:

— Ты правъ; намъ нечего торопиться; хорошо, что мы, по крайней мѣрѣ, узнали, гдѣ живетъ дѣвочка.

Сторожъ отворилъ каморку Паулы. Прежде чѣмъ войти туда, епископъ ласково обратился къ ребенку и спросилъ: скучаетъ ли тогда Марія по своей матери.

— Очень часто! былъ отвѣтъ.

Тогда прелатъ провелъ костлявой рукой по ея кудрямъ и при-бавилъ:

— Я былъ увѣренъ въ этомъ. Ты носишь прекрасное имя,

дитя, и, можетъ быть, по примѣру своей матери посвятишь себя на служеніе Богородицѣ, благодатной Маріи, благословеннѣйшей между всѣми женщинами.

Говоря такимъ образомъ, новый епископъ взялъ малютку за руку и вошелъ вмѣстѣ съ ней къ осужденной. Пока та съ удивленіемъ смотрѣла на поздняго посѣтителя, Іоганна и Пульхерія узнали въ немъ священника, съ такимъ жаромъ порицавшаго безбожную затѣю Горуса Аполлона. Это заставило женщинъ почтительно поклониться ему.

„Можетъ быть, онѣ и якобитки“, подумалъ про себя Іоанна. „Во всякомъ случаѣ, у нихъ можно спокойно оставить дѣвочку еще на нѣсколько дней“.

Онъ ласково поговорилъ съ женщинами, послѣ чего вдова Руфинуса собралась домой. Тогда епископъ обѣщалъ завтра или послѣ завтра посѣтить ея домъ, говоря, что здѣсь идетъ дѣло о счастьѣ одного существа, дорогаго имъ обѣимъ. Іоганна подумала, что онъ намекаетъ на Паулу, и прошептала ему:

— Она не догадывается о грозящей ей ужасной участи. Если можно, то пощади ее и не говори ни слова объ этомъ. Пусть бѣдняжка спокойно уснетъ хоть сегодняшнюю ночь.

— Если можно! повторилъ прелатъ.

Когда Марія поцѣловала его руку, онъ привлекъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Какъ младенецъ Іисусъ, такъ и всякое христіанское дитя принадлежитъ своей матери. Тебѣ выпало на долю рѣдкое счастіе, Марія. Твой отецъ пострадалъ за вѣру, а мать посвятила себя Господу по доброй волѣ. Жизненный путь ясно начертанъ передъ тобою, дитя, подумай объ этомъ хорошенько! Завтра... нѣтъ, послѣ завтра я приду къ вамъ, чтобы наставить тебя на новую дорогу.

Іоганна поблѣднѣла при этихъ словахъ, она поняла, съ какой цѣлью хотѣлъ посѣтить ихъ епископъ. Внизу лѣстницы вдова Руфинуса обняла дѣвочку и сказала:

— Желаешь ли ты жить въ монастырѣ, вдали отъ насъ, какъ твоя мать, заботясь только о спасеніи своей души? Нравится ли тебѣ эта тихая, благочестивая жизнь, о которой ты навѣрно много слышала отъ нашей Пуль?

Но дѣвочка самымъ рѣшительнымъ тономъ сказала, что не хочетъ быть монахиней. Вдова Руфинуса озабоченно поникла головой; чуткая Марія тотчасъ приняла веселый видъ и воскликнула:

— Не бойся, дорогая матушка; черезъ два дня многое перемѣнится. Пускай епископъ приходитъ къ намъ, я съумѣю съ нимъ раздѣлаться. О, ты еще совсѣмъ не знаешь меня! Я держала себя кроткой овечкой при всѣхъ несчастьяхъ, которыя мы терпѣли вмѣстѣ, но на самомъ дѣлѣ я не такова; вы всѣ удивитесь, когда узнаете, на что я способна.

— Останься лучше тѣмъ, что ты есть, замѣтила Іоганна.

— Я всегда, всегда буду любить тебя и Пуль; но теперь я сдѣлалась важнымъ довѣреннымъ лицомъ. Завтра мнѣ предстоитъ исполнить одно порученіе Оріона... Рустемъ проводитъ меня; это

ень важно, дорогая матушка, но я не должна никому довѣрять оей тайны, даже тебѣ.

Скрипъ тяжелыхъ тюремныхъ воротъ заглушилъ ея рѣчь. Епископъ бесѣдовалъ съ Паулой нѣсколько часовъ; на вопросъ оанна, дѣйствительно ли она исповѣдуетъ православную греческую вѣру, или, какъ выражается простой народъ, принадлежитъ ъ мелхитскому толку, дѣвушка отвѣчала положительно и прибавила, что епископъ напрасно будетъ стараться внушить ей свои елигіозныя убѣжденія, такъ какъ она ни за что ни оставитъ вѣры отцовъ своихъ. Тѣмъ не менѣе, она уважаетъ въ немъ ревностнаго христіанина, пастыря и ученаго. Ея покойный дядя почиталъ Іоанна болѣе всѣхъ представителей якобитскаго духовенства, и потому Паула готова открыть предъ нимъ свою душу въ виду близкой смерти.

Возмущенный первымъ отвѣтомъ дамаскинки, епископъ хотѣлъ пригрозить ей ужасной участью, которую онъ старался отвратить отъ осужденной, увѣщевая булевтовъ въ Куріи и народъ на рыночной площади; но кроткое спокойствіе, выражавшееся въ прекрасныхъ чертахъ Паулы, обезоружило священника; онъ вспомнилъ просьбу вдовы Руфинуса и не сказалъ ничего. До самой полуночи разспрашивалъ прелатъ заключенную обо всѣхъ обстоятельствахъ ея жизни; она отвѣчала съ полной откровенностью, поражая епископа своимъ умомъ и возвышеннымъ складомъ души. Престарѣлый діаконъ, постоянно сопровождавшій Іоанна, когда тотъ посѣщалъ въ тюрьмѣ заключенныхъ женскаго пола, дремалъ въ углу, ожидая конца ихъ бесѣды. По дорогѣ домой, епископъ долго хранилъ молчаніе, но наконецъ замѣтилъ своему спутнику:

— Пока ты спалъ, эта юная еретичка, жившая среди мірскихъ соблазновъ, подарила мнѣ отрадныя мгновенія, которыя освѣжили мою душу.

XLV.

Когда за женщинами затворились ворота въ высокой тюремной стѣнѣ, Іоганна пошла подъ руку съ дочерью вдоль пустынныхъ улицъ, гдѣ было, по прежнему, удушливо жарко. Масдакитъ слѣдовалъ за ними съ Маріей. Онъ часто утиралъ широкой ладонью глаза, пока та объясняла ему значеніе сцены на площади, и не разъ прерывалъ ея рѣчь особенными звуками, выражавшими огорченіе и гнѣвъ. Прекрасная дамаскинка, ухаживавшая за нимъ во время болѣзни, казалась ему высшимъ существомъ; кромѣ того, по словамъ Манданы, имъ обоимъ не слѣдовало забывать того, что сдѣлала для нихъ знатная дѣвушка.

Наконецъ Рустемъ не выдержалъ и воскликнулъ, грозя могучимъ кулакомъ:

— Еслибы я могъ, то показалъ бы имъ...

Дѣвочка посмотрѣла на него съ умоляющимъ видомъ и замѣтила:

— Но ты можешь, Рустемъ, ты можешь!

— Я? спросилъ удивленный персъ, недоумѣвающе покачивая головой.

— Да, ты, Рустемъ, именно ты. Мы переговорили кое-о-чемъ съ Оріономъ, и еслибъ ты согласился помочь намъ...

— Согласился помочь! захохоталъ добрый малый, ударяя себя въ грудь; потомъ онъ продолжалъ на ломаномъ греческомъ языкѣ, который, однако, можно было хорошо понять:

— Да я готовъ пожертвовать чѣмъ угодно для этой дѣвушки! Ну, говори скорѣй, что̀ нужно сдѣлать!

Малютка повисла на локтѣ масдакита, притянула его къ себѣ и сказала:

— Мы знали, что у тебя благодарное сердце, но видишь ли...

Марія вдругъ остановилась и замѣтила совершенно инымъ тономъ:

— Вѣруешь ты во единаго Бога? Или, постой... понимаешь ли ты, что̀ значитъ священная клятва? Можешь ли поклясться чѣмъ нибудь?... Да вотъ, самое лучшее, поклянись своей невѣстой Манданой и ея любовью къ тебѣ, что ты...

— Но послушай, милая Марія, душа моя...

— Поклянись мнѣ ею, торжественно настаивала дѣвочка, обѣщай, что ты не скажешь никому, даже матери Іоаннѣ и Пульхеріи твоей Манданѣ... Впрочемъ, ей можно сказать, если нельзя иначе, но пускай сначала она дастъ клятву...

— Какую клятву? Мнѣ заранѣе становится страшно; въ чемъ я долженъ клясться?

— Не разсказывать ни одной душѣ того, что̀ ты сейчасъ услышишь отъ меня.

— Ну, ладно, маленькая госпожа; это я могу тебѣ обѣщать.— Марія глубоко перевела духъ и посвятила масдакита въ свою тайну: Оріонъ непремѣнно хочетъ послать надежнаго гонца на встрѣчу полководцу Амру, чтобы враги не успѣли казнить Паулу. Затѣмъ малютка спросила, знаетъ ли Рустемъ дорогу отъ Вавилона черезъ горы въ древнюю Веренику. Тотъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ въ Мемфисъ именно по этому кратчайшему пути, который проходитъ по близости моря въ Джидду и Медину.

Дѣвочка опять вздохнула съ облегченіемъ, схватила руку перса и принялась перебирать его большіе пальцы, говоря заискивающимъ тономъ:

— Знаешь ли, мой добрый, милый Рустемъ: въ Мемфисѣ находится теперь единственный надежный гонецъ, который можетъ исполнить такое важное порученіе, но у него есть невѣста и ему хочется съиграть поскорѣе свою свадьбу, чтобы уѣхать съ женой на родину. Едва ли онъ будетъ согласенъ помочь намъ спасти Паулу!

— Этакая дрянь! проворчалъ масдакитъ.

Марія громко разсмѣялась:

— Конечно, дрянь! Но вѣдь ты бранишь самъ себя, глупый Рустемъ! Ты и есть тотъ гонецъ, о которомъ я говорю, единственный надежный и вѣрный человѣкъ, какого не сыщешь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Тебѣ нужно поспѣшить на встрѣчу полководцу...

— Мнѣ? спросилъ проводникъ каравановъ испуганнымъ то-
омъ.

Онъ приросъ къ мѣсту отъ изумленія, но дѣвочка потащила
го впередъ, говоря:

— Идемъ скорѣе! Иначе мать Іоганна можетъ догадаться о
ашихъ переговорахъ. Ты.... ты долженъ....

— Но, дитя мое, жалобно прервалъ персъ, вѣдь я обязанъ
нѣшить къ моему господину. Какъ же можно....

— Тебѣ жаль разстаться съ невѣстой и ради этого ты готовъ
опустить, чтобы злые люди предали ужасной смерти неповинную
дѣвушку, которая ухаживала за тобой день и ночь во время тво-
ей болѣзни. Другаго человѣка, ничѣмъ не обязаннаго Паулѣ, ты
сейчасъ назвалъ „дряннью“, а самъ.....

— Успокойся и выслушай меня, маленькая госпожа! перебилъ
Рустемъ, вырывая у дѣвочки свою руку.—Мы отложимъ свадьбу
и Мандана обождетъ, однако не въ томъ дѣло. Я умѣю отлично
ѣздить верхомъ, водить караваны, управляться съ погонщиками
верблюдовъ, разбивать палатки въ пустынѣ, но не привыкъ обра-
щаться съ большими господами, какъ полководецъ Амру. Я не
въ силахъ объяснить ему, что̀ нужно, хотя бы мнѣ пришлось хло-
потать о спасеніи роднаго отца.

— Да развѣ этого требуютъ отъ тебя? спросила малютка. Ты
можешь быть нѣмъ, какъ рыба; съ намѣстникомъ будетъ гово-
рить твой провожатый.

— Значитъ, я поѣду не одинъ? Но, великій Масдакъ, зачѣмъ
же мнѣ тогда и ѣхать?

— Когда ты перестанешь перебивать меня?! въ нетерпѣніи
воскликнула дѣвочка. Сначала выслушай, а потомъ возражай. Вто-
рой посланный будетъ не мужчина; это я поѣду съ тобой.—Ну,
вотъ ты опять остановился, какъ вкопанный. Госпожа Іоганна
сейчасъ замѣтитъ, что мы отстали, и намъ помѣшаютъ говорить.
Однимъ словомъ, я отправлюсь на встрѣчу полководцу, во что бы
то ни стало, и если ты не хочешь быть моимъ проводникомъ, то,
пожалуй, горбатый Гиббусъ...

Тутъ Рустемъ опомнился отъ своего столбняка и воскликнулъ:

— Ты... ты... вздумала отправиться горной дорогой до Вере-
ники?...

— Да, горной дорогой! повторила за нимъ она. А если по-
надобится, то заберусь выше облаковъ.

— Но вѣдь это невозможно, этого никогда не бывало на свѣ-
тѣ! жалобно возразилъ персъ.—Маленькая дѣвочка, дочь знатныхъ
родителей, ѣдетъ гонцомъ совершенно одна съ такимъ неотесан-
нымъ малымъ, какъ я. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Конечно, нѣтъ, весело сказала Марія.—Маленькая дѣвочка,
дочь знатныхъ родителей, останется дома, а съ тобой поѣдетъ
мальчикъ, котораго ты будешь называть Маріусомъ, а не Маріей.

— Мальчикъ! А вѣдь я думалъ.... Право, тутъ совсѣмъ поте-
ряешь голову!

— Мальчикъ и дѣвочка будутъ въ одномъ лицѣ, со смѣхомъ
пояснила Марія.—Я надѣну мужское платье и, когда завтра ут-

ромъ мы оставимъ Мемфисъ, не забудь, что ты долженъ выдавать меня за роднаго брата.

— Такъ я буду называться твоимъ братомъ. Ахъ, какая ты умная головка! Тебѣ, пожалуй, удастся достигнуть даже невозможнаго,—замѣтилъ, улыбаясь, Рустемъ и ласково посмотрѣлъ на ребенка. Но вдругъ ему опять представилась вся трудность этого предпріятія и онъ воскликнулъ, внѣ себя:

— Но вѣдь меня ждетъ мой господинъ! Нѣтъ, я не могу ѣхать съ тобой, рѣшительно не могу!

— Гашимъ будетъ очень доволенъ, если ты поможешь спасти Паулу, отвѣчала Марія. Онъ ея другъ и покровитель; когда Гашимъ узнаетъ, что ты выручилъ насъ изъ бѣды, онъ похвалитъ тебя, а если нѣтъ, то я знаю навѣрное....

— Ну?

— Что Гашимъ скажетъ: „я считалъ Рустема умнѣе и добросердечнѣе“.

— Ты увѣрена въ этомъ?

— Также, какъ и въ томъ, что мы пришли домой. Теперь намъ некогда спорить, и потому рѣшено: ты поѣдешь со мной. Завтра, рано поутру, жди меня въ саду. Ты скажешь своей Мандане, что долженъ ѣхать по важному дѣлу.

— А госпожа Іоганна? спросилъ персъ озабоченнымъ тономъ. Меня очень безпокоитъ, дитя, что ты не хочешь сказать ей о своемъ намѣреніи.

— Но она узнаетъ обо всемъ, только не сейчасъ, возразила Марія. Послѣ завтра ей объяснятъ, зачѣмъ я оставила ихъ домъ и кто мой провожатый. Тогда она похвалитъ и благословитъ насъ, я увѣрена въ этомъ также, какъ и въ томъ, что Господь будетъ нашей охраной на пути.

Эти слова, сказанныя изъ глубины души, окончательно убѣдили масдакита и какъ разъ во время, потому что они подходили къ дому. Дорога изъ тюрьмы показалась Рустему и Маріи совершенно незамѣтною. Они опомнились только у садовой калитки. Здѣсь стоялъ горбатый Гиббусъ и остальная прислуга, съ безпокойствомъ ожидавшая хозяекъ. Гречанка Эвдоксія также тревожилась ихъ отсутствіемъ. Въ домѣ женщины были встрѣчены Горусомъ Аполлономъ, однако Іоганна и Пульхерія холодно отвѣтили на его привѣтствіе, а Марія даже не взглянула на жреца. Старикъ съ досадой и сожалѣніемъ пожалъ плечами и, вернувшись къ себѣ въ комнату, проворчалъ:

— О, эта женщина! Она способна отравить послѣдніе отрадные дни моей жизни.

Вдова съ дочерью долго разсуждали въ спальнѣ объ участи маленькой Маріи, которая такъ нѣжно простилась съ ними передъ сномъ, какъ будто имъ предстояла вѣчная разлука. Бѣдное дитя! она предчувствовала, какую судьбу готовилъ ей новый епископъ и, пожалуй, родная мать. Но, между тѣмъ, у дѣвочки былъ веселый видъ. Эвдоксія, спавшая вмѣстѣ съ ней, нашла свою воспитанницу особенно оживленной и счастливой въ этотъ вечеръ, только одно обстоятельство удивило ее: Марія обыкновенно засы-

ала крѣпкимъ сномъ, едва успѣвъ положить голову на подуш-
у, а сегодня она, повидимому, страдала безсонницей. Это пока-
алось подозрительнымъ старой гувернанткѣ; сама Эвдоксія рѣдко
огла заснуть раньше полуночи, страдая различными легкими не-
угами; теперь она принялась внимательно слѣдить за дѣвочкой.
Дѣйствительно, еще задолго до разсвѣта, Марія неожиданно вско-
ила съ постели и выбѣжала съ ночникомъ въ другую комнату.

Вскорѣ оттуда показался еще болѣе яркій свѣтъ; вѣроятно,
на зажгла большую лампу. Потомъ скрипнула дверь гостиной;
Эвдоксія встала и притаилась у порога. Малютка вошла обратно
ъ новой одеждой мальчика въ рукѣ: это платье было недавно
шито Пульхеріей и самой гувернанткой въ подарокъ хромому
ченику садовника. Марія, улыбаясь, примѣрила синій кафтан-
икъ и, бросивъ одежду въ сундукъ, сѣла къ столу писать.

Работа, повидимому, не клеилась, дѣвочка потирала рукою
объ и задумчиво смотрѣла къ верху, отводя глаза отъ папируса.
Написавъ нѣсколько строкъ, она вдругъ вскочила, произнесла имя
Эвдоксіи и направилась въ спальню.

Тогда гречанка вышла изъ своей засады; Марія бросилась об-
имать старую дѣву, говоря, что ей предстоитъ исполнить нѣчто
еликое и важное. Она только что хотѣла разбудить свою воспи-
ательницу, чтобы признаться во всемъ и попросить совѣта. Сло-
а ребенка звучали искренностью; дѣвочка говорила съ большимъ
каромъ и въ то же время съ очаровательнымъ замѣшательствомъ.
Растроганная гувернантка была не въ силахъ побранить ее, и въ
ервый разъ почувствовала къ этой сиротѣ почти материнскую
нѣжность. Узкіе эгоистическіе разсчеты отступили у нея на вто-
ой планъ, и она была готова пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ для
ебенка, ввѣреннаго ея попеченіямъ.

Между тѣмъ Марія обняла воспитательницу за шею, умоляя
е выдавать ея, а, напротивъ, помочь въ добромъ дѣлѣ, кото-
ое имѣло цѣлью спасеніе Паулы и Оріона. Тутъ глаза Эвдоксіи
аполнились слезами, она снова принялась цѣловать пылающее
ичико Маріи, называя ее своей милой, дорогой дочкой.

Это ободрило дѣвочку. Съ патетической важностью, заставив-
шей гувернантку улыбнуться, Марія взяла съ аналоя библію Эв-
оксіи, положила ее на столъ и сказала, заглядывая съ умоляю-
щимъ видомъ въ глаза гречанки:

— Поклянись мнѣ—нѣтъ, не смѣйся, пожалуйста, ничего
е можетъ быть важнѣе этого!—поклянись мнѣ не открывать ни
одной душѣ, даже матери Іоаннѣ, того, что̀ я тебѣ скажу.

Эвдоксія обѣщала хранить тайну, но отказывалась отъ клятвы,
какъ какъ христіане не должны клясться, по евангельской за-
овѣди; но Марія ухватилась за платье гречанки, гладила рукой
ея впалыя щоки, и наконецъ объявила, что въ противномъ слу-
аѣ она ничего не скажетъ. Гречанка не могла устоять противъ
аскъ дѣвочки, она позволила Маріи взять свою руку и поло-
кить ее на библію, а потомъ, какъ бы нехотя, произнесла за
воей воспитанницей торжественныя слова. Послѣ того, Эвдоксія
ъ страхѣ и волненіи бросилась на диванъ, а малютка, пользу-

ясь своей побѣдой, тотчасъ свернулась клубочкомъ у ея ногъ, принимаясь подробно разсказывать о Паулѣ и о тѣхъ опасностяхъ, которыя угрожаютъ ей и Оріону. Марія постаралась даже представить участь Оріона въ особенно мрачныхъ краскахъ, такъ какъ давно замѣтила исключительную благосклонность гувернантки къ своему дядѣ. До сихъ поръ Эвдоксія не переставала гладить кудри дѣвочки и поддакивать ей, но узнавъ, что Марія хочетъ взять на себя роль гонца, она въ ужасѣ вскочила съ мѣста и рѣшительно сказала, что не допуститъ такой безумной затѣи. Однако малютка продолжала убѣждать воспитательницу свойственнымъ ей вкрадчивымъ тономъ: во-первыхъ, никто другой не могъ исполнить порученія, отъ котораго зависѣла жизнь Оріона и Паулы; во-вторыхъ, путешествіе черезъ горы не представляло ничего особенно труднаго. Она отлично умѣла ѣздить на лошади и не боялась жары; развѣ ее не брали верхомъ изъ Мемфиса въ имѣнье дѣда на морскомъ берегу? Кромѣ того, съ ней будетъ вѣрный Рустемъ; а по горной дорогѣ, самой безопасной въ странѣ, были станціи, гдѣ путники могли найти пріютъ.

Гречанка не уступала, хотя соглашалась съ тѣмъ, что намѣреніе Маріи не такъ неисполнимо, какъ ей представилось въ первую минуту. Тутъ малютка еще разъ напомнила Эвдоксіи данную клятву и прибавила, что ей самой грозитъ бѣда, отъ которой можно избавиться, удалившись на время изъ Мемфиса. Гречанка узнала о ея встрѣчѣ съ епископомъ и о томъ, что Іоганна сильно тревожится за дѣвочку.

Какъ ужасно должно быть существованіе за высокой монастырской стѣной! А Марія такъ горячо любила свободу и дѣятельную жизнь среди людей! Если полководецъ Амру возьметъ ее подъ свое покровительство, никто не посмѣетъ употребить насиліе надъ внучкой мукаукаса. Все это было высказано съ большою живостью и теплотой; растроганная гувернантка закрыла лицо руками и воскликнула:

— Ты затѣваешь неслыханную вещь! Но, пожалуй, дѣйствительно, такъ будетъ лучше. Поѣзжай на встрѣчу полководцу Амру!

Пылкая дѣвочка повисла у нея на шеѣ. „Да, такому пышному, свѣжему цвѣтку не слѣдовало бы гибнуть въ неволѣ. Маріи предстояла счастливая будущность и роскошный жизненный расцвѣтъ на радость себѣ и другимъ“, подумала Эвдоксія.

Она предчувствовала, что Іоганна не станетъ обвинять ее. Покровительствуя бѣгству Маріи, воспитательница спасала дитя отъ ужасной участи—прожить свой вѣкъ, терзаясь внутреннимъ разладомъ. Едва ли можетъ быть что нибудь хуже этого! Гречанка грустно вздохнула, думая о своей собственной судьбѣ. Ей пришлось провести всю молодость по чужимъ домамъ, въ постоянной зависимости, подчиняясь посторонней волѣ, поддѣлываясь подъ чужіе интересы. При такихъ условіяхъ, пылкая отъ природы дѣвушка, съ серьезными запросами отъ жизни, мало по малу превратилась въ сухую формалистку. Горькое воспоминаніе о пережитомъ заставило ее въ настоящую минуту уступить настойчи-

вой ученицѣ, хотя другая женщина на ея мѣстѣ не допустила бы подобной слабости.

Когда наступилъ день, Эвдоксія сама причесала дѣвочкѣ волосы и помогла одѣться, тогда какъ обыкновенно Маріи служила особая горничная. Между гувернанткой и воспитанницей неожиданно возникли новыя отношенія, точно внучка мукаукаса въ одну ночь сдѣлалась изъ ребенка взрослой дѣвушкой.

Окончивъ одѣванье, онѣ обѣ вышли въ садъ.

Іоганна съ Пульхеріей не могли надивиться перемѣнѣ обращенія гречанки, но имъ было пріятнов идѣть, что маленькая гостья сіяла восторгомъ.

Вдова Руфинуса охотно позволила ей отправиться въ городъ, чтобы исполнить таинственное порученіе дяди. Рустемъ вызвался проводить ее, умная дѣвочка, безъ сомнѣнія, не могла затѣять чего нибудь непозволительнаго. Карты и таблицы Оріона были своевременно отосланы ему въ темницу, и, прежде чѣмъ малютка вышла изъ дому со своимъ провожатымъ, Гиббусъ вернулся обратно съ письмомъ отъ заключеннаго юноши къ полководцу Амру.

Дорогой Марія условилась съ Рустемомъ, что она присоединится къ нему, при наступленіи ночи, въ гостинницѣ Неспта. Въ это время безкормицы и смертности, было нетрудно найти свободныхъ лошадей и верблюдовъ вмѣстѣ съ проводниками. Опытный персъ рѣшилъ нанять для предстоящаго путешествія только быстроногихъ дромадеровъ и запастись одной легкой палаткой „для маленькой госпожи“, чтобы не затруднять себя излишней поклажей.

Возлѣ дома Гамаліила дѣвочка велѣла масдакиту подождать себя. Золотыхъ дѣлъ мастеръ встрѣтилъ ее съ неподдѣльной радостью. Что сдѣлалось съ жилищемъ великаго мукаукаса! Огонь истребилъ эту обитель справедливости, какъ и египетскіе города, которымъ было предсказано пророкомъ разрушеніе за тысячу лѣтъ назадъ. Гамаліилъ зналъ объ ужасномъ положеніи Оріона и благородной дѣвушки, подарившей ему во время суда надъ сирійцемъ Гирамомъ рѣзной камень громадной цѣнности, а потомъ довѣрившей часть своего состоянія. Еврею было пріятно видѣть передъ собою къ полномъ благополучіи хотя одного изъ членовъ семьи своего покойнаго покровителя. Онъ принялся съ участіемъ разспрашивать Марію о томъ, о семъ, пока жена ювелира побѣжала за абрикосовымъ пирожнымъ, спѣша угостить свою любимицу; между тѣмъ внучка мукаукаса выразила желаніе безотлагательно переговорить съ хозяиномъ наединѣ. Гамаліилъ повелъ ее въ свою маленькую мастерскую, прося высказаться вполнѣ откровенно, такъ какъ онъ заранѣе обѣщаетъ исполнить просьбу милой гостьи.

Марія, краснѣя отъ смущенія, развернула кольцо Оріона, подала его еврею и просила принять въ залогъ.

Увѣренная въ томъ, что добрый сосѣдъ примется тотчасъ отсчитывать ей свои червонцы, малютка не спускала съ Гамаліила своихъ блестящихъ глазъ, но тотъ даже не взялъ въ руки драгоцѣнной вещи и серьезно замѣтилъ:

— Нѣтъ, милая дѣвочка; съ дѣтьми невозможны никакія денежныя сдѣлки,

— Но мнѣ нужны деньги, Гамаліилъ, настаивала она.—Я *должна* добыть ихъ!

— Должна? съ улыбкой возразилъ старикъ. Это словечко, какъ острый гвоздь, легко вонзается въ дерево, но когда гвоздь встрѣчаетъ на пути желѣзо, то иногда и самъ гнется. Не думай, чтобы я былъ неподатливъ, однако нельзя требовать денегъ ни съ того, ни съ сего. О какихъ деньгахъ собственно ты толкуешь? Нужны ли онѣ на хлѣбъ насущный, или на сладкіе пирожки, что̀ гораздо вѣроятнѣе? Въ такомъ случаѣ, Гамаліилъ не откажется дать тебѣ золота. Но вѣдь, если не ошибаюсь, ты живешь въ домѣ грека Руфинуса, гдѣ, слава Богу, нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Кромѣ того, у меня хранится порядочная сумма денегъ, отданная мнѣ въ ростъ твоимъ покойнымъ дѣдушкой. Онъ сказалъ, что это твое наслѣдство отъ крестной матери, и расписка сдѣлана на твое имя; такимъ образомъ, тебя нужно назвать богатой, сравнительно съ другими.

— Я вовсе не нуждаюсь въ чемъ бы то ни было, прервала Марія,—но мнѣ все таки нужны деньги. Если мой капиталъ лежитъ у тебя вонъ въ томъ желѣзномъ сундукѣ, то дай, пожалуйста, изъ него, сколько я попрошу!

Ювелиръ засмѣялся.

— Это вовсе не такъ просто, какъ ты думаешь, вострушка. Для выдачи наслѣдства несовершеннолѣтнимъ въ Египтѣ нужно потратить много времени, папируса и чернилъ: обратиться въ большое присутственное мѣсто, вызвать шестнадцать свидѣтелей и киріоса...

— Тогда купи это кольцо съ сапфиромъ. Ты такой добрый, Гамаліилъ; выручи меня! Вѣдь ты, конечно, не думаешь, чтобъ я хотѣла тратить деньги на лакомство?

— Разумѣется, нѣтъ. Но теперь такъ много людей голодаетъ, что твое мягкое сердечко, вѣроятно, растрогано чужимъ бѣдствіемъ и тебѣ нужны деньги для какой нибудь обнищавшей семьи?

— Неправда! Купи мое кольцо; если ты исполнишь мою просьбу...

— Тогда Гамаліилъ будетъ мошенникомъ и старымъ дуракомъ. Вспомни исторію зеленаго смарагда. Я купилъ его, и что̀ изъ этого вышло? Не приставай ко мнѣ съ кольцомъ, милая дѣвочка.

Марія отняла свою руку, и въ ея большихъ, влажныхъ глазахъ отразилось столько горя, что еврей былъ тронутъ.

— Я скорѣе готовъ поплатиться головою, чѣмъ огорчить тебя, милое дитя, продолжалъ онъ... Адонаи! я не хотѣлъ сказать, что ты уйдешь съ пустыми руками отъ Гамаліила; у него есть деньги и если самъ онъ любитъ наживать, то не отказываетъ и другимъ въ случаѣ нужды. Я не могу купить твоего сапфира, потому что у меня есть много вещей получше его. Однако, не печалься и разскажи все откровенно; твой покойный дѣдъ всегда жаловалъ меня. Ну, шепни мнѣ скорѣй на ухо, сколько тебѣ надо?

Полное, веселое лицо еврея широко улыбалось, и дѣвочка почувствовала къ старику невольное довѣріе. По ея дѣтскимъ по-

нятіямъ, ни одинъ человѣкъ не могъ преступить данной клятвы
и потому она заставила Гамаліила поклясться въ томъ, что онъ
охранитъ ея тайну. Золотыхъ дѣлъ мастеръ охотно исполнилъ
желаніе ребенка. Такимъ образомъ, Марія взяла клятву съ троихъ
человѣкъ, причемъ каждый изъ нихъ исповѣдывалъ различную
религію. Дѣвочку удивило, что Гамаліилъ такъ охотно повторилъ
за ней торжественныя слова; ей не приходило въ голову, какъ
часто взрослые злоупотребляютъ священными обѣтами.

Успокоившись съ этой стороны, она разсказала, что Оріону
необходимо послать гонца навстрѣчу полководцу Амру для спа-
денія Паулы отъ смерти. Ювелиръ внимательно слушалъ и, не
давъ ей кончить, подошелъ къ сундуку, вдѣланному въ полъ.

— Сколько? спросилъ онъ, прерывая Марію.

Марія сказала сумму, назначенную Нилусомъ.

Гамаліилъ не показывалъ даже своей женѣ потайнаго ключа,
которымъ открывалась касса. Поэтому онъ сказалъ просительницѣ:

— Посмотри-ка немножко въ окно, маленькое чудо, въ образѣ
дѣвочки, которая занимается денежными сдѣлками и беретъ на
себя важныя порученія. Если ты ничего не увидишь на дворѣ,
то представь себѣ, будто бы тамъ стоитъ человѣкъ, похожій на
старика Гамаліила, и что ему хочется хорошенько расцѣловать
твою головку; онъ стоитъ и думаетъ про себя: „Боже милосердный!
Еслибы моя дочка, моя маленькая Руѳь, походила на Марію,
внучку справедливаго мукаукаса!“

Съ этими словами тучный, но подвижной еврей, стоявшій на
колѣняхъ, вскочилъ на ноги, тяжело переводя духъ, и, не за-
крывая крышки сундука, подбѣжалъ къ Маріи, которая добросо-
вѣстно смотрѣла въ окно. Онъ звонко поцѣловалъ ее въ курча-
вый затылокъ и замѣтилъ, весело смѣясь:

— Это я беру въ видѣ процента, моя милая должница. А ты
все таки не оборачивайся назадъ, пока не услышишь моего зова.

И онъ снова подбѣжалъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ къ
сундуку, вытеръ навернувшіяся слезы и взялъ мѣшочекъ съ чер-
вонцами, гдѣ было немного болѣе денегъ, чѣмъ требовалось Ма-
ріи. Потомъ еврей тщательно заперъ сундукъ, и взглянувъ на
дѣвочку со смѣшаннымъ чувствомъ недовѣрія и ласки, подозвалъ
ее, наконецъ, къ себѣ. Высыпавъ деньги на столъ, онъ отсчиталъ
назначенную сумму; остальныя монеты спряталъ въ карманъ и
отдалъ кошелекъ маленькой посѣтительницѣ, лукаво подмигивая
ей и говоря, чтобъ она пересчитала золото, пока онъ придетъ
обратно.

Когда Гамаліилъ вернулся въ мастерскую, малютка робко за-
мѣтила ему:

— Здѣсь недостаетъ одного червонца.

Ювелиръ ударилъ себя въ грудь обѣими руками, восклицая:
Боже, что за дѣвочка! Вотъ недостающій солидъ, дитя мое. По-
слушай теперь, что скажетъ тебѣ опытный человѣкъ: ты испол-
нишь задуманное тобою, потому что отдаешь себѣ строгій отчетъ
въ своихъ поступкахъ. Счастливъ тотъ, кого ты выберешь въ
мужья, сдѣлавшись взрослой дѣвушкой. А теперь подпиши-ка

этотъ документъ; хотя ты несовершеннолѣтняя и твоя расписка ничего не значитъ, но мы сдѣлаемъ это для порядка.

Марія взялась за перо и стала предварительно пробѣгать глазами написанное Гамаліиломъ. Тутъ онъ пришелъ въ окончательный восторгъ.

— Какая осмотрительность! воскликнулъ этотъ дѣловой человѣкъ.—Десятилѣтняя малютка до тонкости вникаетъ во все. Господь благословитъ тебя, дитя мое! А вотъ несутъ намъ и абрикосовое пирожное; ты должна полакомиться, прежде чѣмъ... Боже праведный! Такой крошкѣ приходится брать на себя важныя дѣла, которыя едва по силамъ и взрослому!

XLVI.

Марія отдала полученныя отъ ювелира деньги Рустему. Пока онъ готовился къ отъѣзду съ предусмотрительностью опытнаго проводника, а внучка мукаукаса, вмѣстѣ съ Эвдоксіею, утѣшали огорченную персіянку Мандану, въ залѣ суда происходило новое засѣданіе.

На этотъ разъ обвиняемымъ былъ Оріонъ; едва онъ [illegible]инялся за работу при помощи картъ и плановъ, какъ его вызвали къ отвѣту. Составъ суда былъ тотъ же самый, какъ и наканунѣ. Къ числу свидѣтелей, кромѣ Паулы, присоединился епископъ Іоаннъ и ювелиръ Гамаліилъ, котораго потребовали въ засѣданіе сейчасъ послѣ ухода Маріи. Сынъ мукаукаса обвинялся въ утайкѣ смарагда, пожертвованнаго его отцомъ на церковь.

Оріонъ самъ защищалъ себя; онъ повторилъ все то, что было сказано имъ патріарху Веніамину въ свое оправданіе, изъявилъ готовность немедленно передать судьямъ драгоцѣнный камень, чтобы разъ навсегда покончить это дѣло. Кади взялъ отъ него смарагдъ, принадлежавшій Паулѣ, и тотчасъ вручилъ епископу. Но Іоаннъ не удовольствовался этимъ; онъ громко прочиталъ письменное свидѣтельство вдовы Сусанны, въ присутствіи которой покойный мукаукасъ Георгій сказалъ своему сыну, что онъ жертвуетъ на церковь всѣ драгоцѣнные камни, бывшіе въ персидскомъ коврѣ. Слѣдовательно, Оріонъ утаилъ смарагдъ, и теперь трудно доказать, что отданный имъ камень не подмѣненъ.

Все это было сказано съ большимъ жаромъ и съ оттѣнкомъ враждебности. Такой поступокъ ревностнаго прелата былъ вызванъ серьезными причинами. Назначивъ его мемфисскимъ епископомъ, Веніаминъ далъ ему приказъ требовать наказанія Оріону, который былъ терніемъ во плоти якобитской церкви, нечистой овцой, грозившей заразить все стадо. Въ томъ случаѣ, если юноша выдастъ утаенный имъ смарагдъ, епископу вмѣнялось въ обязанность въ точности убѣдиться, не подмѣненъ ли драгоцѣнный камень.

Когда Іоаннъ высказалъ свое недовѣріе къ обвиняемому и его слова вызвали неодобрительный ропотъ противъ Оріона даже въ средѣ арабскихъ судей, кади нашелъ нужнымъ вмѣшаться въ

дѣло. Онъ сказалъ, что вчера вечеромъ къ нему пришло письмо отъ его дяди, купца Гашима изъ Джидды, и въ этомъ посланіи обозначенъ вѣсъ изумруда, бывшаго въ коврѣ. Старый камень былъ взвѣшенъ сыномъ араба, безъ вѣдома отца, передъ отъѣздомъ послѣдняго въ Египетъ. Главный судья тотчасъ приказалъ Гамалілу, захватившему съ собой вѣсы, сдѣлать опытъ надъ смарагдомъ для успокоенія епископа. Еврей немедленно принялся за дѣло, между тѣмъ какъ старый жрецъ, также знавшій толкъ въ этихъ вещахъ, зорко наблюдалъ за нимъ съ явнымъ недоброжелательствомъ.

Всѣ глаза обратились на ювелира. Онъ взвѣсилъ камень два раза къ ряду; его пальцы и губы замѣтно дрожали, когда изумрудъ былъ положенъ на чашку вѣсовъ въ третій разъ. Наконецъ старикъ сказалъ, что этотъ камень вѣситъ на нѣсколько зернышекъ проса тяжелѣе того, о которомъ говорилось въ письмѣ Гашима, но зато въ цѣломъ мірѣ не сыщешь смарагда чище, безупречнѣе и красивѣе этого.

Оріонъ вздохнулъ свободно. Между судьями поднялся вопросъ, ошибся ли сынъ купца при взвѣшиваніи, или драгоцѣнность дѣйствительно подмѣнена. Но послѣднее предположеніе было едва ли вѣроятно, такъ какъ оно клонилось къ ущербу обвиняемаго. Честный епископъ удовлетворился произведеннымъ испытаніемъ и не заводилъ больше рѣчи объ изумрудѣ, находя, что недовѣріе патріарха Веніамина зашло въ настоящемъ случаѣ слишкомъ далеко.

Векилъ Обада молчалъ, бросая только вызывающіе, злорадные взгляды на Паулу и Оріона.

Когда прокуроръ обвинилъ сына мукаукаса въ содѣйствіи бѣгству монахинь, которое кончилось кровопролитіемъ, юноша не призналъ себя виновнымъ, доказывая, что онъ не могъ принимать участія въ схваткѣ арабовъ съ защитниками мелхитскихъ сестеръ, такъ какъ находился въ это время у полководца Амру. Между тѣмъ, благодаря неслыханному самоуправству, его арестовали по одному ложному подозрѣнію, лишили имущества и свободы. Обвиняемый выразилъ надежду, что судьи оправдаютъ его, послѣ чего онъ намѣревался искать защиты и удовлетворенія у своего государя, мудраго калифа Омара.

При этомъ Оріонъ устремилъ на векила пламенный взглядъ, но Обада сохранялъ свое хладнокровіе, что̀ еще болѣе встревожило друзей подсудимаго. Негръ, повидимому, заранѣе торжествовалъ побѣду надъ своимъ противникомъ. И дѣйствительно, едва тотъ замолкъ, онъ поднялся съ мѣста и передалъ кади съ непріятнымъ подмигиваньемъ дощечку, полученную имъ наканунѣ отъ Горуса Аполлона. Хотя воскъ отчасти растаялъ отъ жара, но все таки было нетрудно прочитать сохранившіяся буквы. По словомъ Обады, почтенный ученый разобралъ ихъ въ точности и можетъ передать судьямъ содержаніе письма обвиняемаго къ его прекрасной невѣстѣ. Этотъ документъ вполнѣ опровергалъ его самозащиту.

Помощникъ Амру кивнулъ головой жрецу и поддержалъ его, когда тотъ съ трудомъ поднимался со скамьи свидѣтелей. Однако

Отманъ попросилъ его обождать. По его приказанію, письмо было прочитано переводчикомъ, который исполнилъ это не безъ труда. Гутъ кади обратился не къ престарѣлому Горусу Аполлону, а къ Обадѣ съ вопросомъ, откуда взялась представленная дощечка.

— Она взята изъ письменнаго стола дамаскинки, отвѣчалъ негръ. Мой старый другъ нашелъ ее тамъ.

Векилъ указалъ на жреца, который утвердительно кивнулъ головой.

Кади поднялся съ мѣста и подошелъ къ Паулѣ, поблѣднѣвшей, какъ смерть.

— Твое ли это письмо? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала дѣвушка, предварительно всмотрѣвшись въ дощечку.—Этотъ недостойный старикъ хитростью добылъ его изъ моихъ вещей.

Обвиняемая съ презрѣніемъ посмотрѣла на Горуса Аполлона. Голосъ ея прервался. Оправившись немного, она обратилась къ судьямъ и воскликнула:

— Если между вами есть человѣкъ, для котораго безпомощность и невинность священны, а коварство и ложь отвратительны, пусть онъ пойдетъ въ домъ супруги Руфинуса, пусть предостережетъ одинокую женщину отъ этого обманщика, который [illegible]брался подъ ея кровлю, какъ куница въ голубятню, съ единственной цѣлью попрать священные законы гостепріимства и заплатить за оказанныя ему услуги низкимъ предательствомъ!

Горусъ Аполлонъ не могъ выговорить ни слова; онъ только поднялъ вверхъ свою худую морщинистую руку. Христіанскіе судьи перешептывались между собою, высказывая различныя мнѣнія. Еврей Гамаліилъ вертѣлся на мѣстѣ, ударяя себя пальцами въ грудь и напрасно стараясь привлечь къ себѣ вниманіе Оріона или Паулы. Онъ хотѣлъ показать имъ, что берется предостеречь Іоанну. Замѣтивъ его уловки, Обада ударилъ еврея могучимъ кулакомъ по плечу. Ювелиръ по неволѣ унялся, не смѣя жаловаться на арабскаго вельможу и только потирая съ легкимъ стономъ больное мѣсто. Тѣмъ временемъ, кади передалъ жрецу дощечку, предлагая ему прочитать присутствующимъ ея содержаніе.

Но жестокое обвиненіе, брошенное въ лицо Горусу Аполлону гордой патриціанкой, до того взволновало ученаго, что онъ не могъ произнести ни слова. Эта ненавистная женщина снова оскорбила его; онъ переселился въ домъ Іоганны съ самыми добрыми намѣреніями, и злополучное письмо только случайно попало ему въ руки.

Между тѣмъ, вдова Руфинуса сочтетъ своего жильца шпіономъ, и, пожалуй, даже Филиппъ поссорится съ нимъ. Прощай, мечта о спокойствіи напослѣдокъ жизни, среди попеченій любящихъ друзей, и во всемъ этомъ виновата надменная, безсердечная дамаскинка!... Онъ не могъ ничего сказать, но, когда въ изнеможеніи опустился на скамью свидѣтелей,—бросилъ на Паулу такой ядовитый, уничтожающій взглядъ, что она слегка вздрогнула и сказала себѣ: „Этотъ человѣкъ готовъ погубить самъ себя вмѣстѣ со мною“. Переводчикъ принялся читать письмо Оріона и

переводить его арабамъ, заявляя, что въ немъ почти слились всѣ буквы и онъ едва разбираетъ написанное. Паула ободрилась и, прежде чѣмъ герменетъ успѣлъ окончить свою обязанность, ея прекрасныя черты озарились какой-то радостью. Оріонъ, сидѣвшій напротивъ, замѣтилъ эту перемѣну, но не могъ понять, о чемъ умоляла его Паула, заглядывая ему въ глаза и прижимая руку къ сердцу. Переводчикъ замолчалъ; прочитанное имъ сильно подѣйствовало на судей; благосклонное лицо кади сдѣлалось озабоченнымъ. Въ письмѣ было сказано слѣдующее:

„Много времени прошло въ ожиданіи тебя, но теперь пора, наконецъ, рѣшиться на отъѣздъ, а между тѣмъ мнѣ хотѣлось о многомъ переговорить съ тобой. Письменное прощаніе.....“

Здѣсь нѣкоторыя строчки были стерты, но за ними слѣдовали роковыя, обличительныя слова, сохранившіяся достаточно ясно.

„Совершенно иначе предстояло намъ закончить этотъ день, посвященный мною приготовленіямъ къ бѣгству монахинь. Меня радовала возможность оказать услугу добрымъ, несправедливо гонимымъ сестрамъ. Пожелаемъ имъ счастливаго пути и устроимъ такъ, чтобы завтра намъ можно было видѣться безъ помѣхи, а потомъ, во время долгой разлуки, поддерживать себя воспоминаніемъ объ этихъ минутахъ. Какъ среди египтянъ жилъ человѣкъ, котораго мы оба оплакиваемъ, такъ и между арабами есть несравненный дѣятель, полководецъ Амру.....“

Здѣсь письмо прерывалось, на концѣ не доставало цѣлыхъ трехъ строчекъ. Кади задумчиво взялъ дощечку въ руки, потомъ онять поднялъ глаза на присутствующихъ, напряженно ожидавшихъ, что онъ скажетъ, и началъ:

— Хотя обвиняемый и не принадлежалъ къ тѣмъ, которые оказали вооруженное сопротивленіе нашимъ воинамъ, однако изъ прочитаннаго письма мы видимъ ясно, что онъ не только зналъ, но и ревностно способствовалъ бѣгству монахинь. Когда ты получила это посланіе, благородная дѣвушка?

Паула крѣпко сжала руки и, слегка наклонивъ голову, отвѣчала, не глядя на Отмана:

— Когда получила? Никогда! Это мое собственное письмо; я его сама написала!..

— Ты? воскликнулъ изумленный кади.

— Это письмо написано мной къ Оріону, отвѣчала Паула.

— Какъ же оно попало въ твой письменный столъ?

— Очень просто, пояснила обвиняемая, по прежнему не поднимая глазъ. Написавъ письмо къ моему жениху, я его бросила въ ящикъ вмѣстѣ съ другими дощечками, когда оно оказалось ненужнымъ. Оріонъ пришелъ въ тотъ же вечеръ, и мы переговорили съ нимъ лично.

Странная улыбка мелькнула на ея губахъ; въ залѣ поднялся громкій говоръ; Оріонъ съ возрастающимъ удивленіемъ смотрѣлъ то на молодую дѣвушку, то на главнаго судью. Между тѣмъ, Обада вскочилъ съ мѣста, ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ:

— Это наглая ложь! Кто изъ васъ позволитъ одурачить себя лукавой женщинѣ?

Горусъ Аполлонъ, успѣвшій тѣмъ временемъ успокоиться, хрипло и злорадно захихикалъ ему въ лицо; судьи переглядывались въ замѣшательствѣ; кади Отманъ принужденъ былъ, наконецъ, остановить расходившагося векила и предоставилъ слово Оріону, который давно уже порывался говорить, едва владѣя собою. Щоки юноши горѣли, когда онъ воскликнулъ, задыхаясь:

— Нѣтъ, нѣтъ, Отманъ! Нѣтъ, господа судьи! Не она, а я написалъ....

— Но Паула не дала ему договорить.

— Онъ? Да развѣ вы не видите, что подсудимый беретъ на себя вину, желая спасти меня!.. Онъ дѣлаетъ это изъ благороднаго самопожертвованія, изъ любви ко мнѣ. Не вѣрьте, не вѣрьте ему!

— Нѣтъ, не вѣрьте ей! горячился Оріонъ.

Но, прежде чѣмъ онъ могъ продолжать, Паула воскликнула, сверкая глазами, что онъ не любитъ ея, если жертвуетъ собою изъ ложнаго великодушія. Она снова приложила руку къ сердцу съ умоляющимъ видомъ, и тутъ Оріонъ замолкъ, бросившись на скамью подсудимыхъ и обративъ къ небу растроганный взглядъ.

— Наконецъ-то онъ опомнился! воскликнула дѣвушка торжествующимъ тономъ. Теперь ты видишь, Отманъ, что я б[illegible]права! Пусть меня накажутъ за соучастіе въ бѣгствѣ монахини.

— Твоя воля исполнится, замѣтилъ жрецъ, скрежеща зубами, а векилъ вскричалъ:

— Какое адское хитросплетеніе лжи! Какой обманъ! Но хотя ты прячешься за женщину, я все-таки доберусь до тебя, негодный мальчишка! Подумайте, судьи, можетъ ли письмо сохраняться нѣсколько недѣль у того, кто его написалъ, а не у того, къ кому оно обращено?

Кади пожалъ плечами и отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— Вспомни, Обада, что мы осудили дочь Ѳомы, основываясь на письмѣ, которое нашли также у писавшаго, а не у нея самой! Тогда это не казалось тебѣ страннымъ. Гдѣ же тутъ безпристрастіе праваго суда?

Эти слова, сказанныя наставительнымъ тономъ, вызвали одобреніе у арабовъ.

— Отлично! воскликнулъ Гамиліилъ и юркнулъ подальше отъ векилв. Но тотъ забылъ о немъ. Онъ гнѣвно убѣждалъ присутствующихъ, говоря, что мужчинамъ и судьямъ стыдно позволять женщинѣ дурачить себя, и, жалѣя влюбленныхъ дураковъ, оставлять безнаказаннымъ насиліе надъ мусульманами, возмутительное самоуправство, дошедшее до явнаго сопротивленія властямъ. Его пламенная рѣчь оказала свое дѣйствіе. Однако жаждавшіе казни мелхитки якобиты были готовы отстаивать до послѣдней возможности сына всѣми уважаемаго мукаукаса Георгія, хотя бы онъ даже былъ дѣйствительно виновенъ.

Представленное письмо служило недостаточной уликой, потому что нельзя было доказать, кѣмъ оно написано.

Наконецъ, началось совѣщаніе судей; оно продолжалось очень долго. Въ это время Оріонъ сидѣлъ, понуривъ голову, какъ уби-

тый, точно его уже приговорили къ мучительной казни, или обмѣнивался взглядомъ съ возлюбленной, прижимая руку къ сердцу, какъ будто опасаясь, что оно выпрыгнетъ изъ груди.

Онъ вполнѣ понималъ ее, и великодушіе Паулы заставляло юношу благоговѣть передъ любимою дѣвушкой. Хотя онъ воспользовался этой жертвой, но твердо рѣшилъ умереть вмѣстѣ съ нею, если для Паулы не было спасенія. У него настойчиво раздавались въ ушахъ слова Арріи: „non dolet“ *), которыя она сказала, умирая, своему возлюбленному Поатусу, когда вонзила себѣ въ грудь кинжалъ, чтобы раньше его перейти въ царство тѣней.

Но Оріонъ надѣялся на помилованіе невѣсты и заранѣе мечталъ о томъ, какъ впослѣдствіи докажетъ ей свою благодарность.

Наконецъ, кади объявилъ рѣшеніе суда. Оріона не могли признать заслуживающимъ смерти, потому что его вина не была доказана, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя было отрицать нѣкотораго соучастія юноши въ совершонномъ преступленіи. Поэтому судъ постановилъ передать дѣло на усмотрѣніе калифа или его намѣстника въ Египтѣ, полководца Амру. Отманъ тутъ же приказалъ держать обвиняемаго подъ строгимъ карауломъ, чтобъ онъ не могъ уклониться отъ правосудія, если его признаютъ виновнымъ.

Когда кади замѣтилъ, что окончательный приговоръ зависитъ отъ калифа или его намѣстника, векилъ воскликнулъ:

— Въ настоящее время, намѣстникъ Омара—я самъ!

Однако въ средѣ судей послышался ропотъ несогласія, и, по предложенію кади, они рѣшили удвоить тюремную стражу, чтобы оградить жизнь юноши отъ покушенія векила, на котораго было послано множество жалобъ въ Медину.

Векилъ вышелъ изъ залы суда, внѣ себя отъ бѣшенства, а Горусъ Аполлонъ замышлялъ въ эту минуту новые ковы противъ Паулы.

Когда молодая дѣвушка вернулась въ свою каморку, старая Бетта подумала, что ее помиловали. Черты дамаскинки сіяли гордой радостью и одушевленіемъ. Она отвратила самую худшую опасность отъ Оріона, ея любовь спасла ему жизнь! Паула сама содѣйствовала собственной гибели, но, по крайней мѣрѣ, ея возлюбленный былъ спасенъ и могъ осуществить свои завѣтные планы на пользу ближнихъ: ее поддерживала блаженная увѣренность, что Оріонъ будетъ дѣйствовать въ ея духѣ.

Заключенная не успѣла еще разсказать Перпетуѣ о приговорѣ, какъ къ ней явился тюремщикъ, который доложилъ ей о приходѣ судьи. Отманъ слѣдовалъ за нимъ. Молодая дѣвушка прежде всего горячо поблагодарила его; онъ ласково замѣтилъ, что подозрѣваетъ неискренность ея показанія, но не хочетъ противорѣчить въ этомъ случаѣ. Затѣмъ кади перешелъ къ непосредственной цѣли своего прихода.

Въ письмѣ, полученномъ вчера вечеромъ отъ его дяди Гашима, говорилось много о Паулѣ. Она пріобрѣла расположеніе

*) Не больно.

старика, который передалъ ей свѣдѣнія, собранныя имъ о пропавшемъ безъ вѣсти префектѣ Дамаска.

— Твой отецъ, благородный Ѳома, предъ которымъ преклонялись даже мусульмане, сказалъ Отманъ,—нашелся послѣ долгихъ поисковъ.

— О, господинъ, господинъ! прервала Паула.—Неужели моя молитва дошла до Бога, и осуществил[illegible] завѣтное желаніе моей жизни?

Тутъ кади разсказалъ ей, что герой Дамаска, дѣйствительно, удалился на гору Синай, гдѣ жилъ затворникомъ. Но Паула не должна обольщать себя ложной надеждой: ея отца нашли еле живымъ; раны причиняютъ ему ужасныя страданія, и дни героя сочтены.

— А я, несчастная, нахожусь въ неволѣ! простонала дѣвушка. Меня заперли въ тюрьму и лишили возможности поспѣшить къ отцу, чтобъ увидѣться съ нимъ, хотя передъ смертью!

Кади снова принялся уговаривать ее и сообщилъ своимъ кроткимъ, добродушнымъ тономъ, что еще третьяго дня къ нему явился незнакомый навуоеянинъ. Онъ спросилъ Отмана, какъ представителя судебной власти въ Египтѣ, можетъ ли бывшій противникъ мусульманъ и полководецъ, сражавшійся на службѣ императора за христіанскую вѣру противъ калифа и ислама, вступить въ предѣлы Египта, не подвергая себя опасности быть взятымъ въ плѣнъ. Когда кади узналъ, что этотъ изнуренный, больной, израненный воинъ никто иной, какъ Ѳома, герой Дамаска, онъ отчасти далъ ему пропускъ, зная, что это не будетъ непріятно его государю, калифу.

Сегодня рано по утру, отецъ Паулы прибылъ въ Фостатъ и былъ принятъ, какъ гость, въ домѣ судьи. Ѳома, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ на краю гроба, но его одушевляетъ и поддерживаетъ желаніе еще разъ увидѣть свою дочь, о которой до него дошли ложныя вѣсти, будто она погибла во время страшной рѣзни въ Авилѣ.

Кади вмѣнилъ себѣ въ обязанность исполнить желаніе умирающаго и потому приказалъ тюремщику приготовить для него комнату, смежную съ кельей дочери. Всѣ необходимыя принадлежности были присланы изъ дома кади; дверь, соединявшая обѣ камеры, будетъ отворена.

— И я опять увижу его, опять буду съ нимъ, закрою ему глаза и, пожалуй, мы оба умремъ вмѣстѣ! воскликнула Паула, съ благодарностью цѣлуя руку добраго кади.

Мусульманинъ прослезился, говоря заключенной, что она должна благодарить не его, а милосерднаго единаго Бога.

Прежде чѣмъ закатилось солнце, голова приговоренной къ смерти дочери, припала груди израненнаго, умирающаго героя. Умъ больнаго былъ по прежнему ясенъ, а сердце исполнено горячей любви къ своему единственному дѣтищу. Отецъ и дочь забыли все на свѣтѣ въ блаженную минуту свиданія. Для Паулы наступило новое, невыразимое счастье въ стѣнахъ тюрьмы.

Еще въ тотъ же день, Оріонъ получилъ черезъ сторожа письмо

съ привѣтствіями и благословеніемъ отъ отца своей невѣсты; тутъ ему показалось, будто бы невидимая рука сняла съ него тяжелый гнетъ отцовскаго проклятія. Удивительное, радостное спокойствіе и жажда дѣятельности овладѣли юношею, и Оріонъ прилежно проработалъ веромъ до самаго разсвѣта.

XLVII.

Горусъ Аполлонъ возвращался въ свою новую квартиру, недовольный и хмурый.

Передъ жилищемъ вдовы Сусанны толпились люди, боязливо кивая на роскошный домъ и садъ богатой женщины. Маститый ученый встрѣтилъ и здѣсь изъявленіе благодарности со стороны мемфитовъ. Онъ отвѣтилъ имъ легкимъ поклономъ и невольно содрогнулся, увидавъ на главныхъ воротахъ черную доску привлекавшую вниманіе прохожихъ. На ней было написано: „Удаляйтесь отъ этого порога! За нимъ свирѣпствуетъ убійственная зараза!“

Старый жрецъ почувствовалъ холодъ во всѣхъ членахъ, потому что боялся всего, напоминавшаго о смерти. Жить такъ близко къ очагу эпидеміи было страшно и опасно! И какимъ образомъ могла болѣзнь проникнуть въ самую здоровую часть города, которую пощадила даже недавняя ужасная чума? Одинъ изъ служителей городского совѣта на разспросы Горуса Аполлона, объяснилъ, что въ домѣ Сусанны заболѣли сначала двое рабовъ, приставленныхъ къ купальнѣ, но ихъ удалось тайно перевезти въ ночное время въ новыя палатки для заразныхъ больныхъ по близости некрополя. Однако, на другой же день эпидемія обнаружилась и у самой хозяйки. Къ дому былъ приставленъ строгій караулъ, съ цѣлью оградить отъ заразы окружающую мѣстность.

— Такъ и надо! одобрительно замѣтилъ жрецъ: не выпускайте оттуда ни одной души!

Съ этими словами онъ повернулъ домой. Обѣденный часъ уже наступилъ. Отдохнувъ немного, старикъ, съ помощью своего слуги, принялся мыться и чистить платье, чтобъ выйти въ столовую. Между тѣмъ, въ комнату вошла хромая невольница съ подносомъ, который она поставила на столикъ передъ диваномъ. На немъ дымились горячія кушанья.

Не успѣлъ еще Горусъ Аполлонъ спросить, зачѣмъ это было сдѣлано, какъ служанка объявила, что ея госпожи хотятъ съ нынѣшняго дня обѣдать отдѣльно и будутъ присылать пищу постояльцу въ его кабинетъ. На щекахъ жреца опять выступили багровыя пятна. Послѣ короткаго раздумья, онъ сказалъ своему служителю: „Прикажи снова осѣдлать осла!“ Дѣвушку старикъ спросилъ, гдѣ находится хозяйка.

— Она разговариваетъ въ виридаріумѣ съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Гамаліиломъ, отвѣчала та,—но всѣ женщины сію минуту сядутъ за столъ.

— Не приглашая съ собой гостя? Понимаю, къ чему это клонится! проворчалъ постоялецъ.

Онъ схватилъ шляпу и прошелъ мимо хромой рабыни, направляясь вонъ изъ комнаты.

Въ прихожей Горусъ наткнулся на Гамаліила, которому одна изъ служанокъ подавала въ эту минуту палку. Жрецъ догадался о цѣли его прихода и, не удостоивъ еврея даже взглядомъ, повернулъ въ столовую. Здѣсь онъ нашелъ Марію и Пульхерію въ слезахъ; онѣ обѣ стояли на колѣняхъ передъ Іоганной, которая тоже плакала.

Желая оправдаться, ученый назвалъ вдову по имени, но она вздрогнула при видѣ его и указала ему на дверь. Тотъ не двигался съ мѣста и сталъ защищать себя отъ несправедливаго обвиненія въ шпіонствѣ. Однако Іоганна прервала его рѣчь самымъ рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ! Этотъ домъ навсегда закрытъ для тебя. Ты самъ порвалъ всякія узы между нами. Не нарушай нашего спокойствія! Вернись туда, откуда пришелъ!

Старикъ еще разъ пытался говорить, но хозяйка, вставъ съ мѣста, сказала дѣвушкамъ: „уйдемте прочь, мои дѣти!“ и торопливо скрылась съ ними въ сосѣдней комнатѣ, захлопнувъ за собою дверь. Горусъ Аполлонъ остался одинъ на порогѣ столовой.

Во всю свою долгую жизнь онъ не подвергался еще такому позору. Между тѣмъ, во всемъ случившемся, по его мнѣнію, была виновата опять таки Паула. Горькая обида требовала мести. Возвращаясь на бѣломъ ослѣ въ свое прежнее жилище, старый жрецъ часто останавливался и заговаривалъ съ прохожими.

Съ этого дня онъ не обращалъ больше вниманія на палящій зной и не щадилъ своего здоровья, разъѣзжая по цѣлымъ днямъ по городскимъ улицамъ, чтобы подстрекать народъ къ спасительному жертвоприношенію дѣвственницы. Горусъ Аполлонъ не уставалъ твердить мемфитамъ, что ихъ постигнетъ неминуемая гибель, если они не воспользуются единственнымъ средствомъ противъ бѣдствія. Старикъ не пропускалъ ни одного засѣданія сената, убѣждая булевтовъ, оспаривая всѣ доводы епископа и настаивая на томъ, чтобы власти города назначили, наконецъ, день торжественнаго бракосочетанія Нила съ его невѣстой.

Онъ отлично зналъ египтянъ, до безумія любившихъ пышныя празднества. Церемонія брачнаго союза прекрасной дамаскинки съ могучимъ, безпокойнымъ супругомъ казалась народу особенно заманчивой среди всеобщаго унынія. Маститый ученый умѣлъ представить сенату и народу въ яркихъ краскахъ это величественное зрѣлище, руководствуясь воспоминаніями дѣтства о процессіяхъ въ честь Изиды, которыя онъ видѣлъ самъ или о которыхъ слышалъ отъ покойнаго отца; остальное дополнялось матеріаломъ, почерпнутымъ изъ книгъ, гдѣ описывались блестящія народныя торжества языческаго Египта. И каждый, въ комъ текла египетская кровь, внимательно слушалъ его разсказы, увлекался заманчивыми описаніями и былъ готовъ пожертвовать послѣднимъ, чтобы придать больше блеска народному тор-

жеству, гдѣ всякій могъ быть, если не дѣйствующимъ лицомъ, то, по крайней мѣрѣ, зрителемъ.

Тысячи народа нуждались въ насущномъ хлѣбѣ, но для неслыханнаго брачнаго празднества еще нашлись средства, и сенатъ не отступилъ даже передъ новыми займами. „Гибель или спасеніе!“ таковъ былъ лозунгъ, данный Горусомъ Аполлономъ своимъ согражданамъ. Если все погибнетъ, тогда кому достанутся накопленные таланты? Но если жертва будетъ угодна Нилу и онъ благословитъ своихъ почитателей новымъ, обильнымъ разлитіемъ, тогда Мемфисъ и вся страна не пожалѣютъ нѣсколькихъ тысячъ драхмъ, израсходованныхъ на великолѣпный праздникъ. Наконецъ, былъ назначенъ срокъ пышной церемоніи; въ день святаго Сераписа мемфитамъ предстояло совершить таинственный, спасительный обрядъ. Слѣдовательно, казнь осужденной должна была состояться менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ приговора. И какъ краснорѣчиво описывалъ жрецъ красоту непорочной невѣсты! Ему вторили судьи и булевты, видѣвшіе ее. Глаза Горуса Аполлона горѣли огнемъ при этомъ описаніи; взглядъ влюбленнаго не могъ бы сіять болѣе яркимъ блескомъ. Онъ хотѣлъ отомстить патриціанкѣ за все, что она заставила его перенести. Чудовищное жертвоприношеніе должно было не только погубить эту женщину, но унизить христіанскую вѣру, ненавистную ревностному язычнику.

Однако епископъ Іоаннъ также не дремалъ; тотчасъ послѣ увѣщанія народа съ балкона Куріи, онъ послалъ письмо въ верхній Египетъ патріарху и теперь ждалъ отвѣта, чтобъ энергично приняться за дѣло. Въ церкви, передъ сенатомъ и даже на улицахъ, какъ епископъ, такъ и остальное духовенство, употребляли всѣ усилія, чтобы помѣшать безбожной затѣѣ булевтовъ и городскаго населенія. Однако народныя страсти, разнузданныя Горусомъ Аполлономъ, вспыхнули яркимъ пламенемъ, передъ которымъ оказались безсильными и преданность вѣрѣ, и голосъ разсудка, и даже чувство человѣколюбія. Нужда и отчаяніе пошатнули вѣру, уничтожили страхъ божій, и самыя могущественныя орудія церкви, проклятіе и благословеніе, потеряли всякое обаяніе. Утопающимъ показывали вблизи плавающее бревно, и они цѣплялись за него, потому что не хотѣли дождаться спасительной лодки, которая спѣшила къ нимъ на помощь съ хорошими гребцами и надежнымъ кормчимъ у руля.

Горусъ Аполлонъ не вернулся больше въ домъ Руфинуса. Нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Іоганна указала ему на дверь, пришли невольники за вещами жреца. Его приближенный слуга принесъ хозяйкѣ большой закрытый сосудъ и письмо слѣдующаго содержанія:

„Нельзя осуждать людей, не выслушавъ ихъ оправданія. Однако ты сдѣлала это, и я не сержусь на тебя. Филиппъ, вернувшись обратно, объяснитъ, въ чемъ дѣло, и, можетъ быть, между нами снова водворится прерванная дружба. Посылаю тебѣ часть лѣкарства, оставленнаго имъ при отъѣздѣ: употребляй его въ случаѣ, еслибъ у васъ въ домѣ открылась зараза.

Помощникъ Филиппа говоритъ, что теперь хорошее дѣйствіе этого средства вполнѣ доказано. Желаю отъ души, чтобъ эпидемія, поразившая сосѣдній домъ, миновала васъ".

Письмо жреца обрадовало вдову, но, когда она прочитала его своимъ домашнимъ, маленькая Марія воскликнула:

— Ни за что не давай этой смѣси больнымъ. Горусъ Аполлонъ хочетъ отравить насъ, я увѣрена въ этомъ.

Между тѣмъ Іоганна осталась при своемъ убѣжденіи, что старикъ, не смотря на необъяснимую ненависть къ Паулѣ, все таки не дурной человѣкъ.

— Въ противномъ случаѣ, Филиппъ не уважалъ бы его, замѣтила съ своей стороны Пульхерія.—Еслибъ онъ былъ здѣсь, все вышло бы иначе.

Марія просидѣла съ обѣими хозяйками до сумерекъ, постоянно возвращаясь въ своемъ разговорѣ къ дамаскинкѣ. Вечеромъ онѣ узнали о пріѣздѣ Ѳомы, и снова стали надѣяться на помилованіе осужденной. Теперь, передъ разлукой, внучка мукаукаса имѣла благовидный предлогъ выказать своимъ покровительницамъ всю свою любовь; наконецъ, она сказала, что ей нужно заниматься съ Эвдоксіей, а такъ какъ сегодняшній урокъ особенно труденъ, то дѣвочка просила мать и дочь думать о ней и мысленно желать ей успѣха. Она бросилась на шею сначала къ Іоаннѣ, потомъ къ Пульхеріи и, видя, что у нихъ навертываются слезы, спросила:

— Не правда ли, какая я дурочка? Но потому-то именно меня и нужно пожалѣть!

Потомъ Марія заперлась съ гувернанткой въ своей комнатѣ. Прежде всего Евдоксія остригла ей прекрасные шелковистые локоны; невольныя слезы покатились изъ глазъ гречанки; онѣ полились еще обильнѣе, когда она вручила Маріи маленькій амулетъ: въ немъ хранился кусочекъ шерсти отъ овечьей шкуры, которую носилъ Іоаннъ Креститель. Эта святыня принадлежала еще матери Эвдоксіи, и старая дѣва никогда не разставалась съ ней; но теперь завѣтная ладонка должна была служить охраной ребенку и принести Маріи много счастья. Хотя амулетъ не сдѣлалъ особенно счастливою своей прежней обладательницы, однако она непоколебимо вѣрила въ его спасительную и благодатную силу.

Наконецъ, Марія стояла передъ гувернанткой съ остриженными волосами и въ мужскомъ платьѣ. Въ какого очаровательнаго мальчика обратилась она! Эвдоксія не могла досыта налюбоваться на свою воспитанницу. Но та казалась слишкомъ нѣжной и прелестной для мальчика; гречанка посовѣтовала ей хорошенько надвигать на глаза широкополую дорожную шляпу при встрѣчѣ съ посторонними, или даже, для большей безопасности, запачкать себѣ лицо.

Гамаліилъ, приходившій къ Іоаннѣ, дѣйствительно, съ цѣлью предостеречь ее отъ Горуса Аполлона, разсказалъ обо всемъ происшедшемъ на судѣ въ тотъ день. Великодушный поступокъ Паулы, взявшей на себя вину Оріона, еще болѣе возвысилъ ее въ глазахъ Маріи.

Теперь, при встрѣчѣ съ полководцемъ, она могла объяснить ему всѣ обстоятельства дѣла. Наступила минута отъѣзда, и малютка, въ сопровожденіи Эвдоксіи, вышла изъ сада на набережную рѣки. Тутъ она послала воздушный поцѣлуй своему любимому жилищу и его обитательницамъ, а потомъ указала, вздыхая, на владѣнія Сусанны и прибавила:

— Бѣдная Катерина, ее заперли въ зараженномъ домѣ! Знаешь, Эвдоксія, вѣдь я все таки люблю ее и, когда подумаю о томъ, что она можетъ схватить заразу и умереть... Но нѣтъ!... Попроси мать Іоганну и Пуль, чтобъ онѣ относились къ ней дружески. Завтра поутру ты передашь имъ мое письмо, и если сегодня вечеромъ онѣ будутъ очень тревожиться обо мнѣ, успокой ихъ и скажи, что ты знала обо всемъ, но меня нельзя было удержать. Я увѣрена, ты сдѣлаешь все, какъ слѣдуетъ, и утѣшишь ихъ.

Марія остановилась передъ открытой якобитской часовней, прося гречанку подождать ее, и стала на колѣна передъ распятіемъ. Веселая и спокойная вернулась она оттуда на улицу; когда онѣ подходили къ послѣднимъ домамъ города, Марія воскликнула:

— Не правда ли, Эвдоксія, какъ грѣшно съ моей стороны радоваться отъѣзду изъ Мемфиса? Я покидаю здѣсь дорогихъ друзей, а мнѣ такъ хорошо, точно птицѣ, вырвавшейся на волю! Боже милосердый, какъ пріятно ѣхать ношю по раздолью пустыни и черезъ горы, мчаться вдаль на быстроногомъ дромадерѣ и видѣть надъ своей головой не комнатный потолокъ, а синее небо съ безчисленными звѣздами! Какое счастье стремиться къ прекрасной цѣли съ важнымъ порученіемъ, какъ будто я уже взрослая! Развѣ это не чудесно? Если Богъ поможетъ намъ, и я найду полководца, и мнѣ удастся тронуть его сердце... тогда я буду самой счастливой дѣвушкой въ мірѣ! Не такъ ли, Эвдоксія?

Въ гостинницѣ Неспта онѣ нашли масдакита съ дромадерами и необходимой прислугой. Гречанка дала своей воспитанницѣ еще нѣсколько полезныхъ наставленій, послѣ чего благословила ее, какъ мать. Рустемъ схватилъ ребенка на руки, посадилъ на верблюда, тщательно поправилъ сѣдло, и маленькій караванъ тронулся въ путь. Марія долго махала платкомъ своей учительницѣ, неожиданно превратившейся въ подругу. Эвдоксія смотрѣла ей вслѣдъ, пока путешественники не скрылись въ ночной темнотѣ. Тогда она пошла домой, сначала тихо плача и понуривъ голову, но потомъ вытерла слезы, выпрямилась и стала подвигаться впередъ увѣренной походкой. Съ нею происходило что-то странное; гречанка чувствовала небывалый приливъ энергіи; ей было пріятно сознавать, что она дѣйствуетъ по собственной волѣ, а не по стѣснительнымъ предписаніямъ опостылѣвшей обязанности.

Эвдоксія была готова постоять за себя и доказать другимъ, что она поступила вполнѣ разумно. Отсутствіе Маріи во время ужина и передъ отходомъ ко сну встревожило хозяекъ. Гувернантка уклончиво отвѣчала на ихъ вопросы и не обижалась непріятными намеками. Она охотно приносила эту жертву своей любимицѣ.

Прочитавъ на другое утро письмо маленькой Маріи, Іоганна вышла изъ себя, не смотря на свою кротость, и принялась горько упрекать виновную. Въ другое время гречанка отвѣтила бы ей злыми, колкими словами, но теперь она терпѣливо молчала передъ хозяйкой дома. Къ полудню явился епископъ; онъ пріѣхалъ за дѣвочкой, чтобъ отправить ее въ монастырь. Исчезновеніе Маріи привело Іоанна въ страшный гнѣвъ; онъ грозилъ вдовѣ Руфинуса преслѣдованіемъ и увѣрялъ, что будетъ искать пропавшую по всему Египту. Когда взбѣшенный прелатъ удалился, гречанка только тутъ созналась, что покровительствовала отъѣзду воспитанницы, желая спасти ее отъ неволи въ стѣнахъ монастыря.

Неожиданно вспыхнувшая материнская любовь къ ребенку придала неотразимую убѣдительность ея рѣчи, и маленькая, добросердечная женщина, которая оскорбила вчера гречанку несправедливыми упреками, обвила теперь руками длинную, сухую фигуру гувернантки, называя ее славной, доброй дѣвушкой и прося извиненія за нанесенныя обиды.

Отправляясь спать въ тотъ вечеръ, Евдоксія чувствовала себя какъ будто переродившейся; ей казалось, что она снова обратилась въ беззаботную дѣвочку, рѣзвившуюся когда-то въ далекомъ родительскомъ домѣ съ родными братьями и сестрами.

XLVIII.

Наконецъ Паула узнала, какая страшная участь готовится ей. Епископъ сообщилъ объ этомъ заключенной, хотя и съ большими предосторожностями. Онъ все еще надѣялся помѣшать грѣховной, языческой мерзости, затѣянной жрецомъ Изиды. Дамаскинка, во всякомъ случаѣ, не могла оставаться дольше въ невѣдѣніи; передъ зданіемъ тюрьмы ежедневно сбирались мемфиты отдѣльными группами, требуя, чтобы имъ показали „невѣсту Нила“. Ихъ дикіе крики доносились до Паулы изъ-за высокой темничной ограды.

Иногда молодая дѣвушка слышала обращенныя къ ней восторженныя привѣтствія, но въ другой разъ толпа, накричавшись до потери голоса, выходила изъ терпѣнія и осыпала ругательствами невидимую затворницу. Возгласы: „невѣста Нила!“ не умолкали съ утра до ночи.

Дочь Ѳомы встревоженно спрашивала тюремщика, что̀ это значитъ; но онъ уклонялся отъ отвѣтовъ и былъ очень радъ, когда епископъ объяснилъ ей причину уличныхъ безпорядковъ. Роковая вѣсть сначала страшно потрясла Паулу; но прелатъ старался поддержать въ ней надежду на спасеніе, и молодая дѣвушка сохраняла бодрость, чтобы ея больной отецъ не могъ догадаться объ ужасной истинѣ. Днемъ она была еще сравнительно спокойна, тогда какъ ночью возбужденный мозгъ рисовалъ ей мучительныя картины, отъ которыхъ отчаянье закрадывалось въ ея душу. Несчастная заключенная видѣла себя посреди бѣснующейся черни: ее тащили къ рѣкѣ и бросали въ нильскія волны передъ глазами тысячной толпы. Отъ этихъ убійственныхъ галлюцинацій не могли избавить Паулу ни молитва, ни доводы разума, ни

письма Оріона, исполненныя нѣжной любви. Епископъ приходилъ въ тюрьму почти ежедневно; кромѣ него, дамаскинку навѣщали преданные друзья.

Тюремщикъ впускалъ ихъ въ ея келью при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ числѣ посѣтителей Паулы находился также сенаторъ Юстинъ и его жена Мартина. Къ счастью для себя, они немедленно оставили домъ вдовы Сусанны, какъ только заболѣли рабы, находившіеся при купальнѣ. Освобожденный изъ плѣна больной Нарзесъ остался въ зараженномъ жилищѣ. Онъ и Эліодора не успѣли выѣхать оттуда, какъ захворала сама хозяйка; послѣ этого, начальство города распорядилось никого не выпускать изъ ея дома. Сенаторская чета снова перешла въ гостинницу Зострата. Эліодорѣ, можетъ быть, посчастливилось бы выбраться на свободу, однако эта добрая душа ни за что на свѣтѣ не соглашалась покинуть своего несчастнаго деверя, потому что его страданія облегчались только ея присутствіемъ. Онъ не хотѣлъ принимать пищи изъ другихъ рукъ и не могъ переносить, чтобы кто нибудь, кромѣ невѣстки, дежурилъ у его постели. Этотъ—когда-то бодрый и сильный—воинъ во время болѣзни сдѣлался похожъ на покойнаго мужа Эліодоры, что особенно располагало къ нему вдову; кромѣ того, юноша мало по малу признался, что давно любилъ ее, но скрывалъ свое чувство ради брата. Молодая женщина неутомимо ухаживала за нимъ, оставаясь на ногахъ цѣлые дни и ночи. Желаніе спасти ему жизнь поглощало ее теперь, и она стала равнодушнѣе относиться ко всему остальному. Сенаторъ Юстинъ сообщилъ племянницѣ, что Оріонъ питаетъ къ Паулѣ глубокую страсть. Это было тяжелымъ ударомъ для сердца гречанки, однако бѣдняжку поддерживала мысль, что сынъ мукаукаса промѣнялъ ее на дѣвушку съ исключительными достоинствами. Въ минуты тоски она оплакивала любимаго человѣка, но забота о больномъ отвлекала вдову отъ безплодныхъ сожалѣній.

Что касается Катерины, то она относилась теперь съ большимъ участіемъ къ прежней соперницѣ. Послѣ матери, Эліодора сдѣлалась главнымъ предметомъ ея безпокойства. Малѣйшій намекъ на нездоровье той или другой изъ нихъ страшно пугалъ дѣвушку. Если Сусанна, изнемогая отъ жары, бросалась на диванъ или молодая гостья жаловалась на свои обычныя головныя боли, вслѣдствіе безсонныхъ ночей у постели Нарзеса, Катерина блѣднѣла отъ невыносимаго сердцебіенья. Мать и Эліодора тотчасъ представлялись ей больными заразой, съ ужасными багровыми пятнами на лбу и щекахъ, съ пылающей головой и помутившимся взглядомъ. Въ эти минуты она снова чувствовала непріятное давленіе на головѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежала рука умиравшаго Плотина.

Со дня ареста Паулы, жена сенатора сильно измѣнила свое обращеніе съ Катериной. Дочь Сусанны читала нѣмой укоръ въ ея взглядѣ и была довольна, когда почтенные супруги оставили наконецъ ихъ домъ. Но едва они уѣхали, какъ на смѣну явилась страшная гостья—зараза. Невольникъ, топившій печи въ комнатѣ для купанья, пожалѣлъ уничтожить зараженное платье

и спряталъ его. Кромѣ того, кормилица Катерины, мать Ан
находилась при ней тотчасъ послѣ возвращенія отъ воро
больнаго епископа. Всѣ трое заболѣли одновременно и бы
часъ отправлены въ новое помѣщеніе для заразныхъ близ
крополя; но старшій истопникъ и кормилица умерли дорого

— Удалилась ли вмѣстѣ съ ними изъ дому и страшная
демія? съ ужасомъ спрашивала себя Катерина. Если нѣт
теперь наступила очередь заболѣть сначала Эліодорѣ, а пот
матери! Лучше бы зараза пощадила ихъ и свела въ могил
виновницу несчастья! Дочь Сусанны была еще молода, но
ненавидѣла жизнь, которая приносила ей теперь одни унич
разочарованія и обиды, достигавшія до молодой дѣвушки
изъ-за высокой тюремной стѣны. Мучительный смертельный ст
не давалъ ей покоя ни днемъ, ни ночью.

Городской врачъ, пришедшій навѣстить больныхъ нево
ковъ, разсказалъ мимоходомъ, что судьи приговорили къ см
дочь Ѳомы, а народъ, при содѣйствіи сената, хочетъ, по ста
ному обычаю, принести ее въ жертву разгнѣванному Нилу.
старанія епископа образумить мемфитовъ остаются напрасн
Судьба Оріона будетъ рѣшена только на слѣдующій день
якобиты сильно негодуютъ на него за то, что сынъ мука
выбралъ себѣ въ невѣсты мелхитку.

При этихъ словахъ, Катеринѣ пришлось схватиться за сп
кресла, на которомъ сидѣла ея мать; у нея подгибались
лѣни. Она осадила разспросами врача, вся раскраснѣвши
едва сдерживая свою мучительную тревогу. Кончилось тѣм,
тотъ потерялъ терпѣнье и поспѣшилъ уйти, проклиная въ д
праздное любопытство женщинъ.

— Итакъ, ненавистная соперница во всеуслышаніе об
лена невѣстой Оріона, но все равно:—Паула не избѣжитъ ужа
участи и не достанется своему жениху! Эта мысль обдала К
рину горячей, живительной волной; ей хотѣлось разсмѣя
громкимъ, злорадным смѣхомъ и перецѣловать всѣхъ при
ствовавшихъ. Мщеніе, задуманное дочерью Сусанны, превз
самыя смѣлыя ожиданія дѣвушки, и она испытывала тепер
съ чѣмъ несравнимое блаженство; то былъ адскій цвѣтокъ
съ блестящими лепестками и одуряющимъ запахомъ. Между т
его яркія краски ослѣпляли, а крѣпкій ароматъ вскорѣ сдѣл
отвратительнымъ. Катерина ужаснулась самой себя, но все
ей хотѣлось радостно вскрикнуть всякій разъ, когда въ ея
ловѣ мелькала мысль о близкой гибели дамаскинки.

Вдова Сусанна, не шутя, встревожилась за дочь: ея глаз
рѣли такимъ страннымъ огнемъ, а по тѣлу пробѣгали судо
ныя движенія.

Между тѣмъ Эліодора приняла извѣстіе о помолвкѣ Оріо
Паулы съ непонятнымъ спокойствіемъ; съ той минуты пы
Катерина почувствовала къ ней презрѣніе. Изъ-за этой нич
ной женщины она покушалась на убійство и подвергла опасн
жизнь родной матери! Здѣсь было отъ чего прійти въ отча
Цѣлуя дочь передъ отходомъ ко сну, Сусанна пожаловалас

легкую боль въ горлѣ, и губы ея какъ будто немного припухли. Испуганная Катерина не пустила ея отъ себя, стала разспрашивать дрожащимъ голосомъ, поднесла свѣчу къ ея лицу и, притаивъ дыханіе, отыскивала на немъ страшныхъ пятенъ, но ихъ нигдѣ не оказалось. Сусанна пошутила надъ боязливостью дочери и успокоивала ее, говоря, что мнительные люди скорѣе заболѣваютъ эпидемическими болѣзнями.

Ночью дѣвушка не могла заснуть; она не радовалась больше гибели Паулы; только однѣ мучительныя мысли и страшныя видѣнія осаждали ее наяву и въ полуснѣ. На разсвѣтѣ, тревога Катерины до того усилилась, что она вскочила и бросилась въ комнату матери,—та крѣпко спала. Успокоившись немного, дочь вернулась назадъ. Едва наступилъ день, ея опасеніе оправдалось: Сусанна не могла встать съ постели; у нея была лихорадка, а на губахъ, касавшихся зараженныхъ локоновъ дочери, дѣйствительно показались ужасныя пятна.

Пришедшій врачъ подтвердилъ догадки окружающихъ. Роскошную виллу заперли. Докторъ и сама больная, въ полной памяти, настоятельно требовали, чтобы Катерина перешла въ домикъ садовника, но она объявила, что скорѣе умретъ, чѣмъ покинетъ мать.

Внѣ себя отъ горя, молодая дѣвушка бросилась къ больной, порываясь поцѣловать багровыя пятна возлѣ рта, чтобы заразиться самой. Врачъ насильно оттащилъ ее прочь, а мать побранила Катерину, смотря на свое дорогое дитя влажными отъ слезъ глазами. Такимъ образомъ, дочь осталась при матери; двѣ монахини помогали Катеринѣ въ уходѣ за нею. Безпримѣрное самоотверженіе дѣвушки поражало даже ихъ, привыкшихъ къ самымъ потрясающимъ сценамъ.

Епископъ Іоаннъ, не боявшійся посѣщать зараженныхъ больныхъ, также, въ свою очередь, хвалилъ поведеніе Катерины; до сихъ поръ онъ видѣлъ въ ней только веселаго, бойкаго ребенка, теперь же она внушала ему уваженіе, какъ взрослая, и онъ охотно вступалъ съ ней въ разговоръ, подробно отвѣчая на ея вопросы, преимущественно о Паулѣ. Пораженный великодушіемъ несчастной дамаскинки, прелатъ разсказалъ, какъ она, желая спасти возлюбленнаго, приняла на себя вину, которая лишала ее всякаго права на помилованіе.

— Хотя дочь Ѳомы была мелхиткой, но дойти до такого самопожертвованія могъ только истинный послѣдователь Христа, сказалъ онъ.

Катерина презрительно пожала плечами. Епископъ понялъ ея мысль и ласково предостерегъ молодую дѣвушку отъ излишняго самомнѣнія.

Іоаннъ удалился, а дочь Сусанны почувствовала жестокіе упреки совѣсти; всякая похвала ея самоотреченію звучала для Катерины горькой ироніей, но все таки она не заслуживала упрека въ гордости, потому что въ этой тихой комнатѣ, гдѣ на порогѣ стояла смерть, несчастная дѣвушка постоянно думала о своемъ преступленіи, повторяя себѣ, что она—самая ужасная изъ грѣшницъ.

Ей нерѣдко хотѣлось открыть передъ кѣмъ нибудь свою душу, она охотно исповѣдала бы свой грѣхъ почтенному епископу, чтобъ онъ наложилъ на нее самый трудный подвигъ покаянія, но Катерину удерживалъ стыдъ, и жажда мести по прежнему бушевала въ ея груди. Прелатъ, конечно, потребуетъ отъ нея, чтобъ она уничтожила всякую связь съ преступнымъ прошлымъ, вырвала съ корнемъ изъ сердца прежнія чувства и желанія; для дочери Сусанны это было пока немыслимо. Любовь и ненависть слишкомъ срослись съ ея душой; ей хотѣлось прежде насладиться своимъ мщеніемъ, видѣть гибель соперницы и доказать Оріону, что она любитъ его также глубоко, сильно и самоотверженно, какъ и дочь Ѳомы. Когда онъ, наконецъ, вполнѣ сознаетъ свою ошибку и свою страшную вину передъ нею и горько раскается въ нихъ, только тогда Катерина согласна примириться со своей совѣстью, съ церковью и съ Богомъ, хотя бы ей пришлось провести остатокъ молодой жизни въ монастырской власяницѣ, въ тиши убогой кельи, или отшельницей въ уединенной скалистой пещерѣ.

Дочь Сусанны готова была покориться какой угодно безотрадной участи, но для нея было невыносимо видѣть торжество соперницы и незамѣтно сойти со сцены, не заявивъ о себѣ ничѣмъ такимъ, что могло бы поставить ее высоко въ глазахъ Оріона. Нѣтъ, лучше погубить свое тѣло и душу, лучше отдаться сатанѣ и вытерпѣть всѣ муки ада, въ которыя она вѣрила также твердо, какъ и въ свое собственное существованіе.

Проходили дни за днями. Зловѣщая сыпь распространялась по тѣлу больной; лихорадка усиливалась. Между тѣмъ „мотылекъ", ухаживая за своей матерью, не переставала слѣдить за приготовленіями къ казни. Слухи о ней наполняли Катерину ужасомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невольнымъ восторгомъ; она жадно разспрашивала епископа о дамаскинкѣ, объ ея умирающемъ отцѣ и объ Оріонѣ.

Маленькая Марія не появлялась болѣе въ сосѣднемъ саду; бывшая подруга тревожилась о ней, пока не узнала, что дѣвочка скрылась, желая избѣжать затворнической жизни за монастырской стѣной.

Эліодора, удалившаяся съ Нарзесомъ въ домикъ садовника, была совершенно здорова. Катерина умоляла провидѣніе пощадить молодую женщину и не допустить ее сдѣлаться убійцей родной матери. Дѣвушку особенно мучила гибель Руфинуса и стольких невинныхъ людей, потерявшихъ жизнь по ея винѣ.

Такъ тянулись страшные, мучительные дни и ночи. Узники, попавшіе въ тюрьму, благодаря предательству Катерины, были счастливѣе ея, не смотря на ужасъ ихъ положенія. Оріонъ жестоко страдалъ за Паулу; назначенный день казни приближался и это сводило съ ума несчастнаго юношу. Наконецъ, тюремщикъ, сенаторъ Юстинъ и епископъ сообщили ему, что послѣ завтра совершится чудовищная свадьба. Послѣ завтра дамаскинку украсятъ для проклятаго языческаго торжества, уберутъ, какъ невинную жертву, цвѣтами и сочетаютъ не съ любимымъ женихомъ, а

съ могучимъ Ниломъ, съ холодной, убійственной стихіей. Были минуты, когда Оріонъ метался, какъ безумный, по своей кельѣ, обрывая струны лютни, когда ему хотѣлось облегчить себя игрою, но тутъ изъ сосѣдней комнаты раздавался голосъ казначея Нилуса, который уговаривалъ его не терять надежды на Бога, исполняя свой долгъ. И сынъ мукаукаса снова принимался за работу, стараясь не падать духомъ.

Онъ могъ работать день и ночь, такъ какъ сенаторъ принялъ мѣры, чтобъ узникъ не имѣлъ недостатка въ освѣщеніи. Когда усталость брала свое, Оріонъ бросался на жосткую постель, а потомъ, послѣ недолгаго сна, снова разбиралъ свои планы и списки; обдумывалъ, чертилъ, дѣлалъ вычисленія, когда сомнѣвался въ чемъ нибудь, а не то стучалъ въ стѣну къ сосѣду, и его мудрый, опытный другъ никогда не отказывалъ юношѣ въ полезномъ совѣтѣ. Сенаторъ съѣздилъ для него въ Арсиною, чтобы достать изъ тамошняго архива нужныя справки о приморской области; такимъ образомъ, важная работа приходила къ концу, укрѣпляя мужество Оріона и поддерживая въ немъ вѣру въ свои силы. Иногда онъ забывалъ на цѣлые часы о томъ, что могло повергнуть въ отчаяніе самаго храбраго человѣка. Какъ только въ его комнату приходилъ тюремщикъ, сенаторъ съ своей доброй женой, Мартина, Іоанна или гречанка Эвдоксія, сопровождавшая иногда вдову Руфинуса, узникъ посылалъ ихъ съ письменными или устными порученіями къ Паулѣ, отдавая ей отчетъ въ ходѣ своихъ работы. Она съ искренней радостью слѣдила за успѣхами его труда, и каждый знакъ вниманія со стороны юноши подкрѣплялъ ее въ минуту мрачнаго унынія.

Не одинъ страхъ передъ ужасной казнью терзалъ сердце дамаскинки: ея отецъ, съ которымъ она едва успѣла свидѣться послѣ долгой, безотрадной разлуки, быстро угасалъ на рукахъ дочери. Больныя, израненныя легкія отказывались ему служить; только съ большимъ трудомъ и болью могъ онъ проглатывать нѣсколько капель вина и немного пищи. Въ послѣдніе дни сознаніе по временамъ оставляло его; Паула почти радовалась этому, и друзья соглашались съ нею. До больнаго доносились возгласы: „да здравствуетъ невѣста Нила!“ „покажите намъ невѣсту Нила!“ „долой невѣсту Нила!“ Хотя умирающій не понималъ значенія этого крика, но прислушивался къ нему съ какимъ-то страннымъ удовольствіемъ и повторялъ про себя въ бреду, то нѣжно, то задумчиво: „невѣста Нила“. Паула съ ужасомъ прислушивалась къ его словамъ.

Ей не разъ приходило въ голову покончить съ собой прежде, чѣмъ ее выставятъ на показъ всему народу. Но имѣла ли она право прекратить свою жизнь, вмѣсто того, чтобы положиться на Бога, къ которому обращалась ежечасно съ нѣмыми, пламенными мольбами? Нѣтъ! До послѣдней минуты ей нужно надѣяться на милость божію. И странно: всякій разъ, когда ея терпѣніе истощалось, происходило что нибудь такое, что снова подкрѣпляло заключенную. Это было: то посланіе отъ Оріона, то приходъ Іоганны или Пульхеріи, то бесѣда съ епископомъ или съ отцомъ,

который на время приходилъ въ сознаніе. Сенаторъ Юстинъ съ женою почти ежедневно посѣщали Паулу и всегда умѣли развлечь дѣвушку; Мартина въ особенности обладала даромъ читать въ ея сердцѣ. Одинъ разъ она захватила съ собой письмо Эліодоры. Вдова писала теткѣ, что уходъ за дорогимъ больнымъ далъ совершенно иное направленіе ея мыслямъ. Нарзесъ постепенно выздоравливалъ. Эліодора думала только о томъ, чтобы окончательно возстановить его силы и, по возможности, скрасить жизнь этого несчастнаго. Оріонъ представлялся ей теперь не больше, какъ милымъ видѣніемъ прошлаго.

Такъ проходило время для заключенной, и, наконецъ, только двѣ ночи отдѣляли ее отъ праздника святаго Сераписа, когда предстояло совершиться неслыханной свадьбѣ. Къ вечеру Паулу навѣстилъ епископъ: онъ счелъ своимъ долгомъ сообщить ей, что казнь назначена на послѣ завтра. Іоаннъ все еще твердо надѣялся, что Богъ не допуститъ такого кощунства и безчеловѣчнаго насилія, хотя мемфиты не слушались больше своего пастыря. Во всякомъ случаѣ, прелатъ не хотѣлъ покидать осужденной и рѣшилъ проводить ее къ мѣсту казни. Уваженіе къ высокому сану епископа могло послужить защитой невинной жертвѣ. Въ заключеніе, Іоаннъ обѣщалъ заботиться о больномъ префектѣ до самой его смерти, а также исполнить всѣ прочія распоряженія Паулы. Она давно ожидала своей ужасной участи, стараясь примириться съ неизбѣжнымъ, но все таки роковая вѣсть сразила дамаскинку, какъ ударъ молніи. Дѣвушка упала въ объятія вѣрной Бетты и замерла у нея на груди. Прошло нѣсколько минутъ, пока она опомнилась и могла поблагодарить епископа.

Іоаннъ былъ потрясенъ этой тяжелой сценой. Онъ горько сожалѣлъ о невозможности оказать заключенной дѣйствительную помощь. Отвѣтъ патріарха на его жалобу не оправдалъ ожиданій епископа. Хотя Веніаминъ строго осуждалъ нечестивое жертвоприношеніе, но въ такомъ духѣ, что его пастырское посланіе не могло напугать еретиковъ, обратившихся къ языческому соблазну. Однако, прелатъ все еще хотѣлъ испытать, какое дѣйствіе произведетъ увѣщаніе патріарха на мемфитовъ, и велѣлъ снять съ него нѣсколько копій; завтра поутру имъ предстояло появиться въ сенатѣ, на городской площади и на стѣнахъ общественныхъ зданій, хотя Іоаннъ сомнѣвался, чтобы эта мѣра могла образумить жителей города.

— Въ такомъ случаѣ, помоги мнѣ приготовиться къ смерти, глухо замѣтила Паула.—Ты принадлежишь къ другому вѣроисповѣданію, но я уважаю тебя, какъ достойнѣйшаго служителя алтаря. Если ты отпустишь мнѣ грѣхи во имя Христово, то и святая церковь разрѣшитъ меня отъ нихъ. Мы смотримъ на Спасителя иными глазами, но Онъ остается всегда одинъ и тотъ же.—Тутъ ревностный якобитъ былъ уже готовъ вступить въ религіозный споръ, однако одумался во время. Настоящая минута не допускала никакихъ догматическихъ пререканій и потому онъ сказалъ только:

— Я слушаю тебя; говори, дочь моя.

И Паула открыла передъ нимъ всю свою душу, какъ будто Іоаннъ былъ ея единовѣрцемъ. Глаза прелата сдѣлались влажны отъ слезъ, когда онъ выслушивалъ исповѣдь этой чистой, любящей дѣвушки, которая до конца осталась вѣрна своимъ возвышеннымъ идеаламъ. Потомъ епископъ далъ ей отпущеніе грѣховъ, произнесъ: „аминь!“ и благословилъ осужденную. Ему оставалось теперь уйти, но онъ медлилъ, обдумывая что-то и опустивъ глаза въ землю. Вдругъ Іоаннъ сказалъ дамаскинкѣ: „иди за мною!“

— Куда? съ испугомъ спросила Паула; ей показалось, что духовникъ готовится проводить ее на мѣсто казни или до набережной Нила, гдѣ безпощадныя волны ждутъ своей жертвы.

Однако прелатъ отвѣчалъ, грустно улыбаясь:

— Нѣтъ, дитя мое! Сегодня я хотѣлъ быть вѣстникомъ радости для тебя и благословить твой союзъ съ Оріономъ, если ты поклянешься мнѣ не отвращать своего жениха отъ отеческой вѣры, а вѣдь любовь къ женщинѣ можетъ довести мужчину до ослѣпленія. Если ты согласна на это условіе, я поведу тебя къ сыну мукаукаса.

Онъ постучался въ дверь темничной кельи и, когда тюремщикъ отворилъ, епископъ отдалъ ему шопотомъ какой-то приказъ. Дамаскинка молча слѣдовала за Іоанномъ съ пылающимъ лицомъ; нѣсколько секундъ спустя, она лежала въ объятіяхъ возлюбленнаго. Тутъ впервые а, можетъ быть, и въ послѣдній разъ въ жизни ихъ губы слились въ горячій поцѣлуй.

Прелатъ оставилъ ихъ на короткое время вдвоемъ; потомъ, благословивъ обрученныхъ, отвелъ Паулу обратно въ ея келью. Здѣсь она едва успѣла поблагодарить его, какъ за нимъ пришли изъ дома вдовы Сусанны: она была при послѣднемъ издыханіи. Іоаннъ тотчасъ же отправился туда. Дамаскинка съ волненіемъ провожала его глазами. Наконецъ, она бросилась въ объятія кормилицы и воскликнула:

— Ну, теперь будь, что будетъ. Никто не можетъ больше разлучить меня съ Оріономъ, даже сама смерть!

XLIX.

БИБЛІОТЕКА

Епископъ явился слишкомъ поздно. Онъ засталъ только трупъ вдовы, а у изголовья смертнаго одра—маленькую Катерину, смертельно блѣдную, нѣмую, убитую горемъ. Іоаннъ ласково заговорилъ съ ней, стараясь утѣшить осиротѣвшую дѣвушку, но она оттолкнула его, вырвалась и убѣжала изъ комнаты. Бѣдное дитя! Прелатъ видѣлъ многихъ дочерей у гроба матери, но такая мрачная печаль была для него новостью. — Вѣроятно, эти двѣ человѣческія души были соединены слишкомъ крѣпкими узами, подумалъ онъ, и потому смерть одной изъ нихъ такъ поразила другую.

Между тѣмъ Катерина убѣжала въ свою комнату и упала на диванъ. Ея нѣжное тѣло, не смотря на жару, вздрагивало отъ озноба. Можетъ быть, у нея также обнаруживались симптомы

заразы? Но нѣтъ, это было бы слишкомъ большою милостью судьбы. Бѣдная мать умерла, и причиной ея смерти была родная дочь. Болѣзнь открылась прежде всего на губахъ Сусанны; это было первымъ подтвержденіемъ ужасной истины. Кромѣ того, врачъ нѣсколько разъ выражалъ удивленіе, какимъ образомъ эпидемія могла проникнуть въ совершенно здоровый кварталъ, и обнаружиться въ домѣ, который содержался въ такой безукоризненной чистотѣ. Катерина знала лучше всѣхъ, кто ввелъ сюда ангела смерти изъ желанія погубить соперницу. Слово „матереубійца“ постоянно звучало въ ея ушахъ, и она припомнила, что въ законѣ предковъ не было назначено никакого наказанія убійцамъ собственныхъ родителей, потому что древніе не допускали такого гнуснаго преступленія.

Презрительная улыбка появилась на губахъ дѣвушки. Всѣ божескіе и человѣческіе законы были давно нарушены ею, она не почитала Господа, прибѣгала къ колдовству убивала. Родная мать сошла черезъ нее въ могилу, а между тѣмъ, по словамъ врача Филиппа, заповѣдь о почитаніи родителей—единственная, за исполненіе которой обѣщана награда,—гласитъ одно и то же, какъ на моисеевыхъ скрижаляхъ, такъ и въ законѣ ея предковъ.

Эти мучительныя размышленія еще больше усилили смертельный ужасъ Катерины; нервная дрожь по прежнему подергивала ея члены, и она стала ходить по комнатѣ, отыскивая оправданія своимъ поступкамъ. Во-первыхъ, ей хотѣлось заразить эпидеміей не мать, а Эліодору; почему же коварная судьба?.. Тутъ ея мысли были прерваны приходомъ молодой женщины. Узнавъ печальную вѣсть, она поспѣшила къ осиротѣвшей Катеринѣ, чтобы утѣшить ее и помочь въ неизбѣжныхъ хлопотахъ. Племянница Мартины съ любовью обратилась къ дѣвушкѣ, но этотъ нѣжный, мелодичный голосъ напомнилъ Катеринѣ тотъ часъ, когда она вошла въ спальню Эліодоры, только что вернувшись отъ умирающаго Плугина. Византійка хотѣла привлечь ее къ себѣ, но дочь Сусанны уклонилась отъ ласковыхъ объятій и рѣзко замѣтила, что къ ней нельзя прикасаться безъ опасенія заразы. Она не нуждается въ утѣшеніяхъ и желаетъ только остаться одна. Ея слова звучали жестко и непривѣтливо; когда же за Эліодорой затворилась дверь, Катерина злобно посмотрѣла ей вслѣдъ. Почему смерть пощадила эту женщину и выбрала своей жертвой существо, безконечно дорогое для нея?Мать, какъ живая, предстала Катеринѣ; дѣвушка снова пошла въ ея спальню и упала ницъ передъ постелью покойницы. Но и здѣсь ей было невыносимо тяжело; она вышла въ садъ и посѣтила каждое мѣстечко, гдѣ онѣ сиживали съ матерью, но въ зеленой чащѣ раздавался какой-то подозрительный трескъ, а деревья и кустарники отбрасывали отъ себя такія причудливыя тѣни, что дѣвушкѣ стало жутко, и она поспѣшила выйти опять на солнечный свѣтъ.

Когда Катерина хотѣла вернуться домой, ей встрѣтился Анубисъ. Бѣдный проказникъ! И онъ сдѣлался калѣкой черезъ нее, а его мать умерла отъ заразы! Мальчикъ заговорилъ съ ней, ражая сочувствіе ея горю. Катерина не прогнала его

завела съ нимъ такой странный разговоръ, что Анубисъ подумалъ, не омрачился ли у нея разсудокъ отъ сильнаго потрясенія. Напримѣръ, она совершенно неожиданно спросила его, какъ велико ихъ состояніе. Анубисъ, служившій въ казначействѣ, могъ приблизительно опредѣлить цифру доходовъ вдовы Сусанны. Его отвѣтъ до того поразилъ молодую госпожу, что она всплеснула руками, и воскликнула:

— Неужели такое царское богатство можетъ принадлежать частному лицу?

Въ заключеніе „мотылекъ“ освѣдомилась, знаетъ ли Анубисъ, какъ составлять завѣщаніе, и получила отъ него утвердительный отвѣтъ. Познакомившись подробно съ формой этого документа, она узнала, что подпись завѣщателя дѣйствительна лишь въ томъ случаѣ, когда ее подтвердятъ свидѣтели. Юноша напомнилъ Катеринѣ, что она еще слишкомъ молода и ей рано думать о предсмертныхъ распоряженіяхъ.

— Почему? спросила дочь Сусанны. Развѣ Паула много старше меня?

— Конечно, согласился мальчикъ,—но вѣдь завтра дамаскинку утопятъ въ рѣкѣ. Теперь всѣ называютъ ее „невѣстой Нила“.

Злая усмѣшка снова мелькнула на губахъ Катерины, но она тотчасъ сдѣлалась опять серьезной и прямо пошла домой.

На крыльцѣ Анубисъ робко спросилъ, нельзя ли ему еще разъ взглянуть на покойную госпожу. Катерина не хотѣла позволить своему молочному брату приблизиться къ зараженному трупу, но онъ гордо возразилъ:

— Если ты не боишься умереть, то и я не трусливѣе тебя.

Тѣло Сусанны лежало обмытое и красиво убранное для погребенія. Катерина съ жаромъ поцѣловала руку матери. Анубисъ приложился губами къ тому же мѣсту, котораго коснулись губы любимой имъ дѣвушки. Потомъ онъ сѣлъ у катафалка и оставался тутъ, пока молодая госпожа не отослала его прочь. Передъ полуднемъ опять явился епископъ—благословить усопшую. Онъ нашелъ ее всю обложенную великолѣпными цвѣтами. Катерина снова побывала въ саду, гдѣ собственноручно срѣзала самые красивые и рѣдкіе цвѣты.

Ее утѣшала возможность сдѣлать хотя что нибудь для матери. Между тѣмъ, все окружающее казалось дѣвушкѣ еще невыносимѣе днемъ, чѣмъ ночью. Она находила свой домъ какимъ-то громаднымъ, грубымъ, неуклюжимъ; каждый уголъ въ немъ грозилъ ей невѣдомыми опасностями, напоминалъ о какомъ нибудь поступкѣ, котораго приходилось стыдиться. Ей казалось, что всѣ, кто смотрѣлъ на нее, точно подозрѣвали ее въ злодѣйствѣ; колонны большой парадной залы, куда вынесли покойницу, какъ будто колебались на своихъ подножіяхъ, а потолокъ угрожалъ рухнуть и задавить преступную дочь. Она совершенно невпопадъ отвѣчала епископу. Онъ подумалъ, что бѣдная малютка не можетъ опомниться отъ своего удара. Желая дать другое направленіе ея мыслямъ, Іоаннъ сталъ разсказывать о Паулѣ; онъ думалъ, что между обѣими дѣвушками существовала искренно

дружба, и сообщилъ ей о вчерашнемъ обрученіи въ стѣнахъ тюрьмы.

Черты Катерины до того исказились въ эту минуту, что прелатъ испугался. Въ ея душѣ происходила жестокая борьба, ея глаза горѣли недобрымъ огнемъ, грудь судорожно вздымалась и опускалась отъ прерывистаго дыханія.

— Но вѣдь дамаскинку все таки принесутъ въ жертву Нилу? съ трудомъ спросила, наконецъ, дочь Сусанны.

Епископъ приписалъ ея волненіе ужасу передъ страшной казнью подруги и сочувственнымъ тономъ сказалъ:

— Я не въ силахъ буду удержать этихъ богоотступниковъ отъ ихъ безчеловѣчной затѣи, но все таки прибѣгну къ послѣднему средству. Патріархъ въ своемъ письмѣ строго осуждаетъ этотъ языческій соблазнъ, и сегодня копіи съ пастырскаго посланія будутъ разосланы по всему городу. Я самъ прочту его въ Куріи, растолкую булевтамъ и постараюсь образумить непокорныхъ. Не хочешь ли прочитать письмо Веніамина?

Катерина съ живостью согласилась. Епископъ кивнулъ аколюту, принесшему за нимъ церковныя принадлежности; тотъ немедленно вынулъ изъ пакета листъ папируса и подалъ дѣвушкѣ. Оставшись одна, она пробѣжала его глазами сначала довольно разсѣянно, потомъ внимательнѣе и, наконецъ, совершенно потрузилась въ чтеніе. Ея глаза блестѣли, дыханіе сдѣлалось быстрѣе, какъ будто въ этой рукописи было что-то, близко касавшееся собственной участи одинокой сироты.

Въ залу вошли погребальщики, а Катерина все еще не отрывала глазъ отъ папируса. Шумъ незнакомыхъ шаговъ заставили ее опомниться; она вскочила съ мѣста, осмотрѣлась и стала прощаться съ покойницей; но и тутъ дѣвушка не могла выронить ни одной слезы, хотя сердце ея разрывалось отъ горя при видѣ бездыханной матери. заботливо лелѣявшей ея золотое дѣтство и счастливую юность.

Теперь она не чувствовала больше упрековъ совѣсти; ей казалось, что смерть не прервала общенія между нею и покойницей, что, послѣ короткой разлуки, имъ предстоитъ свиданіе, можетъ быть, скоро, можетъ быть, даже завтра, и тогда Катерина выскажется передъ матерью съ такою откровенностью, какая невозможна и для самыхъ близкихъ людей по эту сторону гроба. Душа матери, освободившись отъ земныхъ оковъ, вполнѣ пойметъ все то, что было выстрадано дочерью, что довело ее до преступленія. Тамъ Сусанна, пожалуй, осудитъ Катерину строже, чѣмъ на землѣ, но зато сильнѣе прижметъ ее къ сердцу и утѣшитъ. Наклонившись къ трупу, она прошептала матери на ухо, какъ живой: „Погоди, я приду къ тебѣ скоро и тогда разскажу обо всемъ“. Потомъ дочь цѣловала умершую до того безстрашно и нѣжно, что монахини въ ужасѣ оттащили ее отъ покойницы, и приказали носильщикамъ поскорѣе заколотить гробъ.

Когда гробовая крышка опустилась надъ Сусанной, осиротѣвшая дочь въ первый разъ горько зарыдала. Только тутъ ей вполнѣ сознательно представился весь ужасъ невознаградимой потери и

собственное горькое одиночество. Послѣ того, Катерина не видѣла и не слышала больше, что̀ дѣлали чужіе люди съ дорогимъ трупомъ; когда она отняла руки отъ заплаканнаго лица, домъ богатой вдовы Сусанны опустѣлъ; тѣло его хозяйки отнесли въ ближайшій пріютъ для зачумленныхъ. Законъ запрещалъ оставлять покойниковъ въ ихъ жилищахъ на долгое время, и похороны умершихъ отъ эпидеміи происходили ночью; родная дочь не смѣла проводить свою мать на кладбище.

Катерина пошла къ себѣ въ комнату, понуривъ голову, и выглянула оттуда въ садъ. Все это теперь принадлежало ей; она могла свободно распоряжаться всѣмъ, какъ прежде распоряжалась своими птицами, собачками и золотыми украшеніями, лежавшими на туалетномъ столикѣ. Одно слово, одно движеніе руки богатой послѣдницы могло осчастливить сотни людей, но для нея самой было немыслимо никакое счастье. Стоило ли ей расти, достигать полной самостоятельности, полной зрѣлости ума и такого громаднаго могущества только для того, чтобы чувствовать себя безконечно жалкой и безсильной? Къ чему ей вся эта царственная роскошь? Она не можетъ утолить ея тоски, уменьшить ея необъятное горе!

Прощаясь съ матерью, она дала ей торжественное обѣщаніе. Душа Катерины неудержимо стремилась исполнить данный обѣтъ; письмо патріарха послужило ей неожиданнымъ откровеніемъ. Молодая дѣвушка опять принялась перечитывать его. Сначала Веніаминъ строго осуждалъ предпріятіе мемфитовъ, отступившихъ отъ истинной вѣры. По его словамъ, смерть Іисуса Христа сдѣлала не нужными всякія человѣческія жертвы. Подобные жестокіе обряды не должны совершаться въ христіанскихъ странахъ, потому что они представляютъ собою страшный богопротивный проступокъ. Языческіе боги были созданы по образу слабыхъ и грѣшныхъ людей, порабощенныхъ собственною плотью, и такіе кумиры требовали себѣ жертвъ. „Но нашъ Господь,—продолжалъ дальше Веніаминъ — настолько выше человѣчества, насколько духъ выше плоти, и ему нужны не плотскія, а духовныя жертвы. Какъ же Создателю не отвернуться съ печалью и гнѣвомъ отъ ослѣпленныхъ мемфисскихъ христіанъ, раздѣляющихъ взгляды неразумныхъ, кровожадныхъ язычниковъ? Они думаютъ оправдаться тѣмъ, что принесутъ въ жертву дѣвушку иной религіи и не изъ своего народа. Но это нисколько не смягчитъ ихъ проступка передъ глазами Господа. Богъ отвернется отъ нихъ, потому что ни одна капля человѣческой крови не должна осквернять священныхъ, чистыхъ алтарей Христа, который пришелъ на землю въ духѣ кротости, чтобы принесть намъ жизнь, а не смерть. Спроси свое ослѣпленное, заблуждающееся словесное стадо, братъ мой: пріятно ли милосердному небесному отцу видѣть одного изъ чадъ своихъ, хотя бы даже преданнаго мелхитской ереси, въ рукахъ палачей, которые насильно топятъ его въ волнахъ, во славу божію, не внимая ни мольбамъ о пощадѣ, ни проклятіямъ своей жертвы? Вотъ, еслибы нашлась непорочная дѣвственница, которая изъ любви къ Богу и ближнимъ добровольно

разсталась бы съ жизнью, по примѣру божественнаго Искупителя и, бросаясь въ волны, воззвала къ небу: „прими меня и мою невинность, какъ жертву себѣ, Господи, и избавь мой народъ отъ бѣдствія"! тогда Господь сказалъ бы, можетъ быть: „я принимаю жертву, но мнѣ довольно одного добраго желанія. Ни одно изъ моихъ чадъ не должно лишать себя жизни, потому что она—самый священный и дорогой изъ моихъ даровъ".

Письмо заключалось пастырскими увѣщаніями къ мемфисскимъ христіанамъ. Патріархъ Веніаминъ, глава египетской церкви, говорилъ, конечно. по внушенію божію. Итакъ, дѣвственница, готовая добровольно броситься въ волны для спасенія своего народа отъ бѣдствія будетъ жертвой пріятной небесамъ! Это указаніе святаго старца дало обильную пищу уму Катерины. Одна мысль за другою возникала у нея въ головѣ, пока изъ нихъ выработалось стройное цѣлое. Дочь Сусанны хотѣла быть той дѣвственницей, на которую намекалъ патріархъ,—настоящей, истинной невѣстой Нила, готовой добровольно разстаться съ молодой жизнью для спасенія ближнихъ.

Здѣсь заключалось искупленіе ея тяжкой вины: она хотѣла положить конецъ своимъ страданіямъ этимъ геройскимъ подвигомъ, чтобы скорѣй соединиться съ матерью, показаться своему возлюбленному Оріону, патріарху, Іоганну и цѣлому свѣту во всемъ величіи самопожертвованія и, такимъ образомъ, ни въ чемъ не уступить соперницѣ,—превозносимой всѣми до небесъ, дочери Ѳомы.

Передъ глазами Паулы, въ виду всего народа, хотѣла она исполнить великое дѣло. Но Оріонъ долженъ узнать, чей образъ лелѣяла въ сердцѣ его отвергнутая невѣста, и изъ любви къ кому она отреклась отъ всѣхъ земныхъ радостей, чтобы найти себѣ смерть въ нильскихъ волнахъ.

О, какъ это будетъ хорошо! Спасти Паулу цѣною собственной жизни, значитъ заставить Оріона вѣчно благословлять ея имя; тогда ея образъ будетъ нераздѣльно жить вмѣстѣ съ образомъ соперницы въ его душѣ, хотя бы даже безпримѣрный поступокъ Катерины и не поставилъ ея во мнѣніи Оріона и цѣлаго свѣта наряду съ дамаскинкой.

Съ этой минуты дочь Суссанны нетерпѣливо дожидалась желанной развязки. Тщеславная дѣвушка заранѣе радовалась возможности привлечь на себя всѣ взоры, сдѣлаться предметомъ всеобщихъ похвалъ и удивленія. Завтра ей, предстояло возвыситься надо всѣми, и чѣмъ сильнѣе томилъ ее зной этого палящаго дня, тѣмъ больше влекло Катерину успокоиться отъ жизненныхъ тревогъ въ прозрачной глубинѣ родимой рѣки. Молодой дѣвушкѣ казалось не труднымъ привести въ исполненіе свой планъ. Теперь она сдѣлалась полновластной госпожей въ своемъ домѣ: рабы и свободные слуги обязаны безпрекословно исполнять ея волю. Катерина не хотѣла уступать своего богатства родственникамъ, которыхъ не особенно любила, и потому твердой рукою написала завѣщаніе, назначивъ часть своего состоянія дядѣ Хризиппу; затѣмъ меньшую сумму—молочному брату Анубису и вдовѣ Руфинуса, чтобы загладить передъ ней тяжкую

вину. Бо̀льшую же часть своего имущества, оцѣненнаго въ нѣсколько милліоновъ, дочь Сусанны завѣщала своему возлюбленному другу Оріону, которому она прощаетъ все и надѣется доказать, что маленькій „мотылекъ“ былъ способенъ къ великимъ побужденіямъ.

Въ заключеніе она просила юношу принять въ даръ, между прочимъ, и ея богатый родительскій домъ, такъ какъ почтенное килище мукаукаса погибло по ея винѣ. Эта передача имущества была обставлена особыми условіями, которыя дѣлали честь уму и проницательности завѣщательницы.

Она знала, что неудовольствіе патріарха можетъ повредить молодому человѣку, и въ то же время хотѣла заручиться благоволеніемъ церкви для спасенія своей души. Съ этой цѣлью Катерина предписывала юношѣ передать бо̀льшую часть своего наслѣдства въ пользу церкви и бѣдныхъ; но не за разъ, а въ теченіе десяти лѣтъ и такими суммами, какими заблагоразсудится Оріону. Если же сынъ мукаукаса не проживетъ трехъ лѣтъ со дня смерти Катерины, то его права на наслѣдство должны перейти къ ея дядѣ, Хризиппу.

Къ святой церкви, которой принадлежитъ все ея сердце, Катерина обращалась съ покорной мольбой, прося духовенство ежегодно поминать ее и мать, въ дни ихъ именинъ, во всѣхъ египетскихъ храмахъ. Если патріархъ сочтетъ ее достойной такой чести, то пусть часовня, которую она завѣщала выстроить возлѣ того мѣста, гдѣ ее поглотятъ нильскія волны, называется капеллой Сусанны и Катерины.

Всѣмъ невольникамъ въ своемъ завѣщаніи Катерина дарила свободу, а наемнымъ слугамъ своего дома назначила щедрыя денежныя награды. Она серьезно обдумывала свои послѣднія распоряженія нѣсколько часовъ къ ряду, и по ея лицу не разъ скользила довольная улыбка. Потомъ дѣвушка тщательно переписала документъ, который былъ скрѣпленъ подписью врача и всѣхъ свободныхъ служащихъ при домѣ. Хотя никто не ожидалъ такой предусмотрительности отъ молодой наслѣдницы, однако всѣ были согласны съ тѣмъ, что съ ея стороны было очень благоразумно распорядиться своимъ громаднымъ состояніемъ, такъ какъ она была заперта въ зачумленномъ домѣ и могла ежеминутно заболѣть заразой.

Прежде чѣмъ стемнѣло, врачъ, по просьбѣ Катерины, привелъ къ ней старшаго сенатора, Александра, стараго друга ея отца, который сдѣлался опекуномъ дочери послѣ смерти мукаукаса. Александръ переговаривался съ дѣвушкой черезъ садовую калитку; онъ выразилъ согласіе служить ей кріосомъ и скрѣпилъ своею подписью готовое завѣщаніе, хотя она и не позволила ему прочитать вокумента.

Послѣ этого, молодая госпожа отправилась сама во флигель невольниковъ, откуда снова было вынесено въ некрополь нѣсколько заболѣвшихъ. Катерина приказала лодочникамъ приготовить къ утру бо̀льшую праздничную барку, на которой она поѣдетъ завтра любоваться жертвоприношеніемъ съ рѣки.

Дочь Сусанны легла спать съ болѣе спокойнымъ сердцемъ,

чѣмъ наканунѣ, и не успѣла окончить вечерней молитвы, какъ ея вѣки закрылись отъ усталости.

Проснувшись послѣ солнечнаго восхода, она нашла большое великолѣпное судно, купленное за большія деньги ея отцомъ въ Александріи, совершенно готовымъ къ отплытію. Она безпрепятственно сѣла на барку съ Анубисомъ и нѣсколькими служанками, потому что всѣ караульные, сторожившіе зараженный домъ, были потребованы начальствомъ на праздникъ жертвоприношенія и свадьбы Нила. При громадномъ стеченіи народа, привлеченнаго великолѣпнымъ зрѣлищемъ, легко могли возникнуть уличные безпорядки.

L.

Многочисленные зрители стали собираться еще съ ночи на широкую набережную, по близости гостинницы Неспта. Ихъ число возрастало съ каждой минутой и, не смотря на знойное утро, ни одинъ мемфитъ не могъ усидѣть дома. Мужчины, женщины, дѣти стремились неудержимымъ потокомъ къ мѣсту празднества. Въ Мемфисъ явились также цѣлыми тысячами обитатели сосѣднихъ городовъ, мѣстечекъ и деревень, желая присутствовать при неслыханомъ жертвоприношеніи, которое обѣщало прекратить бѣдствіе страны. Никто не имѣлъ понятія о такомъ брачномъ торжествѣ, и каждый жаждалъ насладиться необыкновеннымъ зрѣлищемъ.

Сенатъ не дремалъ; имъ было сдѣлано все, чтобы придать больше блеска уличнымъ процессіямъ. Благодаря предупредительности булевтовъ, возможно большое число мемфискихъ гражданъ принимало непосредственное участіе въ церемоніи. Вокругъ гавани Неспта возвышались широкимъ полукругомъ мѣста для зрителей. Для членовъ куріи, ихъ семействъ и для знатныхъ арабскихъ сановниковъ были устроены посреди трибунъ отдѣльныя, увѣшанныя коврами, ложи; тамъ стояли высокія кресла, предназначавшіяся для векилы Обады, кади Отмана, старшаго сенатора, настоятаго Горуса Аполлона и городскаго духовенства, хотя нельзя было ожидать появленія пастырей христіанской церкви на нечестивомъ языческомъ сборищѣ. Весь народъ, не имѣвшій возможности занять мѣста на эстрадахъ, расположился по берегу съ женами и дѣтьми. Появились торговцы съѣстными припасами и напитками. Они возили свой товаръ на двухколесныхъ телѣжкахъ или раскладывали его на коврикахъ яркаго цвѣта. На трибунахъ также не умолкали крики разнощиковъ, продававшихъ фильтрованную нильскую воду и фруктовый сокъ. Въ полузасохшихъ вершинахъ пальмъ въ рощѣ Неспта, вмѣсто голубей, удодовъ и воробьевъ, обыкновенно гнѣздившихся тамъ, пріютилось множество уличныхъ мальчишекъ. Они развлекались, въ ожиданіи интереснаго зрѣлища, срывая съ громадныхъ гроздій полопавшіеся большіе финики, чтобы кидать ихъ подъ ноги и въ голову любопытнымъ. Воины охранительной стражи прекратили наконецъ эту забаву, нацѣлившись въ озорниковъ изъ своихъ луковъ.

Главнымъ предметомъ всеобщаго вниманія служилъ высокій

деревянный помостъ, далеко вдававшійся въ обмелѣвшую рѣку: отсюда участникамъ церемоніи предстояло свергнуть невѣсту Нила въ холодныя, влажныя объятія жениха. Этотъ помостъ былъ украшенъ съ особеннымъ вкусомъ. Его покрыли коврами, драпировали яркимъ сукномъ, увѣшали знаменами и пальмовыми листьями, обвили тяжелыми гирляндами изъ зелени ивы и тамариска, откуда выглядывали цвѣты лотоса, мальвы, лиліи и розы; тутъ же были прикрѣплены вѣнки, эмблемы мемфиской области и другія раззолоченыя украшенія. Только на самомъ краю эстрады было пусто; здѣсь не устроили даже легкихъ перилъ, чтобы собравшійся народъ не проглядѣлъ ни одной мелочи въ „брачномъ“ обрядѣ.

За три часа до полудня въ числѣ зрителей не доставало только тѣхъ, которые заранѣе запаслись мѣстами; однако, вскорѣ любопытство привлекло сюда и этихъ остальныхъ.

Городская стража выбивалась изъ силъ, стараясь сохранить порядокъ. Задніе ряды любопытныхъ толкали стоявшихъ впереди прямо въ рѣку; однако, благодаря мелководью, никто не утонулъ; паденіе въ воду кончалось только бранью и крикомъ. Они заглушали музыку многочисленныхъ хоровъ, поставленныхъ на главныхъ эстрадахъ, и возгласы одобренія, повсюду встрѣчавшіе Горуса Аполлона, который разъѣзжалъ туда и сюда на своемъ бѣломъ ослѣ. Появленіе важныхъ сановниковъ также вызывало восторженныя рукоплесканія и шумныя овацiи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздавались жалобный вой, пронзительный визгъ и болѣзненные стоны. Тутъ одинъ изъ гражданъ падалъ на землю, сраженный солнечнымъ ударомъ, тамъ у другаго неожиданно обнаруживались симптомы страшной эпидеміи. Тогда обыкновенно наступала давка; люди бросались бѣжать безъ оглядки въ сторону, толкая стоявшихъ по близости; матери защищали своихъ дѣтей. У одного торговца опрокинули телѣжку съ товаромъ; другому растоптали вареныя яйца и пирожки. Толпа людей, шарахнувшись въ сторону, упала въ глубокій, на половину высохшій каналъ.

Стража размахивала палками и кричала, водворяя порядокъ. Но главная масса зрителей относилась къ этимъ шумнымъ эпизодамъ довольно безучастно. Вдругъ собравшійся народъ притихъ, какъ по командѣ, крики умолкли; суматоха прекратилась. Теперь всякое трагическое происшествіе съ отдѣльнымъ лицомъ могло пройти совершенно незамѣченнымъ: изъ города доносились звуки трубъ и пѣніе. Пышная процессія свадебнаго поѣзда приближалась! Лучше быть задавленнымъ, утонуть или получить солнечный ударъ, чѣмъ пропустить хотя одну сцену изъ этого безпримѣрнаго, невиданнаго зрѣлища. Какіе глупцы арабы! Изъ ихъ высшихъ сановниковъ прибыли на праздникъ, кромѣ векила Обады, только трое, которыхъ никто не зналъ. Мемфиты напрасно искали въ рядахъ почетныхъ гостей даже кади Отмана. Онъ, вѣроятно, запретилъ присутствовать на жертвоприношеніи и мусульманскимъ женщинамъ. Ни одна гаремная красавица, закутанная въ прозрачное покрывало, не появилась сегодня на трибунахъ.

Между тѣмъ, всѣ египтянки были на лицо, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя остались въ зачумленныхъ домахъ, не имѣя возможности выйти. Не скоро дождешься опять такого народнаго празднества. По крайней мѣрѣ, десятки лѣтъ спустя, будетъ о чемъ поразсказать своимъ внукамъ!

Пѣніе и музыка приближались. Трудно было представить себѣ, чтобы это веселое шествіе сопровождало осужденную къ мѣсту казни. Духовые инструменты исполняли игривые мотивы; пѣвцы затягивали свадебныя пѣсни. Тонкіе голоса мальчиковъ и дѣвочекъ покрывали болѣе густые и сильные звуки хора юношей, мужчинъ и стариковъ. Флейты выдѣлывали трели; барабанный бой подъ мѣрный темпъ марша напоминалъ собою шумъ морскаго прибоя; тутъ же раздавался металлическій звонъ цимбалъ и серебристые переливы колокольчиковъ, ударявшихся о край тамбурина, которымъ молодыя дѣвушки потрясали надъ кудрявыми головками; мелодичныя лютни не отставали отъ другихъ. Едва этотъ могучій потокъ разнообразныхъ звуковъ успѣвалъ приблизиться къ зрителямъ, какъ издали, ему на смѣну раздавались уже новое пѣніе и новая музыка.

Собравшійся народъ слушалъ и смотрѣлъ, поджидая невѣсту Нила съ ея поѣздомъ. Наконецъ, впереди всѣхъ появились горнисты на ретивыхъ коняхъ; они выстроились рядами по обѣимъ сторонамъ дороги, которая вела къ мѣсту церемоніи, на берегу. Передъ ними помѣстился слѣва хоръ женщинъ, справа хоръ мужчинъ; ихъ одежды были сдѣланы изъ легкой матеріи зеленоватаго цвѣта морской волны и роскошно убраны цвѣтами лотоса. У женщинъ распущенные локоны, падавшіе по плечамъ, смѣшивались съ цвѣточными колокольчиками, мужчины держали въ рукахъ стебли папируса и тростника, представляя собою рѣчныхъ боговъ, вышедшихъ изъ волнъ.

За ними слѣдовали юноши и бородатыя фигуры въ бѣлыхъ одеждахъ со шкурами пантеръ на плечахъ, по образу языческихъ жрецовъ. Двое старцевъ, съ волнистыми сѣдыми бородами, шли во главѣ процессіи, одинъ съ серебряной, другой съ золотой чашей въ правой рукѣ. Имъ предстояло, по обычаю предковъ, бросить въ воду эти чаши, какъ первую жертву. Такъ распорядился Горусъ Аполлонъ, принимавшій живое участіе въ устройствѣ праздника. Онъ настаивалъ, чтобы все дѣлалось согласно преданіямъ древнихъ, и не допускалъ никакихъ отступленій.

Кромѣ того, мимо зрителей, къ немалой потѣхѣ черни, провели цѣлый звѣринецъ жирафовъ, слоновъ, страусовъ, антилопъ, газелей и даже нѣсколькихъ ручныхъ львовъ и пантеръ. То же самое происходило при знаменитой торжественной процессіи въ честь втораго Птоломея Калликсена изъ Родоса.

Потомъ появились на большой колесницѣ, запряженной двѣнадцатью воронными конями, символическія фигуры скованныхъ и повергнутыхъ на землю Голода и Заразы: то были дѣти съ вымазанными сажей лицами, визжавшія, какъ будто въ безсильномъ бѣшенствѣ и привязанныя къ столбамъ. На спинѣ у нихъ торчали колючія крылья, на лбу—рога. Маленькіе актеры стара-

лись войти въ свою роль мелкой челяди сатаны и немало потѣшали простонародье кривляньями и воемъ. На второй колесницѣ ѣхала богиня изобилія, она была обложена снопами, фруктами, гирляндами изъ виноградной лозы. Ее окружали мальчики и дѣвочки съ колосьями и плодами, съ гранатовыми яблоками и гроздьями фиников, съ кувшинами для вина и съ бокалами въ рукахъ.

За этой колесницей ѣхала на восьми бѣлоснѣжныхъ лошадяхъ богиня здоровья; ея экипажъ представлялъ форму раковины, какъ будто она лежала въ ваннѣ. Въ одной рукѣ богиня держала золотую чашу, въ другой жезлъ, обвитый змѣями; за нею слѣдовалъ будущій супругъ невѣсты Нила, рѣчной богъ: коренастый, сильный, красивый мужчина, съ большою бородой, опиравшійся локтями на громадную урну, въ позѣ знаменитой статуи, вывезенной римлянами изъ Александріи. У ногъ этого Геркулеса было сгруппировано шестнадцать обнаженныхъ мальчиковъ, какъ эмблематическое изображеніе шестнадцати локтей высоты, которой долженъ достигнуть Нилъ, чтобы разлиться для плодороднаго орошенія страны. Пышныя кудри Геркулеса были украшены свадебнымъ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ лотоса.

Чучела крокодиловъ, пучки колосьевъ, финики, виноградъ и раковины украшали эту колесницу, окруженную старцами въ одеждѣ языческихъ жрецовъ.

Появленіе жениха вызвало оглушительные крики восторга. Чѣмъ длиннѣе растягивалось торжественное шествіе, тѣмъ сильнѣе возрастало напряженное любопытство народной массы: каждый зритель горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть скорѣе прекрасную жертву.

Едва юноши и дѣвы прошли мимо, какъ на высокихъ трибунахъ и посреди черни, наводнявшей берегъ, наступила мертвая тишина. Никто не обращалъ вниманія на палящій солнечный зной и жестокую жажду; глаза присутствующихъ жадно слѣдили за слѣпительной процессіей, и только черный векилъ, вытянувшійся на эстрадѣ во весь свой исполинскій ростъ, часто оборачивался къ городу. Онъ высматривалъ, не поднимется ли облако дыма въ той сторонѣ, гдѣ находилась тюрьма; вдругъ его губы раскрылись, и онъ злобно засмѣялся, сверкнувъ бѣлыми зубами. Надъ городомъ дѣйствительно взвился сѣдоватый столбъ дыма, который становился все гуще и, наконецъ, окрасился посрединѣ багровымъ отблескомъ, происходившимъ не отъ солнечныхъ лучей. Между тѣмъ, никто въ этой многотысячной толпѣ не смотрѣлъ назадъ и не замѣтилъ начинавшагося пожара, кромѣ Обады.

Свадебный поѣздъ вступилъ на деревянный помостъ, вдававшійся въ рѣку. Передъ глазами зрителей снова появился хоръ юношей, со шкурами пантеръ на плечахъ и, наконецъ, народъ увидѣлъ великолѣпную колесницу, запряженную восьмью черными, какъ смоль, быками, которые были украшены зелеными страусовыми перьями и водяными растеніями. Высокій балдахинъ высился надъ экипажемъ; четверо мужчинъ, въ одеждѣ языческихъ жрецовъ, стояли по его угламъ, а подъ драпировками, богато укра-

шенными гирляндами изъ лотоса и тростника, полулежа на сидѣньѣ, убранномъ зеленымъ папирусомъ, осокой, высокимъ тростникомъ и цвѣтущими водяными растеніями, красовалась царица праздника—невѣста Нила!

Въ бѣлой одеждѣ и подъ густымъ покрываломъ, неподвижно сидѣла Паула на своемъ мѣстѣ; длинные черные волосы были распущены и падали у нея по плечамъ; у ногъ дѣвушки лежалъ вѣнокъ и множество рѣдкихъ, ярко-розовыхъ цвѣтовъ лотоса.

До этой минуты, рядомъ съ ней сидѣлъ епископъ, единственный представитель христіанскаго духовенства, появившійся на нечестивомъ языческомъ праздникѣ, хотя Мемфисъ кишилъ священниками и монахами.

Поравнявшись съ трибунами, прелатъ выпрямился, нахмуривъ лобъ и мѣряя глазами толпу. Къ чему привели убѣдительныя проповѣди въ церквахъ, увѣщанія и угрозы всего духовенства? Не смотря ни на какое противодѣйствіе, Паулу посадили на колесницу и повезли за шутовскою процессіей, а Іоанну пришлось сопровождать невинную жертву къ мѣсту казни. Онъ далъ себѣ слово оставаться при ней до послѣдней минуты, даже рискуя быть растерзаннымъ разъяренной чернью. Паула держала въ рукахъ двѣ розы. Одну принесла ей рано поутру Пульхерія, другую—прислалъ Оріонъ съ женой сенатора Мартина. Вчера умирающій отецъ въ полной памяти благословилъ осужденную, не подозрѣвая того, какая ужасная участь готовится ей. Сегодня онъ еще не приходилъ въ себя и не могъ отвѣчать на прощальныя ласки дочери. Больной старикъ былъ перенесенъ въ безсознательномъ состояніи изъ тюрьмы въ домъ Руфинуса. Іоганна настояла на томъ, чтобы онъ оставался до конца на ея попеченіи. Передъ самымъ отъѣздомъ, дамаскинкѣ подали записку отъ Оріона. Юноша писалъ, что его работа окончена. Бѣднаго узника нарочно увѣрили, будто казнь отложена до завтра, и несчастная дѣвушка была этому рада: по крайней мѣрѣ, онъ не переживалъ въ душѣ, вмѣстѣ съ Паулой, всѣхъ перипетій ожидавшаго ее мученья.

Осужденная позволила провожать себя женщинамъ, изображавшимъ подругъ невѣсты Нила. Въ числѣ ихъ находилась и жена тюремщика, хорошенькая Эмау, проливавшая горькія слезы. Но еще на тюремномъ дворѣ Паула, возмущенная любопытствомъ праздной толпы, сорвала съ себя свадебный вѣнокъ и цвѣты, которые бросила на полъ.

Дорога изъ города къ набережной рѣки показалась дѣвушкѣ безконечно длинной; она не удостоила ни однимъ взглядомъ массу народа, запрудившаго улицы, и не переставала молиться. Когда же ея гордая кровь закипала при мысли объ ужасномъ насиліи и отчаяніе закрадывалось въ душу, Паула брала руку епископа, который не уставалъ поддерживать ея мужество и вѣру, говоря, что христіанинъ долженъ надѣяться на милость божію, не смотря ни на какія испытанія. Такъ они достигли мѣста, гдѣ юную красавицу ожидалъ переходъ въ невѣдомый міръ. Торжествующіе крики народа слились въ несмолкаемый, восторженный гулъ. Музыка и пѣніе смѣшались съ ропотомъ тысячи голосовъ. Оглу-

шенная Паула машинально позволила снять себя съ колесницы и пошла за юношами и молодыми дѣвушками, которые служили ей свадебной свитой; они попеременно пѣли невѣстѣ лучшій гимнъ лесбійки Сафо, посвященный Гименею.

Епископъ сдѣлалъ послѣднюю попытку образумить свою непокорную паству, но его тотчасъ заставили замолчать. Тогда онъ снова подошелъ къ осужденной и вмѣстѣ съ ней вступилъ на разукрашенный помостъ.

Паула призвала на помощь всю свою силу, гордость и геройство, чтобы спокойно взглянуть въ лицо смерти.

Гордо выпрямившись и приняв обычную величественную осанку, молодая дѣвушка дошла уже до половины мостковъ, какъ другъ позади нея, по деревяннымъ доскамъ, раздался стукъ копытъ. Горусъ Аполлонъ догналъ осужденную и заградилъ ей путь. Едва переводя духъ, обливаясь потомъ, онъ, съ насмѣшливымъ и торжествующимъ видомъ, приказалъ ей снять покрывало, а Іоанну — отойти прочь, чтобы уступить мѣсто представителю благодатнаго Нила, кузнецу исполинскаго роста, который, хотя стыдился своего фантастическаго наряда но былъ готовъ до конца исполнить назначенную роль. Однако епископъ и Паула отказались исполнить требованіе жреца Изиды. Тогда гарикъ сорвалъ покрывало съ головы дамаскинки, кивнулъ богу Нила", и тотъ вступилъ въ свои права. Почтительно поклонившись прелату, которому оставалось только покориться, кузнецъ взялъ дамаскинку за руку, чтобъ довести ее до платформы, гдѣ кончался помостъ. Здѣсь оба старца, шедшіе впереди поѣзда Озириса Бахуса, бросили въ рѣку, въ видѣ предварительной жертвы, принесенные ими сосуды изъ серебра и золота. Затѣмъ судейскій ораторъ, переодѣтый языческимъ жрецомъ, началъ говорить отлично составленную рѣчь, гдѣ выяснялось значеніе предстоящаго торжественнаго обряда. При этомъ онъ взялъ Паулу за руку, намѣреваясь передать ее силачу. Представитель Нила готовился уже схватить дамаскинку и бросить въ глубину рѣки, но тутъ встрѣтилось неожиданное препятствіе: большая парадная барка подъѣхала къ самому краю помоста. Народная масса и зрители на трибунахъ снова заволновались, между тѣмъ какъ до этой минуты все замерло въ напряженномъ ожиданіи развязки. Отовсюду послышались громкіе возгласы:

— Праздничная лодка вдовы Сусанны!

— Смотрите на Нилъ, смотрите на рѣку!

— Это „мотылекъ", дочь извѣстнаго богача Филаммона!

— Какое очаровательное зрѣлище!

— Вторая невѣста Нила!

Всѣ взгляды, какъ по мановенію волшебства, обратились съ Паулы на Катерину. Красивая, нарядная барка Сусанны уже цѣлый часъ лавировала туда и сюда мимо эстрады. Стража не разъ обращалась къ гребцамъ, приказывая имъ держаться подальше отъ мѣста церемоніи, но лодочники не слушались, а воины не могли приблизиться на своихъ маленькихъ челнокахъ къ большому судну, гдѣ было пятьдесятъ человѣкъ экипажа.

Теперь оно подъѣхало къ самымъ мосткамъ, красуясь у в
на виду своимъ стройнымъ корпусомъ, яркой позолотой, высо
навѣсомъ каюты на серебряныхъ столбахъ и пурпуровыми
русами съ богатой вышивкой. Только большой черный флаг
мачтѣ нарушалъ общее впечатлѣніе. Катерина приказала слу
казъ переодѣть себя въ каютѣ въ бѣлое платье и укра
бѣлыми цвѣтами, зеленью мирты, розами и лотосами. Встрево
ныя рабыни спрашивали, что это значитъ, но она не отвѣчал
ихъ вопросы.

Горничная, прикалывавшая ей цвѣты на груди, чувство
какъ сильно билось сердце ея госпожи; колокольчикъ лотоса,
ившійся съ плеча на полную грудь Катерины, быстро подни
и опускался, какъ будто бы его качали уже бурныя волны Н
Губы дѣвушки подергивались; щоки были страшно блѣдны.

— Что она хочетъ дѣлать? перешептывались между собо
спутники: только вчера у нея умерла мать, а сегодня Катерина яви
на празднество и даже приказала рулевому подъѣхать къ м
церемоніи и держаться по близости помоста, у всѣхъ на в
Она, очевидно, хотѣла показать народу свой роскошный на
и заставить любоваться собой, потому что поднялась на кр
каюты. Взбираясь по ступенямъ лѣстницы, дочь Сусанны б
прелестна, какъ невинный ангелъ; ея движенія были полны
ской застѣнчивости, но глаза горѣли радостью, какъ будто з
ее ждало что-то желанное, къ чему она давно стремилась
душой. Анубису пришлось поддержать молодую дѣвушку на пос
нихъ ступеняхъ: у нея подкашивались ноги; но, взойдя на ве
она отослала его назадъ, съ порученіемъ никого не пускат
палубу, такъ какъ ей хочется остаться одной.

Мальчикъ, привыкшій къ повиновенію, не возразилъ ни сл
Тогда Катерина встала на скамейку у перилъ борта, поверну
къ Паулѣ, которая подходила къ ней все ближе, и протя
къ дамаскинкѣ и епископу правую руку, съ двумя стеблями в
колѣнныхъ лилій. Это происходило въ ту самую минуту, к
переодѣтый кузнецъ измѣрилъ взглядомъ разстояніе между
мостомъ и баркой, а затѣмъ объявилъ, что судно мѣшаетъ
сбросить невѣсту Нила въ глубину рѣки; между тѣмъ Катерина
кликнула: „Почтенный отецъ Іоаннъ, и всѣ присутствующіе! Нас
щая невѣста Нила, это не дочь Ѳомы, а я — Катерина. Де
вольно—слышишь ли, Іоаннъ! — добровольно хочу я отдать с
жизнь, чтобы спасти мой бѣдный народъ отъ страшнаго бѣдс
И моя жертва будетъ пріятна небу, какъ сказалъ самъ патріа
Прощайте! молитесь за меня! Сжалься надо мной, Спаситель! І
моя, я иду къ тебѣ!“ Тутъ она крикнула рулевому: „Дальше
помоста!“

Нѣсколько ударовъ веселъ приблизили разукрашенную б
къ срединѣ рѣки. Тогда молодая дѣвушка ловко вскочила н
рила борта, бросила въ воду стебли лилій, потомъ улыбну
про себя, мило склонивъ головку къ плечу, стыдливо собрал
кругъ колѣнъ складки длинной одежды и, подавшись всѣмъ
пусомъ впередъ, спрыгнула въ волны. Онѣ тотчасъ сомкну

надъ ея головой, но Катерина, отлично умѣвшая плавать, опять показалась на поверхности Нила. Ея черты были спокойны, точно она пріятно нѣжилась въ водѣ во время купанья, и нильскія волны, играючи, ластились къ ея стройному тѣлу.

Народъ рукоплескалъ въ безумномъ восторгѣ, хотя у многихъ вырывались крики ужаса и состраданія; можетъ быть, Катерина успѣла еще разслышать ихъ. Минуту спустя, она нырнула головой въ глубину.

Кузнецъ, переодѣтый Ниломъ, добродушный человѣкъ, который въ обыкновенное время не могъ допустить, чтобы живая душа погибла на его глазахъ, совершенно забылъ свою роль. Выпустивъ руку Паулы, онъ бросился за Катериной; то же самое сдѣлалъ ея молочный братъ, Анубисъ, и нѣсколько матросовъ. Но имъ не удалось найти утопленницу, и бѣдный мальчикъ пошелъ ко дну, потому что сломанная нога мѣшала его движеніямъ.

Рѣчь Катерины слышали только стоявшіе по близости; но, прежде, чѣмъ дѣвушка исчезла въ волнахъ, епископъ Іоаннъ повернулся къ народу. Онъ крѣпко схватилъ Паулу одной рукой, а другой поднялъ распятіе, висѣвшее у него на поясѣ, и воскликнулъ, обращаясь къ тысячной толпѣ:

— Желаніе нашего святѣйшаго отца Веніамина исполнилось. Самъ Богъ говорилъ его устами. На вашихъ глазахъ, непорочная, благородная якобитская дѣвственница, по собственному великодушному побужденію, пожертвовала жизнью за страждущихъ ближнихъ. Нилъ принялъ свою жертву. Теперь осужденная свободна, прибавилъ епископъ, привлекая Паулу къ себѣ.

Дамаскинка дрожала отъ радости. Но не успѣлъ Іоаннъ окончить свою рѣчь, не успѣлъ народъ высказать своего приговора, какъ взбѣшенный Горусъ Аполлонъ бросился на прелата. Онъ схватилъ Паулу за одежду и крикнулъ хору юношей:

— Скорѣй за дѣло! Пусть одинъ изъ васъ заступитъ мѣсто рѣчнаго бога. Кидайте въ волны невѣсту Нила!...

Но епископъ снова отстранилъ жреца отъ дѣвушки; тутъ старикъ, ослѣпленный яростью, бросился на Іоанна, стараясь отнять у него распятіе. Глубоко возмущенный прелатъ воскликнулъ гнѣвнымъ, громовымъ голосомъ: „Анаѳема!“

При этомъ страшномъ словѣ и святотатственномъ насиліи, въ египтянахъ заговорила преданность христіанской вѣрѣ, только искусственно подавленная въ тяжелое время народнаго бѣдствія.

Начальникъ хора оттолкнулъ старика и сталъ на сторону епископа; другіе послѣдовали за нимъ; но нѣсколько юныхъ пѣвцовъ вступились за Горуса Аполлона, который, по прежнему, не выпускалъ одежды Паулы, готовый скорѣе погибнуть, чѣмъ уступить свою жертву.

Между тѣмъ, въ опустѣвшемъ городѣ загудѣлъ набатный колоколъ; толпа заволновалась, охваченная испугомъ. Какой-то человѣкъ, размахивая обнаженнымъ мечемъ, прокладывалъ себѣ дорогу между любопытными. Не смотря на изорванную одежду, растрепанные волосы, закопченное лицо, большинство присутствующихъ узнало въ немъ Оріона.

Все разступалось передъ нимъ; онъ бѣжалъ впередъ, какъ безумный. Достигнувъ помоста, юноша окинулъ взглядомъ участниковъ церемоніи и бросился прыжками, мимо переодѣтыхъ людей, прямо на эстраду. Онъ оттолкнулъ Горуса Аполлона отъ Паулы, которая почти въ безпамятствѣ упала къ нему на грудь: неожиданная радость отняла у нея послѣднія силы.

Оріонъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ лѣвой рукой; въ правой у него былъ поднятъ блестящій мечъ Угрожающая поза и огненный взглядъ ясно говорили, что бороться съ этимъ отчаяннымъ храбрецомъ все равно, что напасть на львицу, которая защищаетъ своихъ дѣтенышей. Юноша далеко отбросилъ въ сторону Горуса Аполлона; поднимаясь съ земли, чтобъ еще разъ кинуться на свою жертву, старикъ попалъ въ самую средину давки.

За сыномъ мукаукаса слѣдовало нѣсколько человѣкъ, которые также принялись отстаивать дамаскинку. На самомъ краю помоста завязалась отчаянная борьба; нѣсколько сторонниковъ жреца упали въ воду, увлекая за собой маститаго ученаго. Большинство изъ нихъ спаслось вплавь, но старикъ утонулъ; барахтаясь въ волнахъ, онъ еще грозилъ кулакомъ своимъ заклятымъ врагамъ.

Векилъ также узналъ о томъ, что происходило на мѣстѣ церемоніи; внѣ себя отъ ярости, онъ вскочилъ со своего мѣста, чтобы водворить порядокъ и, если понадобится, тутъ же собственноручно покончить съ Оріономъ. Обада понялъ, что смѣлый юноша былъ никто иной, какъ сынъ Георгія.

Однако тысячи народа заграждали ему путь; удалая шайка освобожденныхъ арестантовъ, съ Оріономъ во главѣ, успѣла поднять тревогу криками: „пожаръ! тюрьма и весь городъ въ огнѣ!“ Всѣ, кто только могъ бѣжать, бросились къ Мемфису отстаивать свои дома и близкихъ, оставшихся по какой нибудь причинѣ въ своихъ жилищахъ.

Масса народа обратилась въ безпорядочное бѣгство, точно стая голубей, испуганная крикомъ ястреба, или груда сухихъ листьевъ, гонимая вѣтромъ Началась невообразимая давка; люди прыгали на колесницы, участвовавшія въ церемоніальномъ шествіи; лошадямъ, которыя везли аллегорическую фигуру богини здоровья, отрѣзали постромки, чтобы ускакать на нихъ домой. Бѣгущіе опрокидывали все на пути и увлекали съ собой векила, стремившагося къ помосту съ саблей на-голо.

Клубы чернаго дыма все болѣе сгущались надъ городомъ; между тѣмъ бѣгущая толпа была принуждена остановиться: на встрѣчу ей по дорогѣ мчался отрядъ всадниковъ; хотя густое облако пыли скрывало ихъ отъ глазъ, но, сквозь эту легкую дымку, на солнцѣ ослѣпительно сверкали шлемы, панцыри и сабли. Нѣсколько минутъ спустя, Обада понялъ, кто были эти воины; впереди всѣхъ скакалъ судья Отманъ. Поравнявшись съ векиломъ, все еще не успѣвшимъ добраться до своей жертвы, кади спрыгнулъ съ сѣдла передъ самымъ помостомъ. Онъ громко крикнулъ: „спасены! помилованы!“ и съ этими словами, которыя звучали глубокой радостью, протянулъ руки молодой дѣвушкѣ, подходившей въ эту минуту къ берегу, подъ защитой Оріона.

Въ своемъ волненіи Отманъ не замѣтилъ Обады, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него; восклицаніе главнаго судьи: „спасены, помилованы!“ было въ то же время жестокимъ приговоромъ самоуправству векила. Теперь онъ погибъ, потому что заговоръ противъ жизни калифа Омара, очевидно, не удался. Съ возвращеніемъ Амру, Обадѣ угрожало лишеніе власти, наказаніе и смерть; но прежде чѣмъ погибнуть, онъ хотѣлъ увлечь за собой въ могилу и виновника своей гибели. Задыхаясь отъ злобы, негръ оттолкнулъ въ сторону изумленнаго кади и бросился на Оріона; однако начальникъ собственной стражи Отмана, слѣдовавшій за нимъ на конѣ, замѣтилъ движеніе злодѣя; онъ съ быстротою молніи напалъ на Обаду, и его кривая сабля глубоко врѣзалась въ шею векила. Негръ зарычалъ, какъ раненый звѣрь, произнесъ проклятіе и съ предсмертнымъ хрипѣньемъ свалился къ ногамъ жениха и невѣсты.

У мемфитовъ есть преданіе, что его кровь была не краснаго цвѣта, какъ у другихъ людей, а чернаго, какъ его душа и тѣло. Они имѣли причину ненавидѣть этого человѣка: благодаря ему, въ тотъ день выгорѣло болѣе половины Мемфиса, и жители города сдѣлались нищими.

Онъ подослалъ двухъ негодяевъ поджечь тюрьму во время праздника, желая погубить Оріона. Однако пожаръ былъ своевременно замѣченъ, и всѣ заключенные вырвались на свободу; такимъ образомъ юношѣ, удалось, во главѣ другихъ узниковъ, добраться до мѣста казни. Между тѣмъ пожаръ въ опустѣвшемъ Мемфисѣ произвелъ ужасныя опустошенія, такъ что на другой день въ знаменитомъ городѣ пирамидъ уцѣлѣла только набережная Нила и нѣсколько жалкихъ улицъ. Древняя столица фараоновъ обратилась теперь въ мѣстечко, а безпріютные мемфиты перебрались на противоположный берегъ и населили недавно возникшій Фостатъ, принявъ мусульманскую вѣру, или же стали отыскивать новое отечество въ христіанскихъ странахъ. Домъ Руфинуса уцѣлѣлъ отъ пожара. Кади проводилъ туда Оріона и Паулу. Тутъ они оставались подъ домашнимъ арестомъ до возвращенія полководца. Молодые люди не могли повѣрить своему счастью, и для нихъ наступили блаженные дни въ кругу преданныхъ друзей.

Богъ судилъ умирающему Ѳомѣ еще разъ прижать къ груди своихъ дѣтей и благословить ихъ.

Передъ самымъ прибытіемъ кади къ мѣсту катастрофы, въ Мемфисъ прилетѣло двое почтовыхъ голубей, съ вѣстями отъ полководца Амру; онъ строго запрещалъ мемфитамъ безчеловѣчное жертвоприношеніе и приказывалъ, во всякомъ случаѣ, отложить казнь несчастной Паулы до его пріѣзда, также какъ и рѣшеніе участи Оріона.

Въ Вереникѣ, на египетскомъ берегу Краснаго моря, съ полководцемъ встрѣтились Рустемъ и Марія. Этотъ портъ, приходившій въ упадокъ, былъ связанъ голубиною почтой со столицей калифата. Амру донесъ оттуда своему повелителю о намѣреніи египтянъ принести человѣческую жертву Нилу. Калифъ Омаръ далъ

ему отвѣтъ, который былъ немедленно препровожденъ полководцемъ къ кади Отману въ Мемфисъ.

Страшный пожаръ въ городѣ былъ новымъ ударомъ для мемфитовъ. Нилъ не хотѣлъ разлиться, не смотря на геройское самопожертвованіе Катерины. Въ виду этого, три дня спустя послѣ прерваннаго брачнаго торжества, кади снова созвалъ всѣхъ жителей города, по ту и другую сторону рѣки, къ пристани подъ сѣнью пальмовой рощи Неспта. Здѣсь, чрезъ арабскаго глашатая и египетскаго переводчика, онъ возвѣстилъ мусульманамъ и христіанамъ воззваніе калифа къ мемфитамъ. Повелитель правовѣрныхъ говорилъ, что единый, всеблагой Господь не желаетъ человѣческихъ жертвъ, и потому онъ, калифъ Омаръ, будетъ молиться милосердому Аллаху за подвластную ему страну, причемъ посылаетъ письмо, которое слѣдуетъ бросить отъ его имени въ нильскія волны.

На этомъ посланіи стояла надпись „Нилу Египта.“ Содержаніе его гласило слѣдующее: „Если ты, рѣка, течешь сама по себѣ, то не разливайся; но если тебя заставляетъ течь единый, милосердый Богъ, тогда мы молимъ Его, чтобъ онъ повелѣлъ тебѣ разлиться!“

„Что не отъ Бога, какая польза въ томъ человѣку?“ говорилъ Амру въ письмѣ, которое сопровождало посланіе калифа: „ но все сотворенное произошло черезъ Него, также какъ и ваша благородная рѣка. Всевышній услышитъ мольбу Омара, а также и нашу. Потому повелѣваю всѣмъ вамъ, мусульманамъ, христіанамъ и евреямъ, собраться въ мечеть по ту сторону Нила, воздвигнутую мною во славу всеблагаго небеснаго Отца. Здѣсь вы вознесете свои души въ общей молитвѣ, чтобы Господь услышалъ васъ и сжалился надъ несчастной страной!“

Кади велѣлъ народу отправиться на ту сторону рѣки, что было немедленно исполнено. Епископъ Іоаннъ созвалъ свое духовенство и, ставъ во главѣ его, повелъ христіанъ. Священники и старѣйшины іудеевъ повели своихъ единовѣрцевъ вслѣдъ за якобитами. Къ нимъ присоединились мусульмане въ великолѣпномъ храмѣ со множествомъ колоннъ, воздвигнутомъ Амру. И представители всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій молились здѣсь вмѣстѣ единому, всеблагому, небесному Отцу.

Это умилительное зрѣлище не разъ повторялось въ той же мечети, и еще при жизни разсказчика настоящей исторіи мусульмане, христіане и іудеи собирались здѣсь для общей молитвы, которая, конечно, была пріятна Господу.

Послѣ того какъ письмо калифа Омара было брошено въ нильскія волны и устроено общее молебствіе всѣхъ жителей Мемфиса, голубь принесъ извѣстіе о быстрой прибыли воды у водопада. Прошло нѣсколько дней напряженнаго ожиданія, и нильскія воды дѣйствительно стали прибывать; наконецъ, онѣ вышли изъ своего русла и обильно разлились по долинѣ, обѣщая земледѣльцу богатую жатву. Сильный дождь съ грозой уничтожилъ удушливую пыль; тогда зараза прекратилась сама собой. Едва только стала обнаруживаться несомнѣнная прибыль воды, какъ полководецъ Амру вернулся домой. Въ его свитѣ находились, между про-

чимъ, Марія съ Рустемомъ, врачъ Филиппъ и купецъ Гашимъ. Послѣдніе двое примкнули къ каравану намѣстника въ Джиддѣ.

Еще дорогой они узнали о недавнихъ событіяхъ въ Мемфисѣ. Когда путешественники приближались къ своему послѣднему ночлегу, уже въ виду города пирамидъ, полководецъ шутливо обратился къ маленькой Маріи:

— Какъ ты думаешь, милое дитя, сказалъ онъ, вѣдь мнѣ слѣдуетъ порадовать мемфитовъ веселой свадьбой?

— Даже цѣлыми двумя, господинъ, отвѣчала дѣвочка.

— Какимъ это образомъ? со смѣхомъ возразилъ Амру; ты еще слишкомъ молода, а, кромѣ тебя, я не знаю другой дѣвушки въ Мемфисѣ, для которой мнѣ хотѣлось бы устроить брачный пиръ.

— Но ты знаешь одного мужчину, которому покровительствуешь, и который до сихъ поръ живетъ отшельникомъ, возразила внучка мукаукаса.—Его слѣдуетъ женить и притомъ одновременно съ Оріономъ и Паулой: я говорю о нашемъ добромъ Филиппѣ.

— О врачѣ? развѣ онъ одинокъ? спросилъ удивленный полководецъ, потому что у мусульманъ считалась позоромъ холостая жизнь въ извѣстные годы. О! вѣроятно, Филиппъ вдовецъ, прибивилъ Амру.

— Нѣтъ, возразила Марія: онъ просто не нашелъ для себя подходящей жены, но я знаю одну молодую дѣвушку, которую самъ Богъ предназначилъ ему.

— Ахъ ты, маленькая хатбэ! *) воскликнулъ намѣстникъ калифа: возьмись хорошенько за дѣло, а я не постою за тѣмъ, чтобъ устроить блестящій брачный пиръ и для этой четы.

— Мы отпразднуемъ еще третью свадьбу, со смѣхомъ прервала дѣвочка, хлопая въ ладоши:—мой храбрый защитникъ Рустемъ...

— Этотъ великанъ? Для тебя, малютка, нѣтъ ничего невозможнаго; неужели и ему ты нашла невѣсту?

— Нѣтъ, онъ самъ, безъ моей помощи, обручился со своей Манданой.

— Все равно, весело воскликнулъ полководецъ:—я дамъ ей приданое. Но не устраивай больше свадебъ, а не то, пожалуй, новыя, не мусульманскія, поколѣнія слишкомъ размножатся, благодаря нашему имѣнательству, и вытѣснятъ арабовъ изъ Египта.

Такъ, великій человѣкъ благосклонно бесѣдовалъ съ малюткой. Онъ полюбилъ ее съ той минуты, какъ она вошла къ нему въ Вереникѣ и стала такъ краснорѣчиво, ясно и въ прочувствованныхъ выраженіяхъ защищать дорогихъ ей людей. Амру тогда же рѣшилъ сдѣлать для нихъ все, отъ него зависящее.

Самопожертвованіе дѣвочки, не побоявшейся опасностей труднаго пути, глубоко тронуло намѣстника Омара. Марія оказала ему услугу, помѣшавъ самоуправству, которое должно было дурно ото-

*) Сваха у арабовъ.

зваться на арабской политикѣ; кромѣ того, гибель послѣдняго представителя знатнаго египетскаго рода и дочери дамасскаго героя, была бы тяжелымъ ударомъ его доброму сердцу.

Вернувшись въ Мемфисъ, полководецъ нашелъ, что дѣйствія векила Обады далеко превзошли его худшія опасенія. Уваженіе къ справедливости арабовъ было подорвано въ странѣ, и Оріонъ спасся только чудомъ отъ руки злодѣя. Обада три раза подсылалъ наемныхъ убійцъ, и одна лишь бдительность тюремщика, мужа хорошенькой Эмау, избавила юношу отъ ужасной смерти при пожарѣ въ темницѣ. Векилъ, конечно, опасался справедливыхъ жалобъ и обвиненій Оріона, а потому и хотѣлъ, во что бы то ни стало, избавиться отъ него. Судьба оказалась милостивой къ злодѣю: онъ умеръ мгновенно, между тѣмъ какъ судьи приговорили бы его къ мучительной казни. Награбленное имъ громадное богатство было отослано въ Медину. Полководецъ нашелъ нужнымъ поддержать конфискацію имущества Оріона, въ видѣ наказанія за его вину противъ мусульманскихъ властей. Способствуя бѣгству монахинь, онъ выказалъ явное сопротивленіе правительству калифа. Юноша не думалъ роптать на случившееся, потому что былъ слишкомъ счастливъ; кромѣ того, полководецъ намѣревался употребить бо́льшую часть государственнаго сбора въ странѣ, на улучшеніе быта египтянъ, послѣ того какъ имъ былъ отосланъ богатый караванъ золота и драгоцѣнностей калифу. Однако Омару не пришлось получить ни того, ни другаго; этотъ вѣрный другъ пророка, мудрый и могущественный государь, палъ отъ руки наемныхъ убійцъ. Тогда цѣлому свѣту стало извѣстно, что зачинщикомъ заговора былъ векилъ Обада. Увѣренный заранѣе въ удачѣ, онъ позволилъ себѣ хозяйничать въ Египтѣ, не стѣсняясь ничѣмъ. Амру привѣтствовалъ сына мукаукаса, какъ родной отецъ; разсмотрѣвъ его работу, онъ нашелъ, что Оріонъ лучше всѣхъ исполнилъ свою задачу; поэтому полководецъ поручилъ юношѣ привести въ исполненіе выработанный имъ планъ новаго раздѣленія Египта на участки для сбора податей.

— Исполни свой долгъ и старайся на будущее время трудиться также усердно, какъ ты началъ! воскликнулъ Амру въ концѣ ихъ бесѣды.

— Въ это тяжелое и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное время, для меня стало понятно многое, отвѣчалъ сынъ Георгія.

— А что же именно? спросилъ полководецъ.—Говори, я слушаю тебя.

— Я узналъ, господинъ, что въ мірѣ нѣтъ счастья или несчастья, какъ понимаетъ его большинство людей, отвѣчалъ Оріонъ. — Жизнь кажется намъ такою, какою мы сами желаемъ видѣть ее. Такъ, жестокія испытанія, которыя посылаетъ намъ судьба, часто походятъ на короткую ночь, предвѣстницу болѣе яркаго дня, или на порѣзы хирурга, возстановляющіе наше здоровье. То, что мы обыкновенно называемъ несчастьемъ, тысячу разъ приводило людей къ высшему благополучію, а счастье, какъ его понимаетъ толпа, можно сравнить съ быстрой рѣкою, которая, напротивъ, отдаляетъ насъ отъ этого прекраснаго ощущенія до-

вольства. Какъ барка, потерявшая руль, скорѣе можетъ спастись въ бурю въ открытомъ морѣ, чѣмъ у берега, такъ и человѣкъ, потерявшій духовное равновѣсіе, скорѣе достигаетъ исправленія среди житейскаго урагана, чѣмъ при безмятежномъ существованіи. Всѣ другія блага теряютъ свою цѣну, если насъ не возвышаетъ сознаніе, что мы твердо исполняемъ свой долгъ и стремимся къ добру. То же самое случилось со мной: собственный опытъ и друзья Паулы научили меня смотрѣть на міръ иными глазами, и находить свое счастье въ томъ, чтобы дѣлать счастливыми другихъ. Сознаніе утраченной свободы ужасно; но я готовъ жить въ тюрьмѣ, только бы меня поддерживали тамъ любовь и трудъ для общей пользы. Я былъ счастливѣе въ моемъ заключеніи, чѣмъ въ то время, когда понапрасну тратилъ молодыя силы среди шумныхъ развлеченій столицы.

— Такъ наслаждайся же сознаніемъ честно исполненнаго долга, вмѣстѣ съ любовью и свободой! отвѣчалъ полководецъ. Вѣрь мнѣ, другъ, что твой отецъ, достигшій загробнаго блаженства, также радостно будетъ покровительствовать тебѣ во всѣхъ твоихъ добрыхъ начинаніяхъ, какъ и я самъ. Ты стоишь на пути, который обращаетъ всякое проклятіе въ благословеніе.

Благодаря вмѣшательству полководца, три свадьбы, состоявшіяся въ Мемфисѣ, были отпразднованы съ особой пышностью. Свадьба Оріона съ Паулой сдѣлалась для жителей города незабвеннымъ днемъ. Епископъ Іоаннъ обвѣнчалъ супруговъ и они вскорѣ поселились въ прекрасномъ домѣ маленькой Катерины, настоящей невѣсты Нила. Еслибъ она могла читать въ сердцахъ новобрачныхъ, то осталась бы довольна: она жила въ ихъ памяти уже не прежней наивной дѣвочкой, рѣзвымъ „мотылькомъ“, и они вполнѣ умѣли оцѣнить ея великую жертву.

Первою, дорогою гостьей, переступившей вмѣстѣ съ ними порогъ ихъ новаго жилища, была малютка Марія; она оставалась у нихъ до своего счастливаго замужства. Гувернантка Эвдоксія, постоянно жила при ней и умерла на рукахъ своей любимой воспитанницы, успѣвъ однако поднять на ноги дѣтей Маріи, которыхъ она любила, какъ настоящая мать.

По многимъ соображеніямъ, въ которыхъ завѣщаніе Катерины играло не послѣднюю роль, патріархъ Веніаминъ счелъ нужнымъ примириться съ сыномъ мукаукаса и посѣтилъ молодую чету. И самъ онъ, и якобитская церковь, немало выиграли отъ этого; когда же дочь Ѳомы подарила Оріону перваго сына, церковный владыка вызвался самъ быть воспріемникомъ мальчику и назвалъ его, по имени дѣда, Георгіемъ.

Вскорѣ послѣ женитьбы, къ Оріону перешло почетное званіе мукаукаса подъ новымъ арабскимъ титуломъ. Какъ высшій сановникъ между христіанами въ своей странѣ, онъ вскорѣ принужденъ былъ переселиться изъ разореннаго Мемфиса въ Александрію.

Оттуда его дѣятельность распространилась по всей нильской

долинѣ. Новый мукаукасъ прилагалъ къ своему дѣлу столько ревностнаго труда, былъ такимъ справедливымъ и мудрымъ правителемъ, что о немъ вспоминали съ любовью и почтеніемъ даже отдаленные потомки. Паула была счастьемъ и гордостью Оріона; они прожили въ согласіи до глубокой старости. Преданный мужъ считалъ своею обязанностью изо дня въ день платить долгъ благодарности той женщинѣ, которая изъ погибшаго человѣка, заклейменнаго отцовскимъ проклятіемъ, сдѣлала честнаго человѣка. Онъ заново отстроилъ дворецъ своихъ предковъ въ Александріи; главный фасадъ этого зданія украшала надпись, бывшая на перстнѣ благороднаго Ѳомы: „По волѣ Божіей добродѣтель не дается безъ труда".

Врачъ Филиппъ и его жена, Пульхерія переселились въ тотъ же городъ. Вернувшись изъ Джидды, молодой человѣкъ былъ такъ ласково встрѣченъ дочерью Руфинуса, что тутъ же привлекъ ее къ себѣ и не выпустилъ изъ объятій, пока Іоганна не дала имъ своего материнскаго благословенія. Вдова поселилась въ домѣ зятя, няньчила внуковъ и часто посѣщала могилу покойнаго мужа. Наконецъ, и ее похоронили рядомъ съ нимъ и его сердобольной матерью. Рустемъ, получивши отъ Оріона щедрую награду, разбогатѣлъ, занимаясь разведеніемъ коней и верблюдовъ въ своемъ отечествѣ. Мандана сдѣлалась доброй и предусмотрительной хозяйкой въ его владѣніяхъ, которыхъ онъ не дѣлилъ однако съ другими, хотя и оставался до смерти масдакитомъ.

Своего перваго ребенка — дѣвочку—они назвали Маріей; старшаго мальчика—Гашимомъ; втораго сына отецъ хотѣлъ назвать Оріономъ, но мать не согласилась на это и дала ему имя Руфинусъ, а послѣдующихъ дѣтей назвали Рустемомъ и Филиппомъ. Сенаторская чета изъ Константинополя покинула Египетъ съ облегченнымъ сердцемъ. Мартинѣ, дѣйствительно, пришлось отпраздновать свадьбу своей дорогой Эліодоры на берегахъ Нила, хотя женихомъ молодой вдовы сдѣлался не „великій Сезострисъ", а Нарзесъ. Нѣжный уходъ невѣстки не возвратилъ ему вполнѣ прежнаго здоровья, разбитаго жизнью въ неволѣ, но настолько поправилъ силы больнаго, что онъ могъ продолжать сносное существованіе.

Злополучный смарагдъ, присланный тѣмъ временемъ въ Мемфисъ изъ греческой столицы, былъ поднесенъ Эліодорой въ видѣ свадебнаго подарка невѣстѣ Оріона. Искренняя дружба соединяла до гроба сенаторскую чету съ молодымъ мукаукасомъ и его супругой. Казначей Нилусъ еще долго усердно исполнялъ свою должность, а купецъ Гашимъ, пріѣзжая въ Александрію, каждый разъ возбуждалъ споръ между двумя друзьями: Оріономъ и Филиппомъ. Тотъ и другой наперерывъ старались предложить ему свое гостепріимство.

Молодой врачъ не завидовалъ больше счастью соперника. По прежнему благоговѣя передъ Паулой, онъ однако думалъ про себя: „ни одна женщина не сравнится съ моей кроткой Пулъ; для гордой красавицы дамаскинки комнаты въ нашемъ домѣ были бы слишкомъ малы, но моей доброй волшебницѣ съ золотыми кудрями лучше всего идетъ такая скромная обстановка".

Филиппъ до самой смерти самоотвержено трудился на пользу страждущаго человѣчества и, видя неутомимое усердіе Оріона въ исполненіи своего долга, часто говаривалъ: „Онъ знаетъ теперь, чего отъ насъ требуетъ жизнь, и не теряетъ понапрасну времени, а потому не старѣется, и его смѣхъ, по прежнему, звучитъ подкупающей искренностью. Кто спасся отъ вѣрной смерти, какъ невѣста Нила, и кто съумѣлъ смыть съ себя страшное отцовское проклятіе, какъ молодой мукаукасъ, тотъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Дружбой такихъ людей, по справедливости, слѣдуетъ гордиться.

Невѣста Нила до сихъ поръ, не забыта въ Египтѣ. Каждый годъ, передъ поднятіемъ уровня великой рѣки въ „ночь орошенія“, жители Каира, возникшаго вокругъ Фостата, основаннаго Амру, напротивъ древняго Мемфиса, ставятъ на берегу фигуру изъ глины, напоминающую женщину. Она слыветъ у нихъ подъ именемъ „Арузы“, что значитъ на мѣстномъ нарѣчіи „невѣста“.

Конецъ.

ПОѢЗДКА ВЪ АСХАБАДЪ.

V.

Ночевка въ пескахъ.—Ураганъ въ пустынѣ.—Укрѣпленіе Кизилъ-Арватъ.—Минеральные источники.—Выступленіе въ Бами.—Ночлегъ.—Два чиновника: Иванъ Павловичъ и Егоръ Петровичъ.—Встрѣча со старымъ знакомымъ.

Востокъ горѣлъ багровымъ румянцемъ, когда я съ транспортомъ выступилъ изъ Казанджика. Дорога лежала по склону хребта. Ни кустика, ни деревца на его отлогихъ скатахъ, усѣянныхъ только камнями. Груневъ шелъ рядомъ со мной, и мы чувствовали себя въ прекрасномъ состояніи духа, отдохнувъ въ Казанджикѣ. Мы были въ восторгѣ, замѣтивъ вдали серебристую полосу воды. Но чѣмъ мы ближе подходили къ рѣкѣ, тѣмъ она далѣе отходила отъ насъ. Мы только тогда поняли, что это миражъ.

Верблюды шли бодро. Солдаты тоже были веселы, покуривали трубочку и пересмѣивались съ киргизами, которые сильно расчихивались на верблюдахъ, что имъ очень нравилось. Солнце палило обычнымъ зноемъ. Дохлые верблюды встрѣчались на каждомъ шагу, иные были еще живы и умирали на моихъ глазахъ. Вытянувъ и закинувъ далеко назадъ свои длинныя шеи, они, послѣ непродолжительныхъ конвульсій, испускали послѣдній вздохъ, оскаливъ бѣлые, короткіе и широкіе зубы.

Въ полдень транспортъ сдѣлалъ маленькій привалъ у ручья. По берегамъ росла жалкая растительность, походившая на тонкій зеленый камышъ. И здѣсь валялись дохлые верблюды. Нѣкоторые какъ припадали къ ручью напиться, такъ и остались мертвыми. Наши верблюды съ жадностью пожирали траву и запивали мутной водой. Ручей терялся въ пескахъ...

Отдохнувъ съ часъ, мы двинулись далѣе. Къ вечеру стало свѣжѣе. Транспортъ прошелъ верстъ пять и остановился ночевать въ пескахъ. Солдаты составили ружья въ козлы и разбрелись въ разныя стороны собирать бурьянъ. Киргизы развьючили верблю-

довъ и согнали ихъ въ кружокъ. Скоро въ разныхъ мѣстахъ запылали костры. Сухой бурьянъ ярко горѣлъ, и пламя разгоняло на недалекое пространство мракъ, царствовавшій въ мертвой пустынѣ. Вечеръ былъ холодный; изъ ущелья горъ дулъ пронзительный вѣтеръ. Я лежалъ у костра и подолгу всматривался въ загорѣлыя лица солдатъ. Натурою здоровою и сильною, безпечною и веселою, терпѣливою и бодрою вѣяло отъ нихъ. Звуки родной пѣсни замирали въ необъятной пустынѣ. Груневъ лежалъ возлѣ меня и молча отхлебывалъ чай изъ импровизированнаго стакана. Русскіе солдаты въ походѣ сами дѣлали стаканы. Они тонкой веревочкой распиливали бутылки, горлышки отъ нихъ бросали, а остальная часть бутылки шла на стаканъ. „А что̀, братцы, спросишь иной разъ, нѣтъ ли у кого лишняго стакана? —„Сейчасъ, ваше благородіе, приготовимъ“. Отыскивалась бутылка, два солдата садились на корточки, натягивали веревочку и принимались пилить ею до тѣхъ поръ, пока не перерѣзали бутылку.

Вдругъ раздался конскій топотъ. Черезъ нѣсколько минутъ, къ намъ подъѣхали три всадника въ шинеляхъ и фуражкахъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ стояли казаки, держа въ поводьяхъ текинскихъ лошадей, укутанныхъ попонами.

Всадники слѣзли съ коней и подошли къ намъ. Одинъ изъ нихъ отрекомендовался поручикомъ фонъ-К.—Они ѣхили съ донесеніемъ о штурмѣ Геокъ-Тепе.

На другой день, когда транспортъ выступилъ съ бивака, поднялся ураганъ. Кто путешествовалъ по пустынѣ, тому хорошо извѣстно это страшное явленіе природы. Песокъ застлалъ атмосферу, стало темно. Сильный вѣтеръ дулъ въ лицо, почти невозможно было двигаться. Транспортъ сбивался съ пути, верблюды спотыкались и падали въ широкія разщелины, встрѣчавшіяся на пути. Иногда атмосфера прояснялась, проглядывали солнечные лучи, и тогда глазамъ открывалась песчаная, сглаженная вѣтромъ почва, а въ сторонѣ кружился вихрь песку и несся по необозримой пустынѣ. Къ этому присоединялся нестерпимый запахъ отъ разложенія дохлыхъ верблюдовъ, валявшихся въ пескахъ. Но вдругъ порывъ вѣтра снова застилалъ атмосферу и снова становилось темно. Къ вечеру ураганъ стихъ. Вдали—укрѣпленіе Кизилъ-Арватъ. Оно расположено на высокой, гладкой площадкѣ, которую съ одного берега обмываетъ рѣчка. Невысокія горы замыкаютъ горизонтъ справа. Я представился воинскому начальнику, рябоватому, толстому капитану изъ грузинъ. Онъ приказалъ отвести мнѣ съ Груневымъ кибитку, гдѣ мы и размѣстились по походному.

На другой день я пошелъ съ Груневымъ бродить по окрестностямъ Кизилъ-Арвата.

Сначала мы шли вдоль узкой канавы, берега которой поросли травой и усѣяны камнями. Въ канавѣ текла вода голубаго цвѣта, но въ стаканѣ она была прозрачной, непріятнаго вкуса, теплая и отдавала сѣрой; по канавѣ стлался легкій паръ. Источникъ ея вблизи горъ, въ формѣ неглубокаго бассейна, гдѣ вода пѣнилась на поверхности. Мы присѣли отдохнуть.

Въ Кизилъ-Арватѣ я прожилъ нѣсколько дней, потому что ожидался приходъ новаго транспорта съ чаемъ для отряда. Я по цѣлымъ днямъ бродилъ по окрестностямъ, взбирался съ Груневымъ на утесистыя горы, билъ ящерицъ, собиралъ насѣкомыхъ и громко распѣвалъ въ ущельяхъ горъ, гдѣ эхо вторило каждому звуку. Къ вечеру, сильно уставши, я спалъ, какъ убитый.

Въ концѣ февраля, я выступилъ изъ Кизилъ-Арвата въ Бами. Дорога была довольно оживлена. Встрѣчались мелкіе торговцы съ арбами, молоканскіе фургоны, нагруженные товарами, обратные караваны и части войскъ. Но солнце весь день палило сильно, каменистая почва была накалена до того, что чувствовался жаръ въ ногахъ. И только благодатный вечеръ освѣжалъ силы и давалъ возможность прійти на бивакъ до наступленія темноты.

Мы расположились ночевать въ узкой лощинѣ, вблизи заброшеннаго колодца, вода котораго, къ счастію, оказалась пригодной. Скоро къ биваку подъѣхало нѣсколько фургоновъ по дорогѣ изъ-подъ Геокъ-Тепе. Они везли часть походной канцеляріи. Я приказалъ солдату приготовить самоваръ,—а самъ пошелъ къ транспорту, чтобы провѣрить количество вьюковъ, такъ какъ киргизы воровали иногда сахаръ, чай и спиртъ. Не успѣлъ я отойти нѣсколько шаговъ, какъ услыхалъ чей-то голосъ:

— А сахарецъ, Иванъ Павловичъ, взяли?

Я остановился и увидѣлъ двухъ чиновниковъ. Они лазили на молоканской фурѣ, нагруженной тюками, и какъ видно что-то искали. Одинъ былъ высокаго роста съ длинными тонкими ногами, съ небольшой бородкой и крупнымъ носомъ; другой составлялъ ему противоположность,—низкаго роста, коренастый, безъ бороды и съ маленькимъ носомъ, похожимъ на редиску.

— Не могу ума приложить, куда дѣвался сахарецъ, говорилъ Иванъ Павловичъ, лазая по фургону. Не желаете?

— Чего? спросилъ другой чиновникъ, котораго звали Егоромъ Петровичемъ.

— Галетки? сказалъ Иванъ Павловичъ.

Егоръ Петровичъ открылъ ротъ, Иванъ Павловичъ всунулъ ему галетку, и она пріятно захрустѣла на зубахъ.

— Ну, такъ какъ же мы будемъ безъ сахарцу чай-то пить, дѣло дрянь выходитъ... Вотъ ромашка... Коньячишко вотъ, а сахарцу-то нѣтъ... дрянь дѣло—говорилъ Иванъ Павловичъ, переворачивая тюки.

Въ эту минуту я почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то руку. Я обернулся. Передо мной стоялъ контрольный чиновникъ, съ которымъ я познакомился въ Михайловскомъ заливѣ.

— Вы какими судьбами здѣсь? спросилъ я.

— Ѣздилъ по казеннымъ дѣламъ въ Геокъ-Тепе, сказалъ контролеръ,—а теперь—въ Петербургъ.

Я пригласилъ его пить чай, и мы пошли, направляясь къ костру, возлѣ котораго сидѣлъ Груневъ.

— Гостя веду, сказалъ я Груневу.

— А, радостно воскликнулъ Груневъ,—добро пожаловать, есть о чемъ поговорить, да кстати я имѣю къ вамъ дѣло.

Мы втроемъ усѣлись на полость, вокругъ походнаго самовара.

— Какое же у васъ до меня дѣло? обратился контролеръ къ Груневу.

— Я хотѣлъ спросить васъ, отчего такъ много передохло верблюдовъ?

— Не кормили, отъ того.

— Гм... промычалъ Груневъ. А отпускъ отъ казны былъ на ихъ продовольствіе?

— Да.

— И дорого стоитъ казнѣ верблюдъ?

— Почти двѣсти пятьдесятъ рублей.

— Думали вѣрно, что верблюдъ, какъ животное выносливое, вынесетъ даже голодъ...

Груневъ еще что-то хотѣлъ сказать, но въ эту минуту къ костру, возлѣ котораго мы сидѣли, подошли два чиновника.

— Господа, можно присоединиться къ вамъ, сказалъ тотъ, котораго звали Егоромъ Петровичемъ.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я.

Скоро между нами завязался оживленный разговоръ. Егоръ Петровичъ къ яркихъ краскахъ рисовалъ ужасы штурма Геокъ-Тепе.

— Помните, Иванъ Павловичъ, обратился онъ къ своему другу, какъ вы, во время штурма, сидѣли на карачкахъ. Прыгаетъ онъ, господа, по кибиткѣ да кричитъ: „ой, убьетъ! ой, убьетъ!..

И Егоръ Петровичъ залился неудержимымъ хохотомъ. Иванъ Павловичъ недовольно взглянулъ на него и въ свою очередь ядовито замѣтилъ:

— Вы тоже не изъ храбраго десятка, Егоръ Петровичъ. Помните, вѣроятно, хорошо: какъ только взойдетъ луна, текинцы выйдутъ изъ крѣпости на вылазку, закричатъ „алла"! тутъ, господа, мой Егоръ Петровичъ и бухъ пластомъ на землю. Лежитъ, не двигаясь, до тѣхъ поръ пока наши войска не отобьютъ текинцевъ.

Егоръ Петровичъ ничего не отвѣтилъ, но налилъ полный стаканъ коньяку и поднесъ мнѣ.

— Одолжайтесь.

Я отказался.

— Я въ молодые года тоже не пилъ, началъ Егоръ Петровичъ. Но подвернулись въ жизни такія коварныя обстоятельства, что пришлось запить... Нашелся подлецъ, который подставилъ мнѣ по службѣ ножку; меня лишили мѣста въ департаментѣ; тутъ жена моя возьми и взбѣсись, двойню принесла... Хорошо, что походъ въ Теке открылся. Хоть и грѣшно было радоваться: зналъ, что своихъ же братьевъ христіанъ много погибнетъ; но, однимъ словомъ, не вытерпѣлъ, обрадовался походу. Я обратился къ Ивану Павловичу, нельзя ли, дескать, походатайствовать за меня у высшаго начальства. Смотрю, и выгорѣло...

— А что, признайтесь, Егоръ Петровичъ, нагрѣли здѣсь карманы? спросилъ контролеръ.

— Два тюка однихъ текинскихъ ковровъ везетъ, замѣтилъ Иванъ Павловичъ,—да серебра что-то съ пудикъ.

— Мнѣ простительно, сказалъ Егоръ Петровичъ:—я мало захватилъ, а были такіе, что цѣлые фургоны и арбы понавалили всякаго добра.

Егоръ Петровичъ скоро опьянѣлъ совсѣмъ. Онъ едва сидѣлъ на мѣстѣ. Наконецъ свалился на бурку и захрапѣлъ.—Мы снесли его въ фургонъ и разошлись.

VI.

Дорога къ Бами.—Колодцы.—Въ кибиткѣ адъютанта.—Укрѣпленіе Бами.—Личность Янкеля, его шинокъ.—Самоубійство.—Выступленіе въ Геокъ-Тепе.—Остатки древней цивилизаціи.—Первая встрѣча съ текинцами.

Мы выступили, по обыкновенію, съ восходомъ солнца. Дорога до Бами усѣяна колодцами. Каждый изъ нихъ представлялъ

кое, круглое отверстіе, обнесенное земляным валикомъ, и соединялся съ другимъ колодцемъ посредствомъ подземнаго тунеля, служившаго въ каждой линіи проводникомъ воды отъ перваго колодца, находившагося у подножія горъ, до послѣдняго, терявшагося въ пескахъ. Въ нѣкоторыхъ колодцахъ замѣтно было дно и слышалось журчаніе воды, вытекавшей изъ тунеля. Иные отличались значительною глубиною. Одинъ колодецъ отъ другаго находился шагахъ въ десяти. — Въ каждой линіи находилось до трехъсотъ колодцевъ, какъ я могъ насчитать, а такихъ линій было множество.—Проводникъ-киргизъ говорилъ, что текинцы не работали сами надъ этими колодцами, а употребляли на работы плѣнныхъ персовъ. Кто же изъ нихъ отказывался, того закапывали живымъ въ землю. Долбить первобытными орудіями узкое отверстіе въ каменистой почвѣ, рыть лежа тунели, выкладывать своды кирпичемъ,—все это было дѣйствительно тяжелою работою.

Я пришелъ съ транспортомъ въ Бами, когда совершенно стемнѣло. Мнѣ пришлось долго бродить въ темнотѣ по укрѣпленію, между множествомъ кибитокъ, коновязями лошадей, наталкиваться на орудія, пока наконецъ я нашелъ кибитку адьютанта Д..... полка, къ которому мнѣ нужно было явиться.

Я засталъ адьютанта за чаемъ. Кибитка была сплошь завѣшена текинскими коврами, что придавало ей красивость и уютность. Самъ хозяинъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Это былъ невысокій, сутуловатый брюнетъ съ черной короткой бородкой и лицомъ, нѣсколько напоминающимъ типъ среднеазіатскій. Во всей его жиденькой фигуркѣ проглядывало чванство и щегольство.

Я отрекомендовался.

— Знаю, вы прикомандированы въ нашъ полкъ, отлично; чаю не желаете? можетъ быть, съ молокомъ прикажете?

Я не отказался, потому что былъ голоденъ. Меня удивило появленіе молока. Оно показалось здѣсь роскошью, о какой я не мечталъ послѣ того, что приходилось мнѣ встрѣчать въ укрѣпленіяхъ, гдѣ я останавливался. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ощущался недостатокъ въ водѣ, а въ другихъ, какъ напримѣръ, въ Балла-Ишемѣ, воду привозили изъ Михайловскаго залива.

— Вы были при штурмѣ Геокъ-Тепе? спросилъ я адьютанта.

— Какъ же, былъ.

— Хорошо дрались текинцы?

— Молодцами. Они очень храбры. Кромѣ того, дорожатъ своими убитыми братьями и убираютъ тѣла, прежде чѣмъ кончится сраженіе.

Я посидѣлъ у адьютанта нѣсколько минутъ. Въ кибиткѣ, отведенной для меня, я засталъ Грунева. Онъ лежалъ въ постели и читалъ. Вѣтеръ съ каждой минутой становился сильнѣе и порывистѣе; кибитка наша скрипѣла. Я пожелалъ Груневу спокойной ночи и не успѣлъ завернуться въ одѣяло, какъ сильный порывъ вѣтра снесъ верхъ нашей кибитки. Мы очутились подъ открытымъ небомъ. Вѣтеръ рвалъ и металъ все, что̀ ему ни попадалось. Солдаты выбѣжали изъ кибитокъ и бросились ловить свои вещи, прыгавшія по землѣ. „Ивановъ, лови сюртукъ!“ „Самоваръ держи!“ слышалось въ одномъ мѣстѣ. „Эхъ, братцы, шапку унесло!...“ кричалъ кто-то. „Ай да Теке!“ говорилъ солдатикъ въ рубашкѣ, гоняясь за тюфякомъ.

Къ двумъ часамъ ночи вѣтеръ наконецъ стихъ. Солдаты поправили кое-какъ нашу кибитку, закрѣпили веревки, такъ что уже разсвѣтало, когда я заснулъ.

На слѣдующій день я одѣлся въ походную парадную форму и представился командиру полка. Въ кибиткѣ, устланной и увѣшанной коврами, меня встрѣтилъ средняго роста толстый полковникъ съ одутловатымъ лицомъ.

— Я васъ уже назначилъ въ роту, сказалъ онъ. Съ первымъ удобнымъ случаемъ извольте отправиться въ Геокъ-Тепе.

Укрѣпленіе Бами состояло изъ множества кибитокъ, палатокъ, лазаретныхъ наметовъ и отдѣленія Краснаго креста. Въ немъ сосредоточивалась значительная часть Закаспійскаго отряда, какъ въ пунктѣ болѣе близкомъ къ Геокъ-Тепе. Бами расположено по склону хребта, въ мѣстности безплодной и усѣянной камнями. По укрѣпленію протекала канава съ мутной водой, что̀ казалось здѣсь роскошью, а въ одномъ мѣстѣ надъ ней стояли три засохшія дерева.

Я по цѣлымъ днямъ просиживалъ съ Груневымъ у Янкеля, который держалъ шинокъ, а въ шинкѣ была приманка для офицеровъ—бильярдъ, единственный на всю Закаспійскую область. Другіе жидки,—а ихъ было здѣсь какъ мухъ,—не догадались привезти бильярда, а потому ихъ шинки не были такъ оживлены, какъ шинокъ Янкеля. Немало привлекала публику и личность самого Янкеля. Высокій, худой, сутуловатый, съ большимъ носомъ, загнутымъ внизъ, на подобіе клюва хищной птицы, съ длинными, черными съ просѣдью пейсами, вившимися по впалымъ и блѣднымъ щекамъ, съ большими стеклянными глазами, всегда зорко глядѣвшими изъ-за бѣлыхъ очковъ, съ длинными бровями и длинной бородой, Янкель, несмотря на преклонныя лѣта, съ удивительнымъ хладнокровіемъ переносилъ насмѣшки, сыпавшіяся

часто отъ публики на жидовскую націю. Онъ никогда не ходилъ безпокоить начальство просьбами, даже и тогда, когда иной разъ сыны Марса, увлеченные винными парами, бросали въ него бутылками. За это Янкель получалъ гешефты, и капиталы его невѣроятно росли.

Въ шинкѣ Янкеля собирались исключительно офицеры. Шинокъ имѣлъ видъ длиннаго шатра, крытаго камышемъ, черепицей, полотномъ и чортъ знаетъ чѣмъ. Надъ шинкомъ былъ нарисованъ бокъ барана съ тремя воткнутыми въ него вилками, лакей во фракѣ и стулъ. Внизу надпись: „Гостинница Америка". Внутри шинокъ отличался неопрятностью, а продукты, кромѣ ржавыхъ сардинокъ и селедокъ, имѣвшихъ особенный специфическій запахъ, пахли свѣжей солдатской подошвой.

Офицеры обыкновенно собирались въ шинокъ, чтобы чѣмъ нибудь убить свободное время. Они играли на бильярдѣ, пили прескверный лимонадъ, пиво, вино, водку, и заѣдали шашлыкомъ, который поставлялъ въ шинокъ извѣстный на все Бами поваръ Хамхаридзе — уроженецъ Тифлиса, впослѣдствіи оказавшійся бѣглымъ каторжникомъ.

Какъ-то вечеромъ я возвращался изъ шинка домой. Солдаты только что поужинали и пѣли пѣсни; гдѣ-то слышалась музыка, играли вальсъ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до кибитки, я встрѣтилъ Грунева. Онъ казался встревоженнымъ и лицо его было блѣдно.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Сейчасъ,—онъ указалъ при этомъ рукой на палатку неподалеку,—застрѣлился тутъ офицеръ.

— Не знаете, что за причина?

— Проигралъ въ штосъ казенныя деньги.

Самоубійства въ отрядѣ были не рѣдки.

Черезъ день я выступилъ съ транспортомъ изъ Бами въ Геокъ-Тепе. Дорога пролегала по скату хребта, и съ возвышенности открывался печальный ландшафтъ: необозримая песчаная степь и на ней кой-гдѣ развалины. Дорога отъ Бами интересна по историческимъ воспоминаніямъ. На пути встрѣчались развалины древнихъ городовъ, старинныя кладбища и башни, остатки когда-то цвѣтущей цивилизаціи. Нѣкогда кипѣла здѣсь могучая жизнь, цвѣли города. Что же осталось отъ эпохи, когда страна эта была гордостью могущественной монархіи? Что осталось отъ цвѣтущихъ городовъ, отъ плодоносныхъ полей и нивъ, орошаемыхъ искусственными каналами, отъ великолѣпныхъ шоссейныхъ дорогъ, отъ памятниковъ архитектуры? Однѣ жалкія руины, гдѣ

мѣсто человѣка заняли гіены и шакалы, одни знойные пески, гдѣ царствуетъ ураганъ. Вниманіе привлекали громадные земляные курганы, встрѣчавшіеся почти у каждаго разрушеннаго города.

Одни изъ нихъ очень стары, другіе строили не сами текинцы, а находившіеся у нихъ въ плѣну персы. Курганы были важны въ военномъ отношеніи, какъ пункты оборонительные. Бо́льшая часть находилась не вблизи горъ, а среди знойныхъ песковъ. Слѣдовательно, была здѣсь когда нибудь плодородная почва, воздѣланная трудами рукъ человѣческихъ.

Всю дорогу солнце палило невыносимо. Транспортъ медленно подвигался, а въ полдень, въ самый зной, я сдѣлалъ привалъ въ узкой ложбинѣ, гдѣ протекала мелкая рѣчка. На правомъ берегу ея, около невысокаго бугра, росли три дерева съ поблекшими листьями. Они стояли, опустивъ печально вѣтви, точно раздумывали: зачѣмъ и кто занесъ ихъ сюда, гдѣ вокругъ безплодная и безлюдная пустыня?

Я пошелъ съ Груневымъ осмотрѣть развалины, по близости. Вдругъ мы замѣтили, какъ изъ-за бугра появилась фигура мальчика и потомъ поспѣшно спряталась за тотъ же бугоръ.

— Здѣсь, вѣроятно, аулъ текинцевъ, сказалъ Груневъ.

Мнѣ хотѣлось видѣть текинцевъ. Я быстро направился къ тому мѣсту, гдѣ показалась фигура мальчика. Переправясь въ бродъ черезъ рѣку, мы взошли на косогоръ и увидѣли подъ нимъ заброшенную мельницу и два валявшіеся каменные жернова. Около мельницы стояла кибитка, покрытая рваною, закоптѣлою полостью. Мохнатая бѣлая собака съ лаемъ выбѣжала къ намъ. Изъ дверей кибитки боязливо выглянуло маленькое, смуглое личико, но поспѣшно спряталось. Мы долго ждали; никто не выходилъ; сами же мы не рѣшались войти въ кибитку. Скоро показался вдали мужчина высокаго роста, съ худымъ смуглымъ лицомъ, окаймленнымъ рѣдкой бородкой, въ большой черной папахѣ, бѣлой широкой рубашкѣ, широкихъ бѣлыхъ штанахъ и въ чевякахъ на каблукахъ. На одномъ плечѣ его лежалъ ситцевый полосатый халатъ. Текинецъ подошелъ къ намъ и слегка приподнялъ свою высокую папаху.

Нѣсколько минутъ мы стояли молча. Въ это время, изъ кибитки выбѣжали двое дѣтей. Одинъ изъ нихъ былъ мальчикъ, котораго мы видѣли на бугрѣ, другая — дѣвочка. Дѣти взглянули на насъ исподлобья, подбѣжали къ отцу и прижались къ нему.

Дѣвочка была прехорошенькая. Ея маленькое смуглое личико, большіе черные блестящіе глаза, окаймленные тонкими бровями,

прямой маленькій носъ, розовыя крупныя губки и черные волосы очень красили ее, несмотря на оборванное коротенькое платье и на босыя грязныя ноги. Въ ушахъ ея мотались большія, полукруглыя серебряныя серьги, на груди висѣли нити, унизанныя серебромъ.

Я подалъ текинцу нѣсколько серебряныхъ абазовъ. Онъ взялъ, посмотрѣлъ на нихъ и, улыбнувшись, отдалъ дѣвочкѣ. Та быстро сжала деньги въ рукѣ и съ удивленіемъ взглянула на насъ. Текинецъ подошелъ къ высокой башнѣ, пролѣзъ въ нее сквозь узкое отверстіе и скоро вернулся съ нѣсколькими пучками скрученнаго зеленоватаго сѣна. Онъ подалъ ихъ мнѣ и приложилъ руку къ груди. Я понялъ, что это была благодарность за абазы и, хотя не имѣлъ лошади, взялъ пучки, чтобы не оскорбить чувства текинца.

Когда мы возвратились на мѣсто привала, я приказалъ транспорту выступать. На слѣдующій день, часовъ въ одиннадцать утра мы подходили къ Геокъ-Тепе.

VII.

Видъ Геокъ-Тепе. — Лагерь. — Скобелевъ.—Осмотръ крѣпости.—Походные журъ-фиксы.—Базаръ.—Встрѣча съ Мижайловымъ.– Проводы батальона.—Панихида.

Когда я увидѣлъ среди песчаной равнины высокій курганъ, на которомъ побѣдоносно развѣвался русскій флагъ, высокія, сѣрыя стѣны крѣпости Геокъ-Тепе, рядъ укрѣпленій, въ видѣ узкихъ и длинныхъ рвовъ, насыпи, братскія могилы съ высокими крестами, сѣрую тучу, висѣвшую надъ крѣпостью, и унылую, необозримую даль,—неизъяснимое чувство охватило меня и я долго не могъ оторвать глазъ отъ того мѣста, гдѣ такъ недавно лилась человѣческая кровь. Въ самомъ воздухѣ, окружавшемъ крѣпость, было еще что-то страшное... Даже солнце, казалось, не хотѣло освѣщать унылаго мѣста, а бросало лучи на мѣстность, лежавшую вблизи горъ, гдѣ былъ расположенъ лагерь отряда. Изъ лагеря неслись звуки музыки, пѣсни и ржаніе лошадей; гдѣ-то кричали „ура!“...

Въ Геокъ-Тепе я разстался съ Груневымъ. Онъ отправился въ полкъ по назначенію, а я, сдавъ транспортъ воинскому начальнику, помѣстился на время у знакомаго офицера. Это былъ добрый, довѣрчивый и неглупый отъ природы малый, но, къ сожалѣнію, безпечный и притомъ глубокій почитатель Бахуса. Онъ

ПОѢЗДКА ВЪ АСХАБАДЪ.

V.

Ночевка въ пескахъ.—Ураганъ въ пустынѣ.—Укрѣпленіе Кизилъ-Арватъ.—Минеральные источники.—Выступленіе въ Бами.—Ночлегъ.—Два чиновника: Иванъ Павловичъ и Егоръ Петровичъ.—Встрѣча со старымъ знакомымъ.

Востокъ горѣлъ багровымъ румянцемъ, когда я съ транспортомъ выступилъ изъ Казанджика. Дорога лежала по склону хребта. Ни кустика, ни деревца на его отлогихъ скатахъ, усѣянныхъ только камнями. Груневъ шелъ рядомъ со мной, и мы чувствовали себя въ прекрасномъ состояніи духа, отдохнувъ въ Казанджикѣ. Мы были въ восторгѣ, замѣтивъ вдали серебристую полосу воды. Но чѣмъ мы ближе подходили къ рѣкѣ, тѣмъ она далѣе отходила отъ насъ. Мы только тогда поняли, что это миражъ.

Верблюды шли бодро. Солдаты тоже были веселы, покуривали трубочку и пересмѣивались съ киргизами, которые сильно раскачивались на верблюдахъ, что имъ очень нравилось. Солнце пекло обычнымъ зноемъ. Дохлые верблюды встрѣчались на каждомъ шагу, иные были еще живы и умирали на моихъ глазахъ. Вытянувъ и закинувъ далеко назадъ свои длинныя шеи, они, послѣ непродолжительныхъ конвульсій, испускали послѣдній вздохъ, оскаливъ бѣлые, короткіе и широкіе зубы.

Въ полдень транспортъ сдѣлалъ маленькій привалъ у ручья. По берегамъ росла жалкая растительность, походившая на тонкій зеленый камышъ. И здѣсь валялись дохлые верблюды. Нѣкоторые какъ припадали къ ручью напиться, такъ и остались мертвыми. Наши верблюды съ жадностью пожирали траву и запивали мутной водой. Ручей терялся въ пескахъ...

Отдохнувъ съ часъ, мы двинулись далѣе. Къ вечеру стало свѣжѣе. Транспортъ прошелъ верстъ пять и остановился ночевать въ пескахъ. Солдаты составили ружья въ козлы и разбрелись въ разныя стороны собирать бурьянъ. Киргизы развьючили верблю-

довъ и согнали ихъ въ кружокъ. Скоро въ разныхъ мѣстахъ запылали костры. Сухой бурьянъ ярко горѣлъ, и пламя разгоняло на недалекое пространство мракъ, царствовавшій въ мертвой пустынѣ. Вечеръ былъ холодный; изъ ущелья горъ дулъ пронзительный вѣтеръ. Я лежалъ у костра и подолгу всматривался въ загорѣлыя лица солдатъ. Натурою здоровою и сильною, безпечною и веселою, терпѣливою и бодрою вѣяло отъ нихъ. Звуки родной пѣсни замирали въ необъятной пустынѣ. Груневъ лежалъ возлѣ меня и молча отхлебывалъ чай изъ импровизированнаго стакана. Русскіе солдаты въ походѣ сами дѣлали стаканы. Они тонкой веревочкой распиливали бутылки, горлышки отъ нихъ бросали, а остальная часть бутылки шла на стаканъ. „А что, братцы, спросишь иной разъ, нѣтъ ли у кого лишняго стакана? —„Сейчасъ, ваше благородіе, приготовимъ“. Отъискивалась бутылка, два солдата садились на корточки, натягивали веревочку и принимались пилить ею до тѣхъ поръ, пока не перерѣзали бутылку.

Вдругъ раздался конскій топотъ. Черезъ нѣсколько минутъ, къ намъ подъѣхали три всадника въ шинеляхъ и фуражкахъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ стояли казаки, держа въ поводьяхъ текинскихъ лошадей, укутанныхъ попонами.

Всадники слѣзли съ коней и подошли къ намъ. Одинъ изъ нихъ отрекомендовался поручикомъ фонъ-К.—Они ѣхали съ донесеніемъ о штурмѣ Геокъ-Тепе.

На другой день, когда транспортъ выступилъ съ бивака, поднялся ураганъ. Кто путешествовалъ по пустынѣ, тому хорошо извѣстно это страшное явленіе природы. Песокъ застлалъ атмосферу, стало темно. Сильный вѣтеръ дулъ въ лицо, почти невозможно было двигаться. Транспортъ сбивался съ пути, верблюды спотыкались и падали въ широкія разщелины, встрѣчавшіяся на пути. Иногда атмосфера прояснялась, проглядывали солнечные лучи, и тогда глазамъ открывалась песчаная, сглаженная вѣтромъ почва, а въ сторонѣ кружился вихрь песку и несся по необозримой пустынѣ. Къ этому присоединялся нестерпимый запахъ отъ разложенія дохлыхъ верблюдовъ, валявшихся въ пескахъ. Но вдругъ порывъ вѣтра снова застилалъ атмосферу и снова становилось темно. Къ вечеру ураганъ стихъ. Вдали—укрѣпленіе Кизилъ-Арватъ. Оно расположено на высокой, гладкой площадкѣ, которую съ одного берега обмываетъ рѣчка. Невысокія горы замыкаютъ горизонтъ справа. Я представился воинскому начальнику, рябоватому, толстому капитану изъ грузинъ. Онъ приказалъ отвести мнѣ съ Груневымъ кибитку, гдѣ мы и размѣстились по походному.

На другой день я пошелъ съ Груневымъ бродить по окрестностямъ Кизилъ-Арвата.

Сначала мы шли вдоль узкой канавы, берега которой поросли травой и усѣяны камнями. Въ канавѣ текла вода голубаго цвѣта, но въ стаканѣ она была прозрачной, непріятнаго вкуса, теплая и отдавала сѣрой; по канавѣ стлался легкій паръ. Источникъ ея вблизи горъ, въ формѣ неглубокаго бассейна, гдѣ вода пѣнилась на поверхности. Мы присѣли отдохнуть.

Въ Кизилъ-Арватѣ я прожилъ нѣсколько дней, потому что ожидался приходъ новаго транспорта съ чаемъ для отряда. Я по цѣлымъ днямъ бродилъ по окрестностямъ, взбирался съ Груневымъ на утесистыя горы, билъ ящерицъ, собиралъ насѣкомыхъ и громко распѣвалъ въ ущельяхъ горъ, гдѣ эхо вторило каждому звуку. Къ вечеру, сильно уставши, я спалъ, какъ убитый.

Въ концѣ февраля, я выступилъ изъ Кизилъ-Арвата въ Бами. Дорога была довольно оживлена. Встрѣчались мелкіе торговцы съ арбами, молоканскіе фургоны, нагруженные товарами, обратные караваны и части войскъ. Но солнце весь день палило сильно, каменистая почва была накалена до того, что чувствовался жаръ въ ногахъ. И только благодатный вечеръ освѣжалъ силы и давалъ возможность прійти на бивакъ до наступленія темноты.

Мы расположились ночевать въ узкой лощинѣ, вблизи заброшеннаго колодца, вода котораго, къ счастію, оказалась пригодной. Скоро къ биваку подъѣхало нѣсколько фургоновъ по дорогѣ изъ подъ Геокъ-Тепе. Они везли часть походной канцеляріи. Я приказалъ солдату приготовить самоваръ,—а самъ пошелъ къ транспорту, чтобы провѣрить количество вьюковъ, такъ какъ киргизы воровали иногда сахаръ, чай и спиртъ. Не успѣлъ я отойти нѣсколько шаговъ, какъ услыхалъ чей-то голосъ:

— А сахарецъ, Иванъ Павловичъ, взяли?

Я остановился и увидѣлъ двухъ чиновниковъ. Они лазили на молоканской фурѣ, нагруженной тюками, и какъ видно что-то искали. Одинъ былъ высокаго роста съ длинными тонкими ногами, съ небольшой бородкой и крупнымъ носомъ; другой составлялъ ему противоположность,—низкаго роста, коренастый, безъ бороды и съ маленькимъ носомъ, похожимъ на редиску.

— Не могу ума приложить, куда дѣвался сахарецъ, говорилъ Иванъ Павловичъ, лазая по фургону. Не желаете?

— Чего? спросилъ другой чиновникъ, котораго звали Егоромъ Петровичемъ.

— Галетки? сказалъ Иванъ Павловичъ.

Егоръ Петровичъ открылъ ротъ, Иванъ Павловичъ всунулъ ему галетку, и она пріятно захрустѣла на зубахъ.

— Ну, такъ какъ же мы будемъ безъ сахарцу чай-то пить, дѣло дрянь выходитъ... Вотъ ромашка... Коньячишко вотъ, а сахарцу-то нѣтъ... дрянь дѣло—говорилъ Иванъ Павловичъ, переворачивая тюки.

Въ эту минуту я почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то руку. Я обернулся. Передо мной стоялъ контрольный чиновникъ, съ которымъ я познакомился въ Михайловскомъ заливѣ.

— Вы какими судьбами здѣсь? спросилъ я.

— Ѣздилъ по казеннымъ дѣламъ въ Геокъ-Тепе, сказалъ контролеръ,—а теперь—въ Петербургъ.

Я пригласилъ его пить чай, и мы пошли, направляясь къ костру, возлѣ котораго сидѣлъ Груневъ.

— Гостя веду, сказалъ я Груневу.

— А, радостно воскликнулъ Груневъ,—добро пожаловать, есть о чемъ поговорить, да кстати я имѣю къ вамъ дѣло.

Мы втроемъ усѣлись на полость, вокругъ походнаго самовара.

— Какое же у васъ до меня дѣло? обратился контролеръ къ Груневу.

— Я хотѣлъ спросить васъ, отчего такъ много передохло верблюдовъ?

— Не кормили, отъ того.

— Гм... промычалъ Груневъ. А отпускъ отъ казны былъ на ихъ продовольствіе?

— Да.

— И дорого стоитъ казнѣ верблюдъ?

— Почти двѣсти пятьдесятъ рублей.

— Думали вѣрно, что верблюдъ, какъ животное выносливое, вынесетъ даже голодъ...

Груневъ еще что-то хотѣлъ сказать, но въ эту минуту къ костру, возлѣ котораго мы сидѣли, подошли два чиновника.

— Господа, можно присоединиться къ вамъ, сказалъ тотъ, котораго звали Егоромъ Петровичемъ.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я.

Скоро между нами завязался оживленный разговоръ. Егоръ Петровичъ къ яркихъ краскахъ рисовалъ ужасы штурма Геокъ-Тепе.

— Помните, Иванъ Павловичъ, обратился онъ къ своему другу, какъ вы, во время штурма, сидѣли на карачкахъ. Прыгаетъ онъ, господа, по кибиткѣ да кричитъ: „ой, убьетъ! ой, убьетъ!..

кое, круглое отверстіе, обнесенное земляным валикомъ, и соединялся съ другимъ колодцемъ посредствомъ подземнаго тунеля, служившаго въ каждой линіи проводникомъ воды отъ перваго колодца, находившагося у подножія горъ, до послѣдняго, терявшагося въ пескахъ. Въ нѣкоторыхъ колодцахъ замѣтно было дно и слышалось журчаніе воды, вытекавшей изъ тунеля. Иные отличались значительною глубиною. Одинъ колодецъ отъ другаго находился шагахъ въ десяти. — Въ каждой линіи находилось до трехъсотъ колодцевъ, какъ я могъ насчитать, а такихъ линій было множество.—Проводникъ-киргизъ говорилъ, что текинцы не работали сами надъ этими колодцами, а употребляли на работы плѣнныхъ персовъ. Кто же изъ нихъ отказывался, того закапывали живымъ въ землю. Долбить первобытными орудіями узкое отверстіе въ каменистой почвѣ, рыть лежа тунели, выкладывать своды кирпичемъ,—все это было дѣйствительно тяжелою работою.

Я пришелъ съ транспортомъ въ Бами, когда совершенно стемнѣло. Мнѣ пришлось долго бродить въ темнотѣ по укрѣпленію, между множествомъ кибитокъ, коновязями лошадей, наталкиваться на орудія, пока наконецъ я нашелъ кибитку адьютанта Д..... полка, къ которому мнѣ нужно было явиться.

Я засталъ адьютанта за чаемъ. Кибитка была сплошь завѣшена текинскими коврами, что̀ придавало ей красивость и уютность. Самъ хозяинъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Это былъ невысокій, сутуловатый брюнетъ съ черной короткой бородкой и лицомъ, нѣсколько напоминающимъ типъ среднеазіатскій. Во всей его жиденькой фигуркѣ проглядывало чванство и щегольство.

Я отрекомендовался.

— Знаю, вы прикомандированы въ нашъ полкъ, отлично; чаю не желаете? можетъ быть, съ молокомъ прикажете?

Я не отказался, потому что былъ голоденъ. Меня удивило появленіе молока. Оно показалось здѣсь роскошью, о какой я не мечталъ послѣ того, что̀ приходилось мнѣ встрѣчать въ укрѣпленіяхъ, гдѣ я останавливался. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ощущался недостатокъ въ водѣ, а въ другихъ, какъ напримѣръ, въ Балла-Ишемѣ, воду привозили изъ Михайловскаго залива.

— Вы были при штурмѣ Геокъ-Тепе? спросилъ я адьютанта.

— Какъ же, былъ.

— Хорошо дрались текинцы?

— Молодцами. Они очень храбры. Кромѣ того, дорожатъ своими убитыми братьями и убираютъ тѣла, прежде чѣмъ кончится сраженіе.

часто отъ публики на жидовскую націю. Онъ никогда не ходилъ безпокоить начальство просьбами, даже и тогда, когда иной разъ сыны Марса, увлеченные винными парами, бросали въ него бутылками. За это Янкель получалъ гешефты, и капиталы его невѣроятно росли.

Въ шинкѣ Янкеля собирались исключительно офицеры. Шинокъ имѣлъ видъ длиннаго шатра, крытаго камышемъ, черепицей, полотномъ и чортъ знаетъ чѣмъ. Надъ шинкомъ былъ нарисованъ бокъ барана съ тремя воткнутыми въ него вилками, лакей во фракѣ и стулъ. Внизу надпись: „Гостинница Америка". Внутри шинокъ отличался неопрятностью, а продукты, кромѣ ржавыхъ сардинокъ и селедокъ, имѣвшихъ особенный специфическій запахъ, пахли свѣжей солдатской подошвой.

Офицеры обыкновенно собирались въ шинокъ, чтобы чѣмъ нибудь убить свободное время. Они играли на бильярдѣ, пили прескверный лимонадъ, пиво, вино, водку, и заѣдали шашлыкомъ, который поставлялъ въ шинокъ извѣстный на все Бами поваръ Хамхаридзе — уроженецъ Тифлиса, впослѣдствіи оказавшійся бѣглымъ каторжникомъ.

Какъ-то вечеромъ я возвращался изъ шинка домой. Солдаты только что поужинали и пѣли пѣсни; гдѣ-то слышалась музыка, играли вальсъ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до кибитки, я встрѣтилъ Грунева. Онъ казался встревоженнымъ и лицо его было блѣдно.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Сейчасъ,—онъ указалъ при этомъ рукой на палатку неподалеку,—застрѣлился тутъ офицеръ.

— Не знаете, что за причина?

— Проигралъ въ штосъ казенныя деньги.

Самоубійства въ отрядѣ были не рѣдки.

Черезъ день я выступилъ съ транспортомъ изъ Бами въ Геокъ-Тепе. Дорога пролегала по скату хребта, и съ возвышенности открывался печальный ландшафтъ: необозримая песчаная степь и на ней кой-гдѣ развалины. Дорога отъ Бами интересна по историческимъ воспоминаніямъ. На пути встрѣчались развалины древнихъ городовъ, старинныя кладбища и башни, остатки когда-то цвѣтущей цивилизаціи. Нѣкогда кипѣла здѣсь могучая жизнь, цвѣли города. Что же осталось отъ эпохи, когда страна эта была гордостью могущественной монархіи? Что осталось отъ цвѣтущихъ городовъ, отъ плодоносныхъ полей и нивъ, орошаемыхъ искусственными каналами, отъ великолѣпныхъ шоссейныхъ дорогъ, отъ памятниковъ архитектуры? Однѣ жалкія руины, гдѣ

мѣсто человѣка заняли гіены и шакалы, одни знойные пески, гдѣ царствуетъ ураганъ. Вниманіе привлекали громадные земляные курганы, встрѣчавшіеся почти у каждаго разрушеннаго города.

Одни изъ нихъ очень стары, другіе строили не сами текинцы, а находившіеся у нихъ въ плѣну персы. Курганы были важны въ военномъ отношеніи, какъ пункты оборонительные. Бо́льшая часть находилась не вблизи горъ, а среди знойныхъ песковъ. Слѣдовательно, была здѣсь когда нибудь плодородная почва, воздѣланная трудами рукъ человѣческихъ.

Всю дорогу солнце палило невыносимо. Транспортъ медленно подвигался, а въ полдень, въ самый зной, я сдѣлалъ привалъ въ узкой ложбинѣ, гдѣ протекала мелкая рѣчка. На правомъ берегу ея, около невысокаго бугра, росли три дерева съ поблекшими листьями. Они стояли, опустивъ печально вѣтви, точно раздумывали: зачѣмъ и кто занесъ ихъ сюда, гдѣ вокругъ безплодная и безлюдная пустыня?

Я пошелъ съ Груневымъ осмотрѣть развалины, по близости. Вдругъ мы замѣтили, какъ изъ-за бугра появилась фигура мальчика и потомъ поспѣшно спряталась за тотъ же бугоръ.

— Здѣсь, вѣроятно, аулъ текинцевъ, сказалъ Груневъ.

Мнѣ хотѣлось видѣть текинцевъ. Я быстро направился къ тому мѣсту, гдѣ показалась фигура мальчика. Переправясь въ бродъ черезъ рѣку, мы взошли на косогоръ и увидѣли подъ нимъ заброшенную мельницу и два валявшіеся каменные жернова. Около мельницы стояла кибитка, покрытая рваною, закоптѣлою полостью. Мохнатая бѣлая собака съ лаемъ выбѣжала къ намъ. Изъ дверей кибитки боязливо выглянуло маленькое, смуглое личико, но поспѣшно спряталось. Мы долго ждали; никто не выходилъ; сами же мы не рѣшались войти въ кибитку. Скоро показался вдали мужчина высокаго роста, съ худымъ смуглымъ лицомъ, окаймленнымъ рѣдкой бородкой, въ большой черной папахѣ, бѣлой широкой рубашкѣ, широкихъ бѣлыхъ штанахъ и въ чевякахъ на каблукахъ. На одномъ плечѣ его лежалъ ситцевый полосатый халатъ. Текинецъ подошелъ къ намъ и слегка приподнялъ свою высокую папаху.

Нѣсколько минутъ мы стояли молча. Въ это время, изъ кибитки выбѣжали двое дѣтей. Одинъ изъ нихъ былъ мальчикъ, котораго мы видѣли на бугрѣ, другая — дѣвочка. Дѣти взглянули на насъ исподлобья, подбѣжали къ отцу и прижались къ нему.

Дѣвочка была прехорошенькая. Ея маленькое смуглое личико, большіе черные блестящіе глаза, окаймленные тонкими бровями,

прямой маленькій носъ, розовыя крупныя губки и черные волосы очень красили ее, несмотря на оборванное коротенькое платье и на босыя грязныя ноги. Въ ушахъ ея мотались большія, полукруглыя серебряныя серьги, на груди висѣли нити, унизанныя серебромъ.

Я подалъ текинцу нѣсколько серебряныхъ абазовъ. Онъ взялъ, посмотрѣлъ на нихъ и, улыбнувшись, отдалъ дѣвочкѣ. Та быстро сжала деньги въ рукѣ и съ удивленіемъ взглянула на насъ. Текинецъ подошелъ къ высокой башнѣ, пролѣзъ въ нее сквозь узкое отверстіе и скоро вернулся съ нѣсколькими пучками скрученнаго зеленоватаго сѣна. Онъ подалъ ихъ мнѣ и приложилъ руку къ груди. Я понялъ, что это была благодарность за абазы и, хотя не имѣлъ лошади, взялъ пучки, чтобы не оскорбить чувства текинца.

Когда мы возвратились на мѣсто привала, я приказалъ транспорту выступать. На слѣдующій день, часовъ въ одиннадцать утра мы подходили къ Геокъ-Тепе.

VII.

Видъ Геокъ-Тепе. — Лагерь. — Скобелевъ.—Осмотръ крѣпости.—Походные журъ-фиксы.—Базаръ.—Встрѣча съ Мижайловымъ.- Проводы батальона.—Панихида.

Когда я увидѣлъ среди песчаной равнины высокій курганъ, на которомъ побѣдоносно развѣвался русскій флагъ, высокія, сѣрыя стѣны крѣпости Геокъ-Тепе, рядъ укрѣпленій, въ видѣ узкихъ и длинныхъ рвовъ, насыпи, братскія могилы съ высокими крестами, сѣрую тучу, висѣвшую надъ крѣпостью, и унылую, необозримую даль,—неизъяснимое чувство охватило меня и я долго не могъ оторвать глазъ отъ того мѣста, гдѣ такъ недавно лилась человѣческая кровь. Въ самомъ воздухѣ, окружавшемъ крѣпость, было еще что-то страшное... Даже солнце, казалось, не хотѣло освѣщать унылаго мѣста, а бросало лучи на мѣстность, лежавшую вблизи горъ, гдѣ былъ расположенъ лагерь отряда. Изъ лагеря неслись звуки музыки, пѣсни и ржаніе лошадей; гдѣ-то кричали „ура!“...

Въ Геокъ-Тепе я разстался съ Груневымъ. Онъ отправился въ полкъ по назначенію, а я, сдавъ транспортъ воинскому начальнику, помѣстился на время у знакомаго офицера. Это былъ добрый, довѣрчивый и неглупый отъ природы малый, но, къ сожалѣнію, безпечный и притомъ глубокій почитатель Бахуса. Онъ

раскрылъ передо мной вещи, пріобрѣтенныя имъ послѣ взятія Геокъ-Тепе. Тутъ были ковры, серебряные и золотые браслеты, серьги и другія текинскія украшенія; халаты, перстни съ красными сердоликами и бирюза. Работа, кромѣ ковровъ, не отличалась изяществомъ. Послѣ завтрака, мы поѣхали верхомъ осматривать крѣпость. Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ отъ лагеря, мы увидѣли двухъ офицеровъ высокаго роста, гулявшихъ взадъ и впередъ по батареѣ.

— Вотъ Скобелевъ, сказалъ офицеръ, указывая на одного, лица котораго я, къ сожалѣнію, не могъ разсмотрѣть, потому что его скрывалъ длинный козырекъ фуражки. Но по бѣлымъ георгіевскимъ крестамъ, висѣвшимъ на шеѣ и на груди, я догадался, кто изъ нихъ былъ Скобелевъ.

Крѣпость Геокъ-Тепе примыкала къ высокому кургану и представляла видъ небольшаго четыреугольника, замкнутаго толстыми стѣнами. Внутри крѣпость была завалена осколками гранатъ, кусками обугленнаго войлока и разнымъ тряпьемъ. Кромѣ того, въ землѣ были ямы, гдѣ также жили текинцы.

— Ихъ особенно трудно выбивать отсюда, говорили офицеры:— здѣсь большею частью прятались женщины и дѣти.—Нѣсколько текинцевъ стояли на стѣнѣ съ лопатами въ рукахъ. Мы подъѣхали къ нимъ и увидѣли часть туловища убитой женщины, только что отрытой ими. Надъ ней рыдалъ молодой текинецъ, поднимая къ небу руки. За крѣпостью, около песковъ, было множество текинскихъ могилъ, облитыхъ известью. Въ воздухѣ носился слабый запахъ разлагающихся тѣлъ.

На обратномъ пути въ лагерь, я проѣзжалъ черезъ цѣлый рядъ параллелей *), съ которыхъ велась постепенная осада крѣпости. Теперь онѣ были засыпаны землей. Изъ земли кой-гдѣ торчали то почернѣвшіе пальцы, то плечо, то части ногъ убитыхъ, что̀ производило тяжелое впечатлѣніе. Мы пришпорили лошадей и поскакали въ лагерь.

Скучная лагерная жизнь разнообразилась въ Геокъ-Тепе походными „журъ-фиксами“. Это особеннаго рода вечеринки, куда стекаются офицеры. Время проходитъ весело: играютъ въ карты, ѣдятъ, пьютъ, спорятъ, поютъ до самаго разсвѣта, а иногда и и долѣе. Я попалъ на одинъ изъ такихъ журъ-фиксовъ. Въ кибиткѣ, убранной коврами, собралось нѣсколько офицеровъ. „Бойцы, при звонѣ веселомъ стакана, поминали минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они“.

*) Длинные, узкіе рвы по грудь человѣка, обнесенные земляным валомъ.

— Эхъ, жаль, господа, Морица, сказалъ одинъ изъ офицеровъ: погибъ бѣднякъ ни за что.

— А все капитанъ мѣстной команды подгадилъ, замѣтилъ другой:—не подайся онъ съ ротой назадъ и не свали свою вину на Морица, тотъ остался бы живъ.

— И навѣрное, вмѣшался въ разговоръ третій офицеръ:—а то Скобелевъ прямо сказалъ Морицу: „ты долженъ заслужить или Георгіевскій крестъ, или деревянный". Конечно, первая пуля и бацъ Морицу въ лобъ, вѣдь онъ впереди всѣхъ на штурмъ шелъ...

Въ это время оглушительное „ура!" потрясло воздухъ. Затѣмъ на столъ влѣзъ одинъ изъ пировавшихъ и попросилъ выслушать его.

Всѣ притихли.

— Господа! началъ ораторъ:—вы знаете, что русскій поэтъ Тредьяковскій прославился тѣмъ, что сочинялъ по заказу оды на разные торжественные случаи. Между нами тоже есть Тредьяковскій...

Ораторъ на минуту смолкъ, а офицеры взглянули на высокаго, худаго блондина по фамиліи Тредьяковскій. Этотъ офицеръ былъ очень веселъ и съ безсмысленно улыбающимся лицомъ поглядывалъ: то на оратора, то на офицеровъ.

Ораторъ продолжалъ:

— Закажемъ новому Тредьяковскому написать сейчасъ же оду на взятіе Геокъ-Тепе, да прогремитъ его имя на Руси, какъ и его однофамильца!

— Оду! оду! подхватили офицеры и обступили Тредьяковскаго.

Тотъ задыхался и, какъ видно, не могъ понять сначала, какую оду отъ него требуютъ.

— Пише же! крикнулъ ораторъ, подтолкнувъ Тредьяковскаго въ спину.

Тредьяковскаго усадили за столъ, дали ему въ руки карандашъ, положили передъ нимъ листъ бумаги, и для лучшаго вдохновенія поднесли стаканъ водки.

Тредьяковскій написалъ:

Шли мы, братцы,
Подъ штурмъ Геокъ-Тепе.
О, русскій штыкъ!

Тредьяковскій бросилъ карандашъ и категорически заявилъ, что выдумать больше ничего не въ состояніи.

Офицеры тогда подхватили его, раскачали и хлопнули на землю.

А за стѣнами нашей кибитки гремѣла музыка, кричали „ура!“ и раздавалась та лихая русская пѣсня, какую поетъ только русскій человѣкъ въ минуту веселья.

На другой день, я пошелъ осмотрѣть базаръ, помѣщавшійся недалеко отъ лагеря. Базаръ имѣлъ видъ широкой улицы, застроенной по сторонамъ навѣсами, кибитками и палатками, гдѣ шла дѣятельная торговля. Базаръ блестѣлъ пестротою костюмовъ. Тутъ были текинцы, пѣшіе и верхомъ, въ разноцвѣтныхъ халатахъ, въ высокихъ папахахъ, всѣ почти смуглые, худощавые и высокіе, то съ короткими бородами, то безбородые; персы въ синихъ и бѣлыхъ бешметахъ, подпоясанныхъ разноцвѣтными кушаками, и хивинцы въ яркихъ красныхъ халатахъ.

Текинцы производили своею наружностью очень пріятное впечатлѣніе. Они гордо расхаживали по базару и походили болѣе на побѣдителей, чѣмъ на побѣжденныхъ. Въ нихъ нравилось такое сознаніе человѣческаго достоинства; не замѣчалось той змѣиной хитрой покорности, того лицемѣрнаго обожанія побѣдителя, какою отличаются иные побѣжденные народы. Персы производили удручающее впечатлѣніе, особенно тѣ изъ нихъ, которые были въ плѣну у текинцевъ и освобождены Скобелевымъ, послѣ взятія Геокъ-Тепе.

Когда я подошелъ къ одному плѣнному персу, старому и загорѣлому, одѣтому въ лохмотья, онъ бросился къ моимъ ногамъ, поднялъ къ небу руки и показалъ мнѣ ноги, на которыхъ ясно были замѣтны слѣды цѣпей. Я далъ ему нѣсколько копѣекъ. Персъ послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй и облобызалъ землю.

На базарѣ лежали кучи ковровъ, забранныхъ при штурмѣ, бѣлыя и красныя ковровыя дорожки, которыми текинцы въ торжественныхъ случаяхъ украшали свои кибитки, ковровыя сумки; бѣлыя, зеленыя и желтыя, вышитыя шелками, женскія накидки, разноцвѣтные халаты, серебряныя украшенія и тому подобныя текинскія богатства. Все это скупалось за безцѣнокъ у солдатъ: такъ, великолѣпный коверъ, стоившій рублей сто, покупался за нѣсколько рублей, за золотыя и серебряныя вещи торговцы платили по 50—70-ти копѣекъ.

Возвращаясь въ лагерь, я встрѣтилъ на дорогѣ офицера, съ которымъ разъѣхался въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Мы поздоровались.

— Уже уѣзжаете? спросилъ я.

— Да, здѣсь больше нечего дѣлать.—Къ штурму я опоздалъ, но снялся съ тѣми, кто участвовалъ въ немъ. Вы можете купить фотографическую группу у здѣшняго фотографа, и тамъ увидите

ienя. Я стою у лафета пушки, отбитой у текинцевъ. Можете оздравить меня: представленъ къ чину и ордену. А вы только рiѣхали? Не хотѣли тогда со мной ѣхать, пренебрегли моимъ овѣтомъ,—теперь пеняйте на себя...

Съ этими словами онъ протянулъ мнѣ руку, и мы разстались.

Почти при входѣ въ лагерь, до меня донеслись звуки музыки. I прислушался... Играли маршъ. Контробасъ рѣзко выдѣлялся ромкими, отрывистыми звуками; пистонъ-корнетъ визжалъ; глухо альшивила волторна.

Батальонъ пѣхоты, выдя изъ крѣпости, построился въ поря-окъ. Ожидали Скобелева. Вотъ показался вдали знаменитый ге-ералъ. Батальонный командиръ скомандовалъ „на плечо"! за-ѣмъ: „на кра-улъ!" Музыка заиграла маршъ. Скобелевъ съ при-ѣтливымъ лицомъ объѣхалъ ряды батальона, здороваясь съ ро-ами поочередно.

Какъ любящія дѣти смотрятъ на отца, такъ смотрѣли на кобелева солдаты. Я могъ теперь хорошо видѣть черты его за-орѣлаго лица и стройную фигуру. Скобелевъ слѣзъ съ ло-ади, подошелъ къ офицерамъ и каждому протянулъ руку. Въ емъ не было и тѣни заносчивой важности, присущей многимъ ачальникамъ. Онъ пріобрѣлъ любовь офицеровъ и солдатъ сво-имъ тактичнымъ обращеніемъ, и прежде всего уважалъ въ своемъ одчиненномъ его человѣческое достоинство. Такой удѣлъ до-тается только исключительнымъ натурамъ.

Скобелевъ подошелъ къ батальону и звучнымъ голосомъ произнесъ:

— Прощайте, братцы!

— Счастливо оставаться, ваше превосходительство, отвѣчали олдаты.

— Благодарю васъ за штурмъ Геокъ-Тепе; дай Богъ, чтобы ы вернулись въ свои деревни здоровыми...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство.

Нѣсколько солдатъ заплакали. Скобелевъ поцѣловалъ офице-овъ батальона, навѣсилъ нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ знаки тличія и, сказавъ еще нѣсколько напутственныхъ словъ батальо-у, уѣхалъ.

Долго смотрѣли солдаты вслѣдъ удалявшемуся вождю, точно редчувствовали, что никогда больше не увидятъ его.

Послѣдніе дни моего пребыванія въ Геокъ-Тепе были озна-енованы печальной телеграммой о смерти императора Але-сандра II-го. Войска по тревогѣ были собраны на панихиду.

На маленькой площади, около орудія, отбитаго у текинцевъ, тоялъ налой, покрытый трауромъ.

Худой и блѣдный іеромонахъ совершалъ панихиду. Скобелевъ стоялъ на колѣняхъ впереди своей свиты. По его лицу струились слезы. Въ отдаленіи отъ налоя стояли солдаты, сложивъ ружья на молитву. По окончаніи панихиды, Скобелевъ съ грустнымъ, задумчивымъ лицомъ обошелъ войска и уѣхалъ.

Въ тотъ же день я получилъ приказанье выступить въ одинадцать часовъ ночи съ транспортомъ въ Асхабадъ.

VIII.

Дорога отъ Геокъ-Тепе до Асхабада.—Сады.—Кибитки текинцевъ.—Текинецъ-проводникъ.—Видъ Асхабада.—Могилы.—Отъѣздъ Скобелева.—Жизнь въ Асхабадѣ.—Базаръ.—Дервишъ.—Долина розъ.—Отъѣздъ.

Была великолѣпная звѣздная ночь, когда я съ транспортомъ выступилъ изъ Геокъ-Тепе въ Асхабадъ. Дорога лежала по зеленому полю, кой-гдѣ блистали лужи воды, да слѣва чернѣлъ горный хребетъ. Тишина царила вокругъ, только звонко квакали лягушки, да съ песковъ доносился вой шакаловъ. Верблюды шли бодро по рыхлой почвѣ, позванивая колокольчиками, висѣвшими у нихъ на шеѣ. Сзади транспорта шли солдаты, тихо бесѣдуя между собой Я ѣхалъ верхомъ и смотрѣлъ на свѣтлый край горизонта, откуда должна была взойти луна. Она вскорѣ всплыла на серебристо-голубую высь неба. Впереди стлалась густая зелень, и воздухъ былъ чистый. Я сдѣлалъ привалъ у заброшенной мельницы, возлѣ узкой, но глубокой канавы. По дну ея текла мутная вода, а по берегамъ росли вербы. Стая дикихъ гусей испуганно слетѣла съ деревьевъ при нашемъ приближеніи и, тихо разсѣкая воздухъ крыльями, скрылась въ темнотѣ. Я прилегъ на бугрѣ. Солдаты развели костры, текинцы пустили верблюдовъ на пастьбу и совершали намазъ. Дождавшись разсвѣта, я приказалъ транспорту двинуться впередъ.

Дорога шла по зеленому цвѣтущему оазису, среди садовъ и развалинъ. Сады, черезъ которые приходилось идти, были полны аромата цвѣтущихъ яблоней, персиковъ и сливъ, журчали ручьи среди тѣнистыхъ тутовыхъ аллей, плантацій винограда; отъ нихъ расходились огороды, гдѣ всходилъ прошлогодній лукъ. Природа не блистала ни густою зеленью, ни яркостью красокъ, ни разнообразіемъ видовъ. Но въ ней было что-то свое прекрасное, обаятельное; она манила къ себѣ. Среди садовъ встрѣчались саманныя постройки, а въ нихъ стоя-

ли кибитки, гдѣ жили текинцы. Я полюбопытствовалъ и вошелъ въ одну изъ кибитокъ.

— Саламалыкъ [1])! сказалъ я.

— Амалыка [2]), послышалось въ отвѣтъ.

На землѣ, покрытой ковромъ, сидѣли три женщины, двѣ изъ нихъ были старухи, смуглыя, худыя и некрасивыя, въ особаго покроя рубахахъ желтаго и краснаго цвѣта; третья—молодая, полная, съ круглымъ лицомъ и тонкими бровями. Женщины вышивали что-то разноцвѣтнымъ шолкомъ по бѣлому канаусу; неподалеку отъ нихъ сидѣла молоденькая дѣвушка со смуглымъ маленькимъ лицомъ, большими карими блестящими глазами и съ полуоткрытымъ маленькимъ ртомъ, изъ котораго сверкали замѣчательной бѣлизны ровные зубки. Она расчесывала свои черные волосы. У входа въ кибитку лежалъ текинецъ среднихъ лѣтъ и лѣниво курилъ кальянъ. Его я сначала не замѣтилъ. Возлѣ рѣшетокъ лежали мѣшки, наполненные мукой, рисомъ, бѣлымъ пшеномъ и инжой [3]); сумки съ одеждой, большіе плоскодонные деревянные тазы и мѣдные кувшины. По кибиткѣ было развѣшано оружіе. При моемъ появленіи, женщины бросили работы и устремили на меня неподвижный вглядъ; текинецъ спокойно продолжалъ курить кальянъ. Если русскій войдетъ въ саклю чеченца, гдѣ въ числѣ мужчинъ находятся женщины и дѣвушки, то послѣднія прячутъ свои лица. Ничего подобнаго я не встрѣтилъ у текинцевъ. Напротивъ, дѣвушка текинка смотрѣла на меня полнымъ взглядомъ своихъ красивыхъ глазъ, а женщина и старухи встали и подошли ко мнѣ. Онѣ съ любопытствомъ дикарокъ и ничуть не стѣсняясь стали разсматривать матерію моего кителя, дѣлали свои замѣчанія, хлопали меня по плечу и смѣялись.

Въ другой кибиткѣ я засталъ бѣдную обстановку. Полости, одѣвающія кибитку, были ветхи. На землѣ вмѣсто ковра разостланы куски кошмы. Внутри кибитки тлѣлся огонь, а надъ нимъ висѣлъ котелокъ съ водой. Ѣдкій дымъ наполнялъ кибитку и выходилъ черезъ круглое небольшое отверстіе, продѣланное вверху. На колѣняхъ старухи лежала голова пожилой женщины, и старуха такъ усердно занималась истребленіемъ насѣкомыхъ, что не замѣтила меня. Трое дѣтей босоногихъ, грязныхъ и оборванныхъ сидѣли у костра. Я постоялъ немного и вышелъ.

Мнѣ пришлось перелѣзать черезъ множество саманныхъ изго-

---

[1]) Здравствуй.

[2]) Будь гостемъ.

[3]) Трава, которою кормятъ лошадей текинцы.

Я сдѣлалъ маленькій привалъ, чтобы дать передохнуть солдатамъ. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ дороги, я замѣтилъ маленькіе бугорки, слѣпленные изъ глины съ двумя отверстіями на концахъ. Текинецъ объяснилъ, что въ одно изъ отверстій они кладутъ табакъ, потомъ нагибаются къ землѣ и, черезъ другое отверстіе, курятъ его. Такія трубки текинцы употребляютъ большею частью во время переходовъ по пустынѣ.

Въ Асхабадѣ я сдалъ транспортъ воинскому начальнику и остался дожидаться прихода войскъ. Скоро въ Асхабадѣ собрался весь отрядъ, разбросанный по укрѣпленіямъ Михайловской линіи. Пріѣхалъ и Скобелевъ со своимъ штабомъ. Кибитки офицеровъ и солдатъ были раскинуты въ садахъ, въ тѣни абрикосовыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Дни слѣдовали одинъ за другимъ. Иногда перепадали крупные дожди, и тогда омытая свѣжестью зелень становилась еще гуще. Звонкіе голоса птицъ и стрекотанье миріады кузнечиковъ оглашали сады, гдѣ между высокой и густой травой росли цѣлыя плантаціи винограда, наполняющія воздухъ особеннымъ благоуханіемъ; цвѣли одуванчики, полевые тюльпаны, голубые колокольчики и красный макъ. Пріятно было отдыхать среди такой природы, послѣ трудныхъ переходовъ по знойнымъ пескамъ.

Пришелъ и Груневъ въ Асхабадъ. Мы съ нимъ прогуливались по окрестностямъ, собирали букеты, посѣщали кибитки и кладбища текинцевъ. Послѣднія ничѣмъ не замѣчательны. Только надъ могилами храбрыхъ и муллъ возвышались саманные куполы. Я какъ-то съ Груневымъ хотѣлъ войти въ одну изъ такихъ могилъ. Но текинцы, бывшіе по близости, замѣтили наше намѣреніе и отчаянно замахали руками, чтобы мы туда не заходили.

Въ то время, какъ гарнизонъ Асхабада приступалъ къ возведенію бараковъ, а текинцы и персы рыли громадный ровъ для укрѣпленія Асхабада, мы были опечалены извѣстіемъ объ отъѣздѣ Скобелева. Онъ получилъ въ то время назначеніе—командовать корпусомъ въ западномъ краю. На полянѣ передъ укрѣпленіемъ были выстроены войска въ боевой амуниціи. Въ десять часовъ утра прибылъ Скобелевъ. Войска отдали любимому вождю установленную честь. Скобелевъ поблагодарилъ кавказскія войска за отличную храбрость, оказанную ими при штурмѣ Геокъ-Тепе. «Я съ гордостью буду говорить въ Россіи, что имѣлъ счастіе командовать полками кавказской арміи». Затѣмъ Скобелевъ обратился къ офицерамъ и въ заключеніе своей краткой рѣчи

сказалъ: «Счастье измѣнчиво, господа. Пишите мнѣ, когда я буду кому нибудь изъ васъ нуженъ".

Съ этими словами Скобелевъ отвѣсилъ поклонъ и уѣхалъ.

Асхабадъ началъ мало по малу застраиваться. Жизнь въ немъ не казалась скучной. Базаръ представлялъ интересъ и въ археологическомъ отношеніи. Здѣсь персы продавали серебряныя и мѣдныя монеты временъ Александра Македонскаго. Кромѣ того, встрѣчались древнѣйшія еврейскія монеты. За одну изъ такихъ монетъ съ меня запросили тридцать рублей, хотя другія продавались дешевле.

— Гдѣ вы достаете эти монеты? спросилъ я торговца археологическими древностями.

— Въ могилахъ и курганахъ, сказалъ персъ.

Базаръ служилъ и мѣстомъ увеселеній для всего отряда. Здѣсь была гостинница, гдѣ персы показывали свое искусство: глотали огненные шары и устраивали игры, нѣсколько напоминающія англійскіе боксы. На базарахъ часто продавали дикихъ звѣрей: барсовъ, молодыхъ тигровъ, дикобразовъ, зайцевъ, отличающихся отъ нашихъ замѣчательно маленькимъ ростомъ, кабановъ, сернъ и пѣвчихъ птицъ. Все это служило приманкой для публики.

Я прожилъ въ Асхабадѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ половинѣ лѣта откомандированъ обратно въ свою часть. Передъ отъѣздомъ я посѣтилъ еще одно замѣчательное мѣсто: долину розъ.

Мы отправились верхомъ въ сопровожденіи текинца, который вызвался провожать насъ. Сначала мы ѣхали вдоль ручья, по берегамъ котораго росъ высокій зеленый камышъ. Потомъ переѣхали невысокій хребетъ, усѣянный тоже камышами. У подошвы его было много родниковъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ, краснѣла долина розъ. Вѣтерокъ доносилъ очаровательный ароматъ. Я полною грудью вдыхалъ его и пришпорилъ лошадь, чтобы скорѣе достигнуть роскошнаго мѣста. Невысокая гора, покрытая густою зеленью, спускалась къ долинѣ, журчали ручьи, пѣли тысячи птичьихъ голосовъ. Съ противоположной стороны, къ горѣ примыкали саманныя развалины; чѣмъ-то ветхозавѣтнымъ вѣяло отъ нихъ. За долиной розъ стояло нѣсколько кибитокъ текинцевъ далѣе виднѣлись сады, полосы вспаханной земли съ яркою зеленью, тамъ опять поле и гора. Это былъ по истинѣ рай, не доставало только въ немъ счастья и мира.

Былъ жаркій день, когда я выѣхалъ изъ Асхабада. До Кизилъ-Арвата мы ѣхали въ фургонѣ, а потомъ по желѣзной дорогѣ къ Михайловскому заливу. Мы переѣхали старое русло Аму-

Дарьи, довольно широкое и обмелѣвшее; далѣе дорога шла по бывшему когда-то дну моря. Множество раковинъ встрѣчалось по пути. Скоро блеснула полоса воды. Это былъ Михайловскій заливъ.

Сильно забилось сердце, когда я увидѣлъ снова Петровскъ. Красивымъ показался онъ мнѣ среди густой зелени, только что омытой дождемъ. Я стоялъ на палубѣ и любовался городомъ, ожидая съ нетерпѣніемъ той минуты, когда шхуна „Тамара“ причалитъ къ пристани.

А. В—въ.

Три стихотворенія.

I.

Слышишь ли пѣсню свиданья,
Вспомнишь и пѣсню разлуки;
Вспыхнутъ ли въ сердцѣ желанья—
И ужь трепещешь ихъ муки.

Видишь ли слезы чужія,—
Горькая злоба безсилья;
Встрѣтишь мечты молодыя,—
Такъ и подсѣкъ бы имъ крылья!

Все безтолково теряешь,
Все необдуманно губишь,
Сердце на томъ же срываешь,
Что̀ и полюбишь!

II.

Годъ, только годъ одинъ!.. Но вѣчностью межъ нами
Онъ легъ—ужасный этоть годъ!...
Туда, гдѣ темный садъ пахучими вѣтвями
Склоняется надъ лономъ водъ;
Гдѣ листъ узорчатый таинственно трепещетъ,
И солнце, въ сумракѣ аллей,
Сквозь сѣть зеленую прорвавшись, ярко блещетъ
Огнемъ раскидистыхъ лучей;
И бойко по̀ пруду скользитъ челнокъ веселый,
И хохотъ дѣвичій звенитъ,—
За муками любви, за памятью тяжелой
Мечта моя не полетитъ!
Тамъ солнце золотитъ еще крыльца̀ ступени,
Тамъ липы все еще шумятъ...

Кого жъ зовутъ онѣ въ свои густыя тѣни
И счастіе кому сулятъ?...
Тамъ я въ послѣдній разъ, съ надеждой и боязнью,
Схватившись за сердце, стоялъ...
Поблекшіе листы дрожали, какъ предъ казнью,
И вѣтеръ глухо бушевалъ...
И ярче запада, гдѣ солнце догорало,
И краше золотаго дня
Любовь безумная мой вечеръ озаряла
Лучами поздняго огня.
Теперь все кончено... Безстрастными очами,
Опять гляжу тебѣ въ глаза:—
И по тебѣ, мой другъ, суровыми слѣдами
Прошла житейская гроза!..

III.

Цвѣтущихъ дней своихъ весною
Я сплелъ изъ розъ тебѣ вѣнокъ;
Я надъ ничтожной головою
Сіянье яркое зажегъ.
Была бездушна ты, какъ камень,
И холодна, увы, какъ ледъ,—
Но я вложилъ въ тебя свой пламень
И на колѣни палъ...
И вотъ
Теперь развѣнчанной царицей
Передо мной проходишь ты;
Изъ жизни вырванной страницей
Зову я прежнія мечты...
Померкло лживое сіянье,
Съ чела скатилися цвѣты,
И только боль воспоминанья,
И только стыдъ несешь мнѣ ты!

Ф. Андреевъ.

идитъ за рѣшоткой, обвитой ползучими растеніями, веранду
ъ розовыми шторами, и ему кажется, что само счастіе
олжно жить здѣсь. Но Шомберъ смертельно тоскуетъ, она
азличаетъ цвѣты только по запаху, она представляетъ себѣ
слѣпительную лазурь Средиземнаго моря только по одно-
бразному шуму его волнъ. Она, которая столько наслаж-
алась всѣми чувствами, теперь думала только о томъ, ко-
ораго лишена. Когда она получаетъ букетъ, то нюхаетъ его
ѣсколько минутъ, затѣмъ бросаетъ, полная ярости. Она про-
нала любовника, свой послѣдній капризъ,—поляка-піаниста,
оторый убаюкивалъ ея тоску, импровизируя прелестные
альсы,—въ тотъ день, когда она, близко-близко глядя въ
олубые глаза славянина, не различила больше ихъ взгляда.
огда этотъ безумный Грегореско, сынъ древняго господаря,
инственный человѣкъ, который осмѣливался подать ей руку
ри публикѣ—проходилъ съ нею по казино, она выбѣжала
ттуда, разъяренная звономъ золота, блеска котораго не
огла видѣть. И она не садилась даже на минуту передъ
толомъ, гдѣ играли въ trente-et-quarante,—она, которая столько
азъ проигрывала и выигрывала царскія состоянія и кото-
рую прозвали „Максимумъ“.

Однако, полуслѣпота Шомберъ позволяетъ еще ей ви-
ѣть очень блестящіе предметы, когда она близко поднесетъ ихъ
ъ глазамъ, и ей осталось одно удовольствіе—разбирать и
азсматривать свои брилліанты и драгоцѣнные камни.

Каждый вечеръ, ея камеристка,—знаменитая Манета,
оторая могла похвастаться тѣмъ, что во время выставки
867 года видѣла въ будуарѣ своей госпожи чуть не всѣхъ
ладѣтельныхъ принцевъ Европы,—приготовляетъ въ малень-
омъ будуарѣ столъ, покрытый гранатной бархатной ска-
ертью; она ставитъ на немъ, между двумя канделябрами,
ъ которыхъ пылаютъ двадцать душистыхъ свѣчей, тяжелую
шкатулку чернаго дерева, обитую серебряными гвоздями,
ъ которой сохраняются всѣ уборы ея госпожи. Тогда Шом-
еръ опускается въ кресло, беретъ одинъ за другимъ фут-
яры изъ шкатулки, долго и пристально разсматриваетъ
воими почти потухшими глазами—кольца, ожерелья, серьги
раслеты, брошки, діадемы. Это—послѣднее наслажденіе, ко-
орое старая куртизанка можетъ дать теперь своимъ гла-

И она снова перебирала свои старыя исторіи, всѣ окончившіяся позоромъ или трауромъ. Шомберъ, запирая футляры, пружины которыхъ щелкаютъ съ рѣзкимъ звукомъ, устанавливала ихъ въ шкатулкѣ, гдѣ они заперты одинъ противъ другаго, точно гроба въ фамильномъ склепѣ.

Иногда Шомберъ опускала руку до самаго дна шкатулки и вытаскивала оттуда разный хламъ:—драгоцѣнности, вышедшія изъ моды или негодныя къ употребленію, сваленныя тамъ. Они недостаточно блестящи, чтобы ихъ узнавать и вспоминать имена тѣхъ, кто ихъ дарилъ. Это общая могила воспоминаній.

Манета подсаживалась тогда къ своей госпожѣ, такъ какъ та, обыкновенно, отдавала ей одну изъ этихъ забытыхъ вещицъ: согнутое кольцо, измятый медальонъ, обрывки золотой цѣпочки.

Однажды вечеромъ, перебирая при госпожѣ обломки сокровищъ, удивленная субретка нашла старый серебряный наперстокъ, скромную драгоцѣнность бѣдныхъ, сдѣланную для честной работницы, и которой, казалось, было стыдно находиться тутъ. Манета надѣла его на указательный палецъ и, смѣясь, сказала своей госпожѣ:

— Серебряный наперстокъ!... Что это такое, сударыня?

Шомберъ не могла его видѣть; но взяла и вертѣла между пальцами. Въ одно мгновеніе,—быстрое, какъ молнія,—она припомнила то время, когда еще была честной дѣвушкой и называлась Виржини Пуаро. Она кончала ученье у цвѣточницы въ улицѣ Сен-Дени. Жанъ-Батистъ, разнощикъ, подарилъ ей на новый годъ этотъ серебряный наперстокъ. Онъ тоже любилъ ее, хотѣлъ на ней жениться и,—не смотря на то, что цѣлый день бѣгалъ по Парижу, таская большую круглую картонку, покрытую навощеннымъ полотномъ, каждый вечеръ провожалъ дѣвушку до дверей ея родителей, привратниковъ въ домѣ на шоссе Клиньянкуръ. Этотъ добрый малый, съ розовыми щеками и всклоченной головой, былъ очень подходящимъ мужемъ. Но они не зарабатывали и восьми франковъ въ день на двоихъ. Какъ жениться съ такими маленькими средствами? Она отказала. Это было въ предмѣстьѣ Пуассоньеръ. Проходя мимо табачной лавочки, она вдругъ остановилась и сказала разнощику: „Видите ли! не

тута. Это безконечное разнообразіе улицъ большаго города представляетъ для настоящаго парижанина неизсякаемый источникъ интереса и поддерживаетъ въ немъ, если только онъ надѣленъ силой воображенія, свѣжесть и живость впечатлѣній путешественника, пріѣхавшаго только наканунѣ во всемірный городъ. Я самъ, родившійся въ Парижѣ, постоянно живущій въ немъ и имѣющій право жаловаться, какъ Альфредъ Мюссе, что знаю въ немъ каждую улицу,—часто бываю удивленъ открытіями, какія дѣлаю во время моихъ прогулокъ. Развѣ я не нашелъ меланхолическую тишину Венеціанскаго канала за фабрикой Гобеленовъ, а въ Гренелѣ, въ двухъ шагахъ отъ Марсоваго поля, городскую площадь Каира, сожженную солнцемъ—превосходную декорацію, напоминающую мѣсто, гдѣ генералъ Клеберъ былъ убитъ шестью ударами кинжала фанатика Сулемайна-эль-Габби.

Когда я поселился въ забытомъ уголкѣ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, гдѣ живу уже десять лѣтъ, я полюбилъ тихую, почти деревенскую улицу Руслэ, которая начинается прямо противъ двери моего дома. Въ XVII столѣтіи она была просто грязной изрытой дорогой; нѣсколько вельможъ выстроили на ней свои дачи, и здѣсь умерла г-жа Сабліеръ, знаменитая подруга Лафонтена, въ своей квартирѣ, рядомъ съ лѣчебницей неизлѣчимыхъ больныхъ. Отель прошлаго столѣтія на углу улицы Удино сдѣлался госпиталемъ „Братьевъ Saint Jean-de-Dieu, и деревья ихъ прекраснаго сада возвышаются надъ древней стѣной, занимающей почти всю правую сторону улицы Руслэ. По другую сторону вытянулся рядъ бѣдныхъ домовъ, гдѣ живутъ ремесленники и мелкіе чиновники, которымъ доставляетъ удовольствіе видъ сада „Братьевъ св. Іоанна“. Улица Руслэ очень плохо вымощена, роскошь тротуаровъ въ ней показывается только мѣстами; она одна изъ послѣднихъ видѣла исчезновеніе старинныхъ фонарей съ костылемъ и блокомъ. Мало здѣсь лавокъ и то самыхъ скромныхъ: ларь сапожника, (торгующаго старьемъ), черная дыра оверница, торговца угольями; кабачокъ на углу, съ классической вывѣской: „Au bon coing“, жалкая торговля пряностями, гдѣ старѣется въ бокалѣ ячменный сахаръ, растапливаемый и замораживаемый двадцатью веснами и зимами, рядомъ съ портретомъ Эпиналя,—картинкой, изображающей

Тамъ, на этой улицѣ, я замѣтилъ однажды маленькую хромую. Это было уже давно, когда я только что поселился въ этомъ кварталѣ, и ей могло быть восемь или девять лѣтъ. Но она, увы! не могла прыгать черезъ веревку. Въ глубокомъ траурѣ,—(ея отецъ, компаньонъ башмачника, умеръ)—она сидѣла на тумбѣ съ маленькимъ костылемъ, прикрытымъ складками юбки и смотрѣла, какъ играли другіе. Она тронула меня своимъ печальнымъ, умнымъ видомъ, своими большими синими глазами на блѣдномъ личикѣ и каштановыми кудрями подъ чернымъ чепчикомъ. Она угадала жалость въ моемъ взглядѣ и отвѣчала на него печальной улыбкой. Я говорилъ ей проходя: здравствуй, милочка!

Время шло,—два или три года проходятъ такъ быстро!—и въ одно майское утро понедѣльника, когда садъ „Братьевъ“ благоухалъ свѣжей зеленью и паутина носилась въ воздухѣ, я замѣтилъ, выходя около одиннадцати часовъ изъ дома, что улица Руслэ имѣла непривычно праздничный видъ. Ага! сегодня день перваго причащенія дѣтей. Работникъ, который каждый вечеръ поѣдомъ ѣлъ іезуитовъ, читая свою газету, могъ говорить, что ему угодно... „Мы не язычники“, рѣшала мать, и дѣти все таки стали проходить катехизисъ. И потомъ, первое причащеніе ребятишекъ—это случай кутнуть, справить маленькую гулянку; и чеботарь, курившій трубку на порогѣ своей лавки, могъ сколько ему угодно пожимать плечами и бормотать сквозь зубы: „ну, чему тутъ радоваться“. Вотъ бѣжитъ маленькая прачка, неся въ обѣихъ рукахъ мужскую сорочку, накрахмаленную, какъ кираса. Кончилось бритье передъ зеркаломъ, привязаннымъ къ оконному шнурку. У пирожника тоже торопятся: еще съ вечера были заказаны пироги, и фруктовщица изъ 9-го нумера готова сдѣлать сцену, потому что забыли ея миндальное пирожное. У парикмахера—лавка выкрашена въ голубой цвѣтъ и мѣдное блюдцо покачивается на весеннемъ вѣтеркѣ, пахнетъ жженными волосами, но работа кончена уже давно; всѣ ребята завиты съ семи часовъ утра. Теперь возвращаются изъ церкви: и народъ толпится у оконъ, чтобы видѣть, какъ пройдутъ причастники. Мальчики—въ новыхъ курткахъ съ атласными обшлагами, обшитыми золотой бахромой, исключая только Виктора, сына столяра, которому влетѣла добрая пара затрещинъ,—еще бы,

разъ въ прекрасное майское утро благоухающій вѣтеръ развѣвалъ бѣлыя вуали причастницъ въ улицѣ Руслэ. Годы проходили, годы съ ихъ вёснами, но и съ ихъ зимами. Многое измѣнилось; люди старѣлись въ этомъ мирномъ кварталѣ. Другія дѣти играютъ въ мячъ, но парикмахеръ уже закрылъ свою лавку; чеботарь постоянно куритъ свою трубку на порогѣ лавчонки, но борода его совсѣмъ посѣдѣла; наконецъ прочли однажды билетъ съ черными каймами, приклеенный четырьмя печатями къ закрытымъ ставнямъ фруктовщицы изъ девятаго номера, и теперь тамъ поселилась прачка, чтобы конкурировать со старой, которая живетъ насупротивъ. Но это ей не удастся, потому что тетушка Вернье, хозяйка, утверждаетъ, что новая прачка—неряха, потерявшая ея кофту, и что ея работницы—негодяйки, которыя только дурачатся съ высокимъ блондиномъ, украшеннымъ медалью; еще у него такіе превосходные висячіе усы, и выпить любитъ. Не смотря на все это, улица Руслэ почти сохранила свою прежнюю физіономію и стѣна „Братьевъ Saint Jean-de-Dieu“ больше, чѣмъ когда нибудь заросла ползучими растеніями.

А маленькая хромая?

Увы! она очень мало выросла, не смотря на то, что теперь уже взрослая дѣвушка и что ей скоро двадцать лѣтъ. Когда я встрѣчаю ее, сильнѣе опирающуюся на костыль, — новый костыль немножко больше стараго, — я уже не смѣю болѣе сказать: „здравствуй, милочка“ и довольствуюсь тѣмъ, что молча снимаю шляпу. Къ тому же она выходитъ рѣдко. Ея мать теперь привратницей въ домѣ переплетчика, и окно комнатки, которое выходитъ на улицу, слишкомъ высоко для того, чтобы я могъ заглянуть въ него, проходя; но присутствіе моего друга выдаетъ безпрерывный стукъ швейной машины. Она работаетъ на магазинъ готоваго платья и, кажется, зарабатываетъ довольно. Меня увѣряли, что она гораздо слабѣе, чѣмъ я думалъ, и что одна нога у нея совсѣмъ высохла. Ей никогда не выйти замужъ. Какая жалость!

Между тѣмъ, почти всѣ ея подруги по первому причащенію надѣвали уже во второй разъ бѣлыя платья—подвѣнечныя. Еще въ прошлую субботу бакалейщица выдавала дочку за своего старшаго прикащика. (Я сильно подозрѣвалъ, что такъ кончится; въ воскресные вечера, когда мать выхо-

ромкимъ смѣхомъ... Но взглядъ на пьесу свѣтскихъ людей... не внушаетъ мнѣ довѣрія... Итакъ начинайте.

— Хорошо! исторія эта обошла всѣ вѣнскіе салоны, въ то время когда я былъ тамъ. Былъ тогда въ Вѣнѣ докторъ, наменитость, какъ спеціалистъ по болѣзнямъ сердца; его вали,—я, разумѣется, мѣняю имена, такъ какъ происшествіе чень трагично,—его звали Арнольдомъ. Едва достигнувъ сокалѣтняго возраста, онъ имѣлъ уже великолѣпную практику. Это былъ красивый мужчина, очень изящный, съ правильнымъ лицомъ, большими бѣлокурыми баками, типъ настоящаго австрійца... но пара американскихъ глазъ, голубыхъ холодныхъ какъ сталь, заставляли призадуматься. Доктора пригласили въ одно русское семейство, проживавшее тогда въ Вѣнѣ—назовемъ ихъ хоть Скебловы—къ больной дочери, которой спеціалистъ съ перваго взгляда нашелъ начало невризма. Должно быть, было очень трудно, не смущаясь, покойно выслушивать и выстукивать m-lle Машу... Подумайте! Прикладывать ухо къ груди хорошенькой девятнадцатилѣтней брюнетки и стучать ей въ сердце, какъ бы говоря: ожно войти?..

— Морисъ! перебилъ его хозяинъ дома, безъ водевильныхъ шутокъ... Вы обѣщали намъ драму.

— Драма и возникнетъ, будьте покойны... хотя, принятые въ хорошомъ обществѣ, эти Скебловы были немного подозрительны. Они жили въ отелѣ. У папа Скеблова было слишомъ много петлицъ, вышивокъ и нашивокъ на его ментихъ, подбитыхъ мѣхомъ. Эти люди жили довольно широко, о брилліанты мамаши слыли за фальшивые; къ тому же вѣ дочки, которыхъ надо было пристроить, слишкомъ красивыя, чтобы ждать отъ нихъ добра—все это было очень сонительно. Но докторъ былъ страстно влюбленъ; онъ проилъ руки m-lle Маши, получилъ ее, женился черезъ три ѣсяца, и семейство Скебловыхъ, которымъ вдругъ надоѣла ѣна, улетѣло къ другому табль-д'оту. Жена доктора, фрау ікторинъ, какъ тамъ говорятъ, понравилась вѣнскому обеству. Новобрачные были очень интересны: докторъ любилъ ашу, какъ жену, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ свою паціентку; нъ обожалъ ее и лѣчилъ. Этотъ маленькій романъ привоилъ въ восторгъ сантиментальныхъ нѣмцевъ. Уже m-me Ар-

— Ну, не сердитесь, отвѣтилъ толстый Перейра; мы бавляемъ васъ отъ труда оканчивать фразы... Это на-оящій театральный стиль... Посмотрите: Скрибъ, Сарду... ѣ діалоги, пересѣкаемые точками... Я убиваюсь, повторяя олодымъ авторамъ: не надо вовсе никакого стиля, не надо тературы! Есть пьесы, которыя провалились изъ-за одного илагательнаго. Извѣстно, какое зло можетъ сдѣлать ме-фора... Такъ, романтики....

— Перейра, сказалъ хозяинъ дома, съ насмѣшливымъ ви-мъ глядя въ монокль на еврея:—когда же вы то кончите въ ою очередь?...

— Правда... Итакъ Морисъ сказалъ намъ, что мужъ...

— Изобрѣлъ ужасную месть, но доступную только чело-ку его профессіи. Маша еще несовсѣмъ выздоровѣла, онъ о зналъ отлично, какъ спеціалистъ болѣзни сердца, отъ торой онъ лѣчилъ ее въ теченіе двухъ лѣтъ съ такимъ рве-емъ и любовью. Онъ началъ усиливать болѣзнь. Сдержи-я свой гнѣвъ, онъ ограничился тѣмъ, что держался въ ношеніи своей жены въ положеніи мужа, который безпо-ится и подозрѣваетъ, и такимъ образомъ развилъ страхъ и мительное предчувствіе въ умѣ измѣнницы. Онъ зналъ по исьмамъ, которыя перехватывалъ, какая безумная страсть ладѣла влюбленными; онъ былъ увѣренъ, что они постоян-о будутъ искать случая видѣться, даже посреди опасно-ей. Домашній Макіавель воспользовался этимъ обстоятель-вомъ. Съ этого времени, какая-то таинственная сила ста-ла всевозможныя маленькія препятствія между Машей и азевицомъ, не разлучая ихъ, однако же, совсѣмъ; она азстраивала ихъ свиданія, прерывала переписку, возмуща-и отравляла ихъ любовь; и отъ этой жизни, полной силь-го мучительнаго волненія, здоровье m-me Арнольдъ по-атнулось опять очень сильно. Докторъ убивалъ свою жену такой же увѣренностью и точностью, съ какою онъ ее ѣчилъ недавно. Часы безумнаго страха, которые придаютъ овеобращенію болѣзненную быстроту, онъ, какъ человѣкъ ающій, замѣнялъ долгими днями печали, которые застав-ютъ кровь приливать къ сердцу и задерживаютъ ее тамъ. отомъ, вдругъ, онъ прикидывался, что никогда не ревну-ъ, казался тронутымъ до слезъ страданіями своей жены.

во всѣхъ своихъ орденахъ, стоялъ за кресломъ жены. Вдругъ, послѣ взгляда, брошеннаго въ переднюю, онъ наклонился къ уху Маши, какъ бы для того, чтобы сказать любезность. —„Горе не убило тебя, презрѣнная“?—„Къ несчастію, еще нѣтъ, прошептала мученица“.—„Хорошо, взгляни же, прибавилъ онъ, указывая на дверь, и умри отъ радости!“ Въ эту минуту мажордомъ произнесъ звучнымъ голосомъ: „Капитанъ, баронъ Блазевицъ!“ Красивый офицеръ вошелъ съ улыбкой на губахъ и тотчасъ же, какъ онъ всегда дѣлалъ, отыскалъ глазами свою любовницу. Онъ съ трудомъ узналъ ее. Она поднялась со своего стула и выпрямилась, точно на пружинахъ, посинѣвшая, страшная въ своемъ бальномъ нарядѣ. Она бросила на него дикій взглядъ, поднесла руку къ горлу и тяжело упала на паркетъ, мертвая, дѣйствительно мертвая на этотъ разъ!.. Произошелъ страшный переполохъ. Докторъ съ крикомъ бросился на трупъ жены, а отчаяніе Блазевица надѣлало бы скандала, еслибы одинъ изъ друзей не увезъ его. Всѣ приглашенные разъѣхались; лакеи съѣли ужинъ, и посланница была очень недовольна, такъ какъ она заказала нарочно для котильона пресмѣшныя маски, отъ которыхъ ожидала большаго эффекта.

Морисъ кончилъ, наступило минутное молчаніе, даже у Перейры достало такта не сказать какую нибудь тяжеловѣсную глупость.

Но показалась хозяйка дома, поднимая вышитую портьеру курильной.

— Однако, господа, кончили вы ваши сигары? Дамы васъ спрашиваютъ.

Проходя въ гостинную, Перейра взялъ подъ руку Мориса.

— А докторъ, что сдѣлалось съ нимъ?

— Какъ я уже говорилъ, онъ почти хвасталъ своимъ преступленіемъ, которое ускользало отъ всякой кары. Но жизнь въ Вѣнѣ сдѣлалась ему тяжела. Теперь онъ въ Варшавѣ, гдѣ у него хорошая практика и гдѣ онъ продолжаетъ повторять больнымъ по его спеціальности: „остерегайтесь волненія!..“ Ну, что вы думаете о моемъ сюжетѣ для пьесы?

— Невозможно, мой другъ. Всѣ фельетоны скажутъ, что это подражаніе „Юліи“, Октава Фелье.

„литературныхъ вопросовъ“,—вопроса о романтизмѣ и классицизмѣ, вопроса о славянофильствѣ и западничествѣ, о реализмѣ и идеализмѣ въ искусствѣ и поэзіи, объ отношеніи искусства къ жизни, наукѣ, философіи. Все это давало поводъ представителямъ литературныхъ партій высказывать свои теоретическіе взгляды, подводить итоги, дѣлать выводы, и все это, въ концѣ концовъ, несомнѣнно приносило огромную пользу русскому обществу, помогая ему разбираться въ хаосѣ мнѣній, въ калейдоскопѣ художественныхъ формъ и приходить къ опредѣленнымъ выводамъ. Такимъ образомъ, литературныя обозрѣнія сороковыхъ годовъ, внося въ періодическую печать разнообразіе и движеніе, придавали ей опредѣленный цвѣтъ и характеръ, выдвигали впередъ существенные вопросы жизни и искусства и этимъ путемъ вліяли на литературныя направленія и школы почти всегда благотворно.

Въ шестидесятыхъ годахъ, „литературныя обозрѣнія“ вышли изъ моды и очень мало практиковались. Чаще всего возвращался къ нимъ Аполлонъ Григорьевъ, придавая имъ характеръ почти философскаго трактата, въ которомъ подводились итоги не только исторіи русской литературы, но и объяснялись принципы, по законамъ которыхъ она развивается. Но неудачная, расплывчатая форма, въ которой излагалъ свои мысли Ап. Григорьевъ, вліяла удручающимъ образомъ на читателя, и онъ мало по малу разучился интересоваться „литературнымъ обозрѣніемъ“. Добролюбовъ, на сколько мнѣ помнится, написалъ только одно,—правда, обширное,—литературное обозрѣніе подъ заглавіемъ: „Литературныя мелочи прошлаго года“ (въ 1859 году); но въ этой статьѣ онъ значительно отступилъ отъ обычной формы литературныхъ обозрѣній. Онъ не говорилъ о литературныхъ явленіяхъ, а старался выяснить нарождающіяся направленія и касался въ гораздо большей степени вопросовъ общественныхъ, чѣмъ литературныхъ. Оно, впрочемъ, и понятно: во время Добролюбова и Писарева литературныя обозрѣнія не могли имѣть того значенія, которое они имѣли при Бѣлинскомъ; современная періодическая печать и литература приняли характеръ практическій, если можно такъ выразиться, и Добролюбовъ, не безъ основанія, упрекалъ въ этой статьѣ дѣятелей прошлаго въ томъ, что они „проникнуты были высокими, но нѣсколько отвлеченными стремленіями; они стремились къ истинѣ, желали добра, ихъ плѣняло все прекрасное; но выше всего былъ для нихъ принципъ. Принципомъ они называли общую философскую идею, которую признавали основаніемъ всей своей логики и морали“. Упрекъ до извѣстной степени былъ справедливъ: изъ-за этого принципа, дѣятели прошлаго, если исключить изъ ихъ числа Бѣлинскаго, можетъ быть, и проглядѣли жизнь, прозѣвали живое дѣло. Но Добролюбовъ противопоставлялъ имъ литературныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, которые „не только поняли, но и прочувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе“,

ученыхъ обществъ и учрежденій, сочиненія, которыя, разумѣется, не покупались публикой и не читались, но зато украшали собою полки книгопродавцевъ. Такимъ образомъ, русская журналистика за извѣстный періодъ,—за годъ, напримѣръ,—представляла собой всю продуктивность литературнаго движенія, всю наличность литературныхъ явленій и силъ; по ней, слѣдовательно, легко и удобно было судить объ этомъ движеніи и приходить къ опредѣленнымъ заключеніямъ и выводамъ;—что и дѣлали съ успѣхомъ тогдашніе литературные обозрѣватели. Они брали толстые журналы за весь годъ, сортировали матеріалъ и „подводили итоги". Совсѣмъ не такъ представляется дѣло въ наше время; теперь русская литература представляетъ гораздо болѣе разнообразное и не столь легко уловимое явленіе. Книгъ у насъ по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы издается теперь много, хотя мы и не знаемъ, столько ли ихъ раскупается (книгопродавцы жалуются на застой въ торговлѣ). Даже романы издаются отдѣльно, не украсивъ собой предварительно страницъ того или другаго журнала; въ русской литературѣ встрѣчается теперь даже явленіе совершенно не бывалое въ прежнее время: у насъ появились беллетристы, которые никогда не печатаютъ своихъ произведеній въ журналахъ и всегда издаютъ ихъ отдѣльными книгами: точь въ точь какъ во Франціи, Германіи, Англіи. Однимъ словомъ, у насъ появилась *книга*, бывшая большою рѣдкостью въ прежнее время. Съ нѣкоторыхъ поръ даже первоклассные русскіе писатели, какъ напримѣръ, графъ Л. Н. Толстой, не числятся сотрудниками журналовъ и предпочитаютъ прямо издавать свои сочиненія, какъ бы тяготясь зависимостью отъ редакцій. Съ другой стороны, необходимо принять во вниманіе развитіе у насъ газетной печати. Въ настоящее время, эта печать поглощаетъ много литературныхъ силъ и поглощаетъ,—надобно прямо сказать,—не къ выгодѣ руской литературы: спѣшная газетная работа изо дня въ день, невозможность для автора развить свою мысль вполнѣ и систематически въ газетной статьѣ, погоня за „новымъ", за „модным", за „пикантнымъ", зависимость отъ условій минуты, необходимость удовлетворять интересамъ дня,—все это, вмѣстѣ взятое, понижаетъ литературный уровень, дѣлаетъ литературную мысль жалкой и поверхностной, придаетъ ей характеръ какой-то безсодержательной болтовни, которую читатель принужденъ выносить, потому что,—какъ говоритъ онъ,—„безъ газеты нельзя обойтись". Даже профессора, настоящіе или бывшіе, стряхнувъ съ себя свою прежнюю ученую важность и превратившись въ простыхъ репортеровъ, сотрудничаютъ въ газетахъ, но, къ сожалѣнію, и изъ ихъ газетныхъ трудовъ не выходитъ ровно ничего. То, что умѣстно на каѳедрѣ или въ ученомъ трактатѣ, совершенно неумѣстно въ газетѣ,—и вотъ причина тѣхъ странныхъ явленій, какія замѣчаются сплошь и рядомъ въ теперешнихъ русскихъ газетахъ: какой нибудь „бывшій" или „настоящій"

слѣдно съ начала нынѣшняго года) и „Русское Богатство“. О „Русскомъ Богатствѣ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“ мы говорить не будемъ: первый журналъ имѣетъ характеръ болѣе научный, чѣмъ литературный, и, такимъ образомъ, не входитъ въ „литературное“ обозрѣніе; а второй перешелъ въ руки новой редакціи и съ будущаго года будетъ издаваться въ Петербургѣ, такъ что говорить о немъ не представляется нужнымъ; чѣмъ былъ „Русскій Вѣстникъ“ подъ редакціей Каткова, мы хорошо знаемъ; чѣмъ онъ будетъ подъ редакціей г. Берга, мы еще не знаемъ; поэтому говорить о немъ теперь, въ его переходномъ состояніи, не приходится. Остаются, слѣдовательно, три журнала: „Вѣстникъ Европы“, „Сѣверный Вѣстникъ“ и „Русская Мысль“. О нихъ-то именно мы и поведемъ теперь рѣчь.

Мы уже говорили о томъ, что русскій современный журналъ, если хочетъ быть выразителемъ общественнаго мнѣнія, если онъ искренно желаетъ удовлетворять потребностямъ общества, — долженъ быть, прежде всего, представителемъ извѣстнаго общественнаго направленія и извѣстной литературной школы. „Вѣстникъ Европы“ отчасти удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, но только отчасти, потому что очень трудно, если не невозможно, опредѣлить, какими эстетическими, нравственными или философскими началами редакція почтеннаго журнала руководствуется при выборѣ помѣщаемыхъ въ журналѣ беллетристическихъ и поэтическихъ произведеній. Скажутъ, можетъ быть, что редакція въ данномъ случаѣ руководствуется своимъ личнымъ эстетическимъ вкусомъ, а на вкусъ, какъ извѣстно, нѣтъ господина: de gustibus non est disputandum. Но это несовсѣмъ вѣрно. Во-первыхъ, и о вкусѣ можно и должно говорить, потому что и вкусъ, какъ и всякое другое понятіе, подчиняется извѣстнымъ законамъ разума и логики; вкусъ можно, какъ извѣстно, воспитывать и, такимъ образомъ, опредѣлять, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени его компетентность и значеніе; вкусъ бываетъ дурной и хорошій, mauvais goût, bon goût; для человѣка, воспитаннаго въ хорошей школѣ эстетическаго вкуса, лубочная картина не есть еще произведеніе искусства, картина Рафаэля—нѣчто великое и совершенное въ своемъ родѣ; а для г. Стасова, прошедшаго, очевидно, очень плохую школу вкуса, Рафаэль ничего не стоитъ, между тѣмъ какъ г. Суриковъ является верхомъ современнаго искусства. Неужели же и г. Стасовъ правъ, и человѣкъ со вкусомъ тоже правъ? Неужели съ г. Стасовымъ нельзя спорить? И почему онъ долженъ быть законодателемъ у насъ эстетическаго вкуса къ позору искусства?!

Но если и совершенно оставить вопросъ о вкусахъ, если признать, что редакція журнала имѣетъ право руководствоваться, при выборѣ беллетристическихъ произведеній, своими личными вкусами, то все таки еще остается нѣчто иное,—а именно остается вопросъ о литературной школѣ, предста-

вителемъ которой журналъ долженъ явиться. Школа есть нѣчто совершенно объективное, подчиняющееся требованіямъ жизни, возникающее, развивающееся, падающее вслѣдствіе очень опредѣленныхъ условій. Но въ жизни всегда бываетъ нѣсколько литературныхъ школъ, которыя борются между собой, враждуютъ или мирятся на извѣстныхъ условіяхъ и взаимныхъ уступкахъ,—школъ, изъ которыхъ однѣ представляютъ задатки будущаго развитія, другія обнаруживаютъ признаки упадка, третьи существуютъ только вслѣдствіе извѣстной, очень спеціальной потребности. Во всемъ этомъ необходимо какъ нибудь разобраться; редакція обязана прійти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію по поводу этого вопроса, имѣющаго значительную литературную важность. Она должна рѣшить: какую школу она должна поддерживать своимъ вліяніемъ, къ какой она можетъ относиться снисходительно, съ какой ей приходится враждовать.

Намъ кажется, что именно въ этомъ отношеніи „Вѣстникъ Европы" не отвѣчаетъ потребностямъ журнальной программы. У него нѣтъ своей эстетики, онъ доволенъ своими собственными вкусами и къ школамъ относится, какъ кажется, совершенно равнодушно, — не въ критикѣ, конечно, а въ выборѣ произведеній. По нашему мнѣнію, это — большой пробѣлъ, именно въ наше время, когда нарождаются новыя литературныя направленія и когда эстетическая война идетъ по всей линіи. Посмотрите, что̀ дѣлается въ этомъ отношеніи во Франціи, которая, въ настоящее время въ литературныхъ вопросахъ (не въ политикѣ) даетъ тонъ всей остальной Европѣ. Но зачѣмъ намъ такъ далеко ходить? Посмотрите только, что̀ дѣлается у насъ; развѣ въ русской литературѣ не возникла школа нео-реалистовъ, которая не читаетъ уже Тургенева, Гончарова, Достоевскаго представителями русскаго романа? Развѣ у насъ не народились уже своеобразные пессимисты à la Бурже, или мистики-сенсуалисты à la Юисмансъ? Русская литература представляетъ въ данномъ случаѣ любопытное и, можетъ быть, очень поучительное зрѣлище,—зрѣлище литературнаго и умственнаго броженія, которое еще не закончилось и о которомъ еще нельзя сказать, къ какимъ результатамъ оно придетъ, желательнымъ или нежелательнымъ. Къ этому необходимо присоединить еще одно старое теченіе,—такъ называемое „народничество",—которое тоже подвергается всѣмъ этимъ различнымъ вліяніямъ, которое косвенно переживаетъ то же самое, что̀ переживаетъ и вся остальная беллетристическая литература. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія „Вѣстникъ Европы", редактируемый тогда Каченовскимъ, былъ не такъ индиферентенъ къ литературнымъ вкусамъ, какъ нынѣшняя редакція; онъ открыто сталъ на сторону классиковъ, не безъ таланта защищалъ ихъ, не допускалъ на своихъ страницахъ произведеній романтической школы. Нынѣшняя редакція не находитъ удобнымъ и нужнымъ слѣдовать примѣру своего предшественника, оставившаго однако почтенное имя въ исторіи рус-

ской литературы. Она печатаетъ, правда, произведенія по преимуществу извѣстныхъ авторовъ, но мало заботится о томъ, къ какой литературной школѣ эти авторы принадлежатъ. Г. Боборыкинъ — далеко не то, что Щедринъ, не то, что г. М. Бѣлинскій или Эртель. Каждый изъ нихъ обладаетъ извѣстнымъ талантомъ, но всѣ они принадлежатъ къ различнымъ школамъ. То же самое можно сказать и о переводныхъ романахъ, помѣщаемыхъ на страницахъ „Вѣстника Европы“: такъ напримѣръ, редакція помѣстила романъ Коллинза „Злой геній“, плохой романъ извѣстнаго автора, и не помѣстила романа Лоти: „Les pêcheurs d'Islande“, прекрасный романъ малоизвѣстнаго автора. Но это еще не все: до какой степени доходитъ олимпійское равнодушіе почтеннаго журнала къ вопросамъ искусства, видно, между прочимъ, изъ того, что „Вѣстникъ Европы“ въ прежніе годы печаталъ всю теоретическую путаницу Золя о реализмѣ, безъ всякихъ оговорокъ, и въ то же время не печаталъ и не печатаетъ до сихъ поръ лучшихъ и дѣйствительно талантливыхъ его романовъ. Правда, что эти романы нѣсколько „свободны“, а „Вѣстникъ Европы“, какъ кажется, журналъ скромный и даже чопорный. Но развѣ это достаточная причина игнорировать Золя? Вѣдь при такихъ условіяхъ пришлось бы, пожалуй, похерить Рабле или Свифта, еслибъ они жили въ наше время и не знать, напримѣръ, о существованіи „Донъ-Жуана“ Байрона?..

Въ критикѣ почтеннаго журнала замѣчается, правда, больше опредѣленности, но и тутъ мы видимъ нѣчто странное. Литературной критикой завѣдуетъ г. Арсеньевъ, своего рода г. Стасовъ, два писателя очень извѣстные, но принадлежащіе къ двумъ діаметрально-противоположнымъ эстетическимъ школамъ: г. Арсеньевъ вѣдаетъ только литературу и поэзію, г. Стасовъ—только художество въ тѣсномъ значеніи этого слова; но вѣдь ни для кого не тайна, что поэзія и искусство тѣсно между собою связаны, такъ тѣсно, что если журналъ прилагаетъ къ поэзіи одну мѣрку, то обязанъ, по законамъ логики, примѣнять ту же самую мѣрку и къ художествамъ. Г. Стасовъ, на страницахъ „Вѣстника Европы“, мудритъ, чрезвычайно и провозглашаетъ по временамъ такія удивительныя истины, отъ которыхъ неприготовленный читатель, по собственному выраженію почтеннаго критика, можетъ легко „встать на дыбы“, отъ удивленія и неожиданности. Г. Стасовъ... я, право, затрудняюсь, опредѣлить г. Стасова, какъ критика. Онъ представляетъ собою нѣчто совершенно небывалое въ анналахъ художественной критики. О какой либо положительной теоріи, разумѣется, и говорить нечего: онъ ее не имѣетъ и даже печатно хвалится тѣмъ, что не имѣетъ. Но у него нѣтъ также и опредѣленнаго пріема, опредѣленной мѣрки, у него все совершенно произвольно, все подчинено личному чувству, личному вкусу, который, какъ я уже замѣтилъ, не отличается особеннымъ развитіемъ и... воспитаніемъ. Г. Стасовъ ужасно любитъ все національное, но только не всегда знаетъ, въ чемъ именно оно

, но, можетъ быть, снисходительность не входитъ въ функціи крити-
которая должна произносить нелицепріятный судъ, указывать на не-
тки и, прежде всего, напоминать начинающимъ писателямъ тѣ ве-
принципы, на которыхъ покоится великое, настоящее искусство.
ика, во всякомъ случаѣ, не есть педагогія. Къ тому же, еще неиз-
но, насколько снисходительность въ критикѣ можетъ быть полезна,
съ педагогической точки зрѣнія. Талантъ Виктора Гюго француз-
критики расхвалили не въ мѣру въ то время, когда поэтъ былъ
почти ребенокъ и когда въ его стихотвореніяхъ, говоря по правдѣ,
я было усмотрѣть еще почти никакого таланта, если не считать въ
талантовъ бойкую версификацію. Кромѣ вреда, такой пріемъ, по
мнѣнію, не принесъ ничего для развитія будущаго великаго поэта.
и по существу своей натуры отличавшійся необыкновеннымъ, чу-
дным самомнѣніемъ, только утвердился, благодаря „снисходитель-
критикѣ, въ мнѣніи о себѣ, и съ тѣхъ поръ пошло crescen-
развитіе тѣхъ недостатковъ его ума и таланта, которые впо-
твіи такъ непріятно поражали многочисленныхъ его поклонни-
даже въ самыхъ законченныхъ, самыхъ глубокихъ его произ-
іяхъ. Съ другимъ великимъ поэтомъ, — съ лордомъ Байрономъ, —
а поступила иначе. Первый сборникъ его стихотвореній былъ встрѣ-
сарказмами и насмѣшками. Но именно эти-то сарказмы и насмѣшки
дили спящаго льва: онъ, правда, отомстилъ своимъ критикамъ ѣдкой
ой, но съ тѣхъ поръ сталъ относиться строже, гораздо тщательнѣе
воимъ произведеніямъ и, въ большинствѣ случаевъ, скоро освободился
тѣхъ недостатковъ, которые были очень замѣтны въ его „Hours of
ess“ и надъ которыми потѣшались его критики. Изъ этихъ двухъ
ровъ можно, я думаю, заключить, что въ критикѣ снисходитель-
можетъ быть вредна, между тѣмъ какъ строгость, даже самая
лая, всегда полезна. Еслибы Байронъ былъ человѣкъ бездарный и
ъ онъ, вслѣдствіе насмѣшекъ надъ нимъ, окончательно бросилъ
о, то бѣда была бы еще не велика: одною бездарностью оказалось
еньше во всемірной поэзіи, а человѣка дѣйствительно, талантливаго
самая несправедливая насмѣшка не можетъ обезкуражить: она только
тъ его энергію и заставитъ тщательнѣе относиться къ своимъ про-
еніямъ.

о всякомъ случаѣ, я думаю, что г. Арсеньевъ, какъ критикъ, дер-
слишкомъ средней ноты, и, вслѣдствіе этого, его критическіе труды
ъ быть, не приносятъ той пользы, которую могли бы приносить.
я, вѣроятно, избѣгать, докторальнаго тона, г. Арсеньевъ какъ-то
но настойчиво умалчиваетъ о теоретическихъ началахъ, на
ыхъ зиждется всякое дѣйствительное искусство. Но такая осто-
ость въ наше время совершенно не желательна въ русской критикѣ;

„литературныхъ вопросовъ“,—вопроса о романтизмѣ и классицизмѣ, вопроса о славянофильствѣ и западничествѣ, о реализмѣ и идеализмѣ въ искусствѣ и поэзіи, объ отношеніи искусства къ жизни, наукѣ, философіи. Все это давало поводъ представителямъ литературныхъ партій высказывать свои теоретическіе взгляды, подводить итоги, дѣлать выводы, и все это, въ концѣ концовъ, несомнѣнно приносило огромную пользу русскому обществу, помогая ему разбираться въ хаосѣ мнѣній, въ калейдоскопѣ художественныхъ формъ и приходить къ опредѣленнымъ выводамъ. Такимъ образомъ, литературныя обозрѣнія сороковыхъ годовъ, внося въ періодическую печать разнообразіе и движеніе, придавали ей опредѣленный цвѣтъ и характеръ, выдвигали впередъ существенные вопросы жизни и искусства и этимъ путемъ вліяли на литературныя направленія и школы почти всегда благотворно.

Въ шестидесятыхъ годахъ, „литературныя обозрѣнія“ вышли изъ моды и очень мало практиковались. Чаще всего возвращался къ нимъ Аполлонъ Григорьевъ, придавая имъ характеръ почти философскаго трактата, въ которомъ подводились итоги не только исторіи русской литературы, но и объяснялись принципы, по законамъ которыхъ она развивается. Но неудачная, расплывчатая форма, въ которой излагалъ свои мысли Ап. Григорьевъ, вліяла удручающимъ образомъ на читателя, и онъ мало по малу разучился интересоваться „литературнымъ обозрѣніемъ“. Добролюбовъ, на сколько мнѣ помнится, написалъ только одно,—правда, обширное,—литературное обозрѣніе подъ заглавіемъ: „Литературныя мелочи прошлаго года“ (въ 1859 году); но въ этой статьѣ онъ значительно отступилъ отъ обычной формы литературныхъ обозрѣній. Онъ не говорилъ о литературныхъ явленіяхъ, а старался выяснить нарождающіяся направленія и касался въ гораздо большей степени вопросовъ общественныхъ, чѣмъ литературныхъ. Оно, впрочемъ, и понятно: во время Добролюбова и Писарева литературныя обозрѣнія не могли имѣть того значенія, которое они имѣли при Бѣлинскомъ; современная періодическая печать и литература приняли характеръ практическій, если можно такъ выразиться, и Добролюбовъ, не безъ основанія, упрекалъ въ этой статьѣ дѣятелей прошлаго въ томъ, что они „проникнуты были высокими, но нѣсколько отвлеченными стремленіями; они стремились къ истинѣ, желали добра, ихъ плѣняло все прекрасное; но выше всего былъ для нихъ принципъ. Принципомъ они называли общую философскую идею, которую признавали основаніемъ всей своей логики и морали“. Упрекъ до извѣстной степени былъ справедливъ: изъ-за этого принципа, дѣятели прошлаго, если исключить изъ ихъ числа Бѣлинскаго, можетъ быть, и проглядѣли жизнь, прозѣвали живое дѣло. Но Добролюбовъ противопоставлялъ имъ литературныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, которые „не только поняли, но и прочувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе“,

ученыхъ обществъ и учрежденій, сочиненія, которыя, разумѣется, не покупались публикой и не читались, но зато украшали собою полки книгопродавцевъ. Такимъ образомъ, русская журналистика за извѣстный періодъ,—за годъ, напримѣръ,—представляла собой всю продуктивность литературнаго движенія, всю наличность литературныхъ явленій и силъ; по ней, слѣдовательно, легко и удобно было судить объ этомъ движеніи и приходить къ опредѣленнымъ заключеніямъ и выводамъ,—что и дѣлали съ успѣхомъ тогдашніе литературные обозрѣватели. Они брали толстые журналы за весь годъ, сортировали матеріалъ и „подводили итоги". Совсѣмъ не такъ представляется дѣло въ наше время; теперь русская литература представляетъ гораздо болѣе разнообразное и не столь легко уловимое явленіе. Книгъ у насъ по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы издается теперь много, хотя мы и не знаемъ, столько ли ихъ раскупается (книгопродавцы жалуются на застой въ торговлѣ). Даже романы издаются отдѣльно, не украсивъ собой предварительно страницъ того или другаго журнала; въ русской литературѣ встрѣчается теперь даже явленіе совершенно не бывалое въ прежнее время: у насъ появились беллетристы, которые никогда не печатаютъ своихъ произведеній въ журналахъ и всегда издаютъ ихъ отдѣльными книгами: точь въ точь какъ во Франціи, Германіи, Англіи. Однимъ словомъ, у насъ появилась *книга*, бывшая большою рѣдкостью въ прежнее время. Съ нѣкоторыхъ поръ даже первоклассные русскіе писатели, какъ напримѣръ, графъ Л. Н. Толстой, не числятся сотрудниками журналовъ и предпочитаютъ прямо издавать свои сочиненія, какъ бы тяготясь зависимостью отъ редакцій. Съ другой стороны, необходимо принять во вниманіе развитіе у насъ газетной печати. Въ настоящее время, эта печать поглощаетъ много литературныхъ силъ и поглощаетъ,—надобно прямо сказать,—не къ выгодѣ руской литературы: спѣшная газетная работа изо дня въ день, невозможность для автора развить свою мысль вполнѣ и систематически въ газетной статьѣ, погоня за „новымъ", за „модным", за „пикантнымъ", зависимость отъ условій минуты, необходимость удовлетворять интересамъ дня,—все это, вмѣстѣ взятое, понижаетъ литературный уровень, дѣлаетъ литературную мысль жалкой и поверхностной, придаетъ ей характеръ какой-то безсодержательной болтовни, которую читатель принужденъ выносить, потому что,—какъ говоритъ онъ,—„безъ газеты нельзя обойтись". Даже профессора, настоящіе или бывшіе, стряхнувъ съ себя свою прежнюю ученую важность и превратившись въ простыхъ репортеровъ, сотрудничаютъ въ газетахъ, но, къ сожалѣнію, и изъ ихъ газетныхъ трудовъ не выходитъ ровно ничего. То, что умѣстно на каѳедрѣ или въ ученомъ трактатѣ, совершенно неумѣстно въ газетѣ,—и вотъ причина тѣхъ странныхъ явленій, какія замѣчаются сплошь и рядомъ въ теперешнихъ русскихъ газетахъ: какой нибудь „бывшій" или „настоящій"

слѣдно съ начала нынѣшняго года) и „Русское Богатство“. О „Русскомъ Богатствѣ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“ мы говорить не будемъ: первый журналъ имѣетъ характеръ болѣе научный, чѣмъ литературный, и, такимъ образомъ, не входитъ въ „литературное“ обозрѣніе; а второй перешелъ въ руки новой редакціи и съ будущаго года будетъ издаваться въ Петербургѣ, такъ что говорить о немъ не представляется нужнымъ; чѣмъ былъ „Русскій Вѣстникъ“ подъ редакціей Каткова, мы хорошо знаемъ; чѣмъ онъ будетъ подъ редакціей г. Берга, мы еще не знаемъ; поэтому говорить о немъ теперь, въ его переходномъ состояніи, не приходится. Остаются, слѣдовательно, три журнала: „Вѣстникъ Европы“, „Сѣверный Вѣстникъ“ и „Русская Мысль“. О нихъ-то именно мы и поведемъ теперь рѣчь.

Мы уже говорили о томъ, что русскій современный журналъ, если хочетъ быть выразителемъ общественнаго мнѣнія, если онъ искренно желаетъ удовлетворять потребностямъ общества, — долженъ быть, прежде всего, представителемъ извѣстнаго общественнаго направленія и извѣстной литературной школы. „Вѣстникъ Европы“ отчасти удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, но только отчасти, потому что очень трудно, если не невозможно, опредѣлить, какими эстетическими, нравственными или философскими началами редакція почтеннаго журнала руководствуется при выборѣ помѣщаемыхъ въ журналѣ беллетристическихъ и поэтическихъ произведеній. Скажутъ, можетъ быть, что редакція въ данномъ случаѣ руководствуется своимъ личнымъ эстетическимъ вкусомъ, а на вкусъ, какъ извѣстно, нѣтъ господина: de gustibus non est disputandum. Но это несовсѣмъ вѣрно. Во-первыхъ, и о вкусѣ можно и должно говорить, потому что и вкусъ, какъ и всякое другое понятіе, подчиняется извѣстнымъ законамъ разума и логики; вкусъ можно, какъ извѣстно, воспитывать и, такимъ образомъ, опредѣлять, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени его компетентность и значеніе; вкусъ бываетъ дурной и хорошій, mauvais goût, bon goût; для человѣка, воспитаннаго въ хорошей школѣ эстетическаго вкуса, лубочная картина не есть еще произведеніе искусства, картина Рафаэля—нѣчто великое и совершенное въ своемъ родѣ; а для г. Стасова, прошедшаго, очевидно, очень плохую школу вкуса, Рафаэль ничего не стоитъ, между тѣмъ какъ г. Суриковъ является верхомъ современнаго искусства. Неужели же и г. Стасовъ правъ, и человѣкъ со вкусомъ тоже правъ? Неужели съ г. Стасовымъ нельзя спорить? И почему онъ долженъ быть законодателемъ у насъ эстетическаго вкуса къ позору искусства?!

Но если и совершенно оставить вопросъ о вкусахъ, если признать, что редакція журнала имѣетъ право руководствоваться, при выборѣ беллетристическихъ произведеній, своими личными вкусами, то все таки еще остается нѣчто иное,—а именно остается вопросъ о литературной школѣ, предста-

ской литературы. Она печатаетъ, правда, произведенія по преимуществу извѣстныхъ авторовъ, но мало заботится о томъ, къ какой литературной школѣ эти авторы принадлежатъ. Г. Боборыкинъ — далеко не то, что Щедринъ, не то, что г. М. Бѣлинскій или Эртель. Каждый изъ нихъ обладаетъ извѣстнымъ талантомъ, но всѣ они принадлежатъ къ различнымъ школамъ. То же самое можно сказать и о переводныхъ романахъ, помѣщаемыхъ на страницахъ „Вѣстника Европы“: такъ напримѣръ, редакція помѣстила романъ Коллинза „Злой геній“, плохой романъ извѣстнаго автора, и не помѣстила романа Лоти: „Les pêcheurs d'Islande“, прекрасный романъ малоизвѣстнаго автора. Но это еще не все: до какой степени доходитъ олимпійское равнодушіе почтеннаго журнала къ вопросамъ искусства, видно, между прочимъ, изъ того, что „Вѣстникъ Европы“ въ прежніе годы печаталъ всю теоретическую путаницу Золя о реализмѣ, безъ всякихъ оговорокъ, и въ то же время не печаталъ и не печатаетъ до сихъ поръ лучшихъ и дѣйствительно талантливыхъ его романовъ. Правда, что эти романы нѣсколько „свободны“, а „Вѣстникъ Европы“, какъ кажется, журналъ скромный и даже чопорный. Но развѣ это достаточная причина игнорировать Золя? Вѣдь при такихъ условіяхъ пришлось бы, пожалуй, похерить Рабле или Свифта, еслибъ они жили въ наше время и не знать, напримѣръ, о существованіи „Донъ-Жуана“ Байрона?..

Въ критикѣ почтеннаго журнала замѣчается, правда, больше опредѣленности, но и тутъ мы видимъ нѣчто странное. Литературной критикой завѣдуетъ г. Арсеньевъ, своего рода г. Стасовъ, два писателя очень извѣстные, но принадлежащіе къ двумъ діаметрально-противоположнымъ эстетическимъ школамъ: г. Арсеньевъ вѣдаетъ только литературу и поэзію, г. Стасовъ—только художество въ тѣсномъ значеніи этого слова; но вѣдь ни для кого не тайна, что поэзія и искусство тѣсно между собою связаны, такъ тѣсно, что если журналъ прилагаетъ къ поэзіи одну мѣрку, то обязанъ, по законамъ логики, примѣнять ту же самую мѣрку и къ художествамъ. Г. Стасовъ, на страницахъ „Вѣстника Европы“, мудритъ, чрезвычайно и провозглашаетъ по временамъ такія удивительныя истины, отъ которыхъ неприготовленный читатель, по собственному выраженію почтеннаго критика, можетъ легко „встать на дыбы“, отъ удивленія и неожиданности. Г. Стасовъ... я, право, затрудняюсь, опредѣлить г. Стасова, какъ критика. Онъ представляетъ собою нѣчто совершенно небывалое въ анналахъ художественной критики. О какой либо положительной теоріи, разумѣется, и говорить нечего: онъ ее не имѣетъ и даже печатно хвалится тѣмъ, что не имѣетъ. Но у него нѣтъ также и опредѣленнаго пріема, опредѣленной мѣрки, у него все совершенно произвольно, все подчинено личному чувству, личному вкусу, который, какъ я уже замѣтилъ, не отличается особеннымъ развитіемъ и... воспитаніемъ. Г. Стасовъ ужасно любитъ все національное, но только не всегда знаетъ, въ чемъ именно оно

такъ, но, можетъ быть, снисходительность не входитъ въ функціи крити-
ки, которая должна произносить нелицепріятный судъ, указывать на не-
достатки и, прежде всего, напоминать начинающимъ писателямъ тѣ ве-
ликіе принципы, на которыхъ покоится великое, настоящее искусство.
Критика, во всякомъ случаѣ, не есть педагогія. Къ тому же, еще неиз-
вѣстно, насколько снисходительность въ критикѣ можетъ быть полезна,
даже съ педагогической точки зрѣнія. Талантъ Виктора Гюго француз-
скіе критики расхвалили не въ мѣру въ то время, когда поэтъ былъ
еще почти ребенокъ и когда въ его стихотвореніяхъ, говоря по правдѣ,
нельзя было усмотрѣть еще почти никакого таланта, если не считать въ
числѣ талантовъ бойкую версификацію. Кромѣ вреда, такой пріемъ, по
моему мнѣнію, не принесъ ничего для развитія будущаго великаго поэта.
Онъ, и по существу своей натуры отличавшійся необыкновеннымъ, чу-
довищнымъ самомнѣніемъ, только утвердился, благодаря „снисходитель-
ной“ критикѣ, въ мнѣніи о себѣ, и съ тѣхъ поръ пошло crescen-
do развитіе тѣхъ недостатковъ его ума и таланта, которые впо-
слѣдствіи такъ непріятно поражали многочисленныхъ его поклонни-
ковъ даже въ самыхъ законченныхъ, самыхъ глубокихъ его произ-
веденіяхъ. Съ другимъ великимъ поэтомъ, — съ лордомъ Байрономъ, —
судьба поступила иначе. Первый сборникъ его стихотвореній былъ встрѣ-
ченъ сарказмами и насмѣшками. Но именно эти-то сарказмы и насмѣшки
разбудили спящаго льва: онъ, правда, отомстилъ своимъ критикамъ ѣдкой
сатирой, но съ тѣхъ поръ сталъ относиться строже, гораздо тщательнѣе
къ своимъ произведеніямъ и, въ большинствѣ случаевъ, скоро освободился
отъ тѣхъ недостатковъ, которые были очень замѣтны въ его „Hours of
Idleness“ и надъ которыми потѣшались его критики. Изъ этихъ двухъ
примѣровъ можно, я думаю, заключить, что въ критикѣ снисходитель-
ность можетъ быть вредна, между тѣмъ какъ строгость, даже самая
большая, всегда полезна. Еслибы Байронъ былъ человѣкъ бездарный и
еслибъ онъ, вслѣдствіе насмѣшекъ надъ нимъ, окончательно бросилъ
поэзію, то бѣда была бы еще не велика: одною бездарностью оказалось
бы меньше во всемірной поэзіи, а человѣка дѣйствительно, талантливаго
даже самая несправедливая насмѣшка не можетъ обезкуражить: она только
усилитъ его энергію и заставитъ тщательнѣе относиться къ своимъ про-
изведеніямъ.

Во всякомъ случаѣ, я думаю, что г. Арсеньевъ, какъ критикъ, дер-
жится слишкомъ средней ноты, и, вслѣдствіе этого, его критическіе труды
можетъ быть, не приносятъ той пользы, которую могли бы приносить.
Желая, вѣроятно, избѣгать, докторальнаго тона, г. Арсеньевъ какъ-то
особенно настойчиво умалчиваетъ о теоретическихъ началахъ, на
которыхъ зиждется всякое дѣйствительное искусство. Но такая осто-
рожность въ наше время совершенно не желательна въ русской критикѣ;

и, въ частности, ихъ взглядъ на реформу и политическую дѣятельность Петра Великаго. Исходнымъ пунктомъ своего этюда г. Спасовичъ выбралъ эпизодъ бесѣды Пушкина и Мицкевича у памятника Петра Великаго въ Петербургѣ, эпизодъ, слѣды котораго остались какъ въ произведеніяхъ Пушкина, такъ и въ произведеніяхъ Мицкевича. Но этотъ эпизодъ такъ смутно намъ извѣстенъ, содержаніе бесѣды двухъ поэтовъ такъ мало выяснено, что г. Спасовичъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ другимъ произведеніямъ поэтовъ, къ различнымъ сопоставленіямъ, къ предположеніямъ и догадкамъ, имѣющимъ далеко не одинаковую цѣнность и значеніе. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что г. Спасовичъ невполнѣ достигъ цѣли,—выяснить политическіе идеалы Пушкина и Мицкевича: эти идеалы остались для читателя въ довольно туманномъ видѣ, но, помимо этого недостатка, правда, довольно существеннаго, трудъ г. Спасовича написанъ такъ блестяще, такъ талантливо, съ такимъ мастерствомъ; онъ даетъ такъ много новаго въ смыслѣ пониманія двухъ поэтовъ, что его статья можетъ считаться украшеніемъ „Вѣстника Европы“ за настоящій годъ.

До сихъ поръ мы говорили о литературной части журнала; скажемъ нѣсколько словъ о его направленіи. Направленіе „Вѣстника Европы“ хорошо извѣстно читателямъ, такъ что разъяснять его мы считаемъ излишнимъ. „Вѣстникъ Европы“ придерживается очень строго, очень послѣдовательно, такъ называемаго „либеральнаго“ направленія. Эту послѣдовательность, эту вѣрность разъ принятымъ началамъ нельзя не поставить въ особенную заслугу почтенной редакціи. Въ этомъ отношеніи особеннымъ тактомъ и знаніемъ дѣла отличается „внутреннее обозрѣніе“ журнала; русская печать въ свое время обратила вниманіе на отзывъ „Вѣстника Европы“ по поводу публицистической дѣятельности Каткова, когда смерть постигла маститаго публициста. Извѣстно, что „Вѣстникъ Европы“ находился въ постоянной полемикѣ съ покойнымъ Катковымъ; это не помѣшало, однако, редакціи отдать полную справедливость заслугамъ покойнаго публициста, нисколько не отступая отъ тѣхъ началъ, которыхъ редакція всегда придерживалась. Въ виду печальнаго зрѣлища, которое представляла намъ русская печать, когда умеръ Катковъ; въ виду той травли, тѣхъ отступничествъ, того малодушія, которыя обнаружились тогда,—тактъ, умѣренность и безпристрастіе, обнаруженныя „Вѣстникомъ Европы“, были явленіемъ чрезвычайно отраднымъ и рѣдко встрѣчающимся, особенно въ русской печати.

Кое-какіе упреки можно, однако, сдѣлать иностранному обозрѣвателю „Вѣстника Европы“. Мы говоримъ собственно о полемикѣ, возникшей между „Вѣстникомъ Европы“ и „Сѣвернымъ Вѣстникомъ“. Полемика эта очень любопытна и представляетъ, можно сказать, своего рода знаменіе времени. Г. Южаковъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ ратуетъ уже

говорятъ:—вы неправильно приписали мнѣ такія то и такія-то мнѣнія, я этого не думаю и никогда не думалъ, въ чемъ можете убѣдиться изъ слѣдующихъ мѣстъ моихъ статей,—г. Слонимскій на это молчитъ нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ снова повторяетъ свои измышленія. Такъ, въ 1885 году, кажется, въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ онъ впервые выдумалъ, что я признаю „законность англо-русской войны“; въ октябрьской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ я это отвергъ, но ровно черезъ годъ, въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1886 годъ, онъ снова повторяетъ свою выдумку, снова, съ цитатами въ рукахъ, отвергнутую мною въ ближайшей книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“, и нынѣ снова г. Слонимскимъ повторенную. То же самое съ выдумкою г. Слонимскаго, будто войну я считаю вообще неотмѣнимымъ и вѣчнымъ закономъ международныхъ отношеній: дважды отвергнутая мною, эта ложь дважды повторяется и сегодня снова выплываетъ на страницахъ почтеннаго журнала, доселѣ не отличавшагося наклонностью къ передёржкамъ!“

Мы, конечно, не можемъ принять участія въ этомъ любопытномъ спорѣ, по причинамъ уже высказаннымъ; но не можемъ *еще разъ* и *снова* не замѣтите, что онъ въ высшей степени любопытенъ. Выходитъ такъ, что спорящіе другъ друга не понимаютъ, каждый говорятъ о своемъ, не слушая другого; и вся эта querelle d'allemand сводится на вопросъ о существованіи или несуществованіи какихъ-то мнѣній г. Южакова о болгарскомъ вопросѣ. Г. Слонимскій утверждаетъ, что эти мнѣнія существуютъ и ссылается на книгу журнала, въ которой они были высказаны его противникомъ. Г. Южаковъ обвиняетъ его въ лжесвидѣтельствѣ и говоритъ, что онъ доказывалъ и доказываетъ понынѣ какъ разъ противоположное, и, въ подтвержденіе своихъ словъ, ссылается на такія-то и такія-то книги журнала, гдѣ эти мнѣнія были высказаны. Какъ тутъ разобраться безпристрастному читателю, который пожелалъ бы выяснить этотъ любопытный вопросъ о мнѣніяхъ г. Южакова? Во всякомъ случаѣ, весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за какихъ-то словъ, гдѣ-то и когда-то напечатанныхъ г. Южаковымъ. Должно быть, г. Южаковъ очень интересный писатель, если гг. Слонимскій и Гольцевъ (въ „Русской Мысли“) такъ усиленно занимаются имъ. Интересенъ ли г. Южаковъ, какъ писатель, или нѣтъ, я, право, не могу доставить читателямъ достовѣрныхъ свѣдѣній, ибо не интересуюсь его сочиненіями, хотя и знаю, что г. Южаковъ гдѣ-то, когда-то, что-то печаталъ. Но ужъ если публицисты, двухъ журналовъ такъ много занимаются имъ, то онъ, дѣйствительно, должно быть, человѣкъ важный; не мудрено поэтому, что въ своемъ отвѣтѣ онъ говоритъ имъ: „Мнѣ, право, ужъ надоѣло учить русскихъ писателей пониманію русской рѣчи и добросовѣстности въ полемикѣ. Что касается общепризнанныхъ истинъ (въ родѣ того, что война—бѣдствіе, а согласіе и миръ лучше вражды и ссоры), то мнѣ остается только поздравить моихъ собратьевъ съ ихъ

рыхъ результатомъ борьбы одного насилія противъ другаго является торжество насилія, горшаго прежнихъ. Войны противъ обоихъ Наполеоновъ были направлены „къ достиженію благихъ цѣлей“, но едва-ли у кого повернется языкъ сказать, что онѣ были для кого-нибудь „благодѣтельны“.—Ну, не комично ли все это? тѣмъ болѣе, что тутъ же г. Южаковъ, съ развязностью почти военнаго человѣка, укоряетъ г. Гольцева въ чрезмѣрномъ миролюбіи, почти въ проповѣди о „непротивленіи злу“, а г. Слонимскій того же г. Гольцева обвиняетъ въ чрезвычайномъ войнолюбіи! Очевидно, эти господа другъ друга не понимаютъ, но, спрашивается, какое дѣло до всего этого публикѣ? Само собой разумѣется, что я и не упомянулъ бы объ этой курьезной полемикѣ, еслибы она не представляла своего рода удивительнаго „раритета“; оно и въ самомъ дѣлѣ: три русскихъ серьезныхъ журнала спорятъ о какихъ то словахъ г. Южакова и не могутъ прійти ни къ какому опредѣленному соглашенію, такъ что подъ конецъ дѣло становится похожимъ на какую-то словесную вавилонскую башню нелѣпости. Виноватъ, конечно, во всемъ этомъ любопытный публицистъ г. Южаковъ, который пишетъ такъ, что никто его не понимаетъ, хотя онъ и считаетъ себя умнымъ человѣкомъ.—Но прилично-ли другимъ умнымъ людямъ,—гг. Слонимскому и Гольцеву,—вступать въ споръ съ человѣкомъ, который самъ себя не расчухаетъ?..

Эта полемика даетъ мнѣ поводъ перейти къ „Сѣверному Вѣстнику“, о которомъ можно сказать, что онъ редактируется все сплошь „умными“ людьми, между которыми находится и г. Южаковъ. Объ немъ-то именно и приходится сказать нѣсколько словъ, ибо г. Южаковъ не только публицистъ, который съ удивительной развязностью распоряжается судьбами Болгаріи и предписываетъ законы Европѣ, но также и литературный критикъ, который, съ неменьшей развязностью, распоряжается судьбами русской поэзіи, и все это на основаніи самыхъ достовѣрныхъ истинъ, почерпнутыхъ имъ изъ сочиненій Бокля, Спенсера, Дарвина, Іегера, Геккеля и др., которыхъ онъ, какъ по всему видно, весьма усидчиво изучаетъ.

Въ февральской и майской книгахъ „Сѣвернаго Вѣстника“ г. Южаковъ помѣстилъ чрезвычайно обширную статью о „любви и счастьѣ въ произведеніяхъ русской поэзіи“. Статья въ цѣломъ занимаетъ не менѣе восьми печатныхъ листовъ, такъ что невольно обращаетъ на себя вниманіе своими размѣрами; а такъ какъ любовь и счастье въ русской поэзіи занимаютъ весьма скромное мѣсто (см. мнѣнія по этому поводу г. Скабичевскаго), то невольно является вопросъ: о чемъ собственно бесѣдуетъ г. Южаковъ? Въ жизни человѣка, видите ли, г. Южакова поразила одна мысль, которую онъ могъ бы встрѣтить еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ сочиненіяхъ Шопэнгауера, но до которой, ему кажется, онъ додумался самъ,—

любви. Если чувственный востокъ, или донъ-жуанство, или та „цивилизація“, исчадіемъ которой является Алеко,—требуютъ любви, какъ себѣ должнаго, и стремятся поработить себѣ сердце и личность любимаго существа, то романтизмъ,—совершенно напротивъ, — протестуетъ противъ этого насилія въ любви, противъ всякой притязательности, даже противъ собственнаго желанія взаимности (какъ противъ профанаціи любви), и замыкается въ наслажденіи самоотреченія и жертвы. И то, и другое въ основаніи своемъ ложно и не можетъ дать счастья. Счастье—въ полнотѣ чувства, которому доступны, которое поглотило и объединило эти антитезы“.

Казалось бы, по толкованію г. Южакова, Пушкинъ завершилъ собою и своимъ пониманіемъ любви тройственную формулу Гегеля, на которой нашъ авторъ построилъ всю свою аргументацію: до Пушкина былъ тезисъ и антитезисъ, а Пушкинъ далъ синтезисъ. Но г. Южаковъ, очевидно, не могъ на этомъ остановиться, потому что и послѣ Пушкина были поэты. Что же они сдѣлали въ вопросѣ любви? А вотъ видите ли: по толкованію г. Южакова, синтезисъ Пушкина есть, въ свою очередь, тезисъ при дальнѣйшемъ развитіи; антитезисомъ явился, какъ это само собой разумѣется, Лермонтовъ. По Пушкину, любовь есть благо; по Лермонтову—любовь есть зло. Но гдѣ же синтезисъ этой новой формулы? Очевидно, въ послѣднемъ великомъ русскомъ поэтѣ, въ Некрасовѣ, которому г. Южаковъ посвящаетъ чуть ли не четыре печатныхъ листа. Некрасовъ призналъ и положеніе Пушкина, и положеніе Лермонтова, но занялъ между ними „обобщающее мѣсто“, синтетическое. „Для него, какъ и для Лермонтова, позади лежитъ зоологическая страсть, дающая радость любви не озаренному сознаніемъ, неразвитому человѣчеству; но для него, какъ и для Пушкина, эти радости представляются лишь эмбріономъ радостей, доступныхъ развитому человѣчеству. Для него, какъ и для Лермонтова, совершенно ясенъ тотъ путь, по которому, вмѣстѣ съ прогрессомъ общества и „развитіемъ“, никнутъ радости любви, уступая культу щегольски обутой ноги, плоскихъ рессоръ, наряднаго туалета, идеаламъ жизни „дикой, праздной и пустой“, вивёрству, наконецъ, всеразъѣдающей рефлексіи, безразличію идеаловъ и т. д.; но для него, какъ для Пушкина, не менѣе ясна и дорóга, по которой выходятъ въ жизнь герои чести и труда, подвига и любви“. Читатель видитъ, на какомъ шаткомъ фундаментѣ построена аргументація г. Южакова; пользоваться такимъ дѣтски-элементарнымъ образомъ формулой Гегеля очень легко, такую эквилибристику можно продолжать безконечно, не стѣсняясь ни временемъ, ни пространствомъ, ни человѣческой личностью, ибо такимъ образомъ понимаемая формула Гегеля терпитъ все. Г. Южаковъ слѣдовалъ хронологическому порядку, но я берусь сдѣлать буквально то же самое и столь же „солидно“ въ обратномъ порядкѣ, въ которомъ Некрасовъ будетъ тезисомъ, Лермонтовъ—по прежнему, антитезисомъ, а Пушкинъ—синтезисомъ; я думаю даже, что

этотъ послѣдній порядокъ, если не обращать вниманія на хронологію,— будетъ справедливѣе. Можно, наконецъ, то же самое сдѣлать и еще другимъ образомъ: Лермонтовъ—тезисъ, Некрасовъ—антитезисъ, Пушкинъ—синтезисъ. Однимъ словомъ, можно варьировать до безконечности. Но напрасно г. Южаковъ ограничился только этими тремя поэтами; развѣ у насъ нѣтъ „молодыхъ“ поэтовъ, наслѣдниковъ музы Пушкина, Лермонтова, Некрасова? Какое же они занимаютъ положеніе по отношенію къ вопросу о любви? Методъ г. Южакова примѣнить къ нимъ также легко, какъ и къ ихъ предшественникамъ: напримѣръ, представимъ себѣ, что въ вопросѣ о любви г. Минскій выступаетъ съ тезисомъ, г. Фофановъ отвѣчаетъ ему антитезисомъ, а Надсонъ заканчиваетъ весь споръ, придумывая синтезисъ... Г. Южаковъ, можетъ быть, скажетъ, что я шучу; конечно, шучу, ибо довольно нелѣпо представить себѣ гг. Минскаго, Фофанова и Надсона олицетворяющими гегелевскій методъ! Но развѣ г. Южаковъ не то же самое дѣлаетъ, когда, не понимая метода, примѣняетъ его безтолково?...

Г. Южаковъ, какъ извѣстно, философъ: съ нимъ не сладишь; чуть вы попробуете усомниться въ его „истинахъ“, онъ васъ станетъ учить умозрѣнію и наговоритъ вамъ такихъ премудростей, что вы, пожалуй, въ изступленіе придете. А вотъ г. Скабичевскій — второй „знаменитый“ критикъ „Сѣвернаго Вѣстника“,—тотъ будетъ попроще: ни съ какими философами онъ знакомства не ведетъ и даже считаетъ такое знакомство для себя величайшимъ позоромъ, ибо, кромѣ глупости, что можетъ сказать философъ? Г. Скабичевскій, кромѣ „мыслящаго пролетарія“, ничего другаго не признаётъ. Онъ помѣстилъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ тоже очень обширную статью подъ интереснымъ заглавіемъ: „Женщина въ пьесахъ А. Н. Островскаго“. Г. Скабичевскій исходитъ изъ того „принципа“, что ни одинъ русскій писатель не далъ такого разнообразія женскихъ типовъ, какъ Островскій; въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ даже Шекспира, потому что чуждъ всякихъ широкихъ обобщеній, „чтобы имѣть дѣло съ какими-либо основными качествами человѣческой природы и игрою страстей, съ проявленіемъ тѣхъ или другихъ добродѣтелей или пороковъ въ ихъ общечеловѣческой психологической сущности, что мы видимъ, напримѣръ, у Шекспира“. Не вразумительно, но, тѣмъ не менѣе, характерно... для г. Скабичевскаго, — знатока женской красоты и примѣрныхъ женскихъ типовъ, которыхъ, по его мнѣнію, не умѣлъ рисовать Тургеневъ. Далѣе—слѣдуетъ, что Островскій реалистъ, а потому у него типы конкретны и относительны; если, напр., онъ выводитъ купеческую дочь, то „не прогнѣвайтесь, если она едва съумѣетъ подписать свою фамилію“. Однимъ словомъ, у г. Скабичевскаго выходитъ, что Островскій пренебрегалъ какъ обобщеніемъ типа русской женщины,—что дѣлалъ Пушкинъ въ Татьянѣ,—такъ и психологическими сущностями, какъ это дѣлалъ Шекспиръ. Выбравшись, такимъ образомъ, благополучно изъ своей исходной точки, г. Скабичевскій при-

ступаетъ къ женщинамъ Островскаго и у каждой требуетъ ея аттестата о нравственности. „Начнемъ,—говоритъ онъ, — съ мерзавокъ". Описавъ самыми краснорѣчивыми словами мерзавокъ, онъ пристаетъ къ женщинамъ „которыя до такой степени свыкаются съ окружающимъ ихъ декорумомъ, что смотрятъ на себя лишь какъ на одно изъ дорогихъ украшеній этого декорума, наравнѣ съ бронзовыми канделябрами, зеркалами или дорогими картинами". По поводу этихъ зеркалъ, опять начинаются выписки изъ Островскаго. Затѣмъ слѣдуютъ и „купленныя женщины", съ выписками изъ несчастнаго Островскаго, и патріотки, которыхъ г. Скабичевскій не любитъ. Но этимъ, собственно, и кончается вопросъ о мерзавкахъ. Тутъ уже является нѣчто высшее, а именно зоологическій типъ, къ которому, прежде всего, причисляются тѣ женщины, которыхъ г. Скабичевскій называетъ незабудками (какимъ образомъ незабудки попали въ зоологію?). Послѣ незабудокъ, г. Скабичевскій бесѣдуетъ о такихъ женщинахъ, которымъ недостаточно, „чтобы избранникъ ихъ сердца былъ только мужчина, самецъ; онѣ ищутъ героя, который хоть чѣмъ нибудь выдѣлялся бы изъ окружающаго ихъ уровня". Это подтверждается длинной выпиской, послѣ которой нашъ критикъ пришелъ въ неописанное удивленіе: „И вотъ,— говоритъ онъ,—можете себѣ представить, — буквально къ той же самой категоріи женщинъ... принадлежитъ и Катерина въ „Грозѣ". Далѣе—выписки. Покончивъ съ Катериной, критикъ предупреждаетъ читателя: „теперь мы будемъ имѣть дѣло съ женщинами, которыя въ общежитіи называются своевольными, своеобычными, а народъ называетъ ихъ: бой-дѣвка, бой баба". Выписка, которая приводитъ насъ уже прямо къ женщинамъ высшаго разряда, къ женщинамъ, „составляющимъ лучшее украшеніе и гордость человѣчества", хотя онѣ вовсе не похожи на „какихъ нибудь величественныхъ героинь". Къ нимъ принадлежитъ Марія Андреевна Незабудкина и Лиза въ драмѣ „Пучина". Г. Скабичевскій сообщаетъ, между прочимъ, что Лиза, выходя замужъ, не покидаетъ своего прежняго пути труда и самопожертвованія: „А вы выучите меня такой работѣ,—говоритъ она жениху,—за которую много денегъ даютъ?—„Да зачѣмъ вамъ теперь?— А затѣмъ, чтобы помогать бѣднымъ дѣвушкамъ. Много ихъ въ такомъ положеніи, въ какомъ я была". Выписавъ эти слова, г. Скабичевскій пришелъ въ такой неописанный восторгъ, что заключилъ свою статью слѣдующими словами: „Лучше, выше, святѣе этихъ словъ вы не услышите во всѣхъ десяти томахъ (какъ не услышите... въ томахъ?) сочиненій Островскаго, ни отъ одной изъ 44 героинь его (какая точность: всѣхъ героинь пересчиталъ!). Здѣсь мы дошли до такой высоты, выше которой современную русскую женщину трудно себѣ представить, и, дойдя до такой высоты, мы чувствуемъ, что поднялись на самую вершину горы и намъ остается только перевести духъ и положить перо, предоставивши читательницамъ нашимъ самимъ выбирать, на какую изъ всѣхъ

различнымъ политическимъ партіямъ? Вы бы сказали, что г-жа Адамъ хочетъ одновременно поймать двухъ зайцевъ; что это никогда не удается даже самому ловкому охотнику, и что ея общество превращается въ простую толпу... „порядочныхъ“ людей, толпу безъ опредѣленной физіономіи, стало быть, и безъ содержанія. Или, что сказали бы вы, еслибы знаменитый „Cénacle“ тридцатыхъ годовъ во Франціи допускалъ представителей всѣхъ литературныхъ школъ, существовавшихъ тогда,—романтиковъ и классиковъ? Вы бы сказали, что „Cénacle“—нелѣпость, и что изъ этихъ собраній не можетъ выйти никакого толку. Вотъ это-то самое и можно сказать о беллетристическомъ сбродѣ „Сѣвернаго Вѣстника“.

И въ самомъ дѣлѣ, становится, наконецъ, возмутительнымъ то равнодушіе, которое мы встрѣчаемъ въ русской современной журналистикѣ къ поэзіи и искусству, въ ихъ наиболѣе жизненныхъ проявленіяхъ, въ томъ, что составляетъ сущность литературнаго движенія. Что сказалъ бы Бѣлинскій, такъ чутко относившійся къ принципамъ литературной критики, еслибы увидалъ этотъ современный базаръ *всякаго* литературнаго товара,—положимъ, и хорошаго качества, но разныхъ фабрикъ? Даже въ приличной торговлѣ это не допускается: какой нибудь англійскій магазинъ торгуетъ только англійскими товарами, а другихъ не держитъ. А русскій журналъ будетъ торговать чѣмъ угодно. Европейскіе журналы давнымъ давно бросили эту лавочную манеру, которая въ концѣ концовъ даже и не выгодна. Въ „Revue des deux mondes“ вы не встрѣтите ни Золя, ни Мопассана, ни Юисманса, ни Рони; въ „Nouvelle Revue“ вы не встрѣтите Тьере или Шербюлье, но весьма рискуете столкнуться съ Бурже. А въ русскомъ журналѣ вы встрѣтите кого вамъ угодно... Скажутъ, можетъ быть, что русскій журналъ, по нынѣшнимъ временамъ, преслѣдуетъ совершенно иныя цѣли: что въ русской жизни вопросы искусства, литературныхъ партій, эстетическихъ принциповъ не играютъ никакой роли, что все заключается въ идеѣ, въ направленіи. Но развѣ это правда? Русское общество интересуется вопросами искусства и вовсе къ нимъ не равнодушно. Къ тому же, еслибы русское общество и дѣйствительно не интересовалось искусствомъ, а лишь направленіемъ искусства, то все таки отъ журналовъ мы бы имѣли право требовать „направленія“ въ выборѣ беллетристическихъ произведеній. А развѣ въ этомъ смыслѣ „направленіе“ выдерживается въ русскомъ журналѣ? Напр. лучшее доказательство—тотъ же „Сѣверный Вѣстникъ“. Мы уже видѣли, что никакой литературной школы онъ не держался, но держится ли онъ какого либо направленія? Нѣтъ. Прочитайте, напримѣръ, романъ „Минувшее“ г-жи Юліи Безродной, и скажите, что хотѣлъ сказать авторъ въ смыслѣ „направленія“? Ровно ничего не хотѣлъ сказать; это просто эстетико-психологическій этюдъ, поражающій своими недостатками, литературной неопытностью автора, невозможными длиннотами, но недурной въ смыслѣ замысла и нѣкоторыхъ характери-

но только калибромъ она, какъ будто, пониже. Въ „Русской Мысли“ встрѣчаются почти тѣ же самые авторы, что и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, а между тѣмъ произведенія ихъ, встрѣчающіяся въ московскомъ журналѣ, значительно слабѣе. Обстоятельство это, можетъ быть, случайное, наводитъ однако на предположеніе, что беллетристы наши предпочитаютъ „Сѣверный Вѣстникъ“ и только faute de mieux отдаютъ свои произведенія въ „Русскую Мысль“. Нѣкоторые изъ беллетристовъ „Сѣвернаго Вѣстника“ вовсе не участвуютъ въ „Русской Мысли“, какъ напримѣръ, Котъ Мурлыка, г. Гаршинъ,—не участвуютъ, вѣроятно, совершенно случайно, до поры до времени. Другіе участвуютъ какъ тутъ, такъ и тамъ, почти въ каждой книжкѣ, какъ напримѣръ, Глѣбъ Успенскій; наконецъ, третьи не участвуютъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, но зато появляются на страницахъ московскаго журнала, какъ напр., гг. Лѣсковъ, Боборыкинъ, Немировичъ-Данченко, Мачтетъ, Григоровичъ, Эртель, г-жа Ольга Шапиръ,—не говоря уже о множествѣ другихъ, совершенно неизвѣстныхъ именъ.

Читатель легко замѣтитъ, что въ этихъ спискахъ сотрудниковъ какъ того, такъ, другаго журнала разница не велика, но все таки она существуетъ. Въ чемъ она заключается,—не легко опредѣлить на первый взглядъ. Однако, при внимательномъ разсмотрѣніи, можно прійти къ заключенію, что „Сѣверный Вѣстникъ“ держится кружковаго начала, печатаетъ беллетристовъ только своего кружка, который, подобно всѣмъ другимъ кружкамъ, не опредѣляется ни литературной школой, ни направленіемъ, а спеціально личными элементами. Напротивъ того, „Русская Мысль“, какъ кажется, не знаетъ никакихъ кружковъ и „нѣсколько безпечная“ на счетъ направленія, держится, вообще, литературными силами, которыя считаетъ для себя „полезными“. Если оставить вопросъ о направленіяхъ и литературныхъ школахъ, если признать, что къ современной русской журналистикѣ неприемлемы требованія общественныхъ или эстетическихъ принциповъ, то придется заключить, что „Русская Мысль“ поступаетъ раціонально и цѣлесообразно: она какъ бы прямо говоритъ, что ей наплевать на принципы, что она хочетъ только угодить своимъ читателямъ „хорошимъ“ матеріаломъ. Что ей дѣла нѣтъ до принциповъ (по крайней мѣрѣ, въ беллетристикѣ), это вѣрно, но вторая половина фразы,—о хорошемъ матеріалѣ,—я думаю, можетъ быть оспариваема не безъ успѣха: я хочу сказать, что вкусъ редакціи по отношенію къ беллетристическимъ произведеніямъ не принадлежитъ къ разряду хорошихъ вкусовъ.

Такимъ образомъ, мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ, о чемъ уже говорили въ началѣ нашего обозрѣнія,—съ личнымъ вкусомъ. Не имѣя, на этотъ разъ, ничего противъ личнаго вкуса, признавая даже за нимъ всякія права на существованіе, тѣмъ не менѣе, можно спросить: хорошъ ли

мой взглядъ, причина того, что московскій журналъ даетъ такъ много переводныхъ романовъ. Мысль безспорно хорошая, но хорошо-ли она выполнена? Къ сожалѣнію, нѣтъ: „Русская Мысль“, напримѣръ, дала своимъ читателямъ нѣчто въ родѣ юмористическаго разсказа Альфона Додэ: „Тартаренъ на Альпахъ“, соблазнившись, вѣроятно, громкимъ именемъ автора и нѣкоторымъ шумомъ, произведеннымъ его разсказомъ. На дѣлѣ однако оказалось, что разсказъ Додэ очень плохъ. Додэ меньше всего юмористъ; въ его талантѣ совсѣмъ нѣтъ этой жилки и юморъ его натянутъ, не говоря уже о томъ, что подъ этимъ юморомъ не замѣтно никакой серьезной мысли. Также неудаченъ, хотя и въ другомъ смыслѣ, романъ Сенкевича „Потопъ“: романъ громаденъ, печатается „Русскою Мыслью“ въ теченіе цѣлаго года, а толку отъ него мало. Сенкевичъ—очень талантливый человѣкъ; онъ своеобразный юмористъ, съ большимъ чутьемъ художественной правды, но, какъ историческій романистъ, онъ также плохъ, какъ плохъ Додэ въ качествѣ юмориста. Случилось однако же такъ, что „Русская Мысль“ рекомендуетъ своимъ читателямъ Сенкевича—какъ историческаго романиста, а Додэ—какъ юмориста!! Не несчастье-ли это?..

Н. М. въ „Дневникѣ читателя“ („Сѣверный Вѣстникъ“, январь) дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе по поводу романа Сенкевича: „Мнѣ жаль польскую литературу, но своя рубашка ближе къ тѣлу, и мнѣ больше жаль русскую литературу и русскаго читателя. Историческіе романы Сенкевича, навѣрное, многими читаются, что называется, въ засосъ, потому что съ точки зрѣнія сказочной занимательности они не уступятъ „Тремъ Мушкетерамъ“ или „Монте-Кристо“, которыми зачитывались наши отцы, а, можетъ быть, дѣды и бабушки. Но это невинное удовольствіе покупается, мнѣ кажется, ужь слишкомъ дорогою цѣною. Самое интересное для меня въ настоящую минуту—то, что „Русская Мысль“, удѣляющая столько мѣста романамъ Сенкевича, отнюдь не раздѣляетъ его шляхетскихъ тенденцій, а въ области критики исповѣдывается тенденція, съ точки зрѣнія которой такіе романы и въ чисто художественномъ отношеніи несостоятельны. Зачѣмъ же они печатаются? Неужели только потому, что и на нихъ найдется читатель? Но вѣдь журналъ не лавочка, въ которой должны быть товары для всѣхъ покупателей—и *хозяевамъ*, и *сидѣльцамъ* (курсивомъ мы отмѣчаемъ наиболѣе характерныя выраженія) которыхъ, не приходится думать объ исправленіи вкуса кліентовъ, о вліяніи на ихъ потребности и проч. Журналъ, желающій угодить всѣмъ, на всѣ вкусы, *будетъ именно лавочкой*, можетъ быть, очень хорошей, но *никогда не будетъ журналомъ*, въ томъ высокомъ и отвѣтственномъ смыслѣ, который мы привыкли соединять съ этимъ словомъ. Остановимся хоть на чисто литературной точкѣ зрѣнія. Усиліями нашей критики и всѣхъ крупныхъ мастеровъ беллетристики, изъ нашей литературы, казалось бы, совсѣмъ изгнанъ тотъ ложный, ходульный, фольгой и сусальнымъ золотомъ

перспективы, безъ обобщенія, Такъ именно располагаются литературные факты передъ умственнымъ взоромъ г. обозрѣвателя („Русской Мысли"). Останавливаясь „по порядку" на той или другой повѣсти или статьѣ, онъ весьма мало интересуется ея общимъ значеніемъ и мѣстомъ въ ряду другихъ литературныхъ явленій. Онъ выдергиваетъ ихъ одну за другой, какъ рѣдьку изъ грядки, и тщательно описываетъ каждое. Я думаю, что это неправильно. Я думаю, что иное здѣсь можетъ быть оставлено совершенно неприкосновеннымъ, а иное заслуживаетъ быть не описаннымъ, а разсмотрѣннымъ и, притомъ, не an und für sich, а въ связи съ общимъ положеніемъ вещей и съ нѣкоторыми общими теоретическими принципами". Дѣйствительно, такое именно впечатлѣніе представляетъ обзоръ русской журналистики въ „Русской Мысли". Дѣлается это, очевидно, очень легко и удобно. Прочитавъ романъ или повѣсть въ томъ или другомъ журналѣ, вы, вмѣсто того, чтобы по мѣрѣ силъ и возможности обсудить ихъ достоинства или недостатки и прійти къ какому нибудь опредѣленному выводу, просто разсказываете „своими словами" ихъ содержаніе, прерывая по временамъ разсказъ легкимъ замѣчаніемъ въ родѣ того, что герой, молъ, ужъ слишкомъ поспѣшилъ съ своимъ объясненіемъ въ любви къ Амальѣ Ѳедоровнѣ: такая стремительность не принята въ обществѣ, къ которому герой и героиня принадлежатъ; очевидно, автору въ данномъ случаѣ измѣнило художественное чутье, и т. д. Неужели же это называется критикой? Но, можетъ быть, въ основаніи всѣхъ этихъ „обзоровъ" лежитъ такой принципъ, такая точка зрѣнія, которую трудно сразу разглядѣть? Ничуть не бывало. Обозрѣватель съ одинаковымъ вниманіемъ и одинаковою детальностью передаетъ содержаніе очерка Щедрина съ обширными выписками и какую нибудь повѣстушку Ростопчиной, уже совершенно ни на что негодную.

Но я ошибся: въ „Русской Мысли" есть и критика,—правда, не самодѣльная, доморощенная, а привозная, иностранная. Въ московскомъ журналѣ очень часто помѣщаются переводныя статьи иностранныхъ критиковъ. Въ нынѣшнемъ году, тамъ появились слѣдующія статьи иностранныхъ критиковъ: Брандеса—„Сентъ-Бёвъ и новѣйшая критика"; Тэна—„Наполеонъ Бонапартъ"; Леметра—„Поль Бурже", Брандеса—„Бейль"; Поля Бурже—„Тэнъ", Макса Мюллера—„Гёте и Карлейль", и опять Брандеса—„Генрихъ Ибсенъ". Вообще, противъ такихъ переводныхъ статей мы ничего не имѣемъ, въ особенности если онѣ выбираются умѣло и тщательно. Само собой разумѣется, что гораздо пріятнѣе и поучительнѣе прочитать статью Тэна о Наполеонѣ, чѣмъ неудачную компиляцію г-жи Цебриковой, или какого нибудь другаго, столь же талантливаго русскаго „критика". Къ сожалѣнію, выборъ авторовъ, съ которыми редакція знакомитъ публику, опять таки обличаетъ въ ней то хаотическое состояніе, о которомъ мы уже говорили. Въ этомъ выборѣ мы не видимъ никакой

ю и дѣлалось въ русскихъ журналахъ, но то было время, когда суи-
уръ еще не водворился въ русской журналистикѣ.

Чѣмъ можно объяснить это хаотическое состояніе? Однимъ лишь, на
шъ взглядъ: полною безпринципностью, которая овладѣла русской
урналистикой съ тѣхъ поръ, какъ мы окончательно распрощались съ
„иллюзіями“ шестидесятыхъ годовъ. Отъ безпринципности до другихъ
ще болѣе низменныхъ проявленій—рукой подать. Французская погово-
а гласитъ: „il n'y a que le premier pas qui coûte“: этотъ первый
агъ—безпринципность—уже сдѣланъ; слѣдующіе шаги не заставятъ се-
я ждать, да ужь и дѣлаются. И дѣйствительно, меркантильность, духъ
живы, лавочные принципы, торгашество мыслью и словомъ,—вотъ что мы
перь видимъ въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати. Но на этой наклонной
лоскости трудно удержаться: лавочные принципы неизбѣжно приводятъ
ъ юханцевскимъ подвигамъ, молва о которыхъ не перестаетъ доноситься
ъ намъ изъ Москвы.

Бѣдная русская журналистика, имѣющая такое блестящее прошлое
въ нѣкоторой своей долѣ еще хранящая завѣты этого прошлаго:—она
ремится, со скоростью курьерскаго поѣзда, прямо въ помойную яму!
огда же наступитъ время ея освобожденія отъ этого плѣна вани-
нскаго?..

О. В.

не попробуютъ спасти отъ смерти почтеннаго старика, представителя знатнаго рода, и потребовали, чтобы обвиняемымъ, которыхъ судъ, изъ восьми членовъ приговорилъ къ смерти, дали время апелировать въ Совѣтъ города. Но правительство не безъ основанія опасалось, что отсрочка только увеличитъ волненія и смуты, и народные раздоры изъ-за нея возгорятся сильнѣе. Душой этого сопротивленія суду являлся Джакопо; а Джульяно, всюду сопровождавшій дядю, своими рѣчами еще болѣе подстрекалъ старика, и правительство искало предлога, хотя бы на время, запрятать обоихъ въ тюрьму.

Извѣстіе о томъ, что Джакопо и Джульяно въ городѣ, больше всего подѣйствовало на Елену. Три мѣсяца уже, какъ она замужемъ... Передъ ея окнами разстилался видъ на рѣку, на противоположный берегъ, съ мельницами и платановыми рощами, на холмъ Сан-Миньято, покрытый оливками... Въ домѣ Леонардо была роскошная обстановка; все блестѣло серебромъ. Елену называли счастливѣйшей женщиной во Флоренціи, тѣмъ болѣе, что всѣмъ замѣтно было ничтожество Леонардо, который вполнѣ подчинялся своей женѣ. Но Елена не радовалась. Серьезно занималась она домашнимъ хозяйствомъ; всегда одѣвалась въ темное платье, безъ всякихъ украшеній. Трудно было понять, какъ они жили между собою. Супруги не спорили другъ съ другомъ, и Леонардо, по словамъ прислуги, глазъ не смѣлъ поднять на Елену, не только что раскрыть ротъ. Съ прежними друзьями Леонардо прервалъ всѣ сношенія, потому ли, что, дѣйствительно, нравъ его измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ согласіе Елены на бракъ, или потому, что боялся гнѣва жены и не рѣшался обратиться къ прежнему легкомысленному образу жизни,—трудно сказать. Благочестивые люди, въ среду которыхъ попалъ Леонардо со времени своего обращенія, и общенья съ которыми искалъ такъ усердно, что не пропускалъ ни одной службы, ни одного общаго ихъ собранія—эти благочестивые люди находили весьма естественнымъ поведеніе Леонардо: въ домѣ его неумѣстны были ни увеселенія, ни танцы, ни пиры съ гостями. На взглядъ благочестивыхъ, строгость и серьезность очень шла къ Еленѣ, и, вообще, оба достойные и благочестивые супруга могли служить примѣромъ всей Флоренціи. И бѣдный, горько разочаровавшійся Леонардо, стремившійся только къ брачнымъ радостямъ, вынужденъ былъ, молча, безропотно пить свою чашу, въ то время какъ его друзья злорадно смѣялись надъ нимъ и дразнили Леонардо тѣмъ, что онъ женился на святой. Кто часто имѣлъ дѣло съ Леонардо, легко могъ судить о недовольствѣ Вархи по лицу его; наружность же Елены, какъ и рѣчи ея, ничего

не выдавали. Со дня свадьбы, щеки ея нѣсколько поблѣднѣли и глаза впали. Еще дѣвочкою Елена не отличалась рѣзвостью, теперь же она какъ будто не знала ни радости, ни горя. Она не веселилась, но и не плакала, какъ многія молодыя женщины. Иногда по цѣлымъ часамъ сидѣла она, сложивъ руки, у окна и смотрѣла куда-то далеко, на голубое небо. Когда въ такія минуты обращались къ ней съ вопросомъ, она какъ будто пробуждалась, съ трудомъ возвращаясь къ дѣйствительности изъ міра мечтаній. Служанки были твердо увѣрены, что госпожа бесѣдуетъ съ ангелами и святыми, что въ ней умерли всѣ земныя стремленія и желанія. Клариса, которая лучше всѣхъ знала натуру Елены, не удивлялась ея спокойствію: она и не думала, что изъ племянницы выдетъ особенно веселая жена; совсѣмъ другое поразило тетушку: съ Вознесенья Елена не ходила ни въ монастырь Сан-Марко, ни къ исповѣди, ни на бесѣды ученика Савонаролы—Маруффи. И даже, когда Клариса звала Елену посѣтить Савонаролу, узнавши о настроеніи молодой женщины, та съ ужасомъ отклонила приглашеніе. „Скажи ему“, отвѣчала Елена, „что все идетъ по его желанію: что я стала тѣнью, и на меня не дѣйствуютъ никакіе удары судьбы, никакія горести“.

Но она преждевременно хвалилась своею безчувственностью. Она взволновалась, когда узнала о пріѣздѣ Джульяно. Леонардо, движимый какой-то смутной ревностью, охотно умолчалъ бы объ этомъ; но сообразивъ, что Елена отъ другихъ можетъ все узнать, онъ рѣшился сообщить ей новость.

Ясно сказавшееся волненіе Елены при имени Джульяно дало только пищу подозрѣніямъ Леонардо. Елена боялась свиданія съ юношей: навѣрно, онъ не любилъ ея. И сама она вѣрила, что справится со своимъ безумнымъ увлеченіемъ, минутной вспышкой. Гордая и умѣющая поддерживать свое достоинство, Елена надѣялась не выдать себя при случайной встрѣчѣ; но ей было невыносимо явиться предъ Джульяно—женой Леонардо. И тѣмъ не менѣе всѣ эти дни, когда она ходила въ сосѣднюю церковь Троицы или къ отцу, Елена невольно оглядывалась, не встрѣтитъ ли какъ нибудь Джульяно. И, стоя у окна, она не удерживалась отъ желанія увидѣть его проходящимъ на улицѣ.

Совершенно неожиданно исполнилось сердечное желаніе Елены. Торнабуони, къ роду которыхъ принадлежалъ одинъ изъ приговоренныхъ, устроили въ домѣ старѣйшаго представителя засѣданіе, на которое пригласили и всѣхъ болѣе или менѣе дальнихъ родственниковъ: Вархи, Ридольфи и Неро. Чтобы устранить всѣ подозрѣнія правительства, положено было не касаться убѣжденій,

раздѣляющихъ эти фамиліи, и пригласить также женщинъ и дѣвушекъ. Съ особенной охотой откликнулся Леонардо на призывъ: ему представлялся случай сблизиться съ прежними друзьями, подавая вмѣстѣ съ ними голосъ за отсрочку приговора и за помилованіе; такое содѣйствіе,—казалось Леонардо,—не уронитъ его въ глазахъ Савонаролы и благочестивыхъ людей. Какъ ни противилась этому Елена, Леонардо настоялъ, чтобы и она пошла вмѣстѣ съ нимъ При входѣ, Елена скоро замѣтила Джульяно и Джакопо. Оба дружески поздоровались съ нею. Хозяйка дома, чтобы дать возможность мужчинамъ удобнѣе заняться дѣлами, предложила молодежи развлечься играми. Дамы отправились на галерею; а Джульяно и другіе юноши и дѣвушки собрались на дворѣ. Одинъ запѣлъ; Джульяно заигралъ на гитарѣ. Взявшись за руки, дѣвушки гуляли подъ большимъ орѣховымъ деревомъ. Затѣмъ одна пара открыла танцы; за нею понеслись и другія. Въ танцахъ отличались особенно Джульяно и хозяйская дочь Лукреція Торнабуони. Пріятно было смотрѣть на ихъ благородную осанку, на плавныя и мягкія движенія. Другіе при видѣ ихъ испытывали удовольствіе, а у Елены сердце разрывалось, когда она смотрѣла на этого красавца и на эту прелестную дѣвушку. Безсознательная, но неодолимая и сильная ревность заговорила въ Еленѣ. Страшно мучилась она, при взглядѣ на танцующихъ, когда оба они видимо торжествовали, поощряемые удивленіемъ и одобреніемъ зрителей.

Казалось, Елена готова отдать, не разсуждая, свое будущее блаженство за то, чтобы быть на мѣстѣ Лукреціи. Прислонившись къ каменной рѣшеткѣ галлереи, молодая женщина слѣдила за каждымъ движеніемъ Джульяно, и когда онъ, согласно правиламъ танца, прижималъ молодую дѣвушку къ своей груди, Елена была не въ состояніи долѣе сдерживаться и вскричала испуганно, гнѣвно:—Джульяно!

Онъ уже слышалъ разъ этотъ крикъ, когда Елена стояла ночью у его постели. И, какъ тогда, Джульяно содрогнулся, посмотрѣлъ на Елену, испытывая странное ощущеніе, и оставилъ свою даму. Окружающіе не нашли ничего удивительнаго въ случившемся. Они видѣли, что какая-то молодая женщина чуть не упала съ галлереи, и Джульяно поспѣшилъ къ ней на помощь. Елена упала въ обморокъ... Ее перенесли въ ближайшую комнату; затѣмъ она оставила этотъ домъ. А танцы продолжались до сумерекъ, но безъ Джульяно. Подъ тѣмъ предлогомъ, что дядя нуждается въ немъ, юноша присоединился къ мужчинамъ.

Только Леонардо Вархи придалъ большое значеніе этому случаю. До женитьбы онъ славился, какъ игрокъ. Не надѣясь быть

особенно замѣтнымъ въ собраніи мужчинъ, Леонардо рѣшилъ отправиться къ молодежи и поразить публику своимъ талантомъ. Да и ревность тянула его въ галлерею. Но ему не пришлось плѣнять слушателей своимъ искусствомъ: вмѣсто того, онъ только чувствовалъ себя глубоко униженнымъ.

... Какъ смотрѣла Елена на Джульяно и какъ, затѣмъ, закричала! Пусть иные видятъ тутъ случайность, Леонардо все понялъ. Онъ не зналъ еще Елену такою; Леонардо все вспомнилъ, сообразилъ—и прозрѣлъ. Она потому и согласилась такъ скоро на бракъ, что замужней легче и удобнѣе поддерживать любовныя сношенія. Вся ея святость—лживое ханжество. Леонардо давно сдерживалъ себя: Елена такъ свысока съ нимъ обращается; такъ оскорбляетъ его своею холодностью. Да и самимъ собою онъ не былъ доволенъ: онъ боялся ея, а просилъ ея руки. Вся эта душевная буря обрушилась теперь на счастливаго соперника. Оскорбленное самолюбіе, внезапно закипѣвшая злость требовали отомщенія. Но открыто пойти противъ Джульяно, потребовать отъ Елены объясненій—Леонардо не рѣшился. Онъ зналъ, что ни угрозы, ни просьбы не подѣйствуютъ на жену. Онъ предпочелъ болѣе темный путь.

Со смущеннымъ видомъ вошелъ онъ въ комнату.

— Я только что съ площади Синьоріи, поспѣшно заговорилъ онъ: весь городъ въ смятеніи. Франческо Валори и приверженцы потребовали казни приговоренныхъ немедленно, сегодня же. Правительство не рѣшается имъ противорѣчить. По ихъ требованію, сегодня же въ ночь арестованы Джакопо и Джульяно.

Елена и безъ того провела безсонную ночь въ душевной борьбѣ и въ тревогѣ. Едва достало у нея силъ удержать крикъ; кровь застыла въ жилахъ, и молитвенникъ выпалъ изъ ея рукъ.

— Они не совершили никакого преступленія, въ чемъ же ихъ обвиняютъ? вымолвила она, наконецъ.

— Въ томъ, что они знали о заговорѣ. Правительство получило извѣстіе, что подъ праздникъ Вознесенія Джульяно былъ въ городѣ и въ домѣ Бернардо.

— Но кто же сообщилъ объ этомъ? возразила Елена, и глаза ея заблистали; она вся дрожала отъ сильнаго возбужденія: —едва ли кто и знаетъ Джульяно Альбицци; его давно не было въ городѣ. Друзья его не измѣнятъ... Но ты!..

— Я?.. Отъ неожиданности вопроса Леонардо даже отступилъ:— почему же ты обвиняешь меня? Развѣ не я вчера внесъ предложеніе—просить о помилованіи осужденныхъ? И вдругъ я!

— Ты, гнѣвно повторила Елена:—ты одинъ измѣнникъ!—Она быстро встала. Оставь меня, твое дыханіе мнѣ противно!

— Но что ты хочешь дѣлать?..

Лицо Елены выражало столько отвращенія, что Леонардо отступилъ къ двери. Ужасъ охватилъ его. Не удостоивши мужа ни однимъ словомъ, Елена движеніемъ руки прогнала его отъ дверей. Онъ слышалъ, какъ, выходя, она позвала прислугу. Черезъ нѣсколько минутъ Елена, закрытая вся черной вуалью, отправилась изъ дому со служанкой. Леонардо спросилъ у сторожа, куда ушла госпожа. Ему отвѣчали: въ Сан-Марко. Елена полагала, что теперь только одинъ Саванарола можетъ спасти Джульяно:—въ увлеченіи, она забыла про Джакопо.

Саванаролу еще нельзя было видѣть: онъ уединился въ свою келью. Только послѣ усиленныхъ просьбъ, онъ наконецъ вышелъ.

Видимое разстройство, въ которомъ находилась Елена, смертельная блѣдность ея, учащенное дыханіе тронули Саванаролу; онъ почувствовалъ состраданіе къ дочери единственной женщины, которая когда-то внушила ему земную любовь, и монахъ кивкомъ головы пригласилъ Елену слѣдовать за нимъ въ исповѣдальню. Въ спѣшной рѣчи, часто прерывавшейся вздохами и слезами, разсказала она, что̀ привело ее сюда; чего ждетъ она отъ милосердія и человѣколюбія Джороламо. Не смотря на страстную возбужденность Елены, хитрость Евиной дочери взяла свое, и на этотъ разъ она назвала первымъ Джакопо, затѣмъ Джульяно. Молча, съ мрачной вдумчивостью, слушалъ ее Саванарола. Вспоминая прежнія встрѣчи, онъ скорѣе враждебно, чѣмъ доброжелательно, относился къ Джакопо.

— Чего ты хочешь отъ меня, дочь моя? отвѣтилъ Джороламо.—Я монахъ и не занимаюсь государственными дѣлами. Не безъ основанія арестованы они оба. Прилично ли мнѣ вмѣшиваться въ процессъ? Я адвокатъ Христовъ, и царство мое не отъ міра сего.

— Развѣ ты не долженъ, какъ человѣкъ, защищать невинность и справедливость?

— А почему ты считаешь невинными Джакопо и Джульяно? Какія бы ни были у тебя доказательства, развѣ у суда не можетъ быть еще болѣе утвердительныхъ обвиненій? Невиноватаго судъ не покараетъ.

— И жестокій Вилори, который на весь городъ клянется, что всѣ его враги—умрутъ, тоже внемлетъ голосу справедливости? О, отецъ мой, будь добръ!.. если ты не вступишься, они погибли!

терпѣла угрюмой Кларисы и высокомѣрнаго Леонардо, которые не скрывали своего недружелюбія къ сосѣдямъ. Съ полнымъ сочувствіемъ отнеслась Луція къ просьбѣ Елены и подстрекнула мужа хлопотать по ея дѣлу. Ими руководили и виды на богатое вознагражденіе отъ щедрости Джаконо, въ домъ котораго они поставляли прежде товары своей лавки. Въ эти дни, когда волненіе не прекращалось, нечего было и думать о покупкѣ и продажѣ; Паренти заперъ свое заведеніе и отправился къ брату.

Онъ возвратился съ добрыми вѣстями: судьи удовлетворились показаніями Джакопо и Джульяно и не пытали ихъ; они сидѣли, какъ удостовѣрилъ сторожъ, не въ подземныхъ казематахъ, а въ просторныхъ верхнихъ камерахъ. Ночью можно проникнуть къ нимъ; все вниманіе сторожей, судей, правительства и всего народа занято судьбой пятерыхъ приговоренныхъ... И относительно поисковъ со стороны мужа, на этотъ день и ночь, Елена обезпечена; многія женщины и дѣти собрались въ монастырѣ: пріоръ велѣлъ запереть ворота и не впускать ни одного мужчины, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ. Слѣдовательно, Леонардо броситъ всѣ свои выслѣживанія: онъ будетъ думать, что жена находится въ оградѣ монастыря.

Такой благопріятный оборотъ дѣла наполнилъ увѣренностью сердце Елены. Вѣдь *онъ* говорилъ, что звѣзды вліяютъ на судьбу человѣка, и лучи ихъ приносятъ счастье или вредъ. Теперь надъ ней счастливая звѣзда! Смѣлый планъ созрѣлъ въ головѣ Елены, и она легко склонила сосѣдей помочь ей. Въ платьѣ и грубомъ шерстяномъ капишонѣ своей сосѣдки вышла Елена изъ дому въ девятомъ часу, подъ руку съ Луціей. Ночная тьма легла на городъ, и только небо озарялось краснова тымъ отблескомъ многочисленныхъ факеловъ, горѣвшихъ на городской площади. Глухими улицами и переулками, которые не были загорожены, дошли онѣ до площади. Странный шумъ послышался имъ: половина голосовъ была на сторонѣ мнѣнія, по которому обвиняемыхъ слѣдовало казнить немедленно; остальные—возражали. У воротъ Синьоріи тѣснились толпы народа, такъ что сторожа съ алебардами съ трудомъ удерживали наплывъ массы. Женщины стояли въ первыхъ рядахъ и кричали, что измѣнниковъ должно выбросить въ окно. Такое скопленіе народа у самаго городскаго совѣта помогло Еленѣ. Толпа, устремившись въ одну сторону, освободила небольшой проходъ у тюрьмы. Туда и проскользнули Елена съ Луціей. Братъ Паренти ожидалъ ихъ у боковаго входа.

У рѣшетчатаго окна своей тюрьмы стоялъ Джульяно и смотрѣлъ внизъ, на волновавшійся народъ. Уже давно дядю его вы-

въ самомъ сердцѣ Джульяно что-то неизвѣданное и сильное подсказало ему имя этой женщины... И они бросились другъ другу въ объятья и крѣпко прижались, будто сопротивляясь чему-то, что раздѣляло ихъ.

Но никто не пришелъ разлучить ихъ. На дворѣ шло другое кровавое представленіе; участники его не собирались смущать счастливыхъ влюбленныхъ. По прежнему, одинъ за другимъ слѣдовали удары колокола. По временамъ, тишина нарушалась лязгомъ алебардъ смѣнявшихся караульныхъ, скрипомъ воротъ, размѣреннымъ шагомъ латниковъ, которые выводили узниковъ на дворъ темницы. А *они* ничего не замѣчали. Въ блаженствѣ первыхъ радостей любви они забыли обо всемъ мірѣ. Онъ посадилъ ее на скамейку—больше никакой мебели и не было въ комнатѣ,— а самъ склонился къ ногамъ ея, крѣпко сжимая ея руки. Только временами прелестное личико ея, обрамленное чернымъ сукномъ, озарялось свѣтомъ. Но имъ довольно было слушать другъ друга, касаться другъ друга, склоняться другъ къ другу; имъ доставляло радость то, что они вмѣстѣ. Они не говорили о взаимной любви, не разспрашивали другъ друга о томъ, что мѣшало имъ сблизиться раньше, не сожалѣли о потерянныхъ дняхъ, не боялись никакого будущаго—для нихъ не существовало ни надежды, ни прошедшаго, ни грядущаго.

— Я вижу тебя снова, я касаюсь твоей милой головы, шептала она.

— Ты ли это, Елена? Не сонъ ли это? Нѣтъ, это твоя рука,это ты.

— Для меня нѣтъ теперь заботъ. Я навсегда съ тобой. Для меня нѣтъ опасностей. Ты въ тюрьмѣ! Но мы вмѣстѣ, мы и умремъ вмѣстѣ.

— Ни слова о смерти, воскликнулъ Джульяно:—мы будемъ жить, мы оставимъ этотъ ужасный городъ, мы начнемъ свободную, счастливую жизнь. Если насъ не выпустятъ, мы пробьемся! Золото или сила помогутъ намъ...

— Тише! идутъ! Она едва успѣла закрыть лицо и отойти въ темный уголъ. Дверь раскрылась; скудный свѣтъ отъ фонаря облилъ тюремщиковъ и Паренти, которые вели Джакопо.

— Скамейку скорѣе. Ноги не держатъ синьора! вскричалъ Паренти. Джакопо посадили. Отъ слабости и возбужденія, онъ не могъ говорить.—Предложите вина синьору, сказалъ тюремщикъ:— это подкрѣпитъ его. Все хорошо. Слава Богу, вы свободны!.. Объ этомъ объявлено.

— Свободны? обрадовался Джульяно: — такъ зачѣмъ же мы теряемъ время? Дядя, я на плечахъ донесу тебя.

свѣтломъ мірѣ. Мнѣ противно настоящее—оно пахнетъ рясой, костромъ, кровью... Слышите?... Это пала вторая голова. Бернардо будетъ третьимъ, какъ мнѣ сказали... Не плачьте, дѣти... Лучше сразу умереть, чѣмъ послѣ долгихъ мученій... Ты, Джульяно, наслѣдникъ мой... Люби ее... Братъ Бернардо, вѣдь это кратковременная разлука... У святаго Плотина мы опять сойдемся... Гдѣ вы, дѣти? И онъ, положа руки на ихъ головы, хриплымъ голосомъ запѣлъ карнавальную пѣсню своего друга Лоренцо Медичи: „О, какъ прекрасна ты—юность!“ Онъ не кончилъ: тѣло его судорожно передернуло; онъ склонилъ голову на грудь, будто отъ удара. Въ рукахъ Джульяно былъ уже мертвецъ.

Юноша внезапно обратился въ зрѣлаго мужчину. Когда черезъ нѣсколько минутъ по окончаніи казни, Паренти, дрожащій и перепуганный, вернулся въ тюрьму за Еленой, такъ какъ народъ сталъ расходиться—Джульяно сказалъ ему: „синьоръ Паренти, на моихъ рукахъ скончался мой благородный дядя, какъ разъ въ ту минуту, когда голова Бернардо скатилась подъ мечемъ палача. Кровь его падетъ на виновниковъ этихъ злодѣяній. Кликнете сторожа, чтобы положить мертвеца, пока я пришлю изъ дому людей. Эту даму отвезете ночью въ Валь-Омброзо... чтобы ни одинъ глазъ не увидалъ ея; чтобы волосъ не спалъ съ ея головы! Будьте нѣмы, какъ рыба. Я поблагодарю васъ“. Онъ снялъ перстень съ пальца Джакопо и далъ Еленѣ: „Пусть это будетъ знакомъ того, что ты теперь хозяйка въ Валь-Омброза. Никто тамъ тебя не найдетъ. Я поспѣшу къ тебѣ, похоронивъ умершихъ“.

Въ тонѣ голоса Джульяно было что-то, и ободрявшее, и не допускавшее никакихъ возраженій. Паренти всѣми святыми клялся, что синьора благополучно выѣдетъ изъ города. Онъ желалъ только поскорѣе уйти изъ тюрьмы: его пугалъ покойникъ.

— Пойдемте, синьора, упрашивалъ онъ Елену: пока не разсвѣло, при бѣломъ свѣтѣ всѣ увидятъ; подозрѣнія явятся...

Когда Джульяно, въ третьемъ часу утра возвратился опять въ Синьорію, на дворѣ было свѣтло отъ факеловъ и многочисленныхъ огней. На одной сторонѣ—помощники палача укладывали тѣла казненныхъ въ черные гробы; по другую родственники умершихъ готовились принять ихъ. Между тѣми и другими печально распѣвалъ хоръ монаховъ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ еще виднѣлись слѣды крови, гдѣ возвышалась плаха, стоялъ Франческо Вилори, сопровождаемый вооруженными приверженцами, и съ ненавистью въ глазахъ осматривалъ противниковъ.

Выходя изъ воротъ, Джульяно разслышалъ слова: „такъ погибнутъ всѣ враги республики!“ Многіе обступили юношу со словами:

—Это ты?.. Слава Богу! Иначе некому было бы отдать послѣдній долгъ Бернардо. Оба его сына во Франціи; а внукъ—неразумное дитя!—Ты свободенъ—а Джакопо?...—И онъ свободенъ, отвѣчалъ Джульяно: но его уже нѣтъ на землѣ, онъ на небѣ! -Онъ разсказалъ, какъ умеръ дядя. Сочувствовать ему—не было у этихъ суровыхъ людей ни времени, ни расположенія; всѣ они думали только объ отмщеніи. Процессія двинулась: впереди шли съ пѣніемъ монахи, держа факелы въ рукахъ, за ними—родственники казненныхъ несли пять гробовъ и шелъ народъ. Правительство не рѣшилось раздражать и безъ того уже сильно недовольныхъ знатныхъ гражданъ, товарищей казненныхъ, и потому умершіе не были лишены послѣднихъ почестей.

На площади народъ, насытивши свою злобу, молча и боязливо уступалъ дорогу шествію. Среди толпы находился и Леонардо. Цѣлый день онъ тревожился и на ночь не пришелъ домой. Служанка передала ему, что, придя къ Саванаролѣ, Елена отпустила дѣвушку. Леонардо думалъ, что и теперь Елена въ монастырѣ. Всѣ преданныя Саванаролѣ женщины, въ такія тяжелыя времена, и дни, и ночи обыкновенно проводили въ постѣ и усиленной молитвѣ: что жъ удивительнаго, если и Елена поступаетъ подобнымъ же образомъ?.. Зачѣмъ только изъ ревности, желая сдѣлать Еленѣ непріятное, онъ сообщилъ ей объ арестѣ Джакопо и Джульяно? Его поспѣшность, его злоба все испортили. Въ немъ опять проснулась страсть къ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему страшно было явиться ей на глаза. Онъ чувствовалъ, что если встрѣтится съ Еленой теперь же, пока судьба Джакопо и Джульяно не рѣшена—жена вступитъ съ нимъ въ новый споръ, который кончится неизбѣжнымъ разрывомъ. Да и отъ тестя не было ни утѣшенія, ни помощи. Амброзіо и Клариса видѣли уже Джакопо въ вѣчномъ заточеніи или въ изгнаніи; его имущество—отошедшимъ въ пользу города, а Елену—лишенной наслѣдства...

Разстроенный Леонардо бродилъ по городу въ унынія и заботѣ. Не разъ подходилъ онъ къ воротамъ монастыря. Но войти не рѣшался. Онъ думалъ, что его и не пустятъ, да и боялся упрековъ Саванаролы; боялся услышать рѣшеніе, что Елена останется на нѣкоторое время въ женскомъ монастырѣ. Отъ монастыря Леонардо направлялся къ Синьоріи.—Что сталось съ арестованными?—Онъ не былъ кровожаденъ, не хотѣлъ ихъ смерти; но камень свалился бы съ сердца его, еслибы судъ приговорилъ Джульяно и Джакопо къ продолжительному изгнанію. Пока Джульяно близко, Леонардо не будетъ спать спокойно.

И вотъ онъ увидѣлъ Джульяно! Открыто, свободно несъ онъ,

вмѣстѣ съ другими, гробъ казненнаго и услышалъ его гордый, повелѣвающій голосъ: „дорогу тѣлу синьора Бернардо дель-Неро“. И Джульяно узналъ его; они почти коснулись другъ друга своими плащами. Леонардо робко опустилъ глаза въ землю. Джульяно невольно схватился за поясъ: на немъ не было кинжала. У моста къ печальной процессіи присоединился Доффо Спини; онъ былъ разстроенъ: планы его относительно низверженія Саванаролы не удались. Все, что случилось, только сильнѣе привяжетъ массу къ Саванаролѣ, и пролитая кровь патриціевъ скрѣпитъ ихъ союзъ. Мрачное предсказаніе Саванаролы о гибели Италіи,—причемъ спасутся только избранные,—выиграетъ въ своемъ значеніи и правдоподобіи, въ виду возбужденнаго настроенія гражданъ.

— Что же ты думаешь дѣлать? спросилъ Спини, когда Джульяно сообщилъ ему обо всемъ случившемся: ты съ этой минуты становишься однимъ изъ видныхъ вождей нашей партіи, и многіе послѣдуютъ твоему примѣру.

— Послѣ похоронъ, я думаю отправиться въ Валь-Омброзо, отвѣчалъ Джульяно: сердце мое не лежитъ къ раздорамъ Флоренціи. Я ненавижу, какъ и ты, этого монаха, но чувствую, что безсиленъ противъ него. Что общаго у этого грубаго и бѣднаго люда со всѣмъ прекраснымъ? Имъ сродни фанатичный пророкъ, который скорѣе увлечетъ ихъ, чѣмъ мудрецъ“.

— Итакъ, по твоему, масса должна господствовать надъ нами? Мы изгнали Медичи, чтобы сдѣлаться холопами монаха?

— Я сказалъ уже тебѣ, какъ, по моему, можно низвергнуть его: надо сдѣлать испытаніе его чудотворства. Теперь, когда я видѣлъ его и узналъ силу его краснорѣчія, повторяю тебѣ: человѣческими средствами вы его не одолѣете. Призовите Бога на эту арену, гдѣ Саванарола, въ своемъ самомнѣніи, называетъ себя святымъ пророкомъ божіимъ. Тогда видно будетъ: вступится ли за пророка, требующаго людской крови, Богъ, умершій на крестѣ изъ милосердія къ людямъ.

— Папа давно уже приговорилъ его къ изгнанію.

— Если его пророчества отъ Бога, пусть онъ пройдетъ сквозь костеръ или пронесетъ раскаленное желѣзо отъ своей кельи до собора: такъ испытывали подозрѣваемыхъ въ старыя суевѣрныя времена; этого взгляда народъ держится и теперь.

— Я не успокоюсь, пока не приведу въ исполненіе твоей мысли, сказалъ Доффо:—но тогда настанутъ рѣшительныя минуты, и потребуются всѣ защитники добраго дѣла...

— Тогда позови меня, и я буду готовъ. А до тѣхъ поръ не

падай духомъ, не печалься. Завтра мы устроимъ такое торжественное погребеніе, какого не знала еще Флоренція!

Но мысли Джульяно были направлены не на похороны. Въ немъ говорило совсѣмъ другое—сладостное чувство. Онъ не обращался ни съ какими упреками къ самому себѣ; напротивъ, Леонардо отнялъ отъ него сокровище, по праву ему принадлежавшее. Теперь онъ беретъ назадъ свое собственное. Да и отъ такого презрѣннаго противника нечего ждать ни жалобъ, ни нападеній. Джульяно увѣренъ въ ея любви, чего ему еще болѣе? Леонардо впалъ, между тѣмъ, въ новыя сомнѣнія. Онъ рѣшился, наконецъ, проникнуть въ монастырь и узналъ объ отсутствіи Елены. Подозрѣнія насчетъ Джульяно явились и опять разсѣялись: онъ былъ занятъ похоронами братьевъ Неро. Бѣжать въ Валь-Омброзо Елена не рѣшилась бы: туда могли быть отправлены правительственные агенты. Вѣроятнѣе всего, она скрылась въ одинъ изъ женскихъ монастырей.

V.

Были ли они счастливы?

Въ первый мѣсяцъ своей жизни, въ уединеніи виллы, они испытывали блаженство. Вдали отъ міра, позабытые имъ, отдѣленные отъ него недоступной стѣной, они наслаждались только настоящимъ и жили другъ для друга. Красота природы дѣлала эту жизнь еще привлекательнѣе. Осеннія картины отлетающихъ птицъ, зрѣющихъ виноградныхъ кистей, закрасневшагося лѣса, облачныхъ узоровъ—смѣняли однозвучные тоны мелодіи ихъ собственнаго существованія. Никогда еще Елена не читала книги чудесъ природы; выросши среди четырехъ стѣнъ, она никогда не училась разбирать знаковъ и буквъ божьихъ письменъ. Когда Джульяно разсказывалъ ей о свойствахъ деревъ и травъ, указывалъ на роды камней, знакомилъ со звѣзднымъ небомъ, научая отличать планеты отъ другихъ свѣтящихся тѣлъ, сообщалъ о чужихъ земляхъ, тамошнихъ растеніяхъ и животныхъ—она слушала его съ тѣмъ же благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ какимъ, бывало, относилась къ проповѣдямъ монаха. Эта книга природы была такъ полна красоты и жизни, что передъ нею оказывались бѣдными по содержанію прежнія книги съ молитвами и легендами. Прочнѣе и непреложнѣе выполнялся законъ божій въ природѣ, нежели въ людскомъ обществѣ.

Природа не знаетъ ни лжи, ни лицемѣрія. Любовь и природа казались имъ неизсякаемыми источниками, изъ которыхъ они пѣт-

но будутъ черпать наслажденіе, источниками, освѣжающими даже старѣющееся больное сердце.

Одно время, эта идиллія ихъ счастья ничѣмъ не была омрачена. По свѣдѣніямъ стараго Джіованни, Леонардо, еще на третій день послѣ похоронъ братьевъ Неро, поспѣшно выѣхалъ изъ Флоренціи; его дѣла въ Неаполѣ сильно пошатнулись и, для спасенія состоянія, ему необходимо было присутствовать тамъ. Насчетъ исчезновенія жены Леонардо, поговаривали, что она или бросилась въ рѣку, или рѣшилась постричься, и въ монастырѣ опасаются указать ея мѣстопребываніе, чтобы отецъ и мужъ не воспользовались своими правами на нее. Никто и не думалъ о ея побѣгѣ къ другому мужчинѣ. Знавшіе тайну скрывали истину. Самъ Савонарола, какъ слышалъ Джіованни отъ Люціи, сказалъ Кларисѣ, безпокоившейся объ Еленѣ:

— Отецъ ли долженъ искать своего блуднаго сына? Пусть тотъ самъ прибѣгнетъ къ отцу со слезами раскаянія!"

Джульяно побывалъ въ октябрѣ во Флоренціи у сыновей Бернардо, по дѣламъ наслѣдства. Сообщенія Джіованни подтвердились. Объ Еленѣ или вовсе не говорили, или повторяли тѣ же догадки... Леонардо еще не вернулся.

И все таки, съ началомъ весны слѣдующаго года, оба они—и Джульяно, и Елена — какъ-то перемѣнились. Что-то зловѣщее чуяли они въ будущемъ. Все чаще спрашивали они свое сердце: что же будетъ дальше? развѣ они не любятъ другъ друга? Гнусными, богохульными казались имъ такія сомнѣнія. Но въ этой любви не было уже ничего бурнаго, опьяняющаго. Пылкое увлеченіе, страстное желаніе уступило мѣсто безмятежному чувству. Быть другъ подлѣ друга—вотъ все, чего хотѣли они прежде, но теперь это не пополняло какой-то образовавшейся пустоты. У юноши проснулось стремленіе къ работѣ и дѣятельности: сознавая свои способности, Джульяно почувствовалъ въ себѣ честолюбивую потребность приносить пользу людямъ, пользоваться ихъ признательностью. Слишкомъ тихою и ограниченною представилась ему жизнь въ Валь-Омброзо; въ городѣ больше движенія,— только тамъ можетъ развернуть онъ всѣ свои познанія и свое искусство. Не то, чтобы зарождалось въ немъ стремленіе къ разлукѣ съ Еленой, не то, чтобы онъ думалъ о перемѣнѣ своего положенія и жизни безъ Елены—нѣтъ; но только въ немъ развивалось постепенно и непрестанно внутреннее недовольство своею бездѣятельностью, непроизводительною тратою времени.

Чѣмъ чаще ѣздилъ Джульяно, въ качествѣ наслѣдника, въ городъ по дѣламъ, тѣмъ непріятнѣе поражала его разница между

собственною праздною жизнью и неустанною работою сограждан. Немало ему пришлось выслушать намековъ по поводу его политическаго индиферентизма и уединенной жизни. Всѣ ждали отъ него чего нибудь крупнаго, и онъ заставилъ разочароваться своихъ друзей.

Всѣ эти душевныя волненія Джульяно могли ли укрыться отъ любящей женщины? Съ грустью и ужасомъ Елена замѣчала ихъ. Исчезнувъ сегодня, сомнѣнія ея на завтра снова появлялись и становились все сильнѣе. Джульяно не въ состояніи былъ бы высказать, что̀ его волнуетъ, да и не было надобности въ этомъ.

Я помѣха ему, говорила сама себѣ Елена: со мною онъ не рѣшится жить во Флоренціи, занимаясь докторской практикой, а жить отдѣльно они не могутъ. Однажды, замѣтивъ, что Джульяно, сидя на террасѣ и смотря въ туманную даль, предавался тяжелому раздумью, Елена, скрѣпя сердце, начала разговоръ о будущемъ. И она жаждала его славы, хотѣла, чтобы со всѣхъ сторонъ къ нему стекались больные. Еслибы уѣхать въ Миланъ или Венецію, гдѣ никто не будетъ интересоваться ихъ прошлымъ, или еще дальше,—на чужбину, туда, гдѣ говорятъ на другомъ языкѣ!.. Съ нимъ она готова отправиться хоть на край свѣта, но поскорѣе: она не можетъ выносить его унынія и отчаянія. Съ нѣжностью и увѣренностью, побуждаемая страстью, горячо разбивала Елена всѣ препятствія такимъ планамъ, и изстолько успѣла, что мысли Джульяно приняли другое направленіе, и они уже безъ страха вели разговоръ о будущемъ. Ему не казалось труднымъ привести въ исполненіе этотъ планъ: ученые въ Италіи часто переходятъ изъ города въ городъ. Гдѣ лучше, тамъ имъ и отечество. Состояніе, оставленное имъ дядею, обезпечивало безбѣдную жизнь, гдѣ угодно, при скромныхъ потребностяхъ. Но какъ ему ѣздить съ нею: неужели она будетъ вездѣ въ качествѣ его любовницы? Огласить такъ счастливо убереженную тайну, предать публичному посрамленію и позору то, что̀, будучи скрытымъ, принесло столько счастья и наслажденія!.. Дѣйствительно, славные дѣятели,—краса науки, великій Поджіо и остроумный Валла,—жили со своими возлюбленными, и ни папа, ни князья, съ которыми они имѣли дѣло, ни тысячи гражданъ, которые изумлялись ихъ генію,—никто не обвинялъ ихъ. Но простятъ ли такой поступокъ ему, Джульяно, который не отличился никакимъ сочиненіемъ, открытіемъ или лѣченіемъ, простятъ ли ему его похищеніе чужой жены? И чувствуетъ ли онъ, сколько невзгодъ и бѣдъ предстоитъ ей въ жизни!? Можетъ ли онъ ее, неподготовленную, подвергать всѣмъ этимъ ударамъ?

Всѣ эти сомнѣнія мучили Джульяно, и какъ разъ въ одну
изъ такихъ минутъ жена одного его родственника безъ намѣре-
нія завела съ нимъ рѣчь о томъ, что она считаетъ его заживо
огребеннымъ, что, не будь зима, она отъискала бы его въ его
реисподней и привезла бы къ нему одну женщину, прекрасную
Лукрецію Торнабуони.

Смущеніе Джульяно только укрѣпило даму въ ея предположе-
іи, что онъ питаетъ безнадежную страсть, и она продолжала
аспространяться: всѣ уже рѣшили, что онъ женится на танцо-
авшей съ нимъ дѣвушкѣ. Конечно, тогда его матеріальная не-
безпеченность мѣшала ему. Но теперь и родители,—писала дѣ-
ушка,—не отказали бы ему. Съ трудомъ удалось Джульяно оста-
овить эти потоки краснорѣчія; однако онъ чувствовалъ, что ему
али только отсрочку. Возвращаясь домой, онъ все время думалъ
бъ этихъ разговорахъ. Такъ вотъ какъ рисуютъ его будущность!
нъ смѣется надъ этимъ... но что же тутъ смѣшнаго, если сограж-
ане соединяютъ его съ одною изъ прелестнѣйшихъ и знатнѣйшихъ
ѣвушекъ во Флоренціи? Говоря по правдѣ, это льстило его самолю-
ію. Мужъ Торнабуони человѣкъ образованный, богатый, поддержи-
аемый двумя первѣйшими во Флоренціи фамиліями; Джульяно могъ
ы необычайно поднять свои надежды. Но вѣдь это только—не-
ѣпыя мечтанія. Джульяно знаетъ, къ чему обязываетъ его честь,
олгъ. Онъ отклонилъ этотъ призракъ счастья, оно не для него...
о все это такъ соблазнительно... и снова онъ начинаетъ мечтать.

Желая успокоиться, Джульяно передалъ всѣ разговоры Еленѣ.
акимъ образомъ, онъ хотѣлъ еще болѣе отдалить отъ себя
укрецію.

Джульяно старался придать своему разсказу шутливый тонъ.
о Елена выслушала его молча и съ какимъ-то страхомъ. Одно
олько имя этой дѣвушки наводило на нее ужасъ. Не говоря ни
ова, глубоко вздохнувъ, бросилась Елена обнимать Джульяно.
на хотѣла заглушить страстными поцѣлуями и ласками тревож-
ое чувство; но тѣнь Лукреціи съ тѣхъ поръ не оставляла Еле-
у. Они занялись приготовленіями къ отъѣзду. Веселость Джульяно,
го самоувѣренность пропали. Онъ не скрывалъ, что сильно оза-
оченъ. Куда они попадутъ? Быть можетъ, имъ предстоитъ про-
олжительное блужданіе по свѣту... Что ожидаетъ ихъ? Она не
осадовала на эти сомнѣнія: Джульяно вѣдь безпокоится не за
ебя, а за нее. Изъ-за нея покидаетъ онъ родной городъ, изъ-за
ея дѣлается изгнанникомъ.

Чѣмъ больше готовъ былъ Джульяно исполнить свои обязан-
ости относительно Елены, чѣмъ рѣшительнѣе склонялся онъ

слить свой жребій съ ея судьбою, тѣмъ затруднительнѣе представлялось ему настоящее положеніе. Онъ замѣнилъ ей отца и мужа; онъ своею любовью и знаніями указалъ ей болѣе прекрасный міръ, чѣмъ тотъ, который она оставила для него. Но ему кто возвратитъ утраченную свободу? Обыденныя житейскія нужды не начинаютъ ли сдерживать его? Ежедневно онъ убѣждается, что ему постоянно придется считаться съ этими мелочами.

Изъ Венеціи и Милана нѣтъ отвѣта; изъ Падуи пишетъ ему пріятель, что тамъ возгорѣлся споръ между университетомъ и городскими властями; многіе изъ студентовъ отправились въ Болонью, такъ что въ этомъ году едва ли стоитъ въ Падуѣ приниматься за преподаваніе. Всѣ эти неудачи усиливали тайное нежеланіе Джульяно покинуть родину. Ничто еще не разъединяло любящихъ и, однако, между ними все разросталась глубокая пропасть.

Въ такую-то напряженную и томительную для нихъ минуту, пришло извѣстіе отъ Доффо. Противники Саванаролы добились постепенно побѣды при выборахъ и замѣщеніяхъ должностныхъ лицъ. Булла папы Александра VI объ отлученіи отъ церкви Саванаролы лишила монаха многихъ приверженцевъ; а запрещеніе проповѣдывать внѣ собственнаго монастыря отняло возможность дѣйствовать на колеблющихся пламеннымъ краснорѣчіемъ, возбуждать умы, нападать на враговъ въ рѣчахъ, грохочущихъ громомъ и блещущихъ молніей. По словамъ Доффо, Саванаролу теперь призываетъ испытать себя одинъ францисканецъ, Франческо, изъ крестовой церкви. „Конечно, братъ Джироламо слишкомъ любитъ себя, чтобы идти въ огонь костра; но его оруженосецъ, вѣчно пьяный братъ Доменико—неизвѣстно, отъ вина или отъ блаженства хмѣлѣетъ онъ—самъ вызвался идти въ пламя вмѣсто Саванаролы. Послѣ продолжительныхъ колебаній, Синьорія согласилась на судъ божій... Итакъ готовится чудо, котораго ты добивался. Я надѣюсь, разумѣется, что не чудо поразитъ насъ, а просто обдастъ смрадъ и дымъ отъ сгорѣвшихъ рясъ. Но смерть этого вѣрнаго слуги Саванаролы будетъ въ то же время и рѣшеніемъ суда. Свершится, что̀ ты предсказалъ. Всѣ старые друзья Флоренціи, той Флоренціи, которая смѣялась и любила, должны быть на площади, чтобы синьоры не откладывали борьбы съ обольщеніемъ лицемѣровъ“. Такъ писалъ Доффо Спини.

До сихъ поръ рѣдко заходила рѣчь о монахѣ. Джульяно ненавидѣлъ его; Еленѣ больно было вспоминать о немъ. Теперь же извѣстіе, сообщенное Доффо, развеселило Джульяно. Онъ рѣшилъ послѣдовать приглашенію друга: „Монаху будетъ предло-

кено испытаніе, воскликнулъ юноша:—все перемѣнится во Фло-
енціи... Если будетъ доказано, что Саванарола—шарлатанъ, бракъ
твой, совершенный монахомъ, не дѣйствителенъ. Мы поѣдемъ въ
Римъ и бросимся къ ногамъ святаго отца. Мужайся, Елена, снова
показывается солнце!.. Чѣмъ безпокойнѣе городъ, тѣмъ безопаснѣе
тебѣ здѣсь... Я каждый день буду присылать вѣсточку. Но въ
то же время готовься къ отъѣзду". Онъ разстался съ нею почти
беззаботно; а она отправила его въ путь, смѣясь сквозь слезы,
съ увѣренностью, что онъ не только вернется во всемъ блескѣ кра-
соты, но еще привезетъ чудесное средство противъ всякаго горя
и безпокойства. Она уже не вѣрила, чтобы Богъ совершилъ чудо
для Саванаролы.

Но прошли дни, прошли и недѣли. Свѣтлое настроеніе мало
по малу замѣнилось скукой и тревогою. Вѣсти получались не
добрыя. Городъ волновался.

1-го апрѣля, наконецъ, должно было совершиться испытаніе
огнемъ: братъ Доменико и братъ Франческо пройдутъ черезъ
костры; кто останется цѣлъ и невредимъ, того ученіе и будетъ
признано истиннымъ и божественнымъ. Понятно, что въ такую
суматоху некого было послать къ Еленѣ, и она страшно мучилась
отъ неизвѣстности. Единственный ея собесѣдникъ, старый Джіован-
ни, безпокоился также о своемъ господинѣ и бродилъ по дому, опу-
стивъ голову и говоря только объ однихъ ужасахъ. Его рѣчи
разжигали въ Еленѣ желаніе самой присутствовать въ городѣ.
Любовь къ Джульяно, заботы о немъ, желаніе его видѣть влекло
туда Елену, а ревность рисовала предъ нею образъ танцующей
Лукреціи Торнабуони... Близился судъ божій, и въ Еленѣ просы-
палась потребность въ утѣшеніяхъ со стороны церкви, потребность,
такъ давно не удовлетворявшаяся; исповѣдью захотѣлось ей об-
легчить душевное бремя. Саванарола и издалека дѣйствовалъ
на нее...

Послѣ безсонной ночи, Елена рѣшилась отправиться въ городъ.
Ей не особенно трудно было склонить къ тому и стараго слугу:
его въ конецъ истомили борьба съ разсудкомъ, чувствомъ долга,
любопытствомъ и соблазномъ. Незамѣченные никѣмъ, Елена и
Джіованни очутились среди толпы, на площади собора.

— Почему это не начинаютъ? Осталось всего два часа до
полудня...—Какъ жарко... Смотрите, какъ бы намъ не пришлось
ждать до вечерни!—насъ изжарятъ тутъ самихъ, пошутилъ ка-
кой-то острякъ:—монахамъ тамъ хорошо стоять въ залѣ, въ про-
хладной тѣни... Насъ надули.—Не издѣвайтесь, предостерегалъ кто-
то: Богъ надъ нами. День покажетъ величіе Божіе.—Если бы я, по

крайности, могъ видѣть настоящіе костры, замѣтилъ какой-то горбунъ: я ушелъ бы тогда спокойно домой, а это какія-то кротовыя норы.—Да, прервалъ его смѣльчакъ, сидѣвшій у стола: въ прошломъ году не такая была пирамида въ день карнавала...—Я вижу хорошо оба костра: они въ человѣческій ростъ вышиной.—Сорокъ локтей, рѣшительно вставилъ какой-то старикъ:—сорокъ локтей, я не одну сотню разъ прошелъ отъ конца до конца.—Ну, а сегодня не попробуешь прогуляться?—Съ обѣихъ сторонъ наложили дрова и облили смолой, продолжалъ державшійся за столбъ:—славно горѣть будетъ!.. и проходъ только въ три фута; тутъ лисица обгоритъ, пробѣгая, не только человѣкъ...—Ого, вотъ Господь сотворилъ бы чудо!—Да еслибы они были увѣрены въ этомъ, чего бы имъ ждать, зажгли бы костеръ... а они боятся...обманъ и штуки все это!—Молчи, безбожникъ! воскликнулъ приверженецъ Саванаролы: какъ смѣешь ты обзывать пророка божьяго лжецомъ?—Не ты ли запретишь мнѣ говорить? Подойди ка сюда... и говорившій это поднялъ кулакъ, угрожая противнику.—Тише, унимали болѣе благоразумные:—подождите, вотъ дадутъ знакъ. Знакъ съ неба замѣтенъ! Вонъ черная туча... Право, какъ будто дождевая капля упала мнѣ на носъ...—Дождь, дождь!...

Однако, никто не уходилъ съ площади. Только нетерпѣніе росло, и гнѣвъ народа противъ медлившихъ монаховъ разыгрывался всѣ сильнѣе.—Почему самъ братъ нейдетъ въ огонь? Развѣ онъ не разсказывалъ про благочестивыхъ мужей, которые въ горѣвшей печи пѣли во славу Господа? И волосъ у нихъ на головѣ не пострадалъ... Это одна изъ сказокъ, что онъ намъ складывалъ.—Отважный полководецъ не шлетъ своихъ людей противу врага; онъ самъ идетъ впереди, я знаю это!—ударяя себя въ грудь, толковалъ кто-то:—я служилъ подъ начальствомъ Петра Каппони.—Братъ всегда говорилъ, что не слѣдуетъ испытывать Бога, оправдывалъ другой Саванаролу. Елена, стоявшая вблизи толковавшихъ, замѣтила, что этотъ приверженецъ высказывался какъ-то вяло, будто и самъ сомнѣвался уже.

И самой Еленѣ было досадно; она надѣялась увидѣть трагическое зрѣлище, а вышла какая-то комедія. Усталая, голодная, она теперь желала поскорѣе попасть домой.

— Что они тамъ все ходятъ взадъ да впередъ, въ чемъ дѣло? Дождь пересталъ; погода разгуливается... Они начали пѣть!—Что же они думаютъ, что мы ради ихъ визга да красныхъ крестовъ стоимъ здѣсь, что ли...?

— Что такое случилось? о чемъ говорятъ?—Скажите же, что случилось?—Братъ заворожилъ одѣяніе Доменико: оно не сгоритъ!

—Дурной знакъ, что онъ занялся такими дѣлами... развѣ не онъ появится на кострѣ?—Изъ-за чего столько шуму? развѣ не могутъ монахи выйти нагими?—Все это очень гадко: они смѣются надъ нами; мы останемся въ дуракахъ. Всѣ пророки, даже лжепророки совершали чудеса; если онъ не въ состояніи показать себя несгараемымъ, такъ пусть убирается отсюда! закричали въ толпѣ.—Поймите же! Доменико согласенъ только съ дарами идти въ огонь, съ тѣломъ Господа.. да это богохульство! А францисканцы не хотятъ. Бѣда за бѣдой.—Куда только заведетъ насъ этотъ Савонарола! Удивляюсь, какъ Богъ не послалъ на насъ сѣры и смолы! Его именемъ въ Содомѣ не дѣлалось того, что происходитъ теперь въ соборѣ!—Тебѣ заткнутъ глотку еще до вечера, возразилъ приверженецъ Савонаролы:—когда восторжествуетъ на зло вамъ всѣмъ красный крестъ!... Другіе смѣялись надъ говорившимъ и бранились. —Не бейте его, замѣтилъ одинъ:—вечеромъ, въ наказаніе, онъ долженъ будетъ выпить три кружки вина и сыграть въ кости...—Долой ханжей, да здравствуютъ вино и кости!—Не забудь и дѣвушекъ!..

Вдругъ вся толпа задвигалась...—Ну, смотрите, выходятъ!...—Не выдержали. На нихъ напали!—Слышите, какъ мечи зазвенѣли! слышался говоръ въ народѣ.—Вонъ Доффо Спини впереди идетъ! —А кто съ нимъ?—Съ черными волосами, въ голубой бархатной шапочкѣ? — Да! — Не знаю.—Въ день похоронъ Джакопо дель-Неро я видѣлъ его: это молодой Джульяно Альбицци. — Славный юноша, онъ не станетъ много церемониться со святошами!—Такъ все это идетъ въ жизни: деньги къ деньгамъ! У меня тетка въ домѣ Торнабуони, она мнѣ разсказывала: его хотятъ женить на Лукреціи.—А Альбицци любитъ дѣвушку?—Еще бы! она хороша и богата!—Толкуютъ про какую-то возлюбленную, тамъ у него въ виллѣ. Ее видали; говорятъ, лучше и нѣтъ женщины!—А по моему, и жену возьми, и любовницу удержи. Мы всѣ были молоды!.. Вѣрно!.. Да здравствуетъ молодость, если за ней и водятся грѣшки!

То краснѣла, то блѣднѣла Елена, слушая эти толки. И какую незавидную роль играла въ нихъ она!.. Знаютъ ли они ее видали ли дѣйствительно, или это праздная болтовня, въ которой каждый прибавляетъ что нибудь отъ себя? Но что ей за дѣло до этого? Развѣ она боится встрѣчи съ мужемъ? Все готова перенести она, лишь бы услышать изъ дорогихъ устъ: „я люблю тебя!“ Въ эту минуту, дороже этихъ словъ для нея ничего не было.—Пойдемъ, тихо вымолвила она, обращаясь къ Джіовани.

И они ушли съ площади; но Елена страшно устала; глаза у

—Это ты?.. Слава Богу! Иначе некому было бы отдать послѣдній долгъ Бернардо. Оба его сына во Франціи; а внукъ—неразумное дитя!—Ты свободенъ—а Джакопо?...—И онъ свободенъ, отвѣчалъ Джульяно: но его уже нѣтъ на землѣ, онъ на небѣ! -Онъ разсказалъ, какъ умеръ дядя. Сочувствовать ему—не было у этихъ суровыхъ людей ни времени, ни расположенія; всѣ они думали только объ отмщеніи. Процессія двинулась: впереди шли съ пѣніемъ монахи, держа факелы въ рукахъ, за ними—родственники казненныхъ несли пять гробовъ и шелъ народъ. Правительство не рѣшилось раздражать и безъ того уже сильно недовольныхъ знатныхъ гражданъ, товарищей казненныхъ, и потому умершіе не были лишены послѣднихъ почестей.

На площади народъ, насытивши свою злобу, молча и боязливо уступалъ дорогу шествію. Среди толпы находился и Леонардо. Цѣлый день онъ тревожился и на ночь не пришелъ домой. Служанка передала ему, что, придя къ Саванаролѣ, Елена отпустила дѣвушку. Леонардо думалъ, что и теперь Елена въ монастырѣ. Всѣ преданныя Саванаролѣ женщины, въ такія тяжелыя времена, и дни, и ночи обыкновенно проводили въ постѣ и усиленной молитвѣ: что жъ удивительнаго, если и Елена поступаетъ подобнымъ же образомъ?.. Зачѣмъ только изъ ревности, желая сдѣлать Еленѣ непріятное, онъ сообщилъ ей объ арестѣ Джакопо и Джульяно? Его поспѣшность, его злоба все испортили. Въ немъ опять проснулась страсть къ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему страшно было явиться ей на глаза. Онъ чувствовалъ, что если встрѣтится съ Еленой теперь же, пока судьба Джакопо и Джульяно не рѣшена—жена вступитъ съ нимъ въ новый споръ, который кончится неизбѣжнымъ разрывомъ. Да и отъ тестя не было ни утѣшенія, ни помощи. Амброзіо и Клариса видѣли уже Джакопо въ вѣчномъ заточеніи или въ изгнаніи; его имущество—отошедшимъ въ пользу города, а Елену—лишенной наслѣдства...

Разстроенный Леонардо бродилъ по городу въ унынія и заботѣ. Не разъ подходилъ онъ къ воротамъ монастыря. Но войти не рѣшался. Онъ думалъ, что его и не пустятъ, да и боялся упрековъ Саванаролы; боялся услышать рѣшеніе, что Елена останется на нѣкоторое время въ женскомъ монастырѣ. Отъ монастыря Леонардо направлялся къ Синьоріи.—Что сталось съ арестованными?—Онъ не былъ кровожаденъ, не хотѣлъ ихъ смерти; но камень свалился бы съ сердца его, еслибы судъ приговорилъ Джульяно и Джакопо къ продолжительному изгнанію. Пока Джульяно близко, Леонардо не будетъ спать спокойно.

И вотъ онъ увидѣлъ Джульяно! Открыто, свободно несъ онъ,

вмѣстѣ съ другими, гробъ казненнаго и услышалъ его гордый, повелѣвающій голосъ: „дорогу тѣлу синьора Бернардо дель-Неро“. И Джульяно узналъ его; они почти коснулись другъ друга своими плащами. Леонардо робко опустилъ глаза въ землю. Джульяно невольно схватился за поясъ: на немъ не было кинжала. У моста къ печальной процессіи присоединился Доффо Спини; онъ былъ разстроенъ: планы его относительно низверженія Саванаролы не удались. Все, что случилось, только сильнѣе привяжетъ массу къ Саванаролѣ, и пролитая кровь патриціевъ скрѣпитъ ихъ союзъ. Мрачное предсказаніе Саванаролы о гибели Италіи,—причемъ спасутся только избранные,—выиграетъ въ своемъ значеніи и правдоподобіи, въ виду возбужденнаго настроенія гражданъ.

— Что же ты думаешь дѣлать? спросилъ Спини, когда Джульяно сообщилъ ему обо всемъ случившемся: ты съ этой минуты становишься однимъ изъ видныхъ вождей нашей партіи, и многіе послѣдуютъ твоему примѣру.

— Послѣ похоронъ, я думаю отправиться въ Валь-Омброзо, отвѣчалъ Джульяно: сердце мое не лежитъ къ раздорамъ Флоренціи. Я ненавижу, какъ и ты, этого монаха, но чувствую, что безсиленъ противъ него. Что общаго у этого грубаго и бѣднаго люда со всѣмъ прекраснымъ? Имъ сродни фанатичный пророкъ, который скорѣе увлечетъ ихъ, чѣмъ мудрецъ“.

— Итакъ, по твоему, масса должна господствовать надъ нами? Мы изгнали Медичи, чтобы сдѣлаться холопами монаха?

— Я сказалъ уже тебѣ, какъ, по моему, можно низвергнуть его: надо сдѣлать испытаніе его чудотворства. Теперь, когда я видѣлъ его и узналъ силу его краснорѣчія, повторяю тебѣ: человѣческими средствами вы его не одолѣете. Призовите Бога на эту арену, гдѣ Саванарола, въ своемъ самомнѣніи, называетъ себя святымъ пророкомъ божіимъ. Тогда видно будетъ: вступится ли за пророка, требующаго людской крови, Богъ, умершій на крестѣ изъ милосердія къ людямъ.

— Папа давно уже приговорилъ его къ изгнанію.

— Если его пророчества отъ Бога, пусть онъ пройдетъ сквозь костеръ или пронесетъ раскаленное желѣзо отъ своей кельи до собора: такъ испытывали подозрѣваемыхъ въ старыя суевѣрныя времена; этого взгляда народъ держится и теперь.

— Я не успокоюсь, пока не приведу въ исполненіе твоей мысли, сказалъ Доффо:—но тогда настанутъ рѣшительныя минуты, и потребуются всѣ защитники добраго дѣла...

— Тогда позови меня, и я буду готовъ. А до тѣхъ поръ не

падай духомъ, не печалься. Завтра мы устроимъ такое торжественное погребеніе, какого не знала еще Флоренція!

Но мысли Джульяно были направлены не на похороны. Въ немъ говорило совсѣмъ другое—сладостное чувство. Онъ не обращался ни съ какими упреками къ самому себѣ; напротивъ, Леонардо отнялъ отъ него сокровище, по праву ему принадлежавшее. Теперь онъ беретъ назадъ свое собственное. Да и отъ такого презрѣннаго противника нечего ждать ни жалобъ, ни нападеній. Джульяно увѣренъ въ ея любви, чего ему еще болѣе? Леонардо впалъ, между тѣмъ, въ новыя сомнѣнія. Онъ рѣшился, наконецъ, проникнуть въ монастырь и узналъ объ отсутствіи Елены. Подозрѣнія насчетъ Джульяно явились и опять разсѣялись: онъ былъ занятъ похоронами братьевъ Неро. Бѣжать въ Валь-Омброзу Елена не рѣшилась бы: туда могли быть отправлены правительственные агенты. Вѣроятнѣе всего, она скрылась въ одинъ изъ женскихъ монастырей.

V.

Были ли они счастливы?

Въ первый мѣсяцъ своей жизни, въ уединеніи виллы, они испытывали блаженство. Вдали отъ міра, позабытые имъ, отдѣленные отъ него недоступной стѣной, они наслаждались только настоящимъ и жили другъ для друга. Красота природы дѣлала эту жизнь еще привлекательнѣе. Осеннія картины отлетающихъ птицъ, зрѣющихъ виноградныхъ кистей, закраснѣвшагося лѣса, облачныхъ узоровъ—смѣняли однозвучные тоны мелодіи ихъ собственнаго существованія. Никогда еще Елена не читала книги чудесъ природы; выросши среди четырехъ стѣнъ, она никогда не училась разбирать знаковъ и буквъ божьихъ письменъ. Когда Джульяно разсказывалъ ей о свойствахъ деревъ и травъ, указывалъ на роды камней, знакомилъ со звѣзднымъ небомъ, научая отличать планеты отъ другихъ свѣтящихся тѣлъ, сообщалъ о чужихъ земляхъ, тамошнихъ растеніяхъ и животныхъ—она слушала его съ тѣмъ же благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ какимъ, бывало, относилась къ проповѣдямъ монаха. Эта книга природы была такъ полна красоты и жизни, что передъ нею оказывались бѣдными по содержанію прежнія книги съ молитвами и легендами. Прочнѣе и непреложнѣе выполнялся законъ божій въ природѣ, нежели въ людскомъ обществѣ.

Природа не знаетъ ни лжи, ни лицемѣрія. Любовь и природа казались имъ неизсякаемыми источниками, изъ которыхъ они вѣч-

го будутъ черпать наслажденіе, источниками, освѣжающими даже старѣющееся больное сердце.

Одно время, эта идиллія ихъ счастья ничѣмъ не была омрачена. По свѣдѣніямъ стараго Джіованни, Леонардо, еще на третій день послѣ похоронъ братьевъ Неро, поспѣшно выѣхалъ изъ Флоренціи; его дѣла въ Неаполѣ сильно пошатнулись и, для спасенія состоянія, ему необходимо было присутствовать тамъ. Насчетъ исчезновенія жены Леонардо, поговаривали, что она или бросилась въ рѣку, или рѣшилась постричься, и въ монастырѣ опасаются указать ея мѣстопребываніе, чтобы отецъ и мужъ не воспользовались своими правами на нее. Никто и не думалъ о ея побѣгѣ къ другому мужчинѣ. Знавшіе тайну скрывали истину. Самъ Савонарола, какъ слышалъ Джіованни отъ Люціи, сказалъ Кларисѣ, безпокоившейся объ Еленѣ:

— Отецъ ли долженъ искать своего блуднаго сына? Пусть отъ самъ прибѣгнетъ къ отцу со слезами раскаянія!"

Джульяно побывалъ въ октябрѣ во Флоренціи у сыновей Бернардо, по дѣламъ наслѣдства. Сообщенія Джіованни подтвердились. Объ Еленѣ или вовсе не говорили, или повторяли тѣ же догадки... Леонардо еще не вернулся.

И все таки, съ началомъ весны слѣдующаго года, оба они—и Джульяно, и Елена — какъ-то перемѣнились. Что-то зловѣщее чуяли они въ будущемъ. Все чаще спрашивали они свое сердце: что же будетъ дальше? развѣ они не любятъ другъ друга? Гнусными, богохульными казались имъ такія сомнѣнія. Но въ этой любви не было уже ничего бурнаго, опьяняющаго. Пылкое увлеченіе, страстное желаніе уступило мѣсто безмятежному чувству. Быть другъ подлѣ друга—вотъ все, чего хотѣли они прежде, но теперь это не пополняло какой-то образовавшейся пустоты. У юноши проснулось стремленіе къ работѣ и дѣятельности: сознавая свои способности, Джульяно почувствовалъ въ себѣ честолюбивую потребность приносить пользу людямъ, пользоваться ихъ признательностью. Слишкомъ тихою и ограниченною представилась ему жизнь въ Валь-Омброзо; въ городѣ больше движенія,—только тамъ можетъ развернуть онъ всѣ свои познанія и свое искусство. Не то, чтобы зарождалось въ немъ стремленіе къ разлукѣ съ Еленой, не то, чтобы онъ думалъ о перемѣнѣ своего положенія и жизни безъ Елены—нѣтъ; но только въ немъ развивалось постепенно и непрестанно внутреннее недовольство своею праздѣятельностью, непроизводительною тратою времени.

Чѣмъ чаще ѣздилъ Джульяно, въ качествѣ наслѣдника, въ городъ по дѣламъ, тѣмъ непріятнѣе поражала его разница между

Всѣ эти сомнѣнія мучили Джульяно, и какъ разъ въ одну изъ такихъ минутъ жена одного его родственника безъ намѣренія завела съ нимъ рѣчь о томъ, что она считаетъ его заживо погребеннымъ, что, не будь зима, она отъискала бы его въ его преисподней и привезла бы къ нему одну женщину, прекрасную Лукрецію Торнабуони.

Смущеніе Джульяно только укрѣпило даму въ ея предположеніи, что онъ питаетъ безнадежную страсть, и она продолжала распространяться: всѣ уже рѣшили, что онъ женится на танцовавшей съ нимъ дѣвушкѣ. Конечно, тогда его матеріальная необезпеченность мѣшала ему. Но теперь и родители,—писала дѣвушка,—не отказали бы ему. Съ трудомъ удалось Джульяно остановить эти потоки краснорѣчія; однако онъ чувствовалъ, что ему дали только отсрочку. Возвращаясь домой, онъ все время думалъ объ этихъ разговорахъ. Такъ вотъ какъ рисуютъ его будущность! Онъ смѣется надъ этимъ... но что же тутъ смѣшнаго, если сограждане соединяютъ его съ одною изъ прелестнѣйшихъ и знатнѣйшихъ дѣвушекъ во Флоренціи? Говоря по правдѣ, это льстило его самолюбію. Мужъ Торнабуони человѣкъ образованный, богатый, поддерживаемый двумя первѣйшими во Флоренціи фамиліями; Джульяно могъ бы необычайно поднять свои надежды. Но вѣдь это только—несбыныя мечтанія. Джульяно знаетъ, къ чему обязываетъ его честь, долгъ. Онъ отклонилъ этотъ призракъ счастья, оно не для него... Но все это такъ соблазнительно... и снова онъ начинаетъ мечтать.

Желая успокоиться, Джульяно передалъ всѣ разговоры Еленѣ. Такимъ образомъ, онъ хотѣлъ еще болѣе отдалить отъ себя Лукрецію.

Джульяно старался придать своему разсказу шутливый тонъ. Но Елена выслушала его молча и съ какимъ-то страхомъ. Одно только имя этой дѣвушки наводило на нее ужасъ. Не говоря ни слова, глубоко вздохнувъ, бросилась Елена обнимать Джульяно. Она хотѣла заглушить страстными поцѣлуями и ласками тревожное чувство; но тѣнь Лукреціи съ тѣхъ поръ не оставляла Елену. Они занялись приготовленіями къ отъѣзду. Веселость Джульяно, его самоувѣренность пропали. Онъ не скрывалъ, что сильно озабоченъ. Куда они попадутъ? Быть можетъ, имъ предстоитъ продолжительное блужданіе по свѣту... Что ожидаетъ ихъ? Она не досадовала на эти сомнѣнія: Джульяно вѣдь безпокоится не за себя, а за нее. Изъ-за нея покидаетъ онъ родной городъ, изъ-за нея дѣлается изгнанникомъ.

Чѣмъ больше готовъ былъ Джульяно исполнить свои обязанности относительно Елены, чѣмъ рѣшительнѣе склонялся онъ

слить свой жребій съ ея судьбою, тѣмъ затруднительнѣе представлялось ему настоящее положеніе. Онъ замѣнилъ ей отца и мужа; онъ своею любовью и знаніями указалъ ей болѣе прекрасный міръ, чѣмъ тотъ, который она оставила для него. Но ему кто возвратитъ утраченную свободу? Обыденныя житейскія нужды не начнутъ ли сдерживать его? Ежедневно онъ убѣждается, что ему постоянно придется считаться съ этими мелочами.

Изъ Венеціи и Милана нѣтъ отвѣта; изъ Падуи пишетъ ему пріятель, что тамъ возгорѣлся споръ между университетомъ и городскими властями; многіе изъ студентовъ отправились въ Болонью, такъ что въ этомъ году едва ли стоитъ въ Падуѣ приниматься за преподаваніе. Всѣ эти неудачи усиливали тайное нежеланіе Джульяно покинуть родину. Ничто еще не разъединяло любящихъ и, однако, между ними все разросталась глубокая пропасть.

Въ такую-то напряженную и томительную для нихъ минуту, пришло извѣстіе отъ Доффо. Противники Саванаролы добились постепенно побѣды при выборахъ и замѣщеніяхъ должностныхъ лицъ. Булла папы Александра VI объ отлученіи отъ церкви Саванаролы лишила монаха многихъ приверженцевъ; а запрещеніе проповѣдывать внѣ собственнаго монастыря отняло возможность дѣйствовать на колеблющихся пламеннымъ краснорѣчіемъ, возбуждать умы, нападать на враговъ въ рѣчахъ, грохочущихъ громомъ и блещущихъ молніей. По словамъ Доффо, Саванаролу теперь призываетъ испытать себя одинъ францисканецъ, Франческо, изъ крестовой церкви. „Конечно, братъ Джироламо слишкомъ любитъ себя, чтобы идти въ огонь костра; но его оруженосецъ, вѣчно пьяный братъ Доменико—неизвѣстно, отъ вина или отъ блаженства хмѣлѣетъ онъ—самъ вызвался идти въ пламя вмѣсто Саванаролы. Послѣ продолжительныхъ колебаній, Синьорія согласилась на судъ божій... Итакъ готовится чудо, котораго ты добивался. Я надѣюсь, разумѣется, что не чудо поразитъ насъ, а просто обдастъ смрадъ и дымъ отъ сгорѣвшихъ рясъ. Но смерть этого вѣрнаго слуги Саванаролы будетъ въ то же время и рѣшеніемъ суда. Свершится, что ты предсказалъ. Всѣ старые друзья Флоренціи, той Флоренціи, которая смѣялась и любила, должны быть на площади, чтобы синьоры не откладывали борьбы съ обольщеніемъ лицемѣровъ“. Такъ писалъ Доффо Спини.

До сихъ поръ рѣдко заходила рѣчь о монахѣ. Джульяно ненавидѣлъ его; Еленѣ больно было вспоминать о немъ. Теперь же извѣстіе, сообщенное Доффо, развеселило Джульяно. Онъ рѣшилъ послѣдовать приглашенію друга: „Монаху будетъ предло-

жено испытаніе, воскликнулъ юноша:—все перемѣнится во Флоренціи... Если будетъ доказано, что Саванарола—шарлатанъ, бракъ твой, совершенный монахомъ, не дѣйствителенъ. Мы поѣдемъ въ Римъ и бросимся къ ногамъ святаго отца. Мужайся, Елена, снова показывается солнце!.. Чѣмъ безпокойнѣе городъ, тѣмъ безопаснѣе тебѣ здѣсь... Я каждый день буду присылать вѣсточку. Но въ то же время готовься къ отъѣзду". Онъ разстался съ нею почти беззаботно; а она отправила его въ путь, смѣясь сквозь слезы, съ увѣренностью, что онъ не только вернется во всемъ блескѣ красоты, но еще привезетъ чудесное средство противъ всякаго горя и безпокойства. Она уже не вѣрила, чтобы Богъ совершилъ чудо для Саванаролы.

Но прошли дни, прошли и недѣли. Свѣтлое настроеніе мало по малу замѣнилось скукой и тревогою. Вѣсти получались не добрыя. Городъ волновался.

1-го апрѣля, наконецъ, должно было совершиться испытаніе огнемъ: братъ Доменико и братъ Франческо пройдутъ черезъ костры; кто останется цѣлъ и невредимъ, того ученіе и будетъ признано истиннымъ и божественнымъ. Понятно, что въ такую суматоху некого было послать къ Еленѣ, и она страшно мучилась отъ неизвѣстности. Единственный ея собесѣдникъ, старый Джіованни, безпокоился также о своемъ господинѣ и бродилъ по дому, опустивъ голову и говоря только объ однихъ ужасахъ. Его рѣчи разжигали въ Еленѣ желаніе самой присутствовать въ городѣ. Любовь къ Джульяно, заботы о немъ, желаніе его видѣть влекло туда Елену, а ревность рисовала предъ нею образъ танцующей Лукреціи Торнабуони... Близился судъ божій, и въ Еленѣ просыпалась потребность въ утѣшеніяхъ со стороны церкви, потребность, такъ давно не удовлетворявшаяся; исповѣдью захотѣлось ей облегчить душевное бремя. Саванарола и издалека дѣйствовалъ на нее...

Послѣ безсонной ночи, Елена рѣшилась отправиться въ городъ. Ей не особенно трудно было склонить къ тому и стараго слугу: его въ конецъ истомили борьба съ разсудкомъ, чувствомъ долга, любопытствомъ и соблазномъ. Незамѣченные никѣмъ, Елена и Джіованни очутились среди толпы, на площади собора.

— Почему это не начинаютъ? Осталось всего два часа до полудня...—Какъ жарко... Смотрите, какъ бы намъ не пришлось ждать до вечерни!—насъ изжарятъ тутъ самихъ, пошутилъ какой-то острякъ:—монахамъ тамъ хорошо стоять въ залѣ, въ прохладной тѣни... Насъ надули.—Не издѣвайтесь, предостерегалъ кто-то: Богъ надъ нами. День покажетъ величіе Божіе.—Если бы я, по

крайности, могъ видѣть настоящіе костры, замѣтилъ какой-то горбунъ: я ушелъ бы тогда спокойно домой, а это какія-то кротовыя норы.—Да, прервалъ его смѣльчакъ, сидѣвшій у стола: въ прошломъ году не такая была пирамида въ день карнавала...—Я вижу хорошо оба костра: они въ человѣческій ростъ вышиной.—Сорокъ локтей, рѣшительно вставилъ какой-то старикъ:—сорокъ локтей, я не одну сотню разъ прошелъ отъ конца до конца.—Ну, а сегодня не попробуешь прогуляться?—Съ обѣихъ сторонъ наложили дрова и облили смолой, продолжалъ державшійся за столбъ:—славно горѣть будетъ!.. и проходъ только въ три фута; тутъ лисица обгоритъ, пробѣгая, не только человѣкъ...—Ого, вотъ Господь сотворилъ бы чудо!—Да еслибы они были увѣрены въ этомъ, чего бы имъ ждать, зажгли бы костеръ... а они боятся...обманъ и штуки все это!—Молчи, безбожникъ! воскликнулъ приверженецъ Саванаролы: какъ смѣешь ты обзывать пророка божьяго лжецомъ?—Не ты ли запретишь мнѣ говорить? Подойди ка сюда... и говорившій это поднялъ кулакъ, угрожая противнику.—Тише, унимали болѣе благоразумные:—подождите, вотъ дадутъ знакъ. Знакъ съ неба замѣтенъ! Вонъ черная туча... Право, какъ будто дождевая капла упала мнѣ на носъ...—Дождь, дождь!...

Однако, никто не уходилъ съ площади. Только нетерпѣніе росло, и гнѣвъ народа противъ медлившихъ монаховъ разыгрывался всѣ сильнѣе.—Почему самъ братъ нейдетъ въ огонь? Развѣ онъ не разсказывалъ про благочестивыхъ мужей, которые въ горѣвшей печи пѣли во славу Господа? И волосъ у нихъ на головѣ не пострадалъ... Это одна изъ сказокъ, что онъ намъ складывалъ.—Отважный полководецъ не шлетъ своихъ людей противу врага; онъ самъ идетъ впереди, я знаю это!—ударяя себя въ грудь, толковалъ кто-то:—я служилъ подъ начальствомъ Петра Каппони.—Братъ всегда говорилъ, что не слѣдуетъ испытывать Бога, оправдывалъ другой Саванаролу. Елена, стоявшая вблизи толковавшихъ, замѣтила, что этотъ приверженецъ высказывался какъ-то вяло, будто и самъ сомнѣвался уже.

И самой Еленѣ было досадно; она надѣялась увидѣть трагическое зрѣлище, а вышла какая-то комедія. Усталая, голодная, она теперь желала поскорѣе попасть домой.

— Что они тамъ все ходятъ взадъ да впередъ, въ чемъ дѣло? Дождь пересталъ; погода разгуливается... Они начали нѣть!—Что же они думаютъ, что мы ради ихъ визга да красныхъ крестовъ стоимъ здѣсь, что ли...?

— Что такое случилось? о чемъ говорятъ?—Скажите же, что случилось?—Братъ заворожилъ одѣяніе Доменико: оно не сгоритъ!

—Дурной знакъ, что онъ занялся такими дѣлами... развѣ не онъ появится на кострѣ?—Изъ-за чего столько шуму? развѣ не могутъ монахи выйти нагими?—Все это очень гадко: они смѣются надъ нами; мы останемся въ дуракахъ. Всѣ пророки, даже лжепророки совершали чудеса; если онъ не въ состояніи показать себя несгараемымъ, такъ пусть убирается отсюда! закричали въ толпѣ.—Поймите же! Доменико согласенъ только съ дарами идти въ огонь, съ тѣломъ Господа.. да это богохульство! А францисканцы не хотятъ. Бѣда за бѣдой.—Куда только заведетъ насъ этотъ Саванарола! Удивляюсь, какъ Богъ не послалъ на насъ сѣры и смолы! Его именемъ въ Содомѣ не дѣлалось того, что происходитъ теперь въ соборѣ!—Тебѣ заткнутъ глотку еще до вечера, возразилъ приверженецъ Саванаролы:—когда восторжествуетъ на зло вамъ всѣмъ красный крестъ!... Другіе смѣялись надъ говорившимъ и бранились. —Не бейте его, замѣтилъ одинъ:—вечеромъ, въ наказаніе, онъ долженъ будетъ выпить три кружки вина и сыграть въ кости...—Долой ханжей, да здравствуютъ вино и кости!—Не забудь и дѣвушекъ!..

Вдругъ вся толпа задвигалась...—Ну, смотрите, выходятъ!...—Не выдержали. На нихъ напали!—Слышите, какъ мечи зазвенѣли! слышался говоръ въ народѣ.—Вонъ Доффо Спини впереди идетъ! —А кто съ нимъ?—Съ черными волосами, въ голубой бархатной шапочкѣ? — Да! — Не знаю.—Въ день похоронъ Джакопо дель-Неро я видѣлъ его: это молодой Джульяно Альбицци. — Славный юноша, онъ не станетъ много церемониться со святошами!—Такъ все это идетъ въ жизни: деньги къ деньгамъ! У меня тетка въ домѣ Торнабуони, она мнѣ разсказывала: его хотятъ женить на Лукреціи.—А Альбицци любитъ дѣвушку?—Еще бы! она хороша и богата!—Толкуютъ про какую-то возлюбленную, тамъ у него въ виллѣ. Ее видали; говорятъ, лучше и нѣтъ женщины!—А по моему, и жену возьми, и любовницу удержи. Мы всѣ были молоды!.. Вѣрно!.. Да здравствуетъ молодость, если за ней и водятся грѣшки!

То краснѣла, то блѣднѣла Елена, слушая эти толки. И какую позорную роль играла въ нихъ она!.. Знаютъ ли они ее видали ли дѣйствительно, или это праздная болтовня, въ которой каждый прибавляетъ что нибудь отъ себя? Но что ей за дѣло до этого? Развѣ она боится встрѣчи съ мужемъ? Все готова перенести она, лишь бы услышать изъ дорогихъ устъ: „я люблю тебя!“ Въ эту минуту, дороже этихъ словъ для нея ничего не было.—Пойдемъ, тихо вымолвила она, обращаясь къ Джіовани.

И они ушли съ площади; но Елена страшно устала; глаза у

нея утомились отъ слезъ. Къ счастью, Джіованни вспомнилъ, что недалеко знакомый ему шинокъ. Сидя въ отдѣльной комнатѣ, Елена должна была и тутъ выслушать разспрашиванія любопытной хозяйки относительно предполагаемой свадьбы Джульяно съ Лукреціей.—Стремясь отомстить монаху за пролитую кровь, Неро и Торнабуони спѣшатъ породниться, замѣтила трактирщица.

Что перечувствовала Елена въ эти минуты! Точно ножами бороздили по ея сердцу. Ревность заговорила въ ней, вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилось и раскаяніе. Впервые она еще сознала всю грѣховность свою и не было подлѣ нея Джульяно, который разогналъ бы своимъ присутствіемъ эти сомнѣнія, заглушилъ бы ихъ своими ласками. Но неужели Джульяно въ состояніи бросить ее на такія муки? Ужели правду говорилъ монахъ, что Елену погубило дьявольское навожденіе? Нѣтъ, если Джульяно обманываетъ, такъ на свѣтѣ вовсе нѣтъ правды; не Богъ, а демонъ царитъ надъ міромъ. Но, быть можетъ, она сама слишкомъ преждевременно и безъ всякихъ основаній дѣлаетъ свои заключенія? Не онъ, народная молва—лжива. Глупая сплетня, переходя изъ устъ въ уста, пріобрѣла значеніе дѣйствительнаго факта. Да развѣ онъ самъ не разсказалъ ей прежде всѣхъ объ этомъ сватовствѣ? Теперь онъ недалеко, она сама можетъ все провѣрить; она довѣряетъ вполнѣ только ему, и никому больше. Какая съ ея стороны нелѣпая трусливость—плакать и ужасаться тутъ, когда можно прямо узнать правду!

Она поднялась съ рѣшительнымъ видомъ, намочила горячій лобъ холодной водой и отерла слѣды слезъ на глазахъ и щекахъ. Она позвала Джіованни и приказала ему вести ее въ домъ Неро.—Но тамъ тебя всѣ знаютъ, возразилъ смущенный старикъ: какой опасности ты можешь подвергнуться, если тебя замѣтитъ синьоръ Вархи!.. да онъ зарѣжетъ тебя или Джульяно! Елена сообразила, что надо быть осторожной ради Джульяно; чѣмъ бы все это ни кончилось, Джульяно долженъ остаться цѣлъ и невредимъ!

Все, казалось, противилось ея желанію. Сначала они шли безъ всякихъ препятствій; но затѣмъ у мостовъ имъ мѣшали громадныя толпы народа, почти не дававшія двигаться. Повсюду тѣснились кучами болтавшіе, споривніе. Обѣщанное чудо не совершилось. Народъ, собравшійся ради необычайнаго зрѣлища, обманулся. Саванарола стоялъ на томъ, чтобы его поборникъ, братъ Доменико, шелъ въ огонь вмѣстѣ съ дарами въ серебряномъ сосудѣ; францисканцы упорно отказывались отъ испытанія при такихъ условіяхъ. Всѣ осуждали Саванаролу; отовсюду слышали Елена и Джіованни голоса, обзывавшіе Саванаролу обман-

щикомъ и еретикомъ. Дьяволъ, до сихъ поръ поддерживавшій его, оставилъ его наконецъ, и онъ не стыдился прикрывать своего лганья щитомъ даровъ божіихъ. Даже приверженцы монаха гнѣвались на него за то, что онъ выставилъ такое преступное требованіе, и не защищали уже его съ непоколебимымъ мужествомъ и полнымъ довѣріемъ. Противники же прямо сбирались осадить монастырь Сан-Марко, захватить пріора и отправить его въ цѣпяхъ къ святому отцу въ Римъ.

На глазахъ Елены, въ настроеніи народа произошелъ крутой переворотъ. Ея надежды на личное счастье рушились, и одновременно перемѣнилась участь человѣка, управлявшаго людьми. Эти мысли незамѣтно успокоили Елену. Она согласилась на предложеніе Джіованни—переждать у Крестовой церкви, пока онъ узнаетъ, можно ли тайкомъ пробраться въ домъ Неро. У Джіованни нашлись знакомые, которые охотно дали пріютъ родственницѣ старика. По словамъ ея, господа съ утра ушли на площадь, со всѣми слугами, способными носить оружіе, и еще не вернулись. Увѣренія служанки, что господа въ этотъ вечеръ располагаютъ заняться не сватовствомъ, а совсѣмъ другими дѣлами —подѣйствовали успокоительно на Джіованни. Если онъ сообщитъ своему господину о прибытіи Елены и побудитъ его переговорить съ нею, вся исторія, такъ печально начавшаяся, кончится, быть можетъ, очень полезно для Джульяно.

Но въ залу мало по малу собралось блестящее общество, и трудно было подойти незамѣтно къ Джульяно. Въ этотъ вечеръ, въ этомъ кругу, Джульяно наслаждался жизнью въ полномъ смыслѣ. Всѣ видимо торжествовали, шумно радуясь паденію Савонаролы. Сколько униженій вытерпѣли изъ-за него патриціи города! Теперь былъ поводъ веселиться. Даже дѣвушки и женщины принимали участіе въ этомъ ликованіи, будто и онѣ стали дышать свободнѣе, такъ какъ спала тяжесть мрачнаго, суроваго монастырскаго воздержанія и умерщвленія плоти. Въ этой залѣ не было никого, кто не терялъ бы при сравненіи съ Джульяно: онъ выигрывалъ передъ всѣми и красотой, и веселостью, и живостью. Мужчины сочувственно прислушивались къ его рѣчамъ; женщины радовались и гордились, когда Джульяно заговаривалъ съ ними. Не обнаруживая особеннаго расположенія къ дѣвушкѣ но съ видимою охотою, обращался онъ къ Лукреціи, которая сидѣла возлѣ матери, смущенная и ракраснѣвшаяся. На галереѣ появились музыканты со скрипками и гобоями; раздались звуки, которые не слышались здѣсь со дня смерти Джакопо и Бернардо, и всѣ какъ будто пришли въ неописанный восторгъ. Со всѣхъ лѣстницъ, ко-

ридоровъ и галерей собрались слуги. Хозяинъ распорядился оставить открытымъ главный входъ, и мелкіе сосѣди не замедлили появиться на пиршествѣ, чтобы потѣшить себя блестящей и роскошной барской обстановкой и даровой выпивкой.

Въ залѣ уже собрался кругъ танцоровъ, когда Джульяно громогласно предложилъ возобновить порядокъ тѣхъ временъ, когда еще никакой монахъ не гналъ во Флоренціи красоту и праздничныя радости, и протанцовать на площадкѣ передъ домомъ, при факельномъ освѣщеніи, чтобы народъ видѣлъ, что по прежнему живутъ во Флоренціи самыя красивыя женщины изъ всей Италіи, и что самые ловкіе юноши—флорентійцы! Въ отвѣтъ ему восторженно зашумѣли всѣ присутствующіе, и слуги, и сосѣди. Джульяно изящно подалъ руку Лукреціи, впереди пошли музыканты, по сторонамъ слуги съ факелами, и всѣ торжественно двинулись изъ дому....

А на почтительномъ разстояніи отъ веселой процессіи, крадась вслѣдъ за нею та, на которую никто не взглянулъ, съ которой никто не бесѣдовалъ, которую каждый постарался бы не замѣтить, еслибы и узналъ; она направлялась за толпою молча, съ воспаленными глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ, пораженная, точно окаменѣвшая, точно подгоняемая впередъ невидимыми фуріями. Знакомая Джіованни вздумала порадовать родственницу его, проведя ее на удобное мѣстечко въ галереѣ, откуда можно было видѣть занимательное зрѣлище. И здѣсь, съ ужасающей отчетливостью, открылись передъ Еленой всѣ тяжелыя стороны ея настоящаго, вся безнадежность будущаго. Вотъ—міръ Джульяно, и она никогда не вступитъ туда. Пусть она стремится въ его объятья—онъ, еслибы и хотѣлъ, не можетъ прижать ее къ себѣ. Вся его обстановка, всѣ отношенія и планы сковываютъ его склонность къ Еленѣ. Да и любитъ ли еще онъ ее? Она станетъ даже счастливѣе, если онъ страстно полюбитъ эту Лукрецію. Если сердце Джульяно все еще борется, то Елена видитъ сама, какъ измѣнился онъ въ короткое время ихъ разлуки. Это—прежній веселый, побѣдоносный Джульяно, какимъ она его знала раньше; онъ не задумывается, не углубляется въ себя, не мѣняетъ капризно своего настроенія, какъ бывало съ Джульяно, когда онъ обрекъ себя на жизнь въ Валь-Омброзо. И, видя это, можетъ ли она еще сомнѣваться, что должна дѣлать? Ужели она станетъ до конца мучить его своею страстью? Согласна ли она ежечасно чи-
лицѣ его нѣмой упрекъ, обращенный къ ней, или она бу-
ать той минуты, когда онъ оттолкнетъ ее? Красота Джуль-
тура его противятся бурной страстности; мало по малу

станетъ ему въ тягость неизмѣнно пылкая любовь Елены. Она для него всѣмъ пожертвовала, она принесетъ и послѣднюю жертву. Да и не такъ трудно теперь исчезнуть, погрузиться въ забвеніе...

Черезъ два часа, когда пиръ кончился, Джіованни бросился къ ногамъ господина и со слезами разказалъ о случившемся: Елены не было тамъ, гдѣ онъ ее оставилъ, и слѣдъ ея потерянъ. Въ сердцѣ Джульяно поднялась борьба самыхъ противорѣчивыхъ чувствъ. Себя ему не въ чемъ было упрекать: невиновенъ онъ ни въ невѣрности относительно Елены, ни въ намѣреніи покинуть ее. Любовь ли, нерѣшительность ли руководила имъ въ этомъ случаѣ, но онъ признавалъ взаимныя отношенія ихъ неизмѣнившимися. Въ мечтахъ о свободѣ, славѣ и счастіи, онъ склонялся то къ одному, то къ другому рѣшенію; но и въ тѣ дни, когда въ городѣ, вдали отъ Елены и въ живомъ общеніи съ людьми, Джульяно чувствовалъ, отъ сколькихъ радостей и потребностей отрекся онъ, уединясь въ Валь-Омброзо и связавъ себя незаконными узами съ молодой женщиной,—онъ не совершилъ ничего дурнаго и недостойнаго; онъ предоставилъ все теченію обстоятельствъ, выжидая, къ какому берегу отнесетъ его.

И если теперь сама Елена, побуждаемая демономъ или ангеломъ, нашла исходъ изъ этого положенія, долженъ ли онъ стараться закрѣплять снова союзъ, который началъ разрушаться? Гдѣ искать ее теперь? Поднять шумъ, разослать слугъ—значило только повредить ей и себѣ, безъ пользы для дѣла. Самъ онъ не сидѣлъ дома, а бродилъ по всему городу; какъ будто разыскивая ее, а, на самомъ дѣлѣ, только удовлетворяя потребности въ движеніи, переходя отъ одного желанія къ другому въ борьбѣ съ сердцемъ и стремленіями...

А Елена, между тѣмъ, удалялась отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она поняла, какое возмездіе предстояло ей за преступленіе. Она шла по мосту; внизу плескалась вода. На мгновеніе Елена остановилась у перилъ, смотря на рѣку. Она выбирала исходъ... Но она знала лучшее убѣжище, гдѣ никого не отталкиваютъ. „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные“... Можетъ ли отвергнуть теперь ее, покинутую, тотъ, уже больше не святой, а грѣшникъ и мытарь?.. Его слезы смѣшаются съ ея собственными... Ее сбила съ пути земная любовь, его—небесная. Ни та, ни другая не совершили чудесъ.

Въ церкви Св. Марка горѣли еще свѣчи въ алтарѣ, а въ предѣлахъ свѣтились вѣчныя лампады передъ священными изображеніями.

Въ полумракѣ храма мелькали фигуры молящихся. Но Елена

ничего не слышала, не видѣла; она совсѣмъ выбилась изъ силъ. Ясною ей представлялась только мысль о матери: только она въ состояніи была освободить Елену отъ всѣхъ страданій. Монахъ, обходя церковь, засталъ молодую женщину въ глубокомъ забытьи. Онъ участливо положилъ ей подъ голову подушку и покрылъ ковромъ согласно ученію пріора, что милосердіе—первый шагъ къ небесному царству.

Красноватый свѣтъ утренней зари, пробившись сквозь боковое окно, разбудилъ Елену. Въ церкви было холодно; несчастную пробирала дрожь, и она плотнѣе закуталась въ покрывало. Мало по малу она пришла въ сознаніе, поняла, гдѣ она находилась, что̀ ее привело сюда... Сюда въ первый разъ пришла она съ матерью исповѣдываться, здѣсь она складывала свои, тогда еще невинныя, ручки для молитвы; здѣсь она просила милости божіей, отправляясь въ Валь-Омброзо, и здѣсь же теперь она—нераскаянная грѣшница... Всѣми помыслами стремится она не къ Богу, а къ.... Джульяно!... Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея измученной груди.

— Кто тутъ? раздался встревоженный голосъ.

Передъ алтаремъ появился монахъ, услыхавшій стоны Елены.

— Я, Елена Ридольфи, отвѣчала она и поспѣшила къ нему: ради матери моей, не отвергай заблудшей дочери!...

Необычайная мягкость и кротость засвѣтилась въ лицѣ Саванаролы. Онъ нѣжно положилъ руку на ея плечо.

— Ты входишь въ домъ скорбящаго, сказалъ онъ:—здѣсь не ищи спокойствія, но здѣсь нѣтъ отвергаемыхъ.

— Отецъ мой, я грѣшница, и Елена бросилась къ ногамъ монаха:—я умоляю о помилованіи, жажду спасенія!

— Я не спрашиваю тебя, утѣшалъ ее Саванарола,—чего ты хочешь. Милосердіе Божіе не оскудѣваетъ къ тѣмъ, кто искренно обращается къ Господу. Будь покорна жребію, опредѣленному тебѣ Богомъ. Онъ одинъ только знаетъ, чего тебѣ надо. Всѣ человѣческія умствованія—заблужденія... Гдѣ искать истины?... И онъ взглянулъ на церковныя окна: поднималось солнце; стекла блистали разноцвѣтными огнями; взглядъ Саванаролы былъ полонъ укора, горечи и безнадежности. Казалось, монахъ хотѣлъ сказать этому роскошному свѣту: „и ты призракъ, а не истина“.

Вскорѣ Саванарола предоставилъ Елену обществу женщинъ, часто собиравшихся къ монаху за совѣтами и утѣшеніями. Самъ Саванарола отправился къ братіи, куда его призывалъ долгъ, и внутренній голосъ непрестанно твердилъ ему о предстоящихъ страшныхъ минутахъ. Онъ не хотѣлъ смущать монаховъ своими

предсказаніями, но предчувствіе не обманывало его: скоро должно было начаться его мученичество.

Цѣлое утро подозрительно волновались заговорщики близъ монастыря, составляя планы захватить фанатика. Отказавшись отъ испытанія огнемъ, доминиканцы ободряли враговъ Саванаролы. Они требовали отъ Синьоріи ареста монаха и настаивали на томъ, чтобы занять монастырь, въ случаѣ неисполненія ихъ желанія. Еслибы раздался самый призывъ, массы двинулись бы охотно. Около полудня разнесся слухъ, что монахи ночью спрятали въ монастырь Сан-Марко разное оружіе, не только мечи и копья, но винтовки и бомбы; что Франческо Валори дѣлалъ смотръ своимъ отрядамъ, и что вечеромъ онъ нападетъ на городъ и истребитъ враговъ Саванаролы. Всѣ толковали, что нужно предупредить это.

Уже слышались крики: „въ Сан-Марко!“ а самые пылкіе изъ гражданъ выносили топоры и ножи изъ домовъ и шумѣли на улицахъ. Всѣ площади переполнились народомъ. Доффо-Спини и его друзья переходили изъ одного шинка въ другой и платили за все, что̀ выпивали сукноваляльщики, красильщики и носильщики. Особенно горячился Леонардо Вархи. Онъ поносилъ монаха, какъ самаго низкаго обманщика и совратителя женщинъ. Бѣды, постигшія Леонардо, лишили разсудокъ его равновѣсія. Куда ни появлялся онъ, къ нему стекалось множество слушателей. Помахивая своею длинною шпагою, онъ клялся, что пронзитъ ею лживое сердце монаха. Иные его сожалѣли, другіе подсмѣивались надъ нимъ; но, въ большинствѣ случаевъ, въ толпѣ загоралась кровожадность отъ его безумныхъ рѣчей. Отъ того ли, что при видѣ Леонардо вспомнили о таинственномъ исчезновеніи его жены, или, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь изъ женщинъ, побывавшихъ въ монастырѣ, узналъ Елену — только изъ устъ въ уста переходили толки о томъ, что Елена — въ монастырѣ. Монахи долго держали ее въ заточеніи, для чего? конечно, никто не могъ сказать. Народное настроеніе измѣнилось настолько, что монаху приписывали все дурное и безчестное, между тѣмъ какъ раньше въ Саванаролѣ находили всѣ добродѣтели.

Сильно забилось сердце Джульяно, когда и до него дошла вѣсть объ этомъ. Въ то время какъ другіе сомнѣвались, Джульяно былъ увѣренъ въ правдивости сообщенія. Онъ подумалъ, что осада монастыря рѣшитъ и собственную его судьбу, но не зналъ, чему онъ долженъ радоваться и чего опасаться.

Народная ярость безъ удержу разлилась по городу. Чуть гдѣ показывались монахи, на нихъ нападала толпа. Какой-то мужчина

спокойно шелъ своей дорогой и распѣвалъ псалмы. Его признали за близкаго друга Савонаролы, окружили и, когда онъ попробовалъ сопротивляться, убили. Другой, обнаружившій сочувствіе къ нему—подвергся той-же участи. Пролилась невинная кровь, и всѣ, кто помогалъ этому, всѣ, кто былъ свидѣтелемъ этой сцены, сдѣлались дикими звѣрями. „Ломать ворота! Бейте стѣны! Жечь! Пусть монастырь обратится въ карнавальный костеръ!“ кричали въ толпѣ. Проповѣди самого Савонаролы и картины адскихъ мукъ, которыми угрожали приверженцы монаха всѣмъ врагамъ его, уже давно возбуждали эти грубыя массы къ жестокостямъ и кровавымъ сценамъ Сжиганіе предметовъ роскоши напоминало неудавшееся испытаніе огнемъ, и теперь толпа не остановилась бы ни передъ какимъ преступленіемъ. Градомъ камней разбивала она церковныя окна и наводила ужасъ на молившихся. Ярость толпы только возрасла, когда крѣпкія ворота монастыря не поддались ея напору, а у зубцовъ зданія и на крышѣ показались монахи, съ шлемами на головахъ, въ панцыряхъ сверхъ бѣлыхъ рясъ, готовые къ защитѣ монастыря. Новый натискъ выломалъ ворота, и, какъ демоны дантовской преисподней, ринулись въ монастырь первые ряды нападавшихъ, съ криками: „бить и жечь.“ Но внутри загорѣлась упорная борьба. Монахи дрались за себя и за Савонаролу. Оставшіеся на площади съ ужасомъ прислушивались къ бряцанью мечей, къ залпамъ винтовокъ, къ стонамъ раненыхъ и умирающихъ. Окровавленные, нападающіе монастыря отступили, оттѣсняемые защитниками. И, будто въ насмѣшку надъ нападавшими, раздалось въ церкви пѣніе монаховъ: „Господи, защити народъ свой, и будь къ намъ милостивъ.“

— Трусы, вы бѣжите! обратился Леонардо къ толпѣ:—вы боитесь монаховъ, какъ стадо овецъ — злой собаки? Или вамъ все еще страшенъ этотъ колдунъ? Впередъ, за мной! Видите вы этотъ волшебный жезлъ?—и онъ потрясъ надъ головой своей шпагой: съ его помощью мы уничтожимъ сразу всѣ чары лжепророка! Впередъ! Онъ самъ выучилъ насъ пѣть: „всегда — безуменъ, безуменъ...“ Не всѣ могли разобрать, что говорилъ Леонардо; но послѣднія слова, пропѣтыя пронзительнымъ голосомъ, нашли отзывъ въ толпѣ: ихъ стали повторять на разные тоны; составился отвратительный концертъ. Что было годъ тому назадъ гимномъ, сдѣлалось пошлой уличной пѣсней, что еще недавно побуждало къ покаянію, теперь толкало къ пролитію крови. Бушевавшая толпа опять бросилась на монастырь.

Когда началось волненіе, Джульяно былъ на площади. Всѣ шумѣли—онъ оставался спокоенъ; всѣ поднимали мечи, направ-

ляли копья — онъ не коснулся до своей шпаги. Другіе знатные граждане подстрекали массу къ борьбѣ, не принимая въ ней участія — Джульяно не хотѣлъ такъ поступать. Паденіе ненавистнаго монаха ему представлялась неизбѣжнымъ, но онъ не хотѣлъ пачкать рукъ въ крови. Его смущала мысль о томъ, какъ онъ встрѣтится въ монастырѣ съ Еленой. Долженъ ли онъ въ виду многотысячной толпы, въ виду ея мужа отвести Елену къ себѣ? Быть можетъ, для нихъ обоихъ лучше всего было бы никогда больше не видѣться... И, однако, забота о ней не покидала его; онъ не въ силахъ оставить ее безъ защиты... И когда онъ замѣтилъ, что Леонардо, какъ обезумѣвшій, двинулся въ монастырь, ведя за собою разсвирѣпѣвшій народъ, — Джульяно поспѣшилъ за ними, стараясь пробиться впередъ. Монахи горячо бились во дворѣ монастыря; но защитники Савонаролы невольно отступили передъ множествомъ враговъ. У самой церкви, наплывъ толпы на мгновеніе остановился: слишкомъ торжественная картина представилась ей. Въ главномъ алтарѣ, посреди четырехъ серебряныхъ подсвѣчниковъ, гдѣ горѣло въ каждомъ по шести восковыхъ свѣчей, въ ризѣ, съ дароносицей и крестомъ въ рукахъ, стоялъ Савонарола. Вокругъ него, на ступеняхъ, склонились женщины, не желавшія покинуть его, и монахи, по просьбѣ Савонаролы, не прибѣгшіе къ оружію. Вдругъ церковные своды задрожали отъ выстрѣла, и исчезло все, что сдерживало движеніе нападавшихъ и сковывало ихъ злобу: какой-то молодой монахъ пустилъ съ каѳедры пулю въ толпу и радостно воскликнулъ, поразивъ свою жертву: „Господь Богъ мой! Тебя восхвалимъ мы!“ Яростные крики служили отвѣтомъ на это. Впереди всѣхъ, съ дикими зывываньями, какъ бѣсноватый, Леонардо торопился приблизиться къ алтарю. „Тебя ищу я, служитель Ваала!“ кричалъ онъ. И Савонарола подошелъ къ нему, распростирая руки: „Ты меня ищешь?“ Но прежде чѣмъ шпага Леонардо достигла груди Савонаролы, между ними поднялась женщина со ступеней, гдѣ она стояла на колѣняхъ, блѣдная, какъ мертвецъ, съ распущенными волосами, съ глазами, которые, казалось, говорили, что она уже не отъ міра сего... „А, его любовница! Иди же въ адъ!“ закричалъ Леонардо и пронзилъ ее шпагою. „Онъ убилъ свою жену!“ съ содроганіемъ сказалъ кто-то изъ сопровождавшихъ Леонардо... Монахи опять столпились вокругъ, но вторымъ выстрѣломъ съ каѳедры былъ убитъ Леонардо. Смерть предводителя поразила суевѣрную толпу, какъ будто самъ Богъ покаралъ его ужасный поступокъ... Нападавшіе постепенно отступали... Монахи увели Савонаролу во внутреннюю

часть монастыря. Все это случилось такъ быстро... И уже церковь опустѣла. Только умиравшіе, раненые и ушибленные лежали въ ней, и стоны раздавались въ храмѣ. Старый монахъ ходилъ между ними, съ крестомъ въ одной рукѣ, съ кружкой воды—въ другой, и шепталъ молитвы. А на ступеняхъ алтаря, у трупа Елены, сидѣлъ Джульяно. Онъ видѣлъ, какъ она внезапно поднялась со ступеней и какъ блеснула шпага Леонардо; но ихъ раздѣляла толпа. Джульяно не пришлось спасти Елену. Онъ склонился надъ трупомъ погибшей красавицы... Въ глубокой задумчивости надъ загадкой жизни застали его, спустя нѣкоторое время, Доффо Спини съ друзьями, со смѣхомъ и ликованіемъ вошедшіе въ церковь.

— Это онъ, клянусь Бахусомъ! Въ камень, что ли, превратился онъ... Джульяно, ты слышишь? Побѣда, радость! Великій драконъ палъ! Его потащили связаннымъ!

— Кого? спросилъ Джульяно.

— Саванаролу! Синьорія, наконецъ, рѣшилась остановить кровопролитіе и потребовала отъ монаховъ выдачи виновника смутъ. Солдаты увели его и брата Доменико въ тюрьму,—объяснили Джульяно.

— Въ ту самую тюрьму, замѣтилъ кто-то,—гдѣ сидѣлъ ты и и гдѣ умеръ Джакопо дель-Неро. Отмщеніе всегда осуществляется на землѣ.

— Да, всегда! подтвердилъ беззвучно Джульяно, еще не придя въ себя:—умретъ и онъ!

— На кострѣ, какъ еретикъ! Непремѣнно!

— Но кто это? Доффо пробрался къ Джульяно и увидѣлъ трупъ Елены.

Горькая, скорбная усмѣшка появилась на лицѣ Джульяно... Это трупъ самой красивой женщины во Флоренціи—это Елена Варки.

Молча прошли побѣдители по церкви, мимо умиравшихъ, которымъ монахъ смачивалъ воспаленныя губы водою и тихо читалъ отходную.

Когда они вышли, Доффо сказалъ:

— Еслибы мы знали, чѣмъ все кончится въ жизни, страшно было бы рождаться на свѣтъ! Но, Джульяно, завтра вѣдь еще въ нашихъ рукахъ!..

Черезъ мѣсяцъ, 23 мая 1498 года, Саванарола, объявленный еретикомъ папою Александромъ VI Борджіа, былъ сожженъ во Флоренціи, на Соборной площади, вмѣстѣ съ двумя доминиканцами, и пепелъ ихъ брошенъ въ Арно. Зато другой папа, Бенедиктъ XIV, причислилъ Савонаролу къ святымъ.

Конецъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Вѣчные вопросы.—Въ чемъ состоитъ задача искусства?—Должно ли оно быть пріятнымъ, или полезнымъ?—Аристофанъ и греческіе трагики.—Корнель и Мольеръ.—Разница во взглядахъ на искусство въ XVII вѣкѣ.—Искусство, какъ цѣль и средство.—Воспитательное значеніе театра.—Философскій театръ Вольтера.—Государственный театръ Дидро по запискѣ, поданной Екатеринѣ II.—Формула: „искусство для искусства".—Кузенъ и Викторъ Гюго.—Теофиль Готье и Дюма-сынъ.—Шиллеръ и Гете.—Искусство съ философской точки зрѣнія.—Мысль и форма.—Теорія искусства въ примѣненіи къ порокамъ и преступленіямъ.—Безнравственность и цинизмъ.—Нашъ взглядъ на искусство.—Англійскіе романы.—Послѣднія произведенія Поля Бурже и Жака Рони.—Западъ, изучающій Россію.—Эпизодъ изъ русской исторіи и разсказъ изъ русскаго крестьянскаго быта.

Въ наукахъ, имѣющихъ предметомъ изученіе жизненныхъ явленій во всѣхъ ихъ многообразныхъ видахъ, — кромѣ вопросовъ, неразрѣшимыхъ въ сферѣ соціальныхъ отношеній человѣка и названныхъ великимъ нѣмецкимъ поэтомъ «проклятыми»—существуютъ еще вопросы, которые разрѣшаются каждымъ вѣкомъ по своему и которые поэтому можно назвать «вѣчными». Объ нихъ, повидимому, все высказано въ данную эпоху, представленъ самый подробный, блестящій анализъ, сдѣланы самые категорическіе, неопровержимые выводы, принятые всѣми современниками,—и вдругъ слѣдующее поколѣніе снова возвращается къ установившемуся уже положенію, находитъ въ немъ стороны, подверженныя сомнѣнію, требующія пересмотра, и нерѣдко перерѣшаетъ его въ духѣ, діаметрально противоположномъ взглядамъ прежняго поколѣнія. Такъ, печальное положеніе современнаго искусства во Франціи возбудило вопросъ, уже давно сданный въ архивы эстетики и литературы, послѣ того какъ объ немъ были написаны цѣлые томы: искусство—простая ли забава, то возвышенная, то фривольная, но значеніе которой, во всякомъ случаѣ, опредѣляется ея индиферентнымъ отношеніемъ къ практическимъ результатамъ, или, напротивъ, искусство не можетъ достигнуть совершенства, если не примѣняется къ какой нибудь великой цѣли, достиженіе которой дорого художнику? Второе изъ этихъ по-

ложеній защищаютъ люди серьезные: но напрасно думаютъ, что и теорія «искусства для искусства» имѣетъ своими защитниками только самихъ художниковъ, эстетиковъ и поэтовъ. Напротивъ, самые строгіе мыслители и философы доказывали не то, что искусство должно имѣть полезную цѣль, но то, что оно должно быть само себѣ цѣлью. Припомнимъ выдающіяся мнѣнія древнихъ и новыхъ писателей по этому предмету.

Аристофанъ, осмѣивавшій Эврипида, былъ высокаго мнѣнія о другихъ поэтахъ. Онъ заставляетъ (въ своихъ «Лягушкахъ») Эсхила высказывать такія сужденія: «Поэтъ долженъ быть для взрослыхъ тѣмъ же, чѣмъ учитель для дѣтей: онъ не долженъ говорить ничего, кромѣ полезнаго. Я написалъ трагедію, внушавшую моимъ согражданамъ мужество—«Семь вождей передъ Оивами»; въ другой трагедіи, «Персы», я училъ ихъ побѣждать; Орфей внушалъ имъ ужасъ къ убійству; Гезіодъ училъ земледѣлію; Гомеръ,—воинскому искусству и храбрости. По образцамъ Гомера, я представилъ на сценѣ Патрокла и Тевкра съ львинымъ сердцемъ. Но, конечно, я не выводилъ на сцену безстыдныхъ Федръ и даже не знаю, представилъ ли когда нибудь влюбленную женщину». Корнель, котораго французы считаютъ, хотя и совершенно напрасно, послѣдователемъ Эсхила, говоритъ, напротивъ, положительно, что цѣль драматической поэзіи—нравиться, и поэтъ долженъ заботиться прежде всего о томъ, чтобы быть пріятнымъ. Авторъ «Сида», получивъ упрекъ академіи, что въ этой трагедіи онъ удалился отъ цѣли поэзіи — приносить пользу, ссылается на Горація и Аристотеля, признававшихъ цѣлью поэзіи—развлеченіе. «Въ «Піитикѣ» греческаго философа, дѣйствительно, ничего не говорится о пользѣ поэзіи, но Горацій сказалъ положительно:

„Omne tulit punctum qui miscuit utile dulci,
Lectorem delectando, pariterque monendo",—

поэтому Корнель разрѣшаетъ поэту быть вмѣстѣ пріятнымъ и полезнымъ. Но правила поэзіи предписываютъ заботиться только о первомъ свойствѣ, считая второе—придаточнымъ, хотя и увеличивающимъ значеніе произведенія. Полезнымъ элементомъ въ поэзіи Корнель считаетъ: нравственныя размышленія и сентенціи, изображеніе порока въ такомъ видѣ, чтобы онъ отталкивалъ, а добродѣтели—такъ, чтобы она привлекала; въ наградѣ добрыхъ и наказаніи дурныхъ дѣлъ; наконецъ—въ возвышеніи и очищеніи страстей чувствомъ состраданія. Мольеръ, создавая свои безсмертные типы, не заботится о поученіи человѣчества, а только осмѣиваетъ его пороки и слабости. Только въ предисловіи къ «Тартюфу», защищаясь отъ обвиненій въ оскорбленіи религіи, писатель говоритъ: «если цѣль комедіи обличать и карать пороки, то почему же изъ нихъ должно быть исключено—лицемѣріе?» Но въ пьесахъ Корнеля и Мольера все таки много поучительныхъ монологовъ, наставительныхъ сентенцій. Изъ четырехъ великихъ поэтовъ XVII вѣка, Расинъ является писателемъ, чуждымъ дидактиче-

скихъ тенденцій, только въ первыхъ своихъ произведеніяхъ. Въ «Береникѣ» онъ хочетъ не только «нравиться, но и трогать»; въ «Федрѣ», онъ уже прямо хочетъ поучать, а въ «Эсѳири» и «Гоѳоліи» подчиняетъ поэзію «священнымъ интересамъ религіознаго воспитанія». У Лафонтена, даже въ его басняхъ, правоученіе не играетъ преобладающей роли, и онъ равнодушно относится къ урокамъ, вытекающимъ изъ его разсказовъ. Буало, не бывши ни оригинальнымъ мыслителемъ, ни даровитымъ поэтомъ, ставитъ высоко поучительное значеніе поэзіи, въ то время какъ настоящій поэтъ Малербъ говоритъ, что «государству хорошій поэтъ приноситъ столько же пользы, какъ хорошій игрокъ въ кегли.» Но все таки XVII вѣкъ былъ по преимуществу вѣкомъ чистаго искусства. Паскаль и Фенелонъ много философствовали, но заботились только о прекрасномъ и истинномъ. Даже тѣ, кого называли моралистами, какъ Лабрюйеръ и Ларошфуко, были собственно психологами: они изучали, описывали и старались объяснить человѣка, но не поучали его, не выставляли идеала, какимъ онъ долженъ быть, не проповѣдывали никакого политическаго или соціальнаго ученія. Это былъ вѣкъ поэзіи и искусства, какъ XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ прозы и дѣйствія. Онъ важенъ въ искусствѣ, какъ орудіе цивилизаціи, прогресса, и дѣйствовалъ имъ смѣло и рѣшительно. Вольтеръ говорилъ, что трагедія должна замѣнить проповѣдь. Только по его теоріи поэзія должна уничтожить церковную мораль, а не возвращаться къ дидактическимъ мистеріямъ среднихъ вѣковъ, носившимъ названіе «moralités» (даже фарсы той эпохи назывались полезными, proufitables.) Да и въ эпоху возрожденія трагедіи писались съ поучительной цѣлью и къ названіямъ ихъ всегда прибавлялся пояснительный заголовокъ: «трагедія, въ которой видны печальныя послѣдствія гордости и неповиновенія» или: «заключающая въ себѣ наставленія, какъ сдѣлаться благоразумнымъ.» Впрочемъ, даже въ своихъ выходкахъ противъ господствующихъ идей Вольтеръ не говорилъ ничего новаго. Когда въ его «Эдипѣ» Іокаста успокоивала царя тѣмъ, что первосвященникъ могъ ошибиться въ своемъ пророчествѣ и произносила стихи, возбуждавшіе громъ рукоплесканій:

Nos prêtres ne sont point ce qu'n vain peuple pense:
Notre crédulité fait toute leur science,—

публика, примѣнявшая эти стихи къ современному положенію вещей, конечно, не знала, что въ греческой трагедіи то же лицо говоритъ: «оставь свое безпокойство, ни одинъ смертный не можетъ предсказать будущаго,» а у Софокла даже хоръ повторяетъ: «никакой пророкъ не можетъ знать больше, чѣмъ всѣ другіе люди.» Вольтеръ былъ однако не только философомъ, но и поэтомъ. Его «Заира», воспитанная въ гаремѣ, высказываетъ правда, очень свободныя религіозныя убѣжденія, говоря:

J'eusse été près du Gange esclave des faux dieux,
Chrétienne dans Paris, musulmane en ces lieux,—

Кто первый употребилъ формулу: «искусство для искусства»? Викторъ Гюго, въ предисловіи къ своей книгѣ «Вильямъ Шекспиръ» говоритъ положительно, что въ 1829 году онъ высказалъ эту формулу при разборѣ трагедій Вольтера. Между тѣмъ, вотъ что говорилъ Викторъ Кузенъ еще въ 1818 году: «Искусство,—утверждалъ молодой профессоръ философіи,—не должно служить ни религіи, ни нравственности, точно также, какъ не должно служить ни пріятному, ни полезному. Доброе и святое не могутъ отожествляться съ полезнымъ и прекраснымъ, точно также, какъ прекрасное не должно вести ни къ полезному, ни къ доброму, ни къ святому; оно должно вести только къ прекрасному. Религія существуетъ для религіи, нравственность для нравственности, искусство для искусства». Гюго былъ всегда проповѣдникомъ искусства серьезнаго и полезнаго. Не только въ предисловіяхъ къ своимъ драмамъ онъ признавалъ за театромъ воспитательное значеніе, называлъ его «мѣстомъ поученій»,—въ своихъ «Одахъ», изданныхъ въ 1822 году, онъ говоритъ, что принялъ эту форму для своихъ произведеній, потому что въ ней «первые поэты передавали свои вдохновенія первымъ народамъ». Двадцатилѣтній поэтъ заявилъ претензію быть Орфеемъ! Въ 1864 году онъ говорилъ: «искусство для искусства прекрасно, но искусство для прогресса еще прекраснѣе. Полезное не съуживаетъ границы высокаго, а расширяетъ ихъ; лучъ солнца не дѣлается менѣе прекраснымъ оттого, что онъ помогаетъ зерну развиваться въ колосъ, наливаться гроздьямъ винограда. Амфоры, отказывающіяся утолить жажду путника, сходятъ въ разрядъ простыхъ горшковъ.» Ученикъ Гюго, Теофиль Готье, былъ, напротивъ, рьянымъ поклонникомъ искусства для искусства, хотя и утверждалъ, что прекрасное нисколько не необходимо въ жизни: «еслибы на землѣ вдругъ исчезли цвѣты, никто не пострадалъ бы отъ этого матеріально. Я, однако, скорѣе откажусь отъ картофеля, чѣмъ отъ розъ. Но истинно-прекрасно только то, что ровно ни къ чему не служитъ. Полезное всегда некрасиво. Самое полезное въ домѣ — это извѣстное мѣсто».

Александръ Дюма-сынъ—самый ревностный апостолъ полезнаго искусства, въ то время какъ критикъ его, Франциск Сарсе, считаетъ ребячествомъ дѣлать изъ театра мѣсто поученій. «Слава для славы была бы жалкой спекуляціей, говоритъ Дюма:—если умственный трудъ не самая благородная изо всѣхъ профессій, то онъ дѣлается самымъ постыднымъ ремесломъ. Если театръ не служитъ великимъ соціальнымъ реформамъ и благороднымъ стремленіямъ человѣчества, онъ дѣлается пристанищемъ скоморохов, выставкой паяцовъ и проститутокъ. Смѣяться надъ людьми безъ желанія исправить ихъ—жестоко и низко. Театръ—не цѣль, онъ только средство. Литература, не имѣющая въ виду усовершенствованія человѣка, морализующаго начала, идеала, полезнаго—вредная, мертворожденная литература». Но самъ же Дюма, когда министръ второй имперіи,

Леонъ Фоше, назначилъ годовую премію въ 5000 франковъ за лучшую пьесу, которая служила бы «поученіемъ трудящемуся классу для распространенія здравыхъ идей и хорошихъ примѣровъ», назвалъ этотъ конкурсъ нелѣпымъ и писалъ по этому поводу: «развѣ дѣло театра заботиться о развитіи трудящихся классовъ? Развѣ дѣло государства управлять дарованіемъ за подачку нѣсколькихъ тысячъ франковъ? И какая же пьеса получила бы награду на такомъ конкурсѣ: «Тартюфъ», «Федра», «Гамлетъ», или «Свадьба Фигаро»? Назначьте двѣсти, триста тысячъ, но не за самую нравственную, а просто за лучшую пьесу, потому что истинно—прекрасное никогда не бываетъ не нравственно». Все это доказываетъ, какъ шатки у французскихъ писателей понятія о цѣли искусства. Сентъ-Бёвъ видѣлъ въ немъ не цѣль, а средство. Эдмондъ Шереръ предлагалъ замѣнить неточное выраженіе «искусство для искусства»—«искусствомъ для прекраснаго», какъ будто высшее искусство не то же прекрасное. Для Флобера чистое искусство было религіей, а объ искусствѣ полезномъ онъ отзывался съ презрѣніемъ.

Для Шиллера вопросъ объ искусствѣ заключался въ томъ, отвѣчаетъ ли исполненіе существу предмета, выбраннаго художникомъ? Гёте утверждалъ, что разногласія въ понятіяхъ о прекрасномъ происходятъ отъ того, что его не всѣ понимаютъ одинаково, и предлагалъ судить о произведеніяхъ искусства съ точки зрѣнія близости ихъ къ правдѣ. «Истинная поэзія, говорилъ онъ, не имѣетъ дидактическихъ цѣлей. Если предметъ ея можетъ произвести нравственное впечатлѣніе, оно выскажется само собою, хотя бы поэтъ имѣлъ въ виду создать только художественную вещь». Вопросъ о моральной полезности искусства былъ еще болѣе запутанъ философами, установившими рѣзкое различіе между прекраснымъ и полезнымъ. Гегель, обсуждая теорію искусства, ставящую ему цѣлью—развитіе человѣка и его нравственное совершенствованіе, говоритъ: «Конечно, искусство никогда не имѣетъ цѣлью безнравственность, но оно не должно стремиться и къ произведенію нравственнаго впечатлѣнія». Кантъ говоритъ еще положительнѣе, что искусство должно быть чуждо всякимъ интересамъ, всякой полезности, должно быть вполнѣ индиферентно. Послѣдній выводъ нѣмецкой и французской философіи заключается въ томъ, что между прекраснымъ и полезнымъ вовсе нѣтъ такого рѣзкаго различія, какое кажется съ перваго взгляда. Это же утверждалъ и Платонъ, и даже Сократъ, по свидѣтельству Ксенофонта. Конечно, это мнѣніе только большинства философовъ, между которыми всегда найдутся и отщепенцы въ родѣ пессимиста Шопенгауера, видящаго въ искусствѣ только иллюзію, помогающую людямъ забывать на время свои страданія.

Искусство для искусства низводитъ эстетическое впечатлѣніе къ чисто созерцательному удовольствію безъ всякаго вліянія на нравственную дѣятельную жизнь, а между тѣмъ въ искусствѣ есть сила, стремящаяся

произвести тѣ же дѣйствія, какія оно выражаетъ. Истинно художественное произведеніе должно возбудить сильное ощущеніе, нравственное чувство и возвышенныя идеи. У искусства одна цѣль — прекрасное, но свои матеріалы, то есть идеи, факты, предметы чувства, которымъ оно даетъ форму, искусство беретъ изъ окружающаго міра, и эстетическое достоинство ихъ тѣмъ выше, чѣмъ больше въ нихъ нравственнаго элемента. Форма хороша только тогда, когда она что нибудь выражаетъ, и говорить въ наше время, что можно довольствоваться ею одною, значитъ раздѣлять заблужденіе школы «декадентовъ», о которой мы недавно упоминали. Форма не можетъ быть безъ мысли, точно также, какъ мысли, чтобы воплотиться, должны облечься въ форму; онѣ нераздѣльны между собою, какъ духъ съ тѣломъ. Простоту содержанія иногда принимаютъ за его отсутствіе, но чѣмъ сложнѣе содержаніе, тѣмъ труднѣе удовлетворить требованію прекраснаго. Творцу Милосской Венеры достаточно было создать одну эту статую, чтобы достигнуть безсмертія. Чѣмъ пріобрѣлъ неувядаемую славу Рафаэль? — изображеніемъ матери съ ребенкомъ на рукахъ. И въ наше время пишутъ мадоннъ, но при отсутствіи въ художникѣ чувства, одушевлявшаго Рафаэля, современныя мадонны чаще всего только смазливыя кормилицы. Голыхъ женщинъ выставляютъ сотнями во всѣхъ видахъ, но что же это, какъ не простая порнографія, хотя и прикрываемая эстетическими и другими цѣлями? Объ одномъ изъ такихъ изображеній говоритъ поэтъ:

Если ты хочешь понравиться разомъ ханжамъ и распутнымъ,
Голыхъ красавицъ рисуй, только рисуй ихъ—въ аду.

Въ литературѣ изображеніе пороковъ, преступленій, безнравственности можетъ имѣть нравственную цѣль. Гёте говоритъ, что въ Байронѣ его величіе и смѣлость содѣйствуютъ нашему развитію. Жанъ-Поль находитъ, что преступникъ привлекаетъ насъ тѣми сторонами своего характера, которыя приближаются къ добродѣтели: храбростью, твердостью въ исполненіи своего замысла. Поступки, противные нравственности, часто происходятъ отъ уваженія къ ней: месть можетъ быть возбуждена любовью къ справедливости, зависть — желаніемъ сравняться заслугами съ выдающейся личностью, гнѣвъ—негодованіемъ противъ несправедливости. Въ Донъ-Жуанѣ привлекаетъ его рыцарская храбрость; въ злодѣяхъ шекспировскихъ драмъ—умъ и неустрашимость, въ атеистѣ-поэтѣ Лукреціи—величіе его души; въ распутныхъ герояхъ Мюссе—упреки ихъ совѣсти и благородный характеръ. Даже въ порокахъ и преступленіяхъ, какъ говоритъ поэтъ, человѣкъ все таки—падшій богъ, вспоминающій о небесахъ, — «l'homme c'est un Dieu tombé qui se souvient des cieux». Необходимо, чтобы искусство пользовалось всѣмъ для достиженія своей цѣли. Оно должно быть, по выраженію Шекспира, зеркаломъ, въ которомъ отражаются всѣ стороны добродѣтели, но и все безобразіе порока,—все, что только су-

ществуетъ въ природѣ. Безнравственность состоитъ въ предпочтеніи зла, добру но природа индиферентна къ добру и злу, и вотъ почему искусство, даже въ фотографическомъ изображеніи природы, никогда не будетъ безнравственно, если только оно истинно. Не слѣдуетъ смѣшивать цинизма съ безнравственностью: первый — только форма выраженія, второе—сущность его. Цинизмъ—избытокъ откровенности и рѣзкости въ изображеніи реальнаго. Рабелэ въ XVI вѣкѣ, какъ Золя въ XIX-мъ—циники, но не безнравственны. Всѣ великіе писатели, начиная съ древнихъ, всегда пренебрегали условными приличіями, чопорностью свѣтскаго языка и называли вещи своими именами. Шиллеръ даже говоритъ прямо: «истинный геній всегда неприличенъ, и только испорченность строго прилична».

Представивъ сжатый очеркъ спора, продолжавшагося столько вѣковъ и наполнившаго столько томовъ, мы должны однако признать, что и теорія «искусства для искусства» способствовала признанію двухъ великихъ истинъ: полной свободы искусства и капитальнаго значенія формы. Послѣдняя такъ важна въ литературныхъ произведеніяхъ, что искупаетъ часто бѣдность идеи, тогда какъ и свѣтлая идея, но плохо выраженная, не производетъ впечатлѣнія на большинство, судящее больше всего по наружности. Въ критической, какъ и въ эстетической оцѣнкѣ преобладаетъ, прежде всего, личное, индивидуальное сужденіе. Философія говоритъ, что мы видимъ всю вселенную не такою, какъ она существуетъ, а какою мы себѣ представляемъ ее. Еще александрійскій мистикъ Плотинъ говорилъ: «если ты не находишь въ самомъ себѣ прекраснаго, поступай, какъ художникъ, который, для того чтобы сдѣлать свою статую совершенною, безпрестанно очищаетъ, поправляетъ, полируетъ ее. Никогда глазъ нашъ не увидѣлъ бы солнца, еслибы не принялъ его форму. Такъ и душа, если не сдѣлается прекрасною, никогда не увидитъ красоты». Въ нашихъ очеркахъ иностранной литературы мы обращали преимущественно вниманіе на произведенія, выдающіяся если не содержаніемъ, то эстетическою формою. Той же системы держится и «Наблюдатель» въ выборѣ романовъ и разсказовъ, съ которыми знакомитъ своихъ читателей, и если романы эти не всегда отвѣчаютъ строгимъ требованіямъ искусства —вину въ этомъ слѣдуетъ отнести къ упадку современной беллетристики. Приходится по временамъ выбирать не изъ лучшаго, а изъ менѣе слабаго. Это заставляетъ по временамъ обращаться къ менѣе извѣстнымъ литературамъ. Такъ, журналъ далъ въ этомъ году образцы литературы венгерской и скандинавской. Нѣмецкая до того измельчала въ послѣднее время, что изъ нея можно заимствовать только небольшіе разсказы. Послѣднія произведенія Шпильгагена, Дана, Эберса значительно слабѣе ихъ

ыхъ романовъ. Англійская литература привлекаетъ интересомъ содержа-

и въ ней неутомимая мистрисъ Броддонъ остается на первомъ планѣ.

Послѣдній романъ ея, «Стелла Больвудъ», замѣчательный по развитію характеровъ, не удовлетворяетъ читателя фантастичностью развязки, основанной на фокусахъ спиритизма; но у даровитой писательницы есть еще два замѣчательныхъ романа: историческій—«Under the red flag» и изъ общественной жизни—«One of the couts», съ которыми читатели «Наблюдателя» ознакомятся въ будущемъ году, также какъ съ послѣднимъ разсказомъ Бретъ Гарта и новой повѣстью Уйда. Что же касается до литературы французской, то здѣсь выборъ несравненно затруднительнѣе, по причинѣ крайняго реализма послѣднихъ романовъ. Въ «Наблюдателѣ», они, конечно, являются очищенными отъ всѣхъ рѣзкостей, непріятныхъ для русскаго человѣка и нисколько не шокирующихъ французовъ, но, тѣмъ не менѣе, журналъ нашъ охотнѣе остановился бы на болѣе симпатичныхъ явленіяхъ—еслибы они были. Въ нашихъ очеркахъ, намъ приходилось не разъ говорить о модномъ романистѣ Полѣ Бурже, пользующемся большою извѣстностью въ послѣднее время. Мы отдали отчетъ о его первыхъ романахъ, но ждали чего нибудь болѣе выдающагося, чтобы познакомить съ нимъ читателей «Наблюдателя», которые вскорѣ прочтутъ его новый романъ «Les mensonges», основанный на печальномъ, хотя фантастическомъ явленіи современной жизни. Героиня романа любитъ, въ одно время троихъ, и находитъ оправданіе этому странному чувству, которое можно назвать какъ угодно, только не любовью. По психологическому или—скорѣе—патологическому анализу, романъ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, хотя авторъ, написавшій также книгу объ эстетикѣ, считаетъ себя столько же философомъ, какъ и романистомъ, и потому наполнилъ свою книгу отвлеченными и туманно парадоксальными разсужденіями, которыя, конечно, будутъ отброшены въ переводѣ. У другаго писателя, также пользующагося большою извѣстностью, Жака Рони, о которомъ мы также говорили, мы возьмемъ три очерка изъ его новой книги «L'immolation», въ которыхъ изображены французскіе крестьяне съ неменьшею правдою и силою, чѣмъ у Золя въ его «Землѣ». Въ портфелѣ редакціи имѣются также: романъ Жюля Клареси «Милліонъ» и нѣсколько небольшихъ разсказовъ Монасана, Мендеса и другихъ молодыхъ писателей; повѣсть Шнееганса, переводы съ польскаго, испанскаго и пр.

Обозрѣвая дѣятельность литературы въ нынѣшнемъ году, нельзя не отмѣтить въ ней выдающагося явленія: стремленія всѣхъ цивилизованныхъ странъ и народовъ ознакомиться съ Россіей и ея передовыми писателями и дѣятелями. Не въ одной Франціи обнаружилось это движеніе, хотя въ ней оно достигаетъ высшихъ предѣловъ. Кромѣ переводовъ нашихъ беллетристовъ, въ Германіи изучаютъ историческія и современныя стороны нашего быта и управленія. Въ Англіи переводятъ больше сочиненія нашихъ эмигрантовъ-нигилистовъ: Крапоткина, Тихомирова, Степняка—чтобы доказать, что Россія не опасна для англичанъ. Славянскія

и скандинавскія племена наперерывъ переводятъ нашихъ романистовъ. Удовлетворяя современному требованію, французы наводняютъ книжный рынокъ очерками изъ русской жизни. Сбытъ на немъ имѣетъ теперь преимущественно только то, что касается Россіи. Этимъ, къ сожалѣнію, пользуются нѣкоторые книжные гешефтмахеры и поставляютъ на рынокъ товаръ съ русской, хотя бы и поддѣльной фирмой. Въ прошломъ нашемъ очеркѣ мы говорили о Захеръ-Мазохѣ, писателѣ несомнѣнно даровитомъ, но еврейская натура котораго сказалась и въ его писательствѣ. Близко зная быть польскихъ и галицкихъ жидовъ, онъ захотѣлъ прослыть и знатокомъ русской жизни. До нея больше всего падки французы, и вотъ онъ началъ писать объ ней и на французскомъ языкѣ, владѣя имъ, если не въ совершенствѣ, то вполнѣ литературно. Уже самый переходъ къ чужому языку отъ своего родного нѣмецкаго языка, на которомъ писатель достигъ извѣстности, не говоритъ въ пользу Захеръ-Мазоха, а тутъ еще и самое содержаніе его французско-русскихъ очерковъ доказываетъ ихъ спекулятивную цѣль. Интересуетъ теперь иностранную печать вопросъ: откуда явились на Руси нигилисты?—и у Захеръ-Мазоха является будто бы серьозное историческое изслѣдованіе подъ названіемъ «Первый нигилистъ Чоглоковъ» (Le premier nihiliste Tchoglokoff). Не указывая источниковъ своего изслѣдованія, авторъ говоритъ, что первое тайное общество въ Россіи, революціоннаго характера, было общество «Безъименныхъ» (Les Bézimennyi). Оно возникло при Петрѣ III, какъ чисто національная реакція противъ увлеченія императора нѣмецкими порядками и стремленіемъ его водворить ихъ въ Россіи. Цѣль тайнаго общества состояла въ возвращеніи къ прежнему народному устройству Россіи. Центръ общества былъ въ Петербургѣ, но развѣтвленія его шли по всему государству. Въ общество принимали послѣ тяжелаго испытанія и принесенія страшной клятвы. Члены избирались изо всѣхъ сословій. О существованіи общества знало правительство, но не могло выслѣдить заговорщиковъ. Между ними были графъ Панинъ, братья Орловы, княгиня Дашкова. Она возбуждала честолюбивую Екатерину дѣйствовать противъ Петра III. «Безъименные» склонили солдатъ къ возстанію, захватили императора въ Ораніенбаумѣ, были свидѣтелями его кончины въ Ропшѣ. Екатерина наградила ихъ, но не послѣдовала ихъ политической программѣ въ управленіи государствомъ. Она обратилась все таки къ Западу, а не къ Востоку. Реформы ея восхищали Вольтера, Дидро, но не Безъименныхъ, желавшихъ вернуть Россію къ допетровскимъ временамъ. Между членами тайнаго общества: чиновниками, учеными, врачами, преобладающую роль игралъ поручикъ Чоглоковъ. Порядочно образованный, онъ составилъ записку о положеніи Россіи и о необходимости измѣненія правительственной системы. Императрица нашла записку подъ подушкой салоннаго дивана. Но видя, что Екатерина не обратила никакого вниманія на предъявленныя ей требованія,

Чоглоковъ рѣшился покуситься на жизнь государыни, получивъ, можетъ быть, приказаніе отъ тайнаго общества. Однажды, когда полкъ его былъ въ караулѣ во дворцѣ, а самъ Чоглоковъ дежурилъ во внутреннихъ комнатахъ, онъ проникнулъ въ кабинетъ императрицы съ обнаженною шпагою. Екатерина читала книгу и успѣла позвать къ себѣ на помощь. Поручика схватили, судили негласно, пытали и казнили. Онъ не назвалъ никого изъ своихъ сообщниковъ. Любопытно, откуда почерпнулъ Захеръ-Мазохъ эту странную романическую исторію и въ какой мѣрѣ она согласна съ дѣйствительностью? Въ исторіи Екатерины II, написанной профессоромъ Брикнеромъ и изданной А. Суворинымъ, нѣтъ объ ней ни слова, но между тѣмъ Чоглоковъ несомнѣнно жилъ въ ту эпоху и его имя встрѣчается въ запискахъ современниковъ Екатерины II. Нашимъ историкамъ слѣдовало бы справиться объ этомъ разсказѣ. Все ли въ немъ вымышленно, или случилось что нибудь подобное? Если Чоглокова судили, то должны быть слѣды хоть приговора и его исполненія.

Тотъ же писатель сочинилъ русскую исторію изъ крестьянской жизни, подъ названіемъ «Назарьюшка» (Nazariouschka, histoire russe). Содержаніе разсказа не сложно. Десятилѣтній крестьянскій мальчикъ спасаетъ своихъ товарищей отъ медвѣдя. Въ то время, когда дѣти катаются въ санкахъ у опушки лѣса, изъ чащи выходитъ огромный звѣрь, сбирающійся броситься на нихъ.—Я васъ спасу, дѣти мои, хотя бы мнѣ это стоило жизни! кричитъ герой Назарьюшка и, бросаясь на медвѣдя, вонзаетъ ему въ сердце ножъ, но самъ погибаетъ, сдавленный когтями умирающаго звѣря. Не говоря уже о неправдоподобіи такой неравной борьбы и такого геройства въ маленькомъ мальчикѣ, Назарьюшка вовсе и не русскій мальчикъ и во всей этой исторіи нѣтъ ни одной черты русскаго крестьянства. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Боротинѣ; отца мальчика зовутъ Бранка, кормилицу его—Заставна, самъ Назарьюшка, мальчикъ изъ хора (enfant de choeur), прислуживаетъ въ церкви въ своей красной робѣ, кадитъ и звонитъ въ колокольчикъ; надпись на могилѣ «Назаринъ Бранка изъ Боротина» приглашаетъ прохожихъ прочесть надъ ней четыре раза «Pater» (Отче нашъ). Не ясно ли, что дѣло идетъ о католическомъ селѣ и ребенкѣ. Для чего же понадобилось Захеръ-Мазоху называть эту исторію русскою? А для того, чтобы приподнести русскимъ слѣдующій комплиментъ въ заключительныхъ строкахъ разсказа: «и откуда происходитъ въ русскомъ народѣ этотъ героизмъ, это чувство долга, этотъ спартанскій характеръ. Никакой Ликургъ не диктовалъ ему своихъ законовъ. Читая Плутарха, ученики даютъ клятву подражать подвигамъ Леонида или Горація Коклеса; но этотъ простой народъ обыкновенно не умѣетъ ни читать, ни писать. Откуда же онъ учится героизму? кто ему служитъ примѣромъ? Окружающая ли его природа, или вѣчная борьба со стихіями даютъ ему печальное убѣжденіе, что жизнь состоитъ не изъ ра-

достей. Ни одинъ изъ нихъ не боится смотрѣть прямо въ глаза бѣдѣ. Чтобы страдать и жертвовать собою, у нихъ больше храбрости, чѣмъ у любаго завоевателя. Наконецъ, для нихъ нѣтъ загадки тамъ надъ звѣздами». Все это прекрасно и, можетъ быть, примѣнимо къ русскому народу, но не вправѣ ли любой ксёндзъ, указавъ на этотъ разсказъ, вывести изъ него нравоученіе, что и это мужество, и это самопожертвованіе, и теплая вѣра въ надзвѣздную жизнь дается даже дѣтямъ этого народа только потому, что они въ красныхъ робахъ кадятъ и звонятъ передъ патерами, служащими мессу по обрядамъ католической церкви?...

В. З.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Правительственный кризисъ и его причины.—Процессъ д'Андло-Каффарель; дѣло о подлогѣ писемъ Вильсона.—Стачка министровъ; президентскій кризисъ.—Народное волненіе и уличныя манифестаціи въ Парижѣ.

Парижъ, $\frac{24 \text{ ноября}}{6 \text{ декабря}}$

Говорятъ, что современная Франція дольше 18—20 лѣтъ не можетъ выносить ни одного политическаго режима. Въ подтвержденіе этого указываютъ на реставрацію, Іюльскую монархію, вторую имперію. Основываясь на этомъ, монархисты были увѣрены, что третьей республикѣ предстоитъ та же участь, и съ нетерпѣніемъ ждали наступленія критическаго момента въ ея исторіи, напередъ предвкушая прелесть возвращенія къ дорогимъ для нихъ старымъ порядкамъ. Этотъ моментъ наступилъ наконецъ и наступилъ нѣсколько раньше, чѣмъ они думали. За послѣднее время, Франція пережила одинъ изъ тѣхъ глубокихъ правительственныхъ кризисовъ, какіе въ состояніи разрѣшаться благополучно только въ странѣ, гдѣ существующій порядокъ вещей пустилъ уже глубокіе корни и пользуется сильными симпатіями массы населенія. Въ какія нибудь двѣ, три недѣли полиція и министерство дискредитированы; авторитетъ власти судебной—сильно расшатанъ; самъ глава государства, недавно еще пользовавшійся общимъ почетомъ, долженъ былъ выйти въ отставку. Повидимому, всѣ устои были расшатаны до послѣдней степени, и въ странѣ начиналось уже то тревожное броженіе умовъ, которое служитъ обыкновенно предвѣстникомъ сильныхъ общественныхъ пертурбацій. Парижъ уже стоялъ наканунѣ уличныхъ безпорядковъ и правительство принимало энергичныя мѣры, чтобы подавить взрывъ народныхъ страстей въ самомъ началѣ и обезпечить побѣду за правомъ и легальностью. Многочисленные противники республики были въ восторгѣ и съ своей стороны всячески содѣйствовали постоянно возраставшей смутѣ умовъ. Но ихъ самообманъ продолжался недолго. Они скоро убѣдились, что вся эта агитація, весь этотъ кризисъ, не смотря на его глубину, былъ вызванъ недовольствомъ не существующимъ строемъ, а только нѣкоторыми, сравнительно неважными его сторонами. Стоило правящимъ сферамъ республиканской партіи прислушаться нѣсколько къ голосу общественнаго мнѣнія и, сдѣлавъ надъ собой нѣкоторое усиліе,

чтобы забыть свои личные счеты и интересы, исполнить его требованія— и все сейчасъ же вошло въ обычную колею, а отъ пережитаго кризиса осталось одно тяжелое воспоминаніе, да пріятное сознаніе счастливо избѣгнутой ужасной катастрофы.

Главной причиной кризиса считаютъ дѣло д'Андло-Каффареля и послѣдовавшую вслѣдъ за нимъ исторію Вильсона, которая и вызвала всю дальнѣйшую неурядицу. Колоссальный скандалъ двухъ генераловъ и зятя президента республики дѣйствительно послужилъ исходной точкой этого кризиса; но его основная причина нѣсколько глубже и серьезнѣе, она— въ самыхъ нравахъ здѣшнихъ правящихъ сферъ, которыя и при республикѣ не считаютъ нужнымъ отказываться отъ развившагося при прежнихъ режимахъ фаворитизма при раздачѣ мѣстъ, наградъ и тому подобныхъ правительственныхъ милостей, и отъ злоупотребленія своимъ вліятельнымъ положеніемъ, своими связями, какъ ради личныхъ выгодъ, такъ и ради выгоды своихъ ближнихъ. Въ странѣ, которая уже сотни лѣтъ неудержимо стремится къ возможно полному равенству,—которая ставитъ это равенство выше всего и ради него пережила уже нѣсколько революцій,—такое нарушеніе правъ одного въ пользу другаго неизбѣжно должно было вызвать дальнѣйшее и притомъ общее недовольство, которое ждало только какого нибудь толчка, удобнаго случая, чтобы прорваться наружу. Дѣло д'Андло-Каффареля, и особенно Вильсона, и сыграли роль этого толчка, той искорки, отъ которой взлетаютъ на воздухъ цѣлыя цитадели. Пикантной стороной всей этой печальной исторіи послужило вотъ что. Есть много основаній думать, что дѣлу Каффареля придали такую огласку на первыхъ порахъ, подняли около него такой шумъ главнымъ образомъ враги Буланже, въ томъ числѣ и Вильсонъ, и подняли только затѣмъ, чтобы утопить въ немъ популярность генерала. Буланжисты, въ отвѣтъ на это, начали походъ противъ Вильсона, какъ противъ человѣка, который велъ свои дѣла и шире, и безцеремоннѣе другихъ, и противъ котораго можно было собрать больше доказательствъ. Но Буланже вышелъ изъ этой исторіи цѣлъ и невредимъ, а Вильсонъ не только полетѣлъ самъ въ ту яму, которую онъ вмѣстѣ съ пріятелями усердно копалъ для другаго, но увлекъ въ нее за собой и своего тестя, который пользовался у французовъ большимъ почетомъ и честность котораго до сихъ поръ еще остается для нихъ внѣ сомнѣнія. Вильсонъ никогда не пользовался особенными симпатіями ни въ обществѣ, ни въ правящихъ сферахъ. Парижане считали его пройдохой, человѣкомъ высокомѣрнымъ, который ловко пользуется родствомъ съ президентомъ республики и своимъ исключительнымъ положеніемъ для обдѣлыванія личныхъ дѣлишекъ. По городу про него давно уже ходили слухи очень непріятнаго свойства: говорили, что онъ спекулируетъ на биржѣ, пользуясь свѣжими политическими новостями своего тестя и ведетъ темныя дѣла съ людьми репутаціи больше, чѣмъ сомнительной. Въ парламентскихъ сферахъ, его очень недолюбливали, какъ алчнаго интригана, который для наживы не стѣсняется эксплуатировать свое исключительное положеніе. Тамъ, разумѣется, давно уже знали объ его подвигахъ и знали гораздо больше, чѣмъ было извѣстно публикѣ; но оставляли въ покоѣ, отчасти изъ уваженія къ его тестю, отчасти потому, что онъ въ этомъ отношеніи не былъ особенно рѣзкимъ исключеніемъ. Въ печать уже не разъ проникали слухи, даже болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія объ его взяточничествѣ и злоупотребленіяхъ своимъ вліяніемъ для личной

но въ этой же трагедіи, отецъ Заиры, узнавъ, что его дочь—мусульманка, высказываетъ глубокое отчаяніе и самыя патетическія христіанскія чувства. Только «Магометъ» написанъ прямо съ цѣлью философской пропаганды. Вообще Вольтеръ считалъ театръ великою школою для народа. Въ предисловіи къ «Альзирѣ» онъ говоритъ: «мы живемъ въ такое время, когда поэтъ долженъ быть философомъ» и объясняетъ, какъ онъ понимаетъ христіанство: «исполнять обряды, а не исполнять обязанности человѣка, молиться и предаваться порокамъ, поститься и ненавидѣть, клеветать, преслѣдовать—развѣ это значитъ быть религіознымъ? Настоящій христіанинъ видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, дѣлаетъ имъ добро и прощаетъ зло. Первымъ качествомъ мыслящаго человѣка должна быть гуманность, и я держался ея во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ; въ нихъ выражается желаніе счастія людямъ, отвращеніе отъ несправедливости и насилія. Это одно извлечетъ мои труды изъ забвенія, котораго они заслуживаютъ за свои недостатки.» Эти слова, высказанныя просто и откровенно, лучше всего характеризуютъ Вольтера. Дидро, въ недавно найденной въ Петербургѣ запискѣ, поданной Екатеринѣ II, не только поддерживаетъ тезисъ о пользѣ искусства и о философскомъ театрѣ, но развиваетъ мысль о необходимости для государя давать имъ направленіе. «Надобно, чтобы государь—говоритъ Дидро—держалъ у себя подъ рукою священника и писателя, въ особенности драматическаго. Оба эти проповѣдника должны: одинъ—не говорить того, чего не хочетъ государь, другой—говорить то, что онъ хочетъ. Необходимо, чтобы трагическій поэтъ проповѣдывалъ о національныхъ добродѣтеляхъ, комическій—осмѣивалъ національные недостатки. Люди поучаются не въ уединеніи, не скучными офиціальными произведеніями. Никто не читаетъ философскихъ сочиненій Вольтера, но цитаты «Магомета,» «Заиры,» «Альзиры» знаетъ всякій. Если ваше величество дадите сюжетъ поэмы вашему плохому (mediocre) Сумарокову, можетъ быть, онъ и напишетъ что нибудь порядочное. Если же нѣтъ—найдется другой, болѣе талантливый. Прежде чѣмъ издать какой нибудь законъ, можно указать со сцены на его пользу и выгоды. Нѣтъ такого постановленія, для котораго нельзя бы найти историческаго сюжета или придумать вымышленнаго».

Руссо говоритъ, что театръ долженъ поучать и воспитывать народъ. Противники возражали ему, что театръ—самъ по себѣ, а мораль—сама по себѣ и что не слѣдуетъ ихъ ставить въ тѣсную зависимость другъ отъ друга. Альфіери говорилъ въ концѣ XVIII вѣка: «люди должны научаться въ театрѣ—быть свободными, энергичными, мужественными, великодушными, энтузіастами добра, ненавистниками насилія, любить свое отечество, знать свои права.» Наполеонъ въ началѣ нашего вѣка хотѣлъ поручить Корнелю, еслибы онъ жилъ при немъ—управленіе любой изъ провинцій. Искусство дѣлалось, такимъ образомъ, орудіемъ правительства.

Кто первый употребилъ формулу: «искусство для искусства»? Викторъ Гюго, въ предисловіи къ своей книгѣ «Вильямъ Шекспиръ» говоритъ положительно, что въ 1829 году онъ высказалъ эту формулу при разборѣ трагедій Вольтера. Между тѣмъ, вотъ что говорилъ Викторъ Кузенъ еще въ 1818 году: «Искусство,—утверждалъ молодой профессоръ философіи,—не должно служить ни религіи, ни нравственности, точно также, какъ не должно служить ни пріятному, ни полезному. Доброе и святое не могутъ отожествляться съ полезнымъ и прекраснымъ, точно также, какъ прекрасное не должно вести ни къ полезному, ни къ доброму, ни къ святому; оно должно вести только къ прекрасному. Религія существуетъ для религіи, нравственность для нравственности, искусство для искусства». Гюго былъ всегда проповѣдникомъ искусства серьезнаго и полезнаго. Не только въ предисловіяхъ къ своимъ драмамъ онъ признавалъ за театромъ воспитательное значеніе, называлъ его «мѣстомъ поученій»,—въ своихъ «Одахъ», изданныхъ въ 1822 году, онъ говоритъ, что принялъ эту форму для своихъ произведеній, потому что въ ней «первые поэты передавали свои вдохновенія первымъ народамъ». Двадцатилѣтній поэтъ заявилъ претензію быть Орфеемъ! Въ 1864 году онъ говорилъ: «искусство для искусства прекрасно, но искусство для прогресса еще прекраснѣе. Полезное не съуживаетъ границы высокаго, а расширяетъ ихъ; лучъ солнца не дѣлается менѣе прекраснымъ оттого, что онъ помогаетъ зерну развиваться въ колосъ, наливаться гроздьямъ винограда. Амфоры, отказывающіяся утолить жажду путника, сходятъ въ разрядъ простыхъ горшковъ.» Ученикъ Гюго, Теофиль Готье, былъ, напротивъ, рьянымъ поклонникомъ искусства для искусства, хотя и утверждалъ, что прекрасное нисколько не необходимо въ жизни: «еслибы на землѣ вдругъ исчезли цвѣты, никто не пострадалъ бы отъ этого матеріально. Я, однако, скорѣе откажусь отъ картофеля, чѣмъ отъ розъ. Но истинно-прекрасно только то, что ровно ни къ чему не служитъ. Полезное всегда некрасиво. Самое полезное въ домѣ — это извѣстное мѣсто».

Александръ Дюма-сынъ—самый ревностный апостолъ полезнаго искусства, въ то время какъ критикъ его, Франциск Сарсе, считаетъ ребячествомъ дѣлать изъ театра мѣсто поученій. «Слава для славы была бы жалкой спекуляціей, говоритъ Дюма:—если умственный трудъ не самая благородная изо всѣхъ профессій, то онъ дѣлается самымъ постыднымъ ремесломъ. Если театръ не служитъ великимъ соціальнымъ реформамъ и благороднымъ стремленіямъ человѣчества, онъ дѣлается пристанищемъ скомороховъ, выставкой паяцовъ и проститутокъ. Смѣяться надъ людьми безъ желанія исправить ихъ—жестоко и низко. Театръ—не цѣль, онъ только средство. Литература, не имѣющая въ виду усовершенствованія человѣка, морализующаго начала, идеала, полезнаго—вредная, мертворожденная литература». Но самъ же Дюма, когда министръ второй имперіи,

Леонъ Фоше, назначилъ годовую премію въ 5000 франковъ за лучшую пьесу, которая служила бы «поученіемъ трудящемуся классу для распространенія здравыхъ идей и хорошихъ примѣровъ», назвалъ этотъ конкурсъ нелѣпымъ и писалъ по этому поводу: «развѣ дѣло театра заботиться о развитіи трудящихся классовъ? Развѣ дѣло государства управлять дарованіемъ за подачку нѣсколькихъ тысячъ франковъ? И какая же пьеса получила бы награду на такомъ конкурсѣ: «Тартюфъ», «Федра», «Гамлетъ», или «Свадьба Фигаро»? Назначьте двѣсти, триста тысячъ, но не за самую нравственную, а просто за лучшую пьесу, потому что истинно—прекрасное никогда не бываетъ не нравственно». Все это доказываетъ, какъ шатки у французскихъ писателей понятія о цѣли искусства. Сентъ-Бёвъ видѣлъ въ немъ не цѣль, а средство. Эдмондъ Шереръ предлагалъ замѣнить неточное выраженіе «искусство для искусства»—«искусствомъ для прекраснаго», какъ будто высшее искусство не то же прекрасное. Для Флобера чистое искусство было религіей, а объ искусствѣ полезномъ онъ отзывался съ презрѣніемъ.

Для Шиллера вопросъ объ искусствѣ заключался въ томъ, отвѣчаетъ ли исполненіе существу предмета, выбраннаго художникомъ? Гёте утверждалъ, что разногласія въ понятіяхъ о прекрасномъ происходятъ отъ того, что его не всѣ понимаютъ одинаково, и предлагалъ судить о произведеніяхъ искусства съ точки зрѣнія близости ихъ къ правдѣ. «Истинная поэзія, говорилъ онъ, не имѣетъ дидактическихъ цѣлей. Если предметъ ея можетъ произвести нравственное впечатлѣніе, оно выскажется само собою, хотя бы поэтъ имѣлъ въ виду создать только художественную вещь». Вопросъ о моральной полезности искусства былъ еще болѣе запутанъ философами, установившими рѣзкое различіе между прекраснымъ и полезнымъ. Гегель, обсуждая теорію искусства, ставящую ему цѣлью—развитіе человѣка и его нравственное совершенствованіе, говоритъ: «Конечно, искусство никогда не имѣетъ цѣлью безнравственность, но оно не должно стремиться и къ произведенію нравственнаго впечатлѣнія». Кантъ говоритъ еще положительнѣе, что искусство должно быть чуждо всякимъ интересамъ, всякой полезности, должно быть вполнѣ индиферентно. Послѣдній выводъ нѣмецкой и французской философіи заключается въ томъ, что между прекраснымъ и полезнымъ вовсе нѣтъ такого рѣзкаго различія, какое кажется съ перваго взгляда. Это же утверждалъ и Платонъ, и даже Сократъ, по свидѣтельству Ксенофонта. Конечно, это мнѣніе только большинства философовъ, между которыми всегда найдутся и отщепенцы въ родѣ пессимиста Шопенгауера, видящаго въ искусствѣ только иллюзію, помогающую людямъ забывать на время свои страданія.

Искусство для искусства низводитъ эстетическое впечатлѣніе къ чисто созерцательному удовольствію безъ всякаго вліянія на нравственную и дѣятельную жизнь, а между тѣмъ въ искусствѣ есть сила, стремящаяся

произвести тѣ же дѣйствія, какія оно выражаетъ. Истинно художественное произведеніе должно возбудить сильное ощущеніе, нравственное чувство и возвышенныя идеи. У искусства одна цѣль — прекрасное, но свои матеріалы, то есть идеи, факты, предметы чувства, которымъ оно даетъ форму, искусство беретъ изъ окружающаго міра, и эстетическое достоинство ихъ тѣмъ выше, чѣмъ больше въ нихъ нравственнаго элемента. Форма хороша только тогда, когда она что нибудь выражаетъ, и говорить въ наше время, что можно довольствоваться ею одною, значитъ раздѣлять заблужденіе школы «декадентовъ», о которой мы недавно упоминали. Форма не можетъ быть безъ мысли, точно также, какъ мысли, чтобы воплотиться, должны облечься въ форму; онѣ нераздѣльны между собою, какъ духъ съ тѣломъ. Простоту содержанія иногда принимаютъ за его отсутствіе, но чѣмъ сложнѣе содержаніе, тѣмъ труднѣе удовлетворить требованію прекраснаго. Творцу Милосской Венеры достаточно было создать одну эту статую, чтобы достигнуть безсмертія. Чѣмъ пріобрѣлъ неувядаемую славу Рафаэль? — изображеніемъ матери съ ребенкомъ на рукахъ. И въ наше время пишутъ мадоннъ, но при отсутствіи въ художникѣ чувства, одушевлявшаго Рафаэля, современныя мадонны чаще всего только смазливыя кормилицы. Голыхъ женщинъ выставляютъ сотнями во всѣхъ видахъ, но что же это, какъ не простая порнографія, хотя и прикрываемая эстетическими и другими цѣлями? Объ одномъ изъ такихъ изображеній говоритъ поэтъ:

Если ты хочешь понравиться разомъ ханжамъ и распутнымъ,
Голыхъ красавицъ рисуй, только рисуй ихъ—въ аду.

Въ литературѣ изображеніе пороковъ, преступленій, безнравственности можетъ имѣть нравственную цѣль. Гёте говоритъ, что въ Байронѣ его величіе и смѣлость содѣйствуютъ нашему развитію. Жанъ-Поль находитъ, что преступникъ привлекаетъ насъ тѣми сторонами своего характера, которыя приближаются къ добродѣтели: храбростью, твердостью въ исполненіи своего замысла. Поступки, противные нравственности, часто происходятъ отъ уваженія къ ней: месть можетъ быть возбуждена любовью къ справедливости, зависть — желаніемъ сравняться заслугами съ выдающейся личностью, гнѣвъ—негодованіемъ противъ несправедливости. Въ Донъ-Жуанѣ привлекаетъ его рыцарская храбрость; въ злодѣяхъ шекспировскихъ драмъ—умъ и неустрашимость, въ атеистѣ-поэтѣ Лукреціи—величіе его души; въ распутныхъ герояхъ Мюссе—упреки ихъ совѣсти и благородный характеръ. Даже въ порокахъ и преступленіяхъ, какъ говоритъ поэтъ, человѣкъ все таки—падшій богъ, вспоминающій о небесахъ, — «l'homme c'est un Dieu tombé qui se souvient des cieux». Необходимо, чтобы искусство пользовалось всѣмъ для достиженія своей цѣли. Оно должно быть, по выраженію Шекспира, зеркаломъ, въ которомъ отражаются всѣ стороны добродѣтели, но и все безобразіе порока,—все, что только су-

Послѣдній романъ ея, «Стелла Больвудъ», замѣчательный по развитію характеровъ, не удовлетворяетъ читателя фантастичностью развязки, основанной на фокусахъ спиритизма; но у даровитой писательницы есть еще два замѣчательныхъ романа: историческій—«Under the red flag» и изъ общественной жизни—«One of the couts», съ которыми читатели «Наблюдателя» ознакомятся въ будущемъ году, также какъ съ послѣднимъ разсказомъ Бретъ Гарта и новой повѣстью Уйда. Что же касается до литературы французской, то здѣсь выборъ несравненно затруднительнѣе, по причинѣ крайняго реализма послѣднихъ романовъ. Въ «Наблюдателѣ», они, конечно, являются очищенными отъ всѣхъ рѣзкостей, непріятныхъ для русскаго человѣка и нисколько не шокирующихъ французовъ, но, тѣмъ не менѣе, журналъ нашъ охотнѣе остановился бы на болѣе симпатичныхъ явленіяхъ—еслибы они были. Въ нашихъ очеркахъ, намъ приходилось не разъ говорить о модномъ романистѣ Полѣ Бурже, пользующемся большою извѣстностью въ послѣднее время. Мы отдали отчетъ о его первыхъ романахъ, но ждали чего нибудь болѣе выдающагося, чтобы познакомить съ нимъ читателей «Наблюдателя», которые вскорѣ прочтутъ его новый романъ «Les mensonges», основанный на печальномъ, хотя фантастическомъ явленіи современной жизни. Героиня романа любитъ, въ одно время троихъ, и находитъ оправданіе этому странному чувству, которое можно назвать какъ угодно, только не любовью. По психологическому или—скорѣе—патологическому анализу, романъ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, хотя авторъ, написавшій также книгу объ эстетикѣ, считаетъ себя столько же философомъ, какъ и романистомъ, и потому наполнилъ свою книгу отвлеченными и туманно парадоксальными разсужденіями, которыя, конечно, будутъ отброшены въ переводѣ. У другаго писателя, также пользующагося большою извѣстностью, Жака Рони, о которомъ мы также говорили, мы возьмемъ три очерка изъ его новой книги «L'immolation», въ которыхъ изображены французскіе крестьяне съ неменьшею правдою и силою, чѣмъ у Золя въ его «Землѣ». Въ портфелѣ редакціи имѣются также: романъ Жюля Клареси «Милліонъ» и нѣсколько небольшихъ разсказовъ Мопасана, Мендеса и другихъ молодыхъ писателей; повѣсть Шнееганса, переводы съ польскаго, испанскаго и пр.

Обозрѣвая дѣятельность литературы въ нынѣшнемъ году, нельзя не отмѣтить въ ней выдающагося явленія: стремленія всѣхъ цивилизованныхъ странъ и народовъ ознакомиться съ Россіей и ея передовыми писателями и дѣятелями. Не въ одной Франціи обнаружилось это движеніе, хотя въ ней оно достигаетъ высшихъ предѣловъ. Кромѣ переводовъ нашихъ беллетристовъ, въ Германіи изучаютъ историческія и современныя стороны нашего быта и управленія. Въ Англіи переводятъ больше сочиненія нашихъ эмигрантовъ-нигилистовъ: Крапоткина, Тихомирова, Степняка—чтобы доказать, что Россія не опасна для англичанъ. Славянскія

и скандинавскія племена наперерывъ переводятъ нашихъ романистовъ. Удовлетворяя современному требованію, французы наводняютъ книжный рынокъ очерками изъ русской жизни. Сбытъ на немъ имѣетъ теперь преимущественно только то, что касается Россіи. Этимъ, къ сожалѣнію, пользуются нѣкоторые книжные гешефтмахеры и поставляютъ на рынокъ товаръ съ русской, хотя бы и поддѣльной фирмой. Въ прошломъ нашемъ очеркѣ мы говорили о Захеръ-Мазохѣ, писателѣ несомнѣнно даровитомъ, но еврейская натура котораго сказалась и въ его писательствѣ. Близко зная бытъ польскихъ и галицкихъ жидовъ, онъ захотѣлъ прослыть и знатокомъ русской жизни. До нея больше всего падки французы, и вотъ онъ началъ писать объ ней и на французскомъ языкѣ, владѣя имъ, если не въ совершенствѣ, то вполнѣ литературно. Уже самый переходъ къ чужому языку отъ своего родного нѣмецкаго языка, на которомъ писатель достигъ извѣстности, не говоритъ въ пользу Захеръ-Мазоха, а тутъ еще и самое содержаніе его французско-русскихъ очерковъ доказываетъ ихъ спекулятивную цѣль. Интересуетъ теперь иностранную печать вопросъ: откуда явились на Руси нигилисты?—и у Захеръ-Мазоха является будто бы серьозное историческое изслѣдованіе подъ названіемъ «Первый нигилистъ Чоглоковъ» (Le premier nihiliste Tchoglokoff). Не указывая источниковъ своего изслѣдованія, авторъ говоритъ, что первое тайное общество въ Россіи, революціоннаго характера, было общество «Безъименныхъ» (Les Bézimennyi). Оно возникло при Петрѣ III, какъ чисто національная реакція противъ увлеченія императора нѣмецкими порядками и стремленіемъ его водворить ихъ въ Россіи. Цѣль тайнаго общества состояла въ возвращеніи къ прежнему народному устройству Россіи. Центръ общества былъ въ Петербургѣ, но развѣтвленія его шли по всему государству. Въ общество принимали послѣ тяжелаго испытанія и принесенія страшной клятвы. Члены избирались изо всѣхъ сословій. О существованіи общества знало правительство, но не могло выслѣдить заговорщиковъ. Между ними были графъ Панинъ, братья Орловы, княгиня Дашкова. Она возбуждала честолюбивую Екатерину дѣйствовать противъ Петра III. «Безъименные» склонили солдатъ къ возстанію, захватили императора въ Ораніенбаумѣ, были свидѣтелями его кончины въ Ропшѣ. Екатерина наградила ихъ, но не послѣдовала ихъ политической программѣ въ управленіи государствомъ. Она обратилась все таки къ Западу, а не къ Востоку. Реформы ея восхищали Вольтера, Дидро, но не Безъименныхъ, желавшихъ вернуть Россію къ допетровскимъ временамъ. Между членами тайнаго общества: чиновниками, учеными, врачами, преобладающую роль игралъ поручикъ Чоглоковъ. Порядочно образованный, онъ составилъ записку о положеніи Россіи и о необходимости измѣненія правительственной системы. Императрица нашла записку подъ подушкой салоннаго дивана. Но видя, что Екатерина не обратила никакого вниманія на предъявленныя ей требованія,

Чоглоковъ рѣшился покуситься на жизнь государыни, получивъ, можетъ быть, приказаніе отъ тайнаго общества. Однажды, когда полкъ его былъ въ караулѣ во дворцѣ, а самъ Чоглоковъ дежурилъ во внутреннихъ комнатахъ, онъ проникнулъ въ кабинетъ императрицы съ обнаженною шпагою. Екатерина читала книгу и успѣла позвать къ себѣ на помощь. Поручика схватили, судили негласно, пытали и казнили. Онъ не назвалъ никого изъ своихъ сообщниковъ. Любопытно, откуда почерпнулъ Захеръ-Мазохъ эту странную романическую исторію и въ какой мѣрѣ она согласна съ дѣйствительностью? Въ исторіи Екатерины II, написанной профессоромъ Брикнеромъ и изданной А. Суворинымъ, нѣтъ объ ней ни слова, но между тѣмъ Чоглоковъ несомнѣнно жилъ въ ту эпоху и его имя встрѣчается въ запискахъ современниковъ Екатерины II. Нашимъ историкамъ слѣдовало бы справиться объ этомъ разсказѣ. Все ли въ немъ вымышленно, или случилось что нибудь подобное? Если Чоглокова судили, то должны быть слѣды хоть приговора и его исполненія.

Тотъ же писатель сочинилъ русскую исторію изъ крестьянской жизни, подъ названіемъ «Назарьюшка» (Nazariouschka, histoire russe). Содержаніе разсказа не сложно. Десятилѣтній крестьянскій мальчикъ спасаетъ своихъ товарищей отъ медвѣдя. Въ то время, когда дѣти катаются въ санкахъ у опушки лѣса, изъ чащи выходитъ огромный звѣрь, сбирающійся броситься на нихъ.—Я васъ спасу, дѣти мои, хотя бы мнѣ это стоило жизни! кричитъ герой Назарьюшка и, бросаясь на медвѣдя, вонзаетъ ему въ сердце ножъ, но самъ погибаетъ, сдавленный когтями умирающаго звѣря. Не говоря уже о неправдоподобіи такой неравной борьбы и такого геройства въ маленькомъ мальчикѣ, Назарьюшка вовсе и не русскій мальчикъ и во всей этой исторіи нѣтъ ни одной черты русскаго крестьянства. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Боротинѣ; отца мальчика зовутъ Бранка, кормилицу его—Заставна, самъ Назарьюшка, мальчикъ изъ хора (enfant de choeur), прислуживаетъ въ церкви въ своей красной робѣ, кадитъ и звонитъ въ колокольчикъ; надпись на могилѣ «Назаринъ Бранка изъ Боротина» приглашаетъ прохожихъ прочесть надъ ней четыре раза «Pater» (Отче нашъ). Не ясно ли, что дѣло идетъ о католическомъ селѣ и ребенкѣ. Для чего же понадобилось Захеръ-Мазоху называть эту исторію русскою? А для того, чтобы приподнести русскимъ слѣдующій комплиментъ въ заключительныхъ строкахъ разсказа: «и откуда происходитъ въ русскомъ народѣ этотъ героизмъ, это чувство долга, этотъ спартанскій характеръ. Никакой Ликургъ не диктовалъ ему своихъ законовъ. Читая Плутарха, ученики даютъ клятву подражать подвигамъ Леонида или Горація Коклеса; но этотъ простой народъ обыкновенно не умѣетъ ни читать, ни писать. Откуда же онъ учится героизму? кто ему служитъ примѣромъ? Окружающая ли его природа, или вѣчная борьба со стихіями даютъ ему печальное убѣжденіе, что жизнь состоитъ не изъ ра-

чтобы забыть свои личные счеты и интересы, исполнить его требованія— и все сейчасъ же вошло въ обычную колею, а отъ пережитаго кризиса осталось одно тяжелое воспоминаніе, да пріятное сознаніе счастливо избѣгнутой ужасной катастрофы.

Главной причиной кризиса считаютъ дѣло д'Андло-Каффареля и послѣдовавшую вслѣдъ за нимъ исторію Вильсона, которая и вызвала всю дальнѣйшую неурядицу. Колоссальный скандалъ двухъ генераловъ и зятя президента республики дѣйствительно послужилъ исходной точкой этого кризиса; но его основная причина нѣсколько глубже и серьезнѣе, она— въ самыхъ нравахъ здѣшнихъ правящихъ сферъ, которыя и при республикѣ не считаютъ нужнымъ отказываться отъ развившагося при прежнихъ режимахъ фаворитизма при раздачѣ мѣстъ, наградъ и тому подобныхъ правительственныхъ милостей, и отъ злоупотребленія своимъ вліятельнымъ положеніемъ, своими связями, какъ ради личныхъ выгодъ, такъ и ради выгоды своихъ ближнихъ. Въ странѣ, которая уже сотни лѣтъ неудержимо стремится къ возможно полному равенству,—которая ставитъ это равенство выше всего и ради него пережила уже нѣсколько революцій,—такое нарушеніе правъ одного въ пользу другаго неизбѣжно должно было вызвать дальнѣйшее и притомъ общее недовольство, которое ждало только какого нибудь толчка, удобнаго случая, чтобы прорваться наружу. Дѣло д'Андло-Каффареля, и особенно Вильсона, и сыграли роль этого толчка, той искорки, отъ которой взлетаютъ на воздухъ цѣлыя цитадели. Пикантной стороной всей этой печальной исторіи послужило вотъ что. Есть много основаній думать, что дѣлу Каффареля придали такую огласку на первыхъ порахъ, подняли около него такой шумъ главнымъ образомъ враги Буланже, въ томъ числѣ и Вильсонъ, и подняли только затѣмъ, чтобы утопить въ немъ популярность генерала. Буланжисты, въ отвѣтъ на это, начали походъ противъ Вильсона, какъ противъ человѣка, который велъ свои дѣла и шире, и безцеремоннѣе другихъ, и противъ котораго можно было собрать больше доказательствъ. Но Буланже вышелъ изъ этой исторіи цѣлъ и невредимъ, а Вильсонъ не только полетѣлъ самъ въ ту яму, которую онъ вмѣстѣ съ пріятелями усердно копалъ для другаго, но увлекъ въ нее за собой и своего тестя, который пользовался у французовъ большимъ почетомъ и честность котораго до сихъ поръ еще остается для нихъ внѣ сомнѣнія. Вильсонъ никогда не пользовался особенными симпатіями ни въ обществѣ, ни въ правящихъ сферахъ. Парижане считали его пройдохой, человѣкомъ высокомѣрнымъ, который ловко пользуется родствомъ съ президентомъ республики и своимъ исключительнымъ положеніемъ для обдѣлыванія личныхъ дѣлишекъ. По городу про него давно уже ходили слухи очень непріятнаго свойства: говорили, что онъ спекулируетъ на биржѣ, пользуясь свѣжими политическими новостями своего тестя и ведетъ темныя дѣла съ людьми репутаціи больше, чѣмъ сомнительной. Въ парламентскихъ сферахъ, его очень недолюбливали, какъ алчнаго интригана, который для наживы не стѣсняется эксплуатировать свое исключительное положеніе. Тамъ, разумѣется, давно уже знали объ его подвигахъ и знали гораздо больше, чѣмъ было извѣстно публикѣ; но оставляли въ покоѣ, отчасти изъ уваженія къ его тестю, отчасти потому, что онъ въ этомъ отношеніи не былъ особенно рѣзкимъ исключеніемъ. Въ печать уже не разъ проникали слухи, даже болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія объ его взяточничествѣ и злоупотребленіяхъ своимъ вліяніемъ для личной

наживы; но самъ онъ не считалъ нужнымъ ихъ опровергать, а правящія сферы не обращали на нихъ вниманія. Очень можетъ быть, что и на этотъ разъ походъ, начатый противъ него газетами Paris, XIX Siécle и Intransigeant кончился бы ничѣмъ, еслибы не совпалъ съ дѣломъ Каффареля, которое успѣло уже сильно взволновать общественное мнѣніе; правящія сферы на этотъ разъ не могли не вмѣшаться, тѣмъ болѣе, что общество требовало этого очень настойчиво. Была назначена парламентская комисія, которой предстояло заняться разслѣдованіемъ вообще всѣхъ злоупотребленій администраціи и, въ частности, выяснить основательность обвиненій, взводимыхъ противъ Вильсона. Этихъ обвиненій было сформулировано много и довольно разнообразнаго свойства. Между ними было немало мелочныхъ, но были и очень серьезныя. Всѣ они сводились въ сущности къ тому, что Вильсонъ, пользуясь своимъ громаднымъ вліяніемъ и своими связями въ судѣ, администраціи и военномъ вѣдомствѣ, торговалъ этимъ вліяніемъ оптомъ и по мелочамъ, бралъ взятки и крупными кушами, и десятками франковъ, въ видѣ подписки на одинъ или нѣсколько экземпляровъ издаваемой имъ газетки La Petite France, за то, чтобы выхлопотать или помилованіе приговоренному къ тюремному заключенію, или подрядъ на армію, или орденъ въ петлицу, или даже право на открытіе табачной лавочки. Комисія отнеслась къ своему дѣлу серьезно и выслушала показанія множества лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли для Вильсона подавляющій характеръ, когда вниманіе ея и всего общества было отвлечено въ иную сторону громкимъ инцидентомъ, происшедшимъ во время суда по дѣлу д'Андло-Каффареля.

Это дѣло, въ сущности, состоитъ изъ двухъ совершенно различныхъ дѣлъ, соединенныхъ въ одно только вслѣдствіе общности ихъ характера. Сенаторъ д'Андло, какъ теперь положительно доказано, занимался торговлей орденами давно и велъ ее совершенно независимо отъ Лимузенъ и Каффареля. Съ послѣднимъ онъ былъ даже мало знакомъ; зато съ Вильсономъ состоялъ въ хорошихъ отношеніяхъ. У него были свои самостоятельные агенты,—Ратацци, Бойль и др.,—которые отъискивали ему покупателей на его товаръ, служили посредниками въ его сдѣлкахъ, но дѣйствовали по его иниціативѣ и указаніямъ. Генералъ Каффарель въ агентствѣ Лимузенъ, напротивъ, игралъ роль совершенно пассивную. Душой этого агентства была энергичная, пронырливая Лимузенъ, которая давно уже выжимала соки изъ своихъ знакомствъ въ высокопоставленныхъ сферахъ. Замѣчательно, что оба генерала, вращаясь въ совершенно различныхъ сферахъ, спустились до скамьи подсудимыхъ по одинаковой лѣсенкѣ. У обоихъ дѣло началось съ денежныхъ затрудненій. И тотъ и другой попробовали сначала поправить свои обстоятельства игрой на биржѣ, но запутались еще больше. Пришлось прибѣгнуть къ займамъ и занимать направо и налѣво, часто у людей совершенно незнакомыхъ или завѣдомо сомнительной репутаціи. Надо — ничего не подѣлаешь! Являлись экстренныя нужды, наступалъ срокъ уплаты по векселямъ. Они съ удовольствіемъ брали деньги, откуда бы ни предлагались. Довольно значительный кредитъ, которымъ они оба пользовались, благодаря своему высокому положенію, мало по малу былъ исчерпанъ и имъ обоимъ пришлось связаться съ міромъ аферистовъ, которые научили ихъ покупать подъ векселя разнаго рода товаръ—вина, лошадей, экипажи, посуду—и продавать его хотя и за полцѣны, но на деньги; брались за извѣстное воз-

награжденіе сами устраивать имъ подобныя операціи. Сенаторъ д'Андло, благодаря своей крайней неразборчивости на знакомства, попалъ даже послѣднее время въ руки такъ называемой черной шайки—мошеннической организаціи, которая эксплуатировала довѣрчивость провинціальныхъ фабрикантовъ и оптовыхъ торговцевъ, выписывая у нихъ товаръ подъ дутые векселя и продавая его за полцѣны членамъ своей же организаціи, которые потомъ сбываютъ его уже по мелочамъ. Одинъ изъ членовъ этой организаціи втерся къ нему въ довѣріе и устроилъ для него нѣсколько подобныхъ операцій. А такъ какъ д'Андло не могъ не платить по своимъ векселямъ, то ему по неволѣ приходилось постоянно расширять свои операціи и онъ рано или поздно очутился бы на скамьѣ подсудимыхъ, еслибы его не привела туда торговля орденами. Этой послѣдней онъ, очевидно, занимался давно, и занимался, повидимому, очень усердно, такъ какъ въ правящихъ сферахъ уже догадывались объ истинныхъ мотивахъ его частыхъ ходатайствъ то за одного, то за другаго, и старались, по возможности, рѣже удовлетворять его просьбы, хотя все таки удовлетворяли. Не то генералъ Каффарель. Онъ познакомился съ Лимузенъ всего за $1^1/_2$ года до своего ареста и не успѣлъ еще извлечь изъ затѣянныхъ ею операцій ни малѣйшей пользы для себя. Даже судебная власть, и та, обвиняя его во взяточничествѣ и торговлѣ своимъ вліяніемъ, не могла представить въ пользу этого обвиненія никакихъ прямыхъ доказательствъ, кромѣ показаній самой Лимузенъ и сыщика подосланнаго къ Каффарелю полиціей. Что касается самого Каффареля, онъ избралъ довольно странную систему защиты, которая наглядно показываетъ, до какой степени онъ успѣлъ уже опуститься нравственно. Онъ утверждалъ на судѣ, что самъ не извлекалъ и счелъ бы низостью извлекать прямую денежную пользу для себя изъ сдѣлокъ съ Лимузенъ, но зналъ, что она беретъ за свои услуги и обѣщанія достать подрядъ, награду—деньги, и помогалъ ей, по мѣрѣ силъ и возможности, исполнять эти обѣщанія, въ благодарность за то, что она собиралась учесть его векселя. Впрочемъ, общественное мнѣніе въ его виновности нисколько не сомнѣвалось, хотя прямыхъ уликъ противъ него было мало. Но во время процесса оно относилось къ нему далеко уже не такъ враждебно, какъ въ началѣ его дѣла,—скорѣе даже симпатизировало ему. Причинъ для этого было много. Каффарель на судѣ оказался не такимъ преступникомъ, какъ говорили раньше: никакихъ тайнъ военнаго министерства, какъ увѣряли прежде, онъ не продавалъ и не открывалъ. Съ нимъ и безъ того уже обошлись слишкомъ круто, до суда лишивъ его чиновъ и наградъ, тогда какъ даже Базенъ былъ разжалованъ только по произнесеніи надъ нимъ судебнаго приговора. А, главное, онъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія являлся козломъ отпущенія за грѣхи другаго, болѣе виновнаго, но болѣе сильнаго своими связями—Вильсона, котораго всячески старались устранить отъ этого процесса, хотя его имя произносилось на судѣ довольно часто. Судебная власть до того простерла свою заботливость о немъ, что даже не вызвала на судъ, въ качествѣ свидѣтелей со стороны обвиненія, никого изъ такихъ лицъ, которыя могли бы запутать въ своихъ показаніяхъ и Вильсона, хотя показанія нѣкоторыхъ изъ нихъ, навѣрное, были бы для суда очень полезны. Бѣгство сенатора д'Андло тоже казалось очень поразительнымъ. Утверждали, что онъ могъ бы разсказать о продѣлкахъ Вильсона очень много и, навѣрное, разсказалъ бы, еслибы ему не позволили скрыться. Словомъ, обще-

на сцену выступили, въ качествѣ причастныхъ къ этому дѣлу лицъ, представители высшей администраціи,—префектъ полиціи Граньонъ, Горонъ и даже нѣкоторые члены министерства, которыхъ принялась разспрашивать комисія, тоже сильно заинтересовавшаяся этимъ скабрезнымъ дѣломъ.

Участіе Вильсона въ подлогѣ было очевидно. Онъ однако попробовалъ запереться, что этихъ писемъ ни разу не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ они написаны, и не допускаетъ даже мысли о возможности подлога. Слѣдователю, однако, удалось уже доказать ему, что имѣющіяся при дѣлѣ его письма, помѣченныя 1884 годомъ, написаны рукой секретаря, котораго у него въ 1884 году еще не было. Затѣмъ возникъ другой вопросъ: какимъ образомъ арестованныя у Лимузенъ письма попали къ Вильсону? Послѣ ареста они могли и должны были пройти только черезъ руки забравшей ихъ полиціи и судебнаго слѣдователя. Значитъ, Вильсону могли ихъ передать только Граньонъ или Горонъ, или судебный слѣдователь. Первые двое и у слѣдователя, и въ парламентской комисіи заявили, что эти письма, какъ вообще вся переписка, забранная у Лимузенъ, были переданы ими въ цѣлости судебному слѣдователю и что, пока они были у нихъ въ рукахъ—не было да и не могло быть никакого подмѣна. Такое категорическое заявленіе, очевидно, бросало сильную тѣнь на слѣдователя и сильно возмутило весь прокурорскій надзоръ. Генералъ-прокуроръ Бушэ явился къ министру юстиціи и попросилъ его снять это подозрѣніе съ своихъ подчиненныхъ и представить это дѣло комисіи въ истинномъ свѣтѣ, угрожая, въ противномъ случаѣ, коллективнымъ выходомъ въ отставку всего прокурорскаго надзора. Министру юстиціи, во избѣжаніе новаго крупнаго скандала, пришлось исполнить эту просьбу, и онъ заявилъ парламентской комисіи, что обыскъ у Лимузенъ былъ произведенъ Горономъ безъ соблюденія требуемыхъ закономъ формальностей, что Граньонъ потомъ пытался нѣсколько разъ сдать въ кабинетъ слѣдователя арестованную у Лимузенъ переписку не помѣченной и не опечатанной, и притомъ въ его отсутствіе, и опечаталъ ее только по требованію послѣдняго; что, во всякомъ случаѣ, онъ сдалъ ее въ два или три пріема и подложныя письма Вильсона принесъ послѣдними, да и то только по настоятельному требованію Лимузенъ (это показаніе вызвало потомъ жаркое объясненіе между министромъ юстиціи Мазо, съ одной стороны, и Фальеромъ и Рувье съ другой, объясненіе послужившее, въ свою очередь, причиной выхода перваго въ отставку). Граньонъ и Горонъ, съ своей стороны, страшно путались и противорѣчили другъ другу въ своихъ показаніяхъ передъ комисіей. То они утверждали, что ни одно изъ арестованныхъ у Лимузенъ писемъ не выходило изъ ихъ рукъ, то сознавались, что передали нѣкоторыя изъ нихъ Фальеру и Феррону, то настаивали, что берегли эти письма, какъ зѣницу ока, и потому у нихъ не могло произойти подмѣна; то сами же разсказывали, что эти письма валялись у нихъ на письменномъ столѣ. Такая же путаница и такое же упрямое отрицаніе подтверждавшихся потомъ фактовъ и въ объясненіяхъ передъ комисіей Рувье и Фальера, конечно, производили на внимательно слѣдившее за этой исторіей общественное мнѣніе очень тяжелое впечатлѣніе.

Какъ бы то ни было, но изъ всѣхъ объясненій по этому дѣлу было очевидно одно, что Граньонъ, вопреки требованію закона, раздавалъ арестованныя письма и Фальеру, и Феррону, и что многія изъ нихъ были возвращены авторамъ и уничтожены ими. Отвѣтственность за это цѣли-

комъ падала на префекта полиціи, въ рукахъ котораго находились забранныя у Лимузенъ бумаги, и потому общественное мнѣніе настойчиво потребовало его удаленія отъ должности. Правительство сначала не обратило на это требованіе общества никакого вниманія и исполнило его только подъ новымъ дружнымъ натискомъ палаты. Даже и тутъ оно не прямо смѣстило Граньона, а только на время устранило его отъ должности, до окончанія начатаго дознанія, что̀, конечно, не замедлило вызвать и въ обществѣ, и въ парламентскихъ сферахъ слухъ крайне неблагопріятный для министерства, которое, благодаря всей этой исторіи, всѣмъ этимъ запирательствамъ и противорѣчіямъ своихъ членовъ и своей подозрительной снисходительности и къ Вильсону, и къ своимъ скомпрометированнымъ подчиненнымъ,—потеряло уже всякій авторитетъ въ палатѣ и едва влачило свое существованіе.

Предварительное дознаніе по дѣлу о подлогѣ писемъ Вильсона было, наконецъ, произведено; фактъ подлога констатированъ, и генералъ-прокуроръ обратился къ палатѣ за разрѣшеніемъ начать противъ Вильсона уголовное преслѣдованіе. Это разрѣшеніе было дано на другой же день; но оно нисколько не успокоило глубоко возмущеннаго всей этой исторіей чувства общественной справедливости. И правительство, и судебная власть, и даже парламентъ слишкомъ явно мирволили Вильсону, слишкомъ очевидно старались затянуть по возможности его дѣло, слишкомъ глубоко возмутили всѣмъ этимъ общественное мнѣніе, такъ что принятая ими наконецъ энергическая мѣра далеко не произвела на общество такого успокоительнаго дѣйствія, какое она навѣрное имѣла бы, еслибы явилась во время. Общественное мнѣніе давно уже негодовало на безнаказанность Вильсона. Оно было глубоко убѣждено въ его виновности, съ самаго начала предпринятаго противъ него похода, и потому рѣшительно не понимало, почему его оставляютъ въ покоѣ и въ то же время такъ круто расправляются съ людьми, которые, въ его глазахъ, были далеко не такъ виновны, какъ онъ. Основательно или нѣтъ, но оно приписывало эту безнаказанность его родству съ президентомъ республики, и имѣло на это право. Когда начался походъ противъ Вильсона, Греви самымъ рѣшительнымъ образомъ взялъ его подъ свою защиту. Онъ не захотѣлъ разстаться съ нимъ и его семьей, жившей въ Елисейскомъ дворцѣ, когда общественное мнѣніе настойчиво требовало его удаленія оттуда, находя, что его пребываніе тамъ компрометируетъ президента республики. Онъ даже пригрозилъ было палатѣ своей отставкой, когда она собралась назначить слѣдственную комисію, и уступилъ только настойчивымъ просьбамъ министерства. Онъ, очевидно, продолжалъ считать Вильсона все такимъ же, какимъ онъ представлялъ его себѣ, выдавая за него свою дочь, и смотрѣлъ на взводимыя на него обвиненія, какъ на низкую клевету его враговъ. Разумѣется, всего благоразумнѣе и благороднѣе въ то же время, съ его стороны, было бы заставить зятя потянуть своихъ клеветниковъ въ судъ при самомъ началѣ предпринятаго противъ него похода и оправдаться во взводимыхъ на него обвиненіяхъ публично, а еслибы онъ не могъ этого сдѣлать — самому потребовать, чтобы его отдали подъ судъ. Но на такой энергичный шагъ у него не хватало силы воли. Не нужно забывать, что бывшій президентъ республики послѣднее время находился подъ сильнымъ вліяніемъ окружавшихъ его и, прежде всего, своихъ семейныхъ. Онъ, по совѣту послѣднихъ, пред-

почелъ игнорировать требованіе общественнаго мнѣнія и отнесся свысока къ противникамъ и обвинителямъ своего зятя. Но общественное мнѣніе взглянуло на это иначе. Оно заподозрило Греви въ желаніи спасти, во что бы то ни стало, своего зятя отъ угрожающей ему участи. Сталъ ходить слухъ, что Вильсона отдали подъ судъ только для вида, но что онъ, благодаря снисходительности судебной власти, навѣрное будетъ оправданъ и выдетъ, такимъ образомъ, сухимъ изъ воды. Возникли подозрѣнія, что президентъ республики и самъ принималъ участіе въ спекуляціяхъ своего зятя,—подозрѣнія, находившія, повидимому, подтвержденіе въ томъ фактѣ, что Вильсонъ обдѣлывалъ нѣкоторыя изъ своихъ темныхъ дѣлъ прямо черезъ своего тестя и не стѣснялся въ своихъ дѣловыхъ письмахъ приплетать имя президента республики («президентъ республики и я», пишетъ онъ, напр., Лимузенъ). Все это, разумѣется, сильно раздражало и возмущало общественное мнѣніе; все это, окончательно подрывало въ публикѣ и безъ того уже сильно расшатаный авторитетъ Греви, и она, чтобы добиться суда и справедливости относительно Вильсона и не оставить его безнаказаннымъ за его дѣянія, стала настойчиво требовать выхода въ отставку самого президента республики.

Парламентскія сферы откликнулись на это требованіе очень охотно: отставка Греви представилась имъ, какъ спасительный выходъ изъ этого критическаго положенія, которое переживала (добавимъ, по винѣ очень многихъ изъ самихъ, же депутатовъ) республиканская партія. Даже сенатъ, который, обыкновенно, очень неохотно соглашается на всякую радикальную мѣру, и тотъ довольно скоро и единодушно присоединился къ этому требованію. Я не стану утверждать, чтобы въ этомъ случаѣ парламентомъ руководило одно только желаніе поскорѣе покончить съ переживаемымъ кризисомъ и пожертвовать президентомъ республики для общаго блага. Были причины и другаго, болѣе частнаго свойства. Радикалы давно уже винили Греви за ту неподвижность, въ которой послѣдніе годы пребываетъ республика; давно уже жаловались, что онъ несправедливо обходитъ ихъ при составленіи своихъ министерствъ, и ставили ему въ особенную вину появленіе министерства Рувье и, его такъ называемую, національную политику. У оппортюнистовъ явилась довольно дерзкая мысль воспользоваться открывавшейся вакансіей въ Елисейскомъ дворцѣ и подъ шумъ разыгравшагося скандала провести туда Ферри. Какъ бы то ни было, но за это требованіе ухватились всѣ. Только какъ его реализовать? Президентъ республики, по конституціи, несмѣняемъ въ теченіе семи лѣтъ, и до срока отъ него нѣтъ никакой легальной возможности отдѣлаться, разъ онъ не согласится оставить свой постъ добровольно. Средствъ принудить Греви оставить Елисейскій дворецъ—предлагалось много и средствъ довольно разнообразныхъ. Одни совѣтовали послать къ нему депутацію отъ всѣхъ республиканскихъ группъ, палаты и сената, которая объяснила бы ему истинное положеніе дѣлъ и сообщила бы желаніе парламента; другіе предлагали собраться всѣмъ республиканскимъ депутатамъ и сенаторамъ и заявить въ частномъ засѣданіи Греви волю парламента; третьи совѣтовали даже, въ случаѣ сопротивленія съ его стороны, отказать въ кредитѣ на содержаніе президента республики, пока Греви будетъ упорствовать. Но все это оказывалось и неконституціоннымъ, и опаснымъ для общественнаго спокойствія, въ случаѣ отказа Греви исполнить желаніе народныхъ представителей. Радикалы, съ своей стороны, предлагали, какъ

самое раціональное, интерпелировать министерство, которое несетъ на себѣ отвѣтственность за дѣйствія исполнительной власти, выразить ему порицаніе за его внутреннюю политику, устроиться такъ, чтобы это порицаніе по дорогѣ задѣло и президента республики, вызвать министерскій кризисъ и помѣшать Греви составить новый кабинетъ, вслѣдствіе чего онъ волей-неволей выдетъ въ отставку. Этотъ планъ и былъ приведенъ въ исполненіе, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Министерство Рувье давно уже чувствовало свое полное безсиліе. Оно знало, что дни его сочтены, но выходить въ отставку, выслушавъ предварительно порицаніе за свою политику,— для него особеннаго удовольствія не составляло. Поэтому, испытавъ еще разъ почву подъ ногами и чувствуя ея непрочность, оно придралось къ вопросу о парламентской процедурѣ и вышло въ отставку. Министерскій, а съ нимъ вмѣстѣ и президентскій, кризисъ открылся.

Греви, разумѣется, отлично зналъ, что творится въ парламентѣ, но все таки пробовалъ составить министерство. Онъ, по обыкновенію, пригласилъ къ себѣ болѣе видныхъ представителей парламентскихъ группъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о положеніи дѣлъ, и предложилъ многимъ изъ нихъ—въ томъ числѣ и Клемансо—взять на себя трудъ сформировать новый кабинетъ; но отъ всѣхъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ— что теперь дѣло идетъ о кризисѣ не столько министерскомъ, сколько президентскомъ и что самымъ существеннымъ шагомъ для его разрѣшенія будетъ выходъ въ отставку самого Греви. Первый высказалъ ему это въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ Клемансо; то же повторили за нимъ Фрейсинэ, Флокэ, даже Рибо и Бриссонъ, которые, за нѣсколько дней передъ этимъ, утверждали въ палатѣ, что всякое давленіе на президента республики, съ цѣлью заставить его выйти въ отставку, не конституціонно и пагубно для республики, какъ очень вредный прецедентъ. Никто изъ приглашенныхъ имъ за это время государственныхъ людей не отказывался составить новое министерство, но всѣ ставили первымъ условіемъ своего согласія, что это будетъ министерство только передаточное и что тотчасъ же по его сформированіи президентъ республики выдетъ въ отставку. Выяснивъ себѣ, такимъ образомъ, что его отставки желаютъ въ парламентѣ почти всѣ и что поэтому она становится дѣломъ неизбѣжнымъ, Греви долженъ былъ преклониться предъ волей представителей націи, хотя конституція къ этому его не обязывала *).

Между тѣмъ волненіе умовъ, вызванное столкновеніемъ исполнительной власти съ законодательной, продолжало усиливаться и послѣ выхода въ отставку Греви. Только теперь оно направлялось уже не противъ бывшаго президента республики, а противъ Ферри и его кандидатуры. Необходимо замѣтить, что до самой средины прошлой недѣли Парижъ оставался совершенно спокойнымъ. Парижане внимательно слѣдили по газетамъ за всѣмъ, что творится въ правящихъ сферахъ. Скандалъ Каффареля и Вильсона, министерскій и президентскій кризисы служили предметомъ постоянныхъ разговоровъ; но нигдѣ не было замѣтно никакой атитаціи или возбужденіе умовъ. Общее спокойствіе было такъ велико, что оно стало даже смущать правящія сферы. Многіе, вспоминая, какое горячее участіе

*) Дальнѣйшій ходъ событій см. въ Политической Хроникѣ.

принималъ Парижъ въ общественныхъ дѣлахъ лѣтъ десять назадъ, объясняли теперешнее его спокойствіе полнѣйшимъ равнодушіемъ къ тому, что̀ происходитъ въ парламентѣ, и съ ужасомъ спрашивали себя, что̀ же станется съ республикой и съ самой Франціей, если даже цвѣтъ ея населенія потерялъ всякій интересъ къ событіямъ общественной жизни?! Но послѣдующія событія доказали, что такой пессимизмъ былъ совершенно неоснователенъ. Собственно говоря, признаки нѣкотораго возбужденія умовъ замѣчались уже и тогда. Правда, митинги и народныя собранія соціалистовъ по поводу текущихъ событій посѣщались еще довольно вяло и проходили болѣе или менѣе спокойно; но парижане въ то же время дали довольно сильно почувствовать свое негодованіе Лимузенъ и ея фактотуму, заставивъ ее закрыть одно за другимъ два кафе, въ которыхъ эта безъ-застѣнчивая парочка вздумала было эксплуатировать свою печальную извѣстность и, возбужденное къ ней процессамъ Каффареля, общее вниманіе. Пессимисты, однако, не обращали на это вниманія и забывали въ то же время, что они сами на разные лады уговаривали парижанъ держаться, какъ можно спокойнѣе и своимъ вмѣшательствомъ, своей агитаціей не осложнять и безъ того уже серьезнаго кризиса. Парижане, съ своей стороны, были вполнѣ увѣрены, что переживаемый кризисъ не грозитъ республикѣ никакой особенной опасностью и что онъ разрѣшится въ концѣ концовъ въ желательномъ для нихъ смыслѣ, и потому охотно слѣдовали этимъ совѣтамъ. Но они сейчасъ же вспомнили свои старые, бурные дни, какъ только на горизонтѣ республики стало показываться чорное облако въ видѣ кандидатуры Ферри на президентское кресло. Они давно уже терпѣть не могутъ знаменитаго иниціатора колоніальной политики и выходили изъ себя при мысли о возможности видѣть въ Елисейскомъ дворцѣ столько разъ обруганнаго и осмѣяннаго ими «тонкинца», тѣмъ болѣе, что съ его появленіемъ во главѣ республики послѣдняя, по ихъ мнѣнію, приняла бы рѣзко консервативный, даже реакціонный характеръ, и имъ надолго пришлось бы отказаться отъ многихъ капитальныхъ реформъ, осуществленія которыхъ они давно уже добиваются съ такимъ жаромъ. Поэтому-то толпа, собравшаяся въ четвергъ передъ палатой депутатовъ, была настроена такъ враждебно противъ Ферри, что навѣрное ему пришлось бы очень плохо, еслибы онъ въ этотъ день попался ей въ руки. (На набережной передъ Бурбонскимъ дворцомъ толпа приняла, между прочимъ, какой-то экипажъ за экипажъ Ферри, опрокинула его, съ намѣреніемъ вытащить оттуда ненавистнаго ей кандидата и бросить его въ Сену; но экипажъ оказался пустой); поэтому же, по окончаніи засѣданія палаты, когда парламентскія сферы уже успокоились нѣсколько отъ пережитаго переполоха, парижане не разошлись, а послѣдовали за бланкистами и членами лиги патріотовъ въ Hotel de Ville, гдѣ еще засѣдали представители города, и гдѣ было произнесено нѣсколько очень враждебныхъ для Ферри рѣчей. Повидимому спокойное до сихъ поръ, положеніе дѣлъ какъ-то сразу приняло очень тревожный характеръ. Слухи о происках монархистовъ и возможности успѣха кандидатуры Ферри разомъ взбудоражили всѣхъ. Являлась все болѣе и болѣе общая увѣренность, что день выбора Ферри не обойдется безъ крупнаго столкновенія народа съ представителями власти. Деруледъ публично заявилъ, что онъ и его товарищи по лигѣ патріотовъ ни за что не пустятъ Ферри въ Елисейскій дворецъ; блонкисты и анархисты тоже готовы были къ энергичному сопротивленію. Масса народа пока оставалась спокойной зри-

тельницей; но ея симпатія были видимо на сторонѣ противниковъ Ферри, и ее все замѣтнѣе овладѣвала лихорадка тревожныхъ періодовъ. Муниципальный совѣтъ посылалъ уже два раза делегатовъ къ представителямъ Сенскаго департамента съ просьбой заявить палатѣ, что выборъ Ферри навѣрное послужитъ сигналомъ для гражданской войны, и что теперь, въ виду серьезности положенія, онъ рѣшаетъ проводить слѣдующіе дни въ ратушѣ въ полномъ составѣ и принять экстренныя мѣры, чтобы не быть, въ случаѣ безпорядковъ, захваченнымъ врасплохъ и отрѣзаннымъ отъ народа правительственными войсками. Комитеты разныхъ соціалистическихъ организацій рѣшили не расходиться до окончанія кризиса. Правительство стянуло къ Парижу очень значительное количество пѣхоты и особенно конницы. Генералъ-губернаторъ Парижа, Соссье, назначилъ на случай народныхъ смутъ главнокомандующимъ войсками генерала Галлифе и выработалъ съ нимъ даже планъ предстоящей кампаніи.

Оппортюнисты не только не думали уступать народному требованію, но очень ловко пользовались агитаціей, чтобы представить перепуганной перспективой безпорядковъ буржуазіи—«тонкинца» Ферри, какъ единственнаго человѣка, который способенъ обезпечить странѣ порядокъ и спасти республику отъ грозящей ей бездны анархіи. Шансы на успѣхъ его кандидатуры постоянно увеличивались. Послѣ третьей аттаки, полиціи удалось разсѣять толпу на площади «Согласія», и вечеръ прошелъ безъ особенныхъ приключеній. Характерно, что въ этотъ день одинъ рыжебородый журналистъ чуть-чуть не поплатился за свое очень отдаленное сходство съ Вильсономъ. Онъ проходилъ по набережной около площади Согласія. Стоявшая тутъ публика приняла его за Вильсона и съ крикомъ: «въ воду! въ воду его!» потащила къ Сенѣ. Смертельно перетрусившему журналисту удалось однако убѣдить публику, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, за кого его принимаютъ, и его отпустили.

Слѣдующій день—день конгресса—начался крайне тревожно. Парижъ былъ чисто въ осадномъ положеніи. Всѣ его болѣе или менѣев ажные пункты были заняты сильными отрядами войска и полиціи; на вокзалахъ Сен-Лазарской и Монпарнасской желѣзныхъ дорогъ, которыя ведутъ въ Версаль, была разставлена цѣлая масса конныхъ и пѣшихъ полицейскихъ. Версаль, гдѣ должно было происходить засѣданіе конгресса, тоже былъ приведенъ въ оборонительное положеніе. Опасались, чтобы на него не нагрянула парижская демократія, и потому войскамъ отданъ былъ приказъ не расходиться изъ казармъ и держаться наготовѣ, и въ то же время далеко по шессейной дорогѣ изъ Парижа былъ выставленъ сильный пикетъ, который долженъ былъ задержать манифестантовъ до прибытія войска, еслибы имъ пришло въ голову отправиться изъ Парижа въ Версаль пѣшкомъ. Эти послѣднія предосторожности оказались, однако, совершенно излишними: у парижанъ не было ни малѣйшей охоты отмахать въ холодный, туманный зимній день 25 верстъ пѣшкомъ; даже по желѣзной дорогѣ въ Версаль, въ этотъ день, ихъ пріѣхало очень мало: они предпочли ждать извѣстія объ исходѣ конгресса у себя дома и, дѣйствительно, узнавали, благодаря выходившимъ каждый часъ газетамъ, все, что происходило на конгрессѣ, гораздо скорѣе версальцевъ, которые отнеслись къ конгрессу съ замѣчательнымъ равнодушіемъ и едва удостоили его своимъ вниманіемъ. Зато парламентскія сферы весь этотъ день волновались ужасно: для нихъ онъ начался далеко раньше обыкновеннаго. Въ 9 часовъ депутаты и сенаторъ республи-

канской партіи и журналисты были уже въ Версали на подготовительномъ собраніи и приступили къ выбору кандидата. Результатъ выборовъ на конгрессѣ—извѣстенъ. Въ смежныхъ съ залой засѣданія коридорахъ и въ залѣ статуй стояло чисто лихорадочное волненіе. Здѣсь кандидаты и ихъ друзья набирали голоса, убѣждали, упрашивали; здѣсь же заключались разные компромиссы, затѣвались цѣлыя массы интригъ, обсуждались шансы на успѣхъ того или другаго кандидата. Здѣсь же, наконецъ, циркулировали упорные, странные слухи о томъ, что въ Парижѣ уже провозглашена коммуна, произошло столкновеніе войска съ народомъ и т. д. Слухи эти одинъ за другимъ опровергались оффиціально, но на мѣсто ихъ появлялись новые.

Монархисты подали голосъ за Соссье и Аппера. Ферри, хорошо знавшій уже, что ему не на что надѣяться со стороны монархистовъ, и чувствовавшій, что ему не справиться съ Карно, рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, съ честью выйти изъ борьбы. Узнавъ результатъ первой баллотировки, онъ созвалъ своихъ сторонниковъ и заявилъ имъ, что, подчиняясь республиканской дисциплинѣ, онъ отказывается отъ своей кандидатуры въ пользу болѣе счастливаго соперника. Его попробовали было удержать; но онъ настоялъ на своемъ и, войдя въ залу засѣданія, приблизился къ Карно, объяснился съ нимъ въ нѣсколькихъ фразахъ и подалъ ему руку. Черезъ нѣсколько минутъ, то же самое сдѣлалъ и Фрейсинэ, и Карно, оставшійся единственнымъ кандидатомъ республиканской партіи, при цѣломъ взрывѣ аплодисментовъ, былъ выбранъ президентомъ единодушно, почти всѣми республиканцами.

Между тѣмъ Парижъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ результатовъ конгресса. Съ 3-хъ часовъ дня, передъ С.-Лазарскимъ вокзаломъ, по большимъ бульварамъ и передъ Hotel de Ville стояла громадная, шумная толпа. Газеты читались на расхватъ. Всѣ были угрюмы, озабочены. Парижане были твердо увѣрены, что въ этотъ день безъ серьезныхъ уличныхъ безпорядковъ не обойдется. Гамены уже завязывали баталіи съ полицейскими, которыхъ они со свистомъ и гамомъ преслѣдовали, какъ стая воробьевъ; магазины въ болѣе людныхъ улицахъ къ вечеру закрылись; даже кафе и рестораны, и тѣ держали свои двери только полуотворенными. Но вотъ, около 7 часовъ, по городу проносится извѣстіе, что Ферри остался за флагомъ, и президентомъ республики выбранъ Сади-Карно. Общая физіономія города сейчасъ же измѣнилась. У всѣхъ какъ будто гора съ плечъ свалилась; отъ недавней озабоченности и тревоги не осталось и слѣда. Кафе снова распахнули свои гостепріимныя двери; даже полицейскіе—и тѣ какъ-то просвѣтлѣли. Карно въ Парижѣ почти не знали; но для парижанъ это было не важно. У нихъ не было своего излюбленнаго кандидата на президентство. Они, можетъ быть, предпочли бы видѣть въ Елисейскомъ дворцѣ Флокэ; но не особенно на этомъ настаивали. Самое главное для нихъ было—не допустить туда Ферри. Ферри провалился, и они сейчасъ же восчувствовали самыя горячія симпатіи къ его счастливому сопернику, какъ къ человѣку, спасшему ихъ отъ ужаснаго бѣдствія. А на слѣдующій день жители вошли въ свою обычную колею.

Такъ кончился этотъ глубокій правительственный кризисъ, который одно время грозилъ республикѣ очень серьезной опасностью.

К. Д—чъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Нижегородскіе обѣды и „всероссійскія“ притязанія.—Безтактность и нахальство.—Лодзинская мануфактура и московская.—Экономическая борьба съ Германіей и командировка мистера Ло.—Какъ торгуютъ споконъ вѣка Самсонъ-Силычи и какими мѣрами можно „укрѣпить“ за ними чужіе рынки.—Законъ 7 ноября и „самобытный“ протекціонизмъ.—Усиленіе пограничной стражи и отличіе министерства финансовъ отъ всѣхъ другихъ.—Новыя боевыя пошлины на нашъ хлѣбъ и ихъ значеніе для нашего хозяйства.—Что дѣлать?—Дополнительный раскладочный сборъ и правдивость гильдейскаго купечества.

Въ прошлой книгѣ нашего журнала мы видѣли уже, какъ не великъ былъ промежутокъ времени между предположеніемъ министерства финансовъ пересмотрѣть таможенный тарифъ, „при участіи ученыхъ и промышленныхъ обществъ“, и проэктомъ безотлагательнаго повышенія пошлинъ на большую часть привозныхъ продуктовъ, до селедокъ включительно (на 3 коп. съ пуда!) безъ всякаго уже участія этихъ обществъ. Какая экстренность произвела столь рѣзкую перемѣну—мы доподлинно не знаемъ. Знаемъ только, что незадолго до того случился казусъ, давшій печати обильный матеріалъ для безконечныхъ толковъ: чрезъ посредство нижегородскаго губернатора, „всероссійское купечество“ пригласило на ярмарку управляющаго министерствомъ финансовъ и, извѣстившись, что желанный гость пожалуетъ въ 10-хъ числахъ августа, живо собрало 20,000 р. и задало ему два такихъ обѣда, послѣ которыхъ одинъ изъ распорядителей, остатками только закусокъ и вина, угощалъ пріятелей цѣлыхъ три дня, а слывущаго „зеленой лошадью“ подвергъ даже „запойному случаю“, больше впрочемъ „съ горя отъ честности“,—хотѣлъ было вывороти карманы кредиторовъ, да тѣ чуть не поколотили его и усовѣстили. Воспользовавшись подходящимъ случаемъ, нѣкоторые изъ московскихъ фабрикантовъ, съ предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета Осиповымъ во главѣ, облыжно назвавшись „всероссійскимъ купечествомъ“, поднесли И. А. Вышнеградскому докладную записку, въ которой, по ироническому замѣчанію одного листка ходатайствовали о томъ, чтобы на привозные товары была наложена такая высокая пошлина, при одномъ взглядѣ на которую у чужеядныхъ иностранцевъ шапки падали бы съ головъ; чтобы скорѣе настало время, когда всякій „русскій портъ“ пушками станетъ жарить въ корабли съ иностраннымъ товаромъ; чтобы на мѣста фабричныхъ инспекторовъ назначались прикащики „русскихъ фабрикантовъ“; чтобы просителямъ разрѣшалось невозбранно продавать „русскому потребителю“ смѣсь липоваго цвѣта съ березовымъ вѣникомъ подъ названіемъ „русскаго чая“, глиняные горшки подъ названіемъ „русскаго фаянса“, ловко выстриженныя мышиныя шкурки подъ названіемъ „русскаго бархата“; чтобы притомъ въ короткіе зимніе дни дозволялось употреблять и аршины покороче; чтобы за вывозимый „русскій товаръ“ выдавалась премія золотомъ вдвое противъ его стоимости, — словомъ, чтобы, по всей „россійской

старинѣ", разрѣшалось продавать дорого да гнило и объегоривать святую Русь-матушку на всѣ корки, во славу и благоденствіе „русской промышленности и торговли". Устраняя изъ этого перечня присущія ироническимъ шуткамъ преувеличенія и обращаясь къ самому тексту докладной записки (благо она получила широкую огласку), мы видимъ прежде всего, что это уже не „покорнѣйшія просьбы" самодуровъ, на нашихъ глазахъ еще трепетавшихъ передъ квартальнымъ надзирателемъ, а наглыя требованія въ конецъ избалованныхъ кулаковъ, которые, по меткому выраженію Вас. И. Немировича-Данченко, „Богу отлили колокола, отъ чорта заслонились иконами и окурились ладономъ, а начальства и знать не хотятъ, потому что сами сдѣлались начальствомъ". На бланкѣ „всероссійскаго купечества" московскіе Самсонъ-Силычи изложили свои требованія въ пяти пунктахъ: 1) прежде всего, „мудрому управленію" русскими финансами вмѣняется въ обязанность сокрушить пакостную привислянскую промышленность, ибо-де „великорусская промышленность вправѣ ожидать" (sic!), чтобы окраинный фабричный районъ былъ очищенъ отъ иностраннаго элемента, чтобы сухопутная пошлина на привозимый туда хлопокъ была возвышена, чтобы желѣзнодорожные тарифы были передѣланы къ большей выгодѣ для внутренней промышленности, и чтобы впредь русскія дороги строились исключительно на русскіе капиталы и изъ русскихъ матеріаловъ. 2) Министерству финансовъ рекомендуется прочнѣе укрѣпить за Самсонъ-Силычами восточные рынки, а для этого закрыть порто-франко въ приамурскомъ краѣ, включить Бухару въ таможенную черту имперіи и крѣпкой стѣной оградить всѣ наши азіатскія владѣнія отъ наводненія ихъ англійскими и нѣмецкими товарами, какъ уже ограждены, „вопреки прежнему финансовому управленію", рынки закавказскіе и персидскіе. 3) Министерству предлагается „пересмотрѣть, при дѣятельномъ участіи *заинтересованныхъ лицъ*, таможенный тарифъ, утратившій всякую систематичность и стройность, вслѣдствіе безчисленныхъ измѣненій, не всегда отвѣчавшихъ нуждамъ русской промышленности; а до того *„безотлагательно возвысить предварительно намѣченныя* (?) *пошлины*". 4) Московскіе Самсонъ-Силычи выражаютъ крайнее недовольство какъ неравномѣрнымъ обложеніемъ торговли и промышленности въ центрѣ имперіи и на ея окраинахъ, такъ и тѣмъ, что не осуществилась „благая мѣра для прекращенія расточительства русскихъ богатствъ проживающими за границей русскими подданными. Наконецъ, въ 5) храбрые самозванцы, „оглядываясь на долгое, спокойное и патріархальное прошлое русскихъ производствъ, осмѣливаются думать, что они заслуживаютъ у власти больше довѣрія (?!), чѣмъ то, какое оказано имъ учрежденіемъ фабричной инспекціи изъ лицъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ интересами государства, ни съ нуждами промышленности".

Вожделѣній этихъ отнюдь нельзя назвать новыми въ нашей исторіи; не были бы они и *московскими*, еслибы не стремились придушить всякую самобытность и всякое благополучіе, гдѣ бы

таковыя ни возникали за предѣлами Москвы. Новостью въ нихъ можно развѣ признать, съ одной стороны, безтактное и неумѣлое разоблаченіе, откуда идутъ разные финансовые проэкты, въ родѣ провалившагося налога на заграничные поспорты, внезапнаго повышенія пошлинъ на „предварительно намѣченныя“ (кѣмъ, гдѣ, когда?) привозныя статьи, въ особенности на такія, искусственная дороговизна которыхъ можетъ уничтожить или сократить всякую не московскую мануфактуру, и т. п.; а съ другой—непомѣрное нахальство московскихъ самозванцевъ, дерзнувшихъ не только отождествлять себя съ „русской промышленностью“ и свои карманы съ „интересами государства“, но и диктовать *вліятельному гостю* болѣе или менѣе разорительныя для народа, а слѣдовательно и для казны, мѣропріятія по вопросамъ, о которыхъ просители не имѣютъ и азбучныхъ понятій. Повидимому, самозванцы эти не подозрѣваютъ даже, что исторія есть рядъ чередующихся дѣйствій и противодѣйствій, что одна крайность неминуемо производитъ другую, что поэтому рано или поздно наступитъ реакція и русскому протекціонизму; а при ней неизбѣжно рухнетъ все искусственное, какъ начали проваливаться на нашихъ же глазахъ нѣкоторыя затѣи, едва только оказалось, что казна, затратившая на нихъ мильоны р., не расположена уже терять больше. Отдавая полную справедливость *этому* нерасположенію, мы не удивляемся и нахальству москвичей,—оно вѣдь плоть отъ плоти того давнишняго баловства, которое широко практикуется въ отношеніи къ нимъ, и въ формѣ дешеваго кредита изъ государственнаго банка, и въ формѣ запретительныхъ тарифовъ, и даже въ формѣ той безпрепятственности, съ какою въ послѣднее время открыто стали практиковаться и разныя стачки на повышеніе цѣнъ, и всевозможныя торговыя плутни. Если всякому апетиту присуще расти по мѣрѣ ѣды, то *купецкому* и подавно, — и только въ видѣ слабаго утѣшенія мы можемъ отмѣтить, что въ этотъ разъ съ небывалымъ единодушіемъ возстали противъ московскаго нахальства не только всѣ органы нашей печати, не исключая и присяжныхъ поклонниковъ финансовой „практики“, но даже нѣкоторая часть того самаго „всероссійскаго купечества“, отъ имени котораго осмѣлились выступить московскіе самозванцы.

Сами по себѣ, притязанія эти, разумѣется, не заслуживали бы ни малѣйшаго вниманія; но они вполнѣ его заслуживаютъ, именно по той невидимой связи, которую сами и разоблачили. Итакъ—посмотримъ.

Если сравнить *естественныя* условія производства въ привислянскомъ краѣ съ тѣми, какими обставлено оно въ московскомъ районѣ, то всѣ преимущества окажутся на сторонѣ послѣдняго. Заработная плата и кредитъ обходятся въ немъ значительно дешевле, средняя доходность предпріятій гораздо выше, потребительный районъ сподручнѣе, обширнѣе и богаче, провозъ до такихъ крупныхъ рынковъ, какъ Нижній, Ирбитъ и Тифлисъ, много дешевле, азіатскій хлопокъ (потребляемый здѣсь уже въ количествѣ 15 процентовъ общаго итога), равно какъ дрова, торфъ и доставка изъ Ливерпуля хлопка американскаго, индійскаго и еги-

петскаго—дешевле, и только каменный уголь Москва оплачиваетъ дороже Лодзи, но въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ (2,25 коп. на 100 аршинъ тканей), что о немъ и говорить не стоитъ. Что же касается до *техническихъ* условій, равно доступныхъ каждому желающему, то всѣ они на сторонѣ лодзинскихъ фабрикантовъ и единственно потому, что они не Обломовы: необходимый для фабрикаціи матеріалъ они покупаютъ преимущественно изъ первыхъ рукъ, а не черезъ комисіонеровъ; хозяйствомъ своимъ завѣдуютъ сами, не уплачивая громадныхъ жалованій управителямъ; въ конторахъ своихъ они работаютъ съ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, тогда какъ у московскихъ лежебоковъ конторы и открываются-то только съ 9 часовъ утра до 5 пополудни; производятъ они свой товаръ не наугадъ и не на авось, а по опредѣленнымъ заказамъ, получаемымъ чрезъ странствующихъ прикащиковъ; работаютъ они усовершенствованными машинами, а не тѣмъ давно забракованнымъ въ Европѣ старьемъ, какимъ пробавляется большинство московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ, только благодаря таможенной протекціи; изготовляютъ они преимущественно высокіе сорты бумажной ткани (бязь, бумазея, платки, салфетки, канифасъ и т. п.), а не одни миткали да ситцы. Въ видахъ расширенія сбыта, они не брезгаютъ учиться даже грузинскому языку, о чемъ и не снилось еще нашимъ великорусскимъ лѣнтямъ; они отсылаютъ свой товаръ заранѣе извѣстнымъ заказчикамъ, не уплачивая дани биржевымъ маклерамъ, чрезъ которыхъ продаютъ свои издѣлія москвичи; довольствуются они и ничтожной выгодой, лишь бы капиталъ обращался скорѣе, почему не несутъ потерь и на должникахъ, тогда какъ москвичи даютъ своимъ покупателямъ кредитъ на длинные сроки, лишь бы сорвать подороже, и очень нерѣдко теряютъ громадные куши. Всю эту разницу прекрасно разъяснила лодзинская депутація съ фактами въ рукахъ, и затѣмъ стало очевиднымъ, что, предъявляя требованіе „поставить привислянскую промышленность въ равныя условія съ центральною", московскіе самодуры хотѣли ни больше, ни меньше, чтобы министерство финансовъ сдѣлало соперниковъ ихъ такими же неумѣлыми лежебоками, какъ они сами. По счастію, никто физически не можетъ сдѣлать этого, еслибы и хотѣлъ; а министерство и хотѣть-то подобныхъ превращеній не имѣетъ повода: во-первыхъ, доколѣ привислянскія губерніи не отняты еще у Россіи, онѣ для русскаго министерства столь же мало „чужеядны", какъ не будутъ чужеядными тѣ фабрики и заводы, которые рано или поздно возникнутъ въ мургабскомъ государевомъ имѣніи, или въ Закавказьѣ. Во-вторыхъ, министерство очень хорошо знаетъ, что если чужеядностью признавать все не московское, то очень немало такой чужеядности окажется и въ московскомъ районѣ: уже на всероссійской выставкѣ 1882 года, изъ 3,160 премированныхъ разными наградами издѣлій, 40 процентовъ выпало на долю иностранныхъ производителей; по счисленію московскаго статистика Орлова, 12 процентовъ управителей самыми крупными фабриками въ этомъ районѣ составляли иностранные техники; а сколько въ послѣдніе годы затесалось въ тамош-

нюю мануфактуру жидовъ, про то можетъ повѣдать любой москвичъ. Если, поэтому, великорусская промышленность сама безъ чужеядностей не можетъ обходиться, то, разумѣется, она не „вправѣ и ожидать", чтобы какой бы то ни было изъ окраинныхъ районовъ искусственно былъ отъ нихъ очищаемъ и чтобы въ частности русскія дороги строились на такіе капиталы, которыхъ нѣтъ ни въ формѣ денежныхъ знаковъ, ни въ формѣ спеціальныхъ знаній. Наконецъ, въ-третьихъ, министерство финансовъ меньше чѣмъ кто либо имѣетъ право сокрушать привислянскую мануфактуру, именно потому, что непрестаннымъ съ 1868 года повышеніемъ таможеннаго тарифа, подъ диктовку московскихъ же фабрикантовъ, само оно, можно сказать, и выростило ее. Съ одной стороны, высокій тарифъ *прямо* натолкнулъ туземныхъ и иностранныхъ капиталистовъ обратить свои средства на разработку тѣхъ мѣстныхъ минеральныхъ богатствъ, которыя дотолѣ разрабатывались очень слабо, и на водвореніе въ краѣ производства тѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, привозъ которыхъ съ повышеніемъ пошлинъ долженъ былъ сократиться; а съ другой стороны онъ *косвенно* произвелъ то, что, по мѣрѣ сокращенія привоза изъ-за границы, массы подвозившихъ къ ней наше сырье вагоновъ возвращались пустыми (въ количествѣ 75 изо ста) и, столько же въ собственныхъ интересахъ, сколько въ интересахъ государства, приплачивающаго за недоборы по гарантіямъ, могли взимать въ обратный путь болѣе дешевый фрахтъ за извозъ привислянскихъ товаровъ, нежели какой получали за извозъ до границы русскаго сырья. Въ силу какихъ разумныхъ причинъ надлежало бы искусственно удорожать эти обратные фрахты, въ угоду московскимъ самодурамъ,—этого, конечно, здравая логика не рѣшитъ, такъ какъ и для простеца очевидно, что во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе получить за извозъ хоть что нибудь, нежели идти въ пустую. Такимъ образомъ, весь первый пунктъ московскихъ притязаній оказывается сплошною нелѣпостью и въ экономическомъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ.

Но съ этимъ пунктомъ тѣсно у насъ связываютъ вопросъ о возникшей экономической борьбѣ съ Германіей. „Надо, говорятъ уничтожить привислянскую мануфактуру, потому что вся она или наибольшая часть ея держится *нѣмецкими* капиталами и находится въ *нѣмецкихъ* рукахъ; разъ же Германія щедро угощаетъ насъ поголовнымъ изгнаніемъ русскихъ подданныхъ, боевыми пошлинами на наше сырье, давленіемъ на наши курсы и даже прекращеніемъ кредита подъ наши бумаги, необходимо отбиваться такимъ же оружіемъ и не дозволять столь наглыхъ оскорбленій нашего достоинства". Не трудно однако убѣдиться, что тутъ большое недоразумѣніе. Мы съ своей стороны дорожимъ нашимъ достоинствомъ отнюдь не меньше москвичей; но смѣемъ думать, что уничтоженіе какой бы то ни было изъ окраинныхъ мануфактуръ вовсе не будетъ тѣмъ „равнымъ оружіемъ", печальная необходимость котораго несомнѣнна и для насъ. Начать съ того, что капиталъ, въ чемъ бы онъ ни заключался, по самой сущности своей, всегда и вездѣ космополитиченъ: кому бы онъ ни принадлежалъ, но, если направленъ на обработку *нашего* сырья, уве-

личиваетъ *его* цѣнность, даетъ заработокъ *нашему* населенію и *нашимъ* дорогамъ, удовлетворяя *нашей* же потребности въ товарѣ, то онъ такой же русскій, какъ еслибы принадлежалъ самому предсѣдателю нижегородскаго ярмарочнаго комитета, и душить его хоть также, какъ душитъ этотъ предсѣдатель всероссійское купечество разными поборами *), нѣтъ ни выгоды, ни разсчета, потому что вѣдь, прежде всего, это значило бы сѣчь самого себя, à la Пошлепкина. Справедливо, что желѣзный канцлеръ своими мѣрами противъ нашей состоятельности сѣчетъ себя гораздо больнѣе, чѣмъ насъ, и въ послѣднемъ результатѣ размножаетъ число своихъ же внутреннихъ враговъ; но, во-первыхъ, въ смыслѣ отместки, это намъ и на руку; а, во-вторыхъ, подражать чужеяднымъ глупостямъ не обязательно, да и надобности нѣтъ, такъ какъ имѣются средства, болѣе достойныя стамилліонной державы и болѣе дѣйствительныя. На боевыя пошлины ничто не мѣшаетъ намъ установить, *впредь до ихъ отмѣны, такія же на всѣ германскіе товары*, подчеркнувъ эту мѣру соотвѣтственнымъ пониженіемъ пошлинъ на однородные товары тѣхъ другихъ государствъ, которыя не прибѣгаютъ къ подобному стѣсненію нашего вывоза. Гордая своимъ величіемъ и въ высшей степени практичная Англія недаромъ поспѣшила командировать къ своему посольству въ Петербургѣ мистера Ло, *„для спеціальнаго завѣдыванія торговыми отношеніями Англіи и Россіи“*: такой, доселѣ небывалой командировкой она какъ бы шепнула намъ, что на нашемъ мѣстѣ поступила бы именно въ такомъ направленіи, не стѣсняясь вопросомъ, понравится это кому нибудь, или нѣтъ. Точно также ничто не препятствуетъ намъ обложить *пруссаковъ* такимъ спеціальнымъ налогомъ за право пребыванія въ Россіи, который равнялся бы искусственному ихъ удаленію съ нашей территоріи, обложивъ попутно и другихъ иностранцевъ хоть тѣмъ же только сборомъ, какой взимаетъ сама Германія (47 марокъ въ годъ), благо такой налогъ широко практикуется въ Сѣв. Америкѣ, во Франціи, Швеціи, Норвегіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, и проэктируется даже въ свободолюбивой Англіи. Засимъ поправить нашъ курсъ, какъ мы уже говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, зависитъ гораздо больше отъ насъ самихъ, нежели отъ кого бы то ни было; а что касается до прекращенія кредита подъ наши бумаги, то финансовому управленію очень даже выгодно замѣнить этотъ кредитъ (всего-то на 35 мил. р.) своимъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ онъ дастъ больше дохода, чѣмъ тѣ несчастные 1—1½ проц. въ годъ, какими оно довольствовалось на свои капиталы,

*) Любопытный счетецъ этимъ поборамъ привела на дняхъ одна газета: съ оцѣнки помѣщенія на ярмаркѣ *въ 500 руб.* взимается разныхъ сборовъ *только 660 рублей*, въ томъ числѣ 15 проц. съ оцѣнки на содержаніе ярмарочнаго управленія, 2 проц. на содержаніе ярмарочнаго комитета и 3 проц. въ *безотчетное распоряженіе предсѣдателя этого комитета*! Ужасно любятъ Самсонъ-Силычи всякую безотчетность.

лежащіе у заграничныхъ банкировъ (22—25 мил. р. золот.) или даже безъ всякаго дохода въ кладовыхъ банка (18 мил. р. зол.),— и намъ пріятно отмѣтить, что, по газетнымъ слухамъ, распоряженія въ этомъ смыслѣ уже и сдѣланы. Рядъ этихъ *открытыхъ и неприкрашенныхъ* мѣръ очень скоро заставилъ бы нашихъ заграничныхъ „друзей“ очнуться и спросить себя—куда они идутъ? Имъ вѣдь извѣстно, что на бумагахъ нашихъ они получаютъ двумя процентами въ годъ больше, чѣмъ на своихъ, получаютъ ихъ съ самой изысканной исправностью, и недаромъ газетчики ихъ поднимаютъ цѣлыя бури, какъ только появляется слухъ, что мы ищемъ себѣ рынковъ, менѣе грабительскихъ: въ одно послѣднее 25-лѣтіе мы переплатили имъ на этихъ лишнихъ процентахъ по меньшей мѣрѣ полтора милліарда марокъ! Не дешево также обойдется Германіи и потеря рынка, на которомъ она сбывала ежегодно своихъ товаровъ на 135 мил. руб.,—и ни минуты нельзя сомнѣваться, что другимъ языкомъ заговорили бы тогда сосѣдніе дипломаты.

Во второмъ пунктѣ своихъ притязаній московскія утробы сказались во всю свою семиовчинную ширь. Плотно огражденный отъ всякой чужеядной конкуренціи, рынокъ стомилліоннаго народа имъ кажется слишкомъ тѣснымъ; они хотятъ насильственно сопричислить къ нему и Бухару съ 2.130,000 тощаго населенія, и наши „порты“ въ приамурскомъ краѣ, гдѣ, со включеніемъ даже полумилліоннаго населенія забайкальской области, насчитывается едва 612,000 душъ на половину бродячихъ и вѣчно голодающихъ инородцевъ; имъ надо, чтобы министерство финансовъ не только окружило китайской стѣной высокаго тарифа наши средне-азіатскія степи съ 4-милліоннымъ населеніемъ, но „укрѣпило“ бы за ихъ карманами всѣ рынки Персіи, отдаленнаго Востока (?) и т. д. Жаль только, что вѣковѣчные „попрошайки“ не указали— какъ все это сдѣлать помимо собственнаго ихъ участія и при испытанной ихъ обломовщинѣ? Ни для кого не секретъ, что, напр., въ приамурскомъ краѣ и сейчасъ вся жизненная обстановка достается злополучному потребителю чрезвычайно дорого: простая пшеничная мука обходится тамъ въ 2—3 р. за пудъ, гречневая крупа не дешевле 3 р. 30 к., рисъ отъ 10 до 18 руб., сахаръ отъ 12 до 20 р., стеариновыя свѣчи отъ 18 до 22 р., даже керосинъ— отъ 8 до 10 р. за пудъ! А много ли Самсонъ-Силычей орудуетъ въ такой прибыльной торговлѣ? Одинъ-два, да и обчелся. Извѣстно, что китовый и моржевый промыслы въ омывающихъ Камчатку водахъ даютъ разнымъ „чужеядцамъ“ по милліону чистаго дохода въ годъ; извѣстно, что одинъ котиковый промыселъ на Командорскихъ островахъ до такой степени обогащаетъ Гутчинсона, Коля и К-°, что, имѣя за собою еще четыре года аренды, компанія эта сама выражала готовность возвысить сейчасъ же арендную плату съ 80 до 250 тысячъ руб. въ годъ *), если только

*) По нашимъ государственнымъ росписямъ, доходъ отъ этого промысла исчислялся въ 1879 году 68,000 р., въ 1880 году 59,845 р., въ 1882 году 95,000 р., въ 1883 году 87,500 р. и т. д.

промыселъ этотъ оставленъ будетъ за нею и на слѣдующій срокъ. Что же? шевельнулъ ли пальцемъ хоть одинъ Китъ-Китычъ, чтобы милліоны эти оставить за собою? До такой степени нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, что на всемъ камчатскомъ побережьѣ вы не встрѣтите *ни одного инородца, понимающаго по русски*, тогда какъ встрѣтите многихъ, говорящихъ на англо-нѣмецкомъ жаргонѣ американцевъ, которые съумѣли объамериканить даже лучшій изъ тамошнихъ нашихъ портовъ, Петропавловскъ! Что порто-франко тутъ не причемъ —это ясно уже изъ того, что на тысячу квадратныхъ верстъ пространства приходится въ этомъ краѣ менѣе 18 душъ звѣроловческаго и полунищаго населенія, съ которымъ, очевидно, не очень-то расторгуешься на московской мануфактурѣ... „*Укрѣпить*“ за ней рынки Азіи! Легко сказать, но очень не легко сдѣлать при тѣхъ кулацкихъ пріемахъ, которые споконъ-вѣка усвоило себѣ „всероссійское купечество“. Не дальше какъ въ ноябрской книжкѣ „Русской Старины“ воспроизведенъ указъ главнаго магистрата 1753 года, въ которомъ значится, что „ея величеству извѣстно учинилось, коимъ образомъ россійскіе купцы для торга своего въ чужестранныя государства, а особливо въ Швецію пріѣзжаютъ и тамъ *такъ гнусно и подло пребываніе свое имѣютъ*, что не токмо великое презрѣніе и посмѣяніе на самихъ себя, но и на все россійское купечество *немалое предосужденіе и поношеніе тѣмъ наносятъ*... притомъ же нѣкоторые *и не трезво себя содержатъ*“. Поэтому главный магистратъ, *подъ опасеніемъ высочайшаго гнѣва*, объявлялъ, чтобы отъѣзжающіе за границу по торговымъ дѣламъ купцы „не токмо поведеніе свое и платье перемѣнили, но и всякое *честное и пристойное обхожденіе* и знакомство тамо *заводить старались*, ибо тѣмъ они какъ себѣ самимъ, такъ и всему россійскому купечеству *честь, почтеніе и лучшій кредитъ у всѣхъ чужестранныхъ націй пріобрѣсти могутъ*“ (стр. 489). Въ полномъ собраніи законовъ, подобныхъ указовъ такъ много, что изъ нихъ не трудно составить очень солидный томъ. Но самое обиліе это не достаточно ли свидѣтельствуетъ, что плотную шкуру Китъ-Китычей никогда еще не удавалось пронимать *человѣческими* мѣрами, даже до царскаго гнѣва включительно? Въ январьской книгѣ нашего журнала (стр. 49) мы видѣли, что намѣстникъ царскій, князь Воронцовъ не постѣснился письменно обозвать торгашами первѣйшихъ московскихъ степенствъ (Четвериковыхъ, Гучковыхъ, Прохоровыхъ и tutti quanti) и отнять всѣ преимущества, которыя щедро были имъ предоставлены для „укрѣпленія“ русской торговли на Кавказѣ. И кто же не знаетъ, что никакого толку не вышло,—обтерли заплеванныя физіономіи, да порѣшили, что-де „брань на вороту не виснетъ“. Ближайшій къ нашимъ днямъ подвигъ московскихъ степенствъ всѣмъ памятенъ: цѣлый годъ, подъ видомъ полюбившихся китайцамъ яркихъ суконъ, они продавали имъ разное тряпье, обернутое только сукномъ, пока гнусная плутня не заставила китайцевъ предпочесть сукна англійскія и американскія. Покойный государь до такой степени былъ оскорбленъ этой подлостью, что въ ближайшее посѣщеніе Москвы не пожелалъ даже принять отъ купечества хлѣбъ-соль,—но и этотъ пле-

вокъ остался безъ послѣдствій... Правда, управляющій министерствомъ финансовъ, посвятивъ нѣсколько часовъ обозрѣнію минувшей нижегородской ярмарки, пришелъ къ розовымъ убѣжденіямъ, „что теперь уже издѣлія нашихъ фабрикъ и заводовъ не только съ выгодой для себя могутъ быть сравниваемы съ заграничными, но могутъ легко конкурировать съ ними на другихъ рынкахъ“ и что „въ недалекомъ будущемъ всѣ ближайшіе къ намъ азіатскіе рынки будутъ снабжаться исключительно русскими товарами и вытѣснятъ съ нихъ издѣлія англійскихъ и германскихъ фабрикъ“. Но вѣрно и то, что, во-первыхъ, все это было сказано *гостемъ* въ застольной рѣчи *хозяевамъ*; а, во-вторыхъ, что единственно *логическою* послѣдствія этихъ убѣжденій, т. е. соотвѣтственнаго пониженія ввозныхъ пошлинъ и сокращенія таможенной стражи, не вызываемыхъ болѣе необходимостью, не только не послѣдовало, но послѣдовали мѣры діаметрально противоположныя, откуда и вышло, что покровительство оказывается не столько уже „отечественной промышленности“, многіе виды которой дѣйствительно не нуждаются въ немъ, сколько плутнямъ „всероссійскаго купечества“, которое, куда ни сунется, непремѣнно дискредитируетъ эту несчастную промышленность и опозоритъ злополучное русское имя. Жалобы европейцевъ на мошенническіе пріемы нашихъ торговцевъ хлѣбомъ, льномъ, саломъ и шерстью, давно уже сдѣлались притчей во языцѣхъ; а поглядѣть, что̀ посылаютъ они въ Сибирь, Оренбургъ, Троицкъ и далѣе на востокъ, подъ фирмой такъ называемаго на ихъ жаргонѣ „азіатскаго товара“, то по истинѣ въ ужасъ можно прійти, потому что это, *въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова, хламъ, ни на что и ни къ чему не пригодный*, фабрикуемый какъ бы съ нарочитой цѣлью отвадить „въ недалекомъ будущемъ“ и азіатскаго покупателя. Наши сибирскіе, пограничные съ Китаемъ кочевники и сейчасъ уже замѣнили разныя московскія ткани „чужеядными“, именно потому, что послѣднія, при одинаковой съ первыми цѣнѣ, несравненно прочнѣе, красивѣе и разнообразнѣе. Бухарцевъ на нижегородской ярмаркѣ всероссійское купечество такъ приперло къ стѣнѣ, что тѣ отказались отъ русскаго товара, дали домой приказъ закупать англійскій—и совершенно вѣрно говоритъ ярый защитникъ нашего протекціонизма, что пройдутъ годы, пока они вновь обратятся къ нашей мануфактурѣ. Газета „Каспій“ разказываетъ, какъ тѣ же всероссійцы и на той же ярмаркѣ „угостили насъ значительнымъ количествомъ разной съѣстной дряни; многое (говоритъ она) уже уничтожено и торговцамъ выданы акты освидѣтельствованія для предъявленія исковъ о возвратѣ денегъ“. Уничтожены, между прочимъ, бочки заржавленныхъ сельдей, отъ которыхъ переболѣла вся артиллерійская команда, о чемъ также составленъ актъ, „по требованію начальника команды“. Будемъ надѣяться, что хоть послѣдній возбудитъ дѣло не о возвратѣ только денегъ, а объ уголовномъ преслѣдованіи подлецовъ, не брезгающихъ отравлять въ цѣляхъ наживы даже свое родное воинство. Даже, наконецъ, самъ князь Мещерскій на себѣ испыталъ все *„безобразіе и варварство“* нашего протекціонизма: зашелъ онъ въ магазинъ графа

Гараха, купилъ столовый сервизъ русскаго фабриканта К—ва, а чрезъ два мѣсяца пришлось его выбросить и купить финляндскій; обратился было съ попрекомъ къ магазину, а тамъ ему и отвѣтили: „да вотъ возьмите хоть всѣ К—скіе сервизы, за свою цѣну отдадимъ; *мы только репутацію себѣ портимъ, продавая такіе товары*“. И все это далеко не на выборъ взятые и единичные примѣры. Развѣ повсемѣстные и повседневные на нашихъ рынкахъ обманы, стачки, обвѣшиванія и обмѣриванія не дѣло рукъ той же среды? Развѣ не она внесла свои развращающіе нравы всюду, куда ни проникала? Оглянитесь: широко припустили ее къ городскому хозяйству—и много ли городскихъ кассъ осталось не разграбленными? Понадѣявшись на quasi-религіозныя чувства, поручили ей церковное хозяйство—и отовсюду пошли такія жалобы на всяческія злоупотребленія, что св. синодъ нашелся вынужденнымъ проэктировать коренное измѣненіе существующихъ порядковъ управленія церковнымъ хозяйствомъ, поставивъ во главѣ его приходскую коллегію и низведя церковнаго старосту на степень только исполнительнаго органа этой коллегіи... И вотъ такая-то среда осмѣливается еще думать во всеуслышаніе, что, оглядываясь на свое прошлое, она заслужила у правительства больше довѣрія, чѣмъ сколько оказано ей учрежденіемъ фабричной инспекціи!!.. Очнитесь, господа! вѣдь такъ нахальничать можно развѣ подъ пьяную руку, въ своемъ тѣсномъ кружкѣ и не вынося сору изъ грязной по уши избы. Поймите наконецъ, что до сихъ поръ вы только и заслужили, чтобы ни къ какому общественному дѣлу и сундуку васъ не допускать иначе, какъ по единогласному выбору всѣхъ избирателей; вы давно заслужили, чтобы надъ вами была поставлена, наконецъ, хорошо оплаченная, свѣдущая и строго-контролируемая торговая инспекція; но больше всего вы заслужили, чтобы закономъ были назначены арестантскія роты за всякое домашнее мошенничество и Сибирь за малѣйшую плутню, дискредитирующую нашу промышленность на международныхъ рынкахъ. Только такими мѣрами и можно „укрѣпить“ за вами эти рынки — и пусть не удивляетъ васъ, что мы, будучи принципіальными противниками мѣръ, на этотъ разъ не перестаемъ пропагандировать ихъ: для успѣшной борьбы съ проказой пригодны только крайнія мѣры, а интересы русской промышленности слишкомъ дороги нашему сердцу, чтобы мы не вопіяли въ защиту ихъ всѣми доступными печатному слову громами. Имѣйте же мужество проглотить что посѣяли сами и да поможетъ вамъ Аллахъ поскорѣе „совершенно перемѣниться“, воспріять въ торговлѣ и промышленности „всякое честное и пристойное обхожденіе“ и не заслуживать болѣе „высочайшаго гнѣва“.

Распространяться по поводу третьяго и пятаго пунктовъ московскихъ притязаній мы въ настоящее время не будемъ, какъ потому, что недавно еще говорили о нихъ очень подробно, такъ и потому, что мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ 7 ноября, распубликованнымъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 11 числа и тогда же по телеграфу сооб-

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Нижегородскіе обѣды и „всероссійскія“ притязанія.—Безтактность и нахальство.—Лодзинская мануфактура и московская.—Экономическая борьба съ Германіей и командировка мистера Ло.—Какъ торгуютъ спокоемъ вѣка Самсонъ-Силычи и какими мѣрами можно „укрѣпить“ за ними чужіе рынки.—Законъ 7 ноября и „самобытный“ протекціонизмъ.—Усиленіе пограничной стражи и отличіе министерства финансовъ отъ всѣхъ другихъ.—Новыя боевыя пошлины на нашъ хлѣбъ и ихъ значеніе для нашего хозяйства.—Что дѣлать?—Дополнительный раскладочный сборъ и правдивость гильдейскаго купечества.

Въ прошлой книгѣ нашего журнала мы видѣли уже, какъ не великъ былъ промежутокъ времени между предположеніемъ министерства финансовъ пересмотрѣть таможенный тарифъ, „при участіи ученыхъ и промышленныхъ обществъ“, и проэктомъ безотлагательнаго повышенія пошлинъ на большую часть привозныхъ продуктовъ, до селедокъ включительно (на 3 коп. съ пуда!) безъ всякаго уже участія этихъ обществъ. Какая экстренность произвела столь рѣзкую перемѣну—мы доподлинно не знаемъ. Знаемъ только, что незадолго до того случился казусъ, давшій печати обильный матеріалъ для безконечныхъ толковъ: чрезъ посредство нижегородскаго губернатора, „всероссійское купечество“ пригласило на ярмарку управляющаго министерствомъ финансовъ и, извѣстившись, что желанный гость пожалуетъ въ 10-хъ числахъ августа, живо собрало 20,000 р. и задало ему два такихъ обѣда, послѣ которыхъ одинъ изъ распорядителей, остатками только закусокъ и вина, угощалъ пріятелей цѣлыхъ три дня, а слывущаго „зеленой лошадью“ подвергъ даже „запойному случаю“, больше впрочемъ „съ горя отъ честности“,—хотѣлъ было вывороти карманы кредиторовъ, да тѣ чуть не поколотили его и усовѣстили. Воспользовавшись подходящимъ случаемъ, нѣкоторые изъ московскихъ фабрикантовъ, съ предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета Осиповымъ во главѣ, облыжно назвавшись „всероссійскимъ купечествомъ“, поднесли И. А. Вышнеградскому докладную записку, въ которой, по ироническому замѣчанію одного листка ходатайствовали о томъ, чтобы на привозные товары была наложена такая высокая пошлина, при одномъ взглядѣ на которую у чужеядныхъ иностранцевъ шапки падали бы съ головъ; чтобы скорѣе настало время, когда всякій „русскій портъ“ пушками станетъ жарить въ корабли съ иностраннымъ товаромъ; чтобы на мѣста фабричныхъ инспекторовъ назначались прикащики „русскихъ фабрикантовъ“; чтобы просителямъ разрѣшалось невозбранно продавать „русскому потребителю“ смѣсь липоваго цвѣта съ березовымъ вѣникомъ подъ названіемъ „русскаго чая“, глиняные горшки подъ названіемъ „русскаго фаянса“, ловко выстриженныя мышиныя шкурки подъ названіемъ „русскаго бархата“; чтобы притомъ въ короткіе зимніе дни дозволялось употреблять и аршины покороче; чтобы за вывозимый „русскій товаръ“ выдавалась премія золотомъ вдвое противъ его стоимости, — словомъ, чтобы, по всей „россійской

старинѣ", разрѣшалось продавать дорого да гнило и объегоривать святую Русь-матушку на всѣ корки, во славу и благоденствіе „русской промышленности и торговли". Устраняя изъ этого перечня присущія ироническимъ шуткамъ преувеличенія и обращаясь къ самому тексту докладной записки (благо она получила широкую огласку), мы видимъ прежде всего, что это уже не „покорнѣйшія просьбы" самодуровъ, на нашихъ глазахъ еще трепетавшихъ передъ квартальнымъ надзирателемъ, а наглыя требованія въ конецъ избалованныхъ кулаковъ, которые, по меткому выраженію Вас. И. Немировича-Данченко, „Богу отлили колокола, отъ чорта заслонились иконами и окурились ладономъ, а начальства и знать не хотятъ, потому что сами сдѣлались начальствомъ". На бланкѣ „всероссійскаго купечества" московскіе Самсонъ-Силычи изложили свои требованія въ пяти пунктахъ: 1) прежде всего, „мудрому управленію" русскими финансами вмѣняется въ обязанность сокрушить пакостную привислянскую промышленность, ибо-де „великорусская промышленность вправѣ ожидать" (sic!), чтобы окраинный фабричный районъ былъ очищенъ отъ иностраннаго элемента, чтобы сухопутная пошлина на привозимый туда хлопокъ была возвышена, чтобы желѣзнодорожные тарифы были передѣланы къ большей выгодѣ для внутренней промышленности, и чтобы впредь русскія дороги строились исключительно на русскіе капиталы и изъ русскихъ матеріаловъ. 2) Министерству финансовъ рекомендуется прочнѣе укрѣпить за Самсонъ-Силычами восточные рынки, а для этого закрыть порто-франко въ приамурскомъ краѣ, включить Бухару въ таможенную черту имперіи и крѣпкой стѣной оградить всѣ наши азіатскія владѣнія отъ наводненія ихъ англійскими и нѣмецкими товарами, какъ уже ограждены, „вопреки прежнему финансовому управленію", рынки закавказскіе и персидскіе. 3) Министерству предлагается „пересмотрѣть, при дѣятельномъ участіи *заинтересованныхъ лицъ*, таможенный тарифъ, утратившій всякую систематичность и стройность, вслѣдствіе безчисленныхъ измѣненій, не всегда отвѣчавшихъ нуждамъ русской промышленности; а до того *„безотлагательно возвысить предварительно намѣченныя* (?) *пошлины*". 4) Московскіе Самсонъ-Силычи выражаютъ крайнее недовольство какъ неравномѣрнымъ обложеніемъ торговли и промышленности въ центрѣ имперіи и на ея окраинахъ, такъ и тѣмъ, что не осуществилась „благая мѣра для прекращенія расточительства русскихъ богатствъ проживающими за границей русскими подданными. Наконецъ, въ 5) храбрые самозванцы, „оглядываясь на долгое, спокойное и патріархальное прошлое русскихъ производствъ, осмѣливаются думать, что они заслуживаютъ у власти больше довѣрія (?!), чѣмъ то, какое оказано имъ учрежденіемъ фабричной инспекціи изъ лицъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ интересами государства, ни съ нуждами промышленности".

Вожделѣній этихъ отнюдь нельзя назвать новыми въ нашей исторіи; не были бы они и *московскими*, еслибы не стремились придушить всякую самобытность и всякое благополучіе, гдѣ бы

таковыя ни возникали за предѣлами Москвы. Новостью въ нихъ можно развѣ признать, съ одной стороны, безтактное и неумѣлое разоблаченіе, откуда идутъ разные финансовые проэкты, въ родѣ провалившагося налога на заграничные поспорты, внезапнаго повышенія пошлинъ на „предварительно-намѣченныя“ (кѣмъ, гдѣ, когда?) привозныя статьи, въ особенности на такія, искусственная дороговизна которыхъ можетъ уничтожить или сократить всякую не московскую мануфактуру, и т. п.; а съ другой—непомѣрное нахальство московскихъ самозванцевъ, дерзнувшихъ не только отождествлять себя съ „русской промышленностью“ и свои карманы съ „интересами государства“, но и диктовать *вліятельному гостю* болѣе или менѣе разорительныя для народа, а слѣдовательно и для казны, мѣропріятія по вопросамъ, о которыхъ просители не имѣютъ и азбучныхъ понятій. Повидимому, самозванцы эти не подозрѣваютъ даже, что исторія есть рядъ чередующихся дѣйствій и противодѣйствій, что одна крайность неминуемо производитъ другую, что поэтому рано или поздно наступитъ реакція и русскому протекціонизму; а при ней неизбѣжно рухнетъ все искусственное, какъ начали проваливаться на нашихъ же глазахъ нѣкоторыя затѣи, едва только оказалось, что казна, затратившая на нихъ мильоны р., не расположена уже терять больше. Отдавая полную справедливость *этому* нерасположенію, мы не удивляемся и нахальству москвичей,—оно вѣдь плоть отъ плоти того давнишняго баловства, которое широко практикуется въ отношеніи къ нимъ, и въ формѣ дешеваго кредита изъ государственнаго банка, и въ формѣ запретительныхъ тарифовъ, и даже въ формѣ той безпрепятственности, съ какою въ послѣднее время открыто стали практиковаться и разныя стачки на повышеніе цѣнъ, и всевозможныя торговыя плутни. Если всякому апетиту присуще расти по мѣрѣ ѣды, то *купецкому* и подавно, — и только въ видѣ слабаго утѣшенія мы можемъ отмѣтить, что въ этотъ разъ съ небывалымъ единодушіемъ возстали противъ московскаго нахальства не только всѣ органы нашей печати, не исключая и присяжныхъ поклонниковъ финансовой „практики“, но даже нѣкоторая часть того самаго „всероссійскаго купечества“, отъ имени котораго осмѣлились выступить московскіе самозванцы.

Сами по себѣ, притязанія эти, разумѣется, не заслуживали бы ни малѣйшаго вниманія; но они вполнѣ его заслуживаютъ, именно по той невидимой связи, которую сами и разоблачили. Итакъ—посмотримъ.

Если сравнить *естественныя* условія производства въ привислянскомъ краѣ съ тѣми, какими обставлено оно въ московскомъ районѣ, то всѣ преимущества окажутся на сторонѣ послѣдняго. Заработная плата и кредитъ обходятся въ немъ значительно дешевле, средняя доходность предпріятій гораздо выше, потребительный районъ сподручнѣе, обширнѣе и богаче, провозъ до такихъ крупныхъ рынковъ, какъ Нижній, Ирбитъ и Тифлисъ, много дешевле, азіатскій хлопокъ (потребляемый здѣсь уже въ количествѣ 15 процентовъ общаго итога), равно какъ дрова, торфъ и доставка изъ Ливерпуля хлопка американскаго, индійскаго и еги-

петскаго—дешевле, и только каменный уголь Москва оплачиваетъ дороже Лодзи, но въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ (2,25 коп. на 100 аршинъ тканей), что о немъ и говорить не стоитъ. Что же касается до *техническихъ* условій, равно доступныхъ каждому желающему, то всѣ они на сторонѣ лодзинскихъ фабрикантовъ и единственно потому, что они не Обломовы: необходимый для фабрикаціи матеріалъ они покупаютъ преимущественно изъ первыхъ рукъ, а не черезъ комисіонеровъ; хозяйствомъ своимъ завѣдуютъ сами, не уплачивая громадныхъ жалованій управителямъ; въ конторахъ своихъ они работаютъ съ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, тогда какъ у московскихъ лежебоковъ конторы и открываются-то только съ 9 часовъ утра до 5 пополудни; производятъ они свой товаръ не наугадъ и не на авось, а по опредѣленнымъ заказамъ, получаемымъ чрезъ странствующихъ прикащиковъ; работаютъ они усовершенствованными машинами, а не тѣмъ давно забракованнымъ въ Европѣ старьемъ, какимъ пробавляется большинство московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ, только благодаря таможенной протекціи; изготовляютъ они преимущественно высокіе сорты бумажной ткани (бязь, бумазея, платки, салфетки, канифасъ и т. п.), а не одни миткали да ситцы. Въ видахъ разширенія сбыта, они не брезгаютъ учиться даже грузинскому языку, о чемъ и не снилось еще нашимъ великорусскимъ лѣнтямъ; они отсылаютъ свой товаръ заранѣе извѣстнымъ заказчикамъ, не уплачивая дани биржевымъ маклерамъ, чрезъ которыхъ продаютъ свои издѣлія москвичи; довольствуются они и ничтожной выгодой, лишь бы капиталъ обращался скорѣе, почему не несутъ потерь и на должникахъ, тогда какъ москвичи даютъ своимъ покупателямъ кредитъ на длинные сроки, лишь бы сорвать подороже, и очень нерѣдко теряютъ громадные куши. Всю эту разницу прекрасно разъяснила лодзинская депутація съ фактами въ рукахъ, и затѣмъ стало очевиднымъ, что, предъявляя требованіе „поставить привислянскую промышленность въ равныя условія съ центральною“, московскіе самодуры хотѣли ни больше, ни меньше, чтобы министерство финансовъ сдѣлало соперниковъ ихъ такими же неумѣлыми лежебоками, какъ они сами. По счастію, никто физически не можетъ сдѣлать этого, еслибы и хотѣлъ; а министерство и хотѣть-то подобныхъ превращеній не имѣетъ повода: во-первыхъ, доколѣ привислянскія губерніи не отняты еще у Россіи, онѣ для русскаго министерства столь же мало „чужеядны“, какъ не будутъ чужеядными тѣ фабрики и заводы, которые рано или поздно возникнутъ въ мургабскомъ государевомъ имѣніи, или въ Закавказьѣ. Во-вторыхъ, министерство очень хорошо знаетъ, что если чужеядностью признавать все не московское, то очень немало такой чужеядности окажется и въ московскомъ районѣ: уже на всероссійской выставкѣ 1882 года, изъ 3,160 премированныхъ разными наградами издѣлій, 40 процентовъ выпало на долю иностранныхъ производителей; по счисленію московскаго статистика Орлова, 12 процентовъ управителей самыми крупными фабриками въ этомъ районѣ составляли иностранные техники; а сколько въ послѣдніе годы затесалось въ тамош-

ною мануфактуру жидовъ, про то можетъ повѣдать любой москвичъ. Если, поэтому, великорусская промышленность сама безъ чужеядностей не можетъ обходиться, то, разумѣется, она не „вправѣ и ожидать", чтобы какой бы то ни было изъ окраинныхъ районовъ искусственно былъ отъ нихъ очищаемъ и чтобы въ частности русскія дороги строились на такіе капиталы, которыхъ нѣтъ ни въ формѣ денежныхъ знаковъ, ни въ формѣ спеціальныхъ знаній. Наконецъ, въ-третьихъ, министерство финансовъ меньше чѣмъ кто либо имѣетъ право сокрушать привислянскую мануфактуру, именно потому, что непрестаннымъ съ 1868 года повышеніемъ таможеннаго тарифа, подъ диктовку московскихъ же фабрикантовъ, само оно, можно сказать, и выростило ее. Съ одной стороны, высокій тарифъ *прямо* натолкнулъ туземныхъ и иностранныхъ капиталистовъ обратить свои средства на разработку тѣхъ мѣстныхъ минеральныхъ богатствъ, которыя дотолѣ разрабатывались очень слабо, и на водвореніе въ краѣ производства тѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, привозъ которыхъ съ повышеніемъ пошлинъ долженъ былъ сократиться; а съ другой стороны онъ *косвенно* произвелъ то, что, по мѣрѣ сокращенія привоза изъ-за границы, массы подвозившихъ къ ней наше сырье вагоновъ возвращались пустыми (въ количествѣ 75 изо ста) и, столько же въ собственныхъ интересахъ, сколько въ интересахъ государства, приплачивающаго за недоборы по гарантіямъ, могли взимать въ обратный путь болѣе дешевый фрахтъ за извозъ привислянскихъ товаровъ, нежели какой получали за извозъ до границы русскаго сырья. Въ силу какихъ разумныхъ причинъ надлежало бы искусственно удорожать эти обратные фрахты, въ угоду московскимъ самодурамъ,—этого, конечно, здравая логика не рѣшитъ, такъ какъ и для простеца очевидно, что во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе получить за извозъ хоть что нибудь, нежели идти въ пустую. Такимъ образомъ, весь первый пунктъ московскихъ притязаній оказывается сплошною нелѣпостью и въ экономическомъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ.

Но съ этимъ пунктомъ тѣсно у насъ связываютъ вопросъ о возникшей экономической борьбѣ съ Германіей. „Надо, говорятъ уничтожить привислянскую мануфактуру, потому что вся она или наибольшая часть ея держится *нѣмецкими* капиталами и находится въ *нѣмецкихъ* рукахъ; разъ же Германія щедро угощаетъ насъ поголовнымъ изгнаніемъ русскихъ подданныхъ, боевыми пошлинами на наше сырье, давленіемъ на наши курсы и даже прекращеніемъ кредита подъ наши бумаги, необходимо отбиваться такимъ же оружіемъ и не дозволять столь наглыхъ оскорбленій нашего достоинства". Не трудно однако убѣдиться, что тутъ большое недоразумѣніе. Мы съ своей стороны дорожимъ нашимъ достоинствомъ отнюдь не меньше москвичей; но смѣемъ думать, что уничтоженіе какой бы то ни было изъ окраинныхъ мануфактуръ вовсе не будетъ тѣмъ „равнымъ оружіемъ", печальная необходимость котораго несомнѣнна и для насъ. Начать съ того, что капиталъ, въ чемъ бы онъ ни заключался, по самой сущности своей, всегда и вездѣ космополитиченъ: кому бы онъ ни принадлежалъ, но, если направленъ на обработку *нашего* сырья, уве-

личиваетъ *его* цѣнность, даетъ заработокъ *нашему* населенію и *нашимъ* дорогамъ, удовлетворяя *нашей* же потребности въ товарѣ, то онъ такой же русскій, какъ еслибы принадлежалъ самому предсѣдателю нижегородскаго ярмарочнаго комитета, и душить его хоть также, какъ душитъ этотъ предсѣдатель всероссійское купечество разными поборами *), нѣтъ ни выгоды, ни разсчета, потому что вѣдь, прежде всего, это значило бы сѣчь самого себя, à la Пошлепкина. Справедливо, что желѣзный канцлеръ своими мѣрами противъ нашей состоятельности сѣчетъ себя гораздо больнѣе, чѣмъ насъ, и въ послѣднемъ результатѣ размножаетъ число своихъ же внутреннихъ враговъ; но, во-первыхъ, въ смыслѣ отместки, это намъ и на руку; а, во-вторыхъ, подражать чужеяднымъ глупостямъ не обязательно, да и надобности нѣтъ, такъ какъ имѣются средства, болѣе достойныя стамилліонной державы и болѣе дѣйствительныя. На боевыя пошлины ничто не мѣшаетъ намъ установить, *впредь до ихъ отмѣны, такія же на всѣ германскіе товары*, подчеркнувъ эту мѣру соотвѣтственнымъ пониженіемъ пошлинъ на однородные товары тѣхъ другихъ государствъ, которыя не прибѣгаютъ къ подобному стѣсненію нашего вывоза. Гордая своимъ величіемъ и въ высшей степени практичная Англія недаромъ поспѣшила командировать къ своему посольству въ Петербургѣ мистера Ло, *„для спеціальнаго завѣдыванія торговыми отношеніями Англіи и Россіи“*: такой, доселѣ небывалой командировкой она какъ бы шепнула намъ, что на нашемъ мѣстѣ поступила бы именно въ такомъ направленіи, не стѣсняясь вопросомъ, понравится это кому нибудь, или нѣтъ. Точно также ничто не препятствуетъ намъ обложить *пруссаковъ* такимъ спеціальнымъ налогомъ за право пребыванія въ Россіи, который равнялся бы искусственному ихъ удаленію съ нашей территоріи, обложивъ попутно и другихъ иностранцевъ хоть тѣмъ же только сборомъ, какой взимаетъ сама Германія (47 марокъ въ годъ), благо такой налогъ широко практикуется въ Сѣв. Америкѣ, во Франціи, Швеціи, Норвегіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, и проэктируется даже въ свободолюбивой Англіи. Засимъ поправить нашъ курсъ, какъ мы уже говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, зависитъ гораздо больше отъ насъ самихъ, нежели отъ кого бы то ни было; а что касается до прекращенія кредита подъ наши бумаги, то финансовому управленію очень даже выгодно замѣнить этотъ кредитъ (всего-то на 35 мил. р.) своимъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ онъ дастъ больше дохода, чѣмъ тѣ несчастные 1—1½ проц. въ годъ, какими оно довольствовалось на свои капиталы,

*) Любопытный счетецъ этимъ поборамъ привела на дняхъ одна газета: съ оцѣнки помѣщенія на ярмаркѣ *въ 500 руб.* взимается разныхъ сборовъ *только 660 рублей*, въ томъ числѣ 15 проц. съ оцѣнки на содержаніе ярмарочнаго управленія, 2 проц. на содержаніе ярмарочнаго комитета и 3 проц. въ *безотчетное распоряженіе предсѣдателя этого комитета*! Ужасно любятъ Самсонъ-Силычи всякую безотчетность.

лежащіе у заграничныхъ банкировъ (22—25 мил. р. золот.) или даже безъ всякаго дохода въ кладовыхъ банка (18 мил. р. зол.),— и намъ пріятно отмѣтить, что, по газетнымъ слухамъ, распоряженія въ этомъ смыслѣ уже и сдѣланы. Рядъ этихъ *открытыхъ и неприкрашенныхъ* мѣръ очень скоро заставилъ бы нашихъ заграничныхъ „друзей“ очнуться и спросить себя—куда они идутъ? Имъ вѣдь извѣстно, что на бумагахъ нашихъ они получаютъ двумя процентами въ годъ больше, чѣмъ на своихъ, получаютъ ихъ съ самой изысканной исправностью, и недаромъ газетчики ихъ поднимаютъ цѣлыя бури, какъ только появляется слухъ, что мы ищемъ себѣ рынковъ, менѣе грабительскихъ: въ одно послѣднее 25-лѣтіе мы переплатили имъ на этихъ лишнихъ процентахъ по меньшей мѣрѣ полтора милліарда марокъ! Не дешево также обойдется Германіи и потеря рынка, на которомъ она сбывала ежегодно своихъ товаровъ на 135 мил. руб.,—и ни минуты нельзя сомнѣваться, что другимъ языкомъ заговорили бы тогда сосѣдніе дипломаты.

Во второмъ пунктѣ своихъ притязаній московскія утробы сказались во всю свою семиовчинную ширь. Плотно огражденный отъ всякой чужеядной конкуренціи, рынокъ стомилліоннаго народа имъ кажется слишкомъ тѣснымъ; они хотятъ насильственно сопричислить къ нему и Бухару съ 2.130,000 тощаго населенія, и наши „порты“ въ приамурскомъ краѣ, гдѣ, со включеніемъ даже полумилліоннаго населенія забайкальской области, насчитывается едва 612,000 душъ на половину бродячихъ и вѣчно голодающихъ инородцевъ; имъ надо, чтобы министерство финансовъ не только окружило китайской стѣной высокаго тарифа наши средне-азіатскія степи съ 4-милліоннымъ населеніемъ, но „укрѣпило“ бы за ихъ карманами всѣ рынки Персіи, отдаленнаго Востока (?) и т. д. Жаль только, что вѣковѣчные „попрошайки“ не указали—какъ все это сдѣлать помимо собственнаго ихъ участія и при испытанной ихъ обломовщинѣ? Ни для кого не секретъ, что, напр., въ приамурскомъ краѣ и сейчасъ вся жизненная обстановка достается злополучному потребителю чрезвычайно дорого: простая пшеничная мука обходится тамъ въ 2—3 р. за пудъ, гречневая крупа не дешевле 3 р. 30 к., рисъ отъ 10 до 18 руб., сахаръ отъ 12 до 20 р., стеариновыя свѣчи отъ 18 до 22 р., даже керосинъ—отъ 8 до 10 р. за пудъ! А много ли Самсонъ-Силычей орудуетъ въ такой прибыльной торговлѣ? Одинъ-два, да и обчелся. Извѣстно, что китовый и моржевый промыслы въ омывающихъ Камчатку водахъ даютъ разнымъ „чужеядцамъ“ по милліону чистаго дохода въ годъ; извѣстно, что одинъ котиковый промыселъ на Командорскихъ островахъ до такой степени обогащаетъ Гутчинсона, Коля и К-°, что, имѣя за собою еще четыре года аренды, компанія эта сама выражала готовность возвысить сейчасъ же арендную плату съ 80 до 250 тысячъ руб. въ годъ *), если только

*) По нашимъ государственнымъ росписямъ, доходъ отъ этого промысла исчислялся въ 1879 году 68,000 р., въ 1880 году 59,845 р., въ 1882 году 95,000 р., въ 1883 году 87,500 р. и т. д.

промыселъ этотъ оставленъ будетъ за нею и на слѣдующій срокъ. Что же? шевельнулъ ли пальцемъ хоть одинъ Китъ-Китычъ, чтобы милліоны эти оставить за собою? До такой степени нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, что на всемъ камчатскомъ побережьѣ вы не встрѣтите *ни одного инородца, понимающаго по русски*, тогда какъ встрѣтите многихъ, говорящихъ на англо-нѣмецкомъ жаргонѣ американцевъ, которые съумѣли объамериканить даже лучшій изъ тамошнихъ нашихъ портовъ, Петропавловскъ! Что порто-франко тутъ не причемъ —это ясно уже изъ того, что на тысячу квадратныхъ верстъ пространства приходится въ этомъ краѣ менѣе 18 душъ звѣроловческаго и полунищаго населенія, съ которымъ, очевидно, не очень-то расторгуешься на московской мануфактурѣ... „*Укрѣпить*“ за ней рынки Азіи! Легко сказать, но очень не легко сдѣлать при тѣхъ кулаческихъ пріемахъ, которые спокон-вѣка усвоило себѣ „всероссійское купечество“. Не дальше какъ въ ноябрской книжкѣ „Русской Старины“ воспроизведенъ указъ главнаго магистрата 1753 года, въ которомъ значится, что „ея величеству извѣстно учинилось, коимъ образомъ россійскіе купцы для торга своего въ чужестранныя государства, а особливо въ Швецію пріѣзжаютъ и тамъ *такъ гнусно и подло пребываніе свое имѣютъ*, что не токмо великое презрѣніе и посмѣяніе на самихъ себя, но и на все россійское купечество *немалое предосужденіе и поношеніе тѣмъ наносятъ*... притомъ же нѣкоторые *и не трезво себя содержатъ*“. Поэтому главный магистратъ, *подъ опасеніемъ высочайшаго гнѣва*, объявлялъ, чтобы отъѣзжающіе за границу по торговымъ дѣламъ купцы „не токмо поведеніе свое и платье перемѣнили, но и всякое *честное и пристойное обхожденіе* и знакомство тамо *заводить старались*, ибо тѣмъ они какъ себѣ самимъ, такъ и всему россійскому купечеству *честь, почтеніе и лучшій кредитъ у всѣхъ чужестранныхъ націй пріобрѣсти могутъ*“ (стр. 489). Въ полномъ собраніи законовъ, подобныхъ указовъ такъ много, что изъ нихъ не трудно составить очень солидный томъ. Но самое обиліе это не достаточно ли свидѣтельствуетъ, что плотную шкуру Китъ-Китычей никогда еще не удавалось пронимать *человѣческими* мѣрами, даже до царскаго гнѣва включительно? Въ январьской книгѣ нашего журнала (стр. 49) мы видѣли, что намѣстникъ царскій, князь Воронцовъ не постѣснился письменно обозвать торгашами первѣйшихъ московскихъ степенствъ (Четвериковыхъ, Гучковыхъ, Прохоровыхъ и tutti quanti) и отнять всѣ преимущества, которыя щедро были имъ предоставлены для „укрѣпленія“ русской торговли на Кавказѣ. И кто же не знаетъ, что никакого толку не вышло,—обтерли заплеванныя физіономіи, да порѣшили, что-де „брань на вороту не виснетъ“. Ближайшій къ нашимъ днямъ подвигъ московскихъ степенствъ всѣмъ памятенъ: цѣлый годъ, подъ видомъ полюбившихся китайцамъ яркихъ суконъ, они продавали имъ разное тряпье, обернутое только сукномъ, пока гнусная плутня не заставила китайцевъ предпочесть сукна англійскія и американскія. Покойный государь до такой степени былъ оскорбленъ этой подлостью, что въ ближайшее посѣщеніе Москвы не пожелалъ даже принять отъ купечества хлѣбъ-соль,—но и этотъ пле

Гараха, купилъ столовый сервизъ русскаго фабриканта К—ва, а чрезъ два мѣсяца пришлось его выбросить и купить финляндскій; обратился было съ попрекомъ къ магазину, а тамъ ему и отвѣтили: „да вотъ возьмите хоть всѣ К—скіе сервизы, за свою цѣну отдадимъ; *мы только репутацію себѣ портимъ, продавая такіе товары*“. И все это далеко не на выборъ взятые и единичные примѣры. Развѣ повсемѣстные и повседневные на нашихъ рынкахъ обманы, стачки, обвѣшиванія и обмѣриванія не дѣло рукъ той же среды? Развѣ не она внесла свои развращающіе нравы всюду, куда ни проникала? Оглянитесь: широко припустили ее къ городскому хозяйству—и много ли городскихъ кассъ осталось не разграбленными? Понадѣявшись на quasi-религіозныя чувства, поручили ей церковное хозяйство—и отовсюду пошли такія жалобы на всяческія злоупотребленія, что св. синодъ нашелся вынужденнымъ проэктировать коренное измѣненіе существующихъ порядковъ управленія церковнымъ хозяйствомъ, поставивъ во главѣ его приходскую коллегію и низведя церковнаго старосту на степень только исполнительнаго органа этой коллегіи... И вотъ такая-то среда осмѣливается еще думать во всеуслышаніе, что, оглядываясь на свое прошлое, она заслужила у правительства больше довѣрія, чѣмъ сколько оказано ей учрежденіемъ фабричной инспекціи!!.. Очнитесь, господа! вѣдь такъ нахальничать можно развѣ подъ пьяную руку, въ своемъ тѣсномъ кружкѣ и не вынося сору изъ грязной по уши избы. Поймите наконецъ, что до сихъ поръ вы только и заслужили, чтобы ни къ какому общественному дѣлу и сундуку васъ не допускать иначе, какъ по единогласному выбору всѣхъ избирателей; вы давно заслужили, чтобы надъ вами была поставлена, наконецъ, хорошо оплаченная, свѣдущая и строго-контролируемая торговая инспекція; но больше всего вы заслужили, чтобы закономъ были назначены арестантскія роты за всякое домашнее мошенничество и Сибирь за малѣйшую плутню, дискредитирующую нашу промышленность на международныхъ рынкахъ. Только такими мѣрами и можно „укрѣпить“ за вами эти рынки — и пусть не удивляетъ васъ, что мы, будучи принципіальными противниками мѣръ, на этотъ разъ не перестаемъ пропагандировать ихъ: для успѣшной борьбы съ проказой пригодны только крайнія мѣры, а интересы русской промышленности слишкомъ дороги нашему сердцу, чтобы мы не вопіяли въ защиту ихъ всѣми доступными печатному слову громами. Имѣйте же мужество проглотить что посѣяли сами и да поможетъ вамъ Аллахъ поскорѣе „совершенно перемѣниться“, воспріять въ торговлѣ и промышленности „всякое честное и пристойное обхожденіе“ и не заслуживать болѣе „высочайшаго гнѣва“.

Распространяться по поводу третьяго и пятаго пунктовъ московскихъ притязаній мы въ настоящее время не будемъ, какъ потому, что недавно еще говорили о нихъ очень подробно, такъ и потому, что мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ 7 ноября, распубликованнымъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 11 числа и тогда же по телеграфу сооб-

Засимъ отмѣтимъ для памяти и еще характерную подробность. Читатели помнятъ, вѣроятно, что когда въ разныхъ канцеляріяхъ обсуждался вопросъ о закрытіи кавказскаго транзита, для котораго главнымъ образомъ и строилась многомилліонная желѣзная дорога отъ Каспійскаго моря къ Черному, то депеши съ мольбами о таковомъ закрытіи дождемъ сыпались даже отъ такихъ нашихъ фабрикантовъ, которые *никогда и ничего на кавказскіе рынки не посылали*,—нужно было увѣрить канцеляріи, что-де мольбы эти „всероссійскія". Нѣчто подобное продѣлало теперь и азіатское торговопромышленное товарищество, „Кудринъ и комп"., но только не прямо съ канцеляріями, а чрезъ газеты. Въ наиболѣе распространенныя изъ нихъ и притомъ такія, которыя съ успѣхомъ могли бы называться „Слушаю-съ", оно послало цифровыя данныя о своихъ quasi-громадныхъ операціяхъ по разведенію хлопка въ туркестантскомъ краѣ, и такъ увлеклось насчетъ своихъ урожаевъ въ минувшій сезонъ, что цифру ихъ хватило во 160,000 пудовъ. Еслибы наши канцеляріи, а съ ними и газетчики почаще заглядывали въ тотъ конто-курантъ, который именуется отечественной статистикой, то, разумѣется, не попадались бы на такія грубыя удочки. Но ловкое товарищество, повидимому, знало, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: поднялся гвалтъ о необходимости поощреній „своему хлопку" и пошлина на „чужеядный" прошла благополучно, даже въ болѣе высокомъ размѣрѣ, чѣмъ возвышалось раньше. Вотъ тутъ-то и появилась въ легковѣрной газетѣ депеша *двѣнадцати* ташкентскихъ хлопководовъ, которые, *возмутившись завѣдомой невѣрностью кудринскихъ цифръ*, пояснили, что плантаціи этого товарищества не превышаютъ въ сложности 428 десятинъ, „*съ которыхъ сборъ хлопка никоимъ образомъ не можетъ превышать 7,000 пудовъ*". Конечно, 7 и 160—дистанція огромнаго размѣра; но вѣдь съ другой стороны „на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ", — и мы первые отъ души порадуемся, если этотъ новый урокъ убѣдитъ разныхъ карасей, что довѣрять всероссійскимъ ходатайствамъ хищныхъ щукъ очень не безопасно и для промышленности, и для казны.

Какъ бы то ни было, но если недавнія еще повышенія ввозныхъ пошлинъ привели уже къ тому, что за первые восемь мѣсяцевъ текущаго года недоборъ въ таможенномъ доходѣ достигъ 6.323,718 р., то новѣйшее повышеніе самымъ естественнымъ путемъ вызвало два такихъ явленія, при которыхъ этотъ доходъ, *вполнѣ способный расти изъ года въ годъ*, долженъ будетъ въ недалекомъ будущемъ еще болѣе сократиться. Разумѣемъ, съ одной стороны, проэктъ новаго усиленія нашей пограничной стражи, которая въ сущности есть ничто иное, какъ самая непроизводительная издержка взиманія тѣхъ же таможенныхъ сборовъ; а съ другой стороны—новыя боевыя пошлины на нашъ хлѣбъ, которыми Бисмаркъ, тоже по телеграфу и даже безъ разрѣшенія парламента, поспѣшилъ дать „отвѣтъ на номеръ".

Что касается до усиленія пограничной стражи, то, по газетнымъ слухамъ, составъ ея предположено увеличить двумя новыми бригадами и затѣмъ всю эту армію, свыше 20,000

человѣкъ, выдѣлить изъ вѣдомства таможеннаго департамента, образовавъ изъ нея особый корпусъ, на подобіе жандармскаго, съ особымъ главнокомандующимъ, штабами, управленіями, сотнями тысячъ входящихъ и исходящихъ бумагъ и милліонами расходовъ. Слѣдуя весьма авторитетнымъ поученіямъ исторіи другихъ государствъ, поставленныхъ относительно контрабанды въ неизмѣримо лучшія противъ Россіи условія,—мы уже въ прошлой книжкѣ говорили, что игра эта очень скоро окажется не стоющею свѣчей. Ни одного слова изъ сказаннаго мы не рѣшились бы взять обратно, еслибы даже пограничную стражу довели и до ста тысячъ человѣкъ. Въ наилучшемъ случаѣ, вмѣсто уловлявшихся доселѣ четырехъ контрабандныхъ тюковъ изо ста, она изловитъ восемь изо ста; но остальные 92 непремѣнно пройдутъ по назначенію столь же благополучно, какъ проходили раньше 96, по той простѣйшей причинѣ, что въ этомъ благополучіи равно заинтересованы двѣ такія силы, съ которыми успѣшная борьба рѣшительно немыслима: съ одной стороны, хорошо оплоченный, ловкій и находчивый контрабандистъ, а съ другой—весь потребляющій проносимые тюки народъ (со включеніемъ, конечно, и всевозможныхъ стражъ), которому контрабанда открываетъ идеально заманчивую возможность *жить дешевле*. Идти противъ такой силы на проломъ совершенно то же, что лбомъ стѣну разбивать.

Но вопросъ этотъ имѣетъ еще особенность, о которой нельзя не упомянуть, разъ онъ затронутъ. Извѣстно, что, въ силу присущаго каждой власти (до урядника включительно) свойства стремиться къ разширенію и самобытности, наша администрація вообще представляетъ собою единственную броню, которой ликвидированіе крѣпостнаго права пробить доселѣ не могло. Кахановской комисіи съ высоты престола даже было указано объединить мѣстное управленіе и упразднить множество ненужныхъ, временемъ наслоившихся присутствій, комитетовъ, комисій, канцелярій; однако и она, при всемъ добромъ желаніи, оказалась безсильною справиться съ разными „самобытностями“:—каждая въ отдѣльности непремѣнно хотѣла имѣть въ губерніи „своего“ крѣпостнаго представителя. Съ этой точки зрѣнія наше, министерство финансовъ, пользуясь болѣе, чѣмъ другія, широкой возможностью располагать средствами казны, давно уже сдѣлало изъ себя феноменъ, съ которымъ никакое изъ остальныхъ министерствъ и сравниться не можетъ, потому что не только въ цѣломъ своемъ составѣ, но въ лицѣ каждаго департамента и каждой своей канцеляріи создало въ губерніи „особыхъ“ агентовъ, отъ одного перечня которыхъ духъ захватываетъ. Судите сами: казенная палата, податное присутствіе, податная инспекція, губернское казначейство, питейное присутствіе, акцизное управленіе и корчемная стража, фабричное присутствіе, мануфактурный комитетъ и фабричная инспекція, таможенный округъ, пограничная стража и таможенная флотилія, контора государственнаго банка, отдѣленіе крестьянскаго банка, отдѣленіе дворянскаго банка, биржевой комитетъ. Всѣ эти учрежденія, работая „раздробительно и на выносъ“, безъ знанія и безъ желанія знать, что дѣлаютъ сосѣди

объединяются на высшей ступени іерархіи *только въ особѣ министра*, который, еслибы даже имѣлъ въ своемъ распоряженіи 72 часа въ сутки и олицетворялъ собою десять Глэдстоновъ и десять Меццофанти, все таки не могъ бы физически ни упомнить, что дѣлаютъ многочисленные его агенты, ни усмотрѣть, чтобы они, по крайней мѣрѣ, не изображали собою щуку, лебедя и рака. Но вотъ оказывается, что и этого мало. Оказывается, что нуженъ еще „свой" главнокомандующій, съ соотвѣтственной обстановкой, да кромѣ того нужно еще оттягать отъ спеціально-завѣдывающаго путями сообщеній министерства чрезвычайно трудное и сложное дѣло—тарификаціи провозной платы по желѣзнымъ дорогамъ. Для какихъ цѣлей понадобилось столь неожиданное и странное расчлененіе дорожнаго вѣдомства (на какое *никогда* еще не посягалъ *ни одинъ* изъ нашихъ министровъ финансовъ) мы не знаемъ. Но, памятуя опять таки прошлое, даже очень недавнее и общеизвѣстное, мы крайне сомнѣваемся, чтобы отъ этого послѣдовала какая нибудь польза *для казны*, и отнюдь не сомнѣваемся, что *для промышленности и торговли* такое расчлененіе будетъ очень вредно, уже потому, что откроетъ крайне опасную возможность давать имъ искусственное направленіе, по такимъ одностороннимъ усмотрѣніямъ, которыя легко могутъ обогатить, или разорить тѣ или другія дороги, могутъ развить весьма нежелательную биржевую игру разными акціями и облигаціями, но могутъ не совпадать съ самыми кровными интересами русскаго народа. Для примѣра, укажемъ на появившійся уже и не опровергнутый слухъ, будто лодзинской депутаціи было любезно объявлено, что-де въ вознагражденіе за повышенную пошлину на хлопокъ (уже подорвавшую пароходство по Вислѣ) мы вамъ дадимъ такой провозный тарифъ изъ Одессы или отъ Либавы, который покроетъ всѣ ваши потери. Если слухъ этотъ вѣренъ, то спрашивается — что же это, какъ не игра интересовъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ казной, ни съ промышленностью? Вѣдь, если новая пошлина на хлопокъ сочинялась безъ заднихъ мыслей, то вопроса о „вознагражденіи" и ставить нельзя; а если она повышалась ради увеличенія доходовъ казны, то уменьшать эти доходы, путемъ убыточнаго дорожнаго тарифа, значитъ—отдавать одною рукою то, что собиралось другою. Въ концѣ концовъ казна не выиграетъ ничего, кредитъ финансоваго управленія сильно пошатнется, а народъ потеряетъ милліоны на искусственно созданныхъ переплатахъ за хлопчатобумажныя издѣлія же милліоны сдѣлается неспособнымъ оплачивать другіе казенные сборы, какъ это и оказалось, по свидѣтельству государственнаго контроля, въ 1886 году. Лучшимъ доказательствомъ, какъ невыгодно *для государства*, когда спеціально-финансовое вѣдомство беретъ на себя дѣла, вовсе не относящіяся къ его прямой компетенціи, служитъ недавно состоявшееся соглашеніе его съ „Главнымъ обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ". По отзыву газеты, считающей себя чѣмъ-то въ родѣ довѣреннаго органа финансоваго управленія, соглашеніе это состоялось на такомъ условіи, что главное общество заплатитъ

одновременно съ декретомъ о повышеніи пошлинъ, продлены и усилены полицейскія строгости противъ туземно-соціалистической партіи, которая рано или поздно свернетъ шею безшабашной политикѣ крови и желѣза, фарисействующей подъ заржавленною вывѣской мира. Но, съ другой стороны, не станемъ обманывать и себя ребяческими иллюзіями, какія изобильно расточались по этому поводу въ разныхъ органахъ печати, и прежде всего не забудемъ офиціально удостовѣреннаго факта, что *именно съ той поры, какъ нашъ самобытный протекціонизмъ закусилъ удила, обороты русской торговли съ Европой* (главной потребительницей нашего сырья), *не перестаютъ падать изъ года въ годъ*, притомъ такъ, что *отпускъ теряетъ гораздо больше, чѣмъ допускаемый запретительными пошлинами привозъ*. Въ своемъ послѣднемъ отчетѣ, государственный контроль удостовѣрилъ, что еще въ 1882 году нашъ отпускъ простирался до 667.343,000 р., а въ 1886—упалъ до 450.651,000 р., или *на 48 процентовъ*, тогда какъ привозъ за тѣ же годы сократился съ 527.512,000 до 379.715,000 р., или безъ малаго *на 39 процентовъ*. Въ виду такихъ данныхъ, только непроглядная слѣпота можетъ не видѣть, какъ страшно бичуетъ этотъ упадокъ оборотовъ злополучное сельское хозяйство, дающее почти весь итогъ нашего отпуска въ Европу, и только непроходимое невѣжество газетчиковъ можетъ не понимать, какимъ это образомъ пересоленный протекціонизмъ обездоливаетъ сельско-хозяйственную промышленность? Очень просто. Международная торговля, какъ и всякая другая, есть только обмѣнъ однихъ цѣнностей на равныя имъ другія. Отсюда народъ, запирающій свои ворота для ввоза чужихъ цѣнностей, тѣмъ самымъ уже запираетъ ихъ для вывоза своихъ и запираетъ тѣмъ съ большими для *себя же* потерями, что этимъ запираніемъ удорожаетъ *свои* цѣнности и искусственно дѣлаетъ ихъ недоступными потребителю, ибо чѣмъ дороже товаръ, тѣмъ меньше лицъ, способныхъ купить его. Возьмемъ самый обычный до недавняго времени примѣръ. Англіи нужно 1,000 вагоновъ самарской пшеницы въ Либавѣ. Зная, что русскаго мореходнаго флота не имѣется, она посылаетъ въ Либаву 5 пароходовъ, вмѣстимостью каждый во 120,000 пудовъ; а чтобы эти пароходы не обошлись слишкомъ дорого и не подняли стоимости пшеницы до недоступной для потребителя цѣны, она нагружаетъ ихъ необходимымъ для самарскаго района чугуномъ или желѣзомъ. Если ворота Россіи не заперты для англійскаго чугуна или желѣза, то въ такомъ случаѣ не только привезшіе ихъ пароходы, но и вагоны, доставившіе пшеницу въ Либаву, пойдутъ въ оба пути съ грузомъ или, другими словами, какъ чугунъ или желѣзо, такъ и пшеница, заплатятъ только *одиночный* фрахтъ, и обмѣнъ совершится къ обоюдной выгодѣ сторонъ, потому что обѣ за возможно дешевую цѣну получатъ то, что каждой нужно. Но, разъ только ворота Россіи запираются для англійскаго чугуна и желѣза, картина сразу мѣняется самымъ кореннымъ образомъ: Англія либо ищетъ рынка, болѣе доступнаго для *взаимной* мѣны, либо понижаетъ стоимость самарской пшеницы въ Либавѣ на всю ту ве-

личину, въ какую обойдется ей посылка туда пяти пароходовъ съ водянымъ балластомъ. Въ свою очередь, и самарская пшеница должна будетъ оплатить 1000 вагоновъ не въ одну только сторону до Либавы, но и обратно, такъ какъ въ этотъ обратный путь они также пойдутъ пустыми,—и засимъ очевидно, что пшеницѣ этой за извозъ въ Англію придется заплатить *двойной* фрахтъ, за вычетомъ котораго хозяину или ничего не останется, или останется гораздо меньше, чѣмъ сколько стоили издержки ея производства. Понятно, что онъ вынужденъ будетъ бросить такое убыточное производство; бывшая подъ пшеницей земля запустуетъ, а подъ болѣе дешевыми хлѣбами и подавно; арендная за землю плата, какъ и самая стоимость земли, значительно понизятся, земельные банки затрещатъ, масса рабочихъ рукъ, сѣявшихъ и собиравшихъ хлѣба, останется безъ дѣла и неминуемо обѣднѣетъ; а какъ они-то и составляютъ громадное большинство русскаго населенія (90 человѣкъ изъ 100), то ихъ обѣдненіе неизбѣжно подорветъ фабрикацію, сократитъ размѣры торговли и столь же неизбѣжно накажетъ казну. Это ясно, какъ день, и всего нагляднѣе иллюстрируется какъ приведенными цифрами государственнаго контроля, такъ и тѣми „затрудненіями" казны, которыя вызываютъ неустанную погоню министерства финансовъ за разными грошами. Давно понялъ это и здравый смыслъ русскаго народа, который не вчера только рѣшилъ, что „умъ любитъ волю, *а торгъ —просторъ*" и который въ данномъ случаѣ имѣетъ за собою то важное преимущество, что его-то ужь никоимъ образомъ нельзя ругнуть ни „доктринеромъ", ни „фритредеромъ", какъ это дѣлаютъ (за неимѣніемъ лучшихъ доводовъ) наши доморощенные протекціонисты съ своими образованными противниками. Памятуя все это, мы, конечно, не скажемъ со многими другими, что боевыя пошлины намъ не страшны, ибо-де въ Германію нашего хлѣба вывозится только 36,5 мил. пудъ или, въ переводѣ на хорошую пшеницу, не было и 3.650,000 четвертей, т. е. столько, сколько производитъ пшеницы одна Подольская губернія. Не скажемъ мы подобнаго вздора потому, что вѣдь боевой пошлиной обложена не спеціально-подольская пшеница, а *весь* поступающій на рынки русскій хлѣбъ, искусственное обезцѣненіе котораго неизбѣжно поразитъ *всѣ* производящія его хозяйства, безъ малѣйшаго исключенія. Не станемъ утѣшаться и тѣмъ, что въ первое время послѣ назначенія боевыхъ пошлинъ цѣны хлѣбовъ на томъ или другомъ изъ нашихъ рынковъ не измѣнились, или даже повысились,—это легко могло случиться, потому что цѣны вообще слагаются подъ воздѣйствіемъ многихъ и разныхъ причинъ, откуда вовсе не слѣдуетъ, что не упадутъ они и впослѣдствіи. Берлинскій „Börsen Kurier" такъ и предсказалъ, что „*чрезъ извѣстное время* новыя пошлины окажутъ такое вліяніе на русскую валюту (и—прибавимъ отъ себя — на русское сельское хозяйство), что сдѣлаются рѣшительно невыносимыми". Наконецъ, не будемъ самообольщаться и такимъ соображеніемъ, что-де съ закрытіемъ германскихъ рынковъ нашъ хлѣбъ легко найдетъ себѣ другіе, — это гораздо легче ска-

зать, нежели сдѣлать, какъ потому, что эти „другіе“ не купятъ вѣдь больше того количества, какое нужно имъ самимъ, такъ и потому, что еслибы и купили, то во всякомъ случаѣ не по прежнимъ цѣнамъ, а въ этомъ-то и сила удара, нанесеннаго боевыми пошлинами. Пресмыкающіеся органы желѣзнаго канцлера и не скрываютъ, что этотъ ударъ, какъ и всѣ предшествовавшіе, преслѣдуетъ одну и туже *„чисто политическую цѣль:“* ослабить экономическое могущество Россіи, отнять у нея возможность дѣлать займы въ Европѣ и заставить ее порвать съ тѣми принципами, которыми въ послѣднее время стала она руководиться въ области финансовой и экономической своей политики.“ Но желѣзный канцлеръ забылъ, что онъ-то и былъ иниціаторомъ, пустившимъ въ ходъ эти пагубные принципы, что Москва только раздула и довела ихъ до тѣхъ крайностей, при которыхъ экономическія силы Россіи съ большимъ успѣхомъ истощаются и безъ боевыхъ пошлинъ, но что отъ этого возможность дѣлать займы далеко не устранилась, ибо, если дѣлаютъ ихъ даже Австрія или Турція, то подавно найдутся кредиторы для Россіи, не говоря уже о томъ, что въ случаѣ нужды одни наши монастыри и церкви могутъ ссудить государству такія богатства, о которыхъ и не снилось германскимъ мудрецамъ. Какъ бы то ни было, но на удары *политическіе* нужны и отвѣты *таковые же*. Мы объяснили выше, въ какой формѣ могли бы они осуществиться, безъ дальнѣйшаго для насъ разоренія. Намъ возразятъ, что вѣдь есть торговые трактаты, а въ нихъ есть статьи, упоминающія о правахъ „наиболѣе покровительствуемыхъ націй.“ Мы знаемъ все это; но знаемъ также, что когда начинается драка, хотя бы на экономической почвѣ, то церемоніи съ трактатами откладываются въ сторону и что трактаты, заключенные при однихъ обстоятельствахъ, не могутъ оставаться обязательными, когда самыя эти обстоятельства мѣняются по волѣ одного изъ контрагентовъ. Если поэтому онъ бьетъ насъ очень больно, то и намъ слѣдуетъ бить, но такъ, что бы очень больно было *только ему одному*; а для этого совершенно достаточно разъясненія, что отнынѣ подъ „наиболѣе покровительствуемыми націями“ будутъ разумѣться исключительно такія, которыя не участвуютъ въ нанесеніи намъ даже и экономическихъ ударовъ. Гласное о томъ объявленіе, а за нимъ и фактическое пониженіе пошлинъ, на правахъ полной взаимности, для всѣхъ недрачливыхъ, не только напомнило бы кому вѣдать надлежитъ, что палка имѣетъ два конца, но могло бы сдѣлаться и той костью, въ виду которой насоюзнѣйшіе барбосы перегрызлись бы другъ съ дружкой очень скоро и затѣмъ наиболѣе сердитому ничто не мѣшало бы пояснить, что если онъ имѣетъ охоту набрасываться и дальше, такъ милости просимъ.

Квасные протекціонисты не замедлятъ конечно, спросить— что же станется при пониженныхъ пошлинахъ съ нашей мануфактурой? На это отвѣтимъ, что тѣ изъ русскихъ фабрикъ и заводовъ, которые, „по глубокому убѣжденію“ самого управляющаго министерствомъ финансовъ, успѣшно могутъ соперничать

ку-вывозителю весь акцизъ, но еще дается премія по 80 коп. съ пуда. Наконецъ мы знаемъ, что, именно вслѣдствіе этихъ „благодѣяній,“ на глазахъ всевозможныхъ властей и въ явное нарушеніе законовъ составилась стачка заводчиковъ, рѣшившая вывозить за границу цѣлую четверть производимаго сахару, съ тѣмъ чтобы за остальныя три четверти брать съ русскаго потребителя по 4 р. 50 к. за пудъ. Переводя эти цифры на общепонятный языкъ, сдѣлается ясно, что казенными милліонами оплачивается одно изъ двухъ: или неумѣнье заводчиковъ разсчитать, сколько нужно готовить сахару, чтобы избытокъ предложенія не роняль цѣну его ниже издержекъ производства, или дарованіе имъ возможности дешево продовольствовать русскимъ сахаромъ кого угодно, лишь бы не алчущихъ сладости россіянъ. Очевидно, что въ такой обстановкѣ наше сахароваренiе перестаетъ быть *промышленностью*, подъ которою (какъ и самое слово указываетъ) разумѣется только смышленная, осмысленная дѣятельность; а затѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы при пониженіи пошлинъ на иностранный сахаръ вся эта quasi-промышленность и улетучилась (что, впрочемъ, не сбыточно), то ничего не потеряли бы милліоны русскихъ потребителей и много выиграла бы государственная казна.

Извѣстно, что закономъ 15 января 1885 года былъ установленъ дополнительный раскладочный сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, уплачивающихъ гильдейскія пошлины, причемъ акціонерныя и товарищескія изъ нихъ должны были платить такого сбора 9 процентовъ съ чистой прибыли за истекшій операціонный годъ, а всѣ остальныя—указанную въ законодательномъ порядкѣ на три года общую сумму такого сбора по каждой губерніи. Въ силу этого закона, на первое трехлѣтіе съ 1885 года общая сумма дополнительнаго сбора была опредѣлена въ 2.558,000 р., наблюденіе за правильностью сборовъ съ отдѣльныхъ предпріятій возложено главнымъ образомъ на торговыя депутаціи, а имъ предоставлено получать необходимыя свѣдѣнія о прибыльности и оборотахъ предпріятій отъ самихъ хозяевъ. Съ истеченіемъ—въ концѣ текущаго года—перваго трехлѣтія, предстояло вновь установить сумму сбора на слѣдующее, и тутъ-то собранныя свѣдѣнія показали, какъ относится наше гильдейское купечество, на этотъ разъ уже дѣйствительно всероссійское, къ интересамъ государства. Оказалось, что изъ 123,207 предпріятій каждое среднимъ числомъ дѣлало оборота на 44,254 рубля, получало съ него чистой прибыли не болѣе будто бы 1,485 руб., или 3,36 процентовъ и платило съ нея дополнительнаго сбора 20 р. 76 к., или всего 1,4 процента, вмѣсто предполагавшихся при изданіи закона трехъ. Въ виду общеизвѣстности того факта, что прибыль въ 10% наши торговые люди считаютъ обыкновенно „пустымъ дѣломъ съ хлѣба на квасъ“, а особенно въ виду простаго соображенія, что никакой капиталистъ и не подумалъ бы хлопотать изъ 3—4 процентовъ, когда имѣется возможность, лежа на боку, получать 5—6 на гарантированныхъ государствомъ бумагахъ,—министерство финансовъ, не стѣснившись и слезнымъ ука-

заніемъ московскихъ самозванцевъ на обременительное будто обложеніе торговли и промышленности, рѣшило увеличить трехлѣтіе съ 1888 года сумму дополнительнаго по губерн сбора до 4.200,000 р., что и составитъ около 34 р. 9 к. на дое предпріятіе, или на 64 проц. выше сборовъ истекаю трехлѣтія. Достойно замѣчанія, что это снисходительное рѣ не встрѣтило возраженій ни въ одномъ изъ органовъ нашей чати, хотя въ тысячный разъ оказалось — какого довѣрія служиваютъ у правительства люди, которымъ городовое пол ніе 1870 года отвело столь широкое участіе во всѣхъ городск дѣлахъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Берлинское свиданіе.—Болѣзнь крон-принца, преувеличенная съ по ческою цѣлью.—Обнаруженный и гнѣвающійся канцлеръ.—Обвинен поддѣлкѣ документовъ.—Экономическая война противъ Россіи.—Бисма русская печать.—Президентскій кризисъ во Франціи.—Версальскій грессъ и кандидатура Ферри. — Избраніе Сади-Карно. — Австрія не вѣряющая Германіи. — Чешская брошюра.—Разоблаченіе Бисмарков плановъ.—За что собственно сердится канцлеръ?—Его двуличіе и душіе.—Румынія и ея политика.—Вражда короля и его министро Россіи.—Румынскія претензіи. — Положеніе Испаніи. — Казнь анархи въ Сѣверной Америкѣ.—Русскій журналистъ, награжденный болгарс орденомъ за панегирики палочникамъ.

15 (3) декабря.

Два событія сильно занимали въ прошломъ мѣсяцѣ вниманіе не т дипломатическаго міра, но и всего европейскаго общества; оба они в дили много надеждъ и опасеній въ политическомъ мірѣ, но не прои въ немъ никакихъ перемѣнъ. Ни свиданіе въ Берлинѣ, ни перемѣна п дента въ Парижѣ не оставили слѣда, хотя отъ нихъ ждали серьез перипетій. Отъ свиданія газеты отнимали даже политическое значен нашъ брюссельскій офиціозъ «Le Nord» объясняетъ его замедле возвращенія высокихъ гостей датскаго короля по случаю кори авгус шихъ дѣтей, затѣмъ—закрытіемъ навигаціи въ Балтійскомъ морѣ и чикшею вслѣдствіе этого необходимостью вернуться въ Россію черезъ П

А вступивъ однажды на землю добраго сосѣда и родственника, не

было не посѣтить его, по обычаю, существующему между дружественными державами, не говоря уже о вѣковыхъ узахъ взаимнаго расположенія, соединяющихъ оба царственные дома. Берлинскій визитъ не могъ быть продолжителенъ уже и потому, что маститый императоръ опечаленъ и озабоченъ опасною болѣзнью наслѣдника престола. Болѣзнь эта, если будетъ имѣть печальный исходъ, можетъ имѣть еще болѣе печальныя послѣдствія для европейскаго мира. Сынъ крон-принца, Вильгельмъ, отличается воинственными наклонностями; онъ другъ германскаго канцлера, поклонникъ его системы—запугиванія Европы, и недавно еще произнесъ публично рѣчь въ такомъ реакціонномъ духѣ, что изумилъ всѣхъ. Не мудрено, что клевреты Бисмарка желали бы поскорѣе видѣть этого принца во главѣ правленія и для этого преувеличиваютъ болѣзнь наслѣдника престола, рѣшаются даже толковать о необходимости отреченія маститаго императора. Берлинское свиданіе сильно пошатнуло, однако, разсчеты канцлера. Испросивъ себѣ аудіенцію, онъ не успѣлъ, никого увѣрить въ своемъ дружелюбіи къ Россіи и въ чистотѣ своихъ намѣреній, и его газеты, тотчасъ же за аудіенціею, начали печатать, что канцлера оклеветали, что орлеанистская партія поддѣлала фальшивые документы отъ его имени, а придворная камарилья посадила его на парадномъ обѣдѣ чуть не на послѣднее мѣсто. Послѣдняя жалоба только позабавила періодическую печать; но обвиненіе въ томъ, что въ Россію посланы подложные документы за подписью канцлера, до сихъ поръ не сходитъ со столбцовъ его газеты. Появился въ печати и одинъ изъ этихъ документовъ: письмо германскаго посла при вѣнскомъ дворѣ, принца Рейса къ Фердинанду Кобургскому. Въ письмѣ этомъ посолъ обѣщаетъ, именемъ канцлера, всевозможное покровительство и содѣйствіе авантюристу, захватившему болгарскій престолъ: и это въ то время, когда канцлеръ увѣрялъ русскую дипломатію, что раздѣляетъ ея взгляды на незаконность избранія Кобурга. Посолъ, конечно, отрекся отъ своего письма; отъ имени орлеанскихъ принцевъ сдѣлано въ газетахъ сообщеніе, что никогда французскіе монархисты не принимали ни малѣйшаго участія въ судьбѣ Кобурга, но Бисмаркъ продолжалъ въ своихъ газетахъ сердиться на все и на всѣхъ—доказывая этимъ, что онъ не правъ. Очевидно, что онъ перепесъ все съ больной головы на здоровую, стараясь еще разъ ввести въ обманъ общественное мнѣніе и негодуя на обнаруженіе его продѣлокъ. Да и кто могъ повѣрить въ его расположеніе къ Россіи, послѣ того какъ онъ наканунѣ берлинскаго свиданія запретилъ германскому банку принимать въ залогъ русскія бумаги, а въ рейхстагъ внесъ законъ объ удвоеніи пошлинъ на привозный русскій хлѣбъ? Миролюбіе же свое онъ доказалъ изготовленіемъ закона о ландверѣ и ландштурмѣ, которые постановлено мобилизовать въ одно время со всею арміею, что̀ увеличитъ и безъ того громадный составъ ея еще на 400,000 солдатъ, хорошо подготовленныхъ къ бою. И послѣ этого смѣютъ еще сомнѣваться, что канц-

лалъ ничего особеннаго, воспользовавшись довѣріемъ своего тестя и стараясь нажиться путемъ сомнительныхъ сдѣлокъ и спекуляцій. Въ наше время биржевыхъ и банковыхъ аферъ, финансовыхъ и комерческихъ оборотовъ, всякаго рода концессій и подрядовъ — понятія о законности и справедливости такъ шатки и неопредѣленны, что разграниченіе безусловно легальнаго дѣянія отъ поступка, не оправдываемаго строгою нравственностью—становится весьма затруднительно. Въ томъ, что старикъ Греви сначала не хотѣлъ видѣть, а потомъ захотѣлъ прикрыть грѣхи мужа своей дочери, отца двухъ обожаемыхъ имъ внучекъ, можно было видѣть только доказательство родственной любви. Президентъ, прогнанный съ позоромъ, виновенъ не въ этомъ увлеченіи понятнымъ и простительнымъ чувствомъ. Виноватъ онъ въ томъ, что предпочелъ свой личный семейный интересъ общему благу, достоинству государства. Человѣкъ, стоящій во главѣ управленія, долженъ быть прежде всего правителемъ, а потомъ уже семьяниномъ. Несчастье нашего вѣка состоитъ именно въ томъ, что человѣкъ, облеченный властью, прежде всего употребляетъ эту власть не для блага управляемыхъ, а для того, чтобы подѣлиться ею вмѣстѣ со своими родственниками. Непотизмъ—язва современнаго общества. Наполеона I погубило то, что онъ раздавалъ европейскіе троны своимъ бездарнымъ братьямъ и мужьямъ своихъ сестеръ. Наполеонъ III былъ умнѣе въ этомъ отношеніи и держалъ въ черномъ тѣлѣ, во время своего управленія, своего дядюшку, бывшаго короля Вестфаліи, а своему двоюродному братцу Жерому не поручалъ командованія арміей ни въ крымской, ни въ итальянской кампаніи. А сколько кампаній погубили всѣ эти братцы, зятья, дядюшки правителей!

Нашъ гуманный вѣкъ, конечно, осуждаетъ Луція Юнія Брута, въ варварскую эпоху возникновенія Рима рубившаго головы своимъ сыновьямъ; но вѣдь нельзя же сочувствовать и президенту республики, предпочитающему скорѣе подвергнуть всю страну опасному кризису, чѣмъ отречься отъ своего плутоватаго зятя. Предоставляя его суду въ самомъ началѣ процесса, затѣяннаго съ цѣлью компрометировать Буланже, какъ было доказано во время преній, Греви не только не потерялъ бы, но даже выигралъ въ общественномъ мнѣніи; но, не вмѣшиваясь, по конституціи, въ дѣла управленія, онъ вздумалъ вмѣшаться въ судебную процедуру, заставилъ и полицію, и юстицію нарушать свои обязанности, позволилъ обвиняемому выкрасть изъ дѣла компрометирующія его письма (враждебныя ему газеты говорятъ, что Греви самъ уничтожилъ ихъ); защищая свою родню, онъ не защитилъ популярнаго генерала отъ интригъ и мести его личнаго врага, военнаго министра Феррона; заставилъ министерство прикрывать плутни Вильсона и обманывать палату; когда же палата потребовала судебнаго слѣдствія надо всѣми виновными, счелъ это оскорбленіемъ своего достоинства и грозилъ подать въ отставку. Но когда, не смотря на угрозы, палата выбрала слѣдственную комисію и низвергла слишкомъ податливое министер-

ство, Греви не хотѣлъ подчиниться приговору общественнаго мнѣнія и началъ обращаться ко всѣмъ сколько нибудь выдающимся государственнымъ дѣятелямъ, съ цѣлью составить новый кабинетъ, который бы принялъ сторону президента и—его зятя. Когда же предводители всѣхъ республиканскихъ, оппортюнистскихъ и радикальныхъ фракцій, одинъ за другимъ, объявили ему, что онъ не найдетъ больше министровъ, если не откажется отъ власти, что противъ него—вся страна, возмущенная его слабостью, противуконституціонными поступками, заступничествомъ за человѣка, замѣшаннаго въ грязныхъ дѣлахъ; что званіе перваго сановника республики запятнано сообщничествомъ съ мелкими плутами,—Греви понялъ наконецъ, что нельзя идти противъ «гласа народа» и рѣшился выйти въ отставку, но, объявивъ объ этомъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы удержать за собою президентство, оттягивая сколько могъ, окончательное рѣшеніе, нѣсколько разъ мѣнялъ назначенный имъ самимъ срокъ представленія въ палату своей отставки; наконецъ, опредѣливъ первое декабря послѣднимъ срокомъ черезъ мѣру длившагося кризиса, очень развязно объявилъ Рувье, явившемуся къ нему за отвѣтомъ, что перемѣнилъ намѣреніе, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, и въ отставку подавать не желаетъ. Засѣданіе палаты въ этотъ день останется въ исторіи. Когда оно открылось, Рувье сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «кабинетъ рѣшился взять назадъ свое прошеніе объ отставкѣ, чтобы дать возможность президенту республики сложить съ себя должность конституціоннымъ порядкомъ. Объ этомъ просилъ и самъ президентъ, но сегодня утромъ—отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія. Никакого посланія онъ не передалъ министерству, а потому оно вновь подаетъ въ отставку».

Это былъ дерзкій вызовъ всей странѣ, въ лицѣ ея представителей; палата долго не могла успокоиться. Казо сдѣлалъ предложеніе, что такъ какъ президентъ республики ввелъ въ обманъ законодательное собраніе въ дѣлѣ первостепенной важности, и такой образъ дѣйствій можетъ неблагопріятно отозваться на конституціонныхъ порядкахъ, то палата все таки будетъ ждать образованія новаго министерства, о чемъ и довести немедленно до свѣденія президента. Съ этимъ рѣшеніемъ Рувье отправился къ Греви, а палата положила собраться снова въ четыре часа. Рувье сообщилъ ей, что Греви очень грубо принялъ его и сказалъ: «Вы больше не министръ, поэтому не имѣете права принимать порученій отъ палаты, а тѣмъ болѣе передавать мнѣ ихъ.» Въ отвѣтъ на эту новую дерзость, президентъ палаты Флоке напомнилъ, что, по существующимъ правиламъ, подавшее въ отставку министерство сохраняетъ всѣ свои полномочія до вступленія въ должность новаго кабинета и имѣетъ возможность и обязанность охранять народъ и конституцію. Поэтому палата, большинствомъ 531 голоса противъ 3, поддержала свое прежнее рѣшеніе и отсрочила засѣданіе до шести часовъ. Въ то же время и сенатъ, занявшись обсужденіе-

емъ мѣръ, необходимыхъ для охраненія спокойствія, причемъ было заявлено и о томъ, чтобъ отдать Греви подъ судъ, постановилъ не расходиться и ждать его дальнѣйшихъ рѣшеній и заявленій. Неожиданное упрямство Греви сдѣлалось еще раньше извѣстнымъ въ Парижѣ и, около четырехъ часовъ, вокругъ зданія палаты депутатовъ собралась толпа тысячъ въ десять, державшая себя довольно покойно и только кричавшая по временамъ: à bas Grevy! Наши жидовствующія «Новости», сочинявшія уже нѣсколько разъ и возстанія и заговоры въ Болгаріи, и на этотъ разъ сообщили, что народъ стрѣлялъ изъ револьверовъ въ солдатъ, охранявшихъ Бурбонскій дворецъ, и сосчитали даже ровно шестьдесятъ человѣкъ раненыхъ пулями и камнями. Между тѣмъ, народъ только помялъ немного Деруледа, вздумавшаго почему-то кричать: vive Grevy! Когда всѣ были возмущены его поступкомъ, этотъ агитаторъ совсѣмъ потерялъ голову и явился въ палату—звать Кловиса Гюго въ предводители возстанія. Его выпроводили изъ палаты, гдѣ онъ не имѣлъ права быть. Но онъ не успокоился, и, выйдя къ толпѣ, сталъ звать ее къ дому русскаго посольства, чтобы сдѣлать ему симпатичную манифестацію. Войско безъ труда разогнало этихъ манифестантовъ, но вечеромъ Деруледъ собралъ новую толпу и отправился съ нею въ ратушу; здѣсь его, наконецъ, арестовали, хотя потомъ и выпустили черезъ нѣсколько часовъ. Не обошлось, конечно, и безъ знаменитой Луизы Мишель. Она отправилась во главѣ многочисленной толпы къ Елисейскому дворцу съ криками: à bas Grevy! приглашая по дорогѣ строить баррикады. Но у жилища Греви собрано было еще больше войска и оно тотчасъ оттѣснило толпу отъ дворца, причемъ черезчуръ разбушевавшуюся психопатку Мишель принуждены были увезти въ полицію. Сцены и, въ особенности, рѣшенія палаты депутатовъ и сената, заставили однако Греви образумиться, и въ шесть часовъ вечера Рувье объявилъ палатѣ, что «кабинетъ имѣлъ честь сообщить президенту рѣшенія обѣихъ палатъ и онъ объявилъ, что эта двойная манифестація заставила его перемѣнить свое намѣреніе и что, не желая вступать въ столкновеніе съ представителями народа, онъ сообщитъ завтра о своихъ намѣреніяхъ относительно положенія, въ какое его поставили, и о рѣшеніи, какое онъ вынужденъ принять. Палата приняла недовѣрчиво это заявленіе, такъ какъ въ немъ не упоминалось слово: отставка. Поднялись крики: «Греви сошелъ съ ума! Старикъ опять не уйдетъ, опять обманетъ. Онъ хочетъ революціи!» Министръ торговли успокоивалъ палату, говоря: «онъ далъ честное слово, что уйдетъ, и надѣюсь, что сдержитъ слово».

На другой день, при открытіи засѣданія палаты, Флокэ объявилъ, что получилъ отъ президента республики посланіе съ заявленіемъ о его отставкѣ. При мертвомъ молчаніи прочитано было это посланіе, въ которомъ Греви говорилъ: «голосованіе палатъ равносильно приглашенію выйти въ от-

ставку. Я имѣю право и обязанъ бы остаться, но благоразуміе и патріотизмъ принуждаютъ меня уступить, чтобы избѣжать столкновеній. Я апелирую къ Франціи. Она скажетъ, что въ теченіе девяти лѣтъ моего управленія, я обезпечилъ ей миръ, порядокъ и свободу, что я покидаю ее, посреди вооруженной Европы, въ состояніи защищать свою честь и свои права, и что я съумѣлъ удержать республику на пути благоразумія. Франція скажетъ, что, взамѣнъ всего этого, у меня отнятъ былъ постъ, на который я былъ поставленъ ея довѣріемъ». Все это—одни слова, лишенныя правды и достоинства. Если Греви думалъ, что онъ имѣетъ право остаться, то и долженъ былъ остаться. Патріотизмъ не могъ побудить его къ уступкѣ. Не онъ обезпечилъ миръ Франціи и организовалъ армію, способную защищать родину. На высокій постъ возвело его довѣріе страны—это правда, но, потерявъ его, онъ не долженъ былъ цѣпляться за этотъ постъ и употреблять всѣ усилія, чтобы удержаться на немъ во что бы то ни стало. Когда первые президенты республики, Тьеръ и Мак-Магонъ, увидѣли, что общественное мнѣніе противъ нихъ, они тотчасъ же оставили свой постъ, не дожидаясь, чтобы ихъ къ этому принудили. Палата прибѣгнула къ принужденію, только увѣрившись, что сообщникъ Вильсона не покинетъ добровольно своего поста, хотя и замаралъ его своимъ потворствомъ мелкимъ плутнямъ. Неужели слѣдовало дожидаться скандала, чтобы правосудіе, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи процесса Вильсона, привлекло на скамью подсудимыхъ и президента республики? Развѣ мало, по выраженію нѣмецкихъ газетъ, той грязной ванны, въ которую окунулась Франція по милости безхарактернаго и, въ то же время, упрямаго Греви?

Многія газеты упрекаютъ палату въ томъ, что она нарушила конституцію, такъ какъ на основаніи ея президентъ можетъ быть смѣненъ только по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Но недомолвка писаннаго закона не уничтожаетъ закона нравственнаго. Еслибы вдругъ оказалось, что какой нибудь президентъ совершилъ безчестный поступокъ—неужели онъ долженъ все таки оставаться главою государства только потому, что подобный поступокъ не предусмотрѣнъ закономъ? Вѣдь и въ монархическихъ державахъ властителей больныхъ, нравственно или умственно, отстраняютъ отъ управленія, какъ было съ предшественниками Вильгельма прусскаго и Луитпольда баварскаго. Не отдавать же было, въ самомъ дѣлѣ, подъ судъ 74-лѣтняго старика—для увеличенія скандала, и безъ того уже доведеннаго его упрямствомъ чуть не до уличной революціи. Что онъ искренній республиканецъ и честно исполнялъ свои обязанности въ странѣ, избравшей его своимъ представителемъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Общественная дѣятельность его была всегда безукоризненна, а на его частную жизнь не обращали вниманія; посмѣивались только надъ его скупостью и надъ тѣмъ, что, получая 1.200,000 франковъ въ годъ содержанія, изъ которыхъ 600,000 опредѣлялось на пред-

ставительство и на путешествія президента для ознакомленія со страною, онъ давалъ два—три мизерные бала въ годъ и никуда не ѣздилъ, кромѣ Монсуводрэ—мѣстечка, гдѣ онъ родился, а когда на югѣ Франціи свирѣпствовала холера и нѣкоторые департаменты опустошило наводненіе—отправилъ туда министровъ съ помощью, но не отъ себя, а отъ правительства. Скаредность его простиралась до того, что, какъ мы уже говорили, онъ, будучи президентомъ, ходилъ, первое время, самъ по жильцамъ своихъ многочисленныхъ домовъ въ Парижѣ и собиралъ съ нихъ деньги за квартиры. Частная семейная жизнь его не принималась въ разсчетъ, а она-то и погубила его, потому что была далеко не примѣрная. Напрасно думаютъ, что для государственнаго дѣятеля достаточно исполнять свой долгъ по отношенію къ государству, а до нравственности его нѣтъ никому дѣла: безпорядочная семейная жизнь имѣетъ большое вліяніе на отправленіе общественныхъ обязанностей, отражается на характерѣ человѣка въ его сношеніяхъ съ другими лицами, на его поступкахъ. Все это ясно доказываетъ печальная исторія Греви. Онъ не жилъ со своей женой и, бывши адвокатомъ, управлялъ дѣлами г-жи Пелузъ, красивой замужней женщины. Вскорѣ она развелась съ мужемъ и жила открыто съ Греви. Когда его выбрали президентомъ республики, пришлось разойтись съ нею и опять взять къ себѣ въ домъ свою жену. Единственная дочь его Аляса, выросшая безъ надзора матери, влюбилась въ извѣстнаго пѣвца Капуля, и тотъ даже просилъ руки ея. Но бракъ между дочерью президента и бывшимъ парикмахеромъ былъ немыслимъ. Отецъ поспѣшилъ выдать замужъ романическую дѣвушку. Мужъ разведенной г-жи Пелузъ, получившій хорошее мѣсто по инженерной части, женился на дѣвицѣ Вильсонъ и, оставаясь другомъ президентскаго дома, ввелъ въ него свою вторую жену и ея брата, спекулятора и прожектера Вильсона, родившагося въ Парижѣ, но происходившаго отъ англійскаго еврея, переселившагося во Францію. Поэтому, не надо было далеко искать жениха,—онъ былъ подъ рукою, почти свой человѣкъ, и охотно сдѣлался зятемъ президента, получивъ, конечно, въ приданое разнаго рода выгодныя мѣста, казенные подряды, постройки и т. п. Онъ скоро съумѣлъ овладѣть довѣріемъ безхарактернаго Греви и, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, пустился въ самыя рискованныя спекуляціи, игралъ на биржѣ навѣрняка, узнавая прежде всѣхъ отъ тестя политическія новости, продавалъ казенныя мѣста, ордена и, путая имя президента въ грязныя сдѣлки, попалъ наконецъ, въ скандальный процессъ.

Послѣ девяти лѣтъ плутней всякаго рода, безнаказанно сходившихъ съ рукъ, увидѣть ихъ обнаруженными—было, конечно, досадно, и Вильсонъ, для скрытія ихъ, не остановился и передъ уголовными преступленіями. Изо всѣхъ парижскихъ газетъ «XIX Siècle» началъ печатать уже не слухи, а документальныя обвиненія противъ зарвавшагося спекулятора.

Редакторъ газеты Портлисъ, выходя изъ дома, подвергся неожиданному нападенію: получивъ сильный ударъ по затылку тупымъ орудіемъ, онъ упалъ, успѣвъ закричать о помощи. По счастью, вблизи были два полицейскихъ; они бросились къ упавшему и успѣли схватить нападавшаго. Онъ не скрывалъ, что хотѣлъ отмстить за оскорбленія, нанесенныя газетою зятю президента. Портлисъ представилъ въ полицію нѣсколько полученныхъ имъ анонимныхъ писемъ съ угрозою, что онъ будетъ убитъ, если не перестанетъ нападать на Вильсона. Черезъ нѣсколько дней, газета напечатала, что Вильсонъ взялъ взятку съ Сельера въ 600,000 за ходатайство у военнаго министра Тибодэна по поставкѣ солдатскаго сукна на армію. (Этого Сельера, давно уже кричавшаго, что его обманула правительство, посадили въ домъ сумашедшихъ, но должны были вскорѣ выпустить, боясь процесса, которымъ грозили родственники заключеннаго въ Шарантонъ). Портлисъ показывалъ членамъ палаты чекъ, полученный Вильсономъ отъ Сельера, въ уплату этой взятки. Въ ту же ночь, въ квартиру редактора забрались воры, не украли ничего изъ цѣнныхъ вещей, а унесли только нѣсколько портфелей съ бумагами и документами. Обоимъ этимъ дѣламъ—о покушеніи и покражѣ—полиція не давала дальнѣйшаго хода и пріобщила ихъ «къ имѣющему начаться дѣлу по обвиненіямъ депутата Вильсона въ противузаконныхъ поступкахъ». Теперь это дѣло, вѣроятно, и вовсе заминутъ, чтобы не привлекать къ суду бывшаго президента, хотя газеты говорятъ объ исчезновеніи не только другихъ документовъ, но даже лицъ, которыя могли обличить еще болѣе важныя преступленія Вильсона.

Но, отдѣлавшись отъ одного президента, скомпрометировавшаго себя постыднымъ попустительствомъ или сообщничествомъ, необходимо было выбрать какъ можно скорѣе другаго, чтобы положить конецъ кризису, угрожавшему уличной революціей. И здѣсь предстояло еще больше затрудненій, чѣмъ съ отставкою Греви. Кого выбрать на его мѣсто? На конгрессѣ 1885 года большинство народныхъ представителей сходилось на имени, тогда еще почетномъ и всѣми уважаемомъ, человѣка, семь лѣтъ уже занимавшаго высокій постъ представителя Франціи. Теперь этого большинства не существовало. При послѣднихъ выборахъ въ палату депутатовъ, въ нее попало столько монархистовъ, что они начали тормозить развитіе республиканскихъ учрежденій и, соединяясь съ бонапартистами и радикалами, свергать одно министерство за другимъ. Кандидатомъ своимъ монархисты выставили Жюля Ферри, виновника тонкинской экспедиціи и открытаго прислужника Бисмарка. Этотъ человѣкъ до того ненавистенъ народу, что, даже требуя отставки Греви, толпы чаще кричали: «долой Ферри», чѣмъ «долой Греви»! Деруледъ грозилъ, что если выберутъ Ферри, то вся лига патріотовъ возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ. Республиканская партія не могла остановиться на одномъ лицѣ и колебалась между Фрейсинэ, Флокэ, Бриссо-

номъ, Соссье. При первой предварительной баллотировкѣ 3-го декабря, Ферри получилъ 200 голосовъ, Фрейсинэ 193, Бриссонъ 81, Сади-Карно 69; при второй и третьей — большинство было все таки за Ферри, и только при четвертой оно осталось за Сади-Карно. На конгрессѣ, Ферри и Фрейсинэ отказались въ его пользу отъ своихъ кандидатуръ. Въ послѣднюю минуту представители народа оказались на высотѣ своего призванія и пожертвовали своими личными интересами въ пользу единодушнаго выбора. При первомъ голосованіи на конгрессѣ, изъ 852-хъ голосовъ, Сади-Карно получилъ 303, Ферри 212, Соссье 148, Фрейсинэ 76. При второмъ и окончательномъ голосованіи, изъ 833-хъ голосовъ, за Сади-Карно дано 616 голосовъ, и онъ выбранъ президентомъ республики.

Что же за лицо этотъ новый представитель Франціи? Онъ никогда не отличался блестящими политическими способностями, но имя его всегда было уважаемо всѣми. Онъ внукъ знаменитаго дѣятеля французской революціи, выдающагося математика, члена комитета общественнаго спасенія, организатора военныхъ силъ республики, врага Робеспьера, военнаго министра при Наполеонѣ, противодѣйствовавшаго, хотя и безъ успѣха, его ненасытному властолюбію. Отецъ Карно былъ сенсимонистомъ и министромъ просвѣщенія при второй республикѣ. Выбранный депутатомъ Парижа въ 1853 году, онъ отказался принести присягу въ вѣрности похитителю власти, герою 2-го декабря, и принужденъ былъ отказаться отъ своего званія. Онъ еще живъ и теперь сенаторъ. Сынъ его, нынѣшній президентъ, родившійся въ 1837 году, вышелъ первымъ ученикомъ изъ инженернаго училища въ 1863 году. Въ 1870-мъ г. правительство народной обороны поручило ему устройство укрѣпленій для защиты сѣверныхъ береговъ Франціи. Вслѣдъ затѣмъ, онъ былъ выбранъ депутатомъ народнаго собранія и подавалъ голосъ противъ заключенія міра съ пруссаками, противъ возвращенія во Францію орлеанскихъ принцевъ, противъ всѣхъ происковъ, клонившихся къ возстановленію монархіи. Въ посланіи къ своимъ избирателямъ онъ говоритъ, что только республика можетъ умиротворить Францію и не будетъ правительствомъ партій. Только она сплотитъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ, дастъ странѣ порядокъ, спокойствіе и свободу, возвратитъ то мѣсто, которое ей принадлежитъ по праву между великими державами. И въ новой палатѣ, не позволившей Макъ-Магону осуществить его монархическіе замыслы и принудившей его выйти въ отставку, Карно былъ сначала секретаремъ, потомъ товарищемъ министра общественныхъ работъ, затѣмъ министромъ ихъ въ кабинетѣ Гамбетты. Онъ сохранилъ этотъ постъ болѣе двухъ лѣтъ и при слѣдующемъ кабинетѣ; затѣмъ въ 1885 году онъ былъ министромъ финансовъ въ министерствѣ Бриссона и сохранилъ этотъ постъ при Фрейсинэ. Въ концѣ 1886 года онъ вышелъ въ отставку, потому что палата не утвердила его предложенія объ уничтоженіи чрезвычайныхъ расходовъ и консолидированія текущаго долга. Болѣе всѣхъ про-

заніемъ московскихъ самозванцевъ на обременительное будто бы обложеніе торговли и промышленности, рѣшило увеличить на трехлѣтіе съ 1888 года сумму дополнительнаго по губерніямъ сбора до 4.200,000 р., что и составитъ около 34 р. 9 к. на каждое предпріятіе, или на 64 проц. выше сборовъ истекающаго трехлѣтія. Достойно замѣчанія, что это снисходительное рѣшеніе не встрѣтило возраженій ни въ одномъ изъ органовъ нашей печати, хотя въ тысячный разъ оказалось — какого довѣрія заслуживаютъ у правительства люди, которымъ городовое положеніе 1870 года отвело столь широкое участіе во всѣхъ городскихъ дѣлахъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Берлинское свиданіе.—Болѣзнь крон-принца, преувеличенная съ политическою цѣлью.—Обнаруженный и гнѣвающійся канцлеръ.—Обвиненіе въ поддѣлкѣ документовъ.—Экономическая война противъ Россіи.—Бисмаркъ и русская печать.—Президентскій кризисъ во Франціи.—Версальскій конгрессъ и кандидатура Ферри. — Избраніе Сади-Карно. — Австрія не довѣряющая Германіи. — Чешская брошюра.—Разоблаченіе Бисмарковскихъ плановъ.—За что собственно сердится канцлеръ?—Его двуличіе и двоедушіе.—Румынія и ея политика.—Вражда короля и его министровъ къ Россіи.—Румынскія претензіи. — Положеніе Испаніи. — Казнь анархистовъ въ Сѣверной Америкѣ.—Русскій журналистъ, награжденный болгарскимъ орденомъ за панегирики палочникамъ.

15 (3) декабря.

Два событія сильно занимали въ прошломъ мѣсяцѣ вниманіе не только дипломатическаго міра, но и всего европейскаго общества; оба они возбудили много надеждъ и опасеній въ политическомъ мірѣ, но не произвели въ немъ никакихъ перемѣнъ. Ни свиданіе въ Берлинѣ, ни перемѣна президента въ Парижѣ не оставили слѣда, хотя отъ нихъ ждали серьезныхъ перипетій. Отъ свиданія газеты отнимали даже политическое значеніе, и нашъ брюссельскій офиціозъ «Le Nord» объясняетъ его замедленіемъ возвращенія высокихъ гостей датскаго короля по случаю кори августѣйшихъ дѣтей, затѣмъ—закрытіемъ навигаціи въ Балтійскомъ морѣ и возникшею вслѣдствіе этого необходимостью вернуться въ Россію черезъ Пруссію. А вступивъ однажды на землю добраго сосѣда и родственника, нельзя

было не посѣтить его, по обычаю, существующему между дружественными державами, не говоря уже о вѣковыхъ узахъ взаимнаго расположенія, соединяющихъ оба царственные дома. Берлинскій визитъ не могъ быть продолжителенъ уже и потому, что маститый императоръ опечаленъ и озабоченъ опасною болѣзнью наслѣдника престола. Болѣзнь эта, если будетъ имѣть печальный исходъ, можетъ имѣть еще болѣе печальныя послѣдствія для европейскаго мира. Сынъ крон-принца, Вильгельмъ, отличается воинственными наклонностями; онъ другъ германскаго канцлера, поклонникъ его системы—запугиванія Европы, и недавно еще произнесъ публично рѣчь въ такомъ реакціонномъ духѣ, что изумилъ всѣхъ. Не мудрено, что клевреты Бисмарка желали бы поскорѣе видѣть этого принца во главѣ правленія и для этого преувеличиваютъ болѣзнь наслѣдника престола, рѣшаются даже толковать о необходимости отреченія маститаго императора. Берлинское свиданіе сильно пошатнуло, однако, разсчеты канцлера. Испросивъ себѣ аудіенцію, онъ не успѣлъ, никого увѣрить въ своемъ дружелюбіи къ Россіи и въ чистотѣ своихъ намѣреній, и его газеты, тотчасъ же за аудіенціею, начали печатать, что канцлера оклеветали, что орлеанистская партія поддѣлала фальшивые документы отъ его имени, а придворная камарилья посадила его на парадномъ обѣдѣ чуть не на послѣднее мѣсто. Послѣдняя жалоба только позабавила періодическую печать; но обвиненіе въ томъ, что въ Россію посланы подложные документы за подписью канцлера, до сихъ поръ не сходитъ со столбцовъ его газеты. Появился въ печати и одинъ изъ этихъ документовъ: письмо германскаго посла при вѣнскомъ дворѣ, принца Рейса къ Фердинанду Кобургскому. Въ письмѣ этомъ посолъ обѣщаетъ, именемъ канцлера, всевозможное покровительство и содѣйствіе авантюристу, захватившему болгарскій престолъ: и это въ то время, когда канцлеръ увѣрялъ русскую дипломатію, что раздѣляетъ ея взгляды на незаконность избранія Кобурга. Посолъ, конечно, отрекся отъ своего письма; отъ имени орлеанскихъ принцевъ сдѣлано въ газетахъ сообщеніе, что никогда французскіе монархисты не принимали ни малѣйшаго участія въ судьбѣ Кобурга, но Бисмаркъ продолжалъ въ своихъ газетахъ сердиться на все и на всѣхъ—доказывая этимъ, что онъ не правъ. Очевидно, что онъ перенесъ все съ больной голоны на здоровую, стараясь еще разъ ввести въ обманъ общественное мнѣніе и негодуя на обнаруженіе его продѣлокъ. Да и кто могъ повѣрить въ его расположеніе къ Россіи, послѣ того какъ онъ наканунѣ берлинскаго свиданія запретилъ германскому банку принимать въ залогъ русскія бумаги, а въ рейхстагъ внесъ законъ объ удвоеніи пошлинъ на привозный русскій хлѣбъ? Миролюбіе же свое онъ доказалъ изготовленіемъ закона о ландверѣ и ландштурмѣ, которые постановлено мобилизовать въ одно время со всею арміею, что̀ увеличитъ и безъ того громадный составъ ея еще на 400,000 солдатъ, хорошо подготовленныхъ къ бою. И послѣ этого смѣютъ еще сомнѣваться, что канц-

леръ—не умиротворитель Европы, не благодѣтель человѣчества, не другъ Россіи! Рейхстагъ не принялъ безъ преній проэктъ увеличенія хлѣбныхъ пошлинъ и передалъ его въ комисію, которая не соглашается съ канцлеромъ; но развѣ это остановитъ его отъ приведенія въ исполненіе того, что онъ задумалъ?

Экономическая война противъ Россіи ведется открыто и дѣятельно, а мы и не думаемъ не только запретить къ намъ ввозъ нѣмецкихъ товаровъ, но даже увеличить пошлину на нихъ, хоть и налагаемъ ее на чужой чай и на свой керосинъ, сдѣлавшіеся потребностью для нашихъ бѣднѣйшихъ классовъ. Конечно, бисмарковскій органъ «Petersburger Herold» говоритъ, что «безъ иностранцевъ русская промышленность, возникшая, большею частью, по ихъ иниціативѣ, всѣмъ обязанная ихъ труду, уму и терпѣнію, заглохнетъ, и это знаютъ вездѣ, кромѣ Россіи, ослѣпленной тщеславіемъ». Но, по счастію, мнѣнія нашей истинно-русской печати діаметрально расходятся съ сужденіями русско-нѣмецкихъ органовъ, страдающихъ бисмаркоманіей, или съ нашей русско-французской газетой, все извиняющей и оправдывающей. И недаромъ этимъ иноязычнымъ и не единомыслящимъ съ нами органамъ напомнили слова Екатерины II, недовольной тѣмъ, что въ 1788 году ея приближенные не раздѣляли ея рѣзкаго осужденія Пруссіи и Англіи: «неужели мои подданные, видя дѣлаемыя мнѣ обиды отъ королей прусскаго и англійскаго, не смѣютъ сказать имъ правды? Развѣ они имъ присягали?» Современная русская печать заслуживаетъ уваженія именно за то, что она первая обличила передъ Европой, кланявшейся германскому канцлеру, двуличность его словъ и поступковъ, враждебность его не къ одной русской, а ко всякой независимой и прямой политикѣ; наша печать первая назвала его нарушителемъ мира и спокойствія Европы. Не мудрено, что на насъ обрушился весь гнѣвъ этого развѣнчаннаго кумира, мечущаго въ насъ громы, за то, что мы ему не подчиняемся...

Между лицами, занимающимися политикой, какъ извѣстно, очень много охотниковъ до предвѣщаній и пророчествъ. «Мы это знали заранѣе, мы это предсказывали», говорятъ они обыкновенно при каждомъ совершающемся событіи. Но и эти предсказатели, когда, мѣсяцъ тому назадъ, началось дѣло Каффареля, конечно, не могли предвидѣть, чѣмъ оно кончится; а ожидая съ недѣлю смѣны президента, никакъ не разсчитывали, что имъ будетъ Сади-Карно, имя котораго даже было извѣстно далеко не всѣмъ политиканамъ. Самому дѣлу Каффареля очень многіе отечественные и даже французскіе журналисты не придавали важнаго значенія: начальникъ штаба военнаго министерства бралъ взятки за доставленіе теплыхъ мѣстечекъ и орденовъ, да развѣ это—небывалое, исключительное явленіе? Въ какой же странѣ не бываетъ подобныхъ злоупотребленій? Много ли въ исторіи Цинциннатовъ? Нашъ парижскій корреспондентъ (см. письмо его въ ноябрьской книгѣ «Наблюдателя») находитъ, что и Вильсонъ не сдѣ-

лалъ ничего особеннаго, воспользовавшись довѣріемъ своего тестя и стараясь нажиться путемъ сомнительныхъ сдѣлокъ и спекуляцій. Въ наше время биржевыхъ и банковыхъ аферъ, финансовыхъ и комерческихъ оборотовъ, всякаго рода концессій и подрядовъ — понятія о законности и справедливости такъ шатки и неопредѣленны, что разграниченіе безусловно легальнаго дѣянія отъ поступка, не оправдываемаго строгою нравственностью—становится весьма затруднительно. Въ томъ, что старикъ Греви сначала не хотѣлъ видѣть, а потомъ захотѣлъ прикрыть грѣхи мужа своей дочери, отца двухъ обожаемыхъ имъ внучекъ, можно было видѣть только доказательство родственной любви. Президентъ, прогнанный съ позоромъ, виновенъ не въ этомъ увлеченіи понятнымъ и простительнымъ чувствомъ. Виноватъ онъ въ томъ, что предпочелъ свой личный семейный интересъ общему благу, достоинству государства. Человѣкъ, стоящій во главѣ управленія, долженъ быть прежде всего правителемъ, а потомъ уже семьяниномъ. Несчастье нашего вѣка состоитъ именно въ томъ, что человѣкъ, облеченный властью, прежде всего употребляетъ эту власть не для блага управляемыхъ, а для того, чтобы подѣлиться ею вмѣстѣ со своими родственниками. Непотизмъ—язва современнаго общества. Наполеона I погубило то, что онъ раздавалъ европейскіе троны своимъ бездарнымъ братьямъ и мужьямъ своихъ сестеръ. Наполеонъ III былъ умнѣе въ этомъ отношеніи и держалъ въ черномъ тѣлѣ, во время своего управленія, своего дядюшку, бывшаго короля Вестфаліи, а своему двоюродному братцу Жерому не поручалъ командованія арміей ни въ крымской, ни въ итальянской кампаніи. А сколько кампаній погубили всѣ эти братцы, зятья, дядюшки правителей!

Нашъ гуманный вѣкъ, конечно, осуждаетъ Луція Юнія Брута, въ варварскую эпоху возникновенія Рима рубившаго головы своимъ сыновьямъ; но вѣдь нельзя же сочувствовать и президенту республики, предпочитающему скорѣе подвергнуть всю страну опасному кризису, чѣмъ отречься отъ своего плутоватаго зятя. Предоставляя его суду въ самомъ началѣ процесса, затѣяннаго съ цѣлью компрометировать Буланже, какъ было доказано во время преній, Греви не только не потерялъ бы, но даже выигралъ въ общественномъ мнѣніи; но, не вмѣшиваясь, по конституціи, въ дѣла управленія, онъ вздумалъ вмѣшаться въ судебную процедуру, заставилъ и полицію, и юстицію нарушать свои обязанности, позволилъ обвиняемому выкрасть изъ дѣла компрометирующія его письма (враждебныя ему газеты говорятъ, что Греви самъ уничтожилъ ихъ); защищая свою родню, онъ не защитилъ популярнаго генерала отъ интригъ и мести его личнаго врага, военнаго министра Феррона; заставилъ министерство прикрывать плутни Вильсона и обманывать палату; когда же палата потребовала судебнаго слѣдствія надо всѣми виновными, счелъ это оскорбленіемъ своего достоинства и грозилъ подать въ отставку. Но когда, не смотря на угрозы, палата выбрала слѣдственную комисію и низвергла слишкомъ податливое министер-

ство, Греви не хотѣлъ подчиниться приговору общественнаго мнѣнія и началъ обращаться ко всѣмъ сколько нибудь выдающимся государственнымъ дѣятелямъ, съ цѣлью составить новый кабинетъ, который бы принялъ сторону президента и—его зятя. Когда же предводители всѣхъ республиканскихъ, оппортюнистскихъ и радикальныхъ фракцій, одинъ за другимъ, объявили ему, что онъ не найдетъ больше министровъ, если не откажется отъ власти, что противъ него—вся страна, возмущенная его слабостью, противуконституціонными поступками, заступничествомъ за человѣка, замѣшаннаго въ грязныхъ дѣлахъ; что званіе перваго сановника республики запятнано сообщничествомъ съ мелкими плутами,—Греви понялъ наконецъ, что нельзя идти противъ «гласа народа» и рѣшился выйти въ отставку, но, объявивъ объ этомъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы удержать за собою президентство, оттягивая сколько могъ, окончательное рѣшеніе, нѣсколько разъ мѣнялъ назначенный имъ самимъ срокъ представленія въ палату своей отставки; наконецъ, опредѣливъ первое декабря послѣднимъ срокомъ черезъ мѣру длившагося кризиса, очень развязно объявилъ Рувье, явившемуся къ нему за отвѣтомъ, что перемѣнилъ намѣреніе, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, и въ отставку подавать не желаетъ. Засѣданіе палаты въ этотъ день останется въ исторіи. Когда оно открылось, Рувье сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «кабинетъ рѣшился взять назадъ свое прошеніе объ отставкѣ, чтобы дать возможность президенту республики сложить съ себя должность конституціоннымъ порядкомъ. Объ этомъ просилъ и самъ президентъ, но сегодня утромъ—отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія. Никакого посланія онъ не передалъ министерству, а потому оно вновь подаетъ въ отставку».

Это былъ дерзкій вызовъ всей странѣ, въ лицѣ ея представителей; палата долго не могла успокоиться. Казо сдѣлалъ предложеніе, что такъ какъ президентъ республики ввелъ въ обманъ законодательное собраніе въ дѣлѣ первостепенной важности, и такой образъ дѣйствій можетъ неблагопріятно отозваться на конституціонныхъ порядкахъ, то палата все таки будетъ ждать образованія новаго министерства, о чемъ и довести немедленно до свѣденія президента. Съ этимъ рѣшеніемъ Рувье отправился къ Греви, а палата положила собраться снова въ четыре часа. Рувье сообщилъ ей, что Греви очень грубо принялъ его и сказалъ: «Вы больше не министръ, поэтому не имѣете права принимать порученій отъ палаты, а тѣмъ болѣе передавать мнѣ ихъ.» Въ отвѣтъ на эту новую дерзость, президентъ палаты Флоке напомнилъ, что, по существующимъ правиламъ, подавшее въ отставку министерство сохраняетъ всѣ свои полномочія до вступленія въ должность новаго кабинета и имѣетъ возможность и обязанность охранять народъ и конституцію. Поэтому палата, большинствомъ 531 голоса противъ 3, поддержала свое прежнее рѣшеніе и отсрочила засѣданіе до шести часовъ. Въ то же время и сенатъ, занявшись обсужденіе-

ими мѣръ, необходимыхъ для охраненія спокойствія, причемъ было заявлено и о томъ, чтобъ отдать Греви подъ судъ, постановилъ не расходиться и ждать его дальнѣйшихъ рѣшеній и заявленій. Неожиданное упрямство Греви сдѣлалось еще раньше извѣстнымъ въ Парижѣ и, около четырехъ часовъ, вокругъ зданія палаты депутатовъ собралась толпа тысячъ въ десять, державшая себя довольно покойно и только кричавшая по временамъ: à bas Grevy! Наши жидовствующія «Новости», сочинявшія уже нѣсколько разъ и возстанія и заговоры въ Болгаріи, и на этотъ разъ сообщили, что народъ стрѣлялъ изъ револьверовъ въ солдатъ, охранявшихъ Бурбонскій дворецъ, и сосчитали даже ровно шестьдесятъ человѣкъ раненыхъ пулями и камнями. Между тѣмъ, народъ только помялъ немного Деруледа, вздумавшаго почему-то кричать: vive Grevy! Когда всѣ были возмущены его поступкомъ, этотъ агитаторъ совсѣмъ потерялъ голову и явился въ палату—звать Кловиса Гюго въ предводители возстанія. Его выпроводили изъ палаты, гдѣ онъ не имѣлъ права быть. Но онъ не успокоился, и, выйдя къ толпѣ, сталъ звать ее къ дому русскаго посольства, чтобы сдѣлать ему симпатичную манифестацію. Войско безъ труда разогнало этихъ манифестантовъ, но вечеромъ Деруледъ собралъ новую толпу и отправился съ нею въ ратушу; здѣсь его, наконецъ, арестовали, хотя потомъ и выпустили черезъ нѣсколько часовъ. Не обошлось, конечно, и безъ знаменитой Луизы Мишель. Она отправилась во главѣ многочисленной толпы къ Елисейскому дворцу съ криками: à bas Grevy! приглашая по дорогѣ строить баррикады. Но у жилища Греви собрано было еще больше войска и оно тотчасъ оттѣснило толпу отъ дворца, причемъ черезчуръ разбушевавшуюся психопатку Мишель принуждены были увезти въ полицію. Сцены и, въ особенности, рѣшенія палаты депутатовъ и сената, заставили однако Греви образумиться, и въ шесть часовъ вечера Рувье объявилъ палатѣ, что «кабинетъ имѣлъ честь сообщить президенту рѣшенія обѣихъ палатъ и онъ объявилъ, что эта двойная манифестація заставила его перемѣнить свое намѣреніе и что, не желая вступать въ столкновеніе съ представителями народа, онъ сообщитъ завтра о своихъ намѣреніяхъ относительно положенія, въ какое его поставили, и о рѣшеніи, какое онъ вынужденъ принять. Палата приняла недовѣрчиво это заявленіе, такъ какъ въ немъ не упоминалось слово: отставка. Поднялись крики: «Греви сошелъ съ ума! Старикъ опять не уйдетъ, опять обманетъ. Онъ хочетъ революціи!» Министръ торговли успокоивалъ палату, говоря: «онъ далъ честное слово, что уйдетъ, и надѣюсь, что сдержитъ слово».

На другой день, при открытіи засѣданія палаты, Флокэ объявилъ, что получилъ отъ президента республики посланіе съ заявленіемъ о его отставкѣ. При мертвомъ молчаніи прочитано было это посланіе, въ которомъ Греви говорилъ: «голосованіе палатъ равносильно приглашенію выйти въ от-

ставку. Я имѣю право и обязанъ бы остаться, но благоразуміе и патріотизмъ принуждаютъ меня уступить, чтобы избѣжать столкновеній. Я апелирую къ Франціи. Она скажетъ, что въ теченіе девяти лѣтъ моего управленія, я обезпечилъ ей миръ, порядокъ и свободу, что я покидаю ее, посреди вооруженной Европы, въ состояніи защищать свою честь и свои права, и что я съумѣлъ удержать республику на пути благоразумія. Франція скажетъ, что, взамѣнъ всего этого, у меня отнятъ былъ постъ, на который я былъ поставленъ ея довѣріемъ». Все это—одни слова, лишенныя правды и достоинства. Если Греви думалъ, что онъ имѣетъ право остаться, то и долженъ былъ остаться. Патріотизмъ не могъ побудить его къ уступкѣ. Не онъ обезпечилъ миръ Франціи и организовалъ армію, способную защищать родину. На высокій постъ возвело его довѣріе страны—это правда, но, потерявъ его, онъ не долженъ былъ цѣпляться за этотъ постъ и употреблять всѣ усилія, чтобы удержаться на немъ во что бы то ни стало. Когда первые президенты республики, Тьеръ и Мак-Магонъ, увидѣли, что общественное мнѣніе противъ нихъ, они тотчасъ же оставили свой постъ, не дожидаясь, чтобы ихъ къ этому принудили. Палата прибѣгнула къ принужденію, только увѣрившись, что сообщникъ Вильсона не покинетъ добровольно своего поста, хотя и замаралъ его своимъ потворствомъ мелкимъ плутнямъ. Неужели слѣдовало дожидаться скандала, чтобы правосудіе, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи процесса Вильсона, привлекло на скамью подсудимыхъ и президента республики? Развѣ мало, по выраженію нѣмецкихъ газетъ, той грязной ванны, въ которую окунулась Франція по милости безхарактернаго и, въ то же время, упрямаго Греви?

Многія газеты упрекаютъ палату въ томъ, что она нарушила конституцію, такъ какъ на основаніи ея президентъ можетъ быть смѣненъ только по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Но недомолвка писаннаго закона не уничтожаетъ закона нравственнаго. Еслибы вдругъ оказалось, что какой нибудь президентъ совершилъ безчестный поступокъ—неужели онъ долженъ все таки оставаться главою государства только потому, что подобный поступокъ не предусмотрѣнъ закономъ? Вѣдь и въ монархическихъ державахъ властителей больныхъ, нравственно или умственно, отстраняютъ отъ управленія, какъ было съ предшественниками Вильгельма прусскаго и Луитпольда баварскаго. Не отдавать же было, въ самомъ дѣлѣ, подъ судъ 74-лѣтняго старика—для увеличенія скандала, и безъ того уже доведеннаго его упрямствомъ чуть не до уличной революціи. Что онъ искренній республиканецъ и честно исполнялъ свои обязанности въ странѣ, избравшей его своимъ представителемъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Общественная дѣятельность его была всегда безукоризненна, а на его частную жизнь не обращали вниманія; посмѣивались только надъ его скупостью и надъ тѣмъ, что, получая 1.200,000 франковъ въ годъ содержанія, изъ которыхъ 600,000 опредѣлялось на пред-

ставительство и на путешествія президента для ознакомленія со страною, онъ давалъ два—три мизерные бала въ годъ и никуда не ѣздилъ, кромѣ Монсуводрэ—мѣстечка, гдѣ онъ родился, а когда на югѣ Франціи свирѣпствовала холера и нѣкоторые департаменты опустошило наводненіе—отправилъ туда министровъ съ помощью, но не отъ себя, а отъ правительства. Скаредность его простиралась до того, что, какъ мы уже говорили, онъ, будучи президентомъ, ходилъ, первое время, самъ по жильцамъ своихъ многочисленныхъ домовъ въ Парижѣ и собиралъ съ нихъ деньги за квартиры. Частная семейная жизнь его не принималась въ разсчетъ, а она-то и погубила его, потому что была далеко не примѣрная. Напрасно думаютъ, что для государственнаго дѣятеля достаточно исполнять свой долгъ по отношенію къ государству, а до нравственности его нѣтъ никому дѣла: безпорядочная семейная жизнь имѣетъ большое вліяніе на отправленіе общественныхъ обязанностей, отражается на характерѣ человѣка въ его сношеніяхъ съ другими лицами, на его поступкахъ. Все это ясно доказываетъ печальная исторія Греви. Онъ не жилъ со своей женой и, бывши адвокатомъ, управлялъ дѣлами г-жи Пелузъ, красивой замужней женщины. Вскорѣ она развелась съ мужемъ и жила открыто съ Греви. Когда его выбрали президентомъ республики, пришлось разойтись съ нею и опять взять къ себѣ въ домъ свою жену. Единственная дочь его Аліса, выросшая безъ надзора матери, влюбилась въ извѣстнаго пѣвца Капуля, и тотъ даже просилъ руки ея. Но бракъ между дочерью президента и бывшимъ парикмахеромъ былъ немыслимъ. Отецъ поспѣшилъ выдать замужъ романическую дѣвушку. Мужъ разведенной г-жи Пелузъ, получившій хорошее мѣсто по инженерной части, женился на дѣвицѣ Вильсонъ и, оставаясь другомъ президентскаго дома, ввелъ въ него свою вторую жену и ея брата, спекулятора и прожектера Вильсона, родившагося въ Парижѣ, но происходившаго отъ англійскаго еврея, переселившагося во Францію. Поэтому, не надо было далеко искать жениха,—онъ былъ подъ рукою, почти свой человѣкъ, и охотно сдѣлался зятемъ президента, получивъ, конечно, въ приданое разнаго рода выгодныя мѣста, казенные подряды, постройки и т. п. Онъ скоро съумѣлъ овладѣть довѣріемъ безхарактернаго Греви и, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, пустился въ самыя рискованныя спекуляціи, игралъ на биржѣ навѣрняка, узнавая прежде всѣхъ отъ тестя политическія новости, продавалъ казенныя мѣста, ордена и, путая имя президента въ грязныя сдѣлки, попалъ наконецъ, въ скандальный процессъ.

Послѣ девяти лѣтъ плутней всякаго рода, безнаказанно сходившихъ съ рукъ, увидѣть ихъ обнаруженными—было, конечно, досадно, и Вильсонъ, для скрытія ихъ, не остановился и передъ уголовными преступленіями. Изо всѣхъ парижскихъ газетъ «XIX Siècle» началъ печатать уже не слухи, а документальныя обвиненія противъ зарвавшагося спекулятора.

Редакторъ газеты Портелисъ, выходя изъ дома, подвергся неожиданному нападенію: получивъ сильный ударъ по затылку тупымъ орудіемъ, онъ упалъ, успѣвъ закричать о помощи. По счастью, вблизи были два полицейскихъ; они бросились къ упавшему и успѣли схватить нападавшаго. Онъ не скрывалъ, что хотѣлъ отмстить за оскорбленія, нанесенныя газетою зятю президента. Портелисъ представилъ въ полицію нѣсколько полученныхъ имъ анонимныхъ писемъ съ угрозою, что онъ будетъ убитъ, если не перестанетъ нападать на Вильсона. Черезъ нѣсколько дней, газета напечатала, что Вильсонъ взялъ взятку съ Сельера въ 600,000 за ходатайство у военнаго министра Тибодэна по поставкѣ солдатскаго сукна на армію. (Этого Сельера, давно уже кричавшаго, что его обманула правительство, посадили въ домъ сумашедшихъ, но должны были вскорѣ выпустить, боясь процесса, которымъ грозили родственники заключеннаго въ Шарантонъ). Портелисъ показывалъ членамъ палаты чекъ, полученный Вильсономъ отъ Сельера, въ уплату этой взятки. Въ ту же ночь, въ квартиру редактора забрались воры, не украли ничего изъ цѣнныхъ вещей, а унесли только нѣсколько портфелей съ бумагами и документами. Обоимъ этимъ дѣламъ—о покушеніи и покражѣ—полиція не давала дальнѣйшаго хода и пріобщила ихъ «къ имѣющему начаться дѣлу по обвиненіямъ депутата Вильсона въ противузаконныхъ поступкахъ». Теперь это дѣло, вѣроятно, и вовсе заинутъ, чтобы не привлекать къ суду бывшаго президента, хотя газеты говорятъ объ исчезновеніи не только другихъ документовъ, но даже лицъ, которыя могли обличить еще болѣе важныя преступленія Вильсона.

Но, отдѣлавшись отъ одного президента, скомпрометировавшаго себя постыднымъ попустительствомъ или сообщничествомъ, необходимо было выбрать какъ можно скорѣе другаго, чтобы положить конецъ кризису, угрожавшему уличной революціей. И здѣсь предстояло еще больше затрудненій, чѣмъ съ отставкою Греви. Кого выбрать на его мѣсто? На конгрессѣ 1885 года большинство народныхъ представителей сходилось на имени, тогда еще почетномъ и всѣми уважаемомъ, человѣка, семь лѣтъ уже занимавшаго высокій постъ представителя Франціи. Теперь этого большинства не существовало. При послѣднихъ выборахъ въ палату депутатовъ, въ нее попало столько монархистовъ, что они начали тормозить развитіе республиканскихъ учрежденій и, соединяясь съ бонапартистами и радикалами, свергать одно министерство за другимъ. Кандидатомъ своимъ монархисты выставили Жюля Ферри, виновника тонкинской экспедиціи и открытаго прислужника Бисмарка. Этотъ человѣкъ до того ненавистенъ народу, что, даже требуя отставки Греви, толпы чаще кричали: «долой Ферри», чѣмъ «долой Греви»! Деруледъ грозилъ, что если выберутъ Ферри, то вся лига патріотовъ возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ. Республиканская партія не могла остановиться на одномъ лицѣ и колебалась между Фрейсинэ, Флокэ, Бриссо-

номъ, Соссье. При первой предварительной баллотировкѣ 3-го декабря, Ферри получилъ 200 голосовъ, Фрейсинэ 193, Бриссонъ 81, Сади-Карно 69; при второй и третьей — большинство было все таки за Ферри, и только при четвертой оно осталось за Сади-Карно. На конгрессѣ, Ферри и Фрейсинэ отказались въ его пользу отъ своихъ кандидатуръ. Въ послѣднюю минуту представители народа оказались на высотѣ своего призванія и пожертвовали своими личными интересами въ пользу единодушнаго выбора. При первомъ голосованіи на конгрессѣ, изъ 852-хъ голосовъ, Сади-Карно получилъ 303, Ферри 212, Соссье 148, Фрейсинэ 76. При второмъ и окончательномъ голосованіи, изъ 833-хъ голосовъ, за Сади-Карно дано 616 голосовъ, и онъ выбранъ президентомъ республики.

Что же за лицо этотъ новый представитель Франціи? Онъ никогда не отличался блестящими политическими способностями, но имя его всегда было уважаемо всѣми. Онъ внукъ знаменитаго дѣятеля французской революціи, выдающагося математика, члена комитета общественнаго спасенія, организатора военныхъ силъ республики, врага Робеспьера, военнаго министра при Наполеонѣ, противодѣйствовавшаго, хотя и безъ успѣха, его ненасытному властолюбію. Отецъ Карно былъ сенсимонистомъ и министромъ просвѣщенія при второй республикѣ. Выбранный депутатомъ Парижа въ 1853 году, онъ отказался принести присягу въ вѣрности похитителю власти, герою 2-го декабря, и принужденъ былъ отказаться отъ своего званія. Онъ еще живъ и теперь сенаторъ. Сынъ его, нынѣшній президентъ, родившійся въ 1837 году, вышелъ первымъ ученикомъ изъ инженернаго училища въ 1863 году. Въ 1870-мъ г. правительство народной обороны поручило ему устройство укрѣпленій для защиты сѣверныхъ береговъ Франціи. Вслѣдъ затѣмъ, онъ былъ выбранъ депутатомъ народнаго собранія и подавалъ голосъ противъ заключенія міра съ пруссаками, противъ возвращенія во Францію орлеанскихъ принцевъ, противъ всѣхъ происковъ, клонившихся къ возстановленію монархіи. Въ посланіи къ своимъ избирателямъ онъ говоритъ, что только республика можетъ умиротворить Францію и не будетъ правительствомъ партій. Только она сплотитъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ, дастъ странѣ порядокъ, спокойствіе и свободу, возвратитъ то мѣсто, которое ей принадлежитъ по праву между великими державами. И въ новой палатѣ, не позволившей Макъ-Магону осуществить его монархическіе замыслы и принудившей его выйти въ отставку, Карно былъ сначала секретаремъ, потомъ товарищемъ министра общественныхъ работъ, затѣмъ министромъ ихъ въ кабинетѣ Гамбетты. Онъ сохранилъ этотъ постъ болѣе двухъ лѣтъ и при слѣдующемъ кабинетѣ; затѣмъ въ 1885 году онъ былъ министромъ финансовъ въ министерствѣ Бриссона и сохранилъ этотъ постъ при Фрейсинэ. Въ концѣ 1886 года онъ вышелъ въ отставку, потому что палата не утвердила его предложенія объ уничтоженіи чрезвычайныхъ расходовъ и консолидированія текущаго долга. Болѣе всѣхъ про

тивъ Карно интриговалъ, при этомъ случаѣ, въ средѣ депутатовъ тотъ же Вильсонъ, которому честный министръ мѣшалъ грабить казну. Карно отказался также исполнить требованіе самого Греви — выдать жиду Дрейфусу взятый съ него штрафъ. Такіе процеденты выставляютъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ новаго президента, избраніе котораго было встрѣчено съ удовольствіемъ даже нѣмецкими газетами, хотя онѣ и предсказываютъ, что онъ недолго можетъ остаться на своемъ посту съ нынѣшнею палатою. Ее, дѣйствительно, слѣдуетъ распустить какъ можно скорѣе, на что̀ сенатъ, обновленный къ новому году въ трети своего состава новыми выборами, дастъ, конечно, свое согласіе. Только какъ Карно поладитъ съ папою и клерикалами, поднявшими шумъ при кандидатурѣ Фрейсинэ на президентство, потому что онъ протестантъ. Фрейсинэ поторопился принять католичество—увы, напрасно! Но отецъ Карно, принадлежащій къ сектѣ теофилантроповъ, не считалъ нужнымъ окрестить своего сына, который, женившись въ молодые годы на египтянкѣ, прибавилъ къ своимъ христіанскимъ именамъ: Марія-Францискъ, арабское имя Сади. У него уже три замужнія дочери и, стало быть, три зятя, что̀ также безпокоитъ французовъ. Кромѣ трудовъ по инженерной части и по финансамъ, новый президентъ перевелъ, въ 1875 году, Джона Стюарта Милля: «Революція 1848 года и ея порицатели». Благодаря за свое избраніе, Карно сказалъ, что смотритъ на него, какъ на доказательство духа умиротворенія и согласія, которымъ исполнена республиканская Франція. Не давая никакихъ широковѣщательныхъ обѣщаній, онъ напомнилъ только о необходимости обезпечить конституцію и правильное дѣйствіе устойчиваго и сильнаго правительства, способнаго обезпечить націи свободу внутри и достоинство извнѣ. Къ сожалѣнію, первыя попытки его составить министерство были неудачны. Онъ напрасно обращался къ Гобле, Рувье, Фальеру и, только черезъ недѣлю, Тирару удалось сформировать кабинетъ, долговѣчность котораго подвержена сильному сомнѣнію.

Въ австрійскихъ газетахъ начинаютъ высказываться признаки сильнаго недовольства Германіею. Независимые отъ правительства, но зависимые отъ жидовъ, вѣнскіе листки прямо говорятъ, что союзъ съ могущественной сосѣдкой поставилъ къ ней Австрію въ подневольное положеніе и принесъ пользу только одной Германіи. Официозы, конечно, не осмѣливаются говорить такихъ рѣзкихъ истинъ, но ихъ повторяютъ и славянскіе органы. Къ самому открытію делегацій, явилась въ Прагѣ брошюра, напугавшая австрійское правительство, которое поспѣшило конфисковать ее. Въ квартирѣ издателя былъ произведенъ строгій обыскъ; типографію, гдѣ печаталась брошюра, заняли жандармы и захватили до 4,000 экземпляровъ, но часть ихъ успѣла уже уйти за границу, преимущественно во Францію, по заказу которой будто бы и была составлена брошюра. Озаглавлена она: «Союзъ Австріи съ Германіей съ чешско-австрійской точки зрѣнія». Ав-

торъ, одинъ изъ выдающихся чешскихъ дѣятелей, предостерегаетъ австрійскихъ государственныхъ людей противъ «коварной политики нѣмецкаго змѣя», зато проявляетъ большое сочувствіе къ Россіи и Франціи. Онъ приводитъ цѣлый рядъ неоспоримыхъ доказательствъ, что величайшій врагъ Австріи—не Россія, а Германія, собирающаяся совершенно уничтожить имперію Габсбурговъ и присоединить къ себѣ не только ея нѣмецкія, но и славянскія земли. Своего спасенія Австрія можетъ ждать только отъ разгрома Германіи ея врагами съ обоихъ фронтовъ. Миръ въ Европѣ могъ бы охранить только тройственный союзъ Австріи, Россіи и Франціи, а не теперешній противоестественный союзъ Германіи, Австріи и Италіи. Разослано строгое приказаніе разыскивать вези секстровать эту брошюру въ предѣлахъ имперіи.

Послѣднія событія успокоили, впрочемъ, австрійское правительство, и оно убѣдилось не въ искренности Бисмарка съ Австріею, а въ искренности его вражды къ Россіи. Вѣнскій корреспондентъ «Новаго Времени» сообщаетъ по этому поводу извѣстія, вполнѣ заслуживающія вѣроятія. Что канцлеръ сильно раздраженъ и недоволенъ—это очевидно, но въ Вѣнѣ всѣ приписываютъ его гнѣвъ тому обстоятельству, что онъ былъ прижатъ къ стѣнѣ неожиданнымъ, прямымъ и категорическимъ вопросомъ, на который могъ отвѣчать, только сваливъ вину на другихъ, что онъ и сдѣлалъ довольно ловко, хотя и не былъ въ состояніи измѣнить яснаго факта, уличавшаго его въ неправдѣ. Поэтому-то его газеты, чтобы сбить съ толку общественное мнѣніе, пустились кричать о поддѣлкѣ документовъ, объ орлеанистахъ, о панславистахъ и революціонерахъ, о «клевретахъ умирающаго кронпринца, о «муміяхъ императорскаго двора». Въ поддѣлку документовъ никто не вѣритъ, хотя знаютъ, что и это средство въ ходу въ Берлинѣ. Давно ли, въ переговорахъ о торговомъ трактатѣ съ Австріей, ей предъявлены были цѣлые томы статистическихъ таблицъ, и когда, по провѣркѣ, онѣ оказались сплошь фальшивыми, это объяснили—типографскими ошибками при печатаніи. За Бисмарка распинаются особенно двѣ австрійскія газеты: «Politische Correspondenz», гдѣ корреспондируетъ тайный регирунгсратъ Весслеръ, директоръ берлинскаго бюро печати, и «Pesther Lloyd», гдѣ пишетъ берлинскій тайный совѣтникъ Линдау, осыпающій Россію такими ругательствами, какихъ не позволяютъ себѣ и мадьяры. Этотъ Линдау взвалилъ обвиненія въ обличеніи Бисмарка во время берлинскаго свиданія не на орлеанскихъ принцевъ, но на придворную камарилью и разсказалъ подробно, какими словами канцлеръ обозвалъ графа Перпонхера, оберъ-гофмейстера, который отвелъ Бисмарку мѣсто на концѣ стола во время параднаго обѣда. Когда же тотъ явился къ канцлеру съ объясненіями, Бисмаркъ не только не принялъ его, но послалъ ему такой энергичный отвѣтъ, какого не пропуститъ въ печать самая либеральная цензура. Не смотря, однако, на воспѣваніе всѣми газ-

тами гнѣва новаго Ахилла, уѣхавшаго изъ Берлина за два дня до открытія рейхстага, на которомъ онъ сначала хотѣлъ самъ читать тронную рѣчь, въ Вѣнѣ не вѣрятъ разногласію въ политикѣ императора и его канцлера. Русскимъ дипломатамъ канцлеръ повторяетъ: «я готовъ на всѣ уступки, но ихъ не хотятъ военная партія и императоръ». Австріи онъ говоритъ: «я бы готовъ былъ идти съ вами на Россію, но императоръ держится русскихъ симпатій, воспоминаній юности, благодарности и пр.» Ясно, какъ день, что еслибы Бисмаркъ не хотѣлъ видѣть Кобурга въ Болгаріи, Австрія ни за что не пустила бы его туда. Теперь, когда посланники Австріи, Англіи и Италіи пристаютъ въ Константинополѣ къ султану, чтобы онъ призналъ Кобурга болгарскимъ княземъ, Германія еще не даетъ своего согласія на это признаніе; но что она дастъ его—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, когда убѣдится, что ей нельзя больше обманывать Россію. И тогда Бисмаркъ оставитъ въ покоѣ даже Францію, а будетъ дѣйствовать всѣми путями и средствами во вредъ Россіи, сорвавшей съ него маску. Теперь онъ толкаетъ впередъ Австрію, такъ какъ ему не позволятъ бросить явный вызовъ Россіи, пока живъ Вильгельмъ I. Бисмарковскія рептиліи уже видятъ «солнце войны», восходящее надъ Австріей, и она легко можетъ сдѣлать какой нибудь необдуманный шагъ, увлеченная надеждами на тройственный союзъ, къ которому теперь стараются пристегнуть не только Бельгію и Голландію, но даже Турцію. Будемъ однако надѣяться, что въ разношерстной имперіи найдутся люди, умѣющіе цѣнить настоящее положеніе вещей, и одумаются во время....

Въ то время, когда въ Болгаріи, подъ покровомъ австрійскаго принца, самодержавно царствуетъ бывшій свинопасъ Стамбуловъ, достойный собратъ его, Братіано, также неограниченно правитъ Румыніей, сожалѣя только о томъ, что третій товарищъ ихъ, Гарашанинъ, долженъ былъ оставить теплое мѣстечко правителя Сербіи, конечно, только на время, потому что король Миланъ только спитъ и видитъ, какъ бы ему прогнать ненавистнаго Ристича. Братіано подобралъ себѣ въ министерство такихъ же ненавистниковъ Россіи, какъ онъ самъ, и всѣ они вмѣстѣ строятъ противъ насъ всевозможныя козни. Они симпатизируютъ всѣмъ врагамъ Россіи, ревностно поддерживаютъ Стамбулова, какъ поддерживали Баттенберга. Всѣ польскіе эмигранты и бѣжавшіе изъ Россіи анархисты нашли покровительство и горячее участіе въ странѣ, устроенной Киселевымъ, регламентъ котораго по управленію Молдавіей былъ торжественно сожженъ передъ зданіемъ русской миссіи, когда страна выгнала своихъ прирожденныхъ правителей и взяла себѣ въ князья нѣмецкаго принца. Братіано царствуетъ уже 12-ый годъ и успѣлъ истощить главнѣйшіе финансовые рессурсы страны, зато отлично устроилъ свои собственныя дѣлишки, предоставивъ въ то же время королю разныя привилегіи и льготы въ таможняхъ и по желѣзнымъ дорогамъ. Кромѣ того, Карлъ Гогенцоллернъ пріобрѣлъ себѣ разныя фабрики,

заводы, фермы и собираетъ съ нихъ значительные доходы. Оппозиція не разъ заявляла въ палатѣ о непозволительныхъ финансовыхъ сдѣлкахъ короля и правительства съ разными спекуляторами, но на оппозицію никто не обращаетъ вниманія, а во время выборовъ она подвергается систематическому гоненію со стороны батаушей,—такихъ же «палочниковъ», какъ болгарскіе сопаджіи. Эти батауши, выпускаемые премьеромъ въ народъ, оттѣсняютъ мирныхъ гражданъ отъ избирательныхъ урнъ, стращаютъ ихъ, разгоняютъ палками болѣе упорныхъ, совершаютъ всевозможные подлоги и доставляютъ кабинету подкупленное и подтасованное большинство. Ихъ же Братіано натравляетъ на типографіи оппозиціонныхъ газетъ, и батауши разбиваютъ типографіи, лишающіяся возможности печатать протесты, а въ палату являются только сторонники правительства. Теперь оно сильно хлопочетъ о томъ, чтобы ввести унію въ православную Румынію, и бухарестскій митрополитъ до того окатоличился, что митрополитъ ясскій не счелъ возможнымъ пригласить своего собрата на освященіе каѳедральнаго собора въ маѣ. Мы говорили уже, какъ въ Ясахъ народъ закидалъ тухлыми яйцами и солеными огурцами коляску короля, пріѣхавшаго на церемонію; но его не лучше приняли и въ Бухарестѣ на праздникѣ въ честь независимости Румыніи. Теперь король избѣгаетъ случаевъ показываться народу и обдѣлываетъ втихомолку свои дѣлишки со своимъ министерствомъ, заносчивость котораго переходитъ всякія границы.

Недавно оно вздумало для чего-то поставить памятникъ Овидію въ Кюстенджи, причемъ министръ народнаго просвѣщенія, Дмитрій Стурдза, сказалъ такую хвастливую рѣчь, которая была бы просто смѣшна, если бы не дышала ненавистью къ Россіи. Ораторъ упомянулъ сначала о весьма сомнительномъ происхожденіи румынъ отъ легіоновъ императора Траяна, стоявшихъ лагеремъ на Дунаѣ, но не сказалъ ничего о томъ, что эта же страна была колоніею, куда, какъ въ каторгу, Римъ ссылалъ своихъ преступниковъ, бродягъ и воровъ. Да и въ теченіе 16-ти вѣковъ мѣстность эту занимало столько племенъ и поколѣній, что въ массѣ населенія римскій элементъ никогда не былъ преобладающимъ, а, напротивъ, оно говорило и писало на славянскомъ языкѣ. О томъ, что Румынія создана кровью русскихъ воиновъ и милліонами русскихъ денегъ, Стурдза не сказалъ, конечно, ни слова, обозрѣвая историческія судьбы страны, но все ея благоденствіе и процвѣтаніе приписалъ «великому королю Карлу I, съумѣвшему заставить весь міръ уважать Румынію, въ которой всѣ народы почувствовали нужду». Въ концѣ рѣчи министръ упомянулъ, что Европа отдала Добруджу Румыніи, для того чтобы она была стражемъ устьевъ Дуная. А для чего же учреждена международная дунайская комисія?.. Стурдза хвалился тѣмъ, что румынскій языкъ происходитъ отъ латинскаго, а забылъ сказать, что теперь не наберется въ странѣ и десятка лицъ, знающихъ по латыни. Зато румынскіе учебники, одобренные тѣмъ же министромъ

просвѣщенія для употребленія въ народныхъ школахъ, называютъ Россію страною грубою, варварскою, отсталою; въ румынской исторіи не говорится ни слова о томъ, что страна обязана Россіи своимъ освобожденіемъ отъ турокъ и только вскользь упоминается объ ихъ вѣковомъ владычествѣ. Къ русскимъ относятся въ странѣ съ пренебреженіемъ и недоброжелательствомъ, кромѣ русскихъ анархистовъ, которымъ помогаютъ устраиваться хозяйственнымъ образомъ. Такъ, въ Плоешти цѣлый кружокъ такихъ лицъ содержитъ рестораны и булочныя, въ Бухарестѣ—молочныя фермы (на шоссе, выстроенномъ графомъ Киселевымъ). Офиціозный органъ министертва, газета «Telegraphul» редактируетъ русскій эмигрантъ Рали, принявшій псевдонимъ Арборе. Изо всѣхъ газетъ болѣе сочувственно относится къ намъ органъ военной партіи «Veteranul». Онъ сознаётся, что масса населенія симпатизируетъ Россіи и, въ случаѣ ея столкновенія съ Австріей, будетъ на сторонѣ русскихъ, нейтральною она остаться не можетъ; «но, говоритъ газета, если Россія хочетъ имѣть насъ своимъ вѣрнымъ союзникомъ, пусть отдастъ намъ Бессарабію, отторгнутую отъ насъ въ 1812 году. Тогда полки наши понесутся вмѣстѣ съ русскими на Вѣну и Пештъ. Русская печать трубитъ о нашей неблагодарности, но развѣ не безъ заднихъ мыслей Россія избавила насъ отъ турокъ? Австрія сулитъ уже намъ Бессарабію, зато требуетъ уступки Ольтеницы. Но Австрія не разъ уже обманывала насъ, какъ и всѣхъ, съ кѣмъ имѣла дѣло. Она отторгла у насъ коварствомъ Буковину и такимъ же путемъ пріобрѣла Трансильванію, даже Венгрію. А какъ захватила она Боснію и Герцоговину—извѣстно всѣмъ. И какая польза для насъ брататься съ арміею, не знающей побѣдъ, славящеюся только своими отступленіями? Мы можемъ соединиться съ нею, только когда она отдастъ намъ Буковину, Трансильванію и обезпечитъ возвращеніе Бессарабіи. Иначе мы предпочтемъ побрататься съ русскими, если даже получимъ отъ нихъ меньше,—по пословицѣ: лучше проиграть съ храбрымъ, чѣмъ выиграть съ трусомъ». Молдаванскіе члены оппозиціи въ парламентѣ выпустили прокламацію противъ короля и Братіано, приглашающую румынъ защищать свою національность противъ онѣмеченія и окатоличенія.

Въ Испаніи королева Христина лично открыла сессію кортесовъ, причемъ полуторагодовалый Альфонсъ XIII былъ не безъ труда посаженъ на тронъ. Въ королевской рѣчи обѣщано много хорошихъ законовъ: судъ присяжныхъ, гражданскій бракъ, обязательная военная служба и пр. Но въ бюджетѣ страны—все таки дефицитъ въ 50 милліоновъ франковъ, а земледѣльческій и промышленный кризисъ въ ней не прекращаются. Число нуждающихся рабочихъ въ Каталоніи все увеличивается, и изъ нея эмигрировало уже 15 тысячъ. Въ одной Барселонѣ 20 тысячъ человѣкъ безъ работы. Кабинетъ Сагасты третій годъ держится только тѣмъ, что ловко лавируетъ между различными партіями и ссоритъ ихъ между собою, чтобы онѣ не поднялись на него всѣ вмѣстѣ. Военная партія только потому не

опасна правительству, что военный министръ открыто враждуетъ противъ военнаго губернатора Мадрида, Мартинеса Кампоса. Министръ финансовъ поставилъ на видъ министру колоній, поэту и историку Балагуеру, утайку чиновниками въ Кубѣ нѣсколькихъ милліоновъ, волненія въ Порторико, неурядицу на Антильскихъ островахъ, грабежи губернатора Филиппинскихъ острововъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ ведетъ внѣшнюю политику совершенно неумѣло. Однимъ словомъ, и кабинету, да и самой странѣ предстоитъ не блестящая будущность.

Даже сѣверо-американская республика начинаетъ энергически расправляться съ анархистами: семеро изъ нихъ приговорены къ смерти за попытку взорвать динамитомъ городъ Чикаго; напрасно ждали помилованія отъ всѣхъ инстанцій, куда переносился ихъ процессъ. Двое изъ нихъ подали прошеніе губернатору Иллинойса о прощеніи, и смертная казнь была замѣнена имъ вѣчной каторгой. Линчу, женившемуся уже въ тюрьмѣ, молодая жена принесла нѣсколько динамитныхъ снарядовъ—съ цѣлью взорвать тюрьму. По счастью, ужасный замыселъ былъ открытъ, и катастрофа предотвращена. Тогда Линчъ вложилъ себѣ въ ротъ патронъ съ динамитомъ, зажегъ его на свѣчкѣ и взорвалъ себѣ голову. Обезображенный взрывомъ, онъ промучился еще нѣсколько часовъ въ страшныхъ страданіяхъ. Остальные четверо анархистовъ, три нѣмца: Шписъ, Фишеръ, Энгель и американецъ Парсонсъ были повѣшены въ Чикаго на одной висѣлицѣ. Учитель ихъ и коноводъ Мостъ, за рѣчь къ народу, въ которой онъ возбуждалъ къ отмщенію за казненныхъ, былъ взятъ и осужденъ на продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ. Ремесло анархиста становится невыгоднымъ и въ новомъ свѣтѣ. Но и безъ анархистовъ будущій годъ сулитъ Европѣ немало смутъ и опасеній, грозящихъ нарушить и безъ того очень непрочный міръ между державами.

Мы говорили о странномъ заступничествѣ одного изъ нашихъ журнальныхъ собратовъ за болгарское лжеправительство и его палочниковъ. Теперь этотъ подвигъ получилъ достойную его награду. Въ то время, когда всѣ русскія періодическія изданія запрещены въ Болгаріи, книжки «Вѣстника Европы» допущены въ обращеніе, и статья Слонимскаго переведена въ официальныхъ газетахъ княжества. Въ то же время принцъ Кобургскій, совершенно утвердившійся въ странѣ и призвавшій къ себѣ даже свою родительницу, соизволилъ сопричислить къ учрежденному имъ новому ордену, наряду со своими приверженцами, палочниками и разною прислугою, слѣдующихъ лицъ, проживающихъ въ Россіи: бывшаго предсѣдателя одесскаго благотворительнаго общества, Шимановскаго; редактора «Одесскаго Вѣстника», г. Ломницкаго, корреспондента одесскихъ газетъ, Малиновскаго, извѣстнаго своимъ ренегатствомъ; писателя Глѣба Успенскаго, изъ хорошаго беллетриста преобразившагося въ плохаго публициста, еврейскаго журналиста Слонимскаго, воспѣвшаго подвиги палочниковъ и благо-

творительныя действія палочной расправы въ политическомъ отдѣлѣ «Вѣстника Европы», которымъ завѣдуетъ этотъ незастѣнчивый публицистъ;—наконецъ, самого редактора «Вѣстника», М. М. Стасюлевича. Будемъ ждать, чѣмъ отвѣтитъ русскій журналистъ на оскорбленіе, нанесенное ему присылкою этого ордена.

НОВЫЯ КНИГИ.

Штейнъ. **Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель.** Опытъ біографіи. Томъ I. 1887.

Артуръ Шопенгауэръ. **Афоризмы и максимы.** Переводъ *Ф. В. Черниговца.* Изданіе Суворина. 1887.

Примѣръ Шопенгауэра въ сотый разъ подтверждаетъ давно доказанную истину, что у книгъ и писателей есть своя судьба. Человѣконенавистникъ, проповѣдникъ пессимизма, «ругающійся философъ», какъ его называли въ отличіе отъ «смѣющагося» и «плачущаго» философовъ Греціи, былъ мало извѣстенъ при жизни даже на своей родинѣ, и почти совершенно забытъ по смерти. Причиною этому было прежде всего то, что философъ втопталъ въ грязь всѣ прежнія свѣтила философіи, кромѣ Канта. Шопенгауэръ, не обинуясь, назвалъ своихъ предшественниковъ, Фихте, Шеллинга и Гегеля—шарлатанами, и всѣ ихъ сочиненія дребеденью. И все это, прежде всего, во имя ясности мысли, точности выраженія. Что нѣмецкая философія, какъ и всякая другая впрочемъ, наполнена туманными положеніями, неясными выводами, изложенными языкомъ, непонятнымъ для человѣка, незнакомаго съ научною терминологіею—это несомнѣнно, но вѣдь этому же недостатку подверженъ и Кантъ. Его «Критика чистаго разума» ничуть не понятнѣе трансцендентальнаго идеализма Фихте, философіи природы Шеллинга, феноменологіи Гегеля. Но любопытнѣе всего, что и первыя сочиненія самого Шопенгауэра написаны точно такимъ же темнымъ языкомъ, а въ его «четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія»—выражаясь языкомъ автора, самъ чортъ ногу сломитъ. Въ книгѣ г. Штейна изложенъ этотъ философскій ребусъ, и мы предложили бы черниговскому переводчику шопенгауэровскихъ афоризмовъ, распинающемуся за ясность языка своего кумира, перевести на человѣческій языкъ эту абракадабру. Но г. Черниговецъ не излагаетъ ни системы, ни главной, основной мысли философа, а довольствуется только выдержками «изъ наиболѣе доступныхъ его произведеній», допуская, значитъ, существованіе и менѣе доступныхъ или даже вовсе недоступныхъ. Но отдѣльныхъ афоризмовъ, понятныхъ для простаго смертнаго, не погрязшаго въ дебряхъ философской фразеологіи, можно сколько угодно

понадергать изъ любаго философа. Это дѣло не трудное, хотя мало полезное, потому что не даетъ полнаго понятія объ ученіи и системѣ писателя. Такія мысли пригодны для легкаго чтенія, но по нимъ нельзя возсоздать цѣльнаго образа философа со всѣмъ его міросозерцаніемъ. И притомъ весьма многіе изъ этихъ афоризмовъ оказываются парадоксами и ужь никакъ не «максимами». И къ чему это г. Черниговцу понадобилось сохранить безъ перевода это слово? Его нѣтъ ни въ академическомъ словарѣ, ни у Даля, и во всѣхъ французскихъ лексиконахъ «maxime» переводится какъ и слѣдуетъ: правило, положеніе. Для чего же еще перетаскивать и «максимовъ» въ нашъ языкъ, и безъ того загроможденный безполезной иноземщиной?

Гораздо яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ во всѣхъ этихъ «максимахъ», обрисовывается Шопенгауэръ въ книгѣ г. Штейна. Это—серьезная критическая біографія, гдѣ разбираются всѣ сочиненія писателя, въ связи съ его жизнью. Г. Штейнъ излагаетъ ихъ по русскимъ переводамъ, такъ какъ Шопенгауэру особенно посчастливилось въ Россіи, гдѣ черезъ четверть вѣка послѣ смерти философа принялись переводить и коментировать его съ исключительнымъ усердіемъ. Представителю поэзіи гармоническихъ звуковъ, туманныхъ образовъ, неуловимыхъ ощущеній, г. Фету вздумалось почему-то перевести два первыхъ (и самыхъ неудобоваримыхъ) произведенія философа: его «Четверной корень основанія» и «Міръ, какъ воля и представленіе». За нимъ пустились трепать философа по всѣмъ періодическимъ изданіямъ и издавать отдѣльныя сочиненія о его міровоззрѣніи, какъ г. Калачинскій. Въ своемъ отечествѣ Шопенгауэръ вошелъ въ моду послѣ успѣха философіи Гартмана, проповѣдывающаго тотъ же пессимизмъ, только доходящій до поклоненія «безсознательному», нирванѣ. Наша наклонность къ пессимизму была главною причиною успѣха у насъ шопенгауэровскаго ученія. Все оно основано на уничтоженіи разума, на преобладаніи воли, на признаніи абсурда жизни, тщеты всѣхъ надеждъ, неизбѣжности страданій, нелѣпости искать утѣшенія. Отрѣшиться отъ всѣхъ земныхъ привязанностей—вотъ цѣль, къ которой мы должны стремиться. Въ основныхъ положеніяхъ своей доктрины, Шопенгауэръ—чистый буддистъ, въ критикѣ современнаго общества—подражатель французскихъ моралистовъ: Монтэня, Гельвеція, Ларошфуко, Лабрюйера, Вовенарга, которыхъ онъ очень часто цитируетъ. У нихъ онъ заимствовалъ эту ясность мыслей и изложенія, которыя, дѣйствительно, выдѣляютъ его изъ ряда тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ философовъ. Онъ не признаётъ разума принципомъ всего существующаго. Органъ разума—мозгъ, по его выраженію: «паразитъ, питающійся на счетъ другихъ органовъ». Нравственность Шопенгауэра—чисто аскетическая: онъ проповѣдуетъ отреченіе отъ всѣхъ радостей; нравственное совершенство заключается въ уничтоженіи въ себѣ всѣхъ стремленій; оптимизмъ—нелѣпый парадоксъ; м

стицизмъ — самое благородное направленіе мыслей. Наконецъ, у него встрѣчается панегирикъ деспотизму. Такому ли ученію должно слѣдовать и удивляться? Г. Штейнъ, не смотря на все свое увлеченіе Шопенгауромъ, указываетъ на многія ошибочныя и неудовлетворительныя стороны его ученія. Какъ человѣкъ—онъ былъ еще непривлекательнѣе, и его отношенія къ матери, къ роднымъ и близкимъ, выставляютъ его далеко не въ благопріятномъ свѣтѣ. Книга г. Штейна еще не кончена и, составленная по нѣмецкимъ комментаторамъ философа и его русскимъ переводчикамъ, даетъ объ немъ полное понятіе. Изъ нея вынесешь много мыслей, тогда какъ черниговскіе «максимы», часто остроумные, еще чаще парадоксальные, также легко улетучатся изъ памяти, какъ легко прочтутся.

Воспоминанія графа Владиміра Александровича Сологуба. Изданіе Суворина. 1887.

Нельзя сказать, чтобы мы были бѣдны записками русскихъ людей. «Новыя вѣянія» прошлаго царствованія, впрочемъ, такъ и оставшіяся «вѣяніями» и не создавшія ничего прочнаго,—вызвали къ жизни не только живыхъ, но и мертвыхъ. Явились не одни новые писатели—раздались изъ могилъ или мрака забвенія голоса тѣхъ, кого принуждала молчать тяжелая цензура николаевскаго времени. «Русскій Архивъ» и «Русская Старина» разомъ составили себѣ извѣстность, печатая мемуары писателей, ученыхъ, государственныхъ дѣятелей. Въ эпоху возрожденія всякаго рода надеждъ, не исключая и литературныхъ, писатель, составившій себѣ имя въ царствованіе Николая I, какъ беллетристъ, сообщалъ охотно всѣмъ своимъ знакомымъ, что теперь онъ имѣетъ возможность написать свои воспоминанія, которыя будутъ гораздо интереснѣе его повѣстей. Воспоминаніямъ этимъ было суждено нерѣдко являться въ свѣтъ только послѣ смерти ихъ автора и оставаться неоконченными. Послѣднее условіе неизбѣжно для тѣхъ, кто слишкомъ поздно принимается за свои записки и не ведетъ ихъ съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности. Собираніе подъ старость своихъ воспоминаній о молодыхъ годахъ лишаетъ ихъ часто свѣжести, а иногда даже исторической и, въ особенности, хронологической вѣрности. Послѣднимъ недостаткомъ страдаютъ и записки Сологуба, появившіяся первоначально въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и возбудившія въ печати нѣсколько замѣтокъ о неточности иныхъ показаній автора, и при жизни не отличавшагося строгою послѣдовательностью своихъ выводовъ. Нѣкоторое легкомысліе сужденій и поверхностность наблюденій, свойственныя характеру писателя, не лишаютъ однако его записокъ большаго интереса, хотя интересъ этотъ сосредоточивается преимущественно на анекдотахъ изъ жизни высшаго общества, къ которому принадлежалъ Сологубъ. Это записки не писателя, а свѣтскаго человѣка. Даже о своихъ собственныхъ произведеніяхъ онъ говоритъ вскользь и мелкомъ, въ-

роятно, разсчитывая поговорить объ нихъ подробнѣе впослѣдствіи. Но смерть не позволила ему окончить даже своихъ великосвѣтскихъ воспоминаній, хотя онъ умеръ, перейдя уже за 60-лѣтній возрастъ—предѣлъ, переживаемый немногими русскими писателями. Но Сологубъ, безпечный и во многихъ житейскихъ отношеніяхъ, былъ довольно равнодушенъ къ своимъ литературнымъ трудамъ. Человѣкъ тридцатыхъ годовъ (первая повѣсть «Два студента» появилась въ 1837 году) онъ самъ былъ удивленъ успѣхомъ, встрѣтившимъ въ началѣ сороковыхъ годовъ его повѣсти: «На сонъ грядущій,» «Аптекарша,» «Исторія двухъ калошъ» и пр. Новыя вѣянія не имѣли вліянія на дальнѣйшее развитіе этого дарованія и съ 1857 г. онъ уже почти ничего не писалъ, кромѣ случайныхъ, незначительныхъ вещей. А ему не было въ то время и 45-ти лѣтъ. Но, какъ многіе люди той эпохи, онъ, въ виду возникшихъ реформъ, не удовольствовался ролью писателя и званіемъ придворнаго, а счелъ себя также реформаторомъ,—занялся статистикою и, въ особенности, тюрьмовѣдѣніемъ. На изслѣдованіе и изученіе русскихъ и иноземныхъ тюремъ онъ убилъ много времени и, конечно, безплодно. Нашихъ тюремъ онъ не улучшилъ, а отъ литературы отсталъ и только въ своихъ воспоминаніяхъ явился прежнимъ бойкимъ, остроумнымъ, интереснымъ разскащикомъ, не лишеннымъ юмора и наблюдательности. Въ девяти главахъ его записокъ немало найдется меткихъ характеристикъ разныхъ высосопоставленныхъ и придворныхъ особъ; о литераторахъ онъ говоритъ меньше, хотя, конечно, зналъ близко многихъ изъ нихъ. Но и въ своихъ запискахъ, какъ и въ жизни, Сологубъ всегда былъ больше камергеромъ и тайнымъ совѣтникомъ, чѣмъ литераторомъ. Вообще его воспоминанія непослѣдовательны, отрывочны, безсистемны; онъ часто перескакиваетъ въ нихъ отъ одного лица и предмета къ другому, отъ давно минувшихъ дѣлъ къ современнымъ событіямъ, нерѣдко путаетъ эти дѣла и событія, многаго не досказываетъ. Это еще понятно по отношеніямъ автора къ высокопоставленнымъ или великосвѣтскимъ лицамъ, съ которыми онъ былъ въ родствѣ, но и говоря о писателяхъ, онъ не договариваетъ всего, что̀ знаетъ. Такъ, по поводу своего родства съ Архаровыми, упоминая на первыхъ же страницахъ о старѣйшемъ русскомъ журналистѣ А. А. Краевскомъ, онъ только вскользь говоритъ объ отношеніяхъ его къ тому же семейству, что̀ не даетъ возможности провѣрить, правду ли говоритъ Гречъ въ своихъ запискахъ о томъ же журналистѣ, которому также давно пора бы издать воспоминанія своей полувѣковой дѣятельности въ лучшемъ русскомъ журналѣ: «Отечественныя Записки» и о двадцатидвухлѣтнемъ редактированіи газеты: «Голосъ.» Да и въ воспоминаніяхъ Сологуба, мѣстами слишкомъ поверхностныхъ, онъ могъ бы, конечно, многое возстановить и пополнить, какъ серьезный и опытный журналистъ. Прошлому царствованію у Сологуба посвящены только двѣ послѣднія

главы, да и тѣ оканчиваются пятидесятыми годами и заключаютъ въ себѣ описаніе его поѣздки въ Парижъ для осмотра иностранныхъ театровъ. Сологубъ считалъ себя знатокомъ и въ театральномъ дѣлѣ, хотя также напрасно, какъ и въ тюремномъ: его сценическія произведенія гораздо слабѣе беллетристическихъ. Но николаевское время очерчено въ запискахъ очень живо и интересно. Тутъ любопытны характеристики Глинки, Гоголя, Пушкина, Некрасова, Одоевскаго, Лермонтова, Тургенева; авторъ зналъ ихъ близко, но все таки говоритъ объ нихъ меньше, чѣмъ о своихъ князьяхъ и графахъ; свое пребываніе въ дерптскомъ университетѣ онъ очерчиваетъ слишкомъ блѣдно, свое пребываніе на Кавказѣ и службу у Барятинскаго—слишкомъ кратко. Свѣдѣнія о дуэли Пушкина нуждаются въ строгой провѣркѣ. Но все это не мѣшаетъ воспоминаніямъ Сологуба быть очень интересными. На портретѣ, приложенномъ къ книгѣ, онъ изображенъ совершенно молодымъ человѣкомъ.

Н. М. Минскій. **Стихотворенія.** 1887.

Елисей Разбѣгаевъ, романъ въ стихахъ. *Л. Гусляка.* 1886.

Въ послѣднее время, наши органы общественнаго мнѣнія заговорили опять о поэзіи, конечно, не ея ради, а по поводу журнальныхъ сплетенъ объ одномъ умершемъ поэтѣ и газетной полемики о другомъ. Ни сплетни, ни полемика не относятся къ области библіографіи, и мы отведемъ имъ мѣсто въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала, а здѣсь поговоримъ о двухъ выдающихся явленіяхъ въ мірѣ поэзіи, гдѣ чуть не ежедневно является множество новыхъ именъ, отъ которыхъ не остается ничего, даже имени, такъ какъ и оно очень скоро забывается. Изъ поэтовъ послѣдней формаціи, г. Минскій обратилъ на себя вниманіе читателей и теперь является съ объемистымъ томомъ своихъ стихотвореній, въ которомъ помѣщено до 80 небольшихъ пьесъ и шесть поэмъ (одна изъ нихъ драматическая). Въ этихъ пьесахъ, поэтъ является уже съ достаточно опредѣлившеюся физіономіею, не позволяющею смѣшивать его съ другими собратіи. И по формѣ, и по содержанію, стихи г. Минскаго выдаются изъ массы стихотворныхъ произведеній, наводняющихъ нашу журналистику. Это уже не перепѣвы плещеевскихъ мотивовъ, какъ бо́льшая часть стиховъ Надсона, а своеобразныя пьесы, отличающіяся не только искреннимъ чувствомъ, но и мыслью. Преобладающая тема стихотвореній г. Минскаго—скорбь—та же, что́ у всѣхъ современныхъ поэтовъ, но онъ поетъ не о своемъ родномъ Сіонѣ, какъ Фругъ, не о самомъ себѣ, какъ Надсонъ, а скорбитъ о человѣчествѣ, о мірѣ. Это та же Weltschmerz, но не расплывающаяся въ туманныхъ образахъ, какъ у нѣмецкихъ поэтовъ, не разражающаяся богохульствами французовъ, а сосредоточенная въ самой себѣ и даже порою ищущая утѣшеній. О еврейскихъ мотивахъ, въ его стихахъ нѣтъ и помину и хотъ онъ ждетъ мессіи, но больше аллегорически, радуется воскресенію Христа и тоскуетъ о томъ, что еще не воскресъ человѣкъ. Муза

зоветъ его не къ наслажденіямъ, не къ борьбѣ, а къ искапію истины, къ пробужденію совѣсти въ людяхъ, или,—какъ выражается поэтъ черезчуръ фигурально,—къ «совѣсти міросданія». Русская печаль «чуждается проклятій, робка, угрюма и тяжкій крестъ несетъ безъ шума, проливая невидимыя слезы». И эти «слезы безъ числа»—сберегла намъ муза г. Минскаго,—напрасно только «безъ числа». Немножко поменьше стихотвореній все на одну и ту же слезливую тэму убавили бы, конечно, вышедшій нынѣ сборникъ, но придали бы ему гораздо болѣе значенія. Слишкомъ много слезъ также не слѣдуетъ тратить, какъ слишкомъ много цвѣтовъ. Побольше такихъ пьесъ, какъ «Передъ зарей», «Весталки», «Геній и трудъ», гдѣ больше утѣшенія, чѣмъ скорби, и стихи г. Минскаго не страдали бы однообразіемъ... Надъ могилой Кавелина поэтъ хоть и находитъ, что мы только напрасно рвались куда-то и что Россія «могилами богата», но прибавляетъ, что есть время, когда утѣшаютъ и могилы: ужели безсиленъ тотъ край, гдѣ выросли эти могучія силы? «Въ могилѣ того, надъ кѣмъ плачетъ страна, грядущее спитъ въ колыбели». Но такихъ прекрасныхъ, успокоительныхъ пьесъ, повторяемъ, въ сборникѣ немного; бо́льшая часть ихъ проникнута скорбью, даже отчаяніемъ, какъ «На чужомъ пиру», гдѣ поэтъ прямо говоритъ, что въ его отчизнѣ нѣтъ счастія, что она «на груди своей и ядовитыхъ змѣй, и кроткихъ голубей не разъ отогрѣвала, лишь про дѣтей своихъ всегда позабывала.» «Когда же ощутишь ты жажду жизни?» спрашиваетъ онъ дальше: «когда начнетъ народъ твой знаніе любить, когда про нужду позабудетъ, и горя-горькаго не будетъ ни въ будни накоплять, ни въ праздники топить?» Эта, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная пьеса, оканчивается еще болѣе тяжелыми стихами: «во тьмѣ осталась ты, подобная рабѣ, и сталъ твой жребій—скорбь, а имя—слово брани, о родина моя, о родина терзаній!» Поэта упрекали въ томъ, что, называя своими наставниками Пушкина и Лермонтова, онъ укоряетъ ихъ въ томъ, что они были только безпечными пѣвцами прекраснаго «и даже демона заставили шептать признанья кроткія»? тогда какъ демонъ г. Минскаго не шепчетъ нѣжныхъ словъ, а говоритъ, что «этотъ міръ блестящій похожъ на древній храмъ египетскихъ царей: порфиръ и хризолитъ, сіяніе чертога, молящихся толпа, жрецовъ поющихъ рядъ, но тамъ въ святилищѣ, но тамъ, на мѣстѣ Бога, стоитъ священный быкъ, и спитъ священный гадъ». Но развѣ не то же говорятъ и всѣ современные поэты, обвиняя, и не безъ основанія, нашъ вѣкъ въ поклоненіи золотому тельцу и мамонѣ? Скорѣе можно упрекнуть г. Минскаго въ томъ, что онъ нашелъ кроткія и нѣжныя слова въ пушкинскомъ демонѣ, не хотѣвшемъ «ничего благословить во всей природѣ». Наконецъ, въ этой же пьесѣ поэтъ говоритъ о себѣ: «жалокъ я себѣ въ своихъ стихахъ туманныхъ, и грустно мнѣ, что въ нихъ такъ мало простоты». Считая людей стадомъ, а исторію сказаніемъ о глупости народовъ, поэтъ—врагъ войны и всякаго насилія

Въ прекрасномъ стихотвореніи «Любовь и мечъ» любовь проситъ Бога указать ей край, гдѣ бы мечъ не былъ владыкой. Богъ отвѣчаетъ, что «подъ луною не найти такого края, и отворяетъ ей двери рая. Но, въ этихъ дверяхъ стоитъ также съ мечомъ «духъ нетлѣнный» (плохой эпитетъ къ другому, еще болѣе плохому: мечъ надменный). Испуганная любовь «не вступила въ сѣни рая и на землю не вернулась». Въ другой пьесѣ безъ названія поэтъ говоритъ: «быть можетъ, никогда такъ страстно міръ не ждалъ пророческаго слова. Лишь слово царствуетъ—мечъ былъ рабомъ всегда. Лишь словомъ созданъ свѣтъ, лишь имъ создастся снова». Этими прекрасными стихами—хоть они и противорѣчатъ приведенной выше пьесѣ—можно было бы заключить характеристику г. Минскаго, но у него есть еще шесть поэмъ, о которыхъ надо сказать нѣсколько словъ. Всѣ онѣ—не выдержаны, мало содержательны, туманны. Это не свойственъ чисто лирическому дарованію г. Минскаго; но во всѣхъ его поэмахъ есть художественныя, отдѣльныя картины. Такъ, въ «Бѣлыхъ ночахъ» прекрасно очерчены: всепрощающая кроткая женщина и самоубійца, искавшій прямой дороги въ жизни, но встрѣтившій, какъ въ сказкѣ, надпись на распутьи: «пойдешь вправо—жди совѣсти тяжкой потери, пойдешь прямо—съѣдятъ тебя лютые звѣри, а налѣво пойдешь—станешь звѣремъ ты самъ. И заснуть, о друзья, предпочелъ я въ преддверьѣ»—прибавляетъ несчастный. Въ «Пѣсняхъ о родинѣ» хороши картины Рейна, Колизея, но родина обрисована очень блѣдно. Въ «Фантазіи» мастерски очерчены созиданіе вавилонскаго столба и вражда съ богами. Поэма оканчивается мыслью, что и нашъ вѣкъ созидаетъ свой столбъ, но не каменный, а «изъ чистыхъ помысловъ, святаго состраданья, изъ подвиговъ любви, изъ безкорыстныхъ думъ. Герой принесъ свой пылъ, поэтъ свои мечтанья, мудрецъ испытанный свой умъ». Но не смететъ ли его вновь гроза? спрашиваетъ поэтъ въ заключеніе? Поэмы: «Прокаженный» и «Счастіе Прометея» очень туманны. Въ драматической поэмѣ «Смерть Кая Гракха», свидѣтельствующей о близкомъ знакомствѣ г. Минскаго съ исторіей и духомъ древняго Рима, хорошо очерчены второстепенныя лица: старикъ Помпоній, молодой Леторій, рабъ Эвпоръ, низкій Септимулей, но самъ Гракхъ чрезвычайно блѣденъ и сценическое дѣйствіе вообще очень слабо развито.

Написать хорошую поэму въ наше время—дѣло не легкое. У современныхъ поэтовъ не хватаетъ на это ни силъ, ни вдохновенія. Почти годъ мы не рѣшались даже прочитать романъ въ стихахъ, «Елисей Разбѣгаевъ», и отнеслись съ недовѣріемъ къ книгѣ въ 3800 стиховъ слишкомъ. Но, ознакомившись съ нею, не можемъ не обратить на нее вниманіе читателей, тѣмъ болѣе, что не встрѣчали объ ней отзыва въ нашей журналистикѣ. Содержаніе поэмы не сложно, но задумана она довольно оригинально и написана хорошимъ стихомъ. Герой ея—врачъ и героиня тоже, конечно, женщина-врачъ. На дебаркадерѣ желѣзной дороги «десятый

поѣздъ ужь столица шлетъ за Балканы: для войны гвардейцы стали вдругъ нужны». О войнѣ и ея орудіяхъ—солдатахъ—авторъ отзывается даже съ озлобленіемъ; онъ говоритъ: «Намъ дали ружья и патроны, сказали: п-ли! и мы палимъ. Въ кого? за что? на то законы и власть. Отвѣта не дадимъ, ни человѣку мы, ни Богу за подневольныя дѣла. Въ насъ искра божія была, когда ходили мы не въ ногу, но дисциплина и ружье совсѣмъ задули въ насъ ее». Наполеона авторъ называетъ невмѣняемымъ глупцемъ, Александра Македонскаго — бѣшенымъ саврасомъ и ставитъ ихъ не выше Аттилы. На дебаркадерѣ прощается со своимъ женихомъ-докторомъ, отправляющимся на войну, молодая вдова, но не этотъ докторъ—герой поэмы, а его товарищъ, тоже врачъ, Разбѣгаевъ, остающійся утѣшать вдову — невѣсту. Не смотря на то, что его «на свѣтъ родилъ Создатель,—безъ нѣжныхъ словъ,—немножко пнемъ», онъ до того утѣшаетъ ее, что она совсѣмъ забываетъ своего жениха, имѣвшаго, сверхъ того, неделикатность пригласить ее въ Болгарію—сестрою милосердія. Невѣста, разумѣется, не ѣдетъ и остается жить съ Разбѣгаевымъ. Но война оканчивается и неловкое положеніе невѣрнаго друга облегчается тѣмъ, что ему привозятъ изъ Болгаріи письмо убитаго товарища, искавшаго смерти, потому что не стоитъ жить, видя всѣ ужасы всѣ страданія, какія приноситъ война. Самопожертвованіе очистившаго мѣсто товарищу оказывается, однако, безполезнымъ: вдова разрываетъ связь съ ложнымъ другомъ и выходитъ замужъ, а онъ, очень скоро утѣшившись, ѣдетъ въ одинъ изъ приволжскихъ городовъ—служить народу своими медицинскими знаніями. Одна глава поэмы посвящена описанію этого путешествія. Картины Рыбинска, Ярославля, Костромы, Нижняго Новгорода, Казани, историческія воспоминанія о Маринѣ, Ѳедорѣ Волковѣ, Биронѣ, Мининѣ, Иванѣ Грозномъ, этомъ «великомъ психопатѣ»,—все это набросано бойкими, звучными стихами, которые страдаютъ, только мѣстами, неправильными удареніями да слишкомъ мелкимъ юморомъ. На мѣстѣ служенія Разбѣгаевъ сходится съ женщиной-врачемъ, лѣчащей бабъ и дѣтей, увлекаетъ ее громкими фразами о честномъ трудѣ, о служеніи народу. Она влюбляется въ него, но скоро прискучаетъ ему. Онъ начинаетъ рваться въ Петербургъ, зоветъ ее съ собою и, когда она не хочетъ измѣнить своимъ обязанностямъ, бросаетъ ее, говоря, что «всегда готовъ помочь родному краю, но не среди такихъ скотовъ». Пріѣхавъ въ городъ,—который «первый поднялъ оперету въ недосягаемую высь, мечты благія бросилъ въ Лету и идеаламъ рявкнулъ: брысь!», въ «первый градъ святой Россіи, гдѣ появился нигилистъ, и расплодился шантажистъ»,—Разбѣгаевъ однако и самъ дѣлается скотомъ, пьетъ, кутитъ, воспѣваетъ проститутокъ, ругаетъ цѣлый свѣтъ, «не находя большого худа, что не живемъ мы, а дуримъ» и забывая предсмертныя слова въ письмѣ своего друга, убитаго въ Болгаріи: «Живи, но такъ, чтобы съ улыбкой вступившую на твой порогъ

смерть—каждый часъ ты встрѣтить могъ». Этими стихами оканчивается поэма, представляющая, несмотря на всѣ ея недостатки, все таки далеко не заурядное произведеніе. Въ немъ, кромѣ очерченныхъ характеровъ, картинъ петербургской и провинціальной жизни, много прочувствованныхъ эпизодовъ: о Некрасовѣ, курсисткѣ Витте, умершемъ отъ голода докторѣ Илинскомъ, сознательно пожертвовавшимъ своею жизнью для спасенія бѣдняковъ. Побольше отдѣлки и выдержанности, поменьше дешеваго остроумія, мѣстами напоминающаго юморъ нашей мелкой, уличной печати—и поэма неизвѣстнаго автора (Л. Гуслякъ — очевидно, псевдонимъ) могла бы назваться замѣчательнымъ явленіемъ, даже въ наше стихообильное время.

Ан. П. Чеховъ. Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Спб. 1887.

Г. Чеховъ—писатель послѣдней, новѣйшей формаціи, человѣкъ восьмидесятыхъ годовъ. Намъ уже приходилось отдавать отчетъ о двухъ первыхъ сборникахъ его разсказовъ. Первый, изданный имъ подъ полупсевдонимомъ Чехонте, заключалъ въ себѣ очерки театральнаго міра,—къ которому, какъ кажется, принадлежалъ авторъ,—и доказывалъ въ немъ несомнѣнный, хотя еще не развившійся и не установившійся талантъ. Второй сборникъ, вышедшій въ прошломъ году, подъ названіемъ «Пестрые разсказы», въ общемъ составлялъ, къ сожалѣнію, шагъ назадъ. Талантъ, по прежнему, высказывался въ нѣкоторыхъ очеркахъ, но большинство ихъ было написано, какъ видно, на скорую руку, для наполненія еженедѣльнаго да еще юмористическаго журнала,—а кто же не знаетъ, какова наша подцензурная юмористика. Тяжелая необходимость скорописанія и многописанія ярко высказывалась въ этихъ слабыхъ, незаконченныхъ, неотдѣланныхъ наброскахъ. Можно было усомниться въ томъ, разовьется ли это дарованіе, не сойдетъ ли авторъ въ цехъ борзописцевъ, подававшихъ надежды но неоправдавшихъ ихъ. По счастью, авторъ не палъ подъ гнетомъ мелкой прессы и началъ печататься въ болѣе читаемыхъ органахъ. Чаще всего очерки его помѣщались въ «Новомъ Времени», и вышедшій теперь сборникъ состоитъ, большею частью, изъ статей, помѣщенныхъ первоначально въ этой газетѣ, только дополненныхъ и исправленныхъ, какъ разсказъ «На пути», лучшій и самый обширный изъ всѣхъ 16-ти разсказовъ сборника, хотя и не превышающій 30-ти страницъ. Но въ немъ такъ хорошо и рельефно очерченъ типъ русскаго неудачника съ теплымъ сердцемъ и безалаберной головою, какъ не удавалось его изобразить и на сотнѣ страницъ болѣе опытнымъ беллетристамъ. Такою же сжатостью и типичностью отличаются разсказы: «Вѣдьма», гдѣ особенно выдается трагикомическая личность дьячка, считающаго вѣдьмой свою молодую гульливую жену; «Мечты»—мастерская характеристика бродяги, не помнящаго родства; «Вѣрочка»—типъ провинціалки, полюбившей холоднаго петербуржца; «Панихида», гдѣ деревенскій лавочникъ проситъ помянуть «за упокой его дочь, блудницу Марію»; «Дома»—гдѣ прокуроръ старается, но очень неудачно, объяснить своему маленькому сыну, почему не слѣдуетъ

лгать и красть. Разсказъ «Въ судѣ» изображаетъ вѣрно канцелярски-апатическія отношенія суда къ подсудимымъ, но содержаніе разсказа скомкано и темно. «Недоброе дѣло» и «Безпокойный гость»—простые анекдоты, но очень живо разсказанные; въ «Пустомъ случаѣ»—опять недурной типъ прогорѣвшаго помѣщика, безтолковаго, но добраго и честнаго. «Несчастье» —этюдъ женскаго сердца, увлеченнаго къ паденію любовью сильной натуры, хотя бѣдная замужняя женщина и не раздѣляетъ сначала этой любви, убивающей ея семейное спокойствіе. Въ «Событіи» авторъ рисуетъ типы дѣтей также удачно, какъ взрослыхъ. «Агафья» — изображеніе грубой, животной, но вѣрно обрисованной страсти въ нашемъ простонародьѣ. «Враги»—полный драматизма разсказъ о столкновеніи двухъ семейныхъ несчастій: смерти ребенка и бѣгства жены. Въ очеркахъ «Кошмаръ» и «Святою ночью», выведены художественные типы бѣднаго сельскаго священника и монаха. Во всѣхъ этихъ разсказахъ г. Чеховъ является не только психологомъ и тонкимъ наблюдателемъ, но и настоящимъ художникомъ. Его описанія природы довольно картинны, поэтичны и нѣсколько напоминаютъ манеру Тургенева. Отдѣлка подробностей—старательная. Русская литература будетъ ждать отъ г. Чехова болѣе обширнаго серьознаго произведенія.

А. С. Виреніусъ. **Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ.** Причины появленія и распространенія заразныхъ болѣзней въ учебныхъ заведеніяхъ и мѣры къ ихъ предотвращенію со стороны администраціи. С.-Петербургъ. 1887. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ послѣднее время, на Западѣ обращено особое вниманіе на заразныя болѣзни въ школахъ. Если и нельзя прямо обвинять школу въ зарожденіи этихъ болѣзней, то, во всякомъ случаѣ, можно считать ее однимъ изъ главныхъ очаговъ ихъ распространенія. Въ родительскомъ домѣ отрокъ несравненно надежнѣе оберегается отъ зараженія корью, скарлатиной и т. п., нежели въ стѣнахъ учебнаго заведенія. Вотъ почему указаніе мѣръ и средствъ къ предупрежденію заразныхъ болѣзней въ школахъ надо считать насущною потребностью.

Сочиненіе нашего извѣстнаго гигіениста, д-ра А. С. Виреніуса, какъ видно, имѣетъ цѣлью представить именно эти указанія, т. е. дать родителямъ и педагогамъ то, что̀ необходимо къ спасенію дѣтей отъ различныхъ эпидемическихъ заболѣваній.

Изложеніе книги отличается, на первый взглядъ, нѣкоторыми излишними подробностями; но виною этому оказывается главнымъ образомъ: незаконченность научныхъ изслѣдованій касательно школьныхъ заразныхъ болѣзней, неодинаковость мнѣній авторовъ и, потому, неустановленность окончательнаго научнаго вывода касательно той или другой заразной болѣзни. Авторомъ не забыты существенныя подробности относительно мѣръ, какъ къ устраненію передачи заразы въ стѣнахъ учебнаго заведенія и родительскаго дома, такъ и къ изолированію заразныхъ больныхъ въ гос-

творительныя действія палочной расправы въ политическомъ отдѣлѣ «Вѣстника Европы», которымъ завѣдуетъ этотъ незастѣнчивый публицистъ;—наконецъ, самого редактора «Вѣстника», М. М. Стасюлевича. Будемъ ждать, чѣмъ отвѣтитъ русскій журналистъ на оскорбленіе, нанесенное ему присылкою этого ордена.

НОВЫЯ КНИГИ.

Штейнъ. **Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель.** Опытъ біографіи. Томъ I. 1887.

Артуръ Шопенгауэръ. **Афоризмы и максимы.** Переводъ *Ф. В. Черниговца.* Изданіе Суворина. 1887.

Примѣръ Шопенгауэра въ сотый разъ подтверждаетъ давно доказанную истину, что у книгъ и писателей есть своя судьба. Человѣконенавистникъ, проповѣдникъ пессимизма, «ругающійся философъ», какъ его называли въ отличіе отъ «смѣющагося» и «плачущаго» философовъ Греціи, былъ мало извѣстенъ при жизни даже на своей родинѣ, и почти совершенно забытъ по смерти. Причиною этому было прежде всего то, что философъ втопталъ въ грязь всѣ прежнія свѣтила философіи, кромѣ Канта. Шопенгауэръ, не обинуясь, назвалъ своихъ предшественниковъ, Фихте, Шеллинга и Гегеля—шарлатанами, и всѣ ихъ сочиненія дребеденью. И все это, прежде всего, во имя ясности мысли, точности выраженія. Что нѣмецкая философія, какъ и всякая другая впрочемъ, наполнена туманными положеніями, неясными выводами, изложенными языкомъ, непонятнымъ для человѣка, незнакомаго съ научною терминологіею—это несомнѣнно, но вѣдь этому же недостатку подверженъ и Кантъ. Его «Критика чистаго разума» ничуть не понятнѣе трансцендентальнаго идеализма Фихте, философіи природы Шеллинга, феноменологіи Гегеля. Но любопытнѣе всего, что и первыя сочиненія самого Шопенгауэра написаны точно такимъ же темнымъ языкомъ, а въ его «четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія»—выражаясь языкомъ автора, самъ чортъ ногу сломитъ. Въ книгѣ г. Штейна изложенъ этотъ философскій ребусъ, и мы предложили бы черниговскому переводчику шопенгауэровскихъ афоризмовъ, распинающемуся за ясность языка своего кумира, перевести на человѣческій языкъ эту абракадабру. Но г. Черниговецъ не излагаетъ ни системы, ни главной, основной мысли философа, а довольствуется только выдержками «изъ наиболѣе доступныхъ его произведеній», допуская, значитъ, существованіе и менѣе доступныхъ или даже вовсе недоступныхъ. Но отдѣльныхъ афоризмовъ, понятныхъ для простаго смертнаго, не погрязшаго въ дебряхъ философской фразеологіи, можно сколько угодно

понадергать изъ любаго философа. Это дѣло не трудное, хотя мало полезное, потому что не даетъ полнаго понятія объ ученіи и системѣ писателя. Такія мысли пригодны для легкаго чтенія, но по нимъ нельзя возсоздать цѣльнаго образа философа со всѣмъ его міросозерцаніемъ. И притомъ весьма многіе изъ этихъ афоризмовъ оказываются парадоксами и ужь никакъ не «максимами». И къ чему это г. Черниговцу понадобилось сохранить безъ перевода это слово? Его нѣтъ ни въ академическомъ словарѣ, ни у Даля, и во всѣхъ французскихъ лексиконахъ «maxime» переводится какъ и слѣдуетъ: правило, положеніе. Для чего же еще перетаскивать и «максимовъ» въ нашъ языкъ, и безъ того загроможденный безполезной иноземщиной?

Гораздо яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ во всѣхъ этихъ «максимахъ», обрисовывается Шопенгауэръ въ книгѣ г. Штейна. Это—серьезная критическая біографія, гдѣ разбираются всѣ сочиненія писателя, въ связи съ его жизнью. Г. Штейнъ излагаетъ ихъ по русскимъ переводамъ, такъ какъ Шопенгауэру особенно посчастливилось въ Россіи, гдѣ черезъ четверть вѣка послѣ смерти философа принялись переводить и коментировать его съ исключительнымъ усердіемъ. Представителю поэзіи гармоническихъ звуковъ, туманныхъ образовъ, неуловимыхъ ощущеній, г. Фету вздумалось почему-то перевести два первыхъ (и самыхъ неудобоваримыхъ) произведенія философа: его «Четверной корень основанія» и «Міръ, какъ воля и представленіе». За нимъ пустились трепать философа по всѣмъ періодическимъ изданіямъ и издавать отдѣльныя сочиненія о его міровоззрѣніи, какъ г. Калачинскій. Въ своемъ отечествѣ Шопенгауэръ вошелъ въ моду послѣ успѣха философіи Гартмана, проповѣдывающаго тотъ же пессимизмъ, только доходящій до поклоненія «безсознательному», нирванѣ. Наша наклонность къ пессимизму была главною причиною успѣха у насъ шопенгауэровскаго ученія. Все оно основано на уничтоженіи разума, на преобладаніи воли, на признаніи абсурда жизни, тщеты всѣхъ надеждъ, неизбѣжности страданій, нелѣпости искать утѣшенія. Отрѣшиться отъ всѣхъ земныхъ привязанностей—вотъ цѣль, къ которой мы должны стремиться. Въ основныхъ положеніяхъ своей доктрины, Шопенгауэръ—чистый буддистъ, въ критикѣ современнаго общества—подражатель французскихъ моралистовъ: Монтэня, Гельвеція, Ларошфуко, Лабрюйера, Вовенарга, которыхъ онъ очень часто цитируетъ. У нихъ онъ заимствовалъ эту ясность мыслей и изложенія, которыя, дѣйствительно, выдѣляютъ его изъ ряда тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ философовъ. Онъ не признаётъ разума принципомъ всего существующаго. Органъ разума—мозгъ, по его выраженію: «паразитъ, питающійся на счетъ другихъ органовъ». Нравственность Шопенгауэра—чисто аскетическая: онъ проповѣдуетъ отреченіе отъ всѣхъ радостей; нравственное совершенство заключается въ уничтоженіи въ себѣ всѣхъ стремленій; оптимизмъ—нелѣпый парадоксъ; ми-

стицизмъ — самое благородное направленіе мыслей. Наконецъ, у него встрѣчается панегирикъ деспотизму. Такому ли ученію должно слѣдовать и удивляться? Г. Штейнъ, не смотря на все свое увлеченіе Шопенгауромъ, указываетъ на многія ошибочныя и неудовлетворительныя стороны его ученія. Какъ человѣкъ—онъ былъ еще непривлекательнѣе, и его отношенія къ матери, къ роднымъ и близкимъ, выставляютъ его далеко не въ благопріятномъ свѣтѣ. Книга г. Штейна еще не кончена и, составленная по нѣмецкимъ комментаторамъ философа и его русскимъ переводчикамъ, даетъ объ немъ полное понятіе. Изъ нея вынесешь много мыслей, тогда какъ черниговскіе «максимы», часто остроумные, еще чаще парадоксальные, также легко улетучатся изъ памяти, какъ легко прочтутся.

Воспоминанія графа Владиміра Александровича Сологуба. Изданіе Суворина. 1887.

Нельзя сказать, чтобы мы были бѣдны записками русскихъ людей. «Новыя вѣянія» прошлаго царствованія, впрочемъ, такъ и оставшіяся «вѣяніями» и не создавшія ничего прочнаго,—вызвали къ жизни не только живыхъ, но и мертвыхъ. Явились не одни новые писатели—раздались изъ могилъ или мрака забвенія голоса тѣхъ, кого принуждала молчать тяжелая цензура николаевскаго времени. «Русскій Архивъ» и «Русская Старина» разомъ составили себѣ извѣстность, печатая мемуары писателей, ученыхъ, государственныхъ дѣятелей. Въ эпоху возрожденія всякаго рода надеждъ, не исключая и литературныхъ, писатель, составившій себѣ имя въ царствованіе Николая I, какъ беллетристъ, сообщалъ охотно всѣмъ своимъ знакомымъ, что теперь онъ имѣетъ возможность написать свои воспоминанія, которыя будутъ гораздо интереснѣе его повѣстей. Воспоминаніямъ этимъ было суждено нерѣдко являться въ свѣтъ только послѣ смерти ихъ автора и оставаться неоконченными. Послѣднее условіе неизбѣжно для тѣхъ, кто слишкомъ поздно принимается за свои записки и не ведетъ ихъ съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности. Собираніе подъ старость своихъ воспоминаній о молодыхъ годахъ лишаетъ ихъ часто свѣжести, а иногда даже исторической и, въ особенности, хронологической вѣрности. Послѣднимъ недостаткомъ страдаютъ и записки Сологуба, появившіяся первоначально въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и возбудившія въ печати нѣсколько замѣтокъ о неточности иныхъ показаній автора, и при жизни не отличавшагося строгою послѣдовательностью своихъ выводовъ. Нѣкоторое легкомысліе сужденій и поверхностность наблюденій, свойственныя характеру писателя, не лишаютъ однако его записокъ большаго интереса, хотя интересъ этотъ сосредоточивается преимущественно на анекдотахъ изъ жизни высшаго общества, къ которому принадлежалъ Сологубъ. Это записки не писателя, а свѣтскаго человѣка. Даже о своихъ собственныхъ произведеніяхъ онъ говоритъ вскользь и мелькомъ, вѣ-

роятно, разсчитывая поговорить объ нихъ подробнѣе впослѣдствіи. Но смерть не позволила ему окончить даже своихъ великосвѣтскихъ воспоминаній, хотя онъ умеръ, перейдя уже за 60-лѣтній возрастъ—предѣлъ, переживаемый немногими русскими писателями. Но Сологубъ, безпечный и во многихъ житейскихъ отношеніяхъ, былъ довольно равнодушенъ къ своимъ литературнымъ трудамъ. Человѣкъ тридцатыхъ годовъ (первая повѣсть «Два студента» появилась въ 1837 году) онъ самъ былъ удивленъ успѣхомъ, встрѣтившимъ въ началѣ сороковыхъ годовъ его повѣсти: «На сонъ грядущій,» «Аптекарша,» «Исторія двухъ калошъ» и пр. Новыя вѣянія не имѣли вліянія на дальнѣйшее развитіе этого дарованія и съ 1857 г. онъ уже почти ничего не писалъ, кромѣ случайныхъ, незначительныхъ вещей. А ему не было въ то время и 45-ти лѣтъ. Но, какъ многіе люди той эпохи, онъ, въ виду возникшихъ реформъ, не удовольствовался ролью писателя и званіемъ придворнаго, а счелъ себя также реформаторомъ,—занялся статистикою и, въ особенности, тюрьмовѣдѣніемъ. На изслѣдованіе и изученіе русскихъ и иноземныхъ тюремъ онъ убилъ много времени и, конечно, безплодно. Нашихъ тюремъ онъ не улучшилъ, а отъ литературы отсталъ и только въ своихъ воспоминаніяхъ явился прежнимъ бойкимъ, остроумнымъ, интереснымъ разскащикомъ, не лишеннымъ юмора и наблюдательности. Въ девяти главахъ его записокъ немало найдется меткихъ характеристикъ разныхъ высосопоставленныхъ и придворныхъ особъ; о литераторахъ онъ говоритъ меньше, хотя, конечно, зналъ близко многихъ изъ нихъ. Но и въ своихъ запискахъ, какъ и въ жизни, Сологубъ всегда былъ больше камергеромъ и тайнымъ совѣтникомъ, чѣмъ литераторомъ. Вообще его воспоминанія непослѣдовательны, отрывочны, безсистемны; онъ часто перескакиваетъ въ нихъ отъ одного лица и предмета къ другому, отъ давно минувшихъ дѣлъ къ современнымъ событіямъ, нерѣдко путаетъ эти дѣла и событія, многаго не досказываетъ. Это еще понятно по отношеніямъ автора къ высокопоставленнымъ или великосвѣтскимъ лицамъ, съ которыми онъ былъ въ родствѣ, но и говоря о писателяхъ, онъ не договариваетъ всего, что̀ знаетъ. Такъ, по поводу своего родства съ Архаровыми, упоминая на первыхъ же страницахъ о старѣйшемъ русскомъ журналистѣ А. А. Краевскомъ, онъ только вскользь говоритъ объ отношеніяхъ его къ тому же семейству, что̀ не даетъ возможности провѣрить, правду ли говоритъ Гречъ въ своихъ запискахъ о томъ же журналистѣ, которому также давно пора бы издать воспоминанія своей полувѣковой дѣятельности въ лучшемъ русскомъ журналѣ: «Отечественныя Записки» и о двадцатидвухлѣтнемъ редактированіи газеты: «Голосъ.» Да и въ воспоминаніяхъ Сологуба, мѣстами слишкомъ поверхностныхъ, онъ могъ бы, конечно, многое возстановить и пополнить, какъ серьезный и опытный журналистъ. Прошлому царствованію у Сологуба посвящены только двѣ послѣднія

главы, да и тѣ оканчиваются пятидесятыми годами и заключаютъ въ себѣ описаніе его поѣздки въ Парижъ для осмотра иностранныхъ театровъ. Сологубъ считалъ себя знатокомъ и въ театральномъ дѣлѣ, хотя также напрасно, какъ и въ тюремномъ: его сценическія произведенія гораздо слабѣе беллетристическихъ. Но николаевское время очерчено въ запискахъ очень живо и интересно. Тутъ любопытны характеристики Глинки, Гоголя, Пушкина, Некрасова, Одоевскаго, Лермонтова, Тургенева; авторъ зналъ ихъ близко, но все таки говоритъ объ нихъ меньше, чѣмъ о своихъ князьяхъ и графахъ; свое пребываніе въ деритскомъ университетѣ онъ очерчиваетъ слишкомъ блѣдно, свое пребываніе на Кавказѣ и службу у Барятинскаго—слишкомъ кратко. Свѣдѣнія о дуэли Пушкина нуждаются въ строгой провѣркѣ. Но все это не мѣшаетъ воспоминаніямъ Сологуба быть очень интересными. На портретѣ, приложенномъ къ книгѣ, онъ изображенъ совершенно молодымъ человѣкомъ.

Н. М. Минскій. **Стихотворенія.** 1887.

Елисей Разбѣгаевъ, романъ въ стихахъ. *Л. Гусляжа.* 1886.

Въ послѣднее время, наши органы общественнаго мнѣнія заговорили опять о поэзіи, конечно, не ея ради, а по поводу журнальныхъ сплетенъ объ одномъ умершемъ поэтѣ и газетной полемики о другомъ. Ни сплетни, ни полемика не относятся къ области библіографіи, и мы отведемъ имъ мѣсто въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала, а здѣсь поговоримъ о двухъ выдающихся явленіяхъ въ мірѣ поэзіи, гдѣ чуть не ежедневно является множество новыхъ именъ, отъ которыхъ не остается ничего, даже имени, такъ какъ и оно очень скоро забывается. Изъ поэтовъ послѣдней формаціи, г. Минскій обратилъ на себя вниманіе читателей и теперь является съ объемистымъ томомъ своихъ стихотвореній, въ которомъ помѣщено до 80 небольшихъ пьесъ и шесть поэмъ (одна изъ нихъ драматическая). Въ этихъ пьесахъ, поэтъ является уже съ достаточно опредѣлившеюся физіономіею, не позволяющею смѣшивать его съ другими собратами. И по формѣ, и по содержанію, стихи г. Минскаго выдаются изъ массы стихотворныхъ произведеній, наводняющихъ нашу журналистику. Это уже не перепѣвы плещеевскихъ мотивовъ, какъ большая часть стиховъ Надсона, а своеобразныя пьесы, отличающіяся не только искреннимъ чувствомъ, но и мыслью. Преобладающая тема стихотвореній г. Минскаго—скорбь—та же, что у всѣхъ современныхъ поэтовъ, но онъ поетъ не о своемъ родномъ Сіонѣ, какъ Фругъ, не о самомъ себѣ, какъ Надсонъ, а скорбитъ о человѣчествѣ, о мірѣ. Это та же Weltschmerz, но не расплывающаяся въ туманныхъ образахъ, какъ у нѣмецкихъ поэтовъ, не разражающаяся богохульствами французовъ, а сосредоточенная въ самой себѣ и даже порою ищущая утѣшеній. О еврейскихъ мотивахъ, въ его стихахъ нѣтъ и помину и хотъ онъ ждетъ мессіи, но больше аллегорически, радуется воскресенію Христа и тоскуетъ о томъ, что еще не воскресъ человѣкъ. Муза

зоветъ его не къ наслажденіямъ, не къ борьбѣ, а къ искавію истины, къ пробужденію совѣсти въ людяхъ, или,—какъ выражается поэтъ черезчуръ фигурально,—къ «совѣсти міросданія». Русская печаль «чуждается проклятій, робка, утрюма и тяжкій крестъ несетъ безъ шума, проливая невидимыя слезы». И эти «слезы безъ числа»—сберегла намъ муза г. Минскаго,—напрасно только «безъ числа». Немножко поменьше стихотвореній все на одну и ту же слезливую тэму убавили бы, конечно, вышедшій нынѣ сборникъ, но придали бы ему гораздо болѣе значенія. Слишкомъ много слезъ также не слѣдуетъ тратить, какъ слишкомъ много цвѣтовъ. Побольше такихъ пьесъ, какъ «Передъ зарей», «Весталки», «Геній и трудъ», гдѣ больше утѣшенія, чѣмъ скорби, и стихи г. Минскаго не страдали бы однообразіемъ... Надъ могилой Кавелина поэтъ хоть и находитъ, что мы только напрасно рвались куда-то и что Россія «могилами богата», но прибавляетъ, что есть время, когда утѣшаютъ и могилы: ужели безсиленъ тотъ край, гдѣ выросли эти могучія силы? «Въ могилѣ того, надъ кѣмъ плачетъ страна, грядущее спитъ въ колыбели». Но такихъ прекрасныхъ, успокоительныхъ пьесъ, повторяемъ, въ сборникѣ немного; бо́льшая часть ихъ проникнута скорбью, даже отчаяніемъ, какъ «На чужомъ пиру», гдѣ поэтъ прямо говоритъ, что въ его отчизнѣ нѣтъ счастія, что она «на груди своей и ядовитыхъ змѣй, и кроткихъ голубей не разъ отогрѣвала, лишь про дѣтей своихъ всегда позабывала.» «Когда же ощутишь ты жажду жизни?» спрашиваетъ онъ дальше: «когда начнетъ народъ твой знаніе любить, когда про нужду позабудетъ, и горя-горькаго не будетъ ни въ будни накоплять, ни въ праздники топить?» Эта, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная пьеса, оканчивается еще болѣе тяжелыми стихами: «во тьмѣ осталась ты, подобная рабѣ, и сталъ твой жребій—скорбь, а имя—слово брани, о родина моя, о родина терзаній!» Поэта упрекали въ томъ, что, называя своими наставниками Пушкина и Лермонтова, онъ укоряетъ ихъ въ томъ, что они были только безпечными пѣвцами прекраснаго «и даже демона заставили шептать признанья кроткія»? тогда какъ демонъ г. Минскаго не шепчетъ нѣжныхъ словъ, а говоритъ, что «этотъ міръ блестящій похожъ на древній храмъ египетскихъ царей: порфиръ и хризолитъ, сіяніе чертога, молящихся толпа, жрецовъ поющихъ рядъ, но тамъ въ святилищѣ, но тамъ, на мѣстѣ Бога, стоитъ священный быкъ, и спитъ священный гадъ». Но развѣ не то же говорятъ и всѣ современные поэты, обвиняя, и не безъ основанія, нашъ вѣкъ въ поклоненіи золотому тельцу и мамонѣ? Скорѣе можно упрекнуть г. Минскаго въ томъ, что онъ нашелъ кроткія и нѣжныя слова въ пушкинскомъ демонѣ, не хотѣвшемъ «ничего благословить во всей природѣ». Наконецъ, въ этой же пьесѣ поэтъ говоритъ о себѣ: «жалокъ я себѣ въ своихъ стихахъ туманныхъ, и грустно мнѣ, что въ нихъ такъ мало простоты». Считая людей стадомъ, а исторію сказаніемъ о глупости народовъ, поэтъ—врагъ войны и всякаго насилія.

Въ прекрасномъ стихотвореніи «Любовь и мечъ» любовь проситъ Бога указать ей край, гдѣ бы мечъ не былъ владыкой. Богъ отвѣчаетъ, что «подъ луною не найти такого края, и отворяетъ ей двери рая. Но, въ этихъ дверяхъ стоитъ также съ мечомъ «духъ нетлѣнный» (плохой эпитетъ къ другому, еще болѣе плохому: мечъ надменный). Испуганная любовь «не вступила въ сѣни рая и на землю не вернулась». Въ другой пьесѣ безъ названія поэтъ говоритъ: «быть можетъ, никогда такъ страстно міръ не ждалъ пророческаго слова. Лишь слово царствуетъ—мечъ былъ рабомъ всегда. Лишь словомъ созданъ свѣтъ, лишь имъ создастся снова». Этими прекрасными стихами—хоть они и противорѣчатъ приведенной выше пьесѣ—можно было бы заключить характеристику г. Минскаго, но у него есть еще шесть поэмъ, о которыхъ надо сказать нѣсколько словъ. Всѣ онѣ—не выдержаны, мало содержательны, туманны. Это не свойственъ чисто лирическому дарованію г. Минскаго; но во всѣхъ его поэмахъ есть художественныя, отдѣльныя картины. Такъ, въ «Бѣлыхъ ночахъ» прекрасно очерчены: всепрощающая кроткая женщина и самоубійца, искавшій прямой дороги въ жизни, но встрѣтившій, какъ въ сказкѣ, надпись на распутьи: «пойдешь вправо—жди совѣсти тяжкой потери, пойдешь прямо—съѣдятъ тебя лютые звѣри, а налѣво пойдешь—станешь звѣремъ ты самъ. И заснуть, о друзья, предпочелъ я въ преддверьѣ»—прибавляетъ несчастный. Въ «Пѣсняхъ о родинѣ» хороши картины Рейна, Колизея, но родина обрисована очень блѣдно. Въ «Фантазіи» мастерски очерчены созиданіе вавилонскаго столба и вражда съ богами. Поэма оканчивается мыслью, что и нашъ вѣкъ созидаетъ свой столбъ, но не каменный, а «изъ чистыхъ помысловъ, святаго состраданья, изъ подвиговъ любви, изъ безкорыстныхъ думъ. Герой принесъ свой пылъ, поэтъ свои мечтанья, мудрецъ испытанный свой умъ». Но не смететъ ли его вновь гроза? спрашиваетъ поэтъ въ заключеніе? Поэмы: «Прокаженный» и «Счастіе Прометея» очень туманны. Въ драматической поэмѣ «Смерть Кая Гракха», свидѣтельствующей о близкомъ знакомствѣ г. Минскаго съ исторіей и духомъ древняго Рима, хорошо очерчены второстепенныя лица: старикъ Помпоній, молодой Леторій, рабъ Эвпоръ, низкій Септимулей, но самъ Гракхъ чрезвычайно блѣденъ и сценическое дѣйствіе вообще очень слабо развито.

Написать хорошую поэму въ наше время—дѣло не легкое. У современныхъ поэтовъ не хватаетъ на это ни силъ, ни вдохновенія. Почти годъ мы не рѣшались даже прочитать романъ въ стихахъ, «Елисей Разбѣгаевъ», и отнеслись съ недовѣріемъ къ книгѣ въ 3800 стиховъ слишкомъ. Но, ознакомившись съ нею, не можемъ не обратить на нее вниманіе читателей, тѣмъ болѣе, что не встрѣчали объ ней отзыва въ нашей журналистикѣ. Содержаніе поэмы не сложно, но задумана она довольно оригинально и написана хорошимъ стихомъ. Герой ея—врачъ и героиня тоже, конечно, женщина-врачъ. На дебаркадерѣ желѣзной дороги «десятый

поѣздъ ужь столица шлетъ за Балканы: для войны гвардейцы стали вдругъ нужны». О войнѣ и ея орудіяхъ—солдатахъ—авторъ отзывается даже съ озлобленіемъ; онъ говоритъ: «Намъ дали ружья и патроны, сказали: п-ли! и мы палимъ. Въ кого? за что? на то законы и власть. Отвѣта не дадимъ, ни человѣку мы, ни Богу за подневольныя дѣла. Въ насъ искра божія была, когда ходили мы не въ ногу, но дисциплина и ружье совсѣмъ задули въ насъ ее». Наполеона авторъ называетъ невмѣняемымъ глупцемъ, Александра Македонскаго — бѣшенымъ саврасомъ и ставитъ ихъ не выше Аттилы. На дебаркадерѣ прощается со своимъ женихомъ-докторомъ, отправляющимся на войну, молодая вдова, но не этотъ докторъ—герой поэмы, а его товарищъ, тоже врачъ, Разбѣгаевъ, остающійся утѣшать вдову — невѣсту. Не смотря на то, что его «на свѣтъ родилъ Создатель,—безъ нѣжныхъ словъ,—немножко пнемъ», онъ до того утѣшаетъ ее, что она совсѣмъ забываетъ своего жениха, имѣвшаго, сверхъ того, неделикатность пригласить ее въ Болгарію—сестрою милосердія. Невѣста, разумѣется, не ѣдетъ и остается жить съ Разбѣгаевымъ. Но война оканчивается и неловкое положеніе невѣрнаго друга облегчается тѣмъ, что ему привозятъ изъ Болгаріи письмо убитаго товарища, искавшаго смерти, потому что не стоитъ жить, видя всѣ ужасы всѣ страданія, какія приноситъ война. Самопожертвованіе очистившаго мѣсто товарищу оказывается, однако, безполезнымъ: вдова разрываетъ связь съ ложнымъ другомъ и выходитъ замужъ, а онъ, очень скоро утѣшившись, ѣдетъ въ одинъ изъ приволжскихъ городовъ—служить народу своими медицинскими знаніями. Одна глава поэмы посвящена описанію этого путешествія. Картины Рыбинска, Ярославля, Костромы, Нижняго Новгорода, Казани, историческія воспоминанія о Маринѣ, Ѳедорѣ Волковѣ, Биронѣ, Мининѣ, Иванѣ Грозномъ, этомъ «великомъ психопатѣ»,—все это набросано бойкими, звучными стихами, которые страдаютъ, только мѣстами, неправильными удареніями да слишкомъ мелкимъ юморомъ. На мѣстѣ служенія Разбѣгаевъ сходится съ женщиной-врачемъ, лѣчащей бабъ и дѣтей, увлекаетъ ее громкими фразами о честномъ трудѣ, о служеніи народу. Она влюбляется въ него, но скоро прискучаетъ ему. Онъ начинаетъ рваться въ Петербургъ, зоветъ ее съ собою и, когда она не хочетъ измѣнить своимъ обязанностямъ, бросаетъ ее, говоря, что «всегда готовъ помочь родному краю, но не среди такихъ скотовъ». Пріѣхавъ въ городъ,—который «первый поднялъ оперету въ недосягаемую высь, мечты благія бросилъ въ Лету и идеаламъ рявкнулъ: брысь!», въ «первый градъ святой Россіи, гдѣ появился нигилистъ, и расплодился шантажистъ»,—Разбѣгаевъ однако и самъ дѣлается скотомъ, пьетъ, кутитъ, воспѣваетъ проститутокъ, ругаетъ цѣлый свѣтъ, «не находя большого худа, что не живемъ мы, а дуримъ» и забывая предсмертныя слова въ письмѣ своего друга, убитаго въ Болгаріи: «Живи, но такъ, чтобы съ улыбкой вступившую на твой порогъ

смерть—каждый часъ ты встрѣтить могъ». Этими стихами оканчивается поэма, представляющая, несмотря на всѣ ея недостатки, все таки далеко не заурядное произведеніе. Въ немъ, кромѣ очерченныхъ характеровъ, картинъ петербургской и провинціальной жизни, много прочувствованныхъ эпизодовъ: о Некрасовѣ, курсисткѣ Витте, умершемъ отъ голода докторѣ Илинскомъ, сознательно пожертвовавшимъ своею жизнью для спасенія бѣдняковъ. Побольше отдѣлки и выдержанности, поменьше дешеваго остроумія, мѣстами напоминающаго юморъ нашей мелкой, уличной печати—и поэма неизвѣстнаго автора (*Л. Гуслякъ* — очевидно, псевдонимъ) могла бы назваться замѣчательнымъ явленіемъ, даже въ наше стихообильное время.

Ан. П. Чеховъ. **Въ сумеркахъ.** Очерки и разсказы. Спб. 1887.

Г. Чеховъ—писатель послѣдней, новѣйшей формаціи, человѣкъ восьмидесятыхъ годовъ. Намъ уже приходилось отдавать отчетъ о двухъ первыхъ сборникахъ его разсказовъ. Первый, изданный имъ подъ полупсевдонимомъ Чехонте, заключалъ въ себѣ очерки театральнаго міра,—къ которому, какъ кажется, принадлежалъ авторъ,—и доказывалъ въ немъ несомнѣнный, хотя еще не развившійся и не установившійся талантъ. Второй сборникъ, вышедшій въ прошломъ году, подъ названіемъ «Пестрые разсказы», въ общемъ составлялъ, къ сожалѣнію, шагъ назадъ. Талантъ, по прежнему, высказывался въ нѣкоторыхъ очеркахъ, но большинство ихъ было написано, какъ видно, на скорую руку, для наполненія еженедѣльнаго да еще юмористическаго журнала,—а кто же не знаетъ, какова наша подцензурная юмористика. Тяжелая необходимость скорописанія и многописанія ярко высказывалась въ этихъ слабыхъ, незаконченныхъ, неотдѣланныхъ наброскахъ. Можно было усомниться въ томъ, разовьется ли это дарованіе, не сойдетъ ли авторъ въ цехъ борзописцевъ, подававшихъ надежды но неоправдавшихъ ихъ. По счастью, авторъ не палъ подъ гнетомъ мелкой прессы и началъ печататься въ болѣе читаемыхъ органахъ. Чаще всего очерки его помѣщались въ «Новомъ Времени», и вышедшій теперь сборникъ состоитъ, большею частью, изъ статей, помѣщенныхъ первоначально въ этой газетѣ, только дополненныхъ и исправленныхъ, какъ разсказъ «На пути», лучшій и самый обширный изъ всѣхъ 16-ти разсказовъ сборника, хотя и не превышающій 30-ти страницъ. Но въ немъ такъ хорошо и рельефно очерченъ типъ русскаго неудачника съ теплымъ сердцемъ и безалаберной головою, какъ не удавалось его изобразить и на сотнѣ страницъ болѣе опытнымъ беллетристамъ. Такою же сжатостью и типичностью отличаются разсказы: «Вѣдьма», гдѣ особенно выдается трагикомическая личность дьячка, считающаго вѣдьмой свою молодую сварливую жену; «Мечты»—мастерская характеристика бродяги, не помнящаго родства; «Вѣрочка»—типъ провинціалки, полюбившей холоднаго петербуржца; «Панихида», гдѣ деревенскій лавочникъ проситъ помянуть «за упокой его дочь, блудницу Марію»; «Дома»—гдѣ прокуроръ старается, очень неудачно, объяснить своему маленькому сыну, почему не слѣдуетъ

лгать и красть. Разсказъ «Въ судѣ» изображаетъ вѣрно канцелярски-апатическія отношенія суда къ подсудимымъ, но содержаніе разсказа скомкано и темно. «Недоброе дѣло» и «Безпокойный гость»—простые анекдоты, но очень живо разсказанные; въ «Пустомъ случаѣ»—опять недурной типъ прогорѣвшаго помѣщика, безтолковаго, но добраго и честнаго. «Несчастье» —этюдъ женскаго сердца, увлеченнаго къ паденію любовью сильной натуры, хотя бѣдная замужняя женщина и не раздѣляетъ сначала этой любви, убивающей ея семейное спокойствіе. Въ «Событіи» авторъ рисуетъ типы дѣтей также удачно, какъ взрослыхъ. «Агафья» — изображеніе грубой, животной, но вѣрно обрисованной страсти въ нашемъ простонародьѣ. «Враги»—полный драматизма разсказъ о столкновеніи двухъ семейныхъ несчастій: смерти ребенка и бѣгства жены. Въ очеркахъ «Кошмаръ» и «Святою ночью», выведены художественные типы бѣднаго сельскаго священника и монаха. Во всѣхъ этихъ разсказахъ г. Чеховъ является не только психологомъ и тонкимъ наблюдателемъ, но и настоящимъ художникомъ. Его описанія природы довольно картинны, поэтичны и нѣсколько напоминаютъ манеру Тургенева. Отдѣлка подробностей—старательная. Русская литература будетъ ждать отъ г. Чехова болѣе обширнаго серьознаго произведенія.

А. С. Вирениусъ. **Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ.** Причины появленія и распространенія заразныхъ болѣзней въ учебныхъ заведеніяхъ и мѣры къ ихъ предотвращенію со стороны администраціи. С.-Петербургъ. 1887. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ послѣднее время, на Западѣ обращено особое вниманіе на заразныя болѣзни въ школахъ. Если и нельзя прямо обвинять школу въ зарожденіи этихъ болѣзней, то, во всякомъ случаѣ, можно считать ее однимъ изъ главныхъ очаговъ ихъ распространенія. Въ родительскомъ домѣ отрокъ несравненно надежнѣе оберегается отъ зараженія корью, скарлатиной и т. п., нежели въ стѣнахъ учебнаго заведенія. Вотъ почему указаніе мѣръ и средствъ къ предупрежденію заразныхъ болѣзней въ школахъ надо считать насущною потребностью.

Сочиненіе нашего извѣстнаго гигіениста, д-ра А. С. Вирениуса, какъ видно, имѣетъ цѣлью представить именно эти указанія, т. е. дать родителямъ и педагогамъ то, что̀ необходимо къ спасенію дѣтей отъ различныхъ эпидемическихъ заболѣваній.

Изложеніе книги отличается, на первый взглядъ, нѣкоторыми излишними подробностями; но виною этому оказывается главнымъ образомъ: незаконченность научныхъ изслѣдованій касательно школьныхъ заразныхъ болѣзней, неодинаковость мнѣній авторовъ и, потому, неустановленность окончательнаго научнаго вывода касательно той или другой заразной болѣзни. Авторомъ не забыты существенныя подробности относительно мѣръ, какъ къ устраненію передачи заразы въ стѣнахъ учебнаго заведенія и родительскаго дома, такъ и къ изолированію заразныхъ больныхъ въ гос-

питаляхъ. Изложеніе отличается общедоступностью и практичностью, не смотря на всю сложность мѣропріятій, представляемыхъ современною наукою противъ эпидемическихъ заболѣваній,—и потому можно полагать, что книга принесетъ большую пользу лицамъ, которыя пожелаютъ воспользоваться ея указаніями для обезпеченія своихъ дѣтей и питомцевъ отъ зараженія различными эпидемическими болѣзнями. Желаемъ ей полнаго успѣха.

По дальнему востоку. Путевыя записки и воспоминанія *М. Г. Гребенщикова*. Спб. 1887 г.

Гдѣ-то г. Глѣбъ Успенскій выводитъ купца, который кается въ томъ, что онъ и ему подобные «испакостили леформа». По прочтеніи книги г. Гребенщикова, начинаешь искать, кто «испакостилъ» намъ дальній востокъ? Напрасный вопросъ, ибо его рѣшить нельзя. «На Амурѣ истины добиться трудно, — говоритъ авторъ: всѣ валятъ вину другъ на друга; одинъ говоритъ одно, другой—другое. Къ распознанію дѣла и его сути—частнаго человѣка и не допустятъ, а власть имущаго такъ обставятъ, что онъ ровно ничего не пойметъ». Намъ однако кажется, что уголокъ завѣсы нѣсколько приподнятъ авторомъ въ его характеристикѣ амурскаго администратора. Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ: «Каждый администраторъ недоволенъ тѣмъ, что нужно сдѣлать. Но амурскій администраторъ обыкновенно сугубо недоволенъ и сугубо переполненъ. Если обыкновенный администраторъ, по большей части, въ сущности сводитъ всѣ свои мечтанія о переустройствѣ къ толченію воды въ ступѣ, то его собратъ—амурецъ непремѣнно утопистъ. Попавъ изъ непривычной департаментской атмосферы на вольный воздухъ окраины, не имѣя надобности писать ежедневно десятки отношеній и донесеній, онъ старается замѣнить привычное занятіе новымъ—составленіемъ *проэктовъ*. Съ этими проэктами онъ не разстается нигдѣ. Ѣдетъ по вьючной странѣ на крохотной корейской лошадкѣ—и излагаетъ своему спутнику планъ превращенія окружающей тайги въ шелковичныя плантаціи, при помощи продажи за безцѣнокъ крупныхъ участковъ и учрежденія должности инспектора шелководства. Увидитъ удобную бухточку—и проэктируетъ возникновеніе въ ней богатаго порта, при помощи акціонерной комисіи съ субсидіей...» Субсидіи на Амурѣ очень любятъ.

Въ живой литературной формѣ авторъ иллюстрируетъ печальное состояніе нашего «дальняго востока». Предъ нами проходятъ—переселенцы, администраторы, судьи, предприниматели, офицеры; русскіе колонисты и переселившіеся китайцы и корейцы; неприглядные общественные нравы Владивостока и *порядки* амурскаго края; наконецъ, картинки природы. Описаніе русскаго дальняго востока удачно оттѣняется другой частью книги, гдѣ авторъ говоритъ тоже о дальнемъ востокѣ, но уже не нашемъ, а англійскомъ и японскомъ.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ „Наблюдателя").

„За мое Жито"...

Не везетъ совсѣмъ идеѣ
Всеславянской нынѣ что-то,
И въ дѣлахъ «объединенья»
Все выходятъ недочеты.
Не щадя ни жертвъ, ни крови
Для болгарскаго народа,
За славянъ освобожденье
Воевали мы два года,
Побѣдили всюду турокъ,
Чуть Царьградъ не полонили,—
И въ концѣ концовъ.... со швабомъ
Босняковъ объединили.
Мы на сборищѣ берлинскомъ
Разводили тары-бары—
И подъ княженьемъ нѣмецкимъ
Очутилися болгары...
Братцы-сербы тотчасъ съ ними,
Подъ защитой и прикрытьемъ
Дипломатовъ, обмѣнялись—
Самымъ братскимъ мордобитьемъ.
Не остался безъ послѣдствій
Сей примѣръ славянской розни:—
Кто-то въ «Обществѣ Одесскомъ»,
Обличая чьи-то козни,
На торжественномъ собраньѣ
Обругалъ болгаръ-братушекъ;
Показалось оскорбленье
Имъ страшнѣе сербскихъ пушекъ,

И давай они изъ залы
Удирать, что̀ было силы...
И остались въ Одессѣ
Безъ славянъ—славянофилы!...

Балалайкинъ.

Критическое откровеніе.

Не могу никакъ понять я,
Чѣмъ великъ графъ Левъ Толстой,
Что его всѣ безъ изъятья
Прославляютъ на убой?
Онъ сугубо либералъ
И превратныхъ полнъ идей...
То ли дѣло, вотъ, Булгаринъ
Былъ, по имени Ѳаддей;
Или Кукольникъ великій
Иль Загоскинъ—нашъ колоссъ—
Иль редакторъ Вольфъ Маврикій,
Иль Маркевичъ—славный россъ;
Или пламенный піита,
Князь Мещерскій знаменитый,
Нашъ бомондный драматургъ,
Что̀ залѣзъ въ Александринку,—
И комедійну новинку
Освисталъ лжс-Петербургъ.
Что̀ предъ ними искуситель,
Оглашенный Левъ Толстой!..
Чистыхъ душъ онъ развратитель,
И безнравственный, и злой;
Онъ отечества предатель,
Вольтерьянецъ, фармазонъ;
Онъ—зловреднѣйшій писатель;
Атеистъ проклятый онъ.
Онъ антихриста исчадье,
Апокалипсиса гадъ—
И, его читая, братья,
Вы грядете прямо въ адъ!

Б—инъ.

Въ духѣ времени.

Было время — былъ я молодъ,
Ощущалъ любви я голодъ —
И влюбился разъ!
Усмотрѣвъ въ одной голубкѣ
Божество земное въ юбкѣ —
Подъ вѣнецъ сейчасъ!...

Но представьте! Прямо съ бала
Новобрачная пропала
Ровно на три дня...
И не зналъ я — эка долька! —
Мужъ ли я, женихъ ли только
Числюсь у нея!..

Возвратясь чрезъ трое сутокъ,
Мнѣ она безъ всякихъ шутокъ
Объявила такъ:
«Ты, мой другъ, мнѣ помѣшаешь,
Какъ? — и самъ ты понимаешь,
Если не дуракъ!

«Въ силу этой-то причины
Намъ нужны двѣ половины
Для *своихъ* гостей, —
А пока нѣтъ помѣщенья,
Буду жить я, безъ стѣсненья,
Съ маменькой моей!»

В. О.

Дама изъ Амстердама.

(романсъ).

Не говори, что эта дама
Страннѣе разныхъ прочихъ дамъ:
Узнай, она изъ Амстердама—
И ясно все поймешь ты самъ.

Въ каютѣ изъ кадрополана
Она гуляетъ по утрамъ;
Ея плоть изъ Амстердама
Черезъ таможню прибылъ къ намъ.
Безъ предсказаній Нострадама,
Безъ всякой помпы, безъ рекламъ,
Черезъ Гарлемъ изъ Амстердама
Она переселилась къ намъ.
Души высокой коморама
Блескъ придаетъ ея глазамъ,
И тайны быта Амстердама
Ты подглядѣть съумѣешь тамъ.
Вся жизнь ея сплошная драма,
Притомъ изъ вопіющихъ драмъ,—
Вотъ почему изъ Амстердама
Она переселилась къ намъ.
Веселый видъ—одна лишь рама
Ея печалитъ и скорбитъ;
Ахъ! и на стогнахъ Амстердама
Жизнь тяжела инымъ людямъ!
Натерпѣлась порою срама,
За что? не знаю, дама, самъ...
Не такъ легко изъ Амстердама
Переселиться было къ намъ!
Летитъ простая телеграмма:
«Все кончено: я ѣду къ вамъ!»
И уроженка Амстердама
Помчалась по ея слѣдамъ.
Такъ пусть же смолкнетъ эпиграмма,
Когда она подходитъ къ вамъ,—
Увы, она изъ Амстердама
И, значитъ, все понятно намъ!..

Капитанъ Соболѣзновъ.

Любовный монологъ классика.

Meorum stella oculorum,
Regina cordis mei! Я
Передъ твоимъ небеснымъ взоромъ

Нѣмѣю, страсть къ тебѣ тая.
Одна лишь ты—моя отрада
Въ зубренья скучные часы!
Ни Римъ, ни самая Эллада
Такой не видѣли красы!...
Когда бы древнія Аѳины
Твой ликъ и станъ твой зрѣть могли,—
Онѣ тебя бы, вмѣсто Фрины,
Красы царицей нарекли.
Одна ты—краше всѣхъ трехъ грацій,
Венера предъ тобой—уродъ!
Когда бы жилъ теперь Горацій,
Онъ потерялъ бы пѣснямъ счетъ...
Такъ не любилъ Парисъ Елену,
Какъ страстно я тебя люблю!
Люби меня! Тебѣ въ замѣну
Любви Элизій и сулю...
Клянусь Гомера Иліадой,
Ты мнѣ всѣхъ классиковъ милѣй!
Да будетъ взоръ твой мнѣ наградой
За рядъ безчисленный нулей!
Порукой будетъ Энеида
Или Овидія стихи,
Что тѣни мрачнаго Аида
Не такъ страдаютъ за грѣхи,
Какъ я отъ ревности упрямой
Страдаю, жизнь свою кляня...
Тебя я *amo*, *amo*, *amo*!
Когда жъ полюбишь ты меня?
Ты холодна ко мнѣ, какъ мраморъ...
Я вопію, душой скорбя:
Когда жъ могу сказать я „*amor*“
И „*amo*“ слышать отъ тебя?!...

Случайный Поэтъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 12-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

I. Послѣ брака. Н. Северина . . . . . .
II. Два стихотворенія І. І. Ясинскаго . . . . . .
III. Первые русскіе народники. А. В. Старчевскаго . . . .
IV. Пѣсня. Стихотвореніе О. Чюминой . . . . . .
V. Славный парень. Повѣсть Біорнстьерна Біорнсона. Съ норвежскаго. . . . . .
VI. Рабство „свободнаго труда“. Г. П. Сазонова 1
VII. Два стихотворенія Ѳ. Червинскаго. 1
VIII. Три встрѣчи. (Изъ записокъ моего пріятеля). Мирры В. Туганъ-Барановскаго. 1
IX. Невѣста Нила. Романъ Георга Эберса. (*Окончаніе*). . . 1
X. Поѣздка въ Асхабадъ. (Путевые наброски). А. В—ва. . . 2
XI. Три стихотворенія Ф. Андреева. 2
XII. Разсказы Франсуа Коппе 2
XIII. Русскіе журналы въ 1887 году. О. В. 3
XIV. Любовь и аскетизмъ. Повѣсть К. Френцеля. (*Окончаніе*) . . 3

Современное обозрѣніе.

XV. Очерки иностранной литературы. В. З. . . . . .
XVI. Парижскія письма. К. Д—ча. 1
XVII. Наши внутреннія дѣла 1
XVIII. Политическая хроника 4
XIX. Новыя книги. 6
XX. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“). Стихотворенія: Балалайкина, В. О., Капитона Соболѣзнова и Случайнаго Поэта. 7
XXI. Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

въ 1888 году.

(Двадцатый годъ).

алъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по кденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства днаго Просвѣщенія; удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоя- при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, и почетнаго отзыва — отъ комисіи экспертовъ на Славянской педагогической выставкѣ въ Карлинѣ (Чехія).

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1888-мъ году на прежнихъ аніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ. Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодатель- по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія днаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ жур- хъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — матическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе ресныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ мъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго зованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты бщественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству гимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда вхо- а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго раз- о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ пред- мъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1888 году, по прежнему, ежемѣ- чными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго рта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пять- тъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка имается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», лу Стремянной и Владимірской ул., д. № 1 — 6, кв. 14; въ Москвѣ: въ номъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета, и въ кон- г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность вки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ го журнала за 1880, 1881, 1884, 1885 и 1886 гг. и тѣмъ школамъ, мы, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, ція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а но: вмѣсто 22 р. 50 к. за пять лѣтъ **по 15 руб. съ пересылкою.** При искѣ же на 1888 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 19 руб.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1888 году (Годъ седьмой).

Журналъ будетъ издаваться въ 1888 г. подъ прежней редакц при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварител цензуры.**

Для наступающаго года, въ распоряженіе редакціи поступили у 1) **Именинникъ**, романъ изъ эпохи введенія земскихъ учрежденій (X главъ) *Д. Сибиряка*; 2) **Не намъ судить!** повѣсть *А. Михайлова*; 3) **хія слезы**, повѣсть *Максима Белинскаго*; 4) **Поздняя любовь**, повѣ *Д. Л. Мордовцева*; 5) **Послѣдняя ставка**, разсказъ *Н. Ѳ. Бажина*; 6) вѣсти **Ф. Д. Нефедова** и **Д. И. Стахѣева**; 7) статьи **Я. В. Абрамова, В. О. Михневича, Г. П. Сазонова**, и др.

«**Наблюдатель**» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же ц остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ достав въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за грани

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ дакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1 — 6, кв. 1 **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ У верситета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшав** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, а также во всѣхъ извѣстны книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только пере лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополуд **кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четв гамъ, отъ часу до двухъ.**

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

питаліхъ. Изложеніе отличается общедоступностью и практичностью, не смотря на всю сложность мѣропріятій, представляемыхъ современною наукою противъ эпидемическихъ заболѣваній,—и потому можно полагать, что книга принесетъ большую пользу лицамъ, которыя пожелаютъ воспользоваться ея указаніями для обезпеченія своихъ дѣтей и питомцевъ отъ зараженія различными эпидемическими болѣзнями. Желаемъ ей полнаго успѣха.

По дальнему востоку. Путевыя записки и воспоминанія *М. Г. Гребенщикова*. Спб. 1887 г.

Гдѣ-то г. Глѣбъ Успенскій выводитъ купца, который кается въ томъ, что онъ и ему подобные «испакостили реформи». По прочтеніи книги г. Гребенщикова, начинаешь искать, кто «испакостилъ» намъ дальній востокъ? Напрасный вопросъ, ибо его рѣшить нельзя. «На Амурѣ истины добиться трудно, — говоритъ авторъ: всѣ валятъ вину другъ на друга; одинъ говоритъ одно, другой—другое. Къ распознанію дѣла и его сути—частнаго человѣка и не допустятъ, а власть имущаго такъ обставятъ, что онъ ровно ничего не пойметъ». Намъ однако кажется, что уголокъ завѣсы нѣсколько приподнятъ авторомъ въ его характеристикѣ амурскаго администратора. Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ: «Каждый администраторъ недоволенъ тѣмъ, что нужно сдѣлать. Но амурскій администраторъ обыкновенно сугубо недоволенъ и сугубо переполненъ. Если обыкновенный администраторъ, по большей части, въ сущности сводитъ всѣ свои мечтанія о переустройствѣ къ толченію воды въ ступѣ, то его собратъ—амурецъ непремѣнно утопистъ. Попавъ изъ непривычной департаментской атмосферы на вольный воздухъ окраины, не имѣя надобности писать ежедневно десятки отношеній и донесеній, онъ старается замѣнить привычное занятіе новымъ—составленіемъ *проэктовъ*. Съ этими проэктами онъ не разстается нигдѣ. Ѣдетъ по вьючной странѣ на крохотной корейской лошадкѣ—и излагаетъ своему спутнику планъ превращенія окружающей тайги въ шелковичныя плантаціи, при помощи продажи за безцѣнокъ крупныхъ участковъ и учрежденія должности инспектора шелководства. Увидитъ удобную бухточку—и проэктируетъ возникновеніе въ ней богатаго порта, при помощи акціонерной комисіи съ субсидіей...» Субсидіи на Амурѣ очень любятъ.

Въ живой литературной формѣ авторъ иллюстрируетъ печальное состояніе нашего «дальняго востока». Предъ нами проходятъ—переселенцы, администраторы, судьи, предприниматели, офицеры; русскіе колонисты и переселившіеся китайцы и корейцы; неприглядные общественные нравы Владивостока и *порядки* амурскаго края; наконецъ, картинки природы. Описаніе русскаго дальняго востока удачно оттѣняется другой частью книги, гдѣ авторъ говоритъ тоже о дальнемъ востокѣ, но уже не нашемъ, а англійскомъ и японскомъ.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ „Наблюдателя“).

„За мое Жито“...

Не везетъ совсѣмъ идеѣ
Всеславянской нынѣ что-то,
И въ дѣлахъ «объединенья»
Все выходятъ недочеты.
Не щадя ни жертвъ, ни крови
Для болгарскаго народа,
За славянъ освобожденье
Воевали мы два года,
Побѣдили всюду турокъ,
Чуть Царьградъ не полонили,—
И въ концѣ концовъ... со швабомъ
Босняковъ объединили.
Мы на сборищѣ берлинскомъ
Разводили тары-бары—
И подъ княженьемъ нѣмецкимъ
Очутилися болгары...
Братцы-сербы тотчасъ съ ними,
Подъ защитой и прикрытьемъ
Дипломатовъ, обмѣнялись—
Самымъ братскимъ мордобитьемъ.
Не остался безъ послѣдствій
Сей примѣръ славянской розни:—
Кто-то въ «Обществѣ Одесскомъ»,
Обличая чьи-то козни,
На торжественномъ собраньѣ
Обругалъ болгаръ-братушекъ;
Показалось оскорбленье
Имъ страшнѣе сербскихъ пушекъ,

И давай они изъ залы
Удирать, что̀ было силы...
И остались въ Одессѣ
Безъ славянъ—славянофилы!...

Балалайкинъ.

Критическое откровеніе.

Не могу никакъ понять я,
Чѣмъ великъ графъ Левъ Толстой,
Что его всѣ безъ изъятья
Прославляютъ на убой?
Онъ сугубо либералъ
И превратныхъ полнъ идей...
То ли дѣло, вотъ, Булгаринъ
Былъ, по имени Ѳаддей;
Или Кукольникъ великій
Иль Загоскинъ—нашъ колоссъ—
Иль редакторъ Вольфъ Маврикій,
Иль Маркевичъ—славный россъ;
Или пламенный піита,
Князь Мещерскій знаменитый,
Нашъ бомондный драматургъ,
Что̀ залѣзъ въ Александринку,—
И комедійну новинку
Освисталъ лжс-Петербургъ.
Что̀ предъ ними искуситель,
Оглашенный Левъ Толстой!..
Чистыхъ душъ онъ развратитель,
И безнравственный, и злой;
Онъ отечества предатель,
Вольтерьянецъ, фармазонъ;
Онъ—зловреднѣйшій писатель;
Атеистъ проклятый онъ.
Онъ антихриста исчадье,
Апокалипсиса гадъ—
И, его читая, братья,
Вы грядете прямо въ адъ!

Б—инъ.

Въ духѣ времени.

Было время — былъ я молодъ,
Ощущалъ любви я голодъ —
И влюбился разъ!
Усмотрѣвъ въ одной голубкѣ
Божество земное въ юбкѣ —
Подъ вѣнецъ сейчасъ!...

Но представьте! Прямо съ бала
Новобрачная пропала
Ровно на три дня...
И не зналъ я — эка долька! —
Мужъ ли я, женихъ ли только
Числюсь у нея!..

Возвратясь чрезъ трое сутокъ,
Мнѣ она безъ всякихъ шутокъ
Объявила такъ:
«Ты, мой другъ, мнѣ помѣшаешь,
Какъ? — и самъ ты понимаешь,
Если не дуракъ!

«Въ силу этой-то причины
Намъ нужны двѣ половины
Для *своихъ* гостей, —
А пока нѣтъ помѣщенья,
Буду жить я, безъ стѣсненья,
Съ маменькой моей!»

В. О.

Дама изъ Амстердама.

(романсъ).

Не говори, что эта дама
Страннѣе разныхъ прочихъ дамъ:
Узнай, она изъ Амстердама—
И ясно все поймешь ты самъ.

Въ капотѣ изъ мадрополама
Она гуляетъ по утрамъ;
Ея капоты изъ Амстердама
Черезъ таможню прибылъ къ намъ.
Безъ предсказаній Нострадама,
Безъ всякой помпы, безъ рекламъ,
Черезъ Гарлемъ изъ Амстердама
Она переселилась къ намъ.
Души высокой панорама
Блескъ придаетъ ея глазамъ,
И тайны быта Амстердама
Ты подглядѣть съумѣешь тамъ.
Вся жизнь ея сплошная драма,
Притомъ изъ вопіющихъ драмъ,—
Вотъ почему изъ Амстердама
Она переселилась къ намъ.
Веселый видъ—одна лишь рама
Ея печалямъ и скорбямъ;
Ахъ! и на стогнахъ Амстердама
Жизнь тяжела инымъ людямъ!
Натерпишься порою срама,
За что? не знаю, дама, самъ...
Не такъ легко изъ Амстердама
Переселиться было къ намъ!
Летитъ простая телеграмма:
«Все кончено: я ѣду къ вамъ!»
И уроженка Амстердама
Помчалась по ея слѣдамъ.
Такъ пусть же смолкнетъ эпиграмма,
Когда она подходитъ къ вамъ,—
Увы, она изъ Амстердама
И, значитъ, все понятно намъ!..

Капитонъ Соболѣзновъ.

Любовный монологъ классика.

Meorum stella oculorum,
Regina cordis mei! Я
Передъ твоимъ небеснымъ взоромъ

Нѣмѣю, страсть къ тебѣ тая.
Одна лишь ты—моя отрада
Въ зубренья скучные часы!
Ни Римъ, ни самая Эллада
Такой не видѣли красы!...
Когда бы древнія Аѳины
Твой ликъ и станъ твой зрѣть могли,—
Онѣ тебя бы, вмѣсто Фрины,
Красы царицей нарекли.
Одна ты—краше всѣхъ трехъ грацій,
Венера предъ тобой—уродъ!
Когда бы жилъ теперь Горацій,
Онъ потерялъ бы пѣснямъ счетъ...
Такъ не любилъ Парисъ Елену,
Какъ страстно я тебя люблю!
Люби меня! Тебѣ въ замѣну
Любви Элизій и сулю...
Клянусь Гомера Иліадой,
Ты мнѣ всѣхъ классиковъ милѣй!
Да будетъ взоръ твой мнѣ наградой
За рядъ безчисленный нулей!
Порукой будетъ Энеида
Или Овидія стихи,
Что тѣни мрачнаго Аида
Не такъ страдаютъ за грѣхи,
Какъ я отъ ревности упрямой
Страдаю, жизнь свою кляня...
Тебя я *amo*, *amo*, *amo*!
Когда жъ полюбишь ты меня?
Ты холодна ко мнѣ, какъ мраморъ...
Я вопію, душой скорбя:
Когда жъ могу сказать я „*amor*“
И „*amo*“ слышать отъ тебя?!...

Случайный Поэтъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 12-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

		стр.
I.	Послѣ брака. Н. Северина	5
II.	Два стихотворенія І. І. Ясинскаго	56
III.	Первые русскіе народники. А. В. Старчевскаго	57
IV.	Пѣсня. Стихотвореніе О. Чюминой	77
V.	Славный парень. Повѣсть Біорнстьерна Біорнсона. Съ норвежскаго	78
VI.	Рабство „свободнаго труда“. Г. П. Сазонова	135
VII.	Два стихотворенія Ѳ. Червинскаго	151
VIII.	Три встрѣчи. (Изъ записокъ моего пріятеля). Мирзы В. Туганъ-Барановскаго	152
IX.	Невѣста Нила. Романъ Георга Эберса. (*Окончаніе*)	184
X.	Поѣздка въ Асхабадъ. (Путевые наброски). А. В—ва	272
XI.	Три стихотворенія Ф. Андреева	292
XII.	Разсказы Франсуа Коппе	294
XIII.	Русскіе журналы въ 1887 году. О. В.	310
XIV.	Любовь и аскетизмъ. Повѣсть К. Френцеля. (*Окончаніе*)	340

Современное обозрѣніе.

XV.	Очерки иностранной литературы. В. З.	1
XVI.	Парижскія письма. К. Д—ча	12
XVII.	Наши внутреннія дѣла	24
XVIII.	Политическая хроника	44
XIX.	Новыя книги	60
XX.	Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“). Стихотворенія: Балалайкина, В. О., Капитона Соболѣзнова и Случайнаго Поэта	71
XXI.	Объявленія.	

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

въ 1888 году.

(Двадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, и почетнаго отзыва — отъ комиссіи экспертовъ на Славянской педагогической выставкѣ въ Карлинѣ (Чехіи).

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1888-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Отъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1888 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», у угла Стремянной и Владимірской ул., д. № 1 — 6, кв. 14; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1880, 1881, 1884, 1885 и 1886 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 22 р. 50 к. за пять лѣтъ **по 15 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1888 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 19 руб.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1888 году (Годъ седьмой).

Журналъ будетъ издаваться въ 1888 г. подъ прежней редакці при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительн цензуры.**

Для наступающаго года, въ распоряженіе редакціи поступили ун 1) **Именинникъ**, романъ изъ эпохи введенія земскихъ учрежденій (XX главъ) *Д. Сибиряка*; 2) **Не намъ судить!** повѣсть *А. Михайлова*; 3) **хія слезы**, повѣсть *Максима Бѣлинскаго*; 4) **Поздняя любовь**, повѣ *Д. Л. Мордовцева*; 5) **Послѣдняя ставка**, разсказъ *Н. Ѳ. Бажина*; 6) вѣсти **Ф. Д. Нефедова** и **Д. И. Стахѣева**; 7) статьи **Я. В. Абрамова, В. В. О. Михневича, Г. П. Сазонова**, и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами от 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же ц остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ достав въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за грани

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ дакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1 — 6, кв. 1 **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Ун верситета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, а также во всѣхъ извѣстны книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только пере лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудн **кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четв гамъ, отъ часу до двухъ.**

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Stanford University Libraries
3 6105 004 943 796

STANFORD UNIVERSITY LIBRARI
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 d

DATE DUE

28D APR 28 1994